

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ДОБРОДЕТЕЛЬ

ИНТЕГРАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЛИЯНИЯ
В РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ
КУЛЬТУРУ XVIII ВЕКА

К. Д. Бугров
М. А. Киселев

Библиотека журнала Quaestio Rossica.
Основана в 2016 году

Ural Federal University
Laboratory for the Study of Primary Sources
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS

K. Bugrov and M. Kiselev

Natural Law and Virtue

The Integration of European Influence
into 18th Century Russian Political Culture

Ekaterinburg
Ural University Press
University Press

2016

Уральский федеральный университет
Лаборатория эдиционной археографии

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

К.Д. Бугров, М.А. Киселев

Естественное право и добродетель

Интеграция европейского влияния
в российскую политическую культуру XVIII века

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
Университетское издательство

2016

УДК 32.001
ББК С032.6
Б 902

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук Д.В. Тимофеев;

кандидат исторических наук С.В. Соколов

Издание подготовлено в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в образовательные организации высшего образования, научные учреждения, подведомственные ФАНО, и государственные научные центры Российской Федерации.

Лаборатория эдичионной археографии УрФУ.

Соглашение № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013.

Бугров, К.Д.

Б 902 *Естественное право и добродетель*: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Монография / К.Д. Бугров, М.А. Киселев. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. – 480 с. (Б-ка журнала Quaestio Rossica)

ISBN 978-5-7996-1980-0 (Изд-во Урал. ун-та)

ISBN 978-5-9903496-6-7 (Университетское изд-во)

DOI 10.15826/B 978-5-7996-1980-0

Монография стала результатом изысканий, проводившихся в ходе реализации российско-французского научного проекта «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)». Сложный процесс интеллектуального трансфера в России XVIII в. показан в работе с разных сторон: авторы анализируют корпус печатных переводов европейской морально-политической литературы, прослеживают процессы овладения западными образовательными практиками и, в конечном счете, демонстрируют результаты адаптации новых мыслительных ресурсов на российской почве в качестве концептуального лексикона. В книге подробно рассмотрено два таких глоссария, востребованных отечественными элитами для создания собственных текстов, – *естественное право и добродетель*.

Книга предназначена для специалистов широкого профиля – историков и филологов, политологов и культурологов. Однако адресована она всем, кто интересуется историей родной страны, кто ценит литературу non/fiction и кому интересно проследить перипетии интеллектуального развития России в ту или иную эпоху.

УДК 32.001

ББК С032.6

ISBN 978-5-7996-1980-0
ISBN 978-5-9903496-6-7

© К.Д. Бугров, предисловие, главы 1 и 4, послесловие, 2016

© М.А. Киселев, предисловие, главы 2 и 3, послесловие, 2016

© Уральский федеральный университет, 2016

Предисловие

Интенсивное взаимодействие с Европой можно считать одним из основных социально-культурных процессов в истории России Нового времени. С признания этой аксиомы обычно начинается беседа об актуальности исследований, посвященных интеллектуальному трансферу. Авторы книги начинают свой путь из этой же проверенной временем стартовой точки, но по специфическому маршруту.

Историю о встрече императора Петра I в 1717 г. с малолетним французским королем Людовиком XV, изображенную в 1840 г. художницей Луизой Эрсан, можно интерпретировать как аллегорию российско-европейского взаимодействия: вместо того, чтобы следовать парижскому придворному этикету, Петр поднял маленького короля на руки. Европейский костюм, европейский облик, но поведение – уже не в русской традиции (импульсивный поступок Петра вовсе не вписывался в церемониал московского двора), но и не то, которого должна бы ожидать французская знать, находившаяся на этой аудитории во дворце Ледигьер, а свое собственное, выработанное в итоге культурного синтеза. Интеграция европейского влияния в отечественную культуру была сложной, многогранной и зависевшей от того, каким образом западные идеи оказываются адаптированы к социальному пространству России.

К настоящему времени, на наш взгляд, можно говорить о двух относительно устойчивых исследовательских стратегиях изучения интеллектуального трансфера в российской политической мысли XVIII в.¹

Первая из них – это история артефактов, связанная, прежде всего, с изучением книги. Поскольку последние были основным материальным медиумом культурного трансфера, постольку следует изучать производство и циркуляцию книг. Какие издания иностранных авторов бытовали в России, в виде иноязычных публикаций или русских переводов? Что *читал* тот или иной актер? Что было у него в библиотеке? Отсюда открывается

¹ Авторы отдают себе отчет, что тема интеллектуального трансфера в России XVIII в. изучается давно и плодотворно, что по этой теме существуют многочисленные исследования, и опубликован солидный набор источников. Например, сетевой ресурс «Россия и Запад: взаимосвязи и взаимовлияние (IX – начало XX в.)», созданный совместно сотрудниками Института истории

перспектива конкретный библиографический казус отнести к области чьих-либо интересов и даже позволяет связать актора с той или иной традицией.

Например, наличие в чьей-либо библиотеке текстов Дж. Локка может стать основанием для приписывания ее обладателю антиабсолютистских взглядов. Анализ распространения иностранной литературы позволяет проследивать интеллектуальные тренды эпохи.

Вторая стратегия предполагает анализ истории идей и доктрин, рассматривая тексты и «приписывая» их к тому или иному направлению политической мысли, тому или иному «-изму». В данном случае акцент, скорее, ставится на содержании того или иного текста, на основании которого затем устанавливается и его связь с конкретным идейным направлением. Что *предлагал* тот или иной автор? Раз так, то упор делается не на факте пересечения иностранной книги российской границы, а на перенесении той или иной идеи из иностранной интеллектуальной сферы в российскую. Соответственно, важным оказывается нахождение в том или ином тексте влияния некоего иностранного «-изма». Именно в этом духе – и с помощью характерного марксистского инструментария – анализировал российскую общественную мысль крупнейший советский историк отечественной литературы Г.А. Гуковский: «Элементы революционного мировоззрения накапливались в России второй половины XVIII столетия по мере углубления противоречий феодально-крепостнического строя. ...Россия, все более включаясь в систему европейских государств, не могла не испытывать воздействия глубоких потрясений феодализма под ударами капиталистических и демократических сил»².

Сам по себе факт присутствия того или иного текста в библиотеке автора не позволяет с уверенностью говорить о состоявшемся трансфере. Кроме того, подобная схема презентует процесс трансфера в качестве процесса цивилизования: трактат становится чем-то вроде технической новинки. Доменная печь, например, позволяет развить металлургическое производство, а трактат, ставший достоянием публики – развить идеи либерализма. Чем больше строят печей, тем больше выплавляется металла; чем шире

и археологии УрО РАН и Центральной научной библиотеки УрО РАН под руководством Е.В. Алексеевой, содержит не менее 3,6 тыс. библиографических записей, посвященных XVIII в. [URL: <http://i.uran.ru/ruswest/>]. И это явно не исчерпывающий список. Оттого мы сознательно решили отказаться от специального историографического очерка: на сегодня это уже самостоятельная тема для изучения. Вместо этого мы ограничиваемся соответствующими отсылками, связанными с той или иной проблемой, по ходу повествования.

² Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 78.

циркулирует трактат, тем больше распространяются идеи. В таком случае историку и впрямь остается лишь замерять ту скорость, с какой вал вестернизации движется по стране – в нашем случае, с помощью печатного станка и книготорговли. Изучение трансфера чистых идей и доктрин, воспринимаемого в механистическом духе, таит опасность схожего рода: теперь историк должен фиксировать не артефакты, а идейные отсылки, указывающие на успешное распространение того или иного «-изма».

На протяжении всего XVIII в. в России циркулировали книги, которые вполне можно было принять за прямую идейную атаку на абсолютизм. К примеру, вышедший в 1787 г. на русском языке в переводе А.Ф. Малиновского трактат «Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий» содержал пространные аргументы в пользу естественной социабельности людей. Разбирая вопрос о возникновении государства, автор «Разсуждения» последовательно сравнивал мнения Т. Гоббса, немедленно отвергнутое им как *деспотическое*, Аристотеля, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-Ж. Бурламаки и, наконец, английского республиканца XVII в. А. Сиднея³, которое и признал наилучшим: «Сидней весьма хорошо доказал, что все народы имеют естественное право управлять сами собою, либо избирать себе Правителя; что единая токмо добродетель может заставить предпочесть одного другому и избрать его к правительству охотнее, нежели другого; что правительство учреждено не для выгоды управляющего, но для блага управляемых, и что всякая законная власть правителя происходит от народа»⁴. Трудно себе представить более вольнолюбивого автора, чем Сидней! Между тем, сославшись на Сиднея, автор «Разсуждения» переходил к описанию трех *форм правления*, нелестно высказавшись при этом о *монархии*.

Сочинение, переведенное Малиновским, вовсе не было экстраординарным по меркам российского XVIII в.: оно принадлежало к традиции естественно-правовой мысли, которая к 1780-м гг. уже была достаточно прочно адаптирована на российской почве⁵. Крупнейший российский поэт и драматург

³ См. о нем: Pocock J.G.A. England's Cato: The virtues and fortunes of Algernon Sidney // The Historical Journal. 37. 4 (1994). P. 915–935; Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. Vol. 24. № 1 (Jan., 1985). P. 1–40; Заводовская М.А. Политическая деятельность и общественные взгляды Алджернона Сиднея. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.

⁴ Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий, заключающее в себе убедительная исследования, вопреки Жан Жаку Руссо, какими стезями природа совокупила первобытных людей, от чего произошло неравенство между ими, и как общества достигли того степени совершенства, в коем теперь обретаются. М., 1787. С. 105.

⁵ См. соответствующие разделы данной книги, а также публикуемые в приложении источники.

середины XVIII в. А.П. Сумароков в своем историческом сочинении «Первый и главный Стрелецкий бунт» (1768) при описании событий 1682 г. восклицал: «Прервала чернь узы свои: нет Монаршей власти: скипетр и законы без-сильны: властвуют и повелевают раби: сыны отечества молчат и повинуются. *Се мнимое естественное право* (выделено нами. – К.Б., М.К.), что все человеки равны! Благородные люди никогда толпами к варварскому действию не приступают. Рабам принадлежит раболепная покорность: сынам отечества попечение о государстве: Монарху власть: Истинне предписание законов. Вот основание общенародного российского благосостояния»⁶. Итак, *равенство человеков* оказывалось по Сумарокову *мнимым естественным правом*. Истинным же *естественным правом* было то, что считал таковым сам Сумароков, а составной частью его концепции оказывалось оправдание крепостного права и монархии. Так что нет ничего удивительного, что тот же Малиновский посвятил перевод «Разсуждения» не кому иному, как старшему брату своего начальника вице-канцлера И.А. Остермана – генералу-поручику, сенатору Ф.А. Остерману «в изъявление глубочайшего высокопочитания и истинной признательности».

Этот пример показывает: невозможно рассматривать процесс трансфера как прикосновение царя Мидаса. Само по себе распространение тех или иных книг не означало изменений в политической культуре. Схожим образом, сам факт упоминания в тексте того или иного автора либо идеи отнюдь не знаменует, что произошел перенос нового содержания в контекст отечественного общественного сознания. По мнению авторов данного исследования, решающую роль в интеллектуальном трансфере играл процесс адаптации, то есть создания собственных текстов, функционировавших в российском политическом пространстве. При этом, конечно, изучение российской политической мысли нуждается в сохранении внимания к библиографической стороне и к ее содержательному наполнению. Осуществление адаптации можно верифицировать лишь с учетом широкого коммуникативного контекста, непременной частью которого служит и культурный посредник, перевод. Своеобразная «карта» переводной литературы на политические темы, которую мы постарались воссоздать в главе 1, вовсе не выступает детерминирующей схемой.

В то же время процесс трансфера не был в своей основе избирательным. Адаптируя на отечественной почве такие концепции, как *форма правления*, *естественное право*, *коммерция*, российские авторы вынуждены были осуществлять комплексные заимствования. Повести речь о форме правления

⁶ Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. VI. М., 1787. С. 186–187.

означало – в соответствии с европейской риторической традицией – повести речь о сравнительных достоинствах и недостатках каждой из них. Воспроизводя аргументы в пользу *монархии* и против *республики*, авторы российского XVIII в. зачастую не обращались к конкретным оппонентам, а экспортировали манеру обсуждения в целом: похвала монархии предполагала обличение аристократии и демократии, даже если никто вокруг и не вступался за них. Процессы трансформации политической культуры были не нацеленными, а ситуативными, определяющую роль в них играли доступ автора к интеллектуальным ресурсам (прежде всего – иноязычным текстам либо переводам, как рукописным, так и печатным) и контекст его коммуникативной деятельности. Умозаключения, которые сегодня кажутся радикально противоречащими «реальности» самодержавной России XVIII в., могли вовсе не казаться таковыми авторам этого времени, и выше упомянутому А.Ф. Малиновскому не показалось радикальным посвятить трактат, содержащий сочувственную отсылку к трудам тираноборца А. Сиднея, сенатору Ф.А. Остерману.

В связи с этим авторы настоящего труда предпочитают говорить не об идеях и уж тем более не о доктринах, а о концептуальных рамках, задававших политическим процессам определенные границы. Преобразования политической культуры в России XVIII в. были, по нашему мнению, связаны с постепенной адаптацией на российской почве целого ряда таких концептуальных глоссариев (языков, манер речи, дискурсов – назовите как хотите), открывавших возможности для того, чтобы по-новому говорить о политике. Каждый такой глоссарий не предполагал резко очерченной доктрины, а был скорее инструментом, позволявшим доказывать ту или иную точку зрения или интерпретировать те или иные предметы особым образом. Хороша или плоха *монархия*? Хороша или плоха *роскошь*? Хорошо или плохо *рабство*? Невозможно на основании положительных или отрицательных ответов на эти вопросы расположить российских авторов, мыслителей и политиков на своеобразной шкале; существовали разные концептуальные манеры отвечать на эти и подобные вопросы. Изучать аргументацию – тот язык, с помощью которого авторы приходили к тем или иным выводам, – в данном случае куда более важно, чем просто фиксировать выводы.

В соответствии с этими методологическими идеями и выстроена наша книга. В главе 1 рассмотрена структура массива переводной морально-политической литературы, публиковавшейся в России на протяжении XVIII в. Какие авторы, какие жанры оказались в наибольшей степени востребованы в среде российской интеллектуальной элиты? Ответ на этот вопрос позволяет составить нечто вроде «карты». Он одновременно показывает и границы

подобного подхода, где история идей верифицируется с помощью баз данных и подсчетов – XVIII в., рассмотренный сквозь призму такого инструментария, четко делится на два периода: эпоху доминирования рукописного перевода до 1760 г., и эпоху широкого производства печатных переводов после 1760 г. (при том, что рукописная традиция сохранялась). Речь не идет в данном случае о переходе количества в качество, но о двух коммуникативных сферах.

Главы 2 и 3 посвящены анализу главным образом первой из этих сфер – относительно узкому пространству, где столичные элиты на протяжении первой половины XVIII столетия усваивали европейские инновации как посредством чтения и перевода европейских книг, так и через образовательные практики и связанные с ними личные контакты. Именно успешная адаптация в этой сфере позволила затем произвести перенос этих инноваций не только в сферу политики, но и публичного обсуждения. Это показано на примере усвоения в России влиятельного политического языка *естественного права*⁷, формировавшего новые возможности для описания властных и социальных отношений и вытеснявшего постепенно язык политического богословия, апеллировавшего к Божественному откровению и чуду.

В главе 4 предлагается обзор другого политического языка, локализованного уже во 2-й половине XVIII в., в эпоху печатного станка – именно, языка *добродетели*, с характерным акцентом на угрожающей роли *роскоши* и *коммерции*, личном примере государя и приоритетом моральных качеств над институтами и правовыми нормами. *Добродетель* в значительной степени подпитывалась политическим богословием, однако механика ее действия была теперь укоренена в социальных обстоятельствах. Но стоило заклеить *роскошь* как источник моральной коррупции, как тут же приходилось ее восхвалять в качестве маркера европейской идентичности страны, осуществляя постоянный переход от философии Монтескье к идеям Фенелона, а затем возвращаясь обратно.

Авторы придерживаются позиции, что любой методологический подход в историческом исследовании должен опираться на соответствующую источ-

⁷ Историографическая судьба естественного права в России XVIII в. весьма показательна. Несмотря на его значение для развития политических идей и представлений в России XVIII в., существует не так много специальных исследований, посвященных его проникновению и развитию, не говоря уже о влиянии на политику. В качестве примера можно указать на соответствующие разделы из монографий Э.В. Кузнецова и А.В. Малинова (Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 30–37; Малинов А.В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003. С. 41–59). В небольшой степени это определено тем, что естественное право, не будучи распознаваемо как некий «-изм», высказывает из области исследовательских интересов, хотя и нередко удостоивается упоминания при разборе концепций некоторых авторов XVIII в.

никовую базу и что ценность труда историка заключается не только в создании объяснительных моделей для прошлого, а и в презентации этого самого прошлого. Поэтому-то настоящая книга содержит не одни лишь исследовательские тексты, но и публикацию источников, самым непосредственным образом связанных с изучаемой проблематикой.

В число публикуемых источников входят шесть предисловий к рукописным переводам европейских трактатов, циркулировавших в России XVIII в., а также два сочинения Ф.Г. Штрубе де Пирмонта, одно из которых помещается в виде избранных фрагментов. Почему именно эти тексты? Публикуемые источники непосредственно отражают тот проблемный характер, который носит процесс развития российской политической культуры XVIII в. Предисловия – тот жанр, которым обычно пренебрегают, но который исключительно важен при изучении культурного трансфера, поскольку именно он способен рассказать о мотивах и предпочтениях переводчика, а также о его понимании идейного значения переводимого текста. В рамках проекта «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)» нам удалось собрать большинство предисловий к печатным изданиям переводов морально-политической тематики XVIII в. и разместить их тексты (после соответствующей обработки) на специальном ресурсе в системе сайтов Уральского федерального университета⁸. Однако в XVIII в., особенно в первую половину, весьма важным каналом распространения европейских политических идей были рукописные переводы западных трактатов. Можно даже с полной уверенностью утверждать, что в первую половину XVIII в. количество рукописных переводов явно обгоняло количество печатных. Конечно, далеко не всякий перевод снабжался предисловием. Нам удалось выявить шесть таких текстов, которые мы и поместили в настоящем издании. Публикуемое в избранных фрагментах «Краткое руководство к Российским правам» Штрубе представляет немалый интерес для понимания процесса усвоения на российской почве политического языка *естественного права*. Раздел источников замыкает рукописный перевод трактата Штрубе «Lettres Russiennes» (1760). На наш взгляд, это сочинение было недооценено российской исследовательской традицией. Публикация здесь этого трактата, безусловно, ставшего одной из вершин отечественной политической мысли XVIII в. (как по своему масштабу, так и по глубине мысли), призвана поправить дело.

⁸ К настоящему времени на ресурсе представлено 90 таких предисловий [URL: <http://elar.ufu.ru/handle/10995/25445>].

Настоящая книга стала результатом изысканий, которые ее авторы проводили – совместно и по отдельности – на протяжении нескольких лет в рамках поддержанного Правительством РФ исследовательского проекта «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)», возглавляемого М.-П. Рей. Авторы книги выражают признательность уважаемым коллегам из других городов – С.В. Польскому (Москва), В. Ржеуцкому (Москва), К.А. Осповату (Берлин), А.А. Костину (Санкт-Петербург) и другим, участвовавшим (как на конференциях и семинарах, так и в частных беседах, в переписке и даже в социальных сетях) в обсуждении тех идей, которые легли в основу этой книги. Особую благодарность авторы выражают участникам научного проекта «Возвращение в Европу», сотрудникам лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета и коллегам по Институту истории и археологии Уральского отделения РАН – С.В. Соколову, Д.В. Тимофееву, Ю.В. Запарий, В.А. Аракчееву, Е.Д. Бугровой, К.И. Зубкову, А.В. Келлеру, Я.А. Лазареву, А.С. Лыцовой, Дж. Уайту и, конечно же, руководителю лаборатории Д.А. Редину и директору Института Е.Т. Артемову.

Глава 1.

Царство забытых бестселлеров: издание переводной морально-политической литературы в России XVIII в.

§ 1. Популярные авторы и основные тренды

Если признать константой истории российской политической мысли Нового времени воздействие европейской культуры, то следует согласиться: ключевую роль в этом воздействии играли переводы европейской литературы на русский язык. Несмотря на то, что о переводах и их роли в межкультурных взаимодействиях написано немало научных работ¹, комплексных исследований о влиянии переводной и иноязычной литературы на отечественную *политическую* мысль не так много. Нам не приходится сейчас говорить о «едином» европейском влиянии; массив текстов, адаптированных с разной степенью успешности в российских реалиях XVIII в., был весьма неоднородным. К сожалению, сегодня мы зачастую сталкиваемся с упрощенным взглядом на процесс культурного трансфера, который можно кратко описать так: определяющее влияние «германских полицейстов» в 1-й половине и «французских просветителей» – во 2-й половине XVIII в. Однако свести влияние европейской политической культуры на Россию к поступательно-прогрессивному переносу ряда простых доктрин – значит чрезвычайно обеднить всю историческую палитру периода.

В противовес подобным мнениям, мы постараемся охарактеризовать разнообразие основных трендов интеллектуального трансфера XVIII с помощью составленного нами в 2014 г. систематизированного реестра «Опубликованные переводы морально-этической, социальной и политической литературы

¹ Здесь назовем в первую очередь работы специалистов Пушкинского Дома – В.Д. Рака, Н.Д. Кочетковой и др. См.: Баренбаум И.Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1994–1995; Левин Ю.Д. Английская литература в России XVIII века // Вопросы литературы. 1996. №1. С. 185–204; Кочеткова Н.Д. Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 113–124; Кочеткова Н.Д. «Essay on Man» А. Попа в русских переводах // *Antropologische Konzepte in der Russischen Kultur und Literatur* (18–19. Jh.): Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.). Halle (Saale). 2008. S. 1–9; Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.

в России XVIII в.»². Этот подсчет дает возможность проследить – разумеется, в общих чертах – объемы и тематику переводной литературы в России XVIII в.

Конечно, воссозданная подобным образом картина не выглядит исчерпывающей, ведь за пределами анализа остаются сведения о рукописных переводах и о переводах, выходявших в журналах (равно как и о переводах отдельных журнальных статей), а также такой подход исключает массив переводов, опубликованных церковной печатью. Тем самым определенные пласты литературы (особенно журнальной), игравшие важную роль в процессе распространения европейских интеллектуальных инноваций, не охвачены с удовлетворяющей нас полнотой. Нужна и поправка на то, что представители российских элит могли читать те или иные сочинения и на языке оригинала. Но и с учетом всех этих оговорок информация, которую мы приводим ниже, позволяет все-таки хотя бы контурно обозначить движения политической мысли России XVIII столетия.

Прежде всего, анализ общего количества опубликованных переводов очерчивает круг наиболее популярных авторов. Какие же авторы оказались наиболее часто переводимыми в российском XVIII в.?

Первое место в этом списке занимает – с большим отрывом! – Вольтер, перу которого принадлежат 55 переведенных изданий самой различной жанровой принадлежности. Вторым в рейтинге популярности оказался святой Августин – с 25 изданиями. Третье место в нашем списке разделили Ф. Фенелон и Ж.-Ж. Руссо – с 24 изданиями. Пятерку наиболее популярных иностранных авторов интересующей нас тематики завершает французская писательница Ж.-М. Лепренс де Бомон – ее перу принадлежат 20 переведенных сочинений, посвященные вопросам воспитания.

² База данных включает 1301 запись и учитывает издания, вышедшие на русском языке с 1700 по 1800 год. Она составлена преимущественно на материалах «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 5 т. М., 1962–1975) с учетом материалов «Описания изданий, напечатанных при Петре I» (Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. М.–Л., 1955–1958). Анализ позволил структурировать рассмотренные библиографические записи в зависимости от тематики и вычленил те, что относились к морально-этическим, социальным и политическим переводным сочинениям. Издание должно было отвечать следующим требованиям: 1. Переводное сочинение (созданное на любом языке, исключая русский, и переведенное на русский язык; учитывались и сочинения, созданные в России, но не на русском языке). 2. Отдельное издание. В состав базы данных включались все известные сведения о переизданиях, однако исключались сочинения – части более крупных компендиумов. Каждая запись базы данных соответствует отдельному (самостоятельному) изданию (исключением стали «титulyные издания», фактически дублирующие основные). 3. Тематическое соответствие. Тематическое соответствие предполагает, что в сочинении непосредственно затрагивается тема жизни человека в обществе.

Пруссский король Фридрих II уступил французской писательнице всего на одно издание – в XVIII в. в России работы коронованного философа были изданы 19 раз. Труды английского поэта и моралиста Э. Юнга выходили отдельными изданиями 16 раз, а французский моралист Л.-А. Караччиоли был издан 15 раз. Германский сатирик Г. Рабенер был издан 12 раз, как и французский мыслитель Ж.-Ф. Мармонтель, причем восемь изданий последнего пришлись на морально-политический роман «Велизарий». Мармонтель и Рабенер, таким образом, замыкают первую десятку.

Одиннадцать раз на русском языке выходили сочинения Марка Туллия Цицерона и труды датского автора Л. Хольберга – из работ последнего наиболее часто издавались «Басни нравоучительныя с изъяснениями» (1761, 1765, 1787) и «Сокращение универсальной истории» (1766, 1775, 1797). Сочинения профессора Московского университета И. Рейхеля – почти исключительно похвальные слова, произносимые при дворе, а также исторические сочинения – публиковались в русском переводе 10 раз.

Девять раз выходили на русском сочинения швейцарского автора А. фон Галлера – в том числе его морально-политические романы, трижды издавалась поэма «О происхождении зла» (1786, 1789, 1798). Один из ведущих авторов знаменитой «Энциклопедии» Л. де Жокур представлен восьмью изданиями, вышедшими преимущественно в 1769 – 1770 гг. Это переводы различных энциклопедических статей, например, «О ласкательстве» (1769), «Спарта» (1769), «О государственном правлении» (1770). Список наиболее популярных переводных авторов замыкает Иоанн Златоуст с восьмью изданиями.

Итак, группа наиболее популярных – по нашим подсчетам – авторов насчитывает 16 человек (авторов с шестью-семью переводными сочинениями уже встречается достаточно много, поэтому нет смысла расширять список до «круглой» цифры 20). Конечно же, и этот своеобразный «топ-16» вовсе нельзя считать абсолютно репрезентативным. Так, популярность Мармонтеля была в некотором роде «искусственной», поскольку перевод романа «Велизарий» инициировала лично Екатерина II³ (правда, опубликован был не только перевод, выполненный екатерининскими придворными и самой императрицей⁴, но и другой перевод, принадлежащий П.П. Курбатову).

³ См.: Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского государственного университета. 2014. № 9. С. 24–29.

⁴ Кроме самой императрицы, в переводе участвовали А.И. Бибииков, Д.В. Волков, В.Г. Орлов, Г.Г. Орлов, И.П. Елагин, Г.В. Козицкий, С.Б. Мещерский, А.В. Нарышкин, С.М. Кузьмин, З.Г. Чернышев, а также автор предисловия А.П. Шувалов (Кульматова Т.В. Экземпляр книги «Велизер» Ж.-Ф. Мармонтеля из академического собрания БАН // Деятели книги: Михаил

Большое количество переизданий «Велизария»⁵ объясняется, по-видимому, именно этим фактом⁶, хотя при издании сведения о титулованных переводчиках были опущены. Еще более курьезно присутствие крупнейшего германского сатирика XVIII в. Г. Рабенера; он должен был быть представлен всего двумя изданиями своих «Сатир», однако все сатиры, включенные в издание 1764 г., уже были выпущены еще и отдельными оттисками. Наконец, профессор Московского университета И. Рейхель, попавший в наш список, «увековечен» главным образом переводами своих торжественных речей при дворе Екатерины II.

Зато в получившейся у нас выборке отсутствуют такие крупные авторы, как Монтескье и Пуфендорф, а, например, Н. Макиавелли и вовсе не был представлен в печатных переводах (тщательный анализ, проведенный М. Юсимом⁷, показывает, что сочинения Макиавелли были в целом слабо известны в России). Отсутствовали печатные переводы Ю. Липсия. Далее, на русский язык не был переведен основной юридический трактат Г. Гроция, «De jure...»⁸; Гроций в переводах был представлен лишь богословским трудом «De veritate religionis Christianae» (1627)⁹. Несколькими больше повезло Т. Гоббсу, представленному переводом трактата «De Cive» (1642)¹⁰. Не публиковались переводы крупнейших европейских правовых мыслителей – Хр. Томазия, Ж.-Ж. Бурламаки, Э. де Ваттеля. Дж. Локк был представлен переводом «Some Thoughts Concerning Education» (1693) Н.Н. Поповского¹¹,

Николаевич Куфаев (1888–1948): сб. науч. тр. по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010. С. 170–171).

⁵ Между 1768 и 1796 гг. «Велизарий» Мармонтеля был издан 7 раз.

⁶ Г. Маркер обращает внимание на популярность Мармонтеля, относя его к числу «известных моралистов эпохи», которые «затопили российский рынок своими книгами» (в числе других здесь упомянуты Фенелон, С. Жанлис, К. Геллерт, К. Ламберт), и упоминая о семи изданиях «Велизария» с общим числом копий около 4000. Маркер, однако, ничего не пишет о роли Екатерины II в переводе сочинения Мармонтеля.

⁷ См.: Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011.

⁸ С. Волчков подготовил перевод трактата под заглавием «О военном и мирном праве», но этот перевод не был опубликован (см.: Биржакова Е.Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII в. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=663>).

⁹ Истинное благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и махометан. М., 1768; Разсуждение против атеистов и нейтралистов. М., 1765. Это второе сочинение – по-видимому, перевод добавочной книги трактата «De veritate religionis Christianae» (озаглавленной «Contra indifferentiam religionum») – было переиздано в 1781 г. Н.И. Новиковым.

¹⁰ Фомы Гоббесия Начальныя основания философическия о гражданине. СПб.: М., 1776.

¹¹ О воспитании детей / Господина Локка; Переведено с французского на российский язык Императорскаго Московскаго университета профессором Николаем Поповским. М., 1759.

вышедшем в 1759 г. и переизданным в 1788 г. Зато среди «юридических» текстов следует назвать У. Блэкстона, чьи «Commentaries on the laws of England» (1770)¹² были переведены С.Е. Десницким и изданы в 1780–1782 гг. Упомянутый уже С. Пуфендорф, о влиянии которого на российскую политическую мысль часто говорят исследователи, был представлен в корпусе печатных переводов всего двумя изданиями – названным выше переводом «De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo»¹³ (1673), выполненным в 1726 г. И. Кречетовским, и историческим трудом «Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden»¹⁴, издававшимся в Санкт-Петербурге в 60–70-х гг. XVIII в. в переводе Б.А. Волкова. Позднейших переизданий «De officio...» не принималось.

Все это позволяет сделать вывод об относительно низкой популярности жанра юридического трактата, по крайней мере, в публичной сфере. Приведем пример из несколько более позднего периода: в 1811 г. выпускник Московского университета В.С. Филимонов издал небольшое учебное пособие под заглавием «Система естественного права»; в конце пособия Филимонов приводил список авторов, которыми он «руководствовался». Из 35 авторов, которых называет здесь Филимонов, на русском языке в XVIII в. издавались юридические трактаты 13 из них: Аристотель, Баумейстер, Бильфельд, Гейнекций, Гоббс, Д. Дидро, Монтескье, Мабли, Пуфендорф, Платон, Руссо, Цицерон, Юсти. Отсутствовали переводы Баумгартена, Бентама (впрочем, его перевод появится в 1805–1811 гг.), Бурламаки, Беккариа, Вайсса, Ваттеля, Вика, д'Аламбера, Шефтсбери, Канта, П. Фейербаха и Фергюсона; Юм был представлен лишь упомянутым уже эссе «О роскоши». Исключим Бентама, которого можно отнести к авторам XIX в.: останется 12 неизданных авторов против 12 изданных (оставшиеся 10 были российскими профессорами, плюс некий Борд, которого мы затруднились идентифицировать). Список – до некоторой степени – можно считать показательным: Филимонов в своей последующей карьере не занимался специально изучением *естественного права*, и его список, пожалуй, суммирует тот горизонт знаний, которым обладал университетский выпускник рубежа XVIII–XIX вв.

Особо следует сказать о Монтескье. Парадокс: Монтескье издавался относительно скромно, хотя его справедливо считают одним из важнейших

¹² Истолкования аглинских законов г. Блэкстона. Кн. 1–3. М., 1780–1782.

¹³ О должности человека и гражданина по закону естественному: Книги две. СПб., 1726.

¹⁴ Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими разсуждениями. СПб., 1767–1777.

авторов для российского XVIII в. Популярность Монтескье в России была в известной степени определена использованием (граничащим с плагиатом!) его трактата «De l'esprit des lois» (1748) при составлении Екатериной II «Наказа»¹⁵, который фактически был сжатым конспектом Монтескье на русском языке. Помимо императрицы непосредственно в дискуссии вокруг Монтескье участвовали Ф.Г. Штрубе де Пирмонт («Lettres Russiennes», 1760), Я.П. Козельский («Философические предложения», 1768), Я.И. Шнейдер («Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. Рассуждение первое: о истории законодательства», 1782), анонимный автор «Примечания на Книгу XIV, главу II. Сочинения г. Монтеския о разуме законов» – (опубликовано в «Санктпетербургском журнале», 1798), М.М. Щербатов (в целом ряде сочинений, первые из которых относятся к концу 1750-х гг.). Здесь не учтены многочисленные ссылки на идеи французского мыслителя, щедро разбросанные по страницам разнообразных проектов и записок, производившихся в недрах императорского административного аппарата в XVIII–XIX вв. – от С.Е. Десницкого до графа Д.А. Гурьева; многочисленные отсылки на страницах самых разных текстов российского XVIII столетия – от А.П. Сумарокова до А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина. Но вместе с тем опасно и переоценить значимость трудов Монтескье для российской традиции, полагая его единственным, важнейшим автором 2-й половины XVIII в.

Если влияние Монтескье на отечественную политическую мысль широко известно, остается в фокусе внимания исследователей¹⁶ и может быть подтверждено на основании разнообразных российских текстов (от «Lettres Russiennes» Ф.Г. Штрубе де Пирмонта и «Наказа» Екатерины II до «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева), то, например, Фенелон до сих пор остается в определенном смысле *terra incognita*¹⁷, уже не говоря

¹⁵ См.: Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе имп. Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904; Плавинская Н.Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С. 8–19; Омельченко О.А. Голландский литератор О. Люзак и «Наказ» императрицы Екатерины II. (Новые сведения об источниках текста «Наказа») // Russia and Low Countries in 18 Century. Groningen, 1998. P. 233–242.

¹⁶ Например, в работах Н.Ю. Плавинской, С.В. Польского, Е.Н. Васильевой и др.

¹⁷ См.: Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 158–182; Долгопольский М.Б. Место романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» в политической жизни России второй половины XVIII столетия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 4 (176). С. 20–25.

о Хольберге или Халлере. Между тем, Фенелон был в числе наиболее важных авторов, переведившихся на русский язык в XVIII в. Е.А. Болховитинов, переводчик «Краткого описания жизней древних философов», вышедшего на русском языке в 1788 г., писал в предисловии о переведенной книге: «Нет нам нужды выхвалять оную; ибо и одно имя ея сочинителя есть довольным для нее одобрением. Все, что произошло от столь высокого и редкого ума, по общему всех ученых согласию почитается достойным внимания, и сия книга ни мало не уменьшает славы своего сочинителя»¹⁸.

Фенелон оказал большое влияние на Ж.-Ж. Руссо¹⁹; оба эти мыслителя входят в число наиболее издаваемых авторов российского XVIII в. Интерес Фенелона к античности был воспринят и переосмыслен Руссо, который высоко оценивал фенелоновского «Телемака». Возможно, Фенелон и Руссо могут считаться крупнейшими источниками влияния в сфере российского печатного перевода литературы политической направленности? По крайней мере, их труды породили ряд аналогов на отечественной почве.

Так, «Приключения Фемистокла» (1763) Ф.А. Эмина и романы «Кадм и Гармония» (1787) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) М.М. Хераскова были эквивалентами фенелоновского «Телемака», тогда как «Письма Эрнеста и Доравры» (1766) Эмина имитировали «Новую Элоизу» Руссо. Иными словами, в России XVIII в. возникает *собственный* морально-политический роман, к которому следует – в определенной мере – отнести и такой значимый для отечественной истории текст, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

Античное наследие в российской политической культуре еще требует адекватной, полновесной оценки в отечественной исследовательской традиции²⁰;

¹⁸ Болховитинов Е.А. Предупреждение [Краткое описание жизней древних философов] (1788). URL: <http://hdl.handle.net/10995/28253>

¹⁹ Дж. Шклар предостерегает от прямолинейного сравнения Руссо с Фенелоном: «Надо с осторожностью говорить о связи между Руссо и Фенелоном или любым другим религиозным моралистом... Никакие внешние сходства не могут скрыть того факта, что Руссо был озабочен земным счастьем, а те – вечным спасением. Больше того, фенелоновский “Телемак” относился к “зерцалам принцев”, то есть к тому жанру, которому Руссо не мог стремиться подражать. Впрочем, “зеркала принцев” имеют ту же функцию, что и утопия: судить актуальное, сталкивая его с совершенным» (Shklar J. Men and Citizens: a Study of Rousseau's Social Theory. Cambridge, 1985. P. 4). В свою очередь, П. Райли обоснованно указывает на глубокую связь между Руссо и Фенелоном, основанную на интересе к греко-римским добродетелям (Riley P. Rousseau, Fenelon and the Quarrel of between the Ancients and Moderns / The Cambridge Companion to Rousseau. Cambridge, 2001. P. 78–93; Riley P. Shklar on Rousseau on Fenelon / Liberalism without Illusions. Essays on Liberal Theory and the Political Vision of Judith N. Shklar. Chicago, 1996. P. 134).

²⁰ Чрезвычайно важным шагом в этом отношении представляется работа А.И. Любжина, вышедшая в издательстве «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина (Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007).

такие авторы, как Цицерон, Сенека или Плутарх, должны числиться среди крупнейших источников влияния, что связано не только с их популярностью, но и с тем, что для российской общественной мысли XVIII в. Цицерон был, по сути, столь же новым автором, как Монтескье или Руссо. Адаптация жанра морально-политического романа, ориентирующегося на образцы Фенелона или Руссо, предполагала хорошее знакомство соответствующего слоя читателей с греко-римским контекстом: мы уверены в исключительной значимости последнего для понимания российской политической мысли XVIII столетия (вопреки мнению американского исследователя М. Окенфусса²¹).

Общую динамику развития печатной сферы в России XVIII в. мы приводим здесь в таблице 1, сводящей данные, собранные Г. Маркером (в его работе они представлены в отдельных таблицах для разных периодов, но мы свели их воедино)²².

Таблица 1.

Тематический состав изданий на русском языке, 1700–1775 гг.

(по материалам Г. Маркера)

	1700–1725, %	1725–1755, %	1756–1775, %
Официальные издания	26	8	15
Религия	42	46	20
Военное дело	14	3	2
Календари	3	5	3
Журналы	3	6	4
Грамматика	3	2	2
История и география	5	6	10
Наука и технология	2	6	2
Светская философия	1	2	11
Беллетристика	1	16	27
Оды	–	–	9
Всего единиц (церковной и граждан- ской печати)	731	825	2422

²¹ Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. L., 1995. P. 184–194.

²² Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985. P. 60, 73.

Эти расчеты Маркера позволяют отметить: процентная доля религиозных сочинений уменьшалась в общем массиве печатной продукции (при этом количество изданий на религиозную тематику в абсолютном выражении продолжало расти). Это уменьшение происходило за счет роста долей таких групп изданий, как беллетристика, философская литература, историко-географическая литература и ода. Процесс кардинальной перестройки тематической структуры российской печатной сферы пришелся на 1750–1760-е гг.; параллельно этим изменениям происходил резкий (троекратный) рост объемов печатной продукции.

Общее распределение переводных сочинений по тематическим полям, выделенным нами, представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Тематическое распределение опубликованных переводов
морально-политической литературы XVIII в.²³

Группа	Тематическое поле	Количество изданий	
Историко-географические сочинения	История	291	345
	География	54	
Морально-политические сочинения	Мораль	295	487
	Политика	134	
	Образование и воспитание	63	
	Религия	193	
	Философия	91	
	Панегирики, поэмы	33	
	Драма	27	
	Риторика	26	
	Экономика	23	
	Сатира	23	
	Военное дело	21	
	Наука и техника	4	
	Письма	2	
	Невозможно определить однозначно	21	
	Итого	1301	

²³ Данные почерпнуты из «Сводного каталога книг гражданской печати». Цифры, приводимые в таблице, не представляют собой точную статистику (поскольку распределение некоторых сочинений по тематическим полям может быть оспорено), но манифестируют основные тренды в массиве переводной литературы.

До какой степени эти выкладки позволяют сделать выводы о характере российской политической мысли XVIII в., о тенденциях ее развития и о процессах культурного трансфера? Прежде всего, основные массивы переводной литературы были сформированы литературой, которую мы условно назвали «морально-политической» и «исторической». Бросается в глаза доминирование корпуса морально-политической литературы. Граница между морально-политической, религиозной и философской литературой довольно-таки условна, а вместе эти блоки дают абсолютное большинство.

Блок «политической» литературы представлен солидными 134 единицами (к тому же целый ряд произведений, отнесенных нами к панегирикам, может также расцениваться как политическая литература). Однако многие из текстов, которые мы отнесли к данному блоку, опять-таки тяготеют к морально-политической тематике. Само по себе это, конечно, не позволяет сделать однозначного вывода о том, что влияние юридической литературы было в России XVIII в. минимальным. Конечно, важен и вопрос о распределении массива переводной литературы в читательской среде, только эта тема находится за пределами нашего исследования.

Мы лишь стремимся подчеркнуть, что анализ количественного соотношения переводов различных жанров позволяет утверждать: трансфер идей в сфере политико-правовой мысли осуществлялся не посредством простого тиражирования переводных сочинений (отбор публиковавшихся переводов с очевидностью был довольно-таки хаотичным), – но и через непосредственное знакомство с иноязычными оригиналами текстов, через учебные курсы, пособия и лекции, а также на основании вторичного знакомства и моды, то есть ситуации, когда ссылаться на того или иного автора было возможным даже без непосредственного знакомства с ним²⁴.

Обратимся теперь к хронологическому аспекту проблемы. В таблице 3 представлена динамика публикации переводов, относящихся к числу морально-политических сочинений, по десятилетиям (первая половина XVIII в. дана одним периодом из-за малого количества единиц).

Эта разбивка в целом коррелирует и с общими данными Г. Маркера, приведенными выше, и с графиком динамики выпуска книг по годам, приводимым Р.В. Кауркиным (со ссылкой на выкладки В.В. Сиповского)²⁵. Как показывает таблица 3, подавляющее большинство публикаций переводов наиболее издаваемых авторов было выпущено

²⁴ Яркий пример такого рода дают проанализированные М.А. Юсимом упоминания о Макиавелли в российской литературе: можно сказать, что российские авторы не были хорошо знакомы с текстами Макиавелли (а то и вовсе незнакомы с ними!), но, черпая сведения о Макиавелли из вторичных источников, охотно упоминали флорентийского мыслителя в своих текстах. См.: Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли в России. М., 2011.

²⁵ Кауркин Р.В. Формирование читательской среды в России второй половины XVIII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 6. 2009. С. 26.

Таблица 3.

Публикация переводных морально-политических сочинений
по отдельным временным периодам²⁶

Временной период	Количество изданий
1725–1760	62
1761–1770	181
1771–1780	219
1781–1790	551
1791–1800	275
Нет данных	13
Итого	1301

в последнюю треть XVIII в. (тенденция, характерная для массива переводной литературы в целом). Резкий взлет активности книгоиздателей, отмечаемый и по динамике выпуска переводов, приходится на конец 1780-х гг. и стал, по-видимому, следствием манифеста 1783 г. о вольных типографиях. Ликвидация вольных типографий привела к некоторому падению размаха издательской деятельности, однако уже в первые годы XIX в. (в 1802 г. ограничения вольного книгоиздания были отменены) масштабы издательской деятельности, по мнению А.А. Зайцевой, едва ли не превысили показатели екатерининского времени²⁷.

Обратившись вслед за А.А. Зайцевой к «Систематическому обозрению литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год»²⁸, мы обнаружили (подсчет, конечно, приблизительный и грубый) около 100 опубликованных отдельными изданиями литературы интересующего нас профиля²⁹ – это, скорее всего, способно дать все те же 200 с лишним текстов за десятилетие, что говорит если и не о «превосходстве» эпохи Александра I в области публикации переводов над эпохой Екатерины II (был ли публикаторский размах 1781–1790 гг. повторен?), то по крайней мере о стабильности: с 1760-х гг. публикация переводных сочинений интересующего нас профиля не падала ниже 200 единиц за десятилетие.

²⁶ В случае учета многотомного издания при публикации отдельных томов в разные года все издание учитывалось по году публикации первого тома.

²⁷ Зайцева А.А. Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 191.

²⁸ Шторх А.К. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год. Ч. 1: Российская литература. СПб., 1810–1811.

²⁹ Учитывая соответствующие наименования, приведенные в разделах «III. Богословия», «IV. Философия», «V. Правоведение», «VII. Педагогика», «VIII. Политика», «XIII. История» и «XIV. География и статистика».

Казалось бы, подобные выкладки всего лишь подтверждают известный тезис о том, что российская книжная культура XVIII столетия развивалась по пути от рукописной к печатной, а количество публикуемых сочинений возрастало от года к году. Но проблема далеко не исчерпывается констатацией этого факта. Важно, что к моменту, когда перевод сочинений, так или иначе затрагивающих политические темы, интенсифицировался в несколько раз, российская политическая элита была уже в полной мере вестернизована. Для узкого круга потребителей, сконцентрированного при императорском дворе в столице, вовсе не нужно было массированное производство текстов. Интеллектуалы Санкт-Петербурга и Москвы могли обходиться ограниченным количеством рукописных переводов, читать оригиналы и, наконец, черпать информацию из личных контактов (например, в процессе обучения в Европе или поездок за границу). Вестернизация состоялась, воплощаясь в десятки административно-политических решений и становясь реальностью российского пространства, до того, как печатный станок сформировал отечественную читающую публику.

В 1760-х гг. публикаторская интенсивность резко возросла, что чрезвычайно сильно отразилось на объемах печати переводной литературы. Этот факт позволяет предположить, что, возможно, нет смысла говорить о едином XVIII столетии, по крайней мере, применительно к политической культуре и европейскому трансферу. Конец царствования Елизаветы Петровны стал своего рода поворотной вехой, за которой начинается история российской публичной сферы. И здесь вполне продуктивным ходом при анализе нам представляется разделение российской политической культуры этого периода на *придворную* и *публичную* сферы.

Речь идет о различии двух коммуникативных контекстов и, соответственно, о различиях функционирования речевых жанров (имеются в виду «вторичные» жанры, понимаемые в духе Бахтина) в силу различий в статусе участников коммуникативного процесса³⁰. Разница между двумя сферами заключается, по нашему мнению, в характере отношений между *адресатом* и *адресантом*, свойственном тому или иному коммуникативному процессу. Конечно, социальный статус автора (как и статус читателя) имеет громадное значение и ни в коем случае не может быть проигнорирован. Однако он должен рассматриваться с учетом коммуникативного контекста, а не структуры общества самой по себе, сохраняя независимость от какого бы то ни было социального детерминизма. В придворной среде политическая речь была орга-

³⁰ Ср. у М.М. Бахтина: «Существенным (конститутивным) признаком высказывания является его обращенность к кому-либо, его адресованность. <...> Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и в особенности стиль высказывания. <...> Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата» (Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 275).

низована вокруг иерархии, в которой центральное место занимает монарх либо его субститут (придворного либо администратора).

Уже цитировавшийся нами Г.А. Гуковский когда-то достаточно емко охарактеризовал эту придворную «надстройку»: «Сферой приложения силы искусства и мысли был в первую очередь дворец, игравший роль и политического, и культурного центра, и вельможно-дворянского клуба, и храма монархии, и театра, на котором разыгрывалось великолепное зрелище, смысл которого заключался в показе мощи, величия, неземного характера земной власти. <...> Торжественная ода, похвальная речь ("слово") и были наиболее заметными видами официального литературного творчества; они жили не столько в книге, сколько в церемониале официального торжества»³¹. Далее Гуковский противопоставлял двор («власть») и «высший слой родового состоятельного дворянства», из которого и вышли фрондеры, «либералы-крепостники», политическим лидером которых был, по мнению Гуковского, Н.И. Панин, а творческим – А.П. Сумароков.

У нас нет, конечно, мысли солидаризироваться с марксистским объяснением политического процесса XVIII столетия. Ведь двор («дворец») мы берем не в качестве эквивалента понятия «власть», а лишь как дефиницию определенного коммуникативного контекста, задававшего рамки политического творчества, но не становящегося актором. Следовательно, говоря о придворной сфере, мы не имеем в виду какое-либо социологическое определение двора как «системы» или «института»³²; мы понимаем придворную сферу как коммуникативное пространство, объединяющее лиц, обладающих возможностью личного доступа к монарху (или, по крайней мере, к вельможе, обладающему таковой привилегией) на более или менее регулярной основе, и признающих более высокий статус монарха как участника данного межличностного общения. Таким образом, двор был местом коммуникации между разными властными группировками, которые, в свою очередь, осваивали в этом процессе европейские политические языки.

Тематическое распределение, которые мы способны реконструировать с помощью данных таблицы 3, может служить путеводителем лишь для формирующейся публичной сферы. Но сложность анализа заключается именно в том, что в России сосуществовали два базовых коммуникативных контекста: придворный и публичный. Политическая речь была сконцентрирована при дворе, в столицах – там, где осуществлялось непосредственное управление империей. Поскольку за пределами двора не существовало политических акторов, способных претендовать на ту или иную степень политической автономии (парламенты, феодальные княжества,

³¹ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х гг. М.-Л., 1936. С. 13–15.

³² См. подобное определение: Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 320–367.

конфессиональные группы и прочее), обсуждение политики как совокупности конкретных административно-институциональных мер (все то, что именуется в исследовательской традиции «проектами») имело смысл прежде всего в придворном, столичном контексте.

Как отмечает филолог П.Е. Бухаркин, «XVIII в. отличается бесспорной культурной целостностью – как в Европе, так и в России»³³. Да, это именно так в стилевом отношении, но если взглянуть на столетие сквозь призму коммуникативных контекстов, видно, что XVIII в. распадается на два периода, которые условно можно назвать *рукописным* и *печатным*. Эти периоды не находятся между собой в отношениях развития: рукописный, не будучи подготовительной фазой печатного, даже не вытесняется с ростом могущества печатного станка; печатный – не становится логическим следствием, развитием процесса вестернизации в придворно-столичных кругах, автоматическим его расширением за пределы столиц.

Рост числа публикуемых переводов во 2-й половине XVIII в. (безотносительно деталей, связанных с преобладанием тех или иных жанров либо языков, а также труднообъяснимых взлетов и падений, о которых писал еще В.В. Сиповский³⁴) стал фундаментом формирования российской публичной политики. Подчеркнем вновь: речь вовсе не идет о различии между «высокой» и «низкой» культурами, о различиях между дворянским и «разночинским» кругами чтения, между зачаточной и интенсивной фазами вестернизации³⁵. Напротив: провинциальная дворянская культура в полной мере была частью формировавшейся публичной и играла в ней гигантскую роль. В случае же придворно-столичного круга социального общения решающую роль играл доступ в узкий круг административно-интеллектуальной элиты: тон здесь задавали ведущие администраторы, церковные и светские панегиристы, интеллектуалы из научных и учебных заведений. Один и тот же автор мог действовать в обеих коммуникативных «ипостасях», оставаясь частью столичного круга интеллектуалов и участвуя в процессе производства публичных текстов. Такие фигуры, как А.П. Сумароков, стоят на пересечении двух коммуникативных сфер.

Анализ политической мысли, таким образом, должен быть ориентирован на изучение конкретных жанров, концептуальных манер и коммуникативных контекстов.

³³ Бухаркин П.Е. Русская литература XVIII века: хронологические границы и проблема периодизации // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2. СПб., 2008.

³⁴ Сиповский В.В. Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. СПб., 1901. С. 10–12.

³⁵ А.А. Зайцева, например, полагает, что «принципиальное, очень существенное различие между книгой конца XVIII и начала XIX в. состоит не в увеличении числа издаваемой литературы или тиражей книг <...> не в радикальном улучшении и удешевлении книгопечатного процесса <...> а идет по линии идейной значимости книги, внутреннего содержания, начавшего меняться под воздействием нового читателя» (Зайцева А.А. Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. С. 192).

§ 2. Жанры и массивы переводной литературы

Рассмотрим теперь каждый из обозначенных нами массивов переводной литературы подробнее. Прежде всего, следует охарактеризовать круг религиозно-моралистической литературы, посвященной вопросу об этике поведения христианина, ориентированной на спасение души и добродетельную жизнь. Конечно, рамки подобного тематического определения крайне широки: к этой литературе относятся и поучения отцов церкви (прежде всего – Августина, который, как мы уже отметили выше, входит в число наиболее популярных переводных авторов российского XVIII в.), и разнообразные книги светских авторов, посвященные духовной тематике и религиозным проблемам.

В России интенсивно переводились и публиковались труды, относящиеся к католической и протестантской традициям – не только богословские работы Нового времени, но и памятники средневековой теологической мысли. Например, в 1783 г. на русском языке вышел трактат «*Cur Deus Homo*» (XI в.) Ансельма Кентерберийского в переводе В. Беляева³⁶. Еще более интересно, что сразу шестью изданиями был представлен кардинал Р. Беллармино³⁷, один из крупнейших католических авторов эры Контрреформации³⁸. Сочинения Беллармино в период между 1783-м и 1795 г. издавались не только Н.И. Новиковым в типографии Московского университета, но и типографией Синода (в переводах епископа Тверского Ириней). Среди переводов были сочинения протестантских богословов И. Арндта³⁹ и И. Шпальдинга⁴⁰, сочи-

³⁶ Ансельмовы размышления о искуплении рода человеческого, перевел с латинского Василий Беляев. М., 1783.

³⁷ Лестница умственного восхождения к богу по степеням созданных вещей. Творение к[ардинала] Б[еллармино]. СПб., 1786; Наука благополучно умирать, основанная на правилах хорошей, христианской, богоугодной жизни. Сочинение Роберта кардинала Беллармина. Ч. 1–2; О вечном блаженстве святых, пяти книг, сочиненные римским кардиналом Робертом Беллармином. Ч. 1–2; О воздыхании голубицы, или О пользе слез, три книги; О семи изречениях, от Христа на кресте провещанных, две книги; Руководство к богопознанию, по лестнице сотворенных вещей.

³⁸ Дж. Рейджер, автор монографии о политической философии Р. Беллармино, ставит его на один уровень с Франсиско Суаресом, хотя влияние Суареса на развитие политической мысли Европы Нового времени изучено куда лучше (см.: Rager J. The Political Philosophy of St. Robert Bellarmine. Spokane, 1995). Беллармино участвовал в дебатах о пределах и характере королевской власти и – как и Ф. Суарес – отрицал претензии светских государей на абсолютную власть. Так, Беллармино был одним из участников дебатов вокруг английской присяги 1606 г., в которых также участвовали И. Барклай (автор «Аргениды»), Ф. Суарес и сам английский король Яков I Стюарт. Однако на русском языке выходили лишь труды Беллармино, посвященные духовным упражнениям в христианском благочестии.

³⁹ Исследование христианства. Яссы, 1790; О истинном христианстве шесть книг, с присовокуплением Райского вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя. М., 1784.

⁴⁰ Предопределение человека, из сочинений г. Спальдинга, переведено Васильем Левшиним. М., 1779.

нение «Self-Knowledge: a Treatise» (1745) английского священника Дж. Мейсона⁴¹, «Manuductio ad cælum» (1658) кардинала Дж. Бона⁴² и «Introductio ad sapientiam» крупнейшего испанского гуманиста XVI в. Х. Вивеса⁴³, выполненный С. Гамалеей; а то и вовсе таких авторов, как «странствующий писатель» Г. Бериш⁴⁴. Наконец, присутствовали и анонимные тексты – например, «Карманная книжка для В*** К*** и для тех, которые и не принадлежат к числу оных»⁴⁵, «Наука общаться с богом»⁴⁶, «Прославленная божия любовь, или Разсуждение о истинной премудрости и истинном благе»⁴⁷ и многие другие. Впрочем, к числу религиозных авторов следует отнести здесь и Г. Гроция – по крайней мере, таким он предстает в зеркале русских переводов XVIII в., так как публиковались только его труды по религиозным вопросам, в защиту христианской веры⁴⁸.

Показательным было то, как отбирали российские переводчики тексты западных авторов в рамках этого массива. Взять, например, «Essai sur le bonheur, ou Réflexions philosophiques sur les biens et les maux de la vie humaine» (1758) германского интеллектуала Л. де Бособра⁴⁹, выходявшее на русском языке в 1784 г. (в переводе А. Никольского) и в 1791 г. (в переводе А.А. Кононова). Примечательно в данном случае, что другие сочинения де Бособра – такие, как посвященные социально-политическим темам «Introduction generale a l'etude de la politique, des finances et du commerce» (1764) или «Nouvelles considérations sur les années climatériques, la longueur de la vie

⁴¹ Первое издание: Иоанна Масона О познании себя самого, в котором естество и польза сея важная науки, равно и средства к достижению оная показаны, с присовокуплением примечаний, о естестве человеческом. Это сочинение, переведенное И.П. Тургеневым издавалось трижды – в 1783-м, 1786-м и 1800 г.

⁴² Христианская философия, или Руководство к небесам, содержащее в себе лучшее из священного писания, святых отцов и древних философов нравоучения. Сочинено на латинском языке Иоанном Боной кардиналом. М., 1774.

⁴³ Путеводитель к премудрости. Сочинение Лудовика Вивеса. СПб., 1768.

⁴⁴ Путешествие добродетели, или Странствование по свету юнаго китайского царевича с философом предводительствовавшим и научившим оного; В новейшия времена случившееся. Т. 1–2. М., 1782; Хризофил, или Путь к благополучию и открытию человеческих заблуждений в снискании оного. Ч. 1–3. М., 1789.

⁴⁵ Карманная книжка для В*** К*** и для тех, которые не принадлежат к числу оных; с присовокуплением: 1.) Из высочайшей философии для размышления, и 2.) поучительных изречений, разделенных на три степени. М., 1783.

⁴⁶ Наука общаться с богом. М., 1786.

⁴⁷ Прославленная Божия любовь, или Разсуждение о истинной премудрости и истинном благе, взятое из тройственного света Божияго благодати, писания и здравого разсудка. М., 1786.

⁴⁸ Разсуждение против атеистов и неутралистов. М., 1765.

⁴⁹ Опыт о благополучии или Философские рассуждения г. де Бособра о благе и зле человеческой жизни. СПб., 1791.

de l'homme, la propagation du genre humain, et la vraie puissance des États, considérée dans la plus grande population» (1757) – остались без внимания российских переводчиков⁵⁰. Эти примеры красноречивы: политические и экономические труды таких авторов, как де Бособр и подобные авторы «широкого профиля», не привлекали российских переводчиков, зато интерес вызывали их наставления в области практической морали.

Зачастую религиозную литературу смешивают с масонской: существует определенная традиция анализа масонства в российской политической культуре⁵¹. Обоснован ли подобный подход? По нашему мнению, вряд ли, поскольку массив переводившейся религиозной литературы был куда шире, чем продукция каких бы то ни было масонских кружков. Основными авторами, представленными в этом массиве, были известные богословы из Западной Европы – как католической, так и протестантской традиций. Разумеется, часть этих книг была популярна среди российских масонов⁵², а огромный вклад в публикацию переводов вносила типография известнейшего российского масона Н. И. Новикова, однако в большинстве своем переводимые авторы масонами не были, и тот факт, что их охотно издавали российские масоны 2-й половины XVIII в., вовсе не наделяет эти сочинения единой масонской идеологией. Выделить некую специфически «масонскую» тематику здесь сложно, особенно учитывая тот факт, что и само масонство во многих своих характеристиках остается чрезвычайно расплывчатым феноменом, зачастую не имеющим четкого определения. Говорить о масонской традиции имеет смысл в случае, если есть четкое понимание того, какую литературу следует относить к ортодоксальной. Но кто из упомянутых выше переводных авторов может считаться для России XVIII в. ортодоксальным – католические богословы вроде Беллармино и Бона или лютеранские проповедники вроде Шпальдинга? Это, впрочем, признают и сами исследователи масонства как социокультурного течения – так, Д. Смит констатирует, что «формулы

⁵⁰ При этом Бособр удостоился высокой оценки как знаток экономики и статистики от профессора Московского университета И.-Г. Рейхеля, приведенной в предисловии к курсу лекций по истории (Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств собранное, из публичного в 1773 году обучения Истории в Императорском Московском университете и до самых новейших времен продолженное. М., 1775. С. 7).

⁵¹ См.: Гончарова О.М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004.

⁵² И.Ф. Мартынов отмечает: «Интеллектуальный диапазон масонских теоретиков был необычайно широк, однако при отборе книг для перевода они отдавали явное предпочтение трудам неортодоксальных христианских моралистов», таких, как И. Шпальдинг или Р. Додсли (Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 96–97).

добродетелей и нравственности были свойственны отнюдь не только масонской риторике», упоминая затем сочинения М. М. Щербатова и «Наказ» Екатерины II и признавая, что масонская этика была чрезвычайно сходна с влиятельным в Европе Нового времени неостоицизмом⁵³.

Именно поэтому мы предпочитаем говорить о массиве религиозно-моралистической литературы, объединявшем сочинения католических и протестантских авторов довольно-таки разнообразных направленностей и позиций. Круг религиозно-моралистской литературы имел определенное тематическое единство – ориентацию на практическое руководство по спасению души на путях добродетельной жизни. Как возможно спасение? Как следует жить богоугодно? Как нужно сохранять религиозную мораль? Упомянутые сочинения углублялись в вопросы об обязанностях человека в обществе («о должностях»), об отношениях человека с властью, о том, как надлежит управлять и повиноваться и, главное – о том, как прожить добродетельную жизнь. Этих-то советов и искали читатели подобных произведений. И подобные тексты были действительно популярными; так, сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в числе наиболее распространенных духовных сочинений в Европе⁵⁴.

Но – как мы постараемся показать ниже – эти моральные наставления, инструкции по добродетели и рекомендации по спасению души вовсе не могут считаться маргинальными текстами политической культуры. Напротив, постольку, поскольку все эти тексты дебатировали понятие *добродетели*, массив моралистской литературы оказывал влияние на складывание российской политической культуры и заслуживает анализа именно в контексте развития отечественной политической мысли в целом.

Раздавая советы о добродетельной жизни и о спасении души, авторы трактатов практически всегда оказывались вынужденными заходить на поле советов о политике; граница, отделявшая религиозное нравоучение от морально-политического трактата (о котором нам предстоит сказать ниже) была крайне зыбкой. И, например, в «Карманной книжке для В*** К***» («вольных каменщиков») можно было встретить обширное рассуждение о «вольности», направленное против материалистов, считающих, что «зло столь же нужно, как и благо; что человек есть раб, а не господин в природе, и что он ни награждения, ни наказания не заслуживает по

⁵³ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII в. М., 2006. С. 46, 49–51.

⁵⁴ Creasy W. The Imitation of Christ by Thomas a Kempis. A new reading of the 1441 Latin manuscript. Macon, 1989. P. XXI.

необходимости своих действий»⁵⁵; материалистов, поставляющих «вольность» в «негодных низких вещах, относящихся к упражнению их и роду жизни, и состоящих по большей части в мечтаниях, на пр. в том, чтоб делать то, что они хотят», из чего «произходят разные роды вольности: вольность Университетская, Республиканская, солдатская, вольность писателей, критиков, а по изъяснению и некий род Политическая и Христианская вольности».

Автор «Карманной книжки», в противовес такому мнению, настаивал – полностью следуя в русле стоической философии – на том, что «един только мудрый есть свободен, хотя бы он был в оковах и едва жизнь свою удерживать мог»⁵⁶. А «Прибавление» к «Карманной книжке» содержало ряд рекомендаций по практическому поведению – о том, как нужно относиться к своим близким, как нужно почитать отца, как нужно выбирать жену – и включала в числе прочего и сентенцию о правителе: «Добрый правитель внемлет каждого прозвбу; он удерживает руку хотящую разити другаго, гнушается корыстолюбия, притеснения и тиранства. Не ведает он никакой опасности. Подданные его составляют медную ограду вокруг его – и уничтожают все замыслы победителя»⁵⁷.

И.В. Лопухин – известный российский масон XVIII столетия – во вполне гражданских, политических категориях описывал свою мотивацию при переводе посвященной опровержению деизма и натурализма книги курляндского пастора Г.-Ф. Штендера «Истина религии вообще» (1785): «Видя отечество мое шагами исполинов в просвещении шествующее, радуюсь я купно с вами, единоземцы мои. Но проходя пространное поле истории всех народов, видим мы, что корень погибели народной есть развращение сердечное; и для того предлагаю я вам в знак усердия моего книгу, которую почитаю я удобною к предохранению от зла сего. Что может быть полезнее религии, когда она только от суеверия очищена?»⁵⁸ Духовные наставления и религиозная полемика вовсе не казалась Лопухину (как, впрочем, и Штендеру) чем-то отвлеченным от политических, государственных нужд.

⁵⁵ Карманная книжка для В*** К*** и для тех, которые и не принадлежат к числу оных; с присовокуплением: 1) из высочайшей философии для размышления, и 2) поучительных изречений, разделенных на три степени. М., 1783. С. 51.

⁵⁶ Там же, с. 48–49.

⁵⁷ Там же, с. 101.

⁵⁸ Истина религии вообще в двух частях, из которых в первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцов и натуралистов; а во второй утверждается истина Христианской религии, следуя Священному Писанию противу неверия натуралистов. М., 1785. С. XV.

А, скажем, в сочинении «Илиотропион» авторства крупного католического проповедника XVII в. И. Дрекселя (переведенном на русский язык Иоанном Тобольским в 1714 г.) затрагиваются вопросы власти, в том числе – власти светской⁵⁹; в частности, Дрексель обсуждает вопрос о том, каким образом христианину следует испрашивать совета: «Для разрешения своих сомнений, как поступить согласно с волей Божьею в том или другом деле, проси совета и вразумления у своих духовных отцов и начальников наших, которым мы поручили свою совесть и всю нравственную деятельность своей жизни. Говоря вообще, обращай за разрешением своих недоумений ко всем предержащим властям, воля которых (исключая воли на дела греховные) есть воля Божья. Все, что они советуют (кроме греха), должны мы принимать как переданное нам чрез них самим Богом и должны исполнить»⁶⁰.

Примеры того, каким образом отвлеченные, казалось бы, религиозные наставления предлагают читателям ту проблематику, которую мы смело можем назвать политической, можно умножать. Анализ процессов развития российской политической культуры XVIII в. в категориях противостояния «религиозного» и «светского» (секуляризация) не представляется обоснованным.

Уже упомянутый М. Окенфусс решительно отказывает религиозной литературе в «политическом» статусе, утверждая: «Нет доказательств, говорящих о том, что религиозная культура была поколеблена, что россияне прекратили читать или приобретать традиционные богослужебные книги, или что они забросили старые рукописные сборники, которые на протяжении века определяли чтение»⁶¹. Окенфусс последовательно отказывается признавать

⁵⁹ «Различны власти по различным учреждениям, например: в простой избе, полной детьми; в школе – над собранными учениками; в доме, состоящем из семьи и служителей; в монастыре – из братии; в воинском лагере, собранном из отдельных полков, батальонов и других отдельных частей. Но в каждом из названных учреждений и подобных им имеется одно и то же начало к достижению благоустройства и благосостояния каждого учреждения – это начало есть повиновение подчиненных своим старейшинам, наставникам и начальникам, повиновение, приводящее различные отдельные воли подчиненных к единству, к гармонии, выражающейся во власти, организующей отдельные воли к согласному их действию. Худо станет управлять военачальник, если он не умеет управлять и удерживать благоразумно своих подчиненных в беспрекословном повиновении закону и в исполнении ими своих законных повелений или распоряжений. Напротив, там все идет успешно и достигается предназначенная полезная цель учреждения, где, например, в доме домоправитель (хозяин), в монастырях наставник братии, в училищах учитель, в полках военачальник – ведет всех порученных ему лиц своим благоразумным наставлением, примером, словом или даже одним мановением руки – к достижению доброго конца, по своему усмотрению» (Илиотропион. М., 2014. С. 70).

⁶⁰ Илиотропион. М., 2014. С. 78.

⁶¹ Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. L., 1995. P. 238.

влияние характеризуя, например, Новикова как «религиозного мыслителя»⁶² (для Окенфусса понятия «религиозный» и «политический» – антонимы). Увы, пытаясь описать культуру тогдашнего чтения, Окенфусс обращается к динамике публикаций и к составу библиотек, только, как мы отмечали в предисловии к нашей книге, состав личных библиотек мало способствует реконструкции взглядов того или иного автора – особенно если учесть, что большинство частных книжных собраний не сохранились. Подобный подход приводит к откровенным натяжкам: отмечая, что «светские книги гражданской печати были менее читаемыми, чем старые рукописи», Окенфусс ссылается на выводы отечественного библиографа А.В. Блюма о том, что «99% всего крестьянского чтения и в XIX в. принадлежало к этому типу и заключалось в чтении рукописей»⁶³. Концептуальные неувязки в работе Окенфусса вытекают именно из попытки анализировать чтение *вообще*, не различая ни контекстов бытования, ни читательской аудитории.

Религиозные тексты и впрямь продолжали доминировать среди переводов, связанных с общественно-политической тематикой, а это значит, что российского читателя и в конце XVIII столетия волновал вопрос о спасении души – как волновал он его, пожалуй, до рубежа 1920–1930-х гг., и как волновал он, пожалуй, любого другого европейского читателя. Означает ли это, что статистика способна подменить собой содержательный анализ? Безусловно, нет! Во-первых, в корпусе переводной литературы религиозная литература доминирует, но не безраздельно. Во-вторых, религиозная литература вовсе не представляла из себя монолит. Между религиозной литературой и другими крупными группами переводов не было четкой грани, что мы постараемся показать ниже – на примере текстов морально-политической литературы.

Круг текстов, который тематически примыкает к рассмотренному выше массиву религиозной литературы, но который не посвящен духовным упражнениям, можно условно назвать морально-политической литературой. Он, в свою очередь, включает две крупные группы – моральную и философскую литературу. К первой группе мы отнесли различные тексты воспитательной и нравоучительной направленности, содержащие в той или иной форме

⁶² Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia... P. 187.

⁶³ Ibid., p. 159.

инструкции и советы относительно практики поведения, позволяющего прожить добродетельную жизнь в обществе, а ко второй – сочинения, включающие также экскурсы в область гносеологии и онтологии.

В рамках этого массива значимое место занимает античная литература. И если Аристотель был скромно представлен единственным изданием в переводе Г. Полетики⁶⁴, то Цицерон, Сенека и Марк Аврелий – все непревзойденные моралисты римской традиции! – пользовались куда большей популярностью⁶⁵. Ключевой текст Цицерона, «*De officiis*», был издан на русском языке в 1761 г. в переводе Б. Волкова⁶⁶; «*De finibus bonorum et malorum*» – в 1774 г. в переводе И. Посникова⁶⁷, «*De natura deorum*» – в 1779 г. в переводе Г. Комова⁶⁸, «*Laelius de amicitia*» – в 1781 г. в переводе М. Павлова⁶⁹, а «*Cato Maior de senectute*» – в 1795 г. в переводе Е. Карнеева⁷⁰. Кроме того, в 1767 г. в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса вышли «Двенадцать отборных речей» Цицерона⁷¹, а также переводы компиляций Цицерона, сделанных аббатом Пьером-Жозефом д'Оливе – «*Pensées de Cicéron, traduites pour servir à l'éducation de la jeunesse*» (1744)⁷². Несколько раз переводились и издавались морализаторские «*Catonis Disticha*», популярная латинская книга для чтения, долгое время по ошибке приписывавшаяся знаменитому римлянину Марку Катону Старшему⁷³.

Стоики – «христианствующий» Сенека и «святейший из язычников» Марк Аврелий – были, возможно, еще популярнее в России, чем Цицерон. Труды Сенеки издавались в разных вариациях трижды (1765, 1783, 1786); кроме того, обширные фрагменты сочинений Сенеки публиковались в журналах – например, «Разсуждение Сенекино о честном житии, в котором преподается учение, как жить добрым человеком» публиковалось в 1777 г. в журнале

⁶⁴ Аристотеля О гражданском учреждении книга II переведенная с греческого языка Г. П. М., 1757.

⁶⁵ См. о восприятии Цицерона и Сенеки в России: Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007. С. 73–80, 150–151.

⁶⁶ Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях с содержанием каждой главы, и с примечаниями на достопамятные речи. СПб., 1761.

⁶⁷ Цицероновы Размышления о совершенном добре и крайнем зле. СПб., 1774.

⁶⁸ М. Туллия Цицерона О естестве богов три книги. СПб., 1779.

⁶⁹ Марка Туллия Цицерона Лелий или О дружестве. М., 1781.

⁷⁰ М. Туллия Цицерона Старший Катон, или О старости к Титу Помпонию Аттику.

⁷¹ Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей. СПб., 1767.

⁷² Мнения Цицероновы из разных его сочинений собранные для наставления юношества аббатом Оливетом. СПб., 1752.

⁷³ Дионисия Катона Краткия правила и двустиишия о нравах, писанныя к сыну. М., 1792; Нравоучительныя правила Марка Катона, мужа в добродетелях славнаго; О благонравии. Творение Дионисия Катона, вольное преложение Федора Туманскаго. СПб., 1773.

«Утренний свет». В свою очередь, «Τὰ εἰς ἑαυτόν» Марка Аврелия в переводе С. Волчкова было опубликовано целых пять раз (в 1740, 1760, 1775, 1789 и 1798 гг.)⁷⁴: «святейший из язычников» оказался важной фигурой для российской интеллектуальной жизни XVIII столетия – и как крупнейший моралист-философ, и как чтимый пример просвещенного государя, мудреца на троне⁷⁵. Упомянем также и трактат «De consolatione philosophiae» Боэция⁷⁶, изданный в переводе Феофилакта (Русанова) в 1794 г. Таким образом, выходят, что основные нравоучительные труды римской традиции были во 2-й половине XVIII столетия доступны российскому читателю. А к традиции этой следует добавить и громадный пласт историко-биографической литературы (которую мы детально рассмотрим ниже) – в первую очередь, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и труды Тита Ливия и Корнелия Тацита.

Для наглядности трансформации отечественной политической мысли стоит выделить в рамках анализируемых здесь текстов, которые относятся к литературно-дидактическому жанру «зеркала принцев» – наставления относительно того, каким образом государю следует управлять своим государством. Среди них были и классические образцы подобного рода свода правил для властителей, созданные в Восточной Римской империи и оказавшиеся в определенном смысле фундаментом жанра. В 1771 г. были изданы гражданской печатью переводы «Ἐκθεςις κεφαλαίων παραινετικῶν», классического поучения диакона Агапита, адресованного императору Юстиниану выполненные С. Писаревым и В. Рубаном⁷⁷ (впрочем, текст Агапита был знаком в России с XIV в.⁷⁸), а также «Тестамент» императора Василия⁷⁹, изданный в 1718 г. и еще раз – в 1766 г.⁸⁰

⁷⁴ Первое издание: Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римского а при том собствєнныя, и премудрыя ево рассуждении о себе самом. СПб., 1740.

⁷⁵ Известен, в частности, *диалог* «Благоутробие Марка Аврелия Антонина кесаря римского», который иногда ошибочно относят к текстам римского императора-философа. На деле эта пьеса была сочинена в честь приезда в 1744 г. Елизаветы Петровны в Киев, и Марк Аврелий выступает здесь лишь как синоним общего образа «мудреца на троне».

⁷⁶ Аниция Манлия Торквата Северина Боеция Утешение философское. М., 1794.

⁷⁷ Изложение глав или статей увещательных греческому императору Иустиниану, поднесенная Константинопольския соборныя церкви диаконом. СПб., 1771; Царский свиток, посвященный греческому императору Иустиниану Агапитом Константинопольския Софийския церкви диаконом, состоящий в LXXII главах, полезными примечаниями снабженных. СПб., 1771.

⁷⁸ Буланин Д. М. Поучение Агапита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 300.

⁷⁹ Тестамент, или Завет Василия царя греческаго, к сыну его Лву философу. СПб., 1718.

⁸⁰ Василия Македонянина царя греческаго увещательные LXVI глав к сыну своему Лву имеющее краестиише... то-есть: Василий о Христе царь греческий Лву возлюбленному сыну и соцарю. М., 1766.

Другая группа текстов, принадлежащих в определенном смысле к поучениям для государей – это тексты, представляющие традицию испанского антимакиавеллизма. Влияние этой традиции на российскую общественную мысль не становилось, насколько нам известно, предметом специального исследования. Между тем, «Reloj de príncipes» (1529) А. Гевары было опубликовано на русском языке в XVIII в. дважды (1773–1780, 1781–1782), в переводе А. Львова⁸¹. Сочинение Б. Грасиана-и-Моралеса «Ográculo Manual y Arte de Prudencia» (1647) издавалось на русском языке трижды (1739, 1742, 1760) в переводе С. Волчкова⁸²; антимакиавеллистская поэма Грасиана «El héroe» (1637) вышла на русском в 1792 г., в переводе Я. Трусова⁸³. Наконец, работа Д. Сааведра Фахардо, «La república literaria» (1655), была опубликована в 1775 г. она, впрочем, не относится напрямую к антимакиавеллистской традиции⁸⁴.

Что мы подразумеваем под «антимакиавеллизмом»? По мнению современного исследователя Р. Байрели, антимакиавеллисты эпохи барокко старались доказать отсутствие противоречия между «полезным» и «хорошим» (характерное для цицероновского морализма⁸⁵), комбинируя провиденциалистский (поскольку моральные поступки угодны Богу, добродетельное поведение в соответствии с христианской моралью ведет к успеху) и внутренний (моральные действия по самой своей природе полезны, поскольку соответствуют естественному закону) прагматизм в своих аргументах⁸⁶. Само понятие все же остается довольно-таки расплывчатым: некоторые историки полагают, что антимакиавеллизм был действительной антитезой мысли Макиавелли, тогда как другие настаивают на том, что за критикой Макиавелли скрывалась de facto адаптация ряда его идей. В конечном счете, как отмечает К. Ховард, макиавеллистская «дьявольская “школа”, эта “доктрина”, не существовала в реальности – антимакиавеллисты изобрели ее, чтобы определять себя

⁸¹ Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа, от от Антония Гевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником, советником и историком составленные. СПб., 1773–1780.

⁸² Балтазара Грациана Придворной Человек. СПб., 1741.

⁸³ Ирой Валтазара Грациана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля. М., 1792.

⁸⁴ Основным вкладом Фахардо в эту традицию считается сочинение «Idea de un Príncipe Político Christiano representada en cien empresas» (1640), которое планировал перевести на русский язык Феофан Прокопович.

⁸⁵ Korvela P.-E. The Machiavellian Reformation. An Essay in Political Theory. Jyväskylä, 2006. P. 136.

⁸⁶ Bireley R. The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapel Hill, 1989. P. 182.

от противного»⁸⁷. Испанские политические авторы XVI и XVII столетий опровергали Макиавелли, стремясь доказать, что государь может успешно следовать универсальной христианской добродетели. Практическое следование христианской этике было рекомендацией этих авторов государю – в противовес аргументам Макиавелли о необходимости сочетать качества «льва» и «лисицы» и о том, что моральная добродетель должна быть подчиненной по отношению к «общему благу» и политической добродетели⁸⁸. Антимакиавеллисты старались примирить моральные максимы с политической эффективностью. Их трактаты – развитие жанра «зеркала принцев» – были посвящены доказательству того, что можно успешно управлять государством, одновременно соблюдая моральные христианские (или лучше сказать – цичероновские?) принципы.

К кругу испанских антимакиавеллистов принадлежали Грасиан-и-Моралес, Гевара, Сааведра Фахардо, а также не издававшиеся в России в XVIII в. Ф. Сериоль, П. де Рибаденеира и Ф. Кеведо⁸⁹. Американский русист П. Бушкович справедливо привлекает внимание к проблеме влияния авторов «забытых политических бестселлеров» (таких, как Сааведра Фахардо или Гевара) в петровскую эпоху, обсуждая содержание «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича⁹⁰. Интересно отметить, что рукописные переводы

⁸⁷ Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment. LATCH 5 (2012). P. 117.

⁸⁸ Maravall J.A. La teoria española del Estado en el siglo XVII. Madrid, 1944.

⁸⁹ Современный исследователь А. Ди Сальво относит испанскую антимакиавеллистскую традицию к ренессансной неоплатонической традиции: «Эразм, Мор и итальянские неоплатоники, такие, как Пико, все отражают эту традицию. Испанские писатели, такие, как Антонио де Гевара (Reloj de príncipes, 1529), Фадрике Фурио Сериол (El consejo y consejeros del príncipe, 1559), Диего Сааведра Фахардо (Empresas políticas o Idea de un príncipe Cristiano, 1640), Бальтазар Грасиан (El político, 1646), Кеведо (Política de Dios y gobierno de Cristo 1626), Педро де Рибаденеира (El tratado del príncipe cristiano contra Maquiavelo, 1603), Сердан де Тальяда (Verdadero gobierno desta monarchia, 1581), Фелипе де ла Торпе (Institución de un rey Christiano, 1556), Бартоломе Фелипе (Tratado del consejo, 1589), могут быть включены в богатую и старую христианско-платоническую традицию политической мысли. Ведущие гуманисты, такие, как Хуан де Вальдес, Хуан Луис Вивес и Ариас Монтано включали рассуждения о роли государей в более пространные работы широкого тематического охвата. К тому же все вышеназванные работы представляли решительно антимакиавеллистскую точку зрения» (Di Salvo A. Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cerantes 9. № 2. 1989. P. 48). См. об этом: Bleznick D. W. Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of the History of Ideas. Vol. 19, No. 4 (Oct., 1958), pp. 542–550; Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment // LATCH 5 (2012): 106–119.

⁹⁰ Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert: URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology.

испанских антимакиавеллистов – Сааведры Фахардо и Сериоля – присутствовали в Архангельской библиотеке, принадлежавшей Д.М. Голицыну⁹¹. Кроме того, нами был обнаружен неоконченный рукописный перевод сочинения П. де Рибаденейры «*Tratado de la religión y virtudes*» (1595), предисловие к которому, выполненное анонимным российским переводчиком, публикуется в настоящей книге.

Ближе к XVIII в. это течение трансформировалось в жанр, который можно условно обозначить как «морально-политический роман». Центральным автором этого направления следует считать Фенелона, о чьей огромной популярности в России XVIII в. мы уже упоминали. Однако целый ряд переводных сочинений следовал в том же фенелоновском русле – следует назвать здесь романы Ж. Террасона и А. фон Галлера.

О Фенелоне мы сказали выше, поэтому обратимся к показательному примеру швейцарского физиолога, естествоиспытателя и поэта Галлера⁹². Галлер входил в число авторитетнейших европейских ученых своего времени и был чрезвычайно продуктивным автором. Он изложил свои взгляды на различные формы правления (деспотизм, ограниченную монархию и республику соответственно) в трех сочинениях 70-х гг. XVIII в., представляющих собой настоящие образцы политического романа: «*Usong. Eine morgenländische Geschichte*» (1771), «*Alfred, König der Angelsachsen*» (1773) и «*Fabius und Cato*» (1774); все они были переведены на русский язык (1783–1784, 1793) Н. Поливановым⁹³. Все три текста объединяют исторический нарратив,

⁹¹ Рукописный перевод книги «*Idea de un Príncipe Político Christiano representada en cien empresas*» Фахардо присутствовал в Архангельской библиотеке Д.М. Голицына, в описи которой она значится как «Изображение Христиана политического властелина с символами изображенное от Дидака Саверры, переведенная с латинского языка, рукописная». Был в собрании Голицына и перевод «*El Consejo, y consejeros del príncipe*» Сериоля, значащийся в описи как «Фридерика Фурия Кериоляна о советах и советниках князиих, рукописная» (Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 242–243).

⁹² Смекалина В.В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184–188.

⁹³ Плоды трудов прозаических сочинений г. барона А. Галлера, вельможи Гуменского-Юкского, и Еклагенского, кавалера Северой звезды, президента Королевского собрания наук в Геттингене, и Экономического общества в Берне. Римской, и Российской императорской и Королевской Французской, Англинской, Прусской и Шведской; Голландской, Эдимбургской, Бононской, Аркадской, Баварской, Крейнской и Упасальской академии, и словесных наук многих обществ почтенного члена. Ч. 1. Содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоличия в образе Усонга восточной повести описанное Ч. 2. Содержащая в себе изображение аристократического, или властью законов ограниченного в государстве правления. В образе жизни Алфреда короля англо-саксонов описанное. СПб., 1783–1784; Увенчанные подвиги людей мудрых и великих. Ч. 1, содержащая в себе изображение самовластного единоначалия в образе Усонга восточной повести описанное Ч. 2, содержащая в себе изображение аристо-

построенный на реальных источниках, с целиком вымышленными Галлером речами персонажей, в которых раскрываются разнообразные политические темы. Кроме того, на русском языке многократно издавалась дидактическая поэма Галлера «*Über des Ursprung des Übels*» («О происхождении зла», 1734)⁹⁴, среди переводчиков которой был и Н.М. Карамзин, который в «Письмах русского путешественника» неоднократно обращается к Галлеру, как к автору, хорошо знакомому российскому читателю. Примечательно при этом, что российские переводы представляют почти исключительно Галлера-моралиста, Галлера-политика. Однако его многочисленные исследования по физиологии и анатомии – такие, как знаменитая работа «*De Partibus corporis humani sensibilibus et iritabilibus*» (1752), раскрывающая Галлера в качестве хладнокровного и неумолимого ученого и вивисектора⁹⁵ – не переводились на русский язык: возможно, по той причине, что анатомические свои опусы Галлер писал по-латыни.

В жанрово-тематическом отношении политические романы и княжеские «зеркала», труды, инструктирующие о поведении при дворе, воспитательные трактаты, эпические поэмы (такие, как «Аргенида» И. Барклая⁹⁶) образуют массив моралистической литературы, посвященной «должностям» и «добродетелям» в обществе. От Цицерона до Хольберга, от Агапита до Бельгарда – игнорировать этот пласт литературы при изучении отечественной политической мысли Нового времени не представляется возможным. Примечательно, что и Пуфендорф – крупнейший автор-юрист XVII в. – представлен здесь переводом «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*» (1673), который вполне можно отнести к литературе о «должностях».

кратического правления, в образе жизни Алфреда короля англо-саксонов описанное. СПб., 1793; Фабий и Катон повесть взятая из римской истории. Ч. 1–2.

⁹⁴ О происхождении зла, поэма великого Галлера. М., 1786.

⁹⁵ «Сочинение примечательно, так как оно исследует сложнейшую проблему – отношения тела и души, со всеми вытекающими теологическими и философскими импликациями – на сугубо экспериментальном уровне. Повторяющийся и поддающийся последующему повторению физиологический эксперимент занял место выводов на основании аналогий или ссылок на предшествующие источники. Впрочем, эта современная (modern) вера в эксперимент имела высокую цену: необходимые эксперименты включали “стимуляцию” и вивисекцию сотен, если не тысяч, животных. Хотя жестокость, которую Галлеру приходилось проявлять, была ненавистна даже ему самому, Галлер утверждал, что польза для человечества перевешивает боль для животных. Своими бесстрастными описаниями прокалывания, подпаливания, разрывания, ударов электричеством и прижигания Галлер в *De partibus* раскрывает себя как современник де Сада, и этот бесстрастный тон сделанся тревожной изнанкой триумфального шествия наук о жизни» (Muller-Sievers H. *A Scientist and Poet / A New History of German Literature*. London; Cambridge, 2004. P. 348).

⁹⁶ Подробно о переводе «Аргениды» В. К. Тредиаковским и, в частности, о предисловии Тредиаковского к переводу см. главу 3 настоящей книги.

Рядом с морально-политическими романами и «зерцалами принцев» располагается круг литературы, посвященной «жизни в свете». Из авторов XVII–XVIII в., чьи труды оказались представлены в этом массиве переводов, в первую очередь назовем самых востребованных тогда писателей – аббата Бельгарда⁹⁷ и Л.-А. Караччиоли⁹⁸. За ними выстраивается длинный ряд: Э. Бертран⁹⁹, М. Буто¹⁰⁰, Э. Вернаж¹⁰¹, Ж. Верне¹⁰², А. Кайо и другие¹⁰³. Особо следует сказать о неоднократно издававшемся крупнейшем германском авторе-моралисте Х. Геллерте. Или, например, «Aristide» (1777) аббата А. Дюваль-Пиро¹⁰⁴, опубликованный в России без указания автора в 1785 г. А вот сочинение «Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете» впервые увидело свет на русском языке в 1762 г.¹⁰⁵ и выдержало пять изданий. Подводя итоги, сформулируем: центральную тему этой моральной литературы довольно точно характеризует подзаголовок одной из книг Бельгарда – «соединение должностей христианских, с должностями жития гражданского».

Нам нет необходимости проводить формальную – как это делает Окенфусс – границу между «классическим» и «неклассическим»: весь массив

⁹⁷ Разсуждения о том, что может нравиться и не нравиться в светском обращении. М., 1795; Истинный христианин и честный человек. То есть; соединение должностей христианских, с должностями жития гражданского. СПб., 1770; Совершенное воспитание детей содержащее в себе; молодым знатного рода, и шляхетного достоинства людям, благопристойные манеры, и приличное поведение. Со многии к поспешестванию счастья их способны правилам, и нравоучительными рассуждениями. СПб., 1747.

⁹⁸ Истинный мантор, или Воспитание дворянства, сочиненное маркизом Карачиоли, полковником в службе короля польского. М., 1769; Обращение с самим собою; В котором показывается 1. Что есть человек, и какия существенныя его части; 2. Сколь высокое душа человеческая имеет превосходство над всем вещественным и тленным; и 3. Наконец, сколь тесное должен иметь человек нравственное соединение с Богом, а отвращение от всех суетных вещей. Сочинение г. Караччиола, маркиза, полковника в службе короля польского, курфиста Саксонского. М., 1787.

⁹⁹ Основания всеобщаго нравоучения, или Картина должностей человека, разсматриваемаго во всех его отношениях. Сочинение г. Бертранда, члена многих европейских академий. М., 1796.

¹⁰⁰ Советы премудрости, или Собрание правил Соломоно-Сираховых человеку к благоразумному себя содержанию наинужнейших: с приложением на те правила рассуждений. М., 1760.

¹⁰¹ Человек довольный, научающий хорошо жить. При чем самая лучший правила из нравственной философии представляются в различных примерах исторических, могущих служить ко укрощению наших страстей, люблению добродетели и отвращению от пороков. СПб., 1769.

¹⁰² Нравоучительные сократические разговоры, сочиненные наследного князя саксен-отфского и алтенбургского женевским профессором г. Вернетом; Разговор Сократа с Пифагором о должностях человека. СПб., 1769.

¹⁰³ Разсуждение о воспитании. СПб., 1781.

¹⁰⁴ Аристид, или Истинный патриот. М., 1785.

¹⁰⁵ Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете. М., 1762.

морально-политической литературы создавался под влиянием греко-римских авторов. В содержательном смысле Тацит, разумеется, располагается ближе к Бельгарду, чем к Горацию: важна политическая ориентация текста, а не его локализация в том или ином временном периоде или языковой традиции.

Е.Н. Марасинова справедливо обращает внимание на начинающийся во 2-й половине XVIII в. процесс отхода части дворянской элиты от придворной жизни и своего рода культ жизни вдали от порочного «света»: «Фрондирующая знать уходила не столько к земле, сколько от двора, света и самовластия ища независимости и духовного покоя. <...> Итак, на духовной и интеллектуальной периферии российского абсолютизма, будь то дворянская усадьба в глуши Саратовской губернии, литературный дружеский кружок, интимный мир семейной идиллии, личная воля благотворителя, художественный журнал, вступивший в полемику с тронem, или мистическая обрядовость масонской ложи – в этих удаленных от бюрократического давления сферах было ослаблено действие статусных регламентаций, официозных нормативов и общепринятых чиновных ценностей. Однако внутреннее отдаление интеллектуальной фронды от эпицентра действия традиционных ориентиров вовсе не означало борьбы с самодержавием»¹⁰⁶.

Впрочем, разрыв с порочным «светом», бегство от коррумпированного двора и самосовершенствование на фоне сельской жизни были лишь частью стратегий, которые российские читатели могли почерпнуть из массива моралистской литературы. Многие переводные работы учили представителей элиты добродетельной жизни в обществе, далеком от совершенства, – в частности, жизни придворного, вынужденного (в тацитовском духе) придерживаться добродетели в ситуации, далеко не располагавшей к этому. Лейтмотивом литературы морально-политического характера – от испанских антимакиавеллистов до Фенелона и Руссо – была уверенность в том, что культивирование моральных добродетелей не конфликтует с «общим благом», а, напротив, поддерживает его. В этом отношении книги морально-политической тематики смыкались с религиозной литературой, которую мы кратко рассмотрели выше: их объединяло сходное понятие об имманентной добродетели, выступающей компасом в светском мире и залогом грядущего воздаяния. Важным было и присутствие, с одной стороны, российских образцов морально-политического романа, а с другой – интерес отечественных

¹⁰⁶ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 365, 384. К сходному выводу приходит и Д. Смит, называя в числе подобных «убежищ добродетели» масонские ложи (Смит Д. Работа над диким камнем: масонский орден и русское общество в XVIII веке... С. 98).

переводчиков к этому жанру, приведший к появлению на русском языке таких авторов, как Фенелон или Галлер.

Инструментом политической речи в подобном контексте оказывался анализ добродетели, ее движущих факторов и социальных последствий. «При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!»¹⁰⁷ – эта цитата, заключающая небольшое сочинение – «Греческую повесть» – Д.И. Фонвизина 1786 года «Каллисфен» (представляет собой типичный морально-политический экскурс с использованием античной фабулы), демонстрировала политическое значение добродетели в российской общественной мысли XVIII столетия.

Показательно, что и С.И. Писарев, посвящая Елизавете Петровне перевод нравоучительного сочинения «Le Conseils de la sagesse» французского иезуита-теолога М. Буто, характеризовал свой труд как «упражнение к пользе отечества». И обращаясь к читателю, в предисловии подчеркивал необходимость исправления склонности человека к пороку («худу») с помощью воспитания, внушающего как богобоязненность, так и «добронравное житие и честное с людьми обхождение» и, наконец, трудолюбие. Книга Буто, по словам Писарева, содержит необходимые наставления по поводу «порядочного поведения»: «А имянно: как надобно ему совестию, умом, сердцем и языком править? Да и как со всеми своими домашними, также и с приятельми поступать?»¹⁰⁸

И действительно, сочинение Буто содержало разнообразные рекомендации относительно того, каким образом поступать добродетельно в несовершенном мире, где нужно искать совета, как сохранять разумное постоянство. Например, «правило XIII», гласившее «Жестокосердый во зло упадет», повествовало о том, как следует примирять постоянство (безусловно, положительно качество) с меняющимися обстоятельствами: «Истинное постоянство не состоит в твердом хотении того, что мы благоразмыслительно и разумно решили: но во всегдашнем хотении того, чего хочет правосудие и справедливое рассуждение. Многие намерения в один день кажутся хороши, но в другой не бывают таковы: и легко стать может, что глупым исполнением сего дни то было бы, что вчера решено, и от разума на мере поставлено»¹⁰⁹.

Считать ли подобный образец «честного обхождения» и «порядочного поведения» относящимся к сфере политического? Вспомним пункт 37 «Наказа» Екатерины II: «В государстве, то есть в собрании людей, обществом

¹⁰⁷ Фонвизин Д.И. Каллисфен / Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 38.

¹⁰⁸ Советы премудрости, или Собрание правил Соломоно-Сираховых... С. VII.

¹⁰⁹ Там же, с. 24.

живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно»¹¹⁰. Но, задумавшись, *чего* надлежит хотеть? Здесь открывался простор для морализаторских сочинений и дидактических наставлений: один из вариантов ответа на этот вопрос и содержала приведенная выше цитата из сочинения Буто – капля в океане нравоучительных текстов, переводившихся на русский язык.

Значимый текст этой традиции – «Политическое завещание» (1624) кардинала Ришелье. «Завещание», будучи набором практических советов по управлению государством, не предназначалось для публикации. Здесь Ришелье подчеркивает важность личного примера монарха и особую ответственность государя перед Богом. Ришелье заключал свой текст императивом о необходимости любви подданных к государю (со ссылкой на «Киропедию» Ксенофонта). А в главе II кардинал отмечал: «Любовь – сильнейшая побудительная причина, заставляющая покоряться, а подданные не могут не любить государя, ежели знают, что всеми его действиями руководит разум»¹¹¹. В числе того, что необходимо государю для «могущества», называны репутация, армия, финансы и «власть над сердцами подданных» (основанная как на любви, так и на «разумном страхе»)¹¹². Содержательно «Завещание» Ришелье было сложным текстом, ориентированным на своеобразное примирение религиозной морали и набожности с государственным интересом.

Тем более важен интерес к сочинению Ришелье в России XVIII в. Предисловие неизвестного переводчика, публикуемое в настоящей книге, говорит о существовании такого интереса; оно содержит весьма содержательный конспект текста Ришелье. Это предисловие может считаться одним из первых макиавеллистских текстов, написанных в России. Комментируя перевод, переводчик отмечал: «Политикою называют злодейство и бездельничество, а политиками называют злых людей и бездельников, противно натуре и резону неведением, понеже многия не знают в чом состоит истинная политика, и ето есть двойная политика, одна министерская, а другая всяких людей, как выше сего показано, а доброму министру обе надобны»¹¹³. Получалось, что

¹¹⁰ Наказ императрицы Екатерины II данный Комиссии о составлении нового Уложения. СПб., 1907. С. 8.

¹¹¹ Ришелье А.Ж. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М., 2008. С. 207.

¹¹² Там же, с. 240.

¹¹³ На этот же фрагмент справедливо обращает внимание и М. Николаева (Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // Русская филология. Гданьск, 1973. С. 14–15).

политика «министра» пусть и отличается от политики обычного человека, но они обе нацелены на моральный стандарт.

Что такое добродетель министра? Она предполагает, что тот – добрый христианин и разумный политик. Если министр – не христианин, то он будет порочным, будет «делать зло и свои собственные интересы будет хранить больше, нежели Государственные или всенародные: во вред Государству бедных будет обидить, правых обвинять, злых людей защищать, добрых теснить и гнать, в чины производить не по заслугам и достоинству, но по своей милости и похлебству, Государя своего обманывать и доносить о делах неправду».

Будучи добрым христианином, министр должен быть и добрым политиком, то есть обладать особым *искусством* («политика истинная есть художество управлять Государством», замечает переводчик), с помощью которого он ведет государство к общему благу. Но этим определением политика не исчерпывается: «Еще всякой человек есть политик, которой со всеми людьми обходится разумно, честно и правдиво, себя от всякого зла охраняет, к другим никакова зла не делает. Такая политика не толко надобна министру, но и всякому человеку потребна, потому что к люцкому обхождению естественно полезна и христианству во всем так согласна, что человеку от Бога не заповедано быть политиком, но паче повелено, и Христос своих апостолов учил оной политике тако: се аз посылаю вас яко, овцы посреде волков. Будите убо мудри, яко змии, и цели, яко голубие (Мат. 10.16), то есть, от злых людей себя охранять, а само зла никому не делать».

Итак, должность министра предполагает христианскую добродетель, особое искусство (за которое переводчик не устает восхвалять Ришелье) и политику обхождения, которая нужна каждому человеку и которая полностью соответствует христианству. Сочетая искусство и добродетель, министр будет способен добиваться общего блага, не становясь при этом на путь порока. Подобная антимакиавеллистская аргументация (на самом деле включавшая целый ряд макиавеллиевых идей) была важной частью многих текстов морально-политической направленности.

Третьим крупным массивом переводной литературы стал пласт исторических сочинений. То, что подобная литература была представлена в переводах весьма широко, неудивительно, ведь анализ прошлых царствований, легенд и мифов о них для российской образованной элиты был не менее важным способом разговора о политике, чем нравоучение о «должностях».

Во-первых, это обойма изданий по античной истории. Она представлена в первую очередь самими греко-римскими авторами, о которых мы уже упоминали выше – Ксенофонт, Полибий, Тит Ливий, Саллюстий Крисп, Тацит, Плутарх и другие¹¹⁴. Другую часть этого блока формируют труды авторов Нового времени, посвященные античности – скажем, работы аббата Верто или Ш. Роллена¹¹⁵. Особое место занимали путеводители по античной мифологии.

Во-вторых, это разнообразные варианты «всеобщей истории», начиная с изданной в 1719 г. в Москве книги Ц. Барония «Деяния церковная и гражданская»¹¹⁶. Среди этих книг присутствовали труды Боссюэ и Л. Хольберга, Вольтера¹¹⁷, Г. Кураса¹¹⁸, А. Шлецера¹¹⁹, московского профессора И. Рейхеля, а также «Зеркало всеобщей истории» К. Гаттерера¹²⁰.

В-третьих, это труды по истории отдельных европейских стран. По количеству изданий лидировали книги, связанные с историей Польши. Помимо нее, были представлены Дания, Швеция, Франция, Англия, Германия (Священная Римская Империя), Испания, Португалия, Неаполитанское королевство (из крупных европейских стран в рассматриваемом массиве переводов не были представлены, пожалуй, лишь Нидерланды). Наконец, ряд исторических сочинений повествовал об истории стран Азии. Здесь наиболее популярной была Османская империя; кроме того, внимание переводчиков привлекали книги по истории Китая, Японии, Ирана и других стран¹²¹.

¹¹⁴ Например: Квинта Курция История о Александре Великом царе македонском с дополнениями Фрейнгсгейма и с примечаниями. СПб., 1788.

¹¹⁵ Римская история от создания Рима до битвы Актийская то есть по окончании Республики сочиненная г. Ролленом, преждебывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия, и членом Королевския академии надписей и словесных наук. Т. 1–16. СПб., 1761–1767.

¹¹⁶ Деяния церковная и гражданская от рождества Господа нашего Иисуса Христа из летописания Кесаря Барония собранная. М., 1719.

¹¹⁷ Новое расположение истории человеческого разума. СПб., 1775.

¹¹⁸ Введение в генеральную историю изданное на немецком языке от Гильмара Кураса. СПб., 1747.

¹¹⁹ История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в древнюю историю, продолжающаяся до нынешних времен. СПб., 1788; Детской повествователь, кратко уведомляющий о некоторых главных переменах, происходивших на земном шаре, с присовокуплением нескольких примеров, к нравованию служащих. М., 1789.

¹²⁰ Зеркало всеобщей истории представляющее в себе по порядку леточисления ясно и кратко все достопамятные, в политическом, церковном и ученом состоянии от начала мира до нынешних времен бывшие происшествия. М., 1782.

¹²¹ Например: Известие о двух возмущениях случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V. СПб., 1738; Монархия Турецкая описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПб., 1741; Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. М., 1773; Варнавы Бриссония, главного в Париже сенатора, о Персидском царстве. М., 1781.

В-четвертых, это жанр исторического жизнеописания, в том числе автобиографии и мемуары. Мы можем перечислить всех исторических деятелей, чьи биографии привлекли внимание переводчиков – такой список не будет чрезмерно длинным (при условии, конечно, что мы исключим Плутарха и других античных авторов): Карл V¹²², Елизавета Тюдор¹²³, Генрих IV¹²⁴, Евгений Савойский¹²⁵, Э. Лаудон¹²⁶, Иосиф II¹²⁷, Людовик XVI¹²⁸, Фридрих II¹²⁹, Ж. Бюффон¹³⁰, Карл-Эдуард Стюарт (якобитский претендент на трон Британии, известный как Bonnie Prince Charlie)¹³¹, Мария Терезия¹³², У. Питт¹³³,

¹²² История о государствении имп. Карла Пятаго, с приложением наперед краткого начертания о приращении сообщества в Европе, от разрушения Римской империи до начала шестагодесять века. Сочиненная г. Робертсоном, доктором богословия, Едимбургского университета сениором, и шотландским историографом его британнического величества. СПб., 1775–1778.

¹²³ История Елисаветы королевы аглинской. СПб., 1782.

¹²⁴ Дух Генрика IV, или Собрание весьма любопытных анекдотов, изящных поступок, остроумных ответов и нескольких писем сего государя. М., 1789; Истрия короля Генриха Великаго, сочиненная Гардуеном де Перефиксом, епископом Родецким, бывшим учителем короля Людовика XIV. Тамбов, 1789–1790.

¹²⁵ Описание жития и дел принца Эвгеня герцога Савойскаго и генералиссимуса над армиями его римскаго цесарскаго величества и всея Империи с грьдорованными изображениями всех его баталий и знатнейших осад. СПб., 1740.

¹²⁶ Жизнь австрийскаго генералиссимуса барона Лаудона, славнейшаго в нынешнем веке полководца, с подробным описанием всех военных действий, кои приобрели ему бессмертную славу, и с приложением гравированнаго портрета. М., 1793.

¹²⁷ Журнал и любопытныя анекдоты, путешествия графа Фалкенштейна. М., 1781; Начертание жизни Иосифа II императора римскаго, заключающее в себе: род и происхождение имп. Иосифа II, различие качеств его в отроческих и зрелых летах; образ воспитания его; любопытныя произшествия, случившыяся при путешествии императора, как в свои, так и иностранныя земли; достопамятныя преобразования, учиненныя оным касательно империи его, политическаго положения, военнаго искусства и религии; чрезвычайное путешествие папы Пия VI в Вену для посещения императора, и любопытнейшия при том произшествия, переписка императора с разными государями и прочими знаменитыми особами, с присовокуплением описания последней войны императора с Оттоманскою Портою и всех достопамятнейших деяний и произшествий, случившихся в течении жизни имп. Иосифа II по самую его кончину. СПб., 1792.

¹²⁸ Достопамятныя деяния и свойства души Лудовика XVI короля французскаго, с описанием его кончины. СПб.; М., 1793–1795; Жизнь и страдание Лудовика XVI, короля французскаго и наваррскаго умерщвленнаго в 21 день января, 1793 года. С рассмотрением царевубийственнаго определения. Сочинение г. де Лимона. М., 1793.

¹²⁹ Жизнь и деяния Фридриха Великаго короля прусскаго. СПб., 1788; Изображение великаго Фридерика короля прусскаго взятое из анекдотов самых достовернейших о военной, философской и приватной его жизни, сочинения г. Бурде наставника в науках и художествах ее королевскаго высочества принцессы Вильгельмины прусской. М., 1785.

¹³⁰ Жизнь Бюффона. СПб., 1794.

¹³¹ Жизнь и странныя приключения умершаго в 1788 году Карла Эдуарда, претендента Великобританской, Французской и Ирландской короны. М., 1794.

¹³² История государствования Марии Терезии, императрицы германской, королевы венгерской и богемской, эрцгерцогини австрийской и проч. и проч. и проч. предшествуемая родословными и хронологическими таблицами до конца 1780 года. М., 1791.

¹³³ Жизнеописание славнаго англискаго министра Виллиама Питта, графа Четамскаго. СПб., 1790.

Карл XII¹³⁴, бургундский герцог Карл Смелый¹³⁵, И. Банер¹³⁶, канцлер Франции М. де Лопиталь¹³⁷, Вольтер¹³⁸, молдавский князь К. Кантемир¹³⁹, польский король Август III¹⁴⁰, Ж.-Ж. Руссо¹⁴¹, наследник испанского трона дон Карлос¹⁴², Ф. Бэкон¹⁴³, нормандский герцог Роберт Дьявол¹⁴⁴, герцогиня Феррарская Рената¹⁴⁵ и шевалье д'Еон¹⁴⁶. Особое место занимают персонажи азиатской истории, биографии которых были переведены на русский: это пророк Мухаммед¹⁴⁷, «китайских философов начальник» Конфуций¹⁴⁸ и иранский шах Надир¹⁴⁹. Среди переводов и немногочисленные автобиографии и мемуары –

¹³⁴ История или описание жизни Карла XII короля шведского. СПб., 1777. Карл XII также оказался героем нескольких историко-публицистических сочинений, принадлежавших Л. Хольбергу, Э. де Ваттелю и Фридриху II; все они также были переведены на русский язык.

¹³⁵ Сокращение жизни и деяний Карла герцога Бургундского, прославившегося прежде отменною храбростию в произведении многих удачных сражений, а напоследок претерпевшего великия бедствия от оных. Из сочинений Иоанна Слейдана. СПб., 1789.

¹³⁶ Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем шведским, и Сигизмундом, королем польским, и с кратким извещием начавшейся вскоре после того в Германии тридцатилетней войны за веру. М., 1788.

¹³⁷ Жизнь Михаила дел-Опитала, канцлера французскаго. СПб., 1787.

¹³⁸ Жизнь славнейшаго г. Вольтера с приобщением к ней поемы Естественный закон, его же сочинения. СПб., 1787.

¹³⁹ История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с россий[ским] переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров. М., 1783.

¹⁴⁰ Дополнение к Польскому летописцу, изъясляющее жизнь Августа III, короля польского, учиненное на польском языке Иоанном Альбертрандом иезуитом, славным богословом и историком, которым и Летописец сей с французского на польский переведен и напечатан у книгопродавца Михаила Греля в Варшаве 1766 года. М., 1782.

¹⁴¹ Выписка из уведомления о последнем времени жизни Жан Жака Руссо, о приключении его смерти и какая по нем остались сочинения, писанного на французском языке г. Лебег Дюпре-лем, доктором в Париже, и цензором королевским в 1778 году. Переведено с прибавлением некоторых новейших примечаний, с описанием гробницы Жан Жака и сочиненной ему эпитафии 1780 года, сентября 10 дня. СПб., 1781.

¹⁴² История о гишпанском принце, Дон Карлосе сыне гешпанского короля Филипа II. СПб., 1760.

¹⁴³ Житие канцлера Франциска Бакона. М., 1760.

¹⁴⁴ История Роберта герцога Нормандского прозванного Дьяволом. СПб., 1785.

¹⁴⁵ Просвещенная принцесса, или Жизнь Ренаты, герцогини Феррарской, сочиненная г. Катто. М., 1788.

¹⁴⁶ Достойная примечания жизнь прежде бывшего кавалера д'Еона, а нынешней дамы д'Еоны де Бомонт. М., 1787.

¹⁴⁷ Обстоятельное и подробное описание жизни лжепророка Магомеда, с точным показанием времени и места его рождения, свойств и первоначального состояния; начала, причин, успехов и распространения вымышленного им обмана, со многими другими особенностями; служащее объяснением на многие места его Ал Корана. Собранное из достовернейших арабских, еврейских, халдейских, греческих и латинских писателей славным доктором Придо. СПб., 1792.

¹⁴⁸ Житие Кунг-Тсеа или Конфуциуса, как именуют его европейцы, наиславнейшаго философа китайскаго, возсотановлятеля древней учености. М., [без года]; Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника. М., 1780.

¹⁴⁹ История о персидском шахе Тахмас Кулы-хане. СПб., 1762.

например, «My Own Life» Д. Юма¹⁵⁰, «Мемуары» королевы Кристины Шведской, кардинала де Реца или М. Сюлли¹⁵¹.

Сравнительный охват каждой из основных групп показан в таблице 4.

Таблица 4.

Основные тематические группы
переводной историко-политической литературы

Тема	Количество единиц
История древнего мира	82
Историческая биография	57
История отдельных стран Европы и Азии	56
Всеобщая история	40
История России	14
История Нового света	4
Прочие	38
Итого	291

История древняя, история всеобщая, история отдельных (современных) стран, историческая биография – эти четыре группы были основными среди переводной историко-политической литературы. Из наших подсчетов явствует доминирование античной тематики в переводной исторической литературе, хотя в сумме массив литературы по современной истории (включающий как биографию, так и историю отдельных стран, а также большинство работ по всеобщей истории) превышает его. Следует также отметить, что в группе исторических биографий практически все сочинения вышли в последнюю четверть XVIII в., тогда как в других группах они распределены более равномерно; можно сделать вывод о том, что постепенный рост публичной сферы и книготорговли (частью которого было и открытие вольных типографий) сопровождался особенным интересом издателей к этому жанру.

Исторический нарратив оставался важнейшим источником формирования политической культуры. Трудно, конечно, провести четкую границу между

¹⁵⁰ Жизнь Давыда Гумма, описанная им самим. М., 1781.

¹⁵¹ Записки Максимилиана Бетюна герцога Сюлли, первого министра Генриха IV: Приведенные в порядок и примечаниями снабденные, новейшего вновь просмотренного и исправленного издания в Лондоне. М., 1770–1776; Записки Христины королевы шведской. СПб., 1774; Записки кардинала де Ретца, содержащая в себе наидостопамятнейшие происшествия во Франции в продолжение первых лет царствования Людовика XIV. Калуга, 1794.

морально-политическим романом и историческим повествованием – исторические тексты Тацита или Плутарха вполне могли быть прочтены и как морально-политические наставления; с другой стороны, трактат Монтескье «О духе законов» глубоко касается вопросов истории, а уж Пуффендорф и Вольтер и вовсе могут с полным основанием считаться историками. Пример *из прошлого* сохранял значение как базовый политический аргумент, и в этом смысле история оказывалась настоящей *magistra vitae*.

Например, В. Созонович в предисловии к «Философическому и политическому повествованию о состоянии Европы до открытия Америки» Рейналя отмечал: «Там чистое лицо Политики, прямо поспешествующей благу человечества, как солнце, сияет». А переводчик «Начертания истории нынешних знатнейших европейских государств» Г. Ахенвалля писал: «Познание Политического состояния процветающих ныне в Европе государств зависит от знания бывших в них главных перемен, а именно полезных или вредных установлений, веденных с соседями браней, мирных и купеческих договоров и проч.» Исторический жанр оказался быстро адаптирован на российской почве – возможно, именно здесь адаптация шла с наибольшим эффектом. Адаптируемые исторические сочинения предоставляли объяснительные модели, отличные от тех, что предлагались в допетровской российской традиции. В первую очередь это касалось текстов по римской истории, основные сюжеты которых оказывали сильнейшее влияние на осмысление истории российской в XVIII в.

Чрезвычайно важно, что историко-политический жанр был эффективно адаптирован на российской почве – в жанре российской истории попробовали себя многие авторы, от В.Н. Татищева до М.М. Щербатова и Ф. Эмина. Примечательным, правда, представляется то, что сфера интересов российских авторов ограничивалась преимущественно российской историей. Работая в жанре исторического или историко-политического повествования, отечественные авторы полагались на экспорт риторических и объяснительных моделей из европейской литературы. В этом смысле влияние исторических изданий – прежде всего, античных текстов либо работ по античной истории – представляется нам определяющим; и большое количество трудов по древней истории (почти исключительно – по греко-римской истории), как думается, подтверждает этот тезис.

К этим крупнейшим (но не разделенным какой-либо непроницаемой границей) массивам примыкают работы, которые мы можем условно объединить под названием «экономической литературы», в том или ином виде ставившие вопрос о том, «как государство богатеет». Эта группа относительно невелика (мы насчитали всего 23 издания), но зато обладает большим внутренним единством, а также – в отличие от упомянутых выше пластов морально-политической и историко-политической литературы – состоит почти целиком из работ современников, авторов XVIII столетия. Как надлежит монарху действовать, чтобы организовать налоговую систему, устроить фабрики, выстроить коммерцию и, в конечном счете, увеличить «изобилие» страны? Эти вопросы оставались чрезвычайно важными для российской политической культуры, и значимость их далеко выходила за пределы узкой практики по внедрению технологических новшеств¹⁵².

Часть этой группы составляют опубликованные на русском языке труды камералистов, к которым можно отнести «Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freiheit» (1759)¹⁵³ Ф. фон Мозера, «Institutiones Politiques» (1760) Я. фон Бильфельда¹⁵⁴, «Die Grundfeste zur Macht und Glückseligkeit der Staaten» (1760–1761) И.-Г. Юсти¹⁵⁵, «Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft» (1765–1767)¹⁵⁶ Й. фон Зонненфельса. Конечно, понятие «камерализм» представляют собой довольно-таки условную генерализацию – хотя бы потому, что сочинения Мозера и Бильфельда посвящены не столько экономике, сколько вопросам управления. Приведем классическое определение американского исследователя начала XX в. А. Смолла: «Камералисты были группой германских писателей середины XVI – начала XVII века, которые подходили к гражданским проблемам с единых позиций, предлагали один и тот же центральный вопрос и развивали когерентную гражданскую

¹⁵² См.: Schippan M. Ökonomische Debatten in Russland im 18. Jahrhundert. Personen – Institutionen – Themenfelder. In: Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens. Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts. Hrsg. von Marcus Popplow (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt. Bd. 30). Münster/New York/München/Berlin 2010, S. 305–321.

¹⁵³ Государь и министр книга, сочиненная г. Мозером, с немецкаго языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1766.

¹⁵⁴ Наставления политические барона Бильфельда. М.: Университетская типография, 1768.

¹⁵⁵ Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Сочинил И.Г.Г. Юстий, а с немецкаго на российский язык перевел Иван Богаевский. Ч. 1–4. СПб., 1772–1778.

¹⁵⁶ Иосифа Зонненфелса Начальныя основания полиции или благочиния. М., 1787.

теорию, отвечавшую германской системе администрации своего времени в процессе ее эволюции. Для камералистов центральной проблемой науки была проблема государства. Для них объектом всей социальной теории была поиск того, каким образом можно обеспечить благосостояние (welfare) государства. Они видели в благосостоянии государства источник всего остального благосостояния. Их ключом к благосостоянию государства был доход, обеспечивающий государственные нужды. Вся их теория вращалась вокруг центральной задачи обеспечения государства готовыми средствами»¹⁵⁷. Мы, конечно, не предлагаем считать данное определение исчерпывающим: о том, кого относить к числу камералистов и как определять сам камерализм, велись и ведутся дебаты¹⁵⁸. Здесь важнее отметить, что в зону повышенного внимания российских переводчиков попали аж четыре германских трактата, к тому же изданных в течение промежутка всего в восемь лет на рубеже 1750-х – 1760-х гг.

Были представлены на русском языке и посвященные экономике и управлению труды представителей итальянских школ политической экономии – миланской и неаполитанской. Вопрос о воздействии этих текстов на российскую политическую мысль (в отличие от влияния, например, работ Юсти или Бильфельда) не только не подвергался детальному исследованию, но, кажется, даже и не ставился – за исключением, конечно, труда Ч. Беккариа «*Dei delitti e delle pene*» (1764), который послужил одним из источников екатерининского «Наказа»; при этом сам текст Беккариа был опубликован на русском языке только в 1803 г. Между тем, в XVIII в. на русском языке вышли еще три работы, представляющие итальянскую политэкономия – «*Della pubblica felicità*» (1749) Л. Муратори¹⁵⁹, «*Delle virtù e dei premi*» (1766)

¹⁵⁷ Small A. The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity. Chicago, 1909. P. VIII. В своем объемном труде Смолл относит к «камералистам» М. фон Осса, Г. Обрехта, Л. фон Секендорфа, Й. Бехера, В. Шредера, К. Герхарда, Ю. фон Рора, С. Гассера, Дитмара, Дарьеса, И.-Г. Юсти и Й. Зонненфельса, уделяя двум последним столько же места, сколько всем прочим. Мозера и Бильфельда Смолл к «камералистам» не отнес.

¹⁵⁸ См.: Wakefield A. The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice; Wagner R. E. The Cameralists: Fertile Sources for a New Science of Public Finance // Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics. N.Y.; Dordrecht; Heidelberg; L., 2012. P. 123–136; Raef M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth-Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Analysis // American Historical Review. 1975. Vol. 80, № 5. P. 1221–1243; Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник, 2013, № 3(40). С. 20–29.

¹⁵⁹ Разсуждение о благоденствии общенародном, Лудвика Антония Муратория, книгохранителя Моденского герцога. М., 1780.

Дж. Драгонетти¹⁶⁰ и «Dialogues sur le commerce des bleds» (1770) Ф. Галиани¹⁶¹. Трактат Драгонетти вышел в Италии позднее, чем трактат Беккариа¹⁶², однако на русском языке появился раньше, чем «*Dei delitti e delle pene*».

Трактаты А. Гуайона де Пломбани «*Vues politiques sur le commerce*» (1759)¹⁶³ и Ж. Аккариа де Серионна «*Les Intérêts des nations de l'Europe développés relativement au commerce*» (1766)¹⁶⁴ были посвящены обзору европейской торговли. Наконец, в 1786 г. на русском языке вышла книга французского генерального контролера финансов Ж. Неккера «*De l'Administration des finances de la France*» (1784). К этому же массиву следует причислить и сочинение «*On Luxury*» (известное также как «*On Refinement in the Arts*», 1752) Д. Юма¹⁶⁵, изданное в переводе Ф. Левенкова в 1774 г.; интересно, что уже в следующем, 1775 г. выйдет другая работа на ту же тему – перевод статьи Ж.-Ф. Ламбера «Роскошь» из «Энциклопедии». Кроме того, на русском выходили два труда Ж.-Ж. Руссо, посвященные политической экономии.

А вот знаменитая французская школа физиократов в переводах на русский язык в XVIII в. не была представлена вовсе – в 1768 г. в России был опубликован перевод знаменитого сочинения «*Essai Politique sur le Commerce*» (1734) Ж.-Ф. Мелона¹⁶⁶, которого иногда считают предшественником физиократов¹⁶⁷, однако ни Ф. Кенэ, ни А. Тюрго, ни Мерсье де ла Ривьер (который, правда, совершил путешествие в Россию по приглашению Екатерины II в 1767 г.) или Мирабо-старший так и не оказались у нас представлены широко читателю. Вместо этого в 1794 г. типография Академии наук печатала

¹⁶⁰ Разсуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием разсуждению о преступлении и наказании, переведено с французского языка. СПб., 1769.

¹⁶¹ Разговоры о хлебном торге. СПб., 1776.

¹⁶² Существует рукописный перевод Беккариа, выполненный М. М. Щербатовым (Gherbezza E. «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Неизданный перевод М.М. Щербатова // Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter. № 33. November 2005).

¹⁶³ Политическое намерение о коммерции. Сия книга пишет больше всего о хлебе. По том кажет способы, к ободрению земледелия, и художеств; также, к умножению общей комерции, в государстве. Напечатана в Амстердаме 1759 года. СПб., 1771.

¹⁶⁴ Пользы европейских народов, изъясненные со стороны торговли. Переводил сенатский секретарь Семен Башилов. СПб., 1771.

¹⁶⁵ Наука к познанию роскоши, сочиненная на английском языке г. профессором Давидом Гюмом, а с оригинала французского перевел на российский язык Лейб-гвардии Преображенского полка фурьер и Императорского Московского Университета студент Федор Левченков. СПб., 1776.

¹⁶⁶ Политический опыт о коммерции. СПб., 1768.

¹⁶⁷ Hochstrasser T. J. Physiocracy and the Politics of Laissez-Faire / Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought. Cambridge, 2008. P. 422.

уже пятый тираж «Флориновой экономии», текста о практике домашнего хозяйства авторства лютеранского пастора Ф. Флоринуса, чье сочинение «*Oeconomus Prvdens Et Legalis*» (1702) оказалось в России XVIII в. едва ли не самой издаваемой книгой по экономике... В 1780 г. вышел перевод вольтеровской сатиры «*L'Homme aux quarante écus*» (1768)¹⁶⁸, высмеивавшей физиократов и потому включенной нами в число экономических текстов.

Из 23 книг по экономике, вышедших на русском языке в XVIII в., пять входили в число «экономических бестселлеров» согласно определению К. Карпентера (список Карпентера насчитывает 40 единиц наиболее популярных – по числу изданий – экономических трудов, выходивших в Европе до 1850 г.)¹⁶⁹. К бестселлерам относятся работы Мелона, Бильфельда, Зонненфельса, Юма (который, как помним, представлен на русском лишь одним из своих эссе) и Неккера («*De l'administration des finances de la France*»).

В статье «О торговле вообще», вышедшей в 1783 г. в «Прибавлении к Московским ведомостям», автор (которым, очевидно, был сам Н.И. Новиков) упоминает наиболее важных, по его мнению, авторов, писавших о торговле; в их числе названы Д. Юм, Л. Шмид, Ф. В. фон Таубе, Й. Зонненфельс, И. де Пинто, Рейналь, Ф. де Фортбонне. Из этих семи писателей на русском языке выходили отдельными изданиями только сочинения Юма, Зонненфельса и Рейналя. Впрочем, российские читатели могли иметь дело с западными мыслителями и помимо посредничающего перевода.

Все сочинения, о которых речь идет выше, были опубликованы в рамках достаточно компактного хронологического периода. Их появление на русском языке представляется чрезвычайно важным, поскольку оно маркирует возникновение на отечественной почве политической экономии. Как ни странно, экономическая литература не породила в XVIII в. полновесной российской адаптации – быть может, таковым следует считать труд М. Чулкова в публичной сфере, сочинения С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова – в придворно-столичной, а также добавить сюда интенсивные дебаты среди администраторов империи о социальной и экономической политике. Тем не менее, влияние экономической литературы и ее связь с другими жанрами (как мы увидим в главе 4 настоящей работы, трактат Монтескье «О духе законов» мог читаться как апология коммерции) позволяют выделить ее в особую группу текстов.

¹⁶⁸ Вольтер. Человек в 40 талеров. СПб., 1780. См.: Онкен А. Система физиократов // Физиократы. Избранные экономические произведения. М., 2008. С. 769.

¹⁶⁹ Carpenter K. The Economic Bestsellers before 1850. Bulletin № 11, May 1975, of the Kress Library of Business and Economics, Boston, Harvard Business School.

Появление этих переводов означало, кроме прочего, генезис новой манеры речи, отличавшейся от доминировавшего в придворной сфере панегирического стиля, где экономика была лишь одним из эффектов деятельности монарха-демиурга, и черпавшей из нее свою силу. Проявлением этого стало обсуждение проблемы добродетели и роскоши (рассмотренное подробно в главе 4), присутствующее, правда, в сочинениях различных жанров.

* * *

Итак, в сфере печатных публикаций российская политическая культура тяготела, как показывают наши выкладки, к определенным жанрам переводной литературы – таким, как нравоучительные наставления, инструкции о добродетельной жизни, исторические описания. Зачастую обсуждение политики разворачивалось не с помощью правовой аргументации в споре между различными властными агентами, но в пространстве нравоучительных рекомендаций индивидам о том, как прожить достойную жизнь, оставаясь при этом моральным человеком и совершая действия ради общего блага.

Следовательно, анализировать российскую политическую культуру с помощью простого прослеживания экспорта западных доктрин невозможно. Это, по нашему мнению, основная проблема для изучения российской политической мысли: каким образом те или иные идеи находили дорогу к отечественной политической мысли, если они не могли быть попросту «вычитаны» россиянами из иностранных книг, будь они на оригинальных языках или в переводах?

Доктрины не перемещались из европейского контекста в российский сами собой – по мановению волшебной палочки, а влияние европейской литературы вовсе не сводилось к абстрактному «Просвещению», являя собой на деле сложный конгломерат, где доминировала религиозная и моралистическая литература, представленная, например, трудами Фенелона, Галлера – а то и Караччиоли или Фомы Кемпийского. Современный исследователь российского масонства XVIII в. Д. Смит отмечает: «Понятия морали и хороших манер составляли основание политической, социальной и интеллектуальной жизни России XVIII века. С их помощью у российских образованных классов формировались не только представления об общественном порядке, но и вообще взгляд на современный мир. Важность этих понятий была очевидна для всех – от императрицы до школьного учителя в провинции и его учеников, от могущественных аристократов до рассеянных по всей стране читателей

столичных журналов. Значение этого комплекса идей можно видеть в его взаимосвязанности с разнообразными историческими тенденциями и явлениями той эпохи: укреплением абсолютистского государства, выработкой принципов моральной философии и зарождением общественного сознания»¹⁷⁰.

К сходным выводам на основании анализа российской драматургии XVIII в. приходит и Э. Виртшафтер: «В России комбинация языков Просвещения и абсолютной монархии поощряла не политическую борьбу, как во Франции, а моральные рассуждения, которые на протяжении десятилетий могли успешно сосуществовать с установленной иерархией и властью. Однако возникало противоречие между целями абсолютной монархии, которая с помощью активной ресурсной мобилизации поощряла идеи социальной трансформации и прогресса, и социальным мышлением политиков (*policy-makers*) и образованного служилого класса, который, преодолевая напряжение между идеями Просвещения и историческими реалиями, постоянно поддерживал иерархию и авторитет божественного порядка»¹⁷¹.

Справедливость этих замечаний не означает, что проблемой было «напряжение» между моралью и реальностью. Конечно, существовал определенный дискурс воспитания (транслировавшийся государственной властью) и ориентированный на воспитание гражданских качеств и укрепление «сильнейших уз верноподданнического долга»¹⁷². Но – как показывает, в частности, анализ массива переводных публикаций – такие попытки были лишь одним из течений в обширном пространстве моральных наставлений, производимых с помощью печатного станка.

Будь то советы по спасению души, рекомендации относительно этики хорошо воспитанного дворянина или рационального придворного, исторические примеры хороших и дурных поступков в биографиях царей и полководцев – поток нравоучительной литературы сложно свести к какому бы то ни было единому знаменателю. В данной связи мы не можем согласиться с Г. Маркером, который приходит к следующему выводу: «Вне зависимости от того, насколько глубоко ученые и выпускники погружались в германский пиетизм и мистицизм, когда находились в комфортных и уютных пределах своих частных лож и кружков, они безальтернативно становились глашатаями французской мысли, рационализма, морализма и развлечения

¹⁷⁰ Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII в... С. 49.

¹⁷¹ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003. P. 175.

¹⁷² Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 226–307.

(entertainment), когда занимались публикацией книг. В ходе этого они засвидетельствовали созревание российского Просвещения, характерной чертой которого стали неизбежные трения, если не чудовищный антагонизм, между духовной или внутренней добродетелью и гражданским усовершенствованием»¹⁷³.

В противовес этому мнению, мы усматриваем в политической культуре 2-й половины XVIII в. не столько конфликт между абсолютизмом и морализмом, сколько конфликт между различными точками зрения на то, как должна функционировать практическая мораль. Эти точки зрения формировались, кроме прочего, и под влиянием массивов переводной литературы, которые мы кратко обрисовали выше. В отсутствие властных агентов, конкурирующих «политических тел», публичная сфера не была зоной политической полемики в смысле открытых дебатов о выработке той или иной политики, о полномочиях того или иного властного органа. Проблема заключалась вовсе не в том, что публичной сфере не обсуждались политические вопросы; проблема – в том, что они обсуждались в ней с помощью иных манер речи и концептуальных рамок; напротив, политическая речь оказалась простерта туда, где исследователь подчас ее и не ждет. Выделяя основные массивы переводной литературы – религиозно-моралистический, морально-политический, историко-политический и экономический – мы постарались указать именно на это. Ярлык «моральной литературы» не означает обезличивания и бесконечного воспроизводства штампованных моральных рекомендаций: вместо обсуждения привилегий, прав и форм правления здесь разворачивались – с использованием исторических примеров, ссылок на авторитетных авторов и апеллаций к рациональной логике – не менее значимые для отечественной политической культуры дебаты о том, как следует прожить добродетельную жизнь, жизнь хорошего христианина и гражданина. И велись эти дискуссии с опорой на литературные тексты. Накапливавшиеся в ходе общественных обсуждений и споров изменения и выработка новых манер речи имели громадное значение для дальнейшего развития отечественной политической культуры.

¹⁷³ Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800. P. 234.

Глава 2.

Первые шаги *естественного права* в России и реформы Петра I

§ 1. Богословие и *естественное право* в России во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.

В XVII в. в европейской общественно-политической мысли происходил важный переход к представлениям о *естестве / природе* как самостоятельном источнике для нормативных суждений, который фактически не нуждается в санкции Божественного откровения. Он имел решающее значение при становлении нового светского *естественного права* XVII в., пришедшего на смену богословскому подходу к *естественному праву*¹. Для последнего были характерны идеи о врожденности *естественных законов*, их соответствии ветхозаветным десяти заповедям, а также что *естественное право* и *право народов* – «это два вида права, которые существуют в одно и то же время в одном и том же обществе и не находятся в иерархических отношениях»². Такие новаторы в области *естественного права*, как Г. Гроций, С. Пуфендорф и Ж. Дома в своих сочинениях пошли на разрыв с этой традицией. Е.В. Спекторский отмечал, что все «они стремились сообщить естественному праву “естественность” ... в смысле освобождения его от сверхъестественности, иначе говоря, от богословских элементов». В результате «новаторы заменили богословскую систему этого права своею собственной, чисто светской: богословие связывало это право принципиально с “эссенциальной справедливостью” Бога, а генетически – с состоянием райской непорочности наших прародителей; новаторы же связывали его принципиально с началом общественности, *socialites*, а генетически – с “естественным состоянием” людей»³. При этом, как акцентировал исследователь внимание на еще одном принципиальном моменте, «новаторы понимали естественность естественного права в смысле его рациональности. Они опирались не на эмпирическое

¹ См.: Tuck R. The 'Modern' Theory of Natural Law // The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe / ed. A. Pagden. Cambridge, 1987.

² Scattola M. Before and After Natural Law. Models of Natural Law in Ancient and Modern Times // Early Modern Natural Law Theories. Contexts and Strategies in the Early Enlightenment / ed. T.J. Hochstrasser and P. Schröder. Springer-Science+Business Media, B.Y., 2003. P. 12.

³ Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. СПб., 2006. С. 50–52.

волевое право (*jus voluntarium*), Божеское или человеческое, а на рациональное, разумное». В связи с этим «они искали источник естественного права не в ... эмпирическом праве того или иного государства... Равным образом они были свободны от юридического нативизма схоластиков и богословов, искавших чистый юридический разум в проблесках “эссенциальной” справедливости, сохранившихся у людей после грехопадения. Они искали источник естественного права в чистом роднике чистого разума»⁴. Соответственно, в новом *естественном праве* авторы строили с помощью дедуктивных операций на основании какого-либо базового принципа (страх, общее благо...) правовые теории, где выводимое *разумом естественное право* оказывалось основой для оценивания конкретных проявлений права того или иного народа / страны⁵.

В Московском государстве XVI – первой половины XVII вв. не существовало устойчивой традиции отсылки к *естественному праву*. В качестве определенного исключения можно привести известный фрагмент из третьего послания князя Андрея Курбского Ивану IV, в котором беглый князь, приведя обширную цитату из сочинения Цицерона, писал царю: «Аще поганские философы по естественному закону достигли таковую правду и разумность со дивною мудростию между собою, яко апостол рече: помыслом осуждающим или оставляющим, а того ради и всею вселенною попустил Бог им владети, а мы христиане нарицаемся, а не токмо достигаем книжников и фарисеев правды, но и человеков, естественным законом живущих! О горе нам! Что Христу нашему отвечаем на суде? и чем оправдимся?»⁶

Также можно привести мнение Курбского про *естественные заповеди* из «Истории о делах великого князя». Эти *заповеди*, по его мнению, «в поганских языцех соблюдаемы и сохраняемы, и сохраняться будут и соблюдатись по впоенному в нас прирожденному от Бога. Ибо евангельские учат врагов любить и гонящих благословляти, и прочие, а естественные внутрь всех человеков без гласа вопиют и без языка учат к родителям покорение, а ко сродным и другом любовь имети»⁷.

В.Е. Вальденберг в своей монографии 1916 г. на основании подобных пассажей счел возможным прямо утверждать, что Андрей Курбский «был

⁴ Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. С. 52–53.

⁵ См.: Scattola M. Before and After Natural Law. Models of Natural Law in Ancient and Modern Times. P. 12–18.

⁶ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л., 1979. С. 113.

⁷ Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Изд. подготовил К.Ю. Еруслимский. М., 2015. С. 184.

сторонник теории естественного права или естественной морали и считал то или другое обязательным для царя. <...> Если языческие народы признают естественный закон, то тем более он обязателен для христианского государства⁸. Не вступая сейчас в полемику с Вальденбергом, заметим, что здесь, думается, важнее вчитаться в сам ход рассуждений Курбского, содержавшие определенные нюансы. Князь, указывая на проступки Ивана IV, заявлял, что язычники рассуждали и вели себя лучше, нежели великий князь московский. Получалось, что правитель, считавший себя *христианским царем* и непосредственно знавший Божественные заповеди, поступал хуже язычников, которые о Божественных предписаниях не слышали. Такие элементы положительного поведения язычников как раз и объяснялись князем наличием вложенного Богом *естественного закона*. Ну а коль скоро последний целиком поглощался Божественным откровением, то первостепенная обязанность правителя заключалась в соблюдении Божественных заповедей, явленных в Священном писании, а не в поиске *естественных законов*.

Следует также указать еще на один текст Андрея Курбского – предисловие к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина, где был помещен ряд примечательных рассуждений. В них он рекомендовал христианину изучать Божественное откровение и церковное предание: «Прилежати нам подобает трудолюбне ко прочтанию Священных Писаний, послушающе паче Христа и святых его». К этому князь добавлял тезис про желательность дополнительного изучения и «философских искусств» / «внешних наук», то есть наук светских. В качестве обоснования этого он приводил следующий довод: «А в которых царствах Священные Писания прилежне прочитаемы бывают и искусствам философским навыкают, те и ныне за благодатию Христовую непоколеблемы стоят. И не токмо сами стоят вцеле, но и многие краины поседают и границы свои далечайше разширяют, аж до конец вселенные подо власти послушенств своих покоряют, и злата, и сребра, и драгоценнаго камня многие корысти бесчисленные обретают. И что еще к тому наипешаго и напохвалнейшаго – люд глубоких варваров, подобию зверей дубравных живущих, ко богопознанию приводят трисияннаго Божества и святым крещением просвещают»⁹. Успехи европейских колонизаторов, принесшие распространение их власти на новые земли и «многие корысти», а также приведшие к обращению в христианство *варваров*, для Курбского оказывались очевидным доказатель-

⁸ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерк русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 253.

⁹ Андрей Курбский. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. С. 576, 580.

ством полезности не только чтения Священного писания, но и постижения светских наук. Уже переходя к более подробной характеристике последних, он указал на «нравоказательную философию», с помощью которой «царства и гражданства благочинне правятся, которая научает правде и разумности, мужеству и целомудрию, и иным добротам душевным, которые от тех исходят, яко от начальных добродетелей, яже от Бога нам по естеству вложены»¹⁰.

Андрей Курбский следующим образом описывал происхождение таких «философских искусств»: «Иже видели древние мужие родоначальники скоро по размещению языков, иж род человеческий в скотоподобие наклоняется, и телесным слаstem прилежит, а душевными добротами тлеет. И сего ради последним родом перволепотные доброты украшение доброхотствующе описали, сиречь, словесные науки, имиже человек был украшен от Бога по внутреннему человеку, сиречь душе, иже бы до конца в забвение и неведение не пришел род наш»¹¹. Получалось, что с помощью *словесных наук* можно было получить доступ к важным знаниям о человеке, не связанным напрямую с Божественным откровением, которые были нужны для должного управления государством. Что характерно, *начальные добродетели* все же представлялись в виде неких врожденных идей, вложенных *по естеству* Богом.

Таким образом, в одних текстах Андрея Курбского *естественный закон*, *впоенный Богом* в людей, представал как нечто второстепенное по сравнению со «Священными Писаниями», будучи целиком поглощенным ими. В то же время внешнеполитические достижения европейских государств, в особенности связанные с распространением их власти на Новый свет, стали хорошей основой для вывода о недостаточности изучения только Божественного откровения и полезности обращения внимания к «философским искусствам», необходимых в том числе и для государственного управления. Впрочем, такие искания Андрея Курбского 1570-х гг. проходили в эмиграции и едва ли могли оказать влияние на развитие соответствующих представлений в Московском государстве.

С середины XVII в. в России начинают актуализироваться тексты античной и византийской традиций, европейского Средневековья и раннего Нового времени. Прежде всего, это было связано с деятельностью выходцев из западнорусских земель (белорусских и украинских), а также представителей греческого духовенства, которые стали своеобразными посредниками между культурой Московского государства и указанными традициями. Как показал

¹⁰ Андрей Курбский. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина. С. 582.

¹¹ Андрей Курбский. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина. С. 580.

еще А.С. Лаппо-Данилевский¹², с их деятельностью было связано и проникновение элементов представлений о *естественных законах* и *естественном праве*. При этом следует заметить, что это, как правило, было связано с текстами богословского характера.

Приведем следующий пример. При подготовке первого издания Кормчей книги в промежуточный вариант, так называемую Кормчую книгу 1650 г. патриарха Иосифа, было помещено «Предисловие к православному читателю». В его основу был положен текст, написанный иереем Василием в Люблине (Речь Посполитая) в 1604 г.¹³ В нем, помимо прочего, содержались такие рассуждения: «Ни чтоже бо тако житие наше устрояет, яко же по естеству равенство нам между себе содержать, и яже ближняго есть, не вожделети, ниже похищати. Сие бо и Хр[и]стос узакони, среднее некако положив естеством законение: елика убо, глаголя хотите, да творят вам человеци, и вы творите им такожде». Кроме того, автором замечалось следующее: «Аще и ведят разум имущии разсуджати доброе от злаго, естественным законом се искушающе: яко же ап[о]ст[о]л о языцех глаголет: но убо погрешителен есть разум человеческий, иногда убо в забытие приходит, иногда же сомнением и нечестивою завистию побеждается». Среди следствий такого *забытия, сомнения и нечестивой зависти* было «смятение не мало в вещех градских же и начал[ь]ствуемых», в связи с чем были «изобретени суть суды, законы, казни, отмщени, и истязания различна»¹⁴. Итак, *естественный закон* преподносился как способность различения добра и зла, которая была вложена в человека Богом. Однако из-за того, что «погрешителен есть разум человеческий», такой *естественный закон* мог нарушаться, что стало причиной, приведшей к появлению светской власти. В итоговый печатный текст Кормчей 1653 г. это предисловие не было включено. Тем не менее, оно указывало на источник интеллектуального влияния, значение которого для российской правящей элиты на протяжении второй половины XVII в. только возрастало.

В числе наиболее влиятельных выходцев из белорусских земель был Симеон Полоцкий, богослов и поэт, получивший образование в том числе

¹² См.: Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Пред. М.Ю. Сорокиной; подг. текста М.Ю. Сорокиной при уч. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln [etc.], 2005.

¹³ См.: Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 316–317; Белякова Е.В. Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 106, 108; Белякова Е.В. К вопросу о первом издании Кормчей книги // Вестник церковной истории. 2006. № 1.

¹⁴ Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. Л. 1 об.

в Виленском иезуитском коллегиуме. Попад в Москву, он, будучи при дворе царя Алексея Михайловича, был учителем наследника престола Федора Алексеевича, ставшего в 1676 г. царем. В 1670-е гг. Симеон Полоцкий трудился над поэтической энциклопедией «Вертоград многоцветный». В предисловии к последней он, обращаясь к читателю, заявлял: «Твари, светом разума во плоти от Бога украшенной, обычай есть, еже аще кому прилучится во вертоградах богатых быти, и различных цветов сладким благовонием и сердцеушеселящим доброличием и краснолепным цветением увеселитися, и о ползе их здравию телесному много и скоро успешной извещенну быти, то абие всеусердное тцание полагати, да от тех же обилия нечто себе получит, и в домашних своих оградах или насеет семена, или насадит корение во общую ползу и веселие всем домашним и не успевшим отстоящих посещати вертов цветоносных». От этого небольшого примера из области садоводства и труда на *общую пользу*¹⁵ он переходил к рассуждениям об основе человеческих взаимодействий. Симеон Полоцкий утверждал: «Егда друг от друга, их же в домех наших лишаемся вещей, угождение, или даяния средством, или продавания образом, приемлем, союз друголюбия и склевретства состояжем, его же и само по нам требует естество, поне же человек несть зверь дивый, но содружный, отнюду же градове и села вину насаждения прияша, да во содружестве жительствующе взаим помощ нам деем, и купно Создавшаго ны о всяческих Его благотворениях славословим. И Сам всяческих естеств Вина и Господь яве истяжущ быти показуется, зане же не единому человеку, не единому селу, граду или царству вся нуждая отдал есть, но различным странам различныя земли, плоды, роды их, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства благоволил дарствовати, да вси всех требующе, нуждею ко знаемости и дружеству убеждаеми, любовь взаим творимую стяжем»¹⁶.

Симеон Полоцкий, утверждая, что «союз друголюбия и склевретства» между людьми основывается на требованиях *естества*, фактически воспроизводил популярную формулу из «Политики» Аристотеля, что человек по своему *естеству* есть существо политическое / социальное (ὁ ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον). Этот постулат органично встраивался в систему

¹⁵ В соборном деянии об уничтожении местничества 1682 г. от имени воспитанника Симеона Полоцкого царя Федора Алексеевича заявлялось, что монарх «всегда присное попечение о том» имел, чтобы «при помощи Божии ратное управление и в иных государственных делах устройство для *общей* высоких и меньших чинов всего своего царствия *пользы* лучше и добре постановити (выделено нами. – М.К.)». См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 40.

¹⁶ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1: «Аарон» – «Детем благословение» / Подг. текста, ст. и комм. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln [etc.], 1996. S. 3–4.

богословских рассуждений. Ведь именно Бог был «всяческих естеств Вина и Господь», именно Он, неравномерно распределив по Земле различные ресурсы, и сделал так, чтобы люди были «нуждею ко знаемости и дружеству убеждаеми». При анализе суждений такого рода можно сделать акцент на роли *естества*. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал по этому поводу: «Симеон Полоцкий возводил происхождение “союза друголюбия” не только к Божьей воле, но и к естественному стремлению людей образовывать общество: люди, города и царства взаимно зависят друг от друга и в материальном, и в духовном отношениях. В своих взглядах на власть ученый монах обнаруживал такую же двойственность: он признавал, конечно, ея богоустановленность, но рассуждал и о естественном ея возникновении»¹⁷. Однако именно Божественное вмешательство создало условия, чтобы *естество* смогло соответствующим образом себя реализовать. В связи с этим приведем мнение Л.И. Сазоновой о концепции Симеона Полоцкого, которую он раскрывал в «Вертограде многоцветном». По ее наблюдениям, «в идейной основе “Вертограда” – поэтическая концепция стройного миропорядка. Она охватывает весь космос – мир невидимый (небесно-божественный) и мир видимый (земной). Люди находятся у основания иерархической пирамиды, на вершине которой, устремленной ввысь, – вездесущий и вселюбящий Бог. <...> Поэт проповедует на основе христианской этики, популяризирует христианскую мораль, нормы отношений к Богу и обществу. Земная иерархия является продолжением небесной»¹⁸. По такой логике *естественное право* неминуемо поглощалось Божественным, так что неудивительно, что Симеон Полоцкий, как отмечал Лаппо-Данилевский, «полагал, что Бог и “злых властелинов за грехи попускает”»¹⁹. Концепция правления *злого властелина* как наказания за *грехи* была ярким маркером господства богословской логики в политических суждениях. Конечно, такие авторы как Симеон Полоцкий могли знакомить российского читателя и слушателя с элементами *естественного права*. Однако оно было подчинено богословию.

Заметим, что у исследователя иногда может возникнуть соблазн увидеть за отсылками к *естеству* проявления рассуждений в духе *естественного права* Нового времени. Например, Л.А. Черная, останавливаясь на взглядах Л.И. Магницкого, автора первого русского учебника по математике, в предиди-

¹⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ея развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 10.

¹⁸ Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1. С. хix.

¹⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ея развития в России. С. 11.

словии к которому он поместил ряд интересных суждений, утверждает: «Рассуждая о происхождении государства, автор пишет, что оно узаконено двумя путями – “аще и естественно, но такожде от Бога обаче чрез достойных и мудрых управители”. Отсюда следует, что он не отказывается от идеи божественного происхождения власти, но делает это как бы в оговорке вслед за идеей “естественного” ее происхождения. А это значит, что Магницкий был знаком с теорией естественного права, но, вероятно, не захотел рассматривать ее здесь более детально»²⁰. Итак, Божественное происхождение власти – это «как бы оговорка», которая скрывала нечто более важное.

Как представляется, отсылка к *естеству* все же не подразумевала выход за пределы идеи Божественного происхождения власти. Непосредственное обращение к предисловию Л.И. Магницкого с выразительным названием «Трудолюбивому и м[у]дролобивому читателю о Г[о]с[по]де радоватися» вполне это подтверждает. Предваряя книгу «Арифметика, сиречь наука числительная», напечатанную в Москве в январе 1703 г., автор учебника, дабы обосновать полезность и необходимость математики, решил поместить в свое предисловие рассуждения о человеке и его месте в мире. Прежде всего, он заявлял, что «ни едина убо от видимых тварей тако есть удобрена, и возвеличена, якоже ч[е]л[о]в[е]к». Он это связывал с фактом сотворения человека Богом по Своему образу и подобию, замечая, что Он «не повеле агг[е]лу, ниже земля самоволне, якоже сверчки нас изрыге, не рече сему же и сему сотворити служебным силам, но Своею рукою любохудожества». Следовательно, «аще по сему велико есть ч[е]л[ове]к, да еже создатися рукою Б[о]жиею». Именно Бог человека «ц[а]ря сущих на земли постави, самовластна, ни от кого владеема, владеюща же видимыми. Влия естественно самовластному его бл[а]гих желати, и всяческих хранитися зол, якоже привременных, тако и вечных». Итак, автор утверждал, с одной стороны, что человек, будучи *естественно самовластным*, обладает свободой воли как внутренне свойственным качеством. С другой стороны, по Магницкому, именно Бог вложил (*влил*) в человека представления о добре и зле.

Далее, переходя к вопросу о роли Божественного вмешательства в жизнь человека, Л.И. Магницкий дополнительно подчеркивал: «Лишения злых, получения же благих, един есть податель по достоинству, или по бл[а]г[о]д[а]ти: по достоинству, гл[агол]ю, еже в естестве, по бл[а]г[о]д[а]ти же еже выше естества». Соответственно, рассуждая о том,

²⁰ Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. М., 1989. С. 37.

что *самовластный человек* «по произволению своему украшает свою жизнь якоже хочет», Магницкий писал: «Но не толико естественне от него, елико по бл[а]годати от Б[о]га управляема бывают вся». Например, человек «управляет семенная, садовая, и вся елика ему на потребу». Однако он может *естественне* только «сеяти, отребити, соблюдать». В то же время «болшее же дело, еже прозябати, возвращати, плодотворити, и во всем гобзовати, есть Б[о]жие». Получалось, что хоть человек по своей свободной воле мог предпринимать определенные действия, однако результат таких действий зависел от Божественной воли. Исходя из этого, Магницкий сообщал читателю, что Бог «по неизреченным бо щедротам своим управляет присно весь мир, якое в садовых, в животных, и во иных стяжаниях: Такожде и в человецех, здравия, бл[а]годенствия, примирения, и всех весей градов же и ц[а]рств состояния». Собственно, в отношении «состояния градов и царств» он и замечал: «Известно бо всем от с[вя]щенных писаний, яко вся ц[а]рства стоят, и соблюдаются Б[о]гом, и весь чин, и гражданство узаконено, аще и естественно, но такожде от Б[о]га, обаче чрез достойныя, и мудрыя управляемо человеки». Как видно из цитаты, Магницкий все же первым делом обращался к *священным писаниям* как источнику знаний о судьбе *царств*, после чего и отмечал, что «гражданство узаконено, аще и естественно, но такожде от Б[о]га». Данная апелляция к *естественному* происхождению *гражданства* отсылала к *естественному самовластию* человека, то есть к его способности по своей воле совершать определенные действия, в том числе и объединяться. Однако и в этом случае результат оказывался зависим от Божественной воли. Подводя промежуточный итог своим рассуждениям, Магницкий писал: «Сотворен бо ч[е]л[о]в[е]к по образу Б[о]жию владети тварию, и одарен дарованием смысла, разсуждения, желанием доброты, и приятием художества, удобством правления и прочими бл[а]гими»²¹.

Таким образом, для Л.И. Магницкого человек – существо, созданное Богом по Своему подобию и с *самовластным естеством* (свободой воли). Соответственно, человек совершал определенные действия, исходя из своих желаний, в том числе учредил *гражданство*. Однако результаты этих действий – земледелия ли, учреждения *гражданства* ли – оказывались зависимы от Божественной воли. В этом случае следует говорить о двойной зависимости человека от Бога: и как от создателя человеческого *естества* с вложенным в него различием добра и зла, и как от гаранта результатов человеческой деятельности. Не исключено, что на основании таких представ-

²¹ Арифметика Магницкаго. Точное воспроизведение подлинника. С приложением статьи П. Баранова. М., 1914. Л. 11–14.

лений было возможно выстроить теорию *естественного права*, однако она была бы полностью подчинена богословию.

В годы реформ Петра I богословский подход к *естественному праву* никуда не исчез. Более того, не в последнюю очередь благодаря Петру, сочинения, в которых богословы охотно обращались для усиления своих утверждений к *естеству*, стали доступнее для читающей публики. Так, в 1712 г. в типографии Киево-Печерской лавры в Киеве была напечатана «Ифика Иерополистика. Или Философия Нравоучительная Символами и Приуподоблении изясненна. К наставлению и ползе юным». О ее авторах титульный лист сообщал следующее: «Составися Бл[а]г[о]с[ло]вием... отца Афанасия Миславскаго Архимандрита печерскаго, тщанием и трудами Братии». Книга открывалась посвящением гетману И.И. Скоропадскому. Принимая во внимание и посвящение, и региональные образовательные традиции, можно предположить, что издатели ориентировались, прежде всего, на украинского читателя. При этом в предисловии-посвящении отмечалось, что «книга составлена по примеру "стран инородних"»²².

В книге был помещен раздел «О подчинении власти». Он открывался следующим тезисом: «Положивый землю низу, н[е]бо же горе, опоясавый землю водами, и вся в своем устроивый чинне, той и власти устроил есть». Далее, с соответствующей отсылкой к Библии заявлялось, что «власти от Б[о]га учиненни суть. Темже власти противящиися, Б[о]жую повелению противляется». Однако затем отмечалось, что «не токмо же Б[о]жую повелению, но и естественным, и народным уставом противен, и несогласен есть таковой». Приступая к обоснованию данного утверждения, авторы указывали: «Равенство чести, аще не всегда, обаче часто брань воздвизает». Как следствие такого конфликта, возникала необходимость в *повиновении* «ово по естеству, ово по разумному устроению». Образцами такого *повиновения* были отношения между сыном и отцом, молодым и старшим, женой и мужем, учеником и учителем, слугой и господином. Не ограничившись этим, авторы отмечали, что похожие примеры подчинения можно наблюдать «и в безсловесных, в пчелех, жоравиих, и в прочих скотиих стадах». Обращаясь напрямую к читателю, авторы декларировали: «Рыбы суть весма безразумни, но и тамо чин началствия узриши». После этого задавался риторический вопрос: «Откуда им чин сей; аще не от естества, аще не от Б[о]га?» Ответом была фактическая констатация необходимости власти, ведь в ситуации безвластия «ниже грады, ни страны, ни села, ни дом, ни путие, ни ино что возможно

²² Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. Ред. и вступ. статья П.Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 184.

постояти безбедно. Но вся превратятся, сил[ь]нейшим немощнейших пожирающим». Раздел завершался вопросом о подчинении *злому властелину*. Если он преследовал «веры ради», то давалась рекомендация: «Бегай его, и отрицайся». Если же «жития ради», то предлагалось не оказывать неподчинения, «ибо Б[о]г узаконил есть власти, и лют есть мучитель (Бог. – М.К.) преобидящим их»²³.

Следующий раздел «Ифики» – «О властелинах лукавых» – продолжал рассмотрение вопроса о подчинении *злому властелину*. Итоговый совет звучал так: «Претерпети убо должно есть таковое наказание Г[о]с[по]дне, тойже видя исправление наше, и сведый их дела, угасит нечестивыя, и посадит смиренныя в их место»²⁴.

А.С. Лаппо-Данилевский отмечал, что высказывания из «Ифики» о необходимости власти «обнаруживают некоторое сходство с элементарными положениями доктрины о естественном праве и содержат кое-что, уже напоминающее известное учение Гоббса, хотя и трудно, конечно, сказать, имело ли оно в данном случае действительное влияние»²⁵. Однако, несмотря на то, что в «Ифике» присутствовали суждения в духе *естественного права*, следует заметить, они оказывались все же вспомогательными для утверждений, основанных на Священном писании. Одним из ярких маркеров здесь оказывались советы о поведении при правлении *злого/лукавого властелина*. Авторы «Ифики» фактически предлагали воспринимать его притязания как Божественное наказание и не сопротивляться, особенно если он не покушается на *веру*. Такой подход до некоторой степени соответствовал идеям, к которым апеллировали ранее некоторые московские авторы²⁶.

В 1718 г. «Ифика иерополитика» была напечатана в Петербурге «повелением... Царя... Петра Алексиевича». В этом издании было опущено «Посвящение» И.И. Скоропадскому, основной текст «остался тот же с изменением

²³ Ифика Иерополитика. Или Философия Нравоучительная Символами и Приуподоблении изясненна. К наставлению и ползе юным. Киев, 1712. Л. [38]–[39].

²⁴ Ифика Иерополитика. Л. [41].

²⁵ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке. С. 80.

²⁶ Как писал В.Е. Вальденберг, в политической мысли Московского государства были выработаны оригинальные представления, согласно которым возможность неподчинения злому правителю связывалась, прежде всего, с тем, «что царь нарушил закон – главным образом, закон Божий – или требует от подданных его нарушения» (Вальденберг В.Е. Понятие о тирании в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 1. С. 234). В связи с этим можно вспомнить, что даже Иван IV допускал возможность неподчинения во имя веры: «Вся Божественная писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися, а рабом господиям, кроме веры». См.: Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 14.

орфографии отдельных слов». Уже в 1724 г. вышло второе петербургское издание. Тираж этих изданий был не менее 1200 экз.²⁷ Следует отметить, что в библиотеке Петра I присутствовало как киевское издание «Ифики» 1712 г., так и петербургское 1718 г.²⁸ Вполне возможно, что Петр положительно воспринял сочетание богословских рассуждений с элементами доводов *по естеству*, в связи с чем санкционировал или даже инициировал петербургское переиздание «Ифики».

Наиболее заметным богословом петровской эпохи, который активно использовал отсылки к *естественному праву*, был знаменитый Феофан Прокопович. Прежде всего, он помещал рассуждения такого рода в свои проповеди.

Так, 25 декабря 1716 г. Феофан Прокопович произнес «Слово в день рождества Господа нашего ИИСУСА ХРИСТА». Проповедь содержала наблюдения о соблюдении *законов* как таковых: «Закон обще, может имети немощь или в самом себе, или от стороны законодателя, или от стороны того, которому подается закон. В самом себе немощен есть закон, который к своему делу не есть совершен ... от стороны же законодателя немощен есть закон, егда законодатель обещанное за исполненный закон возмездие не исполняет; а от стороны людей закону подчиненных, немощен быти закон глаголется, егда его исполняти не хотят или не могут людие. Сие обще о немощи закона по естественному разуму известно есть, и доводов больших не требует». Вместе с тем Феофан Прокопович поместил в проповедь следующее рассуждение: «Создавый человека Бог, даде ему безсмертие непросто, но под таковым договором, аще он исполнит заповеди Его, которая заключаются в десятословии Моисеевом, и сокращеннее в двоих сих словесех: *уклонитися от зла, и сотворити благое*, и паки в сих иных двоих: *возлюбити Господа своего и ближняго своего*. И се то есть закон Божий на писме убо преданный послежде, обаче в сердце и совесть человеческую вложенный еще во время создания человека, еже и от естественного ума, и от Духа святого во Апостоле глаголющаго познаем»²⁹. Итак, он указывал на *естественный разум*, то есть некое чистое и незамутненное состояние ума, которое по *естеству* должно было быть у человека с рождения. Такой *естественный разум* позволял человеку понимать очевидные истины («доводов больших не требует»). Однако одной из таких очевидных истин оказывался вложенный в человека

²⁷ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. С. 203, 267.

²⁸ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1978. С. 71.

²⁹ Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя. Ч. I. СПб., 1760. С. 125–126.

Богом закон Божий, который был также зафиксирован в *десятословии Моисеевом*. Сами понятия *естественных законов* и *естественного разума*, использованные Феофаном Прокоповичем в данной проповеди, носили отчетливо богословский характер и вполне вписывались в традицию, восходившую в том числе к Фоме Аквинскому. Последний писал в своей знаменитой «Сумме теологии» про «свет естественного разума (*lumen rationis naturalis*)», данный Богом людям, с помощью которого они могли «различать, что есть благо, а что есть зло (что относится к естественному закону), и который есть не что иное, как запечатление в нас Божественного света. И из этого ясно, что естественный закон (*lex naturalis*) есть не что иное, как некая причастность вечному закону в разумном творении». В связи с этим Аквинат разъяснял, что «человеческий разум (*ratio humana*) как таковой не является мерой вещей, но начала, вложенные в него по природе, суть некие общие правила и меры всего того, что совершается человеком, каковые [дела] регулируются естественным разумом (*ratio naturalis*) как мерой и критерием»³⁰.

В другой проповеди Феофана Прокоповича – «Слове о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие долженствуют; кто же суть и коликий имеют грех противляющися им», произнесенной 6 апреля 1718 г., прозвучали более пространные рассуждения о *естественных законах*, которые мог обнаружить в себе человек. В этом «Слове», помимо прочего, иерарх предлагал своим слушателям и читателям провести следующий мысленный эксперимент: «Вопросим первее самага естества нашего, что нам сказует о сем (о власти. – М.К.)». Возможность и достоверность такого эксперимента он связывал со следующим: «Кроме писания, есть в самом естестве закон, от Бога положенный; глаголет бо апостол: “Егда языцы, не имуще закона, естеством законная творят, сии, закона не имуще, сами себе суть закон: иже и являют дело законное, написанное в сердцах своих”». По мнению Феофана Прокоповича, «таковыя законы суть в сердцах всякаго человека: любити и бояться Бога, хранити свое житие, желати неоскудевающаго наследия роду человеческому, не творити другому, еще себе не хоещи, почитати отца и мать», то есть это были *законы*, вполне сопоставимые с *десятословием Моисеевым*.

Однако после прозвучавшего разъяснения шло восклицание: «Зри же, аще не в числе естественных законов есть и сие, еже быти влаstem предержавшем в народех? Есть тако воистинну! И се всех законов главизна»³¹. «Главизна»

³⁰ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. IV: Первая часть Второй части. Вопросы 68–114. / Под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М., 2012. С. 294, 296.

³¹ Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. Е.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 81–82.

же этого закона обосновывалась таким образом: «С стороны одной велит нам естество любить себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны злота рода растленного разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страж, и защитник, и сильный поборник закона, то есть державная власть». Соответственно, *власть* оказывалась главным гарантом соблюдения предписания *естества* «любить себе и другому не творити». Затем Феофан Прокопович приводил следующее умозаключение: «Известно убо имамы, яко власть верховная от самого естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самого Бога, создателя естества. Аще бо первыя власти начало и от человеческого сословия и согласия происходит, обаче понеже естественный закон, на сердце человеческом от Бога написанный, требует сильнаго защитника и совесть тогожде искати понуждает (яже и сама семья Божие есть), того ради не можем не нареци самого Бога властей державных виновника». Не остановившись на этом, Феофан Прокопович предлагал слушателю провести еще один мысленный эксперимент: «Вниди внутрь себе и помысли сие: власть державная естественному закону есть нужна». Он полагал, что *совесть* даст следующий ответ: «Убо власти не повиноватися, на закон естественный грешити есть»³². При этом, конечно, Феофан Прокопович такими доводами не ограничивался и приводил и соответствующие библейские цитаты в обоснование необходимости послушания светской власти.

Получалось, что Феофан Прокопович преподносил слушателю *естественные законы* как вложенные Богом в человека предписания, созвучные *десятословию Моисееву*. Переходя к вопросу о *власти*, он писал о ее возникновении «от человеческого сословия и согласия» с целью защиты от «злота рода растленного». В свою очередь, такое объединение с целью защиты основывалось на предписании *естества* «любить себе и другому не творити, что нам не любо», то есть нормы, вытекающей не из врожденной способности различать *добро* и *зло*, а из вполне эгоистического чувства самого к себе. Именно в данной логике и оказывалось возможно сказать слушателям, что «быти влаstem предержавцем в народах» – это «всех законов главизна». Если даже принять, что *естественные законы* вложены Богом в человека и их возможно услышать при внутреннем обращении человека к самому себе, из такого обращения было невозможно убедиться в *главности* конкретного закона. *Главность* соответствующего закона провозглашалась не Божественным словом, как явно зафиксированным в Священном писании,

³² Феофан Прокопович. Сочинения. С. 82–83.

так и представленным в качестве отзвука Божественного слова в душе человека, она выводилась из логики возникновения *власти*, связанной с конкретным эгоистическим посылом человеческого *естества*. Конечно, оставался итоговый богословский довод: раз это вытекает из *естества*, значит, это соответствует Божественной воле, ибо Бог был создателем *естества*. Однако у Прокоповича, по сравнению, например, с упоминавшимися рассуждениями Симеона Полоцкого, отсутствовал элемент Божественного вмешательства. Там, где у Симеона Полоцкого Бог неравномерно распределяет ресурсы, чтобы человек получил импульс вступать в общение с другими людьми, у Феофана Прокоповича человек оставался один на один со своим *естеством*.

Весьма примечательно, что в этом «Слове» у Феофана Прокоповича появляется образ *атеистов*. Он восклицал: «И то то есть, что и самые афеисты (хотя таковыи по совести своей не суть) советуют, дабы в народе Бог проповедан был. Чесо ради? Инако, рече, вознерадит народ о властех. Яве убо, яко совесть человеческая от Бога власть быти видит и Бога ради властей бояться понуждает»³³. Итак, оказывалось, что проповедь Бога могла быть необходима не только для спасения, а и для удержания в подчинении народа. Соответственно, не Божественное ставит себе на службу светское, а светское – Божественное. Впрочем, это преподносилось как логика *афеистов*. Сам же Феофан Прокопович в этой проповеди затем переходил к перечислению предписаний из Священного писания и церковного предания о необходимости подчинения любой власти и оказания ей должного почтения: «Кто был Нерон римский? Обаче учит Петр, учит прилежно Павел почитати его и за совесть. И коль было крепкое сие учение у христиан, закон Божий добре ведущих, многие веки и на разных местах засвидетельствовали... От начала проповеди апостольской даже до Константина Великого, чрез триста лет, были лютейшыя десять гонения, толь многое воинство мученическое показавшые, а хотя б о малом некоем христианском бунте слух прошел когда, отнюдь его нет»³⁴.

Общий вывод этой проповеди звучал так: «Засвидетельствова нам естество, засвидетельствова неложное слово Божие, яко власть высокая от Бога есть; научиша довольно писания, коликое повиновение влаstem, не токмо добрым, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть, должны вси»³⁵. Итак, получалось, что из *естества*, как и из *слова Божия*, можно было

³³ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 83.

³⁴ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 86–87.

³⁵ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 90.

вывести факт Богоданности власти, однако необходимость подчинения *строптивым властем* выводилась, прежде всего, из Священного писания.

Схожая логика обоснования власти с привлечением рассуждений, основанных как на истолковании предписаний *естества*, так и Священного писания, была помещена в изданное без указания автора в 1722 г. сочинение «Правда воли монаршей», автором которого традиционно признается Феофан Прокопович³⁶.

На первой странице основного текста этого трактата заявлялось: «Праведно се и достождно: Аще бо и всякие частные законы, или уставы верховных властей одну некую в народе пользу творящие, или един вред некий из отечества истребляющие, со усердием принимать, и верно сохранять поддании должествуют, понуждаемы на то, как Божиим в священном писании повелением, так и естественным законом на сердцах их написанным»³⁷. На следующих страницах трактата автором приводились соответствующие обоснования в пользу такого утверждения, в которых он апеллировал как к авторитету Священного писания, так и к рассуждениям в духе *естественного права*.

Конечно, публикация «Правды воли монаршей» было связано с конкретной прагматичной целью – обосновать вводимый Петром I новый порядок престолонаследия. В связи с этим автор трактата специально остановился на проблеме взаимоотношений между родителями и детьми. В I разделе, «разсуждая законы общия власти и должества родительскаго», он предъявлял читателю (и слушателю) следующий *естественный закон*: «Должны родители рожденным от себе детям равное как себе давать прекормление». Этот закон обосновывался следующим образом: «Подобает бо тому, кто кого в жизнь сию произвел, промыслять ему и содержание жизни, инако того ради толко родил бы, да бы рожденный от него умерл. И се былобы не толко безчеловечие, но и безсловесных естеству противное: и скотина бо кормит исчадия своя». Автор «Правды воли монаршей» замечал, что «сей закон воспоминаая утверждает и Апостол (не должна суть, рече чада родителем снискати имения, но родители чадом)», а затем указывал, что у этого *естественного закона* есть определенная граница, основанная на *договоре*, который

³⁶ См. о проблеме авторства: Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei? // Slavic Review. 1981. Vol. 40, №. 2; Лентин Э. Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I // XVIII век. Сб. 21. Памяти Наума Павловича Беркова (1896–1969) / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1999.

³⁷ Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своей, Уставом Державнейшаго Государя нашего Петра Великаго Отца Отечества Императора и Самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая. Сего 1722 году, Февраля в 11 день. Публикованным утверждена, и всенародною присягою свидетелствована. Зде пространнее, простосердечных ради, но мало ведущих человек показуется. М., 1722. С. 1.

подразумевал, что обязанности есть не только у родителей перед детьми, а и у детей перед родителями: «Аще сын будет благодетельный, и к родителям своим благоговейный, тому и прекормление ... аще же сын явится злонаправен, ... того снабдевати родители не суть должны, и праведно могут лишати наследия». Как и в случае с обязанностями родителей, обязанность детей выводилась как из *естественного права*, так и из *Божественного слова*: «Чада законом природным, и в десятословии от Бога утвержденным, должны суть всякую честь и повиновение родителям»³⁸.

Подводя некоторый итог своим рассуждениям по вопросу о подчинении детей родителям и о наследстве, автор утверждал: «И сия вышепредложенная рассуждения суть аки законы естественныя, сама собою крепкая: не может бо здравый разум человеческий инако рассуджати». После такого умозаключения, которое вполне соответствовало нововременному *естественному праву*, отмечалось, что схожим образом «утверждают и изданныя в народах законы, такожде и законоучительных философов писания. <...> И тако весь честный мир, есть нам сего свидетель». И далее: «И естлибы кто о толиком учителей и законоположников множестве усомневался, то мощно ему показать и у нас в России, а наипаче в царствующем Санктпитебурхе, до трех сот, и вяще, законных книг»³⁹. Как представляется, связка «законы естественныя, сама собою крепкая» и «весь честный мир» в таких рассуждениях оказалась неслучайной: она указывала, что в России знают и изучают «законоучительных философов писания». Однако после этого заявления делался предсказуемый богословский ход: «Но что большее есть, согласует закону сему и священное писание»⁴⁰. Итак, получалось, что доводы из *Священного писания* все же имели большее значение, нежели апелляция к *здравому разуму*.

Схожая логика соотношения аргументов от *естественного права* и от богословия была явлена автором «Правды воли монаршей» и в тех разделах, где он рассуждал об обязанностях монарха и подданных. Так, XIV раздел трактата открывался суждениями про *долженство*, лежащее «на Царях» и «от Самого Бога возложенное на них». В основу богословского определения *долженства* было положено толкование пятой заповеди Декалога о почитании родителей, находившееся в «Первом учении отрокам» – книжке катехитического характера, написанной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра I и напечатанной в 1720 г.⁴¹ В «Правде воли монаршей» эта формули-

³⁸ Правда воли монаршей. С. 3.

³⁹ Правда воли монаршей. С. 5.

⁴⁰ Правда воли монаршей. С. 7.

⁴¹ См.: Корзо М.А. Катехитические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 263–280.

ровка выглядела так: «Царей должность есть ... содержать подданных своих в безпечалии и промышлять им всякое лучшее наставление как к благочестию, так и к честному жителству, да будут же подданныи в безпечалии, должен Царь пещися, да будет истинное в Государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе: також и да будет крепкое и искусное воинство, на защищение всего отечества от неприятелей»⁴². В обоснование этого был приведен ряд цитат из Библии, после чего делалось такое заключение: «От сих и прочих писаний явно есть Царскаго сана долженство, еже есть сохранятьи, защищати, во всяком безпечалии содержатьи, наставляти же и исправляти подданных своих»⁴³. Заметим, что как раз отсюда и выводилась необходимость монарху назначать по себе «искуснаго и благонравнаго» человека в наследники.

Уже в XV разделе, следом за богословскими рассуждениями XIV раздела, был помещен анализ обязанностей правителя и подданных на основе *естественного права*. В его начале автор заявлял, что «туюжде ... должность Царей увидим, когда разсудим еще всенародное намерение, которым Монархия введена и содержаема быти разумеется, от чего покажется и должное народа воле Царской во всем повиновение»⁴⁴. Именно после этого он и переходил к рассуждениям о договоре, в результате которого было создано государство, в том числе и особо интересовавшая автора *наследная монархия*. Итак, согласно «Правде воле монаршей», «была к первому Монарху *воля народная* (здесь и далее выделено нами. – М.К.), аще не словом, но делом изъявленная. Согласно вси хотим, да ты к *общей нашей пользе*, владеши над нами вечно..., да по тебе, ты же сам впред да оставляеши, нам наследнаго владетеля; мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впред, ниже по смерти твоей употреблять не будем, но как тебе, так и наследником твоим по тебе повиноватися клятвенным обещанием одолжаемся, и наших по нас наследников тымже долженством обязуем»⁴⁵. Однако затем такая светская картина договорного создания монархии дополнялась следующим утверждением в духе богословской традиции: «Ведати же подобает, что *народная воля* (выделено нами. – М.К.), как в избирательной, так и в наследной Монархии

⁴² Правда воли монаршей. С. 26. Ср. с формулировкой из «Первого учения отроком»: «Ц[а]рей должность есть содержать подданных своих в безпечалии, и промышляти оным всякое лучшее наставление, како к Бл[а]гочестию, тако и к честному жителству: и того ради должно Ц[а]рие смотрити на вся подручныя им власти духовныя, воинския, гражданския, вся ли управляет дело свое как надлежит».

⁴³ Правда воли монаршей. С. 27.

⁴⁴ Правда воли монаршей. С. 28.

⁴⁵ Правда воли монаршей. С. 30.

и в протчих правительствах образах, бывает не без собственного смотра Божия, ... но Божиим мановением движима действует, понеже ясно учит Священное писание, ... что несть власть аще не от Бога. И того ради вся должнства, как подданных к Государю своему, так и Государя к добру общему подданных своих, не от единой воли народной, но и от воли Божией происходят». Таким образом, с одной стороны, получалось, что именно народ учреждает своей волей наследную монархию ради *общей пользы*. С другой стороны, затем отмечалось, что это воля скорее Божественная, которая действует через народ, а не просто независимая воля народа.

После описания создания государства *народной волей* во имя *общего блага* в концепциях нововременного *естественного права* возникал закономерный вопрос: что делать, если этот договор нарушается монархом, который не заботится о *народе*? И далее: может ли народ сместить плохого правителя или даже изменить форму правления государства? В логике автора «Правды воли монаршей» *народ* был единым субъектом действия, в связи с чем перед ним представала не самая простая задача объяснить, почему *народ* не может себе вернуть волю действовать. Автор предложил читателю представить ситуацию, когда «народ из начала наследной Монархии» выбрал монархом «мужа доброго, который бы с великою отечества пользою царствовать могл» и который по избрании оказался «не таков, какова его (народ. – М.К.) надеялся ... или быв на время добр, переменявшись в зло». По его мнению, *народ* в этом случае «не может ... отставити его: не может бо отданной ему воли своей отнять», так как по договору «воли своей, и власти лишился». Однако тезиса, что *народ* лишился своей *воли*, все же было недостаточно для объяснения того, почему он ее не может себе вернуть. В связи с этим автор «Правды воли монаршей» выдвигал следующий довод: «Хотя бы и хотел упрямо отменить волю свою народ (что было бы великое непостоянство, и никогда бы так Монархия наследная быть не могла) но не может отменить воли Божией, которая и волю народную двинула». Не ограничившись этим, он далее замечал: «Должен терпети народ коелибо Монарха своего нестроение, и злонравие: якоже и Дух Святыи повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися»⁴⁶. Итак, с помощью Божественной воли оказывалось возможным дать ответ на любой сложный вопрос *естественного права*.

Как результат, автор «Правды воли монаршей» обратился к Божественной воле и для ответа на следующий важный вопрос: «Что делать народу, когда

⁴⁶ Правда воли монаршей. С. 31–32.

Государь умрет, не оставив по себе ни на словах, ни на писме определенного наследника?»

При ответе автор рассуждал так: «Народ, понеже волю свою вечно отдал Государю своему, и на его волю весьма себе возложил, и содействовало в том Божие смотрение, то и в смерти Государя своего должен есть его волею управляться». Соответственно, когда воля покойного монарха оказалась «не явно известна», народу следовало «всякими правильными догадками испытывать, какова была, или быть могла воля Государева, и которого бы из сынов своим нарекл он наследником». У *народа* вроде бы появлялась *воля* для политического действия, но она была ограничена и направлена только на выяснение невысказанной воли умершего монарха.

Соответственно, *Народу* в таких поисках, прежде всего, следовало обратить внимание на сына, которого покойный монарх «вelmi любил», и отдать власть ему. При этом *народу* надлежало «не смотрети, добрый ли есть, или злый сын любимый, должен был смотрети сие родитель его Государь. А народ не смотря на то, должен имети за наследника, *восписуя наследие его самой воли Божией, и яко крест и наказание от Бога приемля* (выделено нами. – М.К.) без роптания, есть ли злонравен наследник явился, так, как и выше речено о самом первом Монархе, который по восприятии скипетра зол покажется». Да, в наследной монархии *народ* мог стать снова субъектом действия и использовать свою *волю*, когда монарх не оставил после себя четкого распоряжения о судьбе престола, только при этом *народ* как субъект действия оказывался лишенным возможности действовать во имя своей – *общей* – пользы, поскольку был связанным обещанием при учреждении наследной монархии. Это обещание, согласно «Правде воли монаршей», следовало поддерживать не столько из-за доводов *естественного права*, а из-за покорности Божественной воле.

Г.Д. Гурвич, комментируя такие суждения «Правды воли монаршей» о Божественной и народной волях, писал, что «нельзя не заметить, что из принятой Прокоповичем исходной точки зрения – *vox populi est vox dei*, – собственно логически следует, что и нарушение существующего порядка, возмание народа против правителей совершается по воле Божией»⁴⁷. На наш взгляд, в данном случае Гурвич неверно истолковал логику сочинения. В «Правде воли монаршей» нигде не утверждается, что глас народа – это *всегда* глас Божий. Ее автором *Божественная и народная воли* представ-

⁴⁷ Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915. С. 13–14.

ляются как два разных явления, которые совпадают только в момент определения верховного правителя, так как, согласно Священному писанию, «несть власть еще не от Бога»⁴⁸. Если в *избирательной монархии* такое явление *народной воли*, которая движима *Божьим мановением*, возможно после смерти каждого монарха, то в наследной – только при выборе первого монарха, а также в случае, если монарх после своей смерти не оставил указаний о наследнике. И то в последнем случае *народная воля* была ограничена в своих действиях угадыванием невысказанной *воли* умершего. В такой логике явления Божественной воли было бы весьма проблематично обосновать, что «возстание народа против правителей совершается по воле Божией». Таким образом, по «Правде воли монаршей» Божественная воля через *народную волю* только устанавливает власть, а по ее установлении – поддерживает ее вне зависимости от того, как эта власть себя ведет.

После описания обязанностей *народа* по отношению к власти, автор «Правды воли монаршей» переходил к вопросу о том, какие права получал правитель согласно договору. По его мнению, «может Монарх Государь законопovelевати народу, не только все, что к знатной ползе отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится: только бы народу не вредно, и воли Божией не противно было». Указывая, что «сему же могуществу его основание есть вышепоманутое, что народ правительской воли своей совлеклся пред ним и всю власть над собою отдал ему», автор далее сообщал, что «суды надлежат всякие обряды гражданские, и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированьях, свадьбах, погребениях, и прочая». Что же касалось до *обязанностей*, то они состояли в попечении об *общей пользе*. В конце концов, «всякая бо ... власть верховная едину своего установления вину конечную имеет, всенародную пользу». Только и здесь автор «Правды воли монаршей» не забыл напомнить, что правитель «в делах попечения своего, не народу, но единому Богу стоит или падает, и того единого суду подлежит»⁴⁹, а значит и в той части трактата, где автор пытался рассуждать в духе концепций *естественного права*, он не мог, да и не желал избегать обращения к богословским аргументам, основанным на Священном писании. Ведь и богословские, и естественноправовые суждения «Правды воли монаршей» строились так, что в их результате должны были быть получены сходные по итоговому посылу выводы.

⁴⁸ Правда воли монаршей. С. 30.

⁴⁹ Правда воли монаршей. С. 36, 37.

Среди историографических проблем изучения «Правды воли монаршей», а также политико-богословских работ Феофана Прокоповича в числе самых важных предстает соотношение богословских и естественноправовых доводов, представленных в этих сочинениях. Нередко исследователи утверждают, что, несмотря на наличие в трактате ссылок на Священное писание, аргументы в духе нововременного естественного права в нем имели самостоятельное значение. Более того, можно встретить утверждения, что богословская аргументация использовалась только как внешнее прикрытие для развертывания естественноправовых рассуждений.

Так, Г.Д. Гурвич, характеризуя идейное содержание «Правды воли монаршей», утверждал, что ее автор «в значительной степени основывает свое учение на доводах “естественного разума”». Он исходил из того, что в этом трактате «каждое положение выводится одновременно из Священного Писания и из естественного разума, “Богом в сердцах человеческих написанного”. Внешне оба эти гетерогенных источника признаются равноправными». После этого Гурвич смело заявлял, что будто бы «легко заметить, что на деле центр тяжести лежит в рационалистических доказательствах. Изложенное в нем учение осталось бы, собственно, по существу неизменным, если бы отбросить всю аргументацию богословского характера»⁵⁰.

Схожим образом рассуждала А.Б. Просина. В одной из своих статей она писала, что «в целях апологии абсолютизма Прокопович широко использует понятие естественного права или естественного закона. <...> Но Прокопович не порывает и с теологической концепцией». Тем не менее, «учение Прокоповича о происхождении и сущности государства значительно выходит за рамки богословской доктрины. Последняя не отрицается Прокоповичем и берется за исходный пункт рассуждений... Однако сами эти рассуждения строятся более по методу школы естественного права»⁵¹. В другой своей статье исследователь заявляла, что, «пользуясь методологией естественно-правовой школы, Ф. Прокопович вносит в нее ряд коррективов», в том числе пытается «сочетать рационализм с теологией». Такое сочетание «во многом определялось политическими соображениями и сложностью позиции самого Прокоповича... Тем не менее, ...доводам “от писания” не принадлежит решающего значения в трактатах Прокоповича»⁵².

⁵⁰ Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. С. 37.

⁵¹ Просина А.Б. Апология абсолютизма в учении Феофана Прокоповича о государстве и праве // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1969. № 2. С. 54–55, 56.

⁵² Просина А.Б. Теоретическое обоснование Ф. Прокоповичем реформ Петра I // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1969. № 6. С. 70.

Еще более радикально к вопросу о соотношении богословской и естественнoправовой аргументации подошла Л.А. Черная. Она утверждает, что «у Прокоповича ... основной акцент делается на естественном происхождении власти, а аргументация от Библии вторична»⁵³.

Были и иные суждения. Так, в чем-то более взвешенно В.М. Ничик отмечала, что «ни Гоббс, ни Гроций, ни Пуфендорф, хотя неоднократно ссылались на откровение, уже не обращались к нему как к самостоятельному источнику доказательства, таковым у них выступает лишь естественный закон и естественное право. Прокопович также исходил из этих доказательств. Но в отличие от западноевропейских мыслителей он прибегал еще также и к откровению как самостоятельному источнику доказательств». Соответственно, «весь ход аргументации велся им параллельно, каждое утверждение выводилось и из Библии, и из естественного разума. Это объяснимо ... и тем, что “Правда воли монаршей” и другие сочинения Прокоповича были написаны для убеждения широкого круга читателей, сознание которых было религиозным. Кроме того, теория просвещенного абсолютизма мыслителя была направлена прежде всего против ограничения царской власти боярами и церковью, выставлявшими в борьбе с нею теологические аргументы, разбивать их нужно было тем же оружием»⁵⁴.

Как попытались показать мы в нашем разборе «Правды воли монаршей», несмотря на то, что в трактате основные положения выводились и с помощью богословских аргументов, основанных на Священном писании, и с помощью рассуждений в логике *естественного права*, обращавшихся к *естеству*, богословие в сочинении явно доминировало, а *естественное право* имело вспомогательный характер. Богословие, основанное на Священном писании, оказывалось своеобразным *deus ex machina*, с помощью которого автор «Правды воли монаршей» довольно легко разрешал сложные проблемы *естественного права*, включая и вопрос подчинения злoму правителю.

Отмеченные выше доводы В.М. Ничик, что проповеди Феофана Прокоповича и «Правда воли монаршей» «были написаны для убеждения широкого круга читателей, сознание которых было религиозным», позволяют задать вопрос: на какую аудиторию были рассчитаны *естественнoправовые* аргументы? Ведь если неограниченность власти правителя успешно обосновывалась Священным писанием, зачем было обращение к рассуждениям в логике

⁵³ Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. С. 38.

⁵⁴ Ничик В.М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII в. Киев, 1978. С. 225–226.

естественного права? Ответ не так прост, да и вопросы – не риторические. Как представляется, для подавляющего большинства подданных Петра I подобная аргументация была избыточна, а для тех, кто все же овладел основами *естественного права* под европейским влиянием, она была недостаточна. В то же время ее наличие отвечало интеллектуальным стандартам, принятым у *политичных народов*. Собственно, одна из задач «Правды воли монаршей», как открыто заявлялось в предисловии, заключалась в том, чтобы «иностранным порочное о народе нашем мнение отнять, и подать им вину лучших о нас помыслов»⁵⁵.

Скорее всего, такое господствующее положение богословской аргументации не в последнюю очередь оказало влияние на то, что «Правда воли монаршей» практически не интересовала российских авторов XVIII в., писавших о *естественном праве*.

В качестве исключения можно привести упоминание этого сочинения В.Н. Татищевым. Историк, рассуждая о «наследстве престола», писал: «Наследство к получению в монархиях престола есть не малое обстоятельство к пользе государств и спокойству народов». И, пускаясь затем в подробности, уточнял: «О наследии по родителям и делении имений по закону естественному следующие правила утверждаются: (1.) что всяк в своем собственном имении ... имеет власть отдать при себе или по себе кому хочет, (2.) что родители детям ничем кроме воспитания не должны, (3.) первородный в имении родительском никакого преимущества пред прочими детьми не имеет; государство же есть имение нераздельное, хотя состоит из разных малых частей, но равно как тело человека без вреда разделено быть не может». По этому поводу Татищев заявлял: «По сим правилам наследственный Государь имеет власть престол поручить, кому за благо разсудит». Приведя несколько примеров из российской истории, иллюстрировавших такие *правила*, историк затем писал, что Петр I такой *естественный закон* «подтвердил, о чем в книге правой воли Монаршей пространно показано»⁵⁶. Таким образом, Татищева как сторонника *естественного права* в «Правде воли монаршей» интересовали только рассуждения о наследстве, а не общая политическая доктрина, с которой историк едва ли был во всем согласен⁵⁷.

⁵⁵ К простосердечному читателю предисловие // Правда воли монаршей. С. [2].

⁵⁶ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. М., 1769. С. 534–535.

⁵⁷ Например, татищевская формулировка, что «государство же есть имение нераздельное», вступала в явный конфликт с доводами «Правды воли монаршей». В ней, конечно, отмечалось, что раздел «велики бо Государствам вредное есть». Тем не менее, автор «Правды воли монаршей», комментируя исторические примеры раздела государства монархами, писал: «Аще бо

Интерес к «Правде воли монаршей» как к юридическому сочинению стал развиваться со второй половины XIX в. историками-юристами под влиянием логики континентальной юриспруденции с ее делением права на соответствующие отрасли и рубрики, которые фактом своего существования востребовали своей истории. Как результат, коль скоро в юриспруденции рассматривался вопрос о верховной власти, то должна была появиться и история верховной власти. Среди первых таких авторов назовем И.И. Дитятину. Его статья «Верховная власть в России XVIII столетия» открывалась заявлением, что «двумя статьями наших „основных законов“ точно определяется форма государственного строя нашего отечества в настоящее время». Это ему затем позволяло обратиться к истории проблемы, в том числе и привлекая «Правду воли монаршей». Дитятин заявлял, что ее целью было «обосновать неограниченное самодержавие императора, опираясь на все данные Священного писания и *тогдашней науки*». В то же время при анализе трактата он полностью проигнорировал богословскую аргументацию, обращая внимание только на юридические доводы⁵⁸. В результате Дитятин фактически навязал историческому материалу логику современного ему права. Конечно, при изучении феноменов прошлого у исследователя может возникнуть соблазн отбросить тот или иной элемент как нечто несущественное, исходя из современных ему представлений о его значении. В итоге это может привести к искажению исторической реальности, что едва ли будет допустимым с научной точки зрения.

Таким образом, и «Правда воли монаршей», и проповеди Феофана Прокоповича, и «Ифика иерополикита», безусловно, позволяли российскому

не имел бы от Бога таковой власти, ... то како мог бы Государь ... разделяти Государство свое, и по частем раздавати сыном своим: как то многии хотя не полезно делали, и никто о том не спорил и не прекословил им». См.: Правда воли монаршей. С. 53.

⁵⁸ Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 591, 594. Там же И.И. Дитятин указывал на существовавшие, по его мнению, параллели между «Правдой воли монаршей» и идеями Т. Гоббса. Однако все такие параллели строились на ошибочном толковании концепции Гоббса, начиная с того, что у последнего государство возникало не из договора между народом и правителем, как это утверждал Дитятин, а из договора между людьми, условия которого, соответственно, не распространялись на правителя. В значительной степени обращение к Гоббсу было вызвано тем, что при отбрасывании богословских доводов некоторые тезисы «Правды воли монаршей» оказывалось возможным объяснить именно гоббсовской логикой. Дитятину можно рассматривать как одного из основателей традиции, согласно которой Т. Гоббс оказал влияние на содержание «Правды воли монаршей». Ошибочность последней еще в 1915 г. продемонстрировал Г.Д. Гурвич. Он отмечал, что, «несмотря на внешнее сходство» с теорией Гоббса, содержащееся в «Правде воли монаршей» «учение Феофана по существу – в своих основных посылах – резко расходится с концепцией» Гоббса, а «отдельные черты сходства между учениями Гоббса и Прокоповича не носят специфического характера». См.: Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. С. 109.

читателю и слушателю ознакомиться с доводами в духе *естественного права*. Сам факт обращения к таким рассуждениям был результатом возрастающего восприятия нормативности европейской культуры. Однако естественнорасправовые доводы были плотно встроены в богословский дискурс. Как результат, по сравнению с аргументами, основанными на толковании Священного писания, такие доводы выполняли вспомогательную роль. В связи с этим приведем следующие наблюдения Л.И. Сазоновой о роли восточнославянских учебных заведений XVII в., созданных духовенством. Указав на их богословско-просветительский характер, она утверждает, что «духовные академии имели в условиях России гораздо большее значение, чем в странах Европы, являясь проводниками европейской культуры и знания (выделено нами. – М.К.). Эти академии заложили фундамент, на котором впоследствии, в XVIII в., было возведено здание русской науки»⁵⁹. Схожим образом, несмотря на отмеченную богословскую ориентацию, церковно-политические произведения, где использовались отсылки к *естественному праву*, создавали условия для полноценного восприятия естественноправовых концепций.

§ 2. Петр I и естественное право

В характеристике реформ Петра I общим местом в историографии стало указание на то, что их идейное (об)основание восходило к трудам таких теоретиков *естественного права*, как Г. Гроций, Т. Гоббс, С. Пufендорф, Г.В. Лейбниц⁶⁰. Однако, на наш взгляд, отношение Петра к названным авторам и к концепциям нововременного *естественного права*, их значение в проведении преобразований в России первой четверти XVIII в., равно как и роль петровской политики в распространении представлений о *естественном праве* нуждаются в дополнительном изучении.

⁵⁹ Сазонова Л.И. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. № 3. С. 56.

⁶⁰ См., например: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974. С. 25–26; Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 40–42; Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М., 1999. С. 140, 146; Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 93–94; Каменский А.Б. Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 19–20; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 145; Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013. С. 323.

В связи с этим, прежде всего, следует отметить, что Петр I проявлял большой интерес к законодательству европейских государств, которое он активно использовал в ходе своей законотворческой деятельности.

Источники позволяют зафиксировать наличие такого интереса у Петра I уже на рубеже XVII–XVIII в. В доношении без точной даты, написанном до 1702 г., Я.В. Брюс писал царю: «По твоему государскому писанию к Адаму Вейду послал я к тебе, государю, краткое описание законов, [или правил], шкоцких, аглинских и французских о наследниках, [или первых сынах]»⁶¹. В свою очередь П.В. Постников, который в 1694 г. после обучения в Падуанском университете получил там степень доктора медицины и философии и затем стал участником Великого посольства, во время своего пребывания в Европе закупил «по указу его священного величества, чрез Федора Алексеевича (Головина. – М.К.) присланному к нему» 36 книг на французском и латинском языках за 60 руб. Они были направлены в Россию из Амстердама через Нарву, где задержались из-за начала Северной войны. Голландские купцы смогли их переправить обратно в Амстердам, откуда они были привезены в Россию уже через Архангельск и в 1702 г. поступили в Посольский приказ⁶².

Как следует из росписи этих книг, не менее 16 из них были по французскому праву⁶³. В Посольском приказе попытались организовать перевод трех книг – французских «Изречений и указов королей французских» и латинских «Толкование на обычай Парижа» и «Списание французского права». Однако

⁶¹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.–Л., 1945. № 2. С. 29.

⁶² Дело об уплате доктору П.В. Постникову денег за книги, купленные им за границей и доставленные в Архангельск. 1702 года // Цветаев Д.В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Историко-биографический очерк. Варшава, 1896. С. 61. С.П. Луппов пишет об этих книгах как приобретенных П.В. Постниковым в 1704–1710 гг. Это явная неточность. См.: Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 128–129, 166).

⁶³ 1) «Правомудрие Палаты, си есть приказов не в самом Парижском Парламенте», 2) «Изречения и указы королей французских», 3) «Постановления делфинатския», 4) «Остановительные указы, Луветом списанные», 5) «Такия же указы, Басетом описанные», 6) «Изяснение на французское право», 7) «Сочинение граммат канцелярии», 8) «Шасанеиа Обычаи Бургундии», 9) «Описание приговоров площадных», 10) «Списание французского права», 11) «Суд воинской пехоты», а также 12–16) пятитомное «Молинеа творения ... 5 книг». Последние представляли собой «Короля Молинея Франции и Германии славнейшаго судосоветника и в вышнем парижском сенате древняго вся обретающаяся действия сказание и описание древних и новых французских и римских и церквиримских судов постановленной обычаев и всяких поведений». См.: Дело об уплате доктору П.В. Постникову денег. С. 61–62; Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1885. № 4. С. 78; Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (Из истории международной книготорговли). Л., 1988. С. 6.

из-за отсутствия знатоков языка с должной квалификацией в 1704 г. там были вынуждены констатировать, что «ныне тех книг переводить некому», так что перевод остановился, едва начавшись.

С начала 1710-х гг., по мере того, как царь стал уделять все больше внимания своей законодательной деятельности⁶⁴, петровский интерес к иностранным нормативным актам явно возрастал. Так, Г.И. Головкин в письме от 18 декабря 1710 г. в Москву в Посольский приказ повелевал прислать книги «о правах и уложениях окрестных государств», которые были приобретены П.В. Постниковым, «понеже изволит государь тех книг спрашивать»⁶⁵.

Также 17 марта 1711 г. Петр I предписал Посольской канцелярии «к будущему 1712 году о первенстве детей и их наследстве перевести из правил французских и аглинских, [а буде возможно сыскат, – и из венецких]»⁶⁶. Затем, 18 декабря 1713 г. монарх указал Сенату «выписат из шведских и протчих порядок градусоф всех чиноф, кроме воинских»⁶⁷. Схожим образом в указе князю Б.И. Куракину 19 мая 1715 г. Петр писал: «Правы морские воинские и анштат адмиралтейский мы ныне збираем всех государств, кои флоты имеют, и уже дацкой и французской переведыны и галанской», – в связи с чем требовал от Куракина прислать английский⁶⁸.

Большие реформы внутреннего управления, подготовка к которым началась в 1715 г., должны были быть, согласно замыслу Петра I, основаны на шведском опыте⁶⁹. Царь полагал, что для этого следует «достат книги праф и всех чиноф определение, ранги и звания всех Колегей, также и земские поборы и розпорядки, и, единым словом, вес анштат государства Свейскова, начен от мужика и от салдата даже до Сената»⁷⁰. Конечно, Петр отнюдь не был сторонником слепого копирования иностранного опыта. Скорее, иностранное законодательство рассматривалось как основа для актов, адаптированных под российские реалии. Соответственно, по указу от 28 апреля

⁶⁴ См.: Киселев М.А. *Правда и закон* во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 63.

⁶⁵ Цит. по: ПБПВ. Т. X (январь – декабрь 1710 года). М., 1956. С. 686. Как выяснилось после получения этого письма, не все книги уцелели при хранении в приказе. Было найдено только 24 книги разной степени сохранности, а также «много листов от розных книг которых неявилось». См.: Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1885. № 4. С. 77–80).

⁶⁶ Воскресенский. № 11. С. 37.

⁶⁷ Воскресенский. № 15. С. 39.

⁶⁸ Воскресенский. № 24. С. 44.

⁶⁹ См.: Peterson C. *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception*. Stockholm, 1979.

⁷⁰ Воскресенский. № 34. С. 50.

1718 г. всем создаваемым российским коллегиям следовало не просто «на основании швед(с)кого Устава сочинят во всех делах и порядках по пунктам», а смотреть, что если «которые пункты в шведском Регламенте неудобны, или с сетуациею сего государства несходны, и оныя ставит по своему разсуждению»⁷¹.

Петровские рекомендации отнюдь не ограничивались только шведскими законодательными актами. В 1722 г. монарх потребовал от Сената «выписать из лифлянских и эсянских праф о сиротах»⁷², а по вопросу о замене сбора рекрутов с посадских предлагал Сенату «взят пример голанской и шведской и к тому свое мнение»⁷³. Схожим образом, повелевая Сенату 20 января 1724 г. «учинит экономии генералного, которого должность первая над хлебом, чтоб везде запасной был, дабы не в уражайные годы народ голоду не терпел», он отмечал, что следует «сию должность взят из иностранных уставов, и к тому свое прибавит и предложит»⁷⁴.

Петровский интерес к иностранному законодательству проявился и в том, что некоторые переводы были напечатаны по его именным указам. Так, 16 января 1714 г. в Петербурге «повелением Императора, Петра Первого, присноприбавителя, Царя и самодержца всероссийского» была издана «Книга ордера или во флоте морских прав», представлявшая собой «перевод узаконений голландского морского флота». Второе издание этой книги состоялось уже в феврале 1714 г., а третье – в 1716–1718 гг. (точная дата не известна)⁷⁵.

Одним из переводчиков этой книги, скорее всего, был А.А. Виниус. Последний в 1712 г. докладывал Петру, что Т.Н. Стрешнев «мне, рабу вашему, ... сказал, что вы, Государь, изволили потребовать от меня переводу уставу судебных воинских прав». В связи с этим Виниус писал: «А ныне, Государь, начал в воинских правах трудиться, и по елико смогу, буду работать; однако жь рукою, Государь, правою в письме мне зело тяжко, едва имя свое подписываю; но уповаю сим великим постом Голландские артикулы совершить, а прочее потом»⁷⁶. Принимая во внимание состояние здоровья престарелого

⁷¹ Воскресенский. № 49. С. 60.

⁷² Воскресенский. № 118. С. 98.

⁷³ Воскресенский. № 131. С. 104.

⁷⁴ Воскресенский. № 189. С. 141.

⁷⁵ Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. Ред. и вст. ст. П.Н. Берков. М.; Л., 1955. С. 145–146, 479–480.

⁷⁶ Цит. по: Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. I (текст исследования). Варшава, 1913. С. 268–269.

Виниуса, Петр решил направить ему помощника, в связи с чем 30 июня 1712 г. отдал следующее распоряжение Сенату: «Когда вам доноситель сего письма, Яков Веселовской, явитца, тогда велите ему быть с Андреем Виниюсом для вспоможения в переводе прав других государств»⁷⁷.

Некоторые историки истолковывали это частное распоряжение Петра I как весьма знаковое. Так, Н.И. Павленко в доказательство того, что «1712 год в смысле поворота царя к внутривластным делам можно считать переломным», приводил информацию о том, что «к этому году относится ... первое его распоряжение о переводе на русский язык “прав других государств”»⁷⁸, а коллектив исследователей в составе Б.А. Градовой, Б.М. Клосса и В.И. Корецкого писал, что «30 июня 1712 г. Петр повелел Сенату организовать перевод “прав других государств”». Отталкиваясь от такой «расширительной» трактовки петровского указа, авторы замечали, что в 1712-м и «последующих годах студентами Киевской духовной академии выполняются переводы, отвечающие этому указу: “Министерство кардинала Рихелия и Мазарина”, “Книга на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское” Максимилиана Фауста, “О законах брани и мира” Гуго Гроция» и других. И дальше, на основании хронологического совпадения – «в то время, когда в Киеве ... выполнялись переводы сочинений, отвечавших указу Петра, Д.М. Голицын был киевским губернатором» – было сделано предположение, что, «видимо, именно ему принадлежала непосредственно роль организатора переводов по указанию царя»⁷⁹. Только, как было показано выше, Петр и до 1712 г. интересовался иностранным законодательством. При этом, как следовало из полного текста распоряжения, царь в 1712 г. предписал Сенату не общую организацию переводов «прав других государств», а всего лишь направить помощника А.А. Виниусу, который переводил не политические и правовые трактаты, а конкретные законодательные акты, то есть перевод того же Г. Гроция отнюдь не был обусловлен данным петровским указом. Таким образом, предположения Б.А. Градовой, Б.М. Клосса и В.И. Корецкого о связи указа Петра от 30 июня 1712 г. и переводами, которые делались в Киеве по заказу Д.М. Голицына, вряд ли основательны.

Конечно, как отмечал еще П.П. Пекарский со ссылкой на сочинение И.И. Голикова, «сохранились известия, что Петр Великий поручал переводить некоторые сочинения и духовным из киевской академии. В 1709 г. он писал

⁷⁷ ПБПВ. Т. XII. Вып. 1 (январь – июнь 1712 г.). М., 1975. № 5325. С. 267.

⁷⁸ Павленко Н.И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1973. С. 84.

⁷⁹ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. О рукописях библиотеки Д.М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 189.

к киевскому губернатору, кн. Дмитрию Голицыну, чтобы он велел перевести в семинарии братской две книги; в заметках, оставшихся в кабинете государя, упоминается о посылке к тому же Голицыну, для перевода, пяти книг»⁸⁰. Однако при этом Пекарский не указал на тематику этих книг.

Согласно приведенному И.И. Голиковым источнику, Петр I в заметках зафиксировал, что надо написать «Кн. Д. Мих. Голицыну о переводе на Русский язык пяти книг, чаятельно *архитектурных* (выделено нами. – М.К.)»⁸¹. Во исполнение этого указа А.В. Макаров написал Д.М. Голицыну, что ему посылаются пять книг, которые следовало «отдать и перевести школьным учителем на русский язык», и сообщал ему, что Петру стало известно про голицынские распоряжения «в Киеве переводить некоторые новыя книги историческия и политическия и прочия». В связи с этим Макаров извещал Голицына о петровском указе «к вашему сиятельству отписать, чтоб вы из тех книг, которыя уже переведены, изволили прислать сюда к его величеству, и которыя из них его величеству понравятся, те изволит приказать здесь напечатать»⁸². Уже в ходе следствия против него, начавшегося по воле Анны Иоанновны, в 1737 г. Голицын заявил, что он книги «собирал и покупал, и списывал, которые и детям роздал». При этом он упомянул, что «в прошлые годы государь Петр I император изволил смотреть из них и взял к себе некоторые»⁸³.

Таким образом, какого-либо прочного основания для утверждений, что организованный Д.М. Голицыным перевод в Киеве политических и правовых сочинений как-то связан с распоряжением самого Петра I, к настоящему времени нет. Более того, как явствовало из процитированного письма Макарова Голицыну, организация перевода в Киеве *книг исторических и политических* была частной инициативой последнего, слух о которой затем дошел до Петра. Монарх выказал некоторый интерес к переводам и, *возможно*, что-то отобрал и для своей библиотеки. Однако тематика тех переводов, которые заинтересовали Петра I, неизвестна. При этом какие-либо сведения о том, что какая-то из этих книг затем готовилась к публикации по указу Петра, к настоящему времени отсутствуют.

Что до двух книг, посылаемых для перевода в братскую семинарию, то об их содержании можно только гадать. Ведь И.И. Голиков не указал точной даты этого указа Д.М. Голицыну. Собственно, историк-любитель писал следующее:

⁸⁰ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 214.

⁸¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XI. М., 1839. С. 453.

⁸² Цит. по: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 259. Прим. 1.

⁸³ Цит. по: Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. С. 306.

«К Конону Никитичу Зотову от 25 числа чудный поистинне Монарх! Напоминает о поспешении переводом врученных ему книг, и чтоб перевод был ясен и вразумителен. А такое повеление дал и Киевскому Губернатору Кн. Голицыну, именно-же; чтоб отдал учителям семинарии Братской для перевода двух повеленных ему книг»⁸⁴. Действительно, в указе от 25 февраля 1709 г. Петр предписывал Ивану (а не Конону, как ошибочно утверждал Голиков) Никитичу Зотову «в той книжке, которую ныне пе[ре]водите, остережатца в том, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сенс выразуеф, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть»⁸⁵. Переводимой тогда Зотовым книжкой было сочинение А.М. Малле «Les travaux de Mars ou l'art de guerre», которая в 1713 г. вышла в Петербурге под заглавием «Книга Марсова или воинских дел»⁸⁶. И это была отнюдь не единственная книга, о переводе и публикации которой Петр I заботился в это время. Например, 19 января 1709 г. царь писал И.А. Мусину-Пушкину в Москву: «Посылаем книгу праф шведских воинских, которую вели напечатать в восмую долю листа, но первее надлежит выправить, ибо гораздо инде темно переведено, а инде самую грубую речью. <...> Также посылаем историю Троянскую⁸⁷, которая также напечатать (переправливать ненадобно) одною величиною, а литерами средними, которыми печатаны книги слюзная и комплиментальная⁸⁸. <...> И ф переплетах постаратца, чтоб так хорошо переплетали, как геометрическая переплетена у вас»⁸⁹. В письме от 21 февраля 1709 г. Петр сообщал Я.В. Брюсу: «Послали к вам книшку о механике, купно и с переводом на словенском языке, которой со временем, когда будет досуг, выправь, понеже переводил оную Андрей Виниус и во многих местах

⁸⁴ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XI. С. 198.

⁸⁵ ПБПВ. Т. IX (январь – декабрь 1709 года). Вып. 1. М.; Л., 1950. № 3095. С. 106.

⁸⁶ ПБПВ. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 728–729.

⁸⁷ Сочинение автора XIII в. Г. де Колумна «Historia destructionis Trojae» напечатано в июне 1709 г. в Москве под заглавием «История в ней же пишет, о разорении града трои фригийского царства, и о создании его, и о великих ополчительных бранех, како ратовавшася о ней царие и князи вселенныя...». Второе ее издание тиражом 480 экз. вышло в 1712 г., а третье – в 1717. См.: Описание изданий гражданской печати. С. 89, 130, 207.

⁸⁸ Книга комплиментальная, упомянутая в указе, – это «Приклады како пишутся комплименты Разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатом, Поздравительные и сожалетельные, и иные: Такожде между сродников и приятелей», изданная в Москве в 1708 г. в переводе М.П. Шафирово по указу Петра I. См.: Описание изданий гражданской печати. С. 69. Ее публикация была частью курса на прививание подданным политичности, то есть соответствия современной европейской культуре, включая модели поведения, стандарты образования и внешний облик.

⁸⁹ ПБПВ. Т. IX. Вып. 1. № 2994. С. 31–32.

есть неисправно и непонятно. Да пришли к нам две книшки, что называются Зеркало каменданское, и третью о политике маленькую»⁹⁰. Согласно предположению комментаторов «Писем и бумаг Петра Великого», этой маленькой книжкой «О политике» могла быть «Книга немецкая о фамилиях великих государей царей московских и королей окрестных государств», которую как раз переводили в 1709 г. М.П. Шафиров и В.Г. Шиллинг⁹¹.

Итак, вероятность, что Петр I мог познакомиться с какими-то сочинениями по *естественному праву* из переводов, связанных с деятельностью Д.М. Голицына, была. Однако имеющиеся на данный момент документальные свидетельства не дают прочных оснований считать, что это все же были переводы именно по *естественному праву* или даже по политике, а, например, не по истории. Достоверно фиксируемые факты указывают на интерес царя к переводам по точным и инженерным наукам, военному искусству, истории и европейскому законодательству.

В 1714 г. повеление перевести соответствующий том французского морского законодательства получил К.Н. Зотов⁹². После его завершения 26 ноября 1715 г. в Петербурге был напечатан «Устав о войсках морских, и о их арсеналах. Людовика четвертого надесять короля французского и наварскаго». Тираж – 27 экз.⁹³ Скорее всего, эта книга предназначалась не для продажи, а для служебного использования морскими офицерами. Небольшой тираж – 20 экз. – был и у первого издания «Инструкции о морских артикулах и кригесрехтах, или Воинских правах, Королевскаго Величества дацкаго», напечатанного 17 августа 1715 г. в Петербурге. Вскоре – в 1716 и 1718 гг. – вышли второе и третье издания «Инструкции». Тираж последнего по сравнению с первым был довольно значительным – 300 экз. – и, возможно, предназначался для продажи. Впрочем, «Инструкция» явно не пользовалась большим успехом у читателей: к 1756 г. оставалось 315 непроданных экземпляров этой книги⁹⁴.

Итак, *иностранные уставы*, особенно с начала 1710-х гг., находились под неослабевающим вниманием Петра I. Он активно привлекал их для реформаторской деятельности по созданию своего «воображаемого» идеального государства⁹⁵. В нормах иностранных законодательных актов

⁹⁰ ПБПВ. Т. IX. Вып. 1. № 3086. С. 101.

⁹¹ ПБПВ. Т. IX. Вып. 2. С. 715.

⁹² Воскресенский. № 19. С. 42.

⁹³ Описание изданий гражданской печати. С. 182.

⁹⁴ Описание изданий гражданской печати. С. 179–180, 189, 240.

⁹⁵ Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 46.

Петр искал примеры должного устройства *политичного / регулярного* европейского государства, каким он желал сделать Россию⁹⁶. Именно действующее европейское законодательство давало доступ к основам такого государства. Конечно же, Петр понимал, что, несмотря на определенную общность, каждое европейское государство обладало своими особенностями, от чего при обращении к *иностранным уставам* предполагалось их сравнение для определения самого лучшего или выбора сочетания элементов разных *уставов*. И, разумеется, итоговая процедура использования таких *уставов* предполагала их приспособляемость к российским реалиям. В связи с этим следует принять во внимание следующие наблюдения М. Раева о представлениях о государственном управлении в Европе XVII в. Историк писал: «Подобно тому, как Божественный Творец привел в движение хорошо отлаженный механизм природы и обеспечивал его работу посредством рациональных законов, правитель должен был вводить в действие законы и правила, которые придавали бы обществу определенную форму и направляли бы его по правильному пути»⁹⁷. Известный пример такого описания государства-механизма можно найти в мемориале, сохранившемся в бумагах Петра, авторство которого приписывают Г.В. Лейбницу: «Яко в часах одно колесо другим движется, тако и в болших статских часах один Колегиум другим движется имеет. И когда все в исправной пропорции и ближнем согласии находятся, то инако быть не может, как указателник мудрости земле счастливые часы казать будет»⁹⁸. Как представляется, можно утверждать, что сам Петр, подобно искусному механику, подбирал различные элементы иностранного законодательства и затем использовал их в качестве элементов для создания собственного идеального государства-механизма, которое бы работало на *общее благо*.

Показательна история взаимоотношений Петра I и Г.В. Лейбница, с которым царь состоял в переписке, а также встречался несколько раз. В 1712 г. Лейбниц петровским распоряжением был принят на службу в «тайная юстицраты, ... чтоб нам, понеже мы известны, что он ко умножению *математических* и иных искусств и произыскиванию *Гисторей* (выделено нами. – М.К.) и к приращению наук много вспомщи может, его ко имеющему нашему наме-

⁹⁶ См. о понятии *политичный*: Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

⁹⁷ Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 55. Ср.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. С. 144–182.

⁹⁸ Воскресенский. № 330. С. 270. См. также: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 59–60.

рению, чтоб науки и искусства в нашем государстве в вящей цвет произошли, употребить»⁹⁹. Итак, вполне в логике петровского понимания практицизма, было указано на заслуги Лейбница в математике и истории. Великий философ пытался подстраиваться под запросы великого правителя. Так, в письме от 22 января 1715 г. из Ганновера он сообщал Петру: «Я помалу отчасти Гисторию скифских народов рассмотрел, ... и обретаю, что Гуннениа и сарматским или росиским языком говорили, а не так как многим мнится, что с венграми, но сарматским или (еже едино) словенским народом одного народа были, и что Гуниенов кароль великий Аттила також от Каспишского даже до Балтиского моря, как ваше великоцарское величество, властвовал». В том же письме Лейбниц упоминал про следующее поручение царя, которое, впрочем, он получил не напрямую от Петра, а через посредников: «Когда я при дворе вашем приуслужовал, чрез великого канцлера вашего всемилостиво ведать повелели, тако ж сами в высокой персоне графу фон Шенберну воспомянуть соизволили, что между прочими от меня некия удобныя известия о судных делах требовали, которая бы иногда в вашем великом государствии употреблять могли». И философ заверял монарха: «И аще внегда от вашего величества о сем намерении близжае известие получю, и я о том старание приложу и толь вящее к тому удобен буду, зане его римское цесарское величество меня государственным дворовым советником именовали, меня в вершение прав (судных дел) римского государства в одном и в другом употребляет»¹⁰⁰. Как явствует из этого письма, Петра интересовали, помимо истории, еще и правовые практики, а отнюдь не теоретические рассуждения Лейбница о праве. Конечно, последний в 1712 г. не без доли иронии мог писать своему немецкому корреспонденту касательно петровских пожеланий, что ему «придется быть в известном смысле русским Солоном, хотя и издалека, так как, по моему мнению, самые краткие законы, как, например, десять заповедей или двенадцать таблиц древняго Рима лучше всех других законов»¹⁰¹. Однако ожидания и чаяния Лейбница, воспринимавшего Россию как *tabula rasa*, – это одно, а практические интересы Петра – это нечто другое, и нет резона их смешивать.

Наряду с таким явным вниманием Петра I к европейскому законодательству и правовым практикам, приходится констатировать, что существует не так много свидетельств об интересе монарха к европейской правовой науке

⁹⁹ Цит. по: Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. II. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 159–160.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 9 «Кабинет Петра I». Отд. II. Кн. 24. Л. 117–118.

¹⁰¹ Цит. по: Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. II. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. С. 160.

(*юриспруденции*). В качестве примера приведем следующее: 16 декабря 1715 г. Петр I написал резиденту А.П. Веселовскому в Вену, чтобы тот нашел «книгу Юрисъпреденции»¹⁰². В другом указе от 1715 г., без точной даты, Петр отдавал распоряжение «эстрат, [буде всего много,] из Юриспруденции перевесть»¹⁰³. Итак, Петр, указав на некую «книгу Юрисъпреденции», не считал нужным ни написать ее точного названия, ни ее автора. Более того, он даже был готов удовольствоваться выдержкой – *экстратом* – из такой книги. Складывается ощущение, что, с одной стороны, он слышал от иностранцев о пользе и необходимости *юриспруденции*, а, с другой стороны, не видел в ней как для себя, так и для страны большой необходимости. И, в общем-то, неудивительно, что, судя по имеющейся информации, это петровское повеление так и не было исполнено¹⁰⁴.

В 1721 г. Петр I назвал заинтересовавший его трактат по *юриспруденции*. Будучи 19 ноября в Сенате на совместной конференции Сената и Синода, император «отдал Синоду печатную Латинскую книгу сочинение Пуффендорфа: о чинах человека и гражданина, и приказал перевесть ее на “Словенский диалект” и напечатать для распространения в народ». Синод поручил работу над переводом типографскому справщику Иосифу Кречетовскому. После того, как он завершил работу, 21 января 1724 г. Синод «положил представить ее в рукописи в Кабинет Его императорского величества»¹⁰⁵. Однако к этому времени Петр, похоже, уже забыв о своем прежнем распоряжении, 11 сентября 1724 г., будучи в Петербурге, направил в Синод «книгу Пуффендорфа, в которой два трактата, первой о должности человека и гражданина, другой о вере христианской». Император потребовал, чтобы из этих двух трактатов «первой токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужды быт», и чтобы книга «не по конец руки переведена была, но дабы внятна и хорошим штилем»¹⁰⁶. Последнее пожелание имело под собой объективные основания: к 1724 г. у переводчиков в России был довольно ограниченный опыт в переводе юридических трактатов.

В связи с этим укажем на следующий примечательный факт. Как отмечалось выше, в Посольском приказе попытались организовать перевод

¹⁰² Воскресенский. № 32. С. 48.

¹⁰³ Воскресенский. № 31. С. 47.

¹⁰⁴ См.: Мыльников А.С. Русские переводчики в Праге. 1716–1721 гг. // XVIII век. Вып. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века / Под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л., 1974.

¹⁰⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. Т. I. (1542–1721). СПб., 1868. Стб. 719.

¹⁰⁶ Воскресенский. № 202. С. 148.

нескольких книг из партии, закупленной П.В. Постниковым, среди которых было издание «Изречения и указы королей французских». Его перевод не удалось сделать по причине того, что переводчики Посольского приказа, включая опытного Н.Г. Спафария, некогда учившегося в Падуанском университете, заявили, что «той книги не учась юрис пруденции переводить некоторыми делы невозможно, для того, что термины и речи к юрис пруденции надлежащие особые»¹⁰⁷.

Действительно, право Московского государства было правом практического применения, тесно связанным с управлением. Эксплицитно выраженная теория права фактически отсутствовала, если не принимать во внимание тексты богословского характера с их отсылками к необходимости судить по Божественной правде. В то же время в Европе язык правовой теории развивался со Средних веков, и его воспроизводству способствовали юридические факультеты университетов, выпускники которых играли немаловажную роль в государственном управлении. Таким образом, проблема восприятия *юриспруденции* в России в начале XVIII в., включая и *естественное право*, упиралась и в проблему языка. Если конкретные иностранные законодательные акты в целом можно было понять через соотнесение с той или иной управленческой практикой и, соответственно, адаптировать для применения в России, то с трактатами по *юриспруденции* такую операцию было проделать несравненно сложнее. Для этого надо было не только понимать язык оригинала и разбираться в его юридических понятиях, но и фактически сконструировать российский язык *юриспруденции*. При этом не стоит забывать, что дополнительные трудности создавала диглоссия, то есть одновременное функционирование церковнославянского и русского языков, когда переводчик должен был выбирать, понятие из какого языка лучше использовать при переводе.

Эта проблема проявилась и при подготовке русского перевода пугендорфовского трактата «О должности человека и гражданина». Как справедливо отмечает В.М. Круглов, «перед переводчиком стояла трудная задача: он должен был перевести термины и передать содержание понятий, для которых в русском языке того времени еще отсутствовали устойчивые лексические обозначения»¹⁰⁸. К моменту получения нового предписания Петра I в 1724 г.

¹⁰⁷ Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1885. № 4. С. 77.

¹⁰⁸ Круглов В.М. Предисловие // Пугендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 года. Т. I. Текст перевода / Лингвистическое издание памятника, словоуказатель, комментарии подготовил В.М. Круглов. СПб., 2011. С. 4.

в Синоде уже был перевод И. Кречетовского, который, как было установлено, оказался «всесовершенно неисправлен». В итоге в Синоде решили «оную новопреведенную на Русском языке Пуффендорфову книгу, по должности освидетельствовав с помянутою на Латинском языке печатною книжицею, всесовершенно исправить синодальному советнику, школ и типографий проректору, Троицкому архимандриту Гавриилу, как скоро возможно с поспешанием». Тот довольно активно приступил к работе, так что уже 15 декабря 1724 г. Петр I при посещении Санкт-Петербургской типографии предписал печатать там «переведенную Пуффендорфову книгу»¹⁰⁹. Из-за смерти императора издание задержалось. Книга вышла в Петербурге только «Ноября в 17 день 1726 года».

Редактор перевода Гавриил Бужинский в части предисловия, адресованной Екатерине I, всячески превозносил петровские преобразования, в том числе заявляя, что император «ради мирскаго благосостояния, дабы (что есть конец юстиции, то есть правды) всякому, что есть его воздаваемо и неотъемлемо было, толикия и преславныя коллегии, избрав во оныя елико возможно, тако Российских, яко и иностранных, искусно в юриспруденции обучившихся мужей, узаконил: над оными же ... определил Правительствующий Сенат». После этого Бужинский указал и на петровские достижения в законотворчестве: «Сицевыя расположив чины, бяше нужно вникнути и в законы, то есть положительные уставы, и оныя исправити: первее сочинил устав, морскаго правления, также воинских судов и устройства. Гражданския же законы, понеже елико многия, толикой с премногим трудом сочиняемая, избрав благоразумных мужей, повелел исправляти: сам над всеми надзирая, исправляя, и к сочинению полезнейшыя подавая способы». Переходя от достижений настоящего к перспективам будущего, автор отмечал: «И что вящше, да бы в будущая времена, таковыми в юриспруденции обученными мужи не скудна была Россия, в Европейския преславныя академии: Парижскую, Пражскую, Галскую, и в иныя многия посылаше юноши для обучения». Из-за того, что «художество учения долгое» и, соответственно, этих обучающихся юношей надо было долго ждать, Петр, по Бужинскому, и повелел перевести и опубликовать это сочинение Пуффендорфа, «да бы те, которые при судах суть, а учения онаго ... лишившиися, скоряе всякую правду и должество свое уразумели». Выбор этого пуффендорфовского сочинения был связан с тем, что император «услышал, что во многих академиях аки алфавит употребляют в научении юнош». Говоря непосредственно об истории данного издания, Бужинский сообщал

¹⁰⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Синода. Т. I. (1542–1721). Стб. 719.

читателям, что Петр «не терпя ... долго времени» осведомился о состоянии перевода и, ознакомившись с его первыми десятью главами, «такое возлюбил, яко во многих местах собственноручно исправи, и абие в Типографию свою Императорскою Персоною прибыв, повелел оную тиснению предати». Более того, «при собраниях же Сенаторов, и в Царских своих палатах, и на ассамблеях в домах Сенаторских, оная первая десять глав прочтенныя похвалял, и всегда Автора ея Пуфендорфа мудрым именовал Юрисперитом (законознателем)»¹¹⁰.

Рассказ Гавриила Бужинского, разумеется, основан на фактах. Как отмечалось выше, Петр действительно посетил типографию, где указал приступить к печати книги. В то же время описание петровских образовательных мер не обошлось без преувеличений. Да, монарх отправлял на учебу *юношей*, в том числе и в знаменитый университет в Галле. Однако они отнюдь не направлялись в университеты именно для изучения *юриспруденции*! Как констатирует А.Ю. Андреев, «основное значение обучения в университетах для россиян в петровское царствование сводилось пока еще именно к общему ознакомлению с европейской наукой и преподаванием»¹¹¹. Например, А.И. Головин, поступивший в университет Галле в октябре 1717 г., сообщал своему отцу, что «две части философии, логику, мораль, философиям экспериментале, гисториям универсалес, а из математики арифметику, геометрию, тригонометрию шверикам и плянам и архитектуру цивилис фундаментам окончал же. Сии вышепомянутые науки с помощью Божию уже я окончал, и при сем доношу, которым наукам еще учусь: юсь натуре, европейских республик знание, третью часть философии метафизику, а из математики фортификацию»¹¹². Таким образом, хотя какие-то из петровских студентов и могли познакомиться с тем или иным разделом права, включая и *юсь натуре (естественное право)*, они отнюдь не имели от монарха поручения стать настоящими юристами. В связи с этим следует подчеркнуть, что, согласно рассказу Бужинского, Петр, до своего ознакомления с переводом, только слышал, что данное пуфендорфовское сочинение используют как учебник по *юриспруденции*, почему и предписал его перевести и издать. Непосредственное же знакомство с правовыми идеями Пуфендорфа, произведшими на Петра самое положительное впечатление, произошло только

¹¹⁰ [Гавриил Бужинский. Предисловие] // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 5–10.

¹¹¹ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 135.

¹¹² Цит. по: Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. С. 124–125.

после прочтения перевода, а точнее – его первых десяти глав. Принимая во внимание, что описываемые Бужинским события произошли после 11 сентября 1724 г.¹¹³, приходится констатировать, что это было менее чем за полгода до смерти императора (28 января 1725 г.).

На первый взгляд, такой рассказ Гавриила Бужинского до некоторой степени выглядит парадоксальным. Ведь Петр I знал имя С. Пуфендорфа, конечно же, и до 1721–1724 гг. Так, при редактировании известного «Разсуждения» П.П. Шафирова, подготовленного в 1716 г. и напечатанного в 1717 г., монарх предписал вставить в него цитату из Пуфендорфа, которая должна была сопровождаться следующим петровским указанием: «*Славный историк Пуффендорф* (выделено нами. – М.К.) пишет в книге Введения во историю (которая ныне переведена и напечатана на Славянском языке) о Русском народе»¹¹⁴. Итак, для Петра в 1716 г. Пуфендорф был, прежде всего, *славным историком*. Пуфендорф как *мудрый законозатель* заинтересовал Петра позднее, так что полноценное знакомство с его правовыми идеями произошло только к концу 1724 г.

Первое известное нам указание об интересе Петра I к Пуфендорфу-историку относится к 1708 г. Именно в этот год И.Ф. Копиевский получил следующее распоряжение от Г.И. Головкина: «Изволь ехать из Смоленска ... и явиться в Посольском приказе дьяком и Секретарю, ибо определено быть в том Посольском приказе для переводу книг... приехав к Москве, сыщи Гисторию Буфондорфову Латинскую или Немецкую и переводи оную на Русской язык (ибо Его Царское Величество оной изволит нужно требовать)»¹¹⁵. Копиевский к переводу приступил, однако так и не завершил его. После его смерти в одном из дел Посольского приказа в 1715 г. сообщалось, что там «ссысканы тетради перевод с книги Пуфендорфа введению в историю неполной»¹¹⁶. Также в 1710 г. в одной из европейских газет сообщалось, что в России над переводом «Введения в историю Европы» Пуфендорфа работал М.П. Шафиров¹¹⁷.

¹¹³ Гавриил Бужинский в предисловии пишет, что Петр «книгу преславнаго юристы Самуила Пуфендорфа ... Синоду при собственноручном писании вручил». Соответственно, он ведет речь именно об 11 сентября 1724 г., когда книга с собственноручной петровской запиской была направлена в Синод.

¹¹⁴ Собственноручныя строки Петра, помещенныя в Шафировом разсуждении о причинах шведской войны // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софии. СПб., 1858. С. 326.

¹¹⁵ Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1886. № 5. С. 75.

¹¹⁶ Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1885. № 4. С. 81.

¹¹⁷ Быкова Т.А. Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга // Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 339.

Однако создать завершённый перевод смог только Гавриил Бужинский. Хотя Петр уже в 1716 г. писал о переводе и даже об издании как свершившемся факте, публикация состоялась только «1718 Декабря в 5 день». Тираж первого издания книги «Введение, в историю Европейскую Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное... Ныне же повелением великаго государя царя, и великаго князя Петра Перваго всероссийскаго императора на российский с латинского переведенное» составил 600 экз.¹¹⁸

Интерес Петра к Пуфендорфу-историку был далеко не случаен и хорошо объясняется значением для царя исторических сочинений и исторического знания как такового. Гавриил Бужинский в предисловии к «Введению, в историю Европейскую» сообщал читателям, что Петр I во время войны «не токмо сохраняет и покрывает музы, и сам во чтении книг, паче же Исторических упраждает, но и вся своя птенцы, к томужде немерцающему, под крилами своего защищения возносит свету. Всегда попечение имея, да Историческия иноязычныя книги на славенском языке в Россию происходят»¹¹⁹. О таком «попечении» Петра свидетельствовала не только публикация перевода Пуфендорфа. Еще в октябре 1708 г. Петр предписал «Историю Курциеву об Александре Македонском, исправя, напечатать». Книга Квинта Курция была издана в Москве в 1709 г., ее второе и третье издания вышли в 1711 и 1722 годах соответственно¹²⁰. Кроме того, в 1711 г. в Москве было напечатано «Повелением царскаго Величества» «Краткое описание о войнах, из книг цезариевых, с некоторыми знатными приметы о тех войнах»¹²¹. В 1719 г. вышли внушительные по объему «Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония¹²², а в 1723 г. – второе издание «Введения» Пуфендорфа тиражом 300 экз.¹²³

Петровский интерес к истории прослеживается и по составу его личной библиотеки. Как отмечал С.П. Луппов, «большим вниманием Петра пользовались исторические книги», а «литература по другим отраслям гуманитарных наук», включая право, «была сравнительно немногочисленна»¹²⁴. Внимание к истории проявлялось и в различных распоряжениях Петра I. 16 октября 1720 г., находясь в Коллегии иностранных дел, Петр предписал «в приходя-

¹¹⁸ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. С. 103.

¹¹⁹ [Гавриил Бужинский] Предисловие // Пуфендорф С. Введение, в историю Европейскую. СПб., 1718. С. 5.

¹²⁰ Описание изданий гражданской печати. С. 92, 123, 400.

¹²¹ Описание изданий гражданской печати. С. 117.

¹²² Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 208

¹²³ Описание изданий гражданской печати. С. 412–413.

¹²⁴ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. С. 174.

шую зиму сего году послать нарочных во все монастыри, обретающиеся в Российском государстве, для осмотра в оных и забрания древних жалованных грамот и других курioзных писем, також книг гисторических, рукописных и печатных»¹²⁵. Накануне Персидского похода, 18 июля 1722 г., будучи в Астрахани, Петр направил в Синод указ, которым предписывал: «Книгу, которую переводил Сава Рагузинский, о славенском народе с италианского языка, другую, которую писал князь Контемир, о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда, не мешкав. Буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать»¹²⁶. Книга «о славенском народе» – это историческое сочинение М. Орбини, перевод которой с итальянского вышел в Петербурге 20 августа 1722 г. тиражом 1200 экз.¹²⁷. Книга «о магометанском законе» – это сочинение князя Д.К. Кантемира «Книга система или состояние мухаммеданския религии», которая была напечатана в Петербурге 22 декабря 1722 г.¹²⁸

Д.К. Кантемир в этой книге в посвящении Петру упомянул об обязанностях правителя. Со ссылкой на «Персидянина некоего моралиста изрядного» он отмечал, что «не ученый поселянин земледельствующий, многополезнейший и есть республике, неже князь леностную жизнь провождающий, и без общия ползы время изнуряющий»¹²⁹. Для Кантемира, конечно, Петр являл собой образец противоположного поведения, будучи трудолюбивым правителем, который заботится об *общей пользе*. Собственно, создание и затем издание данной книги, по Кантемиру, было связано не с удовлетворением личного любопытства Петра, для чего было бы достаточно и хорошо оформленной рукописи, а с *общей пользой*.

Специально отмечая в предисловии, что книга была сочинена по петровскому повелению, Д.К. Кантемир следующим образом объяснил намерение монарха для читателей: «Разсудил его Царское Величество, зане Мухаммеданская Религия и Куранов закон, аще и сам чрез себе явен есть, яко словопоказательнаго основания весма лишается: обаче с самою купно Мухаммеданскою Империею в кратком времени толко возрасте, яко едва не всю Асию, велию часть Африки, и не меншую долю Еуропы своим смертоносным заразил ядом. И толико себе потом последующу времени распространил, яко ныне реки Инд, Волга, Дон, Днестр, Дунай, Сава (Цесарским оружием очищенная уже Унгария)

¹²⁵ Воскресенский № 95. С. 87.

¹²⁶ Воскресенский. № 142. С. 112–113.

¹²⁷ Описание изданий гражданской печати. С. 384–385.

¹²⁸ Описание изданий гражданской печати. С. 394.

¹²⁹ [Кантемир Д.К.] Книга система или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722. Петру Великому ... словоприношение. С. 3.

море Средиземное, Нил, Аравия Пустая, и Петреа, и Устия Ефрата Кураново почитают зловерие. Но да некто в законах и книгах Восточных народов мало искусный, возмнит, яко или Божественное некое в оных есть таинство, или яко неведомое человеком, содействующее Божие (не глаголю попускающее) изволение неверных и Варваров со оружием купно и Религию возставило и управило. ... того ради соизволил ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и мне ... поручити, да бых о Мухаммеданской Религии, и о Политическом Муслиманскаго народа правлении, некое нижним стилем и просторечием издание, якоже у оных Варварских народов, повествуется и веруется»¹³⁰. Предложение светского обоснования успехов мусульман, базирующегося на описании основных элементов их религиозного и политического устройства, было противопоставлено возможному мистическому истолкованию истории, что «или Божественное некое в оных есть таинство» или «неведомое человеком, содействующее Божие ... изволение». Последнее толкование мог дать только человек, «в законах и книгах Восточных народов мало искусный». Следовательно, такого человека надлежало просветить, предоставив соответствующее знание.

Обратимся также к предисловию к «Введению» С. Пуфендорфа. В нем Гавриил Бужинский довольно пространно разъяснял читателям *пользу*, которую дают исторические книги. Он заявлял: «Ясно всем аки перстом показуя, яко неизреченную пользу, не объятый пожиток, всем при кормиле правления сидящим, и онаго же от молодых ногтей приобучающимся, чтение и разумение Историческое соделоваает». В подкрепление таких слов Гавриил Бужинский приводил ссылки на авторитетные высказывания авторов, как связанных с христианской традицией, так и нет. Например, он писал: «Ничто же бо сицевый пожиток народу творит яко Истории познание, о сем древни такожде свидетелствует, Римских Истории первейший писатель Тит Ливий, в предисловии до книг своих: [в Истории рече обрящещи откуду себе и обществу пользу сотвориши, увидеши такожде имже последовати, яже бегати подобает.] Суть таковых начальствующих многая явственныя примеры, иже купно со Скипетром Историческия книги в руках своих обращаху, и от них граждан своих ко всякому благополучию житейскому ... руководствоваху»¹³¹. Изучение исторических трудов объявлялось нужным и важным делом, приносящим

¹³⁰ [Кантемир Д.К.] Книга система или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722. Предисловие. С. 7–8.

¹³¹ [Гавриил Бужинский] Предисловие // Пуфендорф С. Введение, в историю Европейскую. СПб., 1718. С. 5–6. Отметим, что по указу Петра I сочинение Тита Ливия было к 1722 г. переведено на русский и должно было быть напечатано. Из-за того, что перевод был «зело неисправен», это издание так и не состоялось (Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 219. Прим. 2).

пользу. Это было напрямую связано с тем, что в таких книгах содержались примеры прошлого, которые следовало учитывать при заботе о государстве. В связи с этим Гавриил Бужинский поместил в предисловии и известное высказывание Цицерона об истории: «Заключаю, с преславным ритором Цицероном, иже в слове 2, о Ораторе, тако пишет и определяет: История ... есть свидетель времен, свет истины, жития память, и жизни учительница, возвестительница древности»¹³². Итак, за историей утверждался статус науки, знание которой *начальствующим* было необходимо для должного управления государством.

Сам Петр I был вполне согласен с данной позицией, на что, собственно, и указывала его забота о переводе и публикации исторических книг в России. Он и сам участвовал в создании исторического труда – известной «Истории Свейской войны»¹³³. Можно привести следующее недельное расписание, подготовленное Петром для себя 31 октября 1721 г.: «Понедельник, вторник, среда, четверг – делат Устаф Адмиралтейской. Пятница – в Сенат, субботнее утро – историю о войне, воскресное утро – чужестранные дела»¹³⁴. Петр как монарх желал выступать не только как законодатель, но и как историк. И, конечно же, результаты исторических изысканий должны были быть известны подданным. В заметках 1718–1719 гг. царь записал, что надо сделать «о краткой истории для внушения молодым после азбуки о нынешних и старых делах»¹³⁵. Согласно Петру, знать историю было столь же полезно, как и грамоту. В связи с этим заметим, что нередко петровский практицизм в образовании связывают с усвоением инженерно-технических дисциплин¹³⁶. Однако, как следует из приведенных фактов, для Петра история тоже была вполне практической дисциплиной, изучение которой приносило осязаемую пользу¹³⁷.

¹³² [Гавриил Бужинский] Предисловие. С. 7. Рассуждения такого рода фиксируются еще в царствование брата Петра I Федора. См.: Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича // Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. Введение. Обзор источников. СПб., 1871; Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 3–6. Однако именно при Петре они становятся фактически официальной позицией.

¹³³ См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. Вып. 1–2. М., 2004.

¹³⁴ Воскресенский. № 110. С. 94.

¹³⁵ Воскресенский. № 64. С. 69.

¹³⁶ «Петр был типичным технократом. Проявляя интерес ко многим отраслям знаний, он явно отдавал предпочтение точным наукам, вообще знаниям, имевшим прикладное, практическое значение. Кроме математики, механики, кораблестроения Петр знал и другие науки: фортификацию, архитектуру, баллистику, черчение и т.д., не говоря уже о “рукоделии” – ремесле» (Анисимов Е.В. Время петровских реформ. С. 42).

¹³⁷ В петровскую эпоху высказывались весьма решительные мысли о пользе истории. Так, в сочинении 1721 г. Симон Кохановский утверждал, что история полезна и «не тоию на высо-

Петр I сам демонстрировал подданным обращение к историческим примерам при рассуждении о том, что и как надо делать в государстве. Так, в заметках за 1719–1720 г. монарх наравне с мыслями о податной реформе («о людех боярских, чтоб положит в поголовъшину ж») записал следующее: «О греческом падении от презрения войны, римское – от разорения Картагена»¹³⁸. Мысль о *греческом падении* Петр затем развил во время своей торжественной речи в Петербурге в Троицком соборе 22 октября 1721 г. по случаю заключения мира со Швецией. По собственноручному петровскому наброску, монарх планировал сказать своим слушателям, помимо прочего, следующее: «Надлежит Бога всею крепостию благодарит, аднакож, надеяс на мир, не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как с ... манархией греческою»¹³⁹. Изложение торжественной петровской речи было затем напечатано в официальной реляции о праздновании мира, которая перед публикацией была отредактирована Петром. Согласно ей, монарх говорил, что подданные должны следить, чтобы «роскошми и сладостию покоя себя усыпит бы не допустили, экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали». Это было необходимо делать, по Петру, «смотря на примеры других государств, которыя чрез такое нерачителство весма разорилис, междо которыми приклад Греческого государства ... також бы и прежния времена и состояние своего собственного отечества пред очами имели, в котором издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весма от обучения воинского было отстали»¹⁴⁰.

Принимая во внимание все вышеизложенное, следует констатировать, что на фоне явного интереса Петра I к конкретному законодательству европейских государств, а также историческим сочинениям, проявления петровского внимания к юридическим трактатам не выглядят систематическими и скольконибудь значительными. Подобную незаинтересованность невозможно, например, объяснить нехваткой у Петра времени заниматься чтением соответствующих работ или же организацией их переводов. Как показывают его хлопоты о распространении в России исторических книг, а также личное

ком достоинстве сидящим и государственные дела управляющим, но и тем, которые единого дому своего или кроме единого себе более отнюдь не имеют что управлять». См.: Симон Кохановский. Похвала истории. (Подготовка текста, примечания и Послесловие С.И. Николаева // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.) / Отв. ред. Ю.В. Стенник. СПб., 1992. С. 284).

¹³⁸ Воскресенский. № 78. С. 78.

¹³⁹ Воскресенский. № 213. С. 156.

¹⁴⁰ Воскресенский. № 214. С. 159.

участие в создании «Гистории свейской войны», он при желании находил возможность способствовать выпуску многих других полезных и нужных, по его мнению, книг.

Так, 30 августа 1723 г. Петр I, «будучи в Троицком соборе, указал отданные от Е. В. три экономические на немецком диалекте книги перевести на славенский и, переведши исперва оглавления, предложить к рассмотрению Е. В. немедленно», о чем в Синод сообщил 2 сентября новгородский архиепископ Феодосий Яновский¹⁴¹. Уже 16 сентября 1724 г. Петр направил «указ труждающимся в переводе экономических книг», где писал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять, толко для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора, переводит не надлежит». Монарх сообщал, что он и сам «о хлебопашестве трактат выправил [вычерня негодное]»¹⁴².

Возможно, одной из таких *немецких экономических книг* было переводное сочинение «Княжеских сил хитрость, или неизчерпаемый златый кладезь, чрез которой г[осу]д[а]рь силным себя учинить и подданных своих обогатить может»¹⁴³, находившееся в библиотеке Петра. В этой книге содержался ряд положений по организации государственной экономической политики, и это не были отвлеченные рассуждения об устройстве экономики: советы носили весьма конкретный характер. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «Когда г[осу]д[а]рь ведает, колико людей болших и малых он в земле имеет, и на половину б оных щитал по шапке, то может он росчесть, колико шапок в земле его в росход употреблены, колико в другие край посланы, колико мастеров, подмастерьев и учеников тем содержаны быть могут, и прибыли получить можно, и, наконец, колико он пошлины на сию прибыл наложит может». На обратной стороне титульного листа рукою императора была начертана такая резолюция: «Сию книгу напечатат немедленно»¹⁴⁴. Тем не менее, книга так и не была напечатана. Скорее всего, это было из-за смерти императора.

Таким образом, если Петра что-то серьезно интересовало, он не оставлял этого, а старался контролировать процесс, что произошло и с трактатом

¹⁴¹ Воскресенский. № 170. С. 127.

¹⁴² Воскресенский. № 203. С. 148.

¹⁴³ Рукопись выполнена на бумаге с водяным знаком «Герб города Амстердама», который можно отнести к выделяемой Т.В. Диановой *восьмой разновидности* филиграней, «которые появляются в бумаге в самом конце XVII в. и далее встречаются всю первую половину XVIII в.: с 1698 по 1745 гг.». См.: Дианова Т.В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 8.

¹⁴⁴ НИОР БАН. П I Б № 87 (16.7.4). Л. 54. об., 1 об.

С. Пufferдорфа «О должности человека и гражданина», но это уже был самый финал его царствования. Соответственно, можно утверждать, что у Петра до конца 1724 г. так и не сформировалось устойчивой потребности в постижении основ европейской *юриспруденции*.

В связи с этим показательно, как иногда историки могут преувеличивать значение юридических сочинений авторов «школы» *естественного права* для Петра I. А.С. Лаппо-Данилевский, говоря о распространении *естественного права* в России в начале XVIII в., утверждал, что «Петр Великий и его сотрудник Феофан Прокопович особенно высоко ставили теорию Гоббеса»¹⁴⁵. Однако к настоящему времени отсутствуют свидетельства, которые бы позволили утверждать, что Петр хоть что-нибудь слышал о Т. Гоббсе, не говоря уже о том, что он знал его концепцию и высоко ее оценивал.

До некоторой степени схожее мнение высказывает Е.В. Анисимов, полагающий, что при изучении замыслов Петра и его жизненной концепции следует «учитывать тот пристальный интерес, который проявлял царь-реформатор к работам юристов и государствоведов Г. Гроция, С. Пуфендорфа»¹⁴⁶. Как и в случае с Гоббсом, следует констатировать, что к настоящему времени нет фактов, которые бы позволили утверждать, что Петр проявил хоть какое-то внимание к сочинениям Гроция, не говоря уже о пристальном интересе.

Упомянем и мнение Х. Баггера. Датский историк пишет, что «так же точно, как интерес к технике и оружию детских лет подвиг его на изучение математики и баллистики, желание овладеть политическим мастерством заставляло Петра уже в зрелом возрасте углубляться, когда предоставлялся случай, в современные государственно-правовые трактаты, переводимые для него на русский язык. Любимым его пособием стал перевод “De officiis hominis et civis” (“О должности человека и гражданина”) Самуэля Пуфендорфа, который он с похоронной серьезностью читал вслух на светских вечерах». При этом Баггер отмечает, что, несмотря на интерес к «государственно-правовым трактатам», Петр I «так и не стал теоретиком. Скорее он был прагматиком, который оценивал теории по степени их пригодности к делу. И если он нашел, что овладение политическими доктринами эпохи стоит затраченного на них труда, то это не только для обоснования своего личного статуса и оправдания своей власти, но также и для получения руководства в том, как должен работать сам государственный аппарат»¹⁴⁷. Однако, как было показано выше, факт публичного чтения Петром фрагментов из Пуфендорфа на светских вечерах

¹⁴⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России. С. 27.

¹⁴⁶ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. С. 41.

¹⁴⁷ Баггер Х. Реформы Петра Великого в России. С. 140.

относится к самому концу его жизни. И вновь следует констатировать, что к настоящему времени нет данных, которые бы позволили утверждать, что Петр на протяжении основной части своего царствования проявлял большой интерес к «государственно-правовым трактатам», написанным в духе юридических сочинений Пуфендорфа.

При обсуждении вопроса об отношении Петра I к концепциям нововременного *естественного права* невозможно вновь не остановиться на истории «Правды воли монаршей», которую нередко преподносят как официальное изложение взглядов Петра I на власть.

Ее создание было связано с делом царевича Алексея и последовавшими за ним изменениями в законодательном регулировании престолонаследия в России. 3 февраля 1718 г. Петр I своим манифестом лишил Алексея права на наследование трона. В манифесте довольно подробно объяснялись причины такого решения Петра со ссылками как на Божественные заповеди («забыв страх и заповеди Божия, которые повелевают послушно быть и простым родителем, а не то что властелином»), так и на исторические примеры («и какой тем своим поступком стыд и бесчестие пред всем светом нам и всему государству нашему учинил, тот всяк может разсудить, ибо такого прикладу и в гисториях сыскать трудно»)¹⁴⁸. 5 февраля 1722 г. Петр I подписал Устав о престолонаследии, провозгласивший право монарха назначать себе наследника по своему усмотрению. Подкрепив такое решение примерам из «святого писания» и светской истории, император заявил: «На что и другия, сему подобныя, есть довольныя примеры, о которых, краткости ради времени, ныне здес не упоминаем, но впредь оные особливо выданы будут в печать»¹⁴⁹. Итак, Петр обещал публикацию дополнительных аргументов в оправдание своего решения.

Традиционно автором «Правды» считается Феофан Прокопович. П.В. Верховской, характеризуя найденную им среди бумаг Кабинета Петра I рукопись «Правды воли монаршей», отмечал, что в ней присутствуют правки рукой Феофана Прокоповича. При этом он замечал, что она «не носит на себе никаких следов поправок рукою Петра». Последнее дало историку возможность «с вероятностью заключить, что это сочинение есть цельное произведение одного Феофана, которое, хотя и было написано им по заказу, однако, не механически, а с глубоким убеждением в истинности высказываемых положений и их аргументации». Осмысля роль Петра I в создании этого сочинения, Верховской весьма взвешенно замечал: «Можно думать, что участие Петра выразилось исключительно в задании самой темы и в указании

¹⁴⁸ Воскресенский. № 220. С. 166.

¹⁴⁹ Воскресенский. № 224. С. 175.

конечной цели всего сочинения». Приняв во внимание мнение А.С. Лаппо-Данилевского, что «Петр Великий и Феофан Прокопович изложили свою доктрину, главным образом, в трактате, озаглавленном “О правде воли монаршей в определении наследника державы своей”»¹⁵⁰, Верховской дополнительно уточнял: «Хотя до известной степени и можно пользоваться “Правдой” для характеристики политических воззрений Петра и Феофана *одинаково*, однако ... надежнее приписывать “Правду” одному Феофану»¹⁵¹.

Д. Крейкрафт, основываясь на сведениях из писем и работ Т. Консетта, который был с 1717-го по 1727 г. капелланом «Британской фактории» в России, указал на возможное участие в создании этого текста других персон, прежде всего, греческого архимандрита Афанасия Кондоиди. Кроме того, Крейкрафт отметил, что Консетт в книге «The Present State and Regulations of the Church of Russia», изданной в 1729 г. в Лондоне, уверял, что автором предисловия к «Правде» был сам Петр I¹⁵². Как заметил Э. Лентин по поводу сведений, приведенных Крейкрафтом, «несмотря на относительную неубедительность свидетельства Кондоиди, благоразумнее если не вполне довериться его словам, то допустить, что “Правда воли монаршей” написана Феофаном Прокоповичем с кем-то в соавторстве»¹⁵³. Схожим образом он высказался и о возможном петровском авторстве предисловия: «Льстивые ссылки на самого государя приводят к выводу о том, что Петр I не был автором или по крайней мере не был единственным автором, так что его сотрудничество остается под вопросом»¹⁵⁴. Отсюда вытекает, что единственным человеком, чье участие в создании «Правды» несомненно, остается Феофан Прокопович.

¹⁵⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России. С. 27.

¹⁵¹ Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. I. Исследование. Ростов на Дону, 1916. С. 124–125.

¹⁵² Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei? P. 175–177, 193, 176. Т. Консетт писал, что «по его (Петра I. – М.К.) собственному указу в 1722 г. была написана книга, к которой он написал предисловие, названная “Право монарха назначать своего наследника”». В оригинальном английском тексте название передано так: «The Parda, or the Right of a Monarch to appoint his Successor». Это была опечатка, указание на что с правильным вариантом «Pravda» было приведено в разделе «Errata». См.: Consett T. The Present State and Regulations of the Church of Russia. Vol. I. L., 1729. P. 8.

¹⁵³ Лентин Э. Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I. С. 37.

¹⁵⁴ Лентин Э. Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I. С. 38–39. Следует заметить, что льстивые ремарки могли быть вставлены при дополнении петровского текста. По крайней мере, так произошло при публикации шафировского «Разсуждения» в 1717 г. В написанной Петром части заключения отсутствовали словословия в его адрес, что не помешало поместить их в итоговый текст, который и был напечатан, и где можно было прочитать про «премудрое управление и неусыпные труды Всемилостивейшаго Царя и Государя нашего, учредившаго и обучившаго в России регулярное на земли войско,

Сведений о том, как, где и сколько времени шла работа непосредственно над рукописью «Правды», немного. Петр I 13 мая 1722 г. покинул Москву и направился в Астрахань, чтобы руководить Персидским походом. А уже менее чем через четыре месяца – 7 августа 1722 г. – в типографии в Москве были напечатаны первые экземпляры «Правды»¹⁵⁵. 24 августа 1722 г. Гавриил Бужинский доложил в Синод о готовности отправить Петру в Астрахань десять «новопечатанных книг “Правды воли монаршей”». В этот же день Синод принял решение послать их монарху «в Низовой поход»¹⁵⁶. Кроме того, Феофан Прокопович направил письмо Петру I, в котором сообщал императору следующее: «По указу В. В., который сказан нам от преосвященного новгородского и П.А. Толстого, книжица, мною сочиненная, “О правде воли монаршей в определение своих по себе наследников” с печати вышла и чрез почту посылаются В. В. 10 экземпляров. Всенижайше прошу, да благоизволит В. В. известить нам волю свою, публиковать ли оную книжицу или удержать до дальней апробации»¹⁵⁷.

Как следует из данного письма, «Правда» была отправлена в типографию по распоряжению Петра I. Если учесть тот факт, что П.А. Толстой отправился в Персидский поход вместе с императором¹⁵⁸, то петровское распоряжение о публикации «Правды» должно было быть «сказано» Толстым до 13 мая 1722 г. В результате можно прийти к выводу, что уже к моменту отъезда Петра из Москвы работа над рукописью «Правды» была завершена. Более чем логично предположить, что перед этим она была прочтена и одобрена императором. При этом ничего невероятного не было бы в том, чтобы Петр выступил в качестве автора предисловия к ней.

Несмотря на петровский указ о публикации «Правды», по выходу из печати она не распространялась. Синод ждал распоряжения самого монарха. Последний, вернувшись из похода и 24 декабря 1722 г. «будучи в Синоде, приказал:

какова прежде не бывало, и устроившаго Карабелной и Галерной флот, о котором кроме имени от веку в России и не слыхано». См.: [Шафиров П.П.] Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый ... к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 77. Ср. с первоначальным петровским текстом: Собственноручныя строки Петра, помещенныя в Шафировом разсуждении о причинах шведской войны. С. 327.

¹⁵⁵ Правда воли монаршей. С. 59.

¹⁵⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповедания. Т. II. 1722. СПб., 1872. № 774. С. 462.

¹⁵⁷ Воскресенский. № 144. С. 113–114. См. также: Рункевич С. Архиепископ Феофан (Прокопович) в его переписке с Петром Великим. По документам Государственного Архива // Странник. Духовный журнал. 1906. Январь.

¹⁵⁸ Лыцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723. М., 1951. С. 115.

новопечатанную книгу, которая именуется “Правда воли Монаршей” в определении наследника державы своя, распубликовать немедленно»¹⁵⁹.

Итак, Устав о престолонаследии Петра I стал отправной точкой для создания «Правды», ее текст был одобрен императором и затем опубликован по его распоряжению. Кроме того, не исключено, что монарх написал к этому тексту предисловие. В связи с этим будет весьма интересно обратиться к последнему. В этом тексте, озаглавленном «К простосердечному читателю предисловие», объяснялась причина публикации «Правды»: «Едина же сочинения книжицы сей вина есть, что понеже в народе нашем обретаются, так непокойные головы, и страстию прекословия свербящая сердца, что ни какового уставления от державной власти произносимаго похвалити не хотят». Автором предисловия замечалось, что такие недовольные люди, когда они «скверноязычным роптанием, охуждают, и то делают окаянии с великим других простосердечных соблазном». Как результат, они «сеют в отечестве нашем мятежей плевелы, а иностранным подают безчестное мнение о народе российском, аки бы в нем варварские нравы и к Государем своим верность притворная, и послушание за гнев токмо, а не за совесть, рабски, а не сыновне творимое». Соответственно этому были сформулированы и задачи данной книжки: «Да бы безумным но упрямым ... прекословцом, уста заградить: простосердечных же но невежливых, от вреднаго оных блазнословаия сохранить невредимых, купно же и иностранным порочное о народе нашем мнение отнять, и подать им вину лучших о нас помыслов»¹⁶⁰.

Подобные положения в определенной степени перекликались с идеями, которые были высказаны в другом пропагандистском сочинении, где, кстати, также содержались отсылки к *естественному праву*, а именно в «Разсуждении какие законные причины его царское величество Петр Первый ... к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел», основную часть которого написал П.П. Шафиров. Помимо прочего, там объяснялось, что Петр I имел для объявления войны «древние в праве натуральном основанные причины» и, более того, «по всем правам натуральным, и гражданским, не токмо имел с доброю совестью доволные причины, но и должен был яко отец отечества ... войну всчать»¹⁶¹. Петр, выступив редактором данного сочинения, поместил в качестве заключения собственный текст. В нем монарх, обращаясь к *любезному читателю*, замечал: «Всякая война в настоящее время не может

¹⁵⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. II. Ч. 2 (1722 г.). СПб., 1878. Стб. 642.

¹⁶⁰ К простосердечному читателю предисловие // Правда воли монаршей. С. [2].

¹⁶¹ [Шафиров П.П.] Разсуждение. С. 20, 21.

сладоcти приносить, но тягocть, того ради многие о сей тягocти негодуют, одни для незнания, другие по прелестным словам ненавистников, зря отечество наше возвышаемо Богом, третье, понеже тунейдцы». Он отказался давать разъяснения для *ненавистников*, так как «злoба ни чим утолитcя может». Схожим образом он отказал и *тунейдцям*, «яко ответа недостойным», сопроводив свой отказ отсылкой к Новому завету: «Им же святыи апостол и ясти воспрещает, и яко корень всем злым праздность есть»¹⁶². После этого он перешел к объяснению негодующим для *незнания*. Доказывая, что войну необходимо продолжать до тех пор, пока не будет предложен мир на приемлемых условиях, царь писал: «Никого так не бояться, как нас; за что Господу сил да будет выну хвала; нам же, помощию Его в таковую высокую степень восшедшим, не негодовать или скучать подобает, но терпеливно понести и трудолюбно искати, с Его же помощию, добраго и безопаснаго конца сея войны»¹⁶³. И, как отмечалось выше, именно в этой вставке в шафировский трактат Петр указал поместить выписку из сочинения «славного историка Пуфендорфа».

Принимая во внимание все вышесказанное, можно утверждать следующее. В текстах, авторство которых принадлежало Петру (или, как в случае с предисловием к «Правде воли монаршей», где есть основания для приписывания их Петру), содержались отсылки к Божественным заповедям и Священному писанию, а также апелляции к примерам из истории. В то же время в них отсутствовали какие-либо упоминания *естественного права*. Подобные упоминания и даже развернутые рассуждения, основанные на концепциях *естественного права*, находились в текстах, которые Петр читал и одобрял к печати, однако автором которых он не был. Можно сказать, что царь допускал такую аргументацию, но только не в качестве основной, а в качестве дополнительной, усиливающей основную – богословскую и историческую – аргументацию. При этом следует понимать, что одна из функций естественноправовых рассуждений, которые можно было встретить в официозных «Рассуждении» и «Правде воли монаршей», состояла в доказательстве того, что российские авторы овладели западноевропейской ученостью, а Россия – это не варварская страна, а *политичное* государство. В то же время сам Петр I предпочитал апеллировать либо к Божественному откровению, либо к историческим примерам. Скорее всего, это было связано с тем, что если последние давали монарху конкретные примеры для деятельности, то именно первое позволяло рассуждать о принципах, на которых он должен был ее основывать.

¹⁶² Цитата из послания ап. Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10).

¹⁶³ Собственноручные строки Петра, помещенные в Шафировом рассуждении о причинах шведской войны. С. 325–326, 327.

§ 3. Политическое богословие Петра I

Обратимся к следующему источнику – сохранившемуся среди бумаг конца XVII в. наброску речи Петра I о школах, которую монарх произнес при посещении большого патриарха Адриана. Помимо прочего, в ней Петр заявил: «Яко вера без дела, а дело без правыя веры мертво есть обоя, тако слово без промысла, а труд без чина и без потреб не успеет ползовати»¹⁶⁴. В определенной степени данное высказывание, основанное на известной новозаветной формуле «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26), отражало суть петровского подхода к государственной деятельности. Петр не просто требовал надлежащего исполнения обязанностей, он ожидал от исполнителя внутреннего принятия правильности решений монарха. И, соответственно, именно такое сочетание *дел* и *веры* и должно было стать основой для успешной реализации петровских замыслов.

Для Петра I оказывалась важной проблема тех, кто выражал внешнюю покорность при внутреннем несогласии, то есть *лицемеров*. В 1722 г. император по данному вопросу написал довольно обширные и весьма примечательные заметки. Прежде всего, он выписал на одной стороне листа десять заповедей, а на другой – грехи, которые им соответствуют. Например, против первой заповеди («Я Господь, Бог твой...») он написал: «Идолопоклонники и атеисты». По завершении общего списка он задал следующий вопрос: «Описав все грехи против заповедей, един токмо нахожу грех лицемерия или ханжества необретающийся, чего для?» По мнению монарха, это было связано с тем, что «понеже заповеди суть разны и преступления разны против каждой, сей же грех все вышеписанные в себе содержит». В обоснование этого Петр выстраивал следующую цепочку рассуждений. *Лицемеры* и *ханжи* нарушали первую заповедь, так как «первое их дело сказывать видения, повеления от Бога и чудеса все вымышленныя, которых не бывало. И когда сами оное вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они; какая ж вера во оных, а когда оной нет, то суть истинные атеисты». Соответственно, они нарушали и вторую заповедь: «Страха Божия неимущие, понеже когда лгут на Бога, какой уже страх Божий в них обрестися может?» Из своих наблюдений Петр делал отнюдь не морализаторские, а вполне конкретные политические выводы. Он заявлял, что *ханжи* и *лицемеры* становились нарушителями заповеди о почитании родителей, так как они «пастырей, иже суть вторые по натуральных отцы от Бога определены, как почитают? Когда первое их мастерство в том, чтобы по последней мере их обмануть, а вящее тщатся

¹⁶⁴ Воскресенский. № 4. С. 34.

бедство им приключить подчиненных пастырей обольщением у вышних, и вышних всеянием в народ хульных про оных слов, подвизая их к бунту, как многих головы на кольях свидетельствуют». Соответственно, они также нарушали заповедь «Не убивай», ибо «который на свете разбойник только может людей погубить, как заводчик бунта, и все то чинят образом святыни, под видом агнца, прикрытые его кожей». После этого венценосный автор замечал, что грех *лицемерия* «все в себе содержит, а из грехов прочих не каждый может, например коли б разбойник стал ханжить, кто б его в артель принял?» В конце заметки император дополнительно подчеркивал опасность *лицемерия* ссылкой на Божественный авторитет: «Наконец, Христос Спаситель ничего апостолам своим бояться не велел, а сего весьма велел: блюдитесь, рече, от кваса фарисейского¹⁶⁵, еже есть лицемерие»¹⁶⁶. По большому счету, именно проблема внутреннего неприятия наследником петровской политики при внешней покорности послужила отправной точкой конфликта между Петром и Алексеем. Рассмотрев петровские тексты, связанные с делом царевича Алексея, и указав на элементы этики христианского неостоицизма в них, Э. Зицер подытожил, что, «подобно апостолу Павлу, Петр ставит внутреннюю веру в божественное призвание помазанника выше внешних знаков покорности»¹⁶⁷.

Обратим внимание также на другие заметки Петра I, содержавшие политико-богословские рассуждения. На рубеже 1723 и 1724 гг. император зафиксировал мысль о необходимости «вытолковать, что ... всякому исполнение звания есть спасение, а не одно монашество», а также «требники переправит и в них краткое положит, что есть пут спасения, яко 10 заповедей и три главные добродетели»¹⁶⁸. Свое мнение по обозначенной проблеме он более развернуто представил в указе Синоду от 19 апреля 1724 г. В нем император писал, что он «разговорами давно побуждал, а ныне писменно, дабы краткие поучени людям зделат, [понеже ученых проповедникоф зело мало имеем]; также б зделат книгу, где б изяснит, что непременный закон Божей, и что советы, и что предания отеческая, и что вещи средния, и что толко для чину и обряду ... зделано, и что непременное и что по времени и случаю прменялас». Говоря о содержании *кратких поучений*, Петр предлагал, чтобы там «что есть прямой пут спасения, истолкован был, а особливо веру, надежду и любоф». Кроме того, следовало разъяснить,

¹⁶⁵ Мф. 16:6.

¹⁶⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1993. С. 489–490.

¹⁶⁷ Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 151.

¹⁶⁸ Воскресенский. № 186. С. 138.

«что о страдании Христовом толкуют толко за один первородный грех, а спасение делами своими получают»¹⁶⁹.

Как видно из петровских записей, отправной точкой его рассуждений была концепция Богоустановленности власти, которая в лице монарха оказывалась *пастырем, от Бога определенным*, и которому следовало подчиняться как второму *отцу*. При этом важна была не просто внешняя покорность (*подчинение за страх*), а и внутреннее принятие подчинения власти (*подчинение за совесть*). Если власть от Бога, то и подчинение ей должно было быть подобным следованию Божественным заповедям, то есть включать не только требуемые *дела*, а и *веру*. В соответствии с таким подходом подданные делились на принявших такое *подчинение за совесть*, затем *простецов*, которые в силу своего малого знания не понимали настоящих основ *веры*, включая вытекающую из Божественных заповедей обязанность правильного подчинения власти. Такие *простецы* становились объектом заботы об их просвещении, особенно с помощью печатного слова, а также духовенства, представители которого должны были превратиться в своеобразных трансляторов государственной пропаганды, зачитывая соответствующие тексты власти. Однако была и третья группа – *лицемеры*, которые, будучи просвещены словом государственной пропаганды, внутренне не приняли его и, проявляя лишь внешнюю покорность, сеяли свои плевелы сомнений в отношении действий власти. Именно им следовало «заградить уста» и с помощью печатного слова (как это объяснялось во введении в «Правде воли монаршей»), и с помощью государственного насилия, чтобы, в конце концов, головы таких *лицемеров* оказались на кольях.

Из концепции Богоустановленности власти проистекала и петровская формула «всякому исполнение звания есть спасение». Если для подданных это было послушание власти и связанное с ним выполнение обязанностей своего звания, то есть занимаемой позиции в государстве, то для правителя таким *исполнением звания* оказывалась забота не о личной выгоде, а о подданных, то есть об *общем благе*.

Сам Петр и личным примером, и представляемым в пропаганде образом демонстрировал то, как он выполнял свой долг, возложенный на него Богом как на правителя. И здесь можно привести знаковый по своему эпизод из петровской редакции «Истории Свейской войны». При описании Полтавской битвы 1709 г. А.В. Макаров так описал петровское поведение: «Свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал». Петр вычеркнул этот

¹⁶⁹ Воскресенский. № 195. С. 143–144.

пассаж и заменил следующими словами: «За людей и Отечество не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит»¹⁷⁰. Особо подчеркнутым оказывалось не то, что монарх явил личное бесстрашие, а то, что он надлежащим образом выполнил свой *долг*, предписывавший ему как правителю заботиться о вверенных ему Богом *людях и Отечестве*.

Для *самого* Петра с его верой в Божественные предписания, данные в Священном писании, концепции *естественного права*, пожалуй, в чем-то оказывались избыточными. Они были слишком абстрактны для практического применения, а как теория уступали в своей нормативности Божественному слову. Конечно, для Петра было, скорее всего, приемлемо *естественное право*, как оно преподносилось в проповедях Феофана Прокоповича, а также в «Ифике иерополитике», где оно было в подчинении у богословия. Кстати, интерес к первым десяти главам из перевода Пуфендорфа, выказанный Петром, можно объяснить и тем, что именно в них идут регулярные отсылки к Богу-творцу, особенно в четвертой главе «О должности человека к Богу: или о Богопочтении естественном»¹⁷¹. Для Петра такое *естественное право* поглощалось политическим богословием и, соответственно, становилось до некоторой степени избыточным.

Политико-богословские рассуждения Петра сочетались с его представлениями о том, что московские порядки не соответствовали идеалу управления, который бы отвечал *общему благу*, и что образец правильного устройства следует искать в опыте европейских *политических* государств. Получалось, что Петр, обязанный заботиться о подданных, должен был превратить Россию в *регулярное* (не *варварское*¹⁷²) и *политичное* государство. Итак, он фактически получал Божественную санкцию на свои преобразования.

¹⁷⁰ История Свейской войны. Вып. 1. С. 162; Документы о сочинении истории царствования Петра Великого при Кабинете его величества // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. С. 322. Ср. с петровской речью перед Полтавским сражением в изложении Феофана Прокоповича: «Ведало бо *Российское* воинство, что оной час пришел, который всего отечества, состояние положил на руках из, или пропасть весма, или в лучший вид отродиться *России*, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя бытии за ПЕТРА, но за государство ПЕТРУ врученное, за род свой, за народ *Всероссийский*, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает: ниже бы их смущало слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложну бытии не однократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что Сам Бог, и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощью своею силный в бранех Господь, на того единого смотрели бы, а о ПЕТРЕ ведали бы известно, что ему житие свое недорого, толко бы жила *Россия* и *Российское* благочестие, слава и благосостояние» (Феофан Прокопович. История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии, и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. СПб., 1773. С. 212).

¹⁷¹ См.: Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 74–97.

¹⁷² См.: Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 260–266.

А.Б. Каменский предполагает, что «когда это стремление к изменению как восстановлению прошлого трансформируется в стремление к новизне, тогда и происходит переход от Средневековья к Новому времени. <...> Петра как человека Нового времени отличала способность к восприятию будущего»¹⁷³. Однако же, как отмечалось выше, реальный Петр I, скорее, обращался к примерам из настоящего и прошлого, нежели желал создать государство будущего. И у российского монарха с его интересом к порядкам и достижениям европейских *политичных* стран присутствовал определенный скепсис и критика тех элементов московской старины, которые не подпадали под его видение *политичности*. Соответственно, он воспринимал себя как человека, который смог сам преодолеть такую «отсталость» и который как правитель должен стремиться проделать это и со своими подданными. При этом такое стремление основывалось на *долге*, воспринимаемом сквозь призму политического богословия.

Остановимся на вопросе о том, насколько *рациональными* в современном – *светском* – значении были политические представления Петра I. Например, Е.В. Анисимов, говоря об идеях, которые следует учесть, чтобы понять петровские замыслы и жизненную концепцию, делает акцент, прежде всего, на европейском рационализме XVII в. Историк пишет: «Человечеству ... казалось, что наконец найден ключ к счастью – стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства. <...> Неслучайным было усиление влияния в обществе дуализма – учения, при котором Богу отводилась роль первоотчетчика. Далее же, считали дуалисты, природа и человек развиваются по собственным, естественным законам, которые предстоит только обнаружить и записать. Отсюда эта ... вера людей XVII–XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания, свой дом, корабль, город, государство»¹⁷⁴.

Сходную мысль выражает и Х. Баггер, когда пишет, что «согласно Введению в Генеральный регламент 1720 г. предполагалось, что новый государственный аппарат должен споспешествовать “общему благу”. В применении к русскому обществу это ключевое идеологическое понятие (*salus publica*), взятое взаймы у европейских философов естественного права,

¹⁷³ Реформы как историческое понятие и как феномен раннего Нового времени (из дискуссии) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). С. 174.

¹⁷⁴ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. С. 40–41. Ср.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 98.

очень часто повторяется в законодательстве второй половины царствования Петра»¹⁷⁵.

Проблематичность суждений о заимствовании понятия *общее благо* из сочинений именно «европейских философов естественного права» заключается в том, что само понятие *общее благо* фиксируется в письменности Московского государства еще до рождения Г. Гроция, которого традиционно считают родоначальником нововременного *естественного права*. Так, в тексте середины XVI в., приписанному «Сократу мудрецу еллинскому», содержался следующий ответ на вопрос «что есть владычествующий»: «Владычествующий есть законное надстоание стаду, *общее благо всем подручником* (выделено нами. – М.К.) – ниже по пристрастию благо творя кому, ниже по пристрастию прещение и казнь наводя кому, но противу подвластных добродетелем, яко некий подвигоположник, почести равно дая»¹⁷⁶. Подобная отсылка к древнегреческому философу была неслучайна: представления о том, что правитель должен властвовать не во имя собственных прихотей, а на благо своих подданных, восходят еще к античности. Например, именно это заявлялось в популярном пассаже из «Никомарховой этики» Аристотеля: «Тиран имеет в виду свою собственную пользу, а царь – пользу подданных» (VIII, 12 (X))¹⁷⁷.

Именно в соответствии с этой формулировкой Симеон Полоцкий в «Вертограде многоцветном» в виршах «Разнствие» поучал своих московских слушателей и читателей:

Кто есть царь и кто тиран, хочеши ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
царь подданным прибитков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себе,
о гражданстей ни мало печален потребе¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Баггер Х. Реформы Петра Великого в России. С. 146. Ср.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 145.

¹⁷⁶ Цит. по: Синицына Н.В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965. С. 100.

¹⁷⁷ Аристотель. Сочинения. Т. 4 / Под общ. ред. А.И. Доватура. М., 1984. С. 234. Заметим, что отсылки к «Никомарховой этике» Аристотеля содержались в памятнике политической мысли Московского государства первой половины XVI в. – «Послании митрополиту Даниилу» Ф.И. Карпова. См.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 207–218.

¹⁷⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подг. текста, ст. и комм. И.П. Еремина. СПб., 2004. С. 15–16.

Рассуждения такого рода еще в средневековой Европе были удачно вписаны в политическое богословие до появления нововременного *естественного права*¹⁷⁹.

Укажем также на подготовленную Н.Г. Спафарием в 1673 г. книгу «Хрисмологион» в рамках так называемой издательской деятельности Посольского приказа¹⁸⁰. В этом сочинении, адресованном царю Алексею Михайловичу, излагалась концепция четырех мировых *монархий*, связанная с толкованием пророчеств из книги Даниила¹⁸¹. Помимо прочего, при объяснении сна Навуходоносора о дереве утверждалось, что «царие и князи иже суть избрани от Бога на высочайший той престол и поставление, тщательно должны суть внимати, яко да будут дрeвеса многолиственная и плодоносительная, сиречь яко да будут ко подданным своим благоволения, благодетели, кротцыи ... не своя, но общия и всенародныя ползы ищущии (выделено нами. – М.К.)». Там же заявлялось, что «благий царь всем драгий есть, тиран же всеми ненавидим». Соответственно, при толковании «на низвержение Навуходоносора царя, каково бе наказание его», разъяснялось, «како Бог нечестивых царей и тиранов наказует и смиряет»¹⁸². Более того, следует помнить, что представления об обязанностях правителей действовать во благо своих подданных не обязательно передавались именно с помощью выражений *общее благо* или *общая польза*. Как спра-

¹⁷⁹ Так, еще Иоанн Солсберийский в своем известном «Поликратике» рассуждал об управляющих «согласно закону, праву справедливости и “принципу общего блага”» и властвующих, «преследуя только свои порочные цели» (Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 268). Говоря о различии между правителем (*princeps*) и тираном (*tirannus*), он, в сущности, воспроизвел мысли Аристотеля. В этом же трактате он поместил специальный раздел «*Quid salus uniuersalis et publica*» с соответствующими отсылками на Священное писание (См.: Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / ed. C. Webb. T. I. Oxford, 1909. P. 235–237, 171–174). В связи с этим в качестве пример уместно будет привести следующие наблюдения С.К. Цатуровой: «Принцип “общего блага” стал двигателем утверждения публично-правовой природы королевской власти. Почерпнутая из арсенала античного наследия, защита общего блага, заявленная как цель государства и его исполнительного аппарата, обозначилась с самых первых указов и первых теоретических трактатов о ведомствах и службах короны Франции середины XIII в.» (Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 512).

¹⁸⁰ См.: Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963.

¹⁸¹ См.: Бобынз Г.Е. Учение Н.Г. Милеску Спафария о четырех монархиях // Н.Г. Милеску Спафарий – ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.

¹⁸² НИОР РГБ. Ф. 173.1. «Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии». Д. 25. Л. 144, 143. об., 156 об. См. также: Урсул Д.Т. Николай Милеску Спафарий. Кишинев, 1985. С. 160.

ведливо указывает М.М. Кром, для этого могли использоваться и другие словосочетания¹⁸³.

Понятие *общее благо*, восходящее к античной социально-политической мысли, могло функционировать и вне логики нововременного *естественного права*, в том числе быть успешно встраиваемым и в политико-богословские рассуждения, основывавшиеся на идеях Бога как источника власти и блага, воля которого выражена в Священном писании. *Естественное право* Нового времени отнюдь не изобретало *общего блага*. Скорее, оно переистолковало его нормативный источник: место Божественной доброты, обращенной к человеку, постепенно занимал договор об объединении между людьми во имя собственного земного благополучия.

Петр I не без скепсиса относился к проявлениям мистически-религиозного материализма, в рамках которого Божественная сила может действовать с помощью каких-либо артефактов или говорить через современных пророков в посюстороннем мире. Обрядовая сторона религии до определенной степени воспринималась им как внешняя сторона («что толко для чину и обряду»), которой не стоит приписывать действенной мистической силы. Отсюда происходила петровская критика ложных мощей и чудес, а также и пародирование церковных обрядов Всешутейшим собором. Вполне возможно, что здесь определенное влияние на Петра как раз оказал протестантизм. В то же время Петр не стремился основать свои рассуждения на вере в «неограниченные силы разумного человека» или на *естественных законах*. В конце концов, как заявил Петр своему сыну Алексею со ссылкой на царя-псалмопевца Давида, «всяк человек ложь»¹⁸⁴. Для Петра же *неложью* оказывался Божественный закон. В этом как раз и была ключевая точка расхождения петровского политического богословия и концепций нововременного *естественного права*. Если для теоретиков *естественного права* отправной точкой суждений была *природа*, из которой в том числе и доказывалось бытие *Бога*, то для Петра такой отправной точкой был «непременный закон Божей», явленный в Священном писании¹⁸⁵. Здесь уместно вспомнить мемуарную

¹⁸³ См.: Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 292–294; Кром М.М. «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010.

¹⁸⁴ Петр I царевичу Алексею, 19 января 1716 года. Последнее напоминание еще // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 349. Ср.: Зицер Э. Преображенное царство. С. 151.

¹⁸⁵ В качестве еще одного примера упомянем следующий эпизод из петровской биографии в передаче В.Н. Татищева, связанный с осуждением М. Гамильтон в 1719 г. на смертную казнь:

зарисовку И.И. Неплюева, в которой тот зафиксировал следующие слова Петра I, сказанные им в 1721 г.: «Я ваш от Бога приставник, и должность моя – смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я – истец; ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить»¹⁸⁶.

Принимая во внимание всю сложность и условность исторических параллелей, все же заметим, что петровские политико-богословские рассуждения такого рода до некоторой степени перекликаются с идеями, которые высказывал еще Иван IV, рассуждая о царской власти в первом послании к Андрею Курбскому. Он заявлял, что ему как правителю придется отвечать не только за свои дела, но и за дела своих подданных, которые находились под его властью и, соответственно, за поведение которых он становился ответственным: «Аз ... верую, о всех своих согрешениях ... суд принять ми ... и не токмо о своих, но и о подовластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится»¹⁸⁷. Однако если политическое богословие Ивана IV в итоге оказалось обращенным для обоснования террора, то для Петра оно сыграло важную роль в обосновании не менее радикального шага – решительного проведения вестернизации¹⁸⁸, предполагавшей и создание

«Государь спросил царицы, чей закон на таковое злодеяние. Царица сказали: “В начале Божий, а потом царский”. Государь отвечивал: “Разсуди, как тяжко мне закон отца или деда моего правый нарушить, то коль тяжче закон Божий уничтожить”. И, поворотясь к министрам, сказал: “Я не хочу быть Саулом, ни Ахавом, которые, нерассудною милостию закон Божий преступя, душою и телом погибли. А вы, если имеете смелость, возьмите на себя и решите, как хотите, я спорить не буду”» (Татищев В.Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968. С. 317).

¹⁸⁶ Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 420. Вполне возможно, что Петр сделал отсылку к евангельской притче о талантах: «Возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 25:28–30).

¹⁸⁷ Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 39.

¹⁸⁸ Игнорирование влияния религии на петровские действия, как представляется, связано с позднейшим образом Петра I эпохи просвещенческого прогресса. Как результат, при столкновении с религиозными элементами петровских представлений историкам приходится допускать показательные оговорки. Так, А.А. Преображенский, характеризуя «Историю Своейской войны», замечал: «Божественный промысел, предопределенность всего происходящего – эти необходимые элементы идей провиденциализма, религиозной идеологии почти не чувствуются в “Истории”, во всяком случае не определяют содержание памятника» (Преображенский А.А. Выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого // История Свейской войны. Вып. 1. С. 13). Выражение, что религиозная идеология почти не чувствуется, понадобилась историку в связи с тем, что в «Истории» как раз регулярно встречаются отсылки на Божию помощь. Так, в завершение рассказа о поражении под Нарвой 1700 г. отмечалось, что «сия

идеального механизма управления, собираемого монархом из заимствованных «деталей» *политических и регулярных* государств. Петр – *боговдохновенный механик* – явил собой яркий образец политика раннего Нового времени как переходного периода, сочетавшего как элементы Средневековья и Ренессанса, связанные с так и «модерности»¹⁸⁹.

Божественное и *общее благо* отнюдь не следует воспринимать как нечто несоприкасающееся и относящееся к разным идейным эпохам. Неслучайно и такой последовательный поборник *общего блага* как Петр I размышлял об идейной атаке на *атеистов*. В 1718–1719 гг. царь в своей записной книжке сделал следующую заметку: «Против отеистов. Буде мнят, законы смышленные, то для чего животная одно друга ест, и мы. На что такое бедство им сделано»¹⁹⁰.

Е.В. Анисимов, комментируя эту петровскую заметку, пишет: «Речь здесь, по-видимому, идет о тезисе, утверждающем разумное начало природы. Согласно этому тезису, ее виды возникали в соответствии с внутренними, присущими самой природе рациональными законами, не имеющими ничего общего с Божественными законами. Аргументом против этого широко распространенного рационалистического тезиса, полагает Петр, является несовместимость разумности (“смышленности”, по терминологии царя) природы с царящей в ней жестокой борьбой за выживание, которая ... разрушает внебожественную гармонию природы»¹⁹¹. Однако следует заметить, что Петр не совсем писал про «жестокую борьбу за выживание». Он задавался вопросом, почему животные поедаются как друг другом, так и людьми («и мы»). Отсутствие Божественного закона и, соответственно, основания для человеческой исключительности (здесь уместно вспомнить рассмотренные ранее рассуждения Л.И. Магницкого) подразумевало бы наличие единых универсальных – *смышленных* – законов для всех живых существ. Однако почему-то из живых существ – по Петру – поедаемы только животные. И это

победа в то время зело была печалночувственна ... и за великий гнев Божий почитали. Но ныне, когда о том подумать, воистинно не гнев, но милость Божию исповедать долженствует, ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискusstве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую б беду после нас оно счастье вринуть могло». Соответственно, в конце описания Полтавской победы 1709 г. были помещены слова, что «такое Божию помощь вся неприятелска толь в свете славная армия ... его царскому величеству в руки досталась». См.: История Свейской войны. Вып. 1. С. 85, 164.

¹⁸⁹ См. в том числе об этом понятии и феномене блок статей «Споря о модерности» в «Новом литературном обозрении», № 4 за 2016. О вестернизации см.: Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6.

¹⁹⁰ Воскресенский. № 64. С. 69.

¹⁹¹ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. С. 46.

было для монарха как раз указанием на человеческую исключительность, которая объяснялась Божественным сотворением человека. Соответственно, человек оказывался должным подчиняться особым Божественным законам. Конечно, *естество* было тоже результатом Божественного творения, однако оно все же до определенной степени оказывалось гетерогенным человеку, сотворенному по образу и подобию Творца.

Не менее примечательно, что Петр I фактически получил ответ на свой вопрос об *атеистах*. А.П. Сумароков, один из наиболее известных русских писателей XVIII в. и, что немаловажно, сторонник концепции *естественного права*, в небольшом сочинении «Господину Пасеку вот наш бывший разговор», напечатанном впервые в 1774 г., поместил такие рассуждения: «Человек тварь четвероножная, и такую же имея одну только голову как и протчия движущияся животныя, преимущественнаго разума не имеет: и ежели бы не было общежития, по необходимой ево бедности и безопасности; не имел бы он изощрения ума своего, и был бы такою же скотиною: и еще многих скотов многократно глупее. Перестанем возноситься, и отличать себя от протчих, как и мы, разумом одаренных тварей, от того же создателя произведенных. А что мы других животных поядаем; так и они нас поядают (выделено нами. – М.К.): да и у многих животных естество само того требует; ибо многия животныя единым похищением других животных питаются». В связи с этим Сумароков не без иронии замечал: «Того жаль только, что мы питаемся незлобными овцами, курами, утками и протчим таким; а нами питаются львы, медведи и волки. Естество устроило, что свирепое от свирепейшаго поядается: а незлобие и правда повинуются злобе и неправде». Впрочем, и при таких рассуждениях Сумароков не считал себя *атеистом*, почему и завершал свои рассуждения следующим утверждением: «Се плоды несовершенства! а совершен единый только Бог»¹⁹².

Если сравнивать подход Петра I и А.П. Сумарокова к человеку, то можно увидеть разницу между богословским и естественноправовым взглядом Нового времени на природу человека. Для Петра человек все же был существом, сотворенным Богом по образу и подобию Своему и, соответственно, претендовавшим на исключительный статус в этом мире. И отправной точкой для такого суждения стало как раз Священное писание. В то же время для Сумарокова человек был разновидностью животных. Конечно, и животные, и вся *природа* была, по Сумарокову, произведением одного Создателя. Тем не менее, сам факт наличия такого создателя выводился из взгляда на природу.

¹⁹² Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. IX. М., 1787. С. 302–303.

Отправной точкой для таких рассуждений была *природа*, и по сравнению с раскрытой книгой *природы*, которую мог прочесть человек, обладающий *разумом*, Священное писание оказывалось на втором месте.

Итак, следует констатировать, что Петр на протяжении своей жизни неоднократно сталкивался с упоминаниями авторов, писавших о *естественном праве*, а с Г.В. Лейбницем он был даже лично знаком. Тем не менее, монарх фактически до последнего года своей жизни не предпринимал значимых усилий для распространения концепций *естественного права* в том виде, в котором их создавали европейские светские *законоучители*. Определенное исключение составляли политико-богословские рассуждения в духе «Ифики иерополитики» и сочинений Феофана Прокоповича, в которых *естественное право* занимало подчиненное положение по отношению к богословию, выступая, скорее, как доказательство *политичности* России, нежели как самостоятельная система аргументации. Концепции нововременного *естественного права* для Петра I находились на периферии его интересов и фактически не оказали влияния на его реформы. Для проведения последних более чем эффективным показали себя политико-богословские рассуждения.

* * *

В известном историческом анекдоте XVIII в. рассказывается, как Петр I, услышав, что когда-то В.Н. Татищев отозвался «слишком вольно на счет преданий церковных, относя оныя к вымыслам корыстолюбиваго духовенства; при чем касался он в ироническом тоне и неких мест Св. Писания», поколотил последнего палкой, говоря при этом, чтобы он не распространял «вольнодумства пагубнаго благоустройству». Монарх заявил, что он отнюдь не для этого способствовал образованию Татищева. Действительно, стремясь превратить Россию в *политичное* государство, Петр не планировал заимствовать то, что он воспринимал как *вольнодумство пагубное*. Однако факт был налицо: именно его реформы с их ориентацией на западную культуру, помимо прочего, подготавливали и возможности для развития такого *вольнодумства*.

Глава 3.

Из академии в политику: естественное право в России от Петра I к Петру III

§ 1. Естественное право и образование (1700–1750-е гг.)

Гавриил Бужинский в посвящении Петру I и его жене Екатерине, открывавшим изданный в 1724 г. перевод исторического сочинения В. Стратеммана, не без пафоса настаивал, что эту книгу «никому же тако прилично вруčiti, яко Вашему Богом умудренному ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ». Аргументация автора была следующей. Во-первых, «премудрейший Монарх, и о врученном всероссийском народе неусыпный промыслитель, егда прият скипетр правления, обрете народ Российской, кроме единого чтения книг неких, из Греческаго на Словенский язык преведенных, ни единого словеснаго учения ведущий. Не бяху ритори и витии, не обретахуся философи, и ниже философии имя слышашеся, и что удивительнее, аще бы дерзнул кто, естественным движимым разумом, учении свободных искати и в них поучатися, жестоким подлежаще казнем и изгнаниям. Что же реши о Богословии, еяже неведущим пастырем церковным, како пасомый ими народ на путь спасительный возмогл управлен быти; Не воспоминаю о воинском наставлении, о архитектурах, воинской и гражданской, о совершенной юриспруденции, о мафематике, о корабельном мореплавании и сим подобных». Во-вторых, науки такого рода «бяху и обретахуся вся сия во Европе, но Россия всех сих лишашеся, донележе ВАШЕ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО, аки ПЕТР оный Апостолский Первоверховник, данным от премудрости вечныя ключем правления, по всем сим пространная отверзл двери». В-третьих, именно Петр «первое сам посетил страны европейския, и оттуду во свое отечество возвращаяся, всякое благополучие, яки предрагое гостинное дарование принесл». Как результат, уже «в России родишися витии, философии, и богословы: оное странствование породи регулу воинскую, яко доселе благополучную, тако прочим народом страшную ... путешествие оно принесе архитектуру, юриспруденцию, мафематику, различныя честныя художества, словом глаголя, *оное странствование всех благ Российских источник* (выделено нами. – М.К.)»¹.

¹ [Гавриил Бужинский] Всепресветлейшему и державнейшему Петру Великому, отцу отечества, императору и самодержцу всероссийскому. И его всепресветлейшей и державнейшей вселю-

Итак, Гавриил Бужинский обозначил главный источник петровских заимствований, что, конечно же, не было секретом для подданных. На наш взгляд, в данном описании следует обратить внимание не столько на этот источник, сколько на сам характер таких заимствований, который можно определить как *комплексный*. В рамках *комплексного заимствования* усвоению подлежал весь набор основных элементов европейских наук и искусств, который позволил бы российскому народу позиционировать себя как народ *политичный*, а не как *варварский*. Соответственно, при таком подходе появление *витий, философов и богословов*, а также и изучение *юриспруденции* оказывалось не менее достойным результатом, чем достижения в военном деле. Именно как часть такого *комплексного заимствования* в Россию и начинает проникать и утверждаться изучение *естественного права*.

Укажем на весьма примечательный документ авторства барона Г. фон Гюйссена. Последний изучал право в Страсбургском университете и, став впоследствии доктором прав, служил советником у дома Вальдек-Пирмонт (Священная Римская империя германской нации). Помимо прочего, уже в 1690-е гг. он состоял в переписке с Г.В. Лейбницем. В 1702 г. Гюйссен поступил на русскую службу и в 1703 г. был назначен наставником при царевиче Алексее². Он подготовил инструкцию, согласно которой следовало организовать обучение наследника российского престола – «Instruction vornach sich S[einer] Hoh[eit] des Durchl[auchtigsten] Tzarevitz Hofmeister in der Information richten soll», в русском переводе – «Наказ, по которому тот, ему же учение его высочества государя царевича поверено будет, поступать имеет». 22 апреля 1703 г. в Шлиссельбурге этот документ был подписан Петром I³.

«Наказ» начинался с тезиса: «Понеже истинный страх Божий начало есть всяя премудрости, и оный особливо в сердца и чувства государичей и предбудущих правителей, с самой их юности, надлежит вкоренять и их к познанию приводить, то они высокое достоинство на сем свете ... по милости Божией имеют и оному, яко царю царем и г[о]с[по]ду г[о]с[по]дем овсегда в делех

безнейшей супруге Екатерине Алексиевне, Всероссийскаго государства милостивейшей матери, достойнейшей императрице, и великой государыне. С достолепнейшим поклонением // Стратемман В. Феатрон или позор исторический изъясняющий повсюдную Историю священного писания и гражданскую. СПб., 1724. Л. 1 об.–2.

² Пекарский П.П. Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. Т. СХХІХ. С. 50–51; Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. II. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. С. 50–52.

³ Наказ, по которому тот, ему же учение его высочества государя царевича поверено будет, поступать имеет // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 298–299; Библиотека Петра I. Указатель-справочник. С. 25, 97.

и поступках своих тяжкий ответ давати должны суть»⁴. Здесь с полным основанием можно усмотреть отзвук формулировки абсолютной земной власти правителя, основанной на Божественном авторитете и утверждавшей его ответственность только перед Богом. До некоторой степени это предвосхищало толкование к артикулу 20 Устава воинского от 30 марта 1716 г.: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воли и благомнению управлять»⁵. Только в случае данного наказа работала не логика извещения подданных о власти монарха, а логика оповещения будущего правителя об ответственности.

Далее, в параграфах, посвященных обучению, Г. Гюйссен писал, что наследнику следует учить французский язык, и что Алексея можно «в шесть месяцев к тому привести, что он Французским языком по нужде не токмо возможет говорить, но ауторов отчасти разуметь». На следующем этапе обучения Гюйссен предлагал: «Возможно заранее Пуффендорфову малую книжицу *о должности человека и гражданина* на Французский язык перевести и в Голландии напечатать велеть, дабы оное употреблять, яко введение в право Всенародное и яко преддверие Гроция или Пуффендорфа ж о праве Естественном и Народном, из которого основание всех прав, и особливо права о Войне и Миру, которое меж потентатами в почтении, изучати возможно». Затем рекомендовалось, что «взять книгу, именуемую *Ледройт цифиль данс ле ордре натурель*, весьма потребно, ибо в ней основания общих прав учить и действовать»⁶. Скорее всего, речь шла о «*Les lois civiles dans leur ordre naturel*» знаменитого французского юриста Ж. Дома, которого Н. Буало называл «возстановителем разума в юриспруденции»⁷.

Затем Г. Гюйссен предлагал следующее: «Пачеже всех символы Саведровы⁸ и в свете знатнаго Телемака⁹ к наставлению его высочества

⁴ Наказ, по которому тот, ему же учение его высочества государя царевича поверено будет, поступать имеет. С. 299.

⁵ 1716 г., Марта 30. Устав Воинский, Артикул Воинский с кратким толкованием // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / Под ред. К.А. Софроненко. М., 1961. С. 325.

⁶ Наказ, по которому тот, ему же учение его высочества государя царевича поверено будет, поступать имеет. С. 303.

⁷ Сорель А. Европа и Французская революция. Т. I. Политические нравы и традиции. СПб., 1892. С. 117. До нашего времени дошел русский рукописный перевод XVIII в. избранных разделов из упомянутого сочинения Ж. Дома. См.: НИОР РГБ. Ф. 313 «Собрание рукописных книг А.К. Федорова». Оп. 1. Д. 9.

⁸ Сочинение испанского автора Д. Сааведра Фахардо «*Idea de un principe politico christiano, representada en cien empresas*», лат. название – «*Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa*». По поручению Петра I («по желанию и по велению твоему») Феофан Прокопович

рекомендуется, дабы оныя, яко зеркало и правило предбудущаго его правительства во всю жизнь употреблять»¹⁰. Предложение такого рода – чтение литературы воспитания, где давался образ идеального правителя и набор назидательных советов, как надо царствовать – не было новацией для России. Новацией была упомянутая выше рекомендация наследнику в качестве подготовки к престолу обратиться к юридическим трактатам.

Насколько был реализован план, можно лишь догадываться, ведь Г. Гюйс-сен находился при Алексее незначительное время, после чего исполнял другие поручения Петра I, так что наследник едва ли приступил к изучению *оснований прав* с помощью сочинений С. Пуфендорфа, Г. Гроция и Ж. Дома. Однако данный документ интересен тем, что он указывал на набор дисциплин, которые следовало знать для должного управления государством, и среди них оказалась и *юриспруденция*, основы которой были заключены в трактатах, созданных к началу XVIII в. ключевыми теоретиками нововременного *естественного права*.

В упоминавшемся мемориале Г.В. Лейбница, сохранившимся среди бумаг Петра I, помимо описания государства-механизма, управлявшегося с помощью *коллегий*, содержалось предложение об учреждении в России *академии* для обучения юношества. Последнее, прежде всего, должно было обучаться *теологии*, которая по Лейбницу, «не состоит в непотребных спорах и диспутациях об одних церемониях, чрез что Богу никакая угодность не чинится, но состоит в истинной любви к Богу и ближнему своему». Затем, *история* должна была давать «познание мертвых и какие действия в жизни их были». Что же до изучения *живущих людей*, то, по Лейбницу, их «познание ... требует, чтоб я каждому то отдал, что ему принадлежит и разумно меня обучает поступать к оному. Сие учит Юс натуре (натуральные права) и Политика»¹¹. В таких

выполнил перевод этого трактата с латыни, который получил следующее русское название: «Изображение христанополитического властелина, символами объясненное». Предисловие к этому переводу Прокопович подпisał как «училищ Киевских префект» (ОР РНБ.Ф. 550 «Основное собрание рукописной книги». Ф. II 67. Л. 1, 2, 4). Это позволяет датировать перевод промежутком между 1707 и 1711 гг. (Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). Киев, 1903. С. 31–32). См. также публикацию предисловия: Предисловие Феофана Прокоповича к его русскому переводу книги Don Diego Saavedra Faxardo // Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. II. Материалы. Ростов на Дону, 1916. Отд. третий.

⁹ Скорее всего, это «Les Aventures de Télémaque» Ф. Фенелона.

¹⁰ Наказ, по которому тот, ему же учение его высочества государя царевича поверено будет, поступать имеет. С. 303.

¹¹ Воскресенский. № 330. С. 271.

предложениях Лейбниц в полной мере проявил себя как поклонник нововременного *естественного права*, который «любил утверждать, что не потому правильно естественное право, что так повелевает Бог, а, наоборот, Бог потому и предписывает нам соблюдение естественного права, что оно правильно. На этом основании он уверял, что юрист, так же как и геометр, может быть даже атеистом»¹². Согласно мемориалу, получалось, что *богословие* учило *любви*, тем самым указывало путь на небо. *Естественное право* должно было учить *должности*, демонстрируя, как следовало организовывать человеческое общество на земле. При этом источником для определения этой должности оказывалось не Божественное слово, а *естество*. В этом вопросе Лейбниц явно расходился с Петром и его политическим богословием, которое одинаково научало как *любви*, так и *должности*. Соответственно, если образ государства как идеальной машины, работающей на *общее благо*, вполне устраивал Петра, то к такой интерпретации роли *естественного права* он, скорее всего, отнесся прохладно, ведь богословские поучения и наставления, касавшиеся *должности* подданного, могла производить церковь и ее иерархи.

Лейбницевский мемориал отнюдь не был единственным документом, где постулировалась полезность изучения *юриспруденции*. Сохранился анонимный проект, который относят к 1715-м гг., посвященный проблеме основания в России «Академий политике». Он открывался рассуждениями, что «оним, которые имеют учиться в политике, надобно быть ученым прежде в Диалектике или в Философии; но еще лучше и полезнее будет, когда также фундамент имеют в юриспруденции: чего ради весьма в сих прочих наук невозможно оную одну учить, понеже напрасно теряется время, когда не будет поставлено учение других науков, которые суть фундамент политики». Автору проекта виделось «неоставляемо институция единой университет публичной, в которой между достальными науками можно употребить и политику, яко употребляется в университетах Германии, Франции, Гишпани, в Парме, в Риме, Праге и прочих, в которых по совершению грамматики, уманите, реторики, философии и юриспруденции поставляются юность к учению политики». Затем, со ссылкой на существовавшие «два колегия, в Киеве и в Москве», а также на то, что Петр, «непрестанное старание имея к общей пользе своих подданных», учредил ряд школ, автор сетовал, что их существования недостаточно для должного развития обучения всем наукам. В связи с этим он и выдвигал предложение создать в России «университет регулярной и порядочной, яко суть

¹² Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. С. 51.

прочии Европы», где, помимо прочего, преподавалась бы и *юриспруденция*. В результате этого, как полагал автор проекта, «не токмо государственна канцелярия посольска, но еще и другие приказы и магистраты будут иметь служащих достойных и удобных без выписки иноземцев и на оных убытку; таким же образом государство инженерными, механистами, архитекторами и прочими профессорами, которых наниманием против весу от золота, довольно будет снабдено»¹³.

В 1718 г. Г. Фик сообщил Петру I, что он написал *малый мемориал*, в котором были помещены предложения «о нетрудном обучении и воспитании Российских младых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы ... все гражданские и воинские чины в Коллегиях, Губерниях, Судах, Канцеляриях, Магистратах и прочая своими природными подданными наполнить». Царь 11 июня 1718 г. начертал следующую резолюцию на фиковском *мемориале*: «Сделать Академию, а ныне приискать из русских кто учен, и к тому склонность имеет, также начать переводить книги Юриспруденции, и прочия, кто сие учинит сего году начало»¹⁴. Какие-либо сведения о реализации этого петровского распоряжения неизвестны.

Петр I в целом воспринял идею о создании в России *академии*, одной из функций которой было бы и обучение наукам юношества¹⁵. Так, 11 января 1721 г. известный немецкий философ и теоретик *естественного права* Христиан фон Вольф писал петровскому лейб-медику Л.Л. Блюментросту, что Петр «имеет намерение учредить Академию наук и при ней другое заведение, где бы могли знатные лица изучать необходимые науки, а вместе с тем водворить искусства и ремесла, о чем писал ко мне за несколько недель перед тем»¹⁶. Одним из членов Академии наук, которую Петр желал учредить в России, должен был стать и сам Вольф, который к 1721 г. числился в университете Галле профессором математики и физики. При этом императору, согласно отчету последнему И. Д. Шумахера, было хорошо известно про *славу* Вольфа, «которую в философии, а *наипаче* в математике и физике

¹³ «Проект для институций Академий политике и прочая» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011. С. 22–24. См. также: Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912. С. 80–82.

¹⁴ ПСЗ. Т. 5. № 3208. С. 574. См. также: Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 73–76.

¹⁵ См.: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. XXI–XXX.

¹⁶ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. XXVIII–XXIX.

экспериментальной (выделено нами. – М.К.), чрез опубликованныя писания у ученых людей заслужил»¹⁷. Принимая во внимание, что Шумахер, будучи библиотекарем Петра, явно знал вкусы и предпочтения своего нанимателя, и что из сочинений Вольфа в книжном собрании Петра были только двухтомные «Основы всеобщей математики» («Elementa matheseos universale... Vol. 1, 2. Halle Magdeburgicae, 1713–1715»)»¹⁸, вполне возможно, что Петра он интересовал своими достижениями, прежде всего, в области точных наук.

Еще укажем на Регламент Духовной коллегии (Синода) от 25 января 1721 г. Его составной частью стал проект, написанный Феофаном Прокоповичем, а точнее – сочинение «Домы училищныя и в них учителя и ученики, також и церковныя проповедники».

Документ открывался заявлением, что «известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства Российскаго, когда оное не имело правильного себе обучения, и как несравненно умножилась сила его, и надчаяние велика и страшна стала, когда ... Петр I обучил оное изрядными регулами. То ж разуместь и о Архитектуре, и о Врачевстве, и о Политическом Правительстве и о всех прочих делах. И наипаче тое ж разуместь о управлении церкви»¹⁹. Постулировалось как изначальное отставание России в некоторых областях, так и то, что важнейшим и действенным способом преодоления этого отставания служит обучение. Феофаном Прокоповичем заявлялось, что «учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества так и церкви, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное»²⁰, и если Петр «похощет основать Академию, рассуждало бы Духовное Коллегиум», то есть Синод, «каковых исперва учителей определить». Кроме того, Феофан Прокопович предложил Петру на утверждение ряд *регулов*, которые должны были регламентировать будущую деятельность такой академии.

В пункте о «чине учения» предлагалась «Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть, и может она присовокупиться к Диалектике»²¹. Как отмечал П.В. Верховской, «здесь, очевидно, имеется в виду сочинение Пуффендорфа De officiis (так! – М.К.) hominis et civis iuxta

¹⁷ Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–22 годах // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 539. Показательно, что в этом отчете Шумахер приводил для Петра описания естественно-научных и исторических коллекций, инструментов и машин и не касался вопросов философии и права.

¹⁸ Библиотека Петра I. Указатель-справочник. С. 161.

¹⁹ ПСЗ. Т. 6. № 3718. С. 330.

²⁰ ПСЗ. Т. 6. № 3718. С. 331.

²¹ ПСЗ. Т. 6. № 3718. С. 334.

legem naturalem (Лунд, 1673), сокращенное им самим из сочинения *De iure naturae et gentium...* Прямое указание на Пуфендорфа особенно ярко выдает симпатии Феофана к этому автору²². Неточность в названии сочинения автора, к которому ты испытываешь особые чувства, выглядит довольно странной. Вполне возможно, что здешнее упоминание свидетельствовало, прежде всего, об известности Пуфендорфа, нежели о большой предрасположенности Феофана Прокоповича к его конкретному трактату. Как бы то ни было, Феофан Прокопович предложил преподавать сочинение по *естественному праву* в будущей духовной академии, на что Петр не высказал возражений.

В 1721 г. по петровскому распоряжению в Европу был отправлен И.Д. Шумахер, которому поручалось «с учеными корреспонденцию произвести для умножения художеств и наук в вашего величества государствах, а наипаче для сочинения сочинения наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»²³. К началу 1724 г. Л.Л. Блюментрост подготовил проект об учреждении Академии наук, который Петр I рассмотрел 22 января 1724 г. и оставил на нем ряд помет.

Проект Л.Л. Блюментроста открывался общим суждением, что «к разположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания; первый образ называется университет, второй – Академия, или сочинение художеств и наук». Затем он пояснял, что «университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко филологии и юрис пруденции (прав искусству), медицины, философии ... молодых людей обучают». Соответственно, *академия* – это «собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (изобретения) оные совершить и умножить тщатся». По мнению Блюментроста, в России Академия должна была состоять из собственно ученых, проводивших исследования, университета и гимназии. Говоря о научных изысканиях, он заявлял, что «науки, которые в сей Академии могут учинены быть», распределятся в три класса, последним из которых был «гуманиора, гистория и право». Этот класс должен был состоять из трех персон (*академиков*), из которых «первая б – элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, 2 – гисторию древнюю и нынешнюю, а 3 – право натуры и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)». Рассуждая об

²² Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. I. С. 442. Прим. 2.

²³ Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–22 годах. С. 534.

организации академического университета, он предлагал учредить три факультета – юридический, медицинский и философский. В первом факультете должен был числиться «академик третьего класса, который науки практики, яко политику, этику и право натуры, учит быть может». При этом Блюментрост отмечал, что «аще же похощется славного, правами искусного человека притом определить, оное бы толь наилутче было»²⁴.

Петр I в целом положительно отнесся к этому проекту, и 28 января 1724 г. Сенатом сообщалось, что император «указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили б книги»²⁵. Из-за смерти императора в 1725 г. так и не состоялось утверждения официального устава Академии, так что до 1747 г. она фактически действовала на основании проекта Л.Л. Блюментроста. Соответственно, в январе 1726 г. печатными листами – 200 экз. на русском и 200 экз. на латыни – объявлялось, что с 24 января 14 профессоров «сея академии ... чтениями учение свое публично начнут». Из этих профессоров «Иоан Симон Бекенштейн, обоего православия доктор и профессор, о праве публичном и о истории нынешняго времени научит; такожде и о институциях права Юстиниана цесаря, буде слушателям полюбится, тщание иметь будет». Кроме того, писалось, что «Христиан Фр. Грос, философии нравоучительный профессор чрезвычайный, научать будет эфике, по книге Пуфендорфской, яже о должности человека и гражданина»²⁶. То, что *естественному праву* помимо профессора юриспруденции мог также учить и профессор философии, указывало на его двойственный статус. Перефразируя Л. Альтюссера, можно сказать, что естественное право оказывалось представителем политики в области науки, одновременно являя себя представителем науки в политике²⁷. Соответственно, оно могло преподаваться и в рамках философии как часть этики, и в рамках *юриспруденции*, претендуя в последней на то, чтобы предоставить правовым практикам, начиная от создания законов и кончая судебными решениями, незыблемые научные основания.

В доношении от 27 августа 1727 г. из Академии наук в Верховный тайный совет (ВТС) сообщалось, что «Иоганн Симон Бекенштейн, обоего прав доктор и профессор, написал историю права публичнаго, которую в публичном прочет собрании словом похвальным Петру Второму», а так же «толкования и призначения на российское уложение написал». Кроме того, объявлялось,

²⁴ Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 22 января 1724 г. // Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 39–42.

²⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4443. С. 220.

²⁶ МИИАН. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 169–171.

²⁷ См.: Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005. С. 73.

что он «в лекциях начало права из Уставлений предает, держась во всем правил натурального права и политики, закон уставляющий». Согласно этому же доношению, «профессор моральных и нравственных учений» Хр.Ф. Гросс предложил Академии несколько *диссертаций*, то есть исследований, в том числе «О разуме законов, и разности, и о вменении, следующем по законам» и «О разуме права естественного, права языков и права гражданского, и правдивых между ими разделениях». Помимо исследований он продолжил свое преподавание, объясняя слушателям на лекциях «Пуфендорфия о человеке и гражданине»²⁸. В связи с этим следует упомянуть, что одним из слушателей Гросса в это время был князь А.Д. Кантемир, с которым он поддерживал отношения и после завершения его учебы²⁹. В «Житии» А.Д. Кантемира, созданном на основе кантемировского жизнеописания аббата Гуаско, отмечалось, что *нравоучительную философию* «предпочел он (Кантемир. – М.К.) всем другим, говоря, что она человеку необходимо нужна, по колику научает нас познавать самого себя, поступать честно, и сделаться полезным обществу. С разными своими учениями соединял он и чтение Священного Писания»³⁰. Итак, *естественное право* начинало закреплять позиции в образовании, будучи преподносимым в качестве основы для руководства как в области правовых практик, так и поведения человека в обществе. Конечно, эти академические лекции, принимая во внимание относительно небольшой контингент слушателей, едва ли могли оказать на первых порах значимое влияние на политику. Здесь был важен сам факт институционализации изучения *естественного права* как социально полезной и даже необходимой дисциплины в кругу других наук.

Следующей важной образовательной институцией, возникшей уже в постпетровской России, был Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Среди бумаг ВТС сохранился проект об учреждении кадетского корпуса, автором которого, как полагает Н.Н. Петрухинцев, мог быть П.И. Ягужинский³¹. Документ открывался словами, что в этом заведении «не одно имеет воинское обучение». Соответственно, помимо *воинского обучения* в нем должно было быть и «второе учение к политическим и гражданским делам», включая *политику*

²⁸ МИИАН. Т. 1. С. 282, 284.

²⁹ Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959. С. 18, 19, 23–24.

³⁰ Житие Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира // Кантемир А.Д. Сатиры и другая стихотворческая сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб., 1762. С. 4.

³¹ Петрухинцев Н.Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. К 275-летию основания. СПб., 2007. С. 134–135.

и *юриспруденцию* и «государственные всякия права», для чего следовало «особых профессоров иметь»³². Уже при Анне Иоанновне 29 июля 1731 г. состоялся именной указ об учреждении Сухопутного кадетского корпуса, где следовало обучать «шляхетских детей ... к воинскому искусству потребным наукам». В этом же указе утверждалось, что «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в Государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при том Учителей чужестранных языков, Истории, Географии, Юриспруденции, танцованию, музыки и прочих полезных наук, дабы видя природную склонность, по тому б и к учению определять»³³. Устав корпуса от 18 ноября 1731 г. постулировал, что «кадеты все из шляхетства набраны, ... и разделяются они по учениям, и по диспозиции, и понятию всякаго на четыре класса». Во втором классе им следовало обучаться «Фортификации, Артиллерии, Истории, правильному в письме складу и стилю, Риторике, Юриспруденции, Морали, Геральдике и прочим воинским и политическим наукам»³⁴.

Далеко не все кадеты изучали *юриспруденцию*. Согласно аттестатам об обучении, из 836 человек, поступивших в корпус с 1732-го по 1741 г., не менее чем 51 кадет изучал различные разделы *юриспруденции*, первым из которых обычно шло *естественное право* (*юс-натур, натуральное право*). Также отметим, что не менее чем 32 человека, которым, согласно аттестатам, юриспруденция не преподавалась, изучали «мораль Вольфовскую»³⁵. Принимая во внимание тесную взаимосвязь *естественного права* и *морали* в философии Христиана Вольфа³⁶, можно с полным основанием утверждать, что и они получили начальные знания по этому *праву*. Таким образом, почти 10 % кадетов изучали основы *естественного права*. С учетом фактора общения между учениками, а также приобретения ими знания иностранных языков, которые позволяли им расширить интеллектуальный кругозор за счет иноязычной литературы, реальное число кадетов, слышавших или даже читавших о *естественном праве*, должно было быть больше выявленных нами 83 человек.

³² Проект Кадетского корпуса из бумаг Верховного тайного совета (1720-е) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. С. 282.

³³ ПСЗ. Т. 8. №5811. С. 519.

³⁴ ПСЗ. Т. 9. № 5881. С. 557.

³⁵ Подсчитано нами по: Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном корпусе Штаб- Обер-Офицерам и Кадетам с показанием, кто из оных с какими достоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. Ч. I. СПб., 1761.

³⁶ См.: Жучков В.А. Метафизика Вольфа и ее место в истории философии Нового времени // Христиан Вольф и философия в России / Ред.-сост. В.А. Жучков. СПб., 2001. С. 21.

О том, что кадеты могли изучать на занятиях по *юриспруденции*, информирует «Спецификация авторам, которые при рыцарской академии шляхетного кадетского корпуса для обучения употреблялись», присланная из корпуса в Академию наук в 1737 г.³⁷ В ней сообщалось, что в корпусе «в классах гражданских наук» были пройдены «Геинекции Элемента философии рационалис», то есть сочинение И.Г. Гейнекция «*Elementa philosophiae rationalis et moralis*», «Реслери Институционес юрис натуралис»³⁸, и «Геинекци Элемента юрис цивилис секундум ординем институционум», то есть трактат упомянутого Гейнекция «*Elementa iuris civilis secundum ordinem Institutionum*»³⁹. Также заявлялось, что помимо этих работ «кадеты притом Гундлингс на естественное право разговоры и Глафеис разума и народов право»⁴⁰ с малыми Гопии о: Ад институционес приватно читали». «Гундлингс на естественное право разговоры» – это, скорее всего, трактат одного из наиболее известных учеников Христиана Томазия Н.И. Гундлинга «*lus naturae ac gentium connexa ratione novaque methodo, elaboratum et a praesumptis opinionibus aliisque ineptiis vacuum*»⁴¹, а «Гопии о: Ад институционес» – работа И. Гопне «*Commentatio Succincta Ad Institutiones Justinianaeas*». После разбора этих авторов кадеты «слушали» «Шиллерийус федале»⁴² и «Буддеи философия практика вторая часть де официис гоминум нециум кве интеграрум адлеес натуре компонендис» – соответствующий раздел «*Elementa philosophiae practicae*»⁴³ И.Ф. Буддея, а также «Гундлингс дискурс ибер ди реихс гисториям» (сочинение Н.И. Гундлинга «*Vollständiger Discurs über den Entwurf der Reichs-Historie*»).

Итак, в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе *юриспруденцию* учитывали среди дисциплин, необходимых для того, чтобы выпускники могли должным образом служить не только в армии, а и занимать статские должности, и немалую часть при ее изучении отводили постижению основ *естественного права*, а не собственно праву Российской империи.

Иногда государственные органы предпринимали попытки придать такому обучению более практическую направленность. Так, в 1748 г. Сенат распорядился «обучающимся в оном корпусе Юриспруденции кадетам определить

³⁷ МИИАН. Т. 3 (1736–1738). СПб., 1886. С. 464–465.

³⁸ Идентифицировать не удалось.

³⁹ В библиотеке корпуса было издание этой книги, вышедшее в Марбурге в 1727 г. (согласно базе данных «Библиотека 1-го Кадетского корпуса (Сухопутного шляхетного)», размещенной на сайте Российской национальной библиотеки, URL: <http://www.nlr.ru/poisk/>).

⁴⁰ Идентифицировать не удалось.

⁴¹ В библиотеке корпуса было третье издание этой книги, вышедшее в Галле в 1736 г.

⁴² Идентифицировать не удалось.

⁴³ В библиотеке корпуса было издание этой книги, вышедшее в Галле в 1727 г.

между других наук слушать в каждой неделе по два дни лекцию, в которые собирая их, читать Уложение, Генеральной Регламент и прочие подлежащие к знанию Гражданских прав Уставы и Регламенты и указы»⁴⁴. Об успешности исполнения этого указа можно только догадываться⁴⁵.

Показателен диалог между *подьячим* Хабзеем и *петиметром* Дюлижем, который выпускник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса А.П. Сумароков поместил в комедии «Чудовищи» (1750 г.). Там на вопрос канцелярского служащего «Разве ты уложение не читывал?» молодой светский фронт не без удивления спросил: «Уложение? что это за зверь?» На это Хабзей заметил: «Он уложение зверем называет, а в нем государственные права», – и в ответ получил характерную отповедь Дюлижа: «Я права те знаю больше нежели ты. Я знаю и Натуральные, и Римские, и Французские»⁴⁶. Для контраста приведем строки, в которых А.Д. Кантемир в так называемой первоначальной редакции сатиры «На зависть и гордость дворян злонаправленных» обращался к некоему знатному дворянину:

А ты, друг мой, рассмотри, есть ли хотя мало
В тебе, чтоб красу твоих имени придало.
Где военные труды, иль дел тех наука?
Ты об них и не слыхал... <...>
Компас, правило в судах столь тебе знакомы,
Сколь сибирским вотякам мраморные дома.
Правительство гражданско николи не снилось
(Разве в полиции за б..дь посидеть случилось).
Гроциус и Пуфендорф и римские права –
О тех помнить нечего: не на наши нравы.
Так ин Уложение? – трясешь головою,
Что то за зверь, говоришь, хоть уж с бороною⁴⁷.

Как видим, «Гроциус и Пуфендорф и римские права» постепенно превращались в часть интеллектуального багажа, приобретенного в результате образования. Получалось, что к середине XVIII в. представители образован-

⁴⁴ ПСЗ. Т. 12. № 9532. С. 894.

⁴⁵ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XXII. М., 1872. С. 232–233.

⁴⁶ Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. V. М., 1787. С. 258. Сам Сумароков изучал в корпусе «мораль Вольфскую до III. Главы второй части». См.: Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном корпусе. С. 58.

⁴⁷ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / Подг. текста и прим. З.И. Гершковича. Л., 1956. С. 373.

ного российского дворянства даже лучше знали *естественное право*, нежели действовавшее российское законодательство.

На протяжении второй половины XVIII в. возможности изучения *естественного права* только расширялись. Это происходило, во-первых, благодаря деятельности государственных образовательных институций. В дополнение к функционировавшему в Петербурге Академическому университету в 1755 г. был организован университет в Москве, в рамках которого действовал юридический факультет. Первым профессором этого факультета был «натуральной юриспруденции профессор» Ф.Г. Дильтей, прибывший в Москву в 1756 г.⁴⁸ Уже 17 декабря этого же года он организовал публичный диспут с характерным названием «Опыт успехов в естественном праве». В нем должны были принять участие шесть студентов – Иван Алексеев, Матвей Елисеев, Семен Герасимов, Сергей Малиновский, Антоний Котцаурек и Петр Ямпольский. На диспуте планировалось обсудить следующие вопросы: «Что бы точную иметь идею о праве естественном, то должно наперед учинить точное описание, что есть право? Что естество? что напоследок естественное право». В качестве ответа на последний вопрос утверждалось: «Право естественное есть неперемнная воля Божия, силою здравого разума человеку объявленная». Автор тезисов отвергал «описание естественного права, которое дал Юстиниан; будто право естественное есть то, которому естество всех животных научило», после чего заявлял, что *естественное право* «есть неперемнное и необходимое, и обязывает нас гораздо пространнее, нежели все права гражданския. (положительныя.)»⁴⁹.

Показательно, что трое из студентов, принимавших участие в диспуте, о которых мы нашли биографические данные (И.А. Алексеев, М. Елисеев, С.Ф. Малиновский), происходили из среды духовенства и поступили в университет, имея за плечами учебу в духовных заведениях, где они должны были приобрести знание латыни⁵⁰, что явно способствовало их успешному постижению правовых дисциплин.

Сам Ф.Г. Дильтей не собирался ограничивать свою преподавательскую деятельность только университетскими студентами. 5 ноября 1756 г. в «Московских ведомостях» сообщалось, что «Университетский Профессор

⁴⁸ См. о нем: [Капустин М.Н.] Дильтей, Филипп Генрих // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. I. М., 1855.

⁴⁹ Дильтей Ф.Г. Опыт успехов в естественном праве. М., 1756. С. [1–2].

⁵⁰ Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: Биобиблиографический словарь. М., 2013. С. 17, 99, 173–174.

и Юриспруденции Доктор господин Дилтей будет иметь приватные лекции о Праве натуральном на французском языке», курс которого планировалось завершить за полгода. Факт преподавания *права* на французском, а не на латыни, скорее всего, предполагал, что это объявление вызовет интерес, прежде всего, у дворян. Такие дворяне, желавшие изучить в частном порядке *естественное право*, нашлись, так что уже 6 марта 1757 г. Дильтей устроил в университете публичный диспут, на котором «хотел показать опыт о успехе обучающихся у него приватно Юриспруденции». Этот ученый спор происходил на французском языке «о некоторых пунктах из науки о Правах естественных» между двумя выпускниками университетской дворянской гимназии, окончившими ее с медалью, Петром Безобразовым и Б.М. Салтыковым⁵¹. Последний, происходивший из весьма знатного рода, сын сенатора и президента Камер-коллегии М.М. Салтыкова, позднее по поручению И.И. Шувалова отправится в Швейцарию к Вольтеру как представитель российского двора⁵².

Первым из тезисов, «которые были напечатаны и при этом раздаваны» слушателям, утверждалось, что «существует естественное право, которое является неизменным и обязательным» («Il y a un droit naturel, qui est immuable et indispensable»). При этом, по мнению Ф.Г. Дильтея, изучавшая его *естественная юриспруденция* было наукой практической («La Jurisprudence naturelle est une science pratique»). Рассуждая о нормативном значении *естественного права*, он утверждал: «Естественные законы предписывают нам обязанности к Богу, к нам самим, и к нашему ближнему» («Les lois naturelles nous prescrivent les devoirs envers Dieu, envers nous-mêmes, et envers notre prochain»). Итоговый тезис, который полагалось обсудить, провозглашал, что первая обязанность человека по *естественному праву* – это «познание Бога, Высшего Существа, Самого совершенного, который карает за преступления и воздает за добродетель» («Le premier devoir est de connoître Dieu, l'être suprême, doué de toutes les perfections, qui châtier les crimes et récompensera les vertus»)⁵³.

Ученики Ф.Г. Дильтея, среди которых попадались и представители влиятельных дворянских семей, с основами *естественного права* усваивали и тезис о его практическом значении для политики. Важно подчеркнуть, что

⁵¹ Императорский Московский Университет в газете «Московские ведомости» (1756–1917). М., 2005. С. 10.

⁵² См.: Модзалевский Л.Б. Собеседник Вольтера Б.М. Салтыков и два его новых письма 1760–1761 гг. (По материалам Архива Академии Наук СССР) // Вольтер. Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. Л., 1947.

⁵³ Цит. по: Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетию его юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 74–75.

положение о Боге, карающем за преступления и воздающем за добродетели, отнюдь не следует понимать в духе мистического вмешательства Бога в судьбы конкретных людей. В.Н. Татищев, разъясняя, как действует Божественное наказание в логике *естественного права*, писал, что Создатель в «противоприродные преступления вложил наказания, дабы каждому преступлению естественныя и наказания последовали, как то, обжирству и пьянству ... болезни, блудодеянию гной и червие». В связи с этим он посчитал необходимым опереться на авторитет одного из ведущих немецких *юристов*: «О сем Томазий, закона учитель, глаголет: Божеский суд и наказание не равен царскому, где разным винам равное видимое и скорое наказание, смертная или телесная казнь, заточение, лишение имени и пр. последуют. Божеский бо суд есть равен отцовскому, которой, поставя на мышей западню, скажет сыну, чтоб не трогал; но когда сын оную тронет и себе пальцы отшибет, то ни отец, но сын преступлением виновен»⁵⁴.

После проведения отмеченных лекционных курсов и диспутов Ф.Г. Дильтей продолжил свою образовательную деятельность. Согласно объявлению о публичном чтении лекций на второе полугодие 1757 г. «Филип Генрик Дилтей Прав и Истории ординарный Профессор ... толковать будет естественныя и народныя права Пуффендорфовы. Ежели кто пожелает приватныя лекции выслушать о правах гражданских Римских, о праве Февдальном, Криминальном, или о праве публичном Римской Империи; тех на Латинском или Французском, или Италианском, или Немецком языке удовольствовать обещается»⁵⁵. Кроме того, в «Московских ведомостях» за 3 октября 1757 г. сообщалось, что с 6 октября Дильтей «намерен паки начать свой курс Натуральной Юриспруденции на французском языке». Это объявление было рассчитано на *благородных юношей*, то есть на дворянских детей, «которые во французском языке столько успели, что могут к слушанию помянутого курса быть допущены, и желают помянутое высокое учение постигнуть»⁵⁶. Как можно судить по некоторым сведениям, профессор смог достигнуть коммерческого успеха: «за публичныя лекции Дильтей брал по 12-ти рублей, с платою половины вперед, и, вероятно, число посетителей было так велико, что он в 1760 году мог купить себе дом за 1500 руб.», от чего, правда, «терпели собственно Университетские лекции»⁵⁷.

⁵⁴ Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1979. С. 116.

⁵⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 59.

⁵⁶ Императорский Московский Университет в газете «Московские ведомости». С. 14.

⁵⁷ [Капустин М.Н.] Дильтей, Филипп Генрих. С. 302.

Изучение основ *естественного права* не ограничивалось юридическим факультетом. С ними могли познакомиться и студенты философского факультета Московского университета. Так, на последнем студенты под руководством профессора логики, метафизики и практической философии И.Г. Фроманна обсуждали и такие тезисы: «Этика есть основание Юриспруденции Натуральной. А Этика и Юриспруденция Натуральная вместе суть основанием Политики. Следовательно никто не может быть добрым Политиком, если прежде не будет добрым человеком»⁵⁸. Схожим образом, в Академическом университете *естественное право* могло преподаваться не только профессором юриспруденции. Так, согласно объявлению о публичных лекциях 1748 г., И.А. Браун, «Теоретической и практической философии Профессор», собирался «предлагать ... Руководство по всю философию, употребляя за основание сокращенную Тиммином Волфианскую философию»⁵⁹. Скорее всего, в рамках этого курса должно было рассматриваться и *естественное право*. Также Браун активно использовал *диспуты* как метод обучения⁶⁰. Один из таких диспутов был проведен публично в рамках празднования в Петербурге тезоименитства Елизаветы Петровны. Согласно «Санктпетербургским ведомостям», 7 сентября 1753 г. «по утру в 11 часу по определению Его Ясневельможности Гетмана, и Академии Наук господина Президента, Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, в здешнем Университете при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей, публично диспутуoval под предводительством Профессора Философии, господина Брауна, Студент Антон Барсов» по весьма интересному вопросу, выводившему философские рассуждения о *естественном праве* в область законодательства: «*Могут ли законы гражданские, надлежащим образом учрежденные, противны быть законам естественным?*»⁶¹

Определенную роль в распространении представлений о *естественном праве* играли и образовательные поездки в Европу, как частные, осуществ-

⁵⁸ Цит. по: Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 73–74. См. также: Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 110–111.

⁵⁹ МИИАН. Т. 10 (1749 (июнь–декабрь) – 1750). СПб., 1900. С. 630.

⁶⁰ В 1757 г. он сообщал в Канцелярию Академии наук, что студентов Академического университета в рамках своих филозофических лекций «по примеру прежнему обучать будет диспутам» (СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 220. Л. 475).

⁶¹ Тематика выступлений после этого диспута тоже была показательной: «Студенты Филип Яремской и Николай Поповской читали речи, перьвой о Философии Цицероновой, а другой о несправедливом презрении Нравоучительной Философии, особливо у древних Философов прежде Сократа бывших; и в заключение он же всенародныя желания о здравии и благополучии Августейшия Покровительницы Академии изъявил стихами Латинскими и Российскими». См.: Санктпетербургския ведомости. 1753. № 73. 10 сентября. С. 587–588.

лявшиеся дворянами в рамках так называемого «Grand Tour»⁶², так и целенаправленно организованные правительством. Впрочем, и те, и другие будут наиболее распространены с 1760-х гг. В качестве примера можно привести случай А.Н. Радищева, который получил блестящее юридическое образование в Лейпцигском университете, оплаченное государством. Если же говорить о частных поездках, то в качестве иллюстраций можно привести следующее. Князь А.Б. Куракин, находившийся на попечении Н.И. и П.И. Паниных после смерти отца (1764) и матери (1768), был в 1775 г. отправлен опекунами в Лейденский университет. Во время обучения он сообщал, что «правы мне особенно полюбились», а также представлял Паниным «какие-то обширные диссертации, составленные им на основании сочинений Гроция, Пуффендорфа и др.»⁶³. В 1780 г. князь А.М. Голицын решил направить в университет Лейдена трех своих племянников. Согласно его наставлениям для их гувернера Я.И. Сокологорского, юным князьям Голицыным должна была преподаваться *политическая история* «с изъяснением естественного и народного прав. Из первого познают они собственные свои должности в разных обстоятельствах, в которых они находится будут, и объяснит им правила к основанию разумного законоустановления служащая. Из второго узнают они учреждении разных правительств. Потом можно будет им протолковать генералныя начала светского и духовнаго права, изъяснив им самые употребительнейшие термины юриспруденции, дабы они могли с плодом читать книги о законах и правах и разумели бы как в делах, так и разговорах употребленные выражения о сей материи»⁶⁴.

Помимо образовательных институций не меньшую, а в некоторых случаях и большую роль играло самообразование, когда тот или иной исторический актер усваивал новые понятия и представления посредством чтения соответствующих книг.

В связи с этим примечательна история появления первого известного русского перевода юридического трактата С. Пуффендорфа «*De jure naturae et gentium*». В марте 1722 г. иеромонах Симон Кохановский по жалобе Феофана Прокоповича был арестован и выслан из Петербурга в Москву, а вещи его были опечатаны. Среди них значились «Пуффендорф рукописный

⁶² См.: Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des Nobles Russes au Cours de la Seconde Moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2.

⁶³ Куракин, князь Алексей Борисович // Русский биографический словарь. [Т. 9]. Кнаппе-Кохельбекер. СПб., 1903. С. 567.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1263 «Голицыны». Оп. 1. Д. 180. Л. 4–4 об. См. также: Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004.

и Юст Липсий рукописный». Кроме того, среди арестованного имущества оказались и чужие книги, взятые на время, включая «князя Дмитрия Михайловича два Барониуша новые». По синодскому приговору Кохановский был признан виновным, «некоторых ради респектов» освобожден от наказания и определен к отправке «на обещание его в Киев»⁶⁵. После такого приговора Кохановский обратился с прошением в Синод, где сообщал: «Взято у мене ... в ... Синод две книги рукописные, моими трудами из латинского языка на русский язык переведенные: една книга Самуила Пуфендорфа *О законах естества и народов*, а другая *Exempla* Фоста Лепсия». Он просил заплатить ему «за тие книги, буде годятся: разсуждая труды и кошт мой, за бумагу и за наймование писцов, которые из чорного на белое переписывали». Синод 24 августа того же года распорядился выдать ему за эти рукописи 20 руб.⁶⁶

Перевод Ю. Липсия был выполнен Симоном Кохановским в 1712 г. по заказу киевского губернатора князя Д.М. Голицына. Сообщая об этом, С.И. Николаев пишет, что «сумма всех косвенных данных позволяет считать, что в указанных списках перевода “О законах естества и народов” С. Пуфендорфа представлен перевод Симона Кохановского, выполненный, вероятно, по поручению Д.М. Голицына»⁶⁷. Некоторые дополнительные наблюдения в полной мере подтверждают как принадлежность перевода Кохановскому, так и то, что он был выполнен по заказу Голицына. Согласно описи 1737–1738 гг., среди книг Голицына было три рукописных перевода Цезаря Барония – «Годовые дела церковныя, переведены с Барониуша по год 900, рукописная», «Барониуш, переведенной с польского языка по год 1198, рукописной» и «Годовые дела церковные из Барониуша, втораго друкования, рукописная» – и, что более важно для нас, в ней значились и два тома перевода Пуфендорфа – «Самуила Пуфендорфа о законах естества и народов, книга 2-я по 6-ю, рукописная» и «Той же книги 6-я и 7-я книги, рукописная»⁶⁸. Б.А. Градова, Б.М. Клосс и В.И. Корецкий идентифицировали упомянутые рукописи перевода Пуфендорфа с двумя томами, хранящимися в Отделе рукописей РНБ⁶⁹. В первом томе этого перевода имеется автограф перевод-

⁶⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Синода. Т. II. (1722 г.). Ч. I. СПб., 1879. Стб. 421–426.

⁶⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Синода. Т. II. (1722 г.). Ч. II. СПб., 1878. Стб. 152–153.

⁶⁷ Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 166.

⁶⁸ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына. С. 242, 243, 244.

⁶⁹ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына. С. 251.

чика: «Simon Kochanowski»⁷⁰. Данная рукопись была явно не рабочим переводом, а беловым экземпляром, предназначенным для читателя. В синодальную же библиотеку попал именно черновой экземпляр, который сохранился до наших дней в составе рукописей Синодального собрания Государственного исторического музея (Москва). Помимо прочего, в черновой рукописи перевода была сделана запись о времени его завершения: «Finis libri septimi finite anno 1718 junii 27»⁷¹. Кохановский завершил перевод Пуфендорфа в 1718 г., после чего беловой экземпляр оказался у Голицына, а черновой – в 1722 г. в синодальной библиотеке. Значит, первый перевод одного из юридических трактатов Пуфендорфа появился в России еще в конце 1710-х гг., и он возник как результат частного интереса, а не некоей переводческой программы, инициированной от имени монарха.

Коль скоро Д.М. Голицын все же читал это сочинение, то он мог почерпнуть из него определенные естественноправовые идеи. В то же время не стоит и преувеличивать сам факта появления такого перевода. Согласно описи 1737–1738 гг. русских книг светского содержания из библиотеки Голицына, к сочинениям о *естественном праве* из зафиксированных в списке 336 томов⁷² следует с полным основанием отнести только шесть названий, из которых три – это трактат Г. Гроция «О праве войны и мира», два – неполный перевод С. Пуфендорфа «О праве природы и народов» и один – частичный перевод «Двух трактатов о правлении» Дж. Локка⁷³. Основная часть этого собрания была представлена книгами по истории, а также политическими трактатами, которые были созданы вне традиции нововременного *естественного права*⁷⁴.

Известное в историографии посвящение Д.М. Голицыну, созданное между 1711-м и 1718 г. и помещенное в небольшую переводную книжку «Изчисление нарочитших академий и училищ в Европе созданных множайших же

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 550. «Основное собрание рукописной книги». F II 26/1. Л. 129 об.

⁷¹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невостровева) / Сост. Т.Н. Протасьева. Ч. II. М., 1973. С. 57. В качестве переводчика этого сочинения Пуфендорфа в «Описании» указан Гавриил Бужинский. Это ошибочная атрибуция.

⁷² См. публикацию описи: Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына. С. 241–249.

⁷³ «Гугена Грота о законах брани и мира», «Той же книги часть 2-я», «Той же книги часть 3-я», «Самуила Пуфендорфа о законах естества и народов, книга 2-я по 6-ю», «Той же книги 6-я и 7-я книги», «Лока правление гражданское, о его истинном начале и его власти».

⁷⁴ Такие, как «Диалектика политика премудраго философа Аристотеля», «И.К. Бекмана о частях владетельских описание», «Сокровище извесных тайн экономии земской ключь», «Диалектика политика премудраго философа Аристотеля», «Книга о тайнах Речи Посполитой, рукописная», «Изображение Христиана политического властелина с символами изображенное от Дидака Саверры», «Иоанна Христофора Эберта дискурсы политичныя о разных чинах властелинских», «Описание вин, ими же к погибели и к разорению всякая царства приходят и которыми дела в целости и в смиреннии содержатся и строятся» и другие.

и доселе различными благопотребными ученыи процветающих», с позиции автора – неизвестного киевского переводчика – так характеризует интеллектуальные интересы князя: «Никто же паче сиятельства вашего теплейшого премудрости рачителя быти, ти усердно тщишися вся знати, вряразумети, елика безчисленнии в мире мудреци и авторы древними и нынешними времени написаху. Не аз, но толь многия книги, яже иждивением твоим на свойственний отчества сего язык преведенни, тебе суть о сем свидетелствуют. <...> В толь многом же историчном, экономичном, философичном и прочиим искусен уже сущи учении, еще же паче и паче желаеши порвядны что либо научитися или, паче реку, древлезнаемое воспомянути»⁷⁵. Да, судя по тематической широте состава библиотеки Голицына, ее хозяина интересовало то, что можно обозначить как «европейская мысль от античности до XVIII века». И пусть он не делал особого предпочтения приобретению трудов о *естественном праве*, нельзя сказать, что Голицын не воспринял каких-то актуальны элементов последнего. Специфика восприятия европейских идей и авторов в петровское, да и какую-то часть постпетровского времени заключалась в своеобразной спрессованности заимствований, в результате чего исторический актер соединял в свих представлениях как современные ему концепции, так и *древлезнаемое*. Отсюда та парадоксальная и даже гремучая смесь концептов и представлений, заимствованных из сочинений Античности, Ренессанса и раннего Нового времени и наслоившихся на основы московского воспитания XVII в., которую находишь, порою, в источниках.

Укажем также на рассуждения А.С. Лаппо-Данилевского, в которых историк утверждал, что «естественное право стало распространяться в России в начале XVIII столетия в виде двух различных учений: Петр Великий и его сотрудник Феофан Прокопович особенно ставили теорию Гоббеса, которую легко было приспособить к самодержавной власти царя; кн. Д.М. Голицын и В.Н. Татищев предпочли теорию Гроция и его последователей». Если приверженность Петра и Феофана Прокоповича идеям Т. Гоббса утверждалась на довольно произвольном толковании «Правды воли монаршей» и гоббсовских концепций, то заинтересованность Голицына Гроцием было обосновать гораздо сложнее, так как князь не оставил после себя какого-либо политического трактата. Лаппо-Данилевский констатировал: «В числе сочинений, переводы которых он заказывал Киевской академии, Голицын, правда, принимал во внимание и такие, которые, собственно не относились к естественному праву». Кроме того, Голицын «не проводил достаточного различия между классическими произведениями по естественному праву и компен-

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 550 «Основное собрание рукописной книги». Q XVIII 5. Л. 2 об.–3.

диумами, подобными тем, которые были сделаны Вернулеем, Целларием, Фаустом и Фелвингером». Тем не менее, историк все же считал возможным утверждать, что «и в этих второстепенных трудах, особенно в книжке Фелвингера, ссылавшегося на Гроция, Голицын мог уже почерпнуть несколько идей касательно договорной теории государства»⁷⁶.

Историк всякий раз сталкивается с проблемой взаимосвязи обладания конкретным лицом той или иной книги и усвоением идей и понятий, которые содержатся в ней. Одно лишь наличие книги в личной библиотеке не очень-то и много может сказать о том, что из нее было воспринято. Подчас даже нельзя сказать, читал ли данную книгу ее владелец. Оттого необходимо учитывать как тематическую направленность библиотеки, так и возможные параллели между идеями сочинений, находившимися в библиотеке, и идеями, которые высказывались владельцами таких книг. Определенную помощь оказывают всевозможные маргиналии, заметки на полях и другие читательские пометы. Так, тот же А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание, что, например, перевод Пуфендорфа «помечен крестами как раз в тех местах, которые могли интересовать такого человека и политика, каким был Голицын»⁷⁷, хотя сам факт принадлежности этих помет именно Д.М. Голицыну не столь уж и очевиден.

Тем не менее, факт остается фактом: в первую половину XVIII в. в частных библиотеках ряда российских государственных деятелей появляются сочинения по *естественному праву* – как на иностранных языках, так и в виде переводов. В качестве другого примера можно указать на старшего современника Петра I А.А. Винууса, в библиотеке которого был трактат Г. Гроция «О праве войны и мира», а также «новейшее по тому времени сочинение Хр. Томазия, содержащее программу читанного им в 1699 г. курса юриспруденции студентам Галльского университета». Основываясь на анализе состава библиотеки Винууса, А.С. Лаппо-Данилевский сделал вывод, что, «судя по ее содержанию, владелец ее несколько интересовался доктриной естественного права и практическим наставлением германской юриспруденции, хотя бы такой интерес и обнаруживался в одном только подборе книг известнейших писателей того времени». При этом историк вполне взвешенно заметил: «В какой мере Винуус был действительно знаком с подобного рода учениями, сказать, конечно, трудно»⁷⁸.

⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России. С. 27, 32.

⁷⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России. С. 33.

⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. С. 191–192.

Книги по *естественному праву* были и в составе библиотек других представителей правящей элиты первой половины XVIII в. Так, трактаты, принадлежавшие перу Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Хр. Томазия, И.Ф. Буддея, Ф.Г. Штрубе де Пирмонта, были представлены в библиотеке члена ВТС и затем кабинет-министра графа А.И. Остермана⁷⁹. В библиотеке кабинет-секретаря И. Эйхлера, пострадавшего в 1740 г. по делу кабинет-министра А.П. Волынского, согласно описи конфискованных книг, находились «Военные и мирные права» Г. Гроция, «Келеровы натуральные права», «О должности человека и гражданина» С. Пуфендорфа и труды Хр. Томазия⁸⁰. Разумеется, что сочинения такого рода отнюдь не доминировали в книжных собраниях и распределялись по ним неравномерно, а в чьих-нибудь библиотеках их могло и не быть вовсе. Например, среди 797 наименований книжного собрания Я.В. Брюса не числилось ни названия сочинений Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Дж. Локка или Хр. Томазия, однако были представлены Д. Сааведра Фахардо, Ю. Липсий и Ф. Фенелон, не говоря об античных авторах⁸¹. Согласно сведениям из работы П.И. Хотеева, сочинения по *естественному праву* вообще довольно редко попадались в проанализированных им частных книжных собраниях середины XVIII в.⁸² Но здесь, впрочем, не следует забывать, что дошедшие сведения о книгах того или иного владельца предоставляют отнюдь не исчерпывающую информацию об интеллектуальном кругозоре и идейных предпочтениях человека. Так, скажем, в описи книг, оставшихся в Канцелярии Академии наук после смерти в 1745 г. профессора Хр.В. Гросса, одного из первых преподавателей *естественного права*, не значилось сочинений по нему, зато числился четырехтомный «Трактат о полицейских делах» небезызвестного Н. Деламара⁸³. В любом случае, книги по *естественному праву* стали частью огромного количества разнообразных иностранных сочинений, созданных в период от Античности и до XVIII века включительно, возможность ознакомиться с которыми получили подданные российского монарха.

⁷⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 841. Благодарим А.С. Лысцову за указание на эти сведения. См. также: Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976. С. 191.

⁸⁰ Фундаминский М.И. Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера // Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Л., 1980. С. 49.

⁸¹ Из книг философов, которых занимали вопросы *естественного права*, в брюсовской библиотеки были сочинения И.Ф. Буддея и Хр. Вольфа, связанные с их спором. Впрочем, последний был представлен, прежде всего, своими математическими сочинениями. См.: Библиотека Я.В. Брюса: каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989. С. 242, 101, 162, 60–61, 314–315.

⁸² См.: Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989.

⁸³ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 222. Л. 445.

В ряде случаев о том, к чему могло привести распространение и чтение в России конкретного трактата, можно только догадываться. Так, согласно приведенным С.П. Лупповым данным о книжной торговле, изданное в 1726 г. сочинение С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» пользовалось хорошим спросом, «несмотря на очень большую по тому времени цену (1 р. 26 к.)»⁸⁴. Однако к настоящему времени имеется крайне мало свидетельств о воздействии именно этого издания на распространение естественноправовых идей, хотя оно, скорее всего, должно было быть.

В то же время остается несомненным, что самообразование могло приводить к появлению интересных интеллектуальных феноменов, наиболее ярким из которых является случай В.Н. Татищева, драгунского, а затем артиллерийского офицера, который какой-то срок будет выполнять и обязанности управляющего горными заводами. Несмотря на подобную направленность своей государственной службы, связанную, прежде всего, с техническими навыками, исходя из своих личных интересов и пристрастий, Татищев собрал довольно солидную библиотеку, включавшую и книги по *естественному праву*. Это были сочинения С. Пуфендорфа, в том числе двухтомник «О праве природы и народов» 1711 г. издания на немецком и русское издание 1726 г. «О должности человека и гражданина», трактат Хр. Томазия «Kurtzer Entwurff der politischen Klugheit» («Краткий набросок политической мудрости») 1725 г. издания на немецком языке и философские книги Хр. Вольфа⁸⁵. Кстати, Татищев также и сам пробовал заняться переводческой деятельностью в 1730-е гг., для чего выбрал сочинение германского юриста Д.Г. Кеммериха «*Neu-eröffnete Academie der Wissenschaften, zu welchen vornemlich Standes-Personen nützlich können angeführet, und zu einer vernünftigen und wohlانständigen Conduit geschickt gemacht werden*», в татищевском переводе – «Новоотверстая академия наука, которым особливо знатных людей дети с пользою обучаемы быть могут». Историк решил переводить не все сочинение, а только третью часть, «которая нравоучение, також естественное и народно право в себе заключает». Сохранился собственноручный

⁸⁴ Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. С. 137.

⁸⁵ Указанные немецкие издания С. Пуфендорфа и Хр. Томазия с владельческими записями – монограммой ВТ – к настоящему времени хранятся в библиотеке Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург). См.: Каталог книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского краеведческого музея / сост. А.М. Сафронова, В.Н. Оносова; общ. ред. и вступ. ст. А.М. Сафроновой. Екатеринбург, 2005. С. 201, 222; Астраханский В.С. Каталог екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 21, 23, 33.

татищевский перевод предисловия к этому сочинению, датированный 1733 г. В нем заявлялось, что «право же естественное и народное есть основание всех протчих законов и прав, которое (нужно. – М.К.) не токмо всякому судие и судящемуся в спорах собственных дел и единственных людей, но министрам и послам». Кеммерих в этом предисловии указывал на вклад в науки С. Пуфендорфа, Г. Гроция и Т. Гоббса и замечал, что «никто столько чести не заслужил, как Господин Томазиус»⁸⁶. Последний пользовался татищевским уважением: отец российской истории прямо ссыался на некоторые мысли *закона учителя Томазия*⁸⁷. Впрочем, наибольшее влияние на историка оказал *преславный философ* Хр. Вольф⁸⁸. В итоге именно Татищев и окажется первым российским автором, основавшим свои суждения на логике *естественного права*, а не проповедником, использующим элементы естественно-правовой аргументации в богословских текстах.

Таким образом, едва ли можно сказать, что *естественное право* в первой половине XVIII в как-то целенаправленно насаждалось правительством в качестве составной части официальной идеологии. Скорее, оно фигурировало как раздел правовой науки (*юриспруденции*), на желательность изучения которой изначально указывалось в образовательных проектах, начиная с петровского времени. О первых шагах систематического преподавания естественноправовых концепций можно говорить только с послепетровского времени, когда под воздействием европейского опыта возникают новые образовательные институты, в рамках которых *естественное право* расширяло зону своего воздействия. При этом первыми преподавателями таких дисциплин предсказуемо оказывались иностранцы, выступавшие в роли культурных агентов. Кроме того, помимо образовательных институций определенное влияние играло и самообразование. Как результат, к началу 1760-х гг. сотни подданных российского монарха, среди которых были и представители влиятельных дворянских семей, включили в своей интеллектуальный багаж основы нововременного *естественного права*.

⁸⁶ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 2–2 об. См. также: Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 15.

⁸⁷ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. I. М., 1768. С. 13; Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 116.

⁸⁸ См.: Киселев М.А. Как колонизируют историю. Рецензия: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013 // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 153–156.

§ 2. Ф.Г. Штрубе де Пирмонт и *естественное право* в России середины XVIII в.

Одним из наиболее значимых иностранных специалистов по *юриспруденции*, изучавших и преподававших *естественное право* в России середины XVIII в., оказался Фридрих Генрих Штрубе де Пирмонт. Он родился в 1704 г. Данные о месте его рождения разнятся. Так, в 1738 г. он сообщил, что «родом из Галлершпринга, в Ганноверском герцогстве»⁸⁹. Известно, что его отец – Иоганн Фридрих Штрубе – в 1717 г. занимал должность судьи в упомянутом городе. Его дед какое-то время был суперинтендантом в Ронненберге, который также находился под властью ганноверских курфюрстов⁹⁰. На титульном листе диссертационного издания 1727 г. Штрубе назван ганноверцем⁹¹, хотя по каким-то причинам в документах 1750 г. о принятии его в российское подданство он значился как «уроженец вестфалской из Пермонта»⁹². На связь с Пирмонтом указывала выбранная им вторая часть фамилии, для которой он использовал французское *de* – де Пирмонт (*de Pyrmont / de Piermont*), то есть «из Пирмонта».

В 1725–1727 гг. он учился в университете Гельмштедта, где под руководством проф. Поликарпа Лейзера – богослова, историка и юриста – написал диссертацию «*Observata diplomatico-historica de servis servorum*», представленную к защите 17 мая 1727 г.⁹³ Сам Штрубе сообщал, что обучался в университете в Галле⁹⁴, а в предисловии к своей книге, опубликованной в 1740 г., он писал о своем обучении у Христиана Томазия⁹⁵, преподававшим в этом университете моральную философию и *естественное право*.

⁸⁹ МИИАН. Т. 3. С. 804.

⁹⁰ Rosso C. *Mythe de l'Égalité et Rayonnement des Lumières*. Pise, 1980. P. 123; Dulac G. Frédéric STRUBE de PIERMONT (1704–1790?) // *Dictionnaire des journalistes (1600–1789)* [URL: <http://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journaliste/758-frederic-strube-de-piermont>]; данные о Штрубе в записи № 52254 в Erik-Amburger-Datenbank «Ausländer im vorrevolutionären Russland» [URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/>].

⁹¹ См.: Leyser P., Strube F.H. *Observata Diplomatico-Historica de Servis Servorum*. Helmstadium, 1727.

⁹² МИИАН. Т. 10. С. 355, 366. Город Пирмонт, совр. Бад-Пирмонт, находился на территории графства, а с 1712 г. – княжества Вальдек-Пирмонт, которое входило в состав Вестфальского округа Священной Римской империи германской нации.

⁹³ Dulac G. Frédéric STRUBE de PIERMONT (1704–1790?) // *Dictionnaire des journalistes (1600–1789)* [URL: <http://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journaliste/758-frederic-strube-de-piermont>].

⁹⁴ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 671. Прим. 3. Г. Дюлак пишет, что в регистрах этого университета имя Штрубе отсутствует [URL: <http://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journaliste/758-frederic-strube-de-piermont>].

⁹⁵ Rosso C. Introduction // Strube de Piermont F.H. *Lettres Russiennes suivies des Notes de Catherine II*. Pisa, 1978. P. 14–15; Strube de Piermont F.H. *Recherche Nouvelle de l'Origine et des Fondements du Droit de la Nature*. SPb., 1740. P. VII–XI.

С 1730 г. Штрубе работал при нескольких посольствах в Европе⁹⁶, продолжая при этом свои правовые штудии. К 1738 г. он уже был в России: 4 сентября президент Академии наук И.А. Корф сообщил академическому собранию о Штрубе, бывшим до этого секретарем герцога Курляндского И.Э. Бирона, как о претенденте на место, которое когда-то занимал И.С. Бекенштейн⁹⁷. В соответствующем прошении Штрубе заявлял, что «уведомился ... он, что в академии наук имеется порозжее место профессора юриспруденции и политики, а он в Службе Ея И. В. быть желает профессором вышеозначенных наук, понеже в том искусство имеет»⁹⁸. Его прошение удовлетворили, и с 22 сентября 1738 г. он определялся «при академии наук профессором прав и политики на пять лет». Штрубе, согласно договору, обязан был «данных ему студентов его науке прилежно обучать, в собрание ходить, також в пользу учащагося юношества написать книгу о его науке». За это ему полагалось в год 800 руб. жалования, плюс 60 руб. «за дрова, свечи и квартиру»⁹⁹.

По итогам собственных научных изысканий в марте 1739 г. Штрубе представил академическому собранию сочинение «Recherche Nouvelle de l'Origine et des Fondements du Droit de la Nature»¹⁰⁰, которое затем было напечатано в Петербурге в 1740 г. Рассуждая о происхождении *естественного права* и его основах, он утверждал, что *естественное право* «не может быть основано на разуме, ибо суждения разума отнюдь не могут считаться законом. Это понял Томазий, а за ним Христиан Вольф, а еще раньше их – Гоббс. Истинным основанием естественного права являются страсти человека, вложенные в него природой, в особенности стремление к самосохранению и к удовлетворению своих потребностей, которое приводит человека к признанию начал общей пользы; на этих началах и покоится все естественное право». Здесь Штрубе выступил сторонником того, что В.Э. Грабарь назвал «концепция естественного права, как покоящегося на чувстве самосохранения и общей пользы»¹⁰¹.

В начале 1741 г. Штрубе стал секретарем при графе П.Г. Чернышеве, отправлявшимся посланником в Копенгаген. Не исключено, что это было

⁹⁶ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 671.

⁹⁷ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I. 1725–1743. СПб., 1897. С. 497; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 671–672.

⁹⁸ МИИАН. Т. 3. С. 804.

⁹⁹ МИИАН. Т. 3. С. 804–805.

¹⁰⁰ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I. С. 541.

¹⁰¹ Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005. С. 114.

связано с тем, что 27 марта 1740 г. президент Академии наук А.И. Корф был назначен «в Копенгаген для пребывания при королевском датском дворе чрезвычайным посланником», куда и отбыл в апреле того же года¹⁰², а 24 апреля новым президентом Академии стал К. Бреверн. Последний 3 мая предписал передать профессору Штрубе о «польских и турецких и протчих воинских действиях реляции и ведомости», чтобы он написал «под смотрением господина юстицкого советника Гольдбаха о том настоящую историю»¹⁰³. Лишившийся покровителя в лице Корфа и, видимо, не желая выполнять порученное ему написание официальной военной истории аннинского царствования, Штрубе решил оставить должность. В качестве профессора он был уволен из Академии 22 февраля 1741 г. При этом «ему, ди Пиермонту, что он, будучи в Копенгагене, академические дела отправлять будет», с 23 февраля 1741 г. определено было жалование «против почетных академических членов» по 200 руб. в год¹⁰⁴. Итак, он фактически смог получить звание иностранного почетного члена Академии науки и возможность продолжать свои научные изыскания в области права, о результатах которых он в 1743–1744 гг. писал в Академию¹⁰⁵.

В 1742 г. П.Г. Чернышев из Копенгагена был направлен в Берлин, и Штрубе вместе с ним переехал в этот город. И все же он планировал возвратиться в Петербург. Так, 23 апреля 1743 г. из Берлина Л. Эйлер в письме Ж.-Н. Делилю сообщал, что Штрубе «чувствует себя прекрасно, но надеется вскоре вернуться в Академию и занять там выгодное для себя место». Не исключено, что подобные планы были связаны с новостями, которые приходили из России. Эйлер известил Делиля: «Как мне пишут, Академия должна быть теперь восстановлена в своем прежнем блеске, у нее будет президент, вице-президент и достаточные средства, отвечающие расходам». Впрочем, в другом письме сообщалось, что Штрубе «находится в большом затруднении по поводу его приглашения»¹⁰⁶. Действительно, он не получил приглашения вернуться. Возникли и проблемы с выплатой ему 200 руб. как иностранному члену Академии¹⁰⁷.

¹⁰² СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 52. Л. 62; Мишенкова М.В., Щедрова И.В. Иоганн Альбрехт Корф // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. СПб., 2000. С. 48.

¹⁰³ МИАН. Т. 4 (1739–1741). СПб., 1887. С. 389.

¹⁰⁴ МИАН. Т. 4. С. 575.

¹⁰⁵ См.: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 673–675.

¹⁰⁶ Русско-французские научные связи. Л., 1968. С. 163, 176.

¹⁰⁷ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 673–674.

И все же вскоре фортуна улыбнулась Штрубе. В 1743 г. началась европейская образовательная поездка К.Г. Разумовского, которого сопровождал Г.Н. Теплов. В 1744 г., будучи в Берлине, Штрубе за 200 экю был нанят учителем к Разумовскому¹⁰⁸. 2 июля 1744 г. он писал из Берлина И.Д. Шумахеру: «Досуга у меня здесь нет с тех пор как я имею честь учить здесь г. Разумовскаго, который кажется столько же доволен мною, сколько я им»¹⁰⁹.

Как раз тогда Штрубе поссорился с Г.Н. Тепловым. По словам последнего, Штрубе «сначала отклонил и казался презиравшим место г. Гольдбаха... а хотел совсем другого, и предлагал мне хлопотать для него звание русского резидента в Гамбурге или Данциге»¹¹⁰. В результате, в 1744 г. Штрубе не удалось вернуться в Россию, а его статус иностранного почетного члена Академии оказался под вопросом. 11 декабря 1745 г. профессорское собрание Академии, помимо прочего, сообщало в Сенат: «В показанном числе (почетных членов Академии. – М.К.) поставлен и профессор Штрубе, который обретается в Берлине при господине графе Чернышеве, и он еще действительным профессором при здешней академии, а не почетным членом, ибо в его контракте написано, что действительным профессором пребудет». В то же время в штате Академии на 1745 г. Штрубе, находившийся в Берлине, значился именно как почетный член с окладом в 200 руб.¹¹¹ и с сентября 1742 по май 1746 г. получал соответствующее жалование¹¹².

К июню 1746 г. Штрубе возвратился в Россию, где обратился с прошением «о принятии его попрежнему профессором юриспруденции в академии»¹¹³. Скорее всего, возвращение было связано с тем, что 21 мая 1746 г. его бывший ученик граф К.Г. Разумовский был назначен президентом Академии наук. Прошение Штрубе было удовлетворено, и 1 июля с ним был подписан новый контракт, по которому он становился «при академии наук профессором юриспруденции, то есть прав натуральных и политики» с жалованием в 860 руб. (включая расходы на квартиру, дрова и свечи). За это Штрубе должен был читать в «академических палатах» соответствующие лекции, а также исполнять некоторые дополнительные обязанности («секретарские») по управлению Академией, «понеже профессия его не такая, в которой частая должно

¹⁰⁸ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 675. Прим. 1.

¹⁰⁹ Цит. по: Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. I. СПб., 1880. С. 56.

¹¹⁰ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 675. Прим. 1. По замечанию П.П. Пекарского, «место г. Гольдбаха» – это, скорее всего, должность «непрерывного секретаря Академии».

¹¹¹ МИАН. Т. 7 (1744–1745). СПб., 1895. С. 722, 736.

¹¹² МИАН. Т. 8 (1746–1747). СПб., 1895. С. 124–125.

¹¹³ МИАН. Т. 8. С. 142.

делать изобретения, которые бы вносить можно было в Комментарии (периодическое издание Академии. – М.К.)». Контрактом предусматривалось и такое: «Ежели от него потребовано будет сочинить какую книгу, которая до его науки касается, в том он должен стараться с поспешением, которая по разсуждению господина президента переведена быть имеет на российский язык»¹¹⁴.

Елизавета Петровна 24 июля 1747 г. утвердила Регламент Императорской Академии наук и художеств, которым определялось, что в Академическом университете должны в том числе преподаваться «права натуральные и философия практическая или нравоучительная». По штату, приложенному к Регламенту, в университете была предусмотрена должность «профессора истории политической и юриспруденции» с окладом в 660 руб.¹¹⁵, каковым и стал Штрубе. По распоряжению Канцелярии Академии наук от 19 апреля 1748 г. Штрубе следовало студентам «изъяснять натуральные и народные права»¹¹⁶. Согласно расписанию «академических лекций» второй половины 1748 г., он четыре раза в неделю должен был «толковать ... новейшую историю всех государств в Европе, а потом их внутреннее состояние и каждого с прочими союзы и политическое состояние»¹¹⁷. В феврале 1748 г. на Штрубе дополнительно были возложены обязанности академического конференц-секретаря, в связи с чем он продолжил получать жалование в 860 руб. (вместо 660 руб., положенных ему как профессору)¹¹⁸.

Штрубе не без энтузиазма отнесся к своей профессорской должности: в начале января 1748 г. он обратился в Канцелярию Академии наук с просьбой напечатать в академической типографии за его собственный счет сочиненную им программу, на что он получил разрешение 19 января 1748 г. Всего Штрубе планировал издать «двести экземпляров на академической ландкартной бумаге да на александрийской голанской бумаге восмнадцать», что и было осуществлено к 8 марта 1748 г. За это с Штрубе полагалось взять 8 руб.¹¹⁹ Издание было напечатано на двух языках (русском и латыни) и открывалось следующим заявлением: «Для утверждения безопасности в государствах, и для сохранения общего благополучия всех во оных обретающихся обывателей, при Божией помощи, необходимо надобно делать такие учреждения, которыми всякая неприятельская сила могла быть отвращена». При этом

¹¹⁴ МИИАН. Т. 8. С. 144–146.

¹¹⁵ Регламент Императорской Академии наук и художеств, 1747 г. // Уставы Российской академии наук. С. 61, 68.

¹¹⁶ МИИАН. Т. 9. 1748–1749 (январь–май). СПб., 1897. С. 156.

¹¹⁷ МИИАН. Т. 9. С. 630–631.

¹¹⁸ МИИАН. Т. 9. С. 87.

¹¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 113. Л. 438–441.

Штрубе отмечал, что «за неприятелей почитать должно не токмо тех, которые вооруженною рукою нападают на какую землю, чтоб оную в конец раззорить, но и оных, которые насильствами и продерзостями своими нарушают внутреннее спокойствие всего общества». Он подчеркивал, что «приписать то должно превращенному мнению и вкоренившемуся худому обычаю, или особливому несчастливого времени пределу, что находились разные такие народы, которые воинския дела учению прав и законов предпочитая, больше в оных упражнялись». В связи с этим профессор указывал на последствия недостатков в «учении прав и законов»: «Чем больше есть незнание прав и законов, тем слабее бывает наблюдение правосудия: отчего продерзость злодеев отчасу в большую силу приходит; надежда добрых людей умалается; верность, без которой порядок гражданского сожития состоять не может, нарушается; и нигде нет безопасности, покоя и благосостояния во всем обществе»¹²⁰.

Переходя от общих рассуждений о полезности изучения *юриспруденции* к современному положению России, Штрубе написал, что Елизавета Петровна «между прочими полезнейшими науками обучать и *Юриспруденции* ... повелеть соблаговолила, и тем учинить знание прав равно воинским наукам, которыми сия империя уже достигла до высочайшаго степени славы». И далее читатели уведомлялись профессором: «И понеже должность сия на меня положена, то о точнейшем исполнении оная крайнее буду иметь рачение»¹²¹.

О содержании будущих публичных лекций в «Программе» было сказано не так много. Штрубе писал: «Пока еще не могу пользоваться таким щастием, чтоб правы и законы Российския империи, которым в рассуждении их справедливости никаких других предпочесть нельзя, иметь в одной книге собранные, и надлежащим порядком расположенные, (чего желать весьма бы надлежало;) то между тем, в публичной аудитории, в определенные часы со всяким прилежанием буду обучать и изъяснять *первыя основания натурального и народного права*; ибо сие должно почитать за источник всех прав и законов гражданских, потому что без оного сих сочинить, разуметь и надлежащим образом употреблять никак невозможно»¹²².

На первый взгляд, такое заявление выглядит парадоксальным: ведь, как показывал исторический опыт российского права, государственной власти вполне удавалось *сочинять, разуметь и употреблять* соответствующие

¹²⁰ Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Программа, в которой равную пользу военной и судебной науки показывает; и купно желающих упражняться в основательнейшем учении на свои лекции призывает ФРИДРИХ ГЕНРИХ ШТРУБЕ, Императорской Академии наук Профессор. СПб., 1748. С. 2–4.

¹²¹ Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Программа. С. 5.

¹²² Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Программа. С. 5–6.

законы без привлечения специалистов по *юриспруденции*. Но, думается, целью Штрубе было произвести своеобразный переворот в понимании права у слушателей: только *юриспруденция*, основой которой являлось *естественное право*, как строгая наука могла дать правильные законы, основанные на понимании свойств и характеристик человеческой *натуры*. А коли так, изучение *юриспруденции* становилось основой для понимания правовых практик или, что будет несколько точнее, основой для создания новых правовых практик. Именно здесь намечалась линия разрыва между старым правом, созданным историей, и новым, создаваемым *разумом*. Набор рационально выработанных теоретических постулатов оказывался важнее накопившихся правовых норм прошлого. При этом, конечно же, степень возможного разрыва между сложившейся данностью и современной теорией мог быть разным, начиная от упорядочивания таких норм и кончая отрицанием их соответствия *разумному* праву с требованием создания нового правильного законодательства.

Немаловажно и то, что Штрубе не просто писал о полезности *юриспруденции*. Он довольно смело утверждал, что она достойна не меньшего внимания, чем *военные науки*. Это была явная попытка побороться за внимание столичного дворянства. Тираж в 218 экз. за собственный счет свидетельствовал, что он рассчитывал охватить рекламой довольно широкую аудиторию. Логично также предположить, что 18 экз. «Программы» на «александрийской голанской бумаге» должны были попасть в руки каких-то знатных и влиятельных особ. На то, что это все делалось профессором отнюдь не из побуждений донести свет истины до своих слушателей, указывает следующее. В конце программы Штрубе поместил дополнительное объявление: «Как я то время, которое мне от академических трудов оставаться будет, назначил к наставлению благородного юношества, то я в пользу тех, которые желание имеют учиться тому, что принадлежит до отправления при чужих дворах публичных дел, дома учить и изъяснять намерен»¹²³. Фактически Штрубе прорекламировал свои частные образовательные услуги. Ведь, как показал берлинский опыт Штрубе по обучению К.Г. Разумовского, преподавании российским дворянам можно было неплохо заработать, а также обзавестись дополнительными связями.

В.Э. Грабарь, комментируя данное объявление, отмечал, что «Штрубе задумал, таким образом, устроить у себя на дому дипломатическую школу для молодых людей благородного звания. Этой частной инициативы в деле

¹²³ Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Программа. С. 6.

подготовки будущих дипломатов нельзя не отметить, тем более что она на год опередила аналогичную инициативу известного международного-позитивиста Иоганна Якова Мозера... Образцом для Штрубе и Мозера, возможно, послужила основанная в Париже в 1712 г. племянником Кольбера, министром иностранных дел маркизом де Торси (de Torcy) политическая Академия, находившаяся в самом Лувре... Удалось ли Штрубе осуществить свою мысль, мы не знаем. Впоследствии, в 1765 г., была сделана еще одна попытка, на этот раз даже официального характера, по инициативе Екатерины»¹²⁴.

Деятельность частных пансионеров не так уж просто зафиксировать. Но сохранившиеся мемуарные источники свидетельствуют, что private ученики у Штрубе тогда появились. Граф А.Р. Воронцов писал в своих воспоминаниях, что в 1754 г. его отцу Р.И. Воронцову посоветовали определить его с братом Семеном «в пансион к профессору юриспруденции» Штрубе, который остался в памяти свидетеля как «чрезвычайно достойный человек». В 1756 г. братья Воронцовы были взяты из пансиона¹²⁵. Стоит полагать, что к 1754 г. у пансиона Штрубе уже сложилась известная репутация, привлекательная для детей сановников. Таким образом, влияние преподавательской деятельности Штрубе к 1750-м гг. явно вышло за пределы стен Академического университета. Можно предположить, что он поспособствовал распространению представлений о *естественном праве* среди правящей элиты. По крайней мере, упомянутые братья Воронцовы к началу 1760-х гг. разделяли взгляды Штрубе о важности *естественного права* для государственной деятельности¹²⁶.

Надо помнить, что у первого ректора Академического университета Г.Ф. Миллера было свое видение обязанностей профессора истории политической и юриспруденции, которое он отразил в проекте университетского регламента 1748 г. Миллер полагал, что *естественное право* должно преподаваться в рамках курса философии. По его мнению, в регламент следовало включить следующее положение: «А по ... штату Академии, к учению натурального права хотя определен особый профессор, однако за благо не разсуждено сию часть философии от прочих отделить, но паче усмотрено, чтоб учащихся не привести тем в замешательство, когда разные

¹²⁴ Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). С. 110.

¹²⁵ Воронцов А.Р. Записки // Русский архив. 1883. № 2. С. 234; Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 15.

¹²⁶ См.: Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов. К истории быта и нравов XVIII в. // Исторические записки. [Т.] 23. М., 1947. С. 115–117, 120; Архив князя Воронцова. Кн. 16. М., 1880. С. 15.

философические науки не по одним основаниям и порядку предлагаться будут»¹²⁷. Иными словами, Миллер, как отмечает Г.И. Смагина, «хотел бы видеть в Университете профессора юриспруденции, но считает излишним в силу специфики российских законов, преподавать этот предмет так, как его преподают в иностранных университетах. В России достаточно читать, по мысли Миллера, частную историю всех европейских государств и их политическое устройство»¹²⁸. Только далеко не все в Академии наук были согласны с таким взглядом на преподавание юриспруденции.

И.Д. Шумахер подверг критике предложения Г.Ф. Миллера: «Хотя философ в своем философском курсе и учит основаниям натурального права, только и сие изрядно, что и юрист натуральному праву учить станет и оно юридическим образом предлагать будет». Он полагал, что преподавание права будет бесполезно и для государственного управления в России, даже если это будет не изучение именно российского права: «По моему мнению надлежало бы в университете учить и основаниям права гражданского римского, однако я заподлинно ведаю, что государь император Петр Великий сам в некоторых случаях по оному праву судил». Очерчивая круг тех, кому преподавание юриспруденции в России было бы полезно, он писал: «Должно взять в разсуждение аудиторов при армии. Ежели им должность свою добросовестно исправлять, то по крайней мере всеконечно должны они несколько знать из иностранных законов. И не придет ли со временем на память и военной коллегии, чтоб в Академии сначала дать десять или двадцать студентов для обучения их в юриспруденции, чтоб были они после искусными аудиторами»¹²⁹.

Предложения Миллера и Шумахера ставили немаловажную проблему: следует ли преподавать *естественное право* в России как часть философии, или же как часть юриспруденции, и какое значение в России имеет преподавание юриспруденции? Миллер, не видя возможности или необходимости преподавания ее как таковой, не видел и особого смысла в сохранении преподавания *естественного права* в качестве ее теоретической основы, предлагая передать его изложение профессору философии. Шумахер, наоборот, отстаивая необходимость преподавания юриспруденции, увидел

¹²⁷ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. II. СПб., 1873. С. 139.

¹²⁸ Смагина Г.И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2007. С. 98. См. также: Смагина Г.И. Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2009.

¹²⁹ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. II. С. 139.

практическую пользу и в изучении *натуральных прав*, хотя довольно смутно представлял, кому последние могут пригодиться.

Штрубе также не согласился с миллеровским предложением об отмене преподавания *юриспруденции* в Академическом университете. В своих замечаниях он писал: «По какому праву и для какой причины из числа наук, которым во всех университетах обыкновенно учат, выключается юриспруденция, то, может быть, никто того не скажет, разве которой думает, что профессор юриспруденции в здешней Академии по его должности обязан толковать натуральные права, но сие и профессор философии показывать может». По его мнению, «Академия наша имеет теперь профессора, которой не токмо права натуральные, но и гражданския и публичныя толковать по контракту обязался». Прямо указав таким образом на собственные обязанности по преподаванию *прав гражданских и публичных*, а также напомнив очевидность пользы для государства изучения таких *прав*, он замечал: «Может быть, некто скажет, что ... не токмо нет какого корпуса, но наипаче нет наставлений или элементов прав российских, которые б студентам читать можно было. Правда, хотя их ныне нет, но кто подумает, что их и никогда не будет?» В связи с этим он полагал, что «в здешней Академии надлежало б наперед сочинить такие элементы, и сколь сие лехко и весьма полезно будет, то кто о том сомневаться станет?» Далее, отстаивая преподавание *юриспруденции*, Штрубе писал, что нормы *универсального гражданского права* «с правилами права натурального хотя и смешиваются, однако оное подлинно составляет особый род права, и особливо оное показывать достойно... Не иное что писать должно и о праве публичном универсальном».

Только после этого Штрубе счел возможным вернуться к вопросу о *естественном праве*: «Кто не ведает, что право натуральное весьма другим образом изъявляется от философа, а иным от юриста, ибо юрист употребление его в самых вещей доводах, которое обыкновенно называется прагматическое, с теориею изрядно соединяет, и тем самым показывает большую от того пользу»¹³⁰. В итоге при отстаивании своей позиции как преподавателя *юриспруденции* он проявил известную гибкость, особенно по сравнению с «Программой», признавая необходимость преподавания в рамках *юриспруденции* и *российских прав*, пособие для изучения которых он фактически вызвался написать. В то же время логику своих рассуждений Штрубе подводил к необходимости преподавания *естественного права* как теоретической основы *юриспруденции*.

¹³⁰ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 803. Л. 39 об. – 40 об.

Из-за критики, которой подвергся миллеровский проект, регламент так и не был утвержден, и Штрубе мог продолжить преподавать не только политическую историю, но и *юриспруденцию*. Он также не забыл и своего предложения о сочинении пособия для изучения *российских прав*. 10 декабря 1748 г. Штрубе обратился в Канцелярию Академии наук с доношением, где сообщал, что «во всех чужестранных университетах должность профессора юриспруденции в том состоит, чтоб он обучал гражданских прав». Он указывал, что в заключенном с ним контракте «точными словами изображено, что мне быть профессором гражданской, а при том и публичной и натуральной юриспруденции». По его мнению, «в Российской империи гражданского права древних римлян или какова-нибудь другого народа юношеству публично изъяснить неприлично». При этом он утверждал, что раз его должность «касается наипаче до гражданской юриспруденции», то «сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели наперед сочинено не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так и учащиеся во основание их упражнения полагать могли». Как результат, он заявлял о своей готовности «сие дело на себя принять» и завершить его за два года. За такой труд он также запросил прибавку к жалованию¹³¹.

Следует отметить, что ни в контракте 1738 г., ни в контракте 1746 г., которые были заключены со Штрубе, не было слов, что он должен быть «профессором гражданской, а при том и публичной и натуральной юриспруденции». В них он фигурировал как «профессор прав и политики» / «профессор юриспруденции, то есть прав натуральных и политики»¹³². Сам Штрубе, как видим, был готов трактовать должность «профессора юриспруденции» весьма расширительно. Так, 15 июля 1746 г., ознакомившись с контрактом, Штрубе объявил, что «вообще как порученною ему во оном должностию *профессора прав натуральных и гражданских* (выделено нами. – М.К.) и отправлением на время секретарской должности при академии ... весьма доволен»¹³³. Только вот в Академии сочли возможным не обращать внимания на такие тонкости. Приняв во внимание, что «его намерение не толико для академии, но и всему государству в пользу служить может», 14 декабря 1748 г. предложение Штрубе, включая и просьбу о прибавке, было одобрено. Последняя устанавливалась в размере 140 руб., а его годовой оклад должен был составлять 1000 руб.¹³⁴ Более того, распоряжением от 19 февраля

¹³¹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 244–244 об. МИИАН. Т. 9. С. 597–598.

¹³² МИИАН. Т. 3. С. 804–805. МИИАН. Т. 8. С. 144.

¹³³ МИИАН. Т. 8. С. 157.

¹³⁴ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 246 об. МИИАН. Т. 9. С. 598.

1749 г. Штрубе освобождался от должности конференц-секретаря, так как «снял он на себя сочинение приведения в порядок прав российских, что конечно не малаго труда и времени требует ... да к тому же он, профессор, и чтанием лекций в университете не мало обязан»¹³⁵. Таким образом, руководство Академии продемонстрировало свою заинтересованность в создании «краткого руководства к российским правам».

И.Д. Шумахер 17 июля 1749 г. сообщал в письме к Г.Н. Теплову: «Штрубе обещал совершить свой труд в два года»¹³⁶. В то же время 27 июля 1749 г. Канцелярия АН была вынуждена констатировать, что ей практически ничего не известно, в каком состоянии находится работа Штрубе над *кратким руководством*. От Штрубе было потребовано «что ... поныне зделано, оное объявить ему в канцелярии, да и впредь по прошествии каждого месяца что зделано будет в канцелярию объявлять неотменно»¹³⁷.

В августе 1749 г. Штрубе «просил академическую канцелярию о доставлении следующих, нужных для его работ известий: 1. В какой новгородской истории находятся ярославовы законы... 2. Потребна исправная копия законов великой княгини Ольги и великаго князя Владимира из Степенной книги и из других летописцов. 3. Известны-ли и имеются-ли еще какие другие старинные российские законы, изданные прежде и после Судебника царя и великаго князя Иоанна Васильевича. Потребна исправная копия императорских указов, или жалованным грамотам, данным в пользу чужих вер. 5. Потребна копия с указов, опубликованных о изгнании жидов и иезуитов»¹³⁸.

Уже 28 сентября Штрубе сообщал: «Я сего месяца начал публикованныя с 1725 года и в Академической канцелярской архиве находящиеся императорские указы проходить и выписывать годныя оттуда сокращения к сочиняемому мною введению в российские права. Ярославовых законов столь много переведено и протолковано, что недостает к тому ничего кроме некоторых исторических известий, но которые я скоро достать надеюсь»¹³⁹. А 2 декабря 1749 г., то есть почти через год после начала своей работы, Штрубе извещал Канцелярию, что он начал «собирать потребныя о браках материи, и для того стал сносить Кормчую с Номоканоном греческим Патриарха Фотия»¹⁴⁰. Еще летом 1749 г. Штрубе с подачи Шумахера обратился

¹³⁵ МИИАН. Т. 9. С. 666.

¹³⁶ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 680.

¹³⁷ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 247.

¹³⁸ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 680.

¹³⁹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 247, 249.

¹⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 252.

к «пунктам, которые проектировал» А.С. Сверчков¹⁴¹, активно работавший в уложенных комиссиях в 1720 – начала 1740-х гг. Впрочем, как считал Шумахер, сколь скоро проект Сверчкова не был утвержден, то он «немного послужит» для цели Штрубе¹⁴², ведь его больше интересовало законодательство как система, нежели отдельные проекты.

Как видно из привлекаемых материалов, Штрубе поставил перед собой довольно амбициозную задачу. Он решил изучить для своего сочинения историю российского права с момента его возникновения, а также элементы церковного права, связанные, прежде всего, с *браком*. Последнее вторжение в область компетенции духовенства весьма показательное: в *естественном праве* именно *брак* нередко мог трактоваться как самый первый договорный союз, созданный человеком. Впрочем, основа его работы должна была создаваться на базе актуального законодательства. С учетом того, что с момента издания Соборного уложения 1649 г. произошли существенные изменения в законодательстве, а к 1749 г., несмотря на предпринимаемые попытки Уложенными комиссиями, так и не удалось произвести его кодификацию, это означало, что Штрубе должен был фактически сам произвести ее.

В ходе работы над *руководством* в правовом статусе Штрубе произошли немаловажные изменения. 27 марта 1750 г. из Канцелярии АН сообщалось в Сенат, что Штрубе объявил о своем желании «остаться вечно в России, в подданстве Ея И. В.», в связи с чем требовалась соответствующая сенатская резолюция¹⁴³. Отметим, что Штрубе подал данное прошение вместе с другим немецким профессором – Г.Ф. Миллером. 23 апреля был получен сенатский указ, которым Миллеру и Штрубе разрешалось «по их желанию и обязательству в российскую службу вечно принять и привести к присяге». Последняя должна была состояться в «люторской кирхе»¹⁴⁴.

Принятие подданства едва ли чем могло помочь Штрубе в его работе, которая продвигалась не с той скоростью, на которую он рассчитывал. 18 июня 1750 г. в Канцелярии АН были вынуждены констатировать, что «и поныне в канцелярию им, профессором Штрубом, такого руководства не подано, также и неизвестно сколь далеко произошел сочинитель в сочинении онаго». В связи с этим предписывалось «Штруба отныне от обыкновенных лекций и от всех других трудов уволить, а упражняться ему токмо в сочинении частопоминаемого руководства, дабы оное мог он окончить к обещанному времени»¹⁴⁵.

¹⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 247.

¹⁴² Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 680.

¹⁴³ МИИАН. Т. 10. С. 355.

¹⁴⁴ МИИАН. Т. 10. С. 393–394.

¹⁴⁵ МИИАН. Т. 10. С. 440. СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 253 об.

Несмотря на такое «увольнение» от других трудов, 5 декабря он был вынужден констатировать: «Нашол я в том деле столко трудностей, которых мне вперед усмотреть невозможно было»¹⁴⁶. Таким образом, Штрубе не смог уложиться в отведенные ему два года. А 11 января 1751 г. состоялось распоряжение Канцелярии АН, которым предписывалось «ему, Штрубу, сочиненное им Краткое руководство к российским правам все, что им ни сочинено, немедленно подать». Выяснив, что «все сочиненное на-бело не переписано и переведено очень малое число», 29 января Канцелярия предписала Штрубе завершить работу в самые сжатые сроки, а переводчику В.И. Лебедеву – «с поспешанием оное переводить». Также Штрубе был извещен, что выплата прибавки в 140 руб. прекращается¹⁴⁷.

Уже 1 марта 1751 г. состоялось другое распоряжение за подписью президента Академии наук и бывшего ученика Штрубе К.Г. Разумовского, а также И.Д. Шумахера и Г.Н. Теплова. В нем заявлялось, что Штрубе «сочинения своего в Канцелярии объявил очень немало, но толко что на российской язык весма мало переведено». Кроме того, «Штрубе объявляет, что во оном сочиняемом им кратком руководстве, до того он дошел, что все до народного права касающиеся указы и статьи уже собраны и в надлежащей порядок приведены, и не осталось кроме того, чтоб толко их перевести на российской язык, и при том пополнить те материи, о которых ему поныне невозможно было сыскать в колегиях и канцеляриях приличныя оным указы и ведомости». Штрубе полагал, что еще «как для обучения юношества российской юриспруденции, так и для всеобщей государственной пользы весма б де нужно было собрать особливо все до государственного (или публичного) права касающиеся регламенты, уставы и инструкции». Соответственно, это требовало «еще много труда и иждивения». В итоге было принято следующее решение: «Понеже как сие уже начатое для пользы государственной нужнейшее дело без окончания оставить невозможно, то назначается время оному вновь предпринятому делу сверх краткого руководства для приведения во всеовершенной конец, чтоб могло и в свет выдано быть, четыре года». За это ему сохранялась годовая надбавка в 140 руб.¹⁴⁸

К 1755 г. Штрубе при помощи переводчика В.И. Лебедева смог завершить свою работу над *кратким руководством*, а 17 мая состоялось распоряжение Канцелярии АН, что с начала 1755 г. Штрубе уже не следует платить прибавку, а давать прежний оклад¹⁴⁹. При этом была дана довольно критическая оценка

¹⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 257.

¹⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 259–261 об.

¹⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 263–263 об.

¹⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 266.

труда Штрубе: «При точнейшем рассмотрении оказалось, что оная книга сочинена не тем образом, как он обещался и ее назвал, то есть кратким руководством, ибо в оной ничего более не учинено, как только под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочаго во всем их пространстве от слова до слова... почему упомянутая его книга к тому намерению, для которого приказано было ему оную сочинять, то есть российскому юношеству вместо краткаго руководства, явилась неспособною». Как результат, было определено работу «оную таким образом, как от него подано, в печать произвести за излишнее признано»¹⁵⁰. 23 мая сочинение Штрубе было помещено «в канцелярской архив для сохранения»¹⁵¹.

До некоторой степени высказанная претензия к сочинению Штрубе была справедлива: основную часть получившегося «Краткого руководства к Российским правам» составляли выписки из действовавшего законодательства, распределенные по разделам в соответствии с правовой логикой Штрубе. В этом сочинении он также написал и несколько теоретических глав, где объяснял, что такое *право*, и постарался сопроводить ряд глав теоретическими параграфами, которые предваряли собственно изложение российского законодательства. Более того, важной новацией была и сама структура «Краткого руководства», с помощью которой Штрубе попытался выстроить из нагромождения уставов, регламентов и указов и иных законодательных актов четкую систему российского права.

Данное сочинение Штрубе интересно не только как первая попытка составить учебное руководство по российскому праву. В нем должны были также отразиться те идеи и мысли, которые он высказывал во время своего преподавания ученикам. И, как видно из содержания «Краткого руководства», они были самым непосредственным образом связаны с современным *естественным правом*.

В первой части первой книги «О правах и о законах вообще, также о юриспруденции и о главнейших правилах при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых» Штрубе давал определение *праву*. По его мнению, право – это «сходство всякаго моральнаго или свободнаго действия со всеобщим человеческим сохранением и благополучием (выделено нами. – М.К.). И в том разуме есть то ж, что сходство онаго действия с законами». Соответственно, «чрез слово закон разумеются в собственном знаменовании те правила, которыя людям, в обществе живущим, чрез главу того общества даются или надлежащим образом объявляются, чтоб по ним располагать

¹⁵⁰ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 683.

¹⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 124. Л. 268 об.

и вершить все их дела так, чтоб оныя со *всеобщим сохранением и благополучием согласны были* (выделено нами – М.К.)». Итак, для человека ключевым оказывалось *всеобщее сохранение и благополучие*. Именно благодаря стремлению к сохранению и благополучию и возникло человеческое общество: ведь люди по своей природе «без взаимной помощи ни содержать себя, а меньше того благополучными быть могут»¹⁵².

Его первый вид – это *натуральное общество*, где «все люди между собою равны». Соответственно, «нет в нем ни какой другой главы, кроме самого Бога, которой по безконечной своей премудрости и всемогуществу мощен и властен управлять людей наисовершеннейшим образом». Такое управление, по Штрубе, следовало понимать отнюдь не как непосредственный разговор Бога и человека, как это было в случае с Адамом и Евой, или через Божественное откровение, с помощью которого Бог провозгласил всем людям заповеди, по которым им следовало жить. По мнению Штрубе, «хотя натуральному обществу Бог дал Сам нужные законы, однако к тому употребил самую человеческую натуру, то есть данную всякому человеку силу и способность, каким образом познать то, что собственной каждого пользе и всеобщему сохранению и благополучию рода человеческого прилично». При этом пояснялось, что такая *способность* «состоит не в одном в получаемом чрез искусство и разум познания, но наипаче и во природной склонности к добру и в отвращении зла, чего ради и содержание тех законов натуральным правом называется»¹⁵³.

Вторым видом общества было *гражданское*, созданное добровольно людьми, чтобы «можно было тем крепче содержать натуральной их союз, и тем сильнее себя оборонять противу нарушителей всеобщего покоя»¹⁵⁴. Уже переходя к законам, действующим в таком виде общества, Штрубе сообщал читателям, что «в гражданских обществах одному токмо иудейскому народу Бог дал сам писменные законы, из которых христианские государи приняли те, кои состоянию их земель и народов были приличными (выделено нами. – М.К.)»¹⁵⁵. Ветхозаветное откровение оказывалось лишь одним из образцов *гражданских законов*, которые можно было учитывать, а можно и не учитывать в зависимости от *состояния земель и народов*. Более того, Штрубе затем давал разъяснение, что «понеже как Спаситель наши и Иисус Христос, так и святые апостолы и святые отцы между правилами, к вечному

¹⁵² Кн. I. Гл. I. § 1–2, 6 (см. публикацию в настоящем издании).

¹⁵³ Кн. I. Гл. II. § 2.

¹⁵⁴ Кн. I. Ч. I. Гл. I. § 6.

¹⁵⁵ Кн. I. Ч. I. Гл. II. § 2.

блаженству принадлежащими, научили и таким, которые при том временному благополучию приличны (выделено нами – М.К.), то оныя еще причисляются к законам Божеским, которые в правоверных государствах исполнять должно»¹⁵⁶. Получалось, что Божественное откровение, прежде всего, вело к вечному – небесному – блаженству. Божественное откровение фактически лишалось статуса источника нормативности для права. Таким источником должно было стать *правильное понимание* человеческой *натуры (естества / природы)*. Соответственно, здесь проявлялась двойственность нововременного *естественного права* в итоговом определении источника нормативности. Конечно, с одной стороны, это было *естество* человека. С другой стороны, это естество надо было должным образом проанализировать с помощью *разума*. Без должных операций *разума*, приписывавшего соответствующие характеристике *естеству, естественное право* не могло возникнуть. Итак, создавались условия для утверждения господства *разума* с возможной перспективой для постановки вопроса о преодолении этого *естества* с помощью диктатуры *разума*.

Рассуждая по вопросу о соотношении *естественного права* и *гражданских законов*, Штрубе утверждал: «Понеже каждым законам должно показать и определить то, что членам общества для своего сохранения и благополучия делать или оставлять, что следует из сего, что в законе, которой сего имени достоин, не может содержаться ничего противного натуральной справедливости», то есть заявленного человеческого желания *сохранения* и *благополучия*. Однако Штрубе замечал, что необходимо учитывать и то, что приходится «иногда для общей пользы общее зло ... отвращать меньшим». Соответственно, «по законам дозволено быть может» то, что будет, на первый взгляд, противоречить *естественному праву*. Он утверждал по этому вопросу: «Тех законов, которые нечто строгое или неприятное в себе содержат, не должно почитать за противные натуральному праву, когда сия строгость необходимо нужна, и когда от намерения и действия закона отделена быть не может, напр., когда после прошедших указных лет не позволяется судом искать своего имени». Далее, продолжая свои размышления о соответствии *гражданских законов естественному праву*, Штрубе постулировал: «То, что по натуральному праву каждому дозволяется, в некоторых случаях столь далеко простирается, что оное с учреждением гражданских обществ состоять не может, напр., что каждой волен самому себе росправу чинить, то законы, которые то в надлежащие пределы заключают, не токмо справедливы, но и необходимо нужны». В то же время

¹⁵⁶ Кн. I. Ч. I. Гл. II. § 2.

он заявлял, что в случае, если «члены общества ожидаемой от онаго пользы получить не могут, то употребление натуральной их вольности позволяется, напр., оборонять себя против разбойника или убить ночного вора»¹⁵⁷.

Укажем на понимание Штрубе границ государственной власти. Он писал, что «живущие с начала в натуральном обществе люди для опасности, которую худое употребление безпредельной вольности в оном причиняла, принуждены были оное оставить и вступить в гражданския общества, то нимало не сумнительно, что они природную свою волность поручили таким токмо персонам, и, следовательно, им самим себя покорились, о которых совершенно уверены были, что чем больше их подданство и послушание, тем спокойнее и благополучнее будет и утвержденное на том правительство». Значит, «первые и древнейшие владетели получили такую власть над своими подданными, которая не токмо единственной особе поручена была, но и не имела никаких других пределов, как которые *натуральная справедливость и подлинное ея намерение*», то есть истинная цель основания государства, «ей *положили* (выделено нами. – М.К.), потому что каждой подданной мог ожидать от того полезнейших ему самому следствий, а такая власть названа для того монархией, то есть единоначалием или самодержавием»¹⁵⁸.

Как видно из данного пассажа, единственным *абсолютным* ограничителем власти оказывалась *натуральная справедливость*, которая находила свое выражение, прежде всего, в *общем благе*. Штрубе признавал, что существуют разные формы правления, включая и ограниченную *монархию*, где правители «*публичным некоторым правам следовать обязаны*»¹⁵⁹. Тем не менее, получалось, что наличие такого *публичного* ограничения было отнюдь необязательно при условии, что правитель соблюдает *общее благо*. Собственно, здесь должен был возникнуть логичный вопрос: что делать, если правитель нарушает *натуральную справедливость*? Следовало ли с ним поступать, как с *разбойником*? Штрубе не давал ответа на этот вопрос. Более того, он в принципе не поставил вопроса о правлении, которое может нарушать *натуральную справедливость*, предпочитая рассуждать только о том, каким должно быть управление в идеале.

После рассмотрения проблемы возникновения *права*, государства и *законов*, Штрубе перешел к вопросу о правах, которыми может обладать конкретная *персона*. Получившаяся в результате вторая часть первой книги «О правах, касающихся до персон» оказалась довольно новационной для

¹⁵⁷ Кн. I. Ч. I. Гл. V. § 2–3.

¹⁵⁸ Кн. II. Ч. I. Гл. I. § 1.

¹⁵⁹ Кн. I. Ч. I. Гл. I. § 6.

российского права, так как к середине XVIII в. в России не предпринималось попыток создать целостного законодательства о социальных статусах. Согласно Штрубе, *персона* – это «каждой человек в обществе гражданском, которой правам и законам того общества подвержен». Соответственно, *права персон* могли вытекать из *персональных свойств*, то есть как «из различия пола, лет и состояния душевного и телесного, так и из рождения, отечества или жительства и чести, ибо гражданския права в некоторых случаях различают персон мужеского полу от персон женского полу, малолетних от пришедших в совершенной возраст, безумных или дураков от разумных, законнорожденных от незаконнорожденных, также и природных или домашних от чужестранных, и честных людей от нечестных или шелмованных». Кроме того, они могли происходить из *партикулярных союзов*, таких как «супружество и фамилия, также и вольность и рабство»¹⁶⁰.

Одним из ключевых социальных различий в России, по Штрубе, оказывалось различие между *вольностью* и *рабством*. Важно подчеркнуть, что оно полностью соответствовало *естественному праву*: «Разность, которая является между людьми как в натуральном их состоянии, так и в имении, которое себе получили, была причиною, что убогие для своего содержания начали прибегать к сильным людям, и оным же к вспоможению и услуге самих себя подвергнули, откуда восприял свое начало чин господ и рабов или вольных и невольных людей». Раз так, то «рабство само по себе не противно ни натуральной справедливости, ниже христианству, ибо хотя люди как по своей натуре, то есть по естественному человеческому состоянию, так и по духовному своему соединению со Христом между собою равны, однако ж сие равенство никакого согласия не имеет с наружными их обстоятельствами и не уничтожает такого подчинения, которое невольным людям нужно и полезно». Исходя из этого, он утверждал, что «Российския права заключали рабство приличные токмо государственной пользе пределы и затем немалой похвалы достойны». При этом заметим, что он довольно широко истолковал понятие *неволи* для российских условий. По его логике, в состав *невольных людей* попадали «не токмо холопыя и крестьяня и другие задворные и деловые люди, также и те однодворцы и прочие прежних служб служилые люди, которые написаны в подушной оклад, но и посадские тяглые люди»¹⁶¹.

Таким образом, получалось, что с помощью *естественного права* вполне можно было обосновать и монархию, где воля правителя не ограничена никакими законами, и нахождение основной части населения страны

¹⁶⁰ Кн. I. Ч. II. Гл. 1. § 1, 3–4.

¹⁶¹ Кн. I. Ч. II. Гл. 5. § 1, 3.

в состоянии *рабства*. Рассуждения Штрубе были довольно яркой иллюстрацией, что непосредственно усвоение логики, предлагаемой *естественным правом*, отнюдь не означало автоматического провозглашения всеобщего равенства людей и их неотъемлемых прав, а также ограничения власти монарха законами в духе конституционализма XIX в. Как представляется, принятие логики *естественного права*, прежде всего, должно было привести к изменению источника нормативности, к которому следовало апеллировать и из которого можно было исходить в политической деятельности. Таковым оказывалось посюстороннее *естество*, а не трансцендентное Божество. Более того, происходило своеобразное смысловое «переворачивание», когда трансцендентному Божеству приписывали свойства и качества на основании понимания посюстороннего *естества*¹⁶².

Так или иначе, главное академическое сочинение Штрубе, над которым он работал более шести лет, так и не было опубликовано, что было явной неудачей. Конечно, он смог использовать те наработки по истории русского права при сочинении «Discours l'origine et les changemens des loix Russiennes», которое было прочитано 6 сентября 1756 г. в публичном собрании Петербургской Академии наук, а затем опубликовано как на французском, так и на русском языке в переводе С.В. Нарышкина¹⁶³. Это сочинение Штрубе вызвало интерес у некоторых европейских ученых. По крайней мере, 5 мая 1757 г. Г.Ф. Миллер писал в Канцелярию Академии наук: «Посланник при дацком дворе фон Корф просил меня черес письмо, что б я переслал к нему для некоторых тамошних его ученых приятелей четыре екземпляра речи господина професора Штруба о начале российских прав». В Канцелярии дали положительный ответ на эту просьбу, предписав выданные «безденежно» четыре экземпляра переплести «в золотую бумагу»¹⁶⁴.

Параллельно своей научной деятельности Штрубе продолжал преподавать *юриспруденцию*. Так, 18 марта 1757 г. Канцелярией АН было предписано «всем господам профессорам подать ведомость, в чем кто нынешней год

¹⁶² Упомянем в качестве примера такого переворачивания следующие рассуждения Г. Сент-Джона, виконт Болингброка из трактата «Идея о Короле-Патриоте»: «По природе человеческой и, следовательно, по воле творца сей природы» человек подчиняется закону, который «дан Богом всем людям непосредственно, он един для всех и для всех одинаково обязателен». Это – «всеобщий закон разума» (Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / Отв. ред. М.А. Барг. М., 1978. С. 203).

¹⁶³ Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоимениства ея императорскаго величества ... Елизаветы Петровны ... в публичном собрании Санктпетербургской императорской академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году. СПб., 1756.

¹⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 222. Л. 86, 87.

упражняться будет». В ответ на это Штрубе сообщал, что «обучать имеет гражданских прав вообще по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам»¹⁶⁵. Однако именно в 1757 г. академическая карьера Штрубе завершилась. Это было связано с тем, что он не пожелал участвовать в качестве переводчика при издании пропагандистской «Gazette de Saint-Petersbourg», публиковавшейся на французском языке в 1756–1759 гг. по предписанию Конференции при дворе Е. И. В. Одна из причин нежелания Штрубе участвовать в издании газеты заключалась в том, что он не хотел быть простым переводчиком, а желал оказывать влияние и на содержание публикуемых материалов. Кроме того, он полагал, что эта простая переводческая деятельность помешает его ученым занятиям. Как результат, к сентябрю 1757 г., Штрубе был уволен из Академии наук, хотя он не был согласен с таким решением¹⁶⁶. С этим увольнением преподавательская деятельность Штрубе не завершилась: он мог продолжать свои частные занятия. Например, князь А.Б. Куракин вспоминал, что в 1763 г. Штрубе занимался его воспитанием¹⁶⁷. Тем не менее, увольнение из Академии наук не в лучшую сторону сказалось на финансах Штрубе¹⁶⁸.

Вопросы пропаганды и поддержания положительной репутации России в годы Семилетней войны контролировались на самом высоком уровне. Так, в 1761 г. Г.Ф. Миллер получил от Конференции при дворе Е. И. В. за найденные в его сочинениях об истории России «непристойности ... жестокой выговор с приказанием, чтоб впредь такие сочинения» им «напечатаны не были». Встревоженный Миллер решил прибегнуть к покровительству и заступничеству секретаря Конференции Д.В. Волкова. Последний, несмотря на свою секретарскую должность, к этому времени был одним из творцов политики Российской империи. Миллер не без некоторого уничижения обращался к этому подьяческому сыну в письме от 20 апреля 1761 г.: «Слышав

¹⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 220. Л. 446, 474.

¹⁶⁶ Пекарский. П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 685–686; Volmer A. Presse und Frankophonie im 18. Jahrhundert: Studien zur französischsprachigen Presse in Thüringen, Kursachsen und Rußland. Leipzig, 2000. S. 204–205, 210–212; Коротков С.Н. Gazette de Saint-Petersbourg: издатели и читатели французской газеты в России // Петербургские чтения: Тез. докл. науч. конф., посвящ. 291-летию Санкт-Петербурга 23–27 мая 1994 г. СПб., 1994. С. 22–23.

¹⁶⁷ Куракин А.Б. Воспоминания о путешествии в Голландию и Англию (1770–1772) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3. М., 2008. С. 236.

¹⁶⁸ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 686. Возможно, с этим был как то связан факт продажи Штрубе своего деревянного двора с садом и разным надворным строением «на Васильевскому острову во второй линии между большою и малою перспективою» (Санктпетербургския ведомости. 1757. № 48. 17 июня. С. [7]).

сие, прибежал я к вам вчерашняго числа, а, не застав дома, не могу себя успокоить, пока либо персонально, либо сим писанием вашего высокородия не уверю, что со всяким повиновением я готов принять напоминания, в чем, может быть, я согрешил, и ничего больше не желаю, как дабы мои сочинения могли заслужить вашу апробацию, которую я почитаю весьма высоко». В связи с этим историографии заявлял: «Вашего высокородия проницательному разсуждению все свои сочинения охотно я подвергаю и покорнейше прошу, чтоб вы соизволили принять на себя труд прочесть мои исторические пиесы прежде напечатания. Тогда я надежен буду о всеобщей апробации оных, а я во всем буду следовать вашим наставлениям»¹⁶⁹.

В качестве примера одного из пропагандистских произведений, созданных в период Семилетней войны, укажем на небольшой рукописный текст, озаглавленный «Письмо возвращающегося из Немецкой земли Российскаго вояжира к офицеру при Российской Императорской армии. В Кенигсберге месяца октября 1758»¹⁷⁰. Он представлял собой черновой вариант перевода пропагандистского памфлета, опубликованного на немецком языке в 1758 г. в Кенигсберге¹⁷¹. Этот перевод выполнен на бумаге с филигранями «ГКС» – «граф Карл Сиверс», плюс «герб Сиверса (баронский)», а также только филигранью «ГКС»¹⁷², то есть на бумаге, изготовленной на Красносельской мельнице и продававшейся непосредственно в Петербурге. Таким образом, перевод данного памфлета, судя по водяным знакам¹⁷³, мог быть создан в 1760–1761 г. и уже в конце этого года после восшествия на престол Петра III утратить свою актуальность.

Это письмо открывалось следующим обращением к воображаемому адресату: «Вы без сумнения ... читали манифест Королевскаго Прусскаго Генерала Графа Доны против Российской Императорской армии ... в котором не устыдился он храбрыя наши войска называть разбойниками, хищниками и варварами»¹⁷⁴. Автор письма приводил ряд описаний жестоких и вероломных поступков со стороны прусской армии и самого Фридриха II, которые должны

¹⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 21 «Г.Ф. Миллер». Оп. 3. Д. 304/49. Л. 1–1 об.

¹⁷⁰ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

¹⁷¹ Schreiben Eines aus Teutschland zurückkommenden Russischen Reisenden an einen Officier bey der Russisch-Kayserlichen Armée. Königsberg, 1758.

¹⁷² СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Листы 5–6 и 7–8.

¹⁷³ Бар. К.Е. Сиверс получил графский титул в феврале 1760 г. Согласно С.А. Клепикову, в 1761 г. фиксировалась бумага, на которой литеры «ГКС» шли в сопровождении еще баронского герба. Однако уже в 1762 г. появляется бумага, на которой литеры «ГКС» сочетались с графским гербом. См.: Клепиков С.А. Филигрны на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. С. 20.

¹⁷⁴ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.

были доказать, что варварами как раз были сами пруссаки. Например, он задавал риторический вопрос: «Что побудило Его Королевское величество Прусское поступать немилосердно с Саксонскими подданными, которых принял он в свое сохранение? И чинили ли они после обещания в Августе месяце 1756 года о их защищении и безопасности какая неприятельская действия, для которых могли бы быть недостойными?», – после которого замечал следующее: «Однако в частые переходы туда и сюда Прусских войск осенью 1757 года почти ни одна зажиточная деревня в Саксонии избыла от платежа чрезвычайной и отчасти совсем непомерной контрибуции. Сие почти невероятно, в какой ненависти состоит побежденной народ, что в некоторых местах в Лаузице пашенные орудия в кучу собраны и сожжены были, дабы Саксонския собаки, которых скоро до смерти прибить за маловажное вменяли, по крайней мере в год без земледелия с голоду померли»¹⁷⁵.

В это «Письмо» были помещены и выпады против самого Фридриха II. Автор памфлета, в духе времени обращаясь к античным примерам, писал: «Александр Великий в первые свои походы против Дария щадил особливо вотчины Мемноновы, вернейшаго советника и полководца своего неприятеля». Однако «Герои не всегда постоянны», так что он «по взятии Газы велел храброго коменданта в награждение за оказанную верность своему Государю привязать к конскому хвосту и таскать около города». В связи с этим автор отмечал: «Древние писатели между собою еще не согласны, которое бы из обоих дел наиболее похвалить, ибо первое показывает большее великодушие и благороднейшия мысли, а другое по крайней мере подражание великому Ахиллесу, которого Омир за божественного, а некоторые токмо философы за бешенного вменяли». Поведение же Фридриха II в описании автора не оставляло места для рассуждений и сомнений такого рода: «Северной Александр, не взирая ни на какой пример, жжет вотчины перваго Министра наилучшаго своего друга Короля Польскаго, оставляя разсуждать о том свету»¹⁷⁶.

В завершении письма, указав на «грабления, паления и жжения», которые производили прусские войска, автор утверждал: «Ежели подражают в сем Прусаки предкам своим, Герулам и Вандалам, то делают они сие с меньшим, нежели те, благоразумием, ибо сии варвары не боялись, по крайней мере, сего, что у них в диких их жилищах не можно было сожечь ничего изряднаго во отмщение». Итак, получалось, что варварами были не российские войска,

¹⁷⁵ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Л. 8 об.–9.

¹⁷⁶ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Л. 9–9 об.

а пруссаки и их король, которые по своим поступкам оказывались достойными должного отмщения¹⁷⁷.

Именно в таких условия в 1760 г. в Петербурге выходят анонимные «Lettres Russiennes»¹⁷⁸. Их автором, как позднее выяснилось, был Штрубе. Это сочинение было самым явным образом направлено на улучшение репутации России. Только если «Письмо» было ответом на злободневные прусские памфлеты, то Штрубе решил вступить в ученую полемику с покойным автором «De l'Esprit des loix». Созданный Штрубе трактат до определенной степени был критикой описания России как *деспотии* у Ш.Л. Монтескье. Однако можно сказать, что российская проблематика стала для Штрубе лишь поводом, чтобы обсудить на основании его собственного понимания *естественного права* феномены *рабства* и *деспотического правления*. Таким образом, он смог проявить себя и как ученый, и как талантливый пропагандист.

В связи с этим необходимо прояснить следующее биографическое обстоятельство. Ряд авторов, со ссылкой на П.П. Пекарского, утверждает, что во время создания и публикации «Lettres Russiennes» Штрубе был сотрудником Коллегии иностранных дел¹⁷⁹. П.П. Пекарский, написав об обстоятельствах увольнения Штрубе из Академии, в новом абзаце сообщал: «Штрубе поступил потом на службу в коллегию иностранных дел, был там советником и в июле 1775 года ... получил чин статскаго советника»¹⁸⁰. Как видно из данного предложения, историк не указывал на точную дату перехода Штрубе в коллегию. Это понятно: имеющиеся у него на руках источники свидетельствовали только о том, что к 1775 г. Штрубе прослужил определенное время в коллегии. Таким образом, на основании сведений Пекарского никоим образом невозможно утверждать, что в 1760 г. Штрубе служил в Коллегии иностранных дел.

Согласно известным нам источникам, в 1760 г. Штрубе не был сотрудником Коллегии иностранных дел. К весне 1761 г. он именовался как «находящейся при Комиссии у сочинения Уложения профессор Штрубе», хотя профессором перестал быть еще в 1757 г., а к началу 1761 г. фактически не принимал

¹⁷⁷ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 188. Л. 11 об.–12.

¹⁷⁸ См. публикацию их перевода в настоящей книге.

¹⁷⁹ См., например: Rosso C. Mythe de l'Égalité et Rayonnement des Lumières. P. 128; Butler W.E. F.G. Strube de Piermont and the Origins of Russian Legal History // Russia in the Age of the Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga. L., 1990. P. 130–131; Плавинская Н.Ю. Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 158; Андрияйнен С.В. «Изобретение всеобщего добра»: идеологические основания деятельности графа П.И. Шувалова (1710–1762) // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. СПб., 2006. С. 44; Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 310.

¹⁸⁰ Пекарский. П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 686.

участия в работе Уложенной комиссии. Получается, что после увольнения в 1757 г. из Академии наук он так и не смог получить сколь-нибудь приемлемой для себя должности и, будучи уже подданным Елизаветы Петровны, едва ли мог рассчитывать на свободный выезд из страны. Скорее всего, именно непростая ситуация с трудоустройством, которая должна была отразиться и на его материальном положении, подтолкнула его к написанию пропагандистского сочинения. Сам факт, что «Lettres Russiennes» были напечатаны, указывает, что они были положительно восприняты при дворе Елизаветы Петровны. Не исключено, что именно благодаря этому Штрубе распоряжением Конференции при дворе Е. И. В. 25 мая 1761 г.¹⁸¹ был назначен секретарем с годовым окладом 1200 руб. при отправляющемся на Аугсбургский конгресс графе И.Г. Чернышеве, друге И.И. Шувалова.

Итак, Штрубе к 1761 г. окончательно завершил свою карьеру как профессор Академии наук и начал трудиться как чиновник внешнеполитического ведомства, не забывая при этом и свои правовые штудии¹⁸². Безусловно, его лекции способствовали распространению *юриспруденции*. В связи с этим следует упомянуть, что среди его университетских учеников был А.Я. Поленов, один из наиболее известных российских юристов второй половины XVIII в. Образование последнего отнюдь не ограничилось Академическим университетом: в 1762–1767 гг. он также изучал право в университетах Страсбурга и Геттингена¹⁸³. Однако именно Штрубе мог внушить ему начальный интерес к правовой науке, включая *естественное право*, хотя это и не означало, что Поленов во всем был согласен со своим бывшим профессором¹⁸⁴.

В то же время важно помнить и про успехи Штрубе как частного преподавателя. Благодаря своим приватным занятиям он оказался связанным

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1329 «Именные указы и высочайшие повеления». Оп. 1. Д. 100. Л. 97.

¹⁸² Так, в 1767 г. в типографии Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса был напечатан на французском языке учебник Штрубе по естественному праву, посвященный наследнику российского престола вел. кн Павлу Петровичу. См.: Strube de Piermont F.H. Introduction à la jurisprudence naturelle. St. Peterbourg, 1767.

¹⁸³ См.: Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. 146–155; Берелович В. Алексей Яковлевич Поленов в Страсбурге (1762–1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII–XX вв.). История науки и международные связи / Отв. ред. В. Берелович. М., 2002.

¹⁸⁴ В сочинении 1766 г. А.Я. Поленов, фактически полемизируя со Штрубе и другими сторонниками концепции о соответствии рабства естественному праву, заявлял: «О сем никто не будет сомневаться, что естественное право, от самого Создателя в сердца наши влияющее, для совершенства своего, причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию, также поверить не можно, разсуждая особливо по врожденной в человека к приобретению благополучия склонности и по непреодолеваемому стремлению к вольности» (Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. 1865. № 5. Стб. 517).

с представителями таких влиятельных российских семейств XVIII в., как Разумовские, Воронцовы и Куракины. И это только те, кто известны по упоминаниям в письмах и мемуарах. Благодаря таким ученикам *естественное право* получало возможность выйти за академические стены и начать обосновываться в *каморах* власти. При этом сам факт выбора профессора *юриспруденции* в качестве учителя для представителя отпрыска влиятельного семейства указывал на признание значимости данной дисциплины. Как результат, начинала работать логика развертывания, когда под влиянием представлений о необходимости знания определенных дисциплин семьями нанимались учителя, которые, в свою очередь, только укрепляли такие представления. Можно сказать, что здесь Штрубе оказался в нужном месте и в нужное время, чтобы ответить на появившийся спрос и придать ему дальнейший импульс.

Однако в 1754 г. произошло событие, которое резко выделило Штрубе из числа немногочисленных преподавателей *юриспруденции* в России: он был назначен членом новой Уложенной комиссии. Таким образом, у специалиста по *естественному праву* появилась возможность реализовать теоретические рассуждения в законодательной практике, оказав самое непосредственное влияние на *права* Российской империи.

§ 3. *Естественное право* и политика в России в середине XVIII в.

Еще Петр I в 1720 г. привлек для работы над новым Уложением иностранных специалистов, в том числе и обладавших юридическим образованием. Однако они не были юристами-теоретиками. Как подчеркивает Д.О. Серов, все они «не один год проработали в шведских административных и судебных органах и были не понаслышке знакомы со шведской системой законодательства»¹⁸⁵. Петра они интересовали, прежде всего, как практики, сведущие в законодательстве европейских стран и в конкретике его правоприменения, а не столько как *юриспруденты*.

Первая известная нам попытка привлечь ученого-юриста в качестве своеобразного эксперта относится к 1727 г. Член ВТС барон А.И. Остерман

¹⁸⁵ Серов Д.О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова / Отв. ред. Т.Е. Новицкая. М., 2012. С. 147.

20 февраля этого года написал президенту Академии наук Л.Л. Блюментросту: «Посылаю к вашему благородию Уложение наше старое, российское, которое изволите, приняв, отдать в академии профессору юрис, которому пристойно, чтоб он оное высмотрел и, по своему разсуждению и искусству, что к тому добавить и отменить надлежит, то б на то ремарки учинил и написал, и все то таким порядком повел, как я о том с вашим благородием пространно изсустно разговаривал»¹⁸⁶. Это обращение указывает, какое значение придавал Остерман *юриспруденции* как науке, полезной для управления. В то же время оно позволяет сделать вывод, что он не знал, что тогда в Академии был только один профессор права – И.С. Бекенштейн. Привело ли это обращение к каким-либо результатам, нам не известно.

В связи с этим следует указать еще на один небезынтересный факт. 12 апреля 1736 г. от имени Анны Иоанновны был опубликован манифест о войне с Турцией. В нем подданным объявлялось, что война была вызвана следующим: «Мы по натуральным правам и по положенному на нас от Бога о безопасности Наших Государств попечению, необходимо принуждены для обороны и защищения Государств и верных Наших подданных ... чрез оружие Государству и подданным Нашим ... надлежащую твердую безопасность на нынешние и предбудущие времена доставить». В качестве приложения к манифесту, который был довольно небольшим по объему (менее четырех страниц), было напечатано обширное письмо А.И. Остермана (почти 29 страниц), отправленное турецкому верховному визирю 12 апреля 1736 г. В нем, помимо прочего, заявлялось, что Анна Иоанновна, начав войну против Османской империи, поступила «по закону Божию и по всем светским и натуральным правам, так и по должности своей, яко Государь и Мать Империи»¹⁸⁷. Принимая во внимание особую роль Остермана во внешней политике, а также процитированный фрагмент письма, можно с полной уверенностью утверждать, что формулировка из манифеста об обязанности правителя по *натуральным правам* защищать подданных принадлежала Остерману. В то же время следует подчеркнуть, что, как и в «Разсуждении» П.П. Шафирова, отсылка к *естественному праву* в официальном документе приводилась лишь в связи с внешнеполитической проблемой.

В то же время о необходимости знания *естественного права* для внутреннего управления государством в той или иной форме высказался ряд

¹⁸⁶ МИИАН. Т. 1. С. 234.

¹⁸⁷ [Остерман А.И.] Копия с письма отправленного по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года. [СПб., 1736]. С. 3, 34.

государственных деятелей первой половины XVIII в. Так, А.Д. Кантемир в уже упоминавшейся первоначальной редакции сатиры «На зависть и гордость дворян злонаравных» в качестве упрека некоему дворянину высказал незнание им Г. Гроция и С. Пуфендорфа, а также «римских прав». В комментариях к их именам Кантемир привел некоторые сведения об этих *юриспрудентах*. Первый из них «был родом голландец из города Дельфт, муж остроумный, и в гражданском правлении и в делах политических не последний. Между прочими его издания книгами крайнюю у всех ученых принесла ему славу та, что под титулом: *О правах войны и мира*, в которой первый основательно изъяснил закон естественный». Второй был «историограф короля шведского, искуснейший нашего века человек в истории и политике; издал на латинском языке преизрядные книги, как-то: “Введение в историю”, которая переведена по-русски; потом под титулом: “О должностях человека и гражданина”... в которых содержится основание всего права естественного»¹⁸⁸. Впрочем, сам Кантемир с 1732 г., будучи сперва отправленным в качестве резидента в Лондон, а затем в Париж, где и жил до своей смерти в 1744 г., не имел больших возможностей для влияния на политику в России.

Близкую к А.Д. Кантемиру позицию занимал и В.Н. Татищев. В своем сочинении «Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах» (1730-е гг.) он утверждал: «Законов своего государства хотя всякому подзаконному учиться надобно, но шляхетству есть необходимая нужда». Подобная необходимость, по Татищеву, была связана с тем, что «шляхтич всякой по природе судия над своими холопи, рабами и крестьяны, а потом может по заслуге чин судии нести яко в войске, тако и в гражданстве». При этом *дворянину* следовало в завершении обучения праву «закона естественного правила учить»¹⁸⁹. В письме И.Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г. из Екатеринска (Екатеринбурга) Татищев делился впечатлениями от того, что «в присланном Академией каталоге напечатанных книг я увидел, что вновь печатаются узаконения, так называемое Уложение. Это в высшей степени нужное и полезное дело». Однако, по татищевскому мнению, «если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений». Предложив ряд правок, он замечал, что «как ради познания права, так и для удобства при составлении постановлений и законов», следовало «добавить и напечатать» несколько приложений к Уложению. Упомянул Татищев и про необходимость предисловия, где следовало «объяснить право монархов

¹⁸⁸ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. С. 373, 507–508.

¹⁸⁹ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 128.

издавать законы, хотя они имеют власть по своему усмотрению объявлять законы, устанавливать новые, исправлять или отменять старые, однако по своей милости и любви к справедливости они приказывают своим подданным подавать в этом деле советы и ради общего блага предлагать им сочиненные и исправленные законы». Существенным для законотворчества Татищев считал компетентность «пишущих о законах», которым «необходимо знать сущность естественного права, так как основанные на нем постановления не так легко допускают изменения или возможность иного их толкования»¹⁹⁰.

Схожие мысли о необходимости знания *естественного права* тем, кто создает законы, В.Н. Татищев высказал и в письме к В.К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г. из Екатеринска (Екатеринбурга). Сперва он довольно осторожно заметил: «О законах гражданских немного имею, что упомянуть, зане оные состоят во власти монаршеской». Но затем Татищев не удержался и добавил: «Государи наиболее повелевают оные сочинять людям искусным, которым нужно разуметь: 1) закона естественного основание; 2) законы гражданские своего отечества; 3) искусно быть в правописании и речей сложении»¹⁹¹.

Показательно, что в ходе своей государственной деятельности В.Н. Татищев попытался включить положение о привлечении *естественного права* при государственном управлении в законодательство. В первой главе проекта Горного и заводского устава, подготовленного комиссией во главе с В.Н. Татищевым в 1734–1735 гг. и направленного в Кабинет министров, от имени императрицы Анны Иоанновны утверждалось, что Главному заводов правителю следует «наиболее смотреть, чтоб всякий закон свое основание в законе естественном имел (выделено нами. – М.К.) и с природою Штата и порядков Российских согласовал, для которого Мы особливо НАШЕЙ Академии Наук повелели Пуфендорфа Право естественное и народное, також Гроция Право войны и мира перевести, и с потребными примечаниями и толкованиями, согласующему Штату и правам Российским, напечатать, дабы и неучившиеся мудрости суда могли от чтения свет себе по оному открыть»¹⁹².

В.Н. Татищев, понимая, что несколько поспешил с провозглашением о переводе трактатов Г. Гроция и С. Пуфендорфа, написал от имени комиссии в Кабинет министров показательный комментарий к этой норме: «О переводе Пуфендова и других тому подобных мы разсуждаем, что полезно. Однако ж

¹⁹⁰ Татищев В.Н. Записки. Письма. С. 214, 215.

¹⁹¹ Татищев В.Н. Записки. Письма. С. 227.

¹⁹² «Заводской устав» В.Н. Татищева // Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (154). К истории горного дела. М., 2003. С. 212.

оние без изъясненной таких, как написано, не весьма полезны, и оное написано токмо для памяти, ежели ее императорское величество за полезно принять изволит, а ко истолкованию оных при Академии люди способные обретаются»¹⁹³. Получалось, что без необходимых комментариев сочинения Гроция и Пуфендорфа оказывались «не весьма полезны». Вполне возможно, здесь проявлялся дальний отзвук событий междоусобия 1730 г.¹⁹⁴, хотя Татищев не высказал никаких сомнений о полезности и нужности *естественного права* как такового.

Факт, что В.Н. Татищев высказывал такие предложения, находясь отнюдь не в Сенате или Уложенной комиссии в Санкт-Петербурге, а в Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов в Екатеринбурге, указывал на их определенную периферийность для правительства. *Естественное право* как часть *юриспруденции* входило в набор дисциплин, которые по примеру европейских государств следовало изучать подраставшему поколению. Но петровский государственный механицизм, одухотворяемый политическим богословием, неплохо работал и без *естественного права*, вызывая к жизни ворох проектов о том, как надо совершенствовать механизм управления, а не о том, соответствуют ли *законы* основам *естественного права*. Последнее могло видаться части правящей элиты как образовательное украшение, а не как нечто нужное для изменения принципов государственного управления. В некоторых случаях А.И. Остерман в своей государственной деятельности мог обращаться к естественноправовым концепциям, однако открыто это проявилось только в документах, связанных с внешней политикой. И это вполне красноречиво указывало на полупериферийное место *естественного права* для основной части правящей элиты.

К середине XVIII в. ситуация стала меняться. Так, 11 марта 1754 г. граф П.И. Шувалов обратился к присутствовавшей в Сенате Елизавете Петровне с докладом, подтвержденным впоследствии императрицей и положившим начало учреждению Комиссии о составлении нового Уложения при Правительствующем Сенате. При этом императрица заявила, что следует при работе над Уложением «сочинить ясные законы и в том начало положить», а также о необходимости помнить «о временах и в них пременениях людей во обычаи и правах, по которым необходимо перемена законов быть должна»¹⁹⁵.

¹⁹³ РГИА. Ф. 468 «Кабинет Е. И. В.». Оп. 18. Д. 69. Л. 95.

¹⁹⁴ См. следующий параграф.

¹⁹⁵ Цит. по: Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. [Т.] 38. М., 1951. С. 220.

Принимая во внимание сведения о круге чтения Елизаветы Петровны, которая «была хорошо образованным человеком»¹⁹⁶, можно предположить, что в таких рекомендациях был какой-то отзвук усвоенных ей правовых идей, хотя данные пожелания были слишком обтекаемы и общи, чтобы указать на конкретный источник.

В июле того же года был утвержден состав Комиссии, в который вошли генерал-рекетмейстер И.И. Дивов, Юстиц-коллегии действительный статский советник И.И. Юшков, вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Ф.И. Эмме, статский советник Н.С. Безобразов, коллежский асессор В.И. Ляпунов, бургомистр Главного магистрата И.И. Вихляев, обер-секретарь Сената А.И. Глебов и профессор Академии наук Ф.Г. Штрубе де Пирмонт¹⁹⁷.

Приглашение в комиссию такого рода профессора Академии наук указывало на возрастающее значение *юриспруденции* для правящей элиты. Более того, уже одни из чиновников, назначенных в Комиссию, – Василий Иванович Ляпунов – также получил начальное юридическое образование. Он с конца 1736 г. по начало 1742 г. учился в Сухопутном шляхетном корпусе, где постигал основы «юриспруденции натуральной, сивильной и криминальной»¹⁹⁸. Будучи «выпущенным» из корпуса «к штатским делам в должность секретарскую», за более чем десятилетнюю гражданскую службу он должен был приобрести определенные познания и в российском праве. Впрочем, профессор Штрубе к 1754 г. уже более четырех лет трудился над своим «Кратким руководством», и в нем тоже видели как знатока действующего права, так и *юриспрудента*, способного упорядочивать и систематизировать законодательство на научных принципах, а где надо – предлагать изменения. И не случайно, что план нового Уложения было поручено составить Штрубе и Эмме, что было ими сделано с учетом штрубевского «Краткого руководства»¹⁹⁹. Как результат, уже 24 августа 1754 г. Сенат утвердил план нового Уложения²⁰⁰.

Среди основных новаций, которую следует связать именно с Штрубе и его «Кратким руководством», было предложение во второй книге нового Уложения написать «о таких правах, которые подданные в Государстве по разному

¹⁹⁶ Копанев Н.А. Книги императрицы Елизаветы Петровны // Книга в России XVI – середины XIX в. Л., 1990. С. 111.

¹⁹⁷ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще». С. 220.

¹⁹⁸ Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном корпусе. С. 139.

¹⁹⁹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Т. I. С. 684.

²⁰⁰ ПСЗ. Т. 14. № 10283.

их состоянию персонально принадлежат»²⁰¹. Уже к 1755 г. план был скорректирован, и вторая книга стала третьей²⁰². Работа первоначальным составом над третьей книгой проекта Уложения активно велась в 1758–1759 гг. и оборвалась в 1760 г., когда в Комиссии произошли значительные кадровые изменения²⁰³. В бумагах Комиссии сохранился проект третьей части, состоящий из 19 глав²⁰⁴. Этот документ, подготовленный, скорее всего, для подачи в Сенат или императрице, переписан хорошим почерком, после каждой главы идут подписи членов комиссии. К сожалению, в документе отсутствует дата составления, поэтому датировать его можно лишь приблизительно – 1759–1760 гг.

Первая глава «О разном состоянии подданных вообще» этой части открывалась следующими рассуждениями: «Все подданные в российском Государстве разнствуют друг от друга различным своим состоянием, а различное их состояние происходит от различия веры, полу, лет, рождения, разума и чинов». На основании этого члены комиссии сочли возможным утверждать: «Таким образом, разделяютца оные подданные на православных и иноверцов, на родителей и детей, на мужеской и женской пол, на припспевших до совершенного возраста и на мололетных, на разумных и на дураков, законнорожденных и незаконнорожденных, на дворян и купцов и разных крестьян, в вечном подданстве нашем состоящих и на приезжих всякого чина и достоинства волных людей, кои по капитуляциям и контрактом или для купечества и ремеслов в нашем Государстве временно обретаютца, а все оные подлежат по различному их состоянию приличным правам, о которых в нижеследующих сей третей части главах изъяснено, выключая принадлежащая мужескому полу перед женским особливия права, о которых в четвертой части показано»²⁰⁵.

Как видно, в основу таких норм были положены рассуждения Штрубе из его «Краткого руководства». Только составители проекта пошли по пути явного упрощения. Если Штрубе разделял *права*, проистекающие из свойств конкретной *персоны*, и *права*, проистекавшие из *партикулярных союзов*, то члены Комиссии решили не вдаваться в такие тонкости и классифицировали все население империи с помощью *чинов*. Не менее показательно и то, в проекте *дворянству* не было отведено специальной главы, хотя оно

²⁰¹ РГАДА. Ф. 248 «Сенат и его учреждения». Д. 2847. Л. 20. ПСЗ. Т. 14. № 10283

²⁰² РГАДА. Ф. 248 «Сенат и его учреждения». Д. 2847. Л. 257.

²⁰³ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще». С. 234.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 342 «Новоуложенные комиссии». Оп. 1. Д. 63. Ч. 1. Л. 3–152 об.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 342 «Новоуложенные комиссии». Оп. 1. Д. 63. Ч. 1. Л. 3–3 об.

фигурировало в перечне *чинов*. Это было связано с тем, что его авторы пошли по пути кодификации существовавшего законодательства. И здесь они следовали логике «Краткого руководства» Штрубе, в котором профессор систематизировал российское право без каких-либо предложений по его изменению. К тому же среди членов Комиссии не оказалось персон из числа творцов внутривластного курса правительства. Здесь находились исполнители-кодификаторы. Получалось, что Штрубе и Эмме произвели внешне новую структуру Уложения, ячейки которой затем следовало наполнить с помощью норм уже действовавшего законодательства.

В 1760 г. в работе Комиссии – и в содержании проекта Уложения – произошли существенные изменения. По предложению генерал-прокурора Сената князя Я.П. Шаховского 29 сентября 1760 г. в состав Комиссии были включены сенатор Р.И. Воронцов, ставшим ее фактическим руководителем, и князь М.И. Шаховской²⁰⁶.

Р.И. Воронцов в письме своему сыну Александру, находившемуся во Франции, сообщал, что «к сочинению Новаго Уложения выбран и определен первым, с теми преимуществами, что я к сему делу кого хочу, того избираю к себе в помощники. Сколько сие дело велико, столько я себя и вас счастливыми почитать должен, если оное с желаемым и ожидаемым успехом к окончанию приведено будет». В другом письме Р.И. Воронцов извещал сына, что «сочинение Новаго Уложения у нас скоро начнется, а я буду прилагать всякое возможное старание, чтоб оное вскоре и совершенно было. Теперь дело идет в том, чтоб собрать к этому делу надобных и способных людей, которых уже несколько и собрано. Князь Михайло Иванович Шаховской будет моим помощником, и он уже из Москвы приехал»²⁰⁷.

Когда новость о назначении Р.И. Воронцова дошла до Москвы, его младший брат И.И. Воронцов, живший в Первопрестольной, выказал самый живой интерес к деятельности брата. Уже 9 ноября 1760 г. Иван Илларионович из Москвы отослал в Петербург Роману Илларионовичу письмо со своими предложениями. Он обращался к старшему брату со следующими словами: «Для сочинения прав вы главным определены. Я по братству своему рекомендовать и удостоверить, что к облегчению вашему и в пользу к сочинению

²⁰⁶ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще». С. 225.

²⁰⁷ Архив князя Воронцова. Кн. 31. М., 1885. С. 50, 52–53. Назначение М.И. Шаховского в Комиссию, вероятно, было напрямую связано с тем, что он состоял в плотных деловых отношениях с семейством Воронцовых. Еще в 1759 г. И.И. Воронцов, хлопоча перед братом Романом по делам М.И. Шаховского, сообщал, что «он вас много почитает» (РГАДА. Ф. 1261 «Воронцовы». Оп. 3. Д. 129. Л. 102).

законов достойнее сыскат, немного найтить изволите». После этого брат Иван предложил брату Роману обратить внимание на князя Д.П. Цицианова, «которой ассесором в Вотчинной Коллегии, разумной человек, и вам он большую ползу окажет». Правда, с возможным привлечением в Комиссию Цицианова была следующая проблема: «Он самай бедной человек, имеет фамилию». В связи с этим Иван писал: «Ежели ему дано будет жалованье хотя сот по сти на год, что б мог пропитание иметь и оным себя в Питербурхе ему бедно содержать и фамилию, а при том хотя б и чин со временем дан был, дабы мысли свободу явить имел, и как оратор, зная наши права, исправить, в чем недостает (мог. – М.К.)». Продолжая превозносить качества бедного, но честного князя, Иван утверждал: «Я об нем довольно похвалы слышел от Василья Ивановича Ляпунова. Он господина Цициана всегда хвалил, и все умные люди, зная его чесность и разум, почитают и за разумнаго человека принимают. Вам весма нужен такой умной и знающей правы наши человек. Спросите у обстоятелных людей об оном господине Цицианове». Затем И.И. Воронцов рекомендовал брату другого чиновника, который, впрочем, еще с 1754 г. трудился над Уложением: «При том прошу и друга моего Василья Ивановича Ляпунова не оставить и его к себе для сочинения прав уговорить и требовать и его любить». После такой краткой рекомендации Иван вновь вернулся к персоне бедного князя: «А Цициану, ежели не можете по его бедности истребовать награждения до 1000 р. в год или хотя по 700 р. и чину, то пажалуйте его по бедности здесь, не замаите, дабы он не мог на вас нарекать, да иные, то из неволи свободно писать не может и сочинять, а надобно, чтоб удоволствован был и, свабодные мысли имея, писал, а не со оскорблением»²⁰⁸.

Воронцовская характеристика Д.П. Цицианова как «умного и знающего правы наши» человека имела вполне объективные основания. Цицианов, несмотря на свою бедность, смог получить весьма хорошее образование, в которое входили основы *юриспруденции*, включая и *естественное право*. Согласно аттестату, с которым он был «выпущен ... к штатским делам в должность секретарскую» 10 февраля 1742 г., Цицианов «обучался на своем коште физике експирементальной, слушал в академии наук лекции в юс-натур, в морали, в географии математической, Немецкаго и Российскаго языков», после чего 23 октября 1739 г. был принят в Сухопутный шляхетный корпус, где «обучил физику, юс-натуру сивильную и криминальную, и как сии науки так и универсальную историю и географию, такожде арифметику, геометрию и практику окончал весьма хорошо». Кроме того, он мог переводить на русский с немецкого, французского и латыни и был «весьма доброго

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 1261 «Воронцовы». Оп. 3. Д. 130. Л. 199–200.

и порядочного поведения»²⁰⁹. Интересно отметить, что Цицианов в корпусе обучался одновременно с В.И. Ляпуновым и был выпущен с ним в один день. Более того, когда 23 февраля 1742 г. кадетов экзаменовали в Академии наук, в том числе и по естественному, гражданскому и уголовному праву, лучшие знания показали именно Цицианов и Ляпунов²¹⁰. К концу 1760 г., дослужившись до коллежского асессора, Цицианов, как и Ляпунов, должен был приобрести и знания российского законодательства.

Р.И. Воронцов существенно обновил состав Уложенной комиссии. Из нее постепенно были «А.И. Глебов, Ф. Штрубе де Пирмонт, И. Вихляев. На их место в состав Комиссии были привлечены, по представлению Р.Л. Воронцова и Я.П. Шаховского, А. Еропкин, ландрат Сиверс, ассесор Ден, А. Квашнин-Самарин»²¹¹. И.И. Дивова, освобожденного от присутствия в Комиссии «за многотрудную по его чину должность», заменил советник Рекетмейстерской канторы А.А. Яковлев²¹². В то же время, несмотря на рекомендации брата Ивана, он не привлек к работе Комиссии Д.И. Цицианова. Впрочем, сам факт рекомендации двух лучших выпускников Сухопутного шляхетного корпуса, получивших основы юридического образования, которые затем зарекомендовали себя как знатоки российского права, указывал на возросшее значение *юриспруденции* для правящей элиты.

В связи с этим обратим внимание на не менее примечательную переписку Р.И. Воронцова с его сыновьями. После того, как А.Р. Воронцов получил письмо от своего отца о назначении его руководителем Уложенной комиссии, этот бывший ученик Штрубе написал: «Мне ни на минуту из головы не выходит комиссия, которую вам Сенат поручил, сколько чести щастливое окончание оного вам зделает». Как отмечал А.И. Заозерский, «верный усвоенным им воззрениям, он стремится, в согласии с ними, внести в дело свою посильную помощь». И эта помощь была весьма показательна. Александр писал своему отцу: «Ссылаясь на слабое мое знание натурального права, я имел разговоры о оном как с господином послом, так и з другими учеными людьми. Все мне подтвердили, что уложении никакие столько превосходны быть не могут, как те, которые сим правом основаны»²¹³.

²⁰⁹ Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном корпусе. С. 210.

²¹⁰ Летопись Академии наук: первые десятилетия // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 83.

²¹¹ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще». С. 225.

²¹² История Правительствующего Сената за двести лет 1711–1911 гг. СПб., 1911. С. 162.

²¹³ Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов. К истории быта и нравов XVIII в. С. 120.

А еще 24 января 1760 г., то есть до назначения Р.И. Воронцова руководителем Комиссии, его другой сын и также бывший ученик Штрубе – Семен – сообщал своему отцу из Казани, что во время своего пребывания в Москве доктор графа К.Г. Разумовского «самая лучшая нравоучительная книга мне уступил, между которыми одна есть, которая в многих государствах запрещена. Титул ея “*Esprit des loix*”. Тут *все натуральные права изъяснены* (выделено нами. – М.К.)». И затем он сообщал своему родителю: «Я бы очень желал, чтоб она была переведена на наш язык и чтоб вы могли ее прочесть. Как она ни велика, однако-б я ее перевел в Петербурге, ежели-б был сильнее в Русском языке, ибо она самага высокаго штиля»²¹⁴.

Помимо большого впечатления, которое «Дух законов» произвел на юного Семена Романовича, в данной истории обращает на себя внимание то, что С.Р. Воронцов до знакомства с доктором К.Г. Разумовского не знал об этом труде Монтескье. Более того, он не назвал имени ее автора. Скорее всего, ему попало в руки одно из первых изданий, которые были анонимными. Из этого можно сделать вывод, что он и не слышал о Монтескье как об авторе «Духа законов». Важно и то, что он пришел к выводу, что в этой книге, прежде всего, «все натуральные права изъяснены».

Факт столь уважительного отношения сыновей Р.И. Воронцова к *естественному праву*, включавшего и признание его важности для государственных законов, вполне можно объяснить соответствующим обучением у Штрубе. То, что подобные рассуждения велись в переписке с отцом, указывало, что и Р.И. Воронцов также имел представления об этом *праве* и что не мог не учесть его в ходе своей законотворческой деятельности.

Данное умозаключение подкрепляется материалами, связанными с работой Уложенной комиссии в то время, когда ее руководителем был Р.И. Воронцов. Когда 7 апреля 1761 г. в ней приступили «слушать» третью часть проекта, ее члены согласились исключить четвертую главу «О должности родительской» и определили по вопросу «обучения дворянства ... сочинить особую главу», которую следовало «согласить» с проектом И.И. Шувалова об образовании²¹⁵. К концу 1761 г. значительная часть третьей части проекта Уложения была завершена, в том числе и глава о дворянском образовании. Было решено, что она займет место прежней четвертой главы с сохранением названия «О должности родительской».

В основу главы был положен текст образовательного проекта, который И.И. Шувалов подал 3 ноября 1760 г. в Сенат. В этом проекте, помимо

²¹⁴ Архив князя Воронцова. Кн. 16. М., 1880. С. 15.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 342 «Новоуложенные комиссии». Оп. 1. Д. 42. Л. 111.

прочего, содержалось следующее заявление: «Первое блаженство ... государства состоит в достойных и способных людях, следственно, и воспитание должно почитаться за первое государственное попечение; от него зависит иметь достойных людей к правлению дел государственных и во все части, составлявшая онаго благополучие. Оно устанавливает наше сердце, волю, склонность, нрав и обычай; одним словом, приготавливает нас к добру, или злу, и от него много зависит быть полезным, или вредным своему отечеству»²¹⁶. Данные шуваловские рассуждения стали основой для первого пункта упомянутой главы. Комиссия сочла возможным передать мысли Шувалова следующим образом: «Важнейшая и нужнейшая часть общего благополучия состоит в пристойном воспитании детей, и для того должно оное почитать за первое г[о]с[у]д[а]рственное попечение, ибо оно устанавливает наше сердце, волю, склонность нрава и обычаи и истребляет всякое суеверие и приготавливает нас к доброму и к злу; чрез законное воспитание преобразуемся мы к *естественного закона правилам* (выделено нами. – М.К.), получаем должное усердие к своему отечеству, верность к Г[о]с[у]д[а]рю, попечение о подчиненных, повиновение к вышним, любовь к ближнему и к всему человечеству, похвальную ревность отменить себя от других каким полезным делом и всем тем, чем благо-учрежденные народы себя от других отменяют, и одним словом от воспитания единственно зависит быть полезным и вредным отечеству»²¹⁷. Итак, в отличие от Шувалова, Уложенная комиссия под руководством Р.И. Воронцова сочла необходимым указать, что частью воспитания было и обучение «естественного закона правилам». И в этом пассаже ничего не было сказано, например, о Божественных заповедях. Думается, что Р.И. Воронцов до известной степени проникся идеями *естественного права*, почему упоминание о его значении должно было попасть и в новое Уложение.

В связи с этим укажем на следующие рассуждения С.В. Андрияйна. Историк, характеризуя взгляды П.И. Шувалова, замечает, что «в его проектах постоянно встречаются высказывания о соответствии его идей законам “Божественному и естественному”». Само представление о наличии этих двух законов является несомненной отсылкой к идеям естественного права у Пуфендорфа»²¹⁸. Только вот в доказательство наличия таких постоянных

²¹⁶ В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. III. Ч. V. (июль–сентябрь). Смесь. С. 114.

²¹⁷ Проект 4-й главы «О должности родительской» третьей книги Уложения (1761) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. С. 339.

²¹⁸ Андрияйн С.В. «Изобретение всеобщего добра»: идеологические основания деятельности графа П.И. Шувалова (1710–1762). С. 88–89.

отсылку Андриянен привел лишь один шуваловский документ, а именно датированное 22 мая 1761 г. предложение П.И. Шувалова «О необходимости введения легковесной 32 руб. в пуде монеты, не взирая на возражения против этой меры, приведенные генерал-прокурором». Как явствует из названия, это предложение было ответом на другой документ, а точнее на представленные Сенату Я.П. Шаховским возражения на поданный П.И. Шуваловым проект о введении 32 руб. в пуд медной монеты. В этих возражениях Шаховской, подвергая критике излишне смелые финансовые рассуждения Шувалова, заявлял: «Как Божий, так и естественной закон, наши предопределения в неотменном исполнении совершенную надеждо уверять запрещает, а повелевает все начинающие и впредь начинать желающие дела осмотрительно с осторожностью производить, не утверждая неизвестного за известное»²¹⁹.

Именно в ответ на такую критику Я.П. Шаховского П.И. Шувалов и считал возможным поместить в свои рассуждения следующий пассаж: «Подлинно большому сомнению помянутое предпринимаемое дело подлежало, если бы хотя мало в чем противно было божественному и естественному законам, но как все его исполнение ни одному ни другому нимало и ничем не противно, а только расположение свое имеют на изобретенных по разуму человеческому способах и по верному исчислению, где не утверждается неизвестное за известное, но быть могущее основательно доказывається»²²⁰.

Таким образом, утверждение С.В. Андриянена о *постоянно* встречающихся в проектах П.И. Шувалова отсылках к законам «Божественному и естественному», не говоря уже о том, что это должно было быть *несомненной* отсылкой к идеям Пуфендорфа, вряд ли является обоснованным. *Единственная* такая отсылка была спровоцирована соответствующим выпадом Я.П. Шаховского. Тем не менее, сам факт появления отсылок к *естественному закону* во время спора в Сенате в 1761 г. также указывал на возросшее значение *естественного права* для представителей правящей элиты. Тем более, что, по свидетельству австрийского посла Ф. Мерси Аржанто, в Сенате к концу 1761 г. наибольшим авторитетом пользовались именно генерал-прокурор Я.П. Шаховской и сенатор Р.И. Воронцов: «Эти два лица обыкновенно склоняют на свою сторону голоса других членов

²¹⁹ 1761 год. *Предложение генерал-прокурора Правительствующему Сенату.* – Возражения генерал-прокурора против проекта гр. П.И. Шувалова о введении 32 руб. в пуд медной монеты // Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования Императрицы Елисаветы I и Императора Петра III. Т. I. СПб., 1896. С. 256.

²²⁰ 22 Мая 1761 года. *Предложение гр. П.И. Шувалова, представленное в Правительствующий Сенат.* – О необходимости введения легковесной 32 руб. в пуд монеты, не взирая на возражения против этой меры, приведенные генерал-прокурором // Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования Императрицы Елисаветы I и Императора Петра III. Т. I. С. 259.

Сената»²²¹. Шаховского и Воронцова, помимо прочего, могли объединять и какие-то общие идеи, связанные с представлениями о значении *естественного права* для государственного управления.

На рубеже 1750–1760-х гг. проблематика *естественного права* появляется и в публицистике. С 1755-го по 1764 г. Академией наук издавался научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (за годы издания его не раз переименовывали). В июльском номере за 1759 г. было напечатано полемическое сочинение князя М.М. Щербатова «О надобности и о пользе градских законов». Он направил свою критику на тех, кто «думают, что законы суть токмо вымысел честолюбивых людей, дабы чрез оное установить власть свою, и равных себе взять в неволю, под видом старания о благополучии их, и в противность природного права; также мнят они, что по природному закону каждой быв властитель сам, имел бы с другими людьми токмо дружеское, или на нужде основанное сообщество, отец бы воспитывал детей своих в добродетели, и истребил бы в них все семена пороков, которые бы, как пришли в совершенной возраст, от родителей более не зависели, как токмо по единому признанию и благодарению за рождение и воспитание; ни тот бы ни другой по их мнению друг другу обиды сделать не смел; ибо каждой быв неподвластен мог другому войну объявить, и обиду свою оружием отомстить, чтоб довольно препятствовало всем наглостям»²²².

М.М. Щербатов разделял идеи о существовании *естественного права*, которое находилось в основе человеческих взаимоотношений. В частности, он указывал и на базовую норму этого права: «*Не делаю другому, чего себе не хочешь*»²²³. Он также разделял и идею о том, что при объединении в сообщества люди должны ограничивать часть своих *естественных вольностей* и, соответственно, создавать для регуляции взаимоотношений *гражданские законы*. Щербатов утверждал, что «есть ли бы не было законов и власти, ... друг противу друга в опасности живя, не было бы и приятств, ни дружбы, ни удовольствия сообщества, и были бы люди, как скоты, или и еще хуже. И так все спокойства, происходимое веселие от сообщества, приятности дружбы, безопасность жизни, имений, и самая наши сластолюбия от законов и от власти имеем»²²⁴.

²²¹ Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. Т. XXVIII. СПб., 1880. С. 770. Доношение датируется 11 ноября 1761 г.

²²² Щ[ербатов М.М.] О надобности и о пользе градских законов // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. 1759. Июль. С. 44–45.

²²³ Щ[ербатов М.М.] О надобности и о пользе градских законов. С. 43. В черновом варианте М.М. Щербатов предложил еще один вариант данной нормы: «Не делай другому, что не хочешь, чтоб сделали тебе» (ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм228. Л. 40).

²²⁴ Щ[ербатов М.М.] О надобности и о пользе градских законов. С. 54.

В подобных рассуждениях М.М. Щербатова довольно отчетливо проявилась двойственность концепций *естественного права* раннего Нового времени. В них могли содержаться как призывы о необходимости утверждения правил взаимоотношений на основе *естества / природы* человека, так и требования об ограничении ее проявлений посредством уже *гражданских*, то есть сотворенных человеческим обществом *законов* во имя прекращения анархии *естественного состояния* и достижения общего благополучия. К середине XVIII в. в сочинениях в духе Болингброка или Ж.-Ж. Руссо высказывались и иные представления о *естественном состоянии*. Возникал образ *доброго дикаря*, испорченного цивилизацией, который подводил к мыслям о возврате к благодетельному *естественному равенству*. Так что Щербатов был вынужден не столько обосновывать концепцию *естественного права*, сколько уже защищать идею *гражданских законов* от ошибочного и вредного, по его мнению, понимания такого *права*.

В том же 1759 г. в России начинают издаваться два первых частных журнала – «Праздное время в пользу употребленное» и «Трудолюбивая пчела». На страницах последнего его издатель А.П. Сумароков поместил свое утопическое произведение «Сон, щастливое общество», где описал «мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может». Говоря о законодательстве этого *общества*, он замечал: «Книга узаконений их не больше нашего Календаря, и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается тако: ЧЕВО СЕБЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОВО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ. А оканчивается: ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДОЯНИЕ А ЗА БЕЗЗАКОНИЕ КАЗНЬ. Права их от того в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны»²²⁵.

Такая мечта о своде идеальных законов, начинавшихся и завершавшихся типичными естественноправовыми формулировками, вполне соответствовала мыслям о *естественном праве* как о практической науке, знание которой необходимо законодателю. При этом следует заметить, что, по А.П. Сумаро-

²²⁵ С[умароков] А. [П.] Сон, щастливое общество // Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 738, 742. Несмотря на возможные моралистические коннотации, данная формулировка про *воздаяние* и *казнь*, помещенная в книгу гражданских законов, подразумевала конкретное правовое содержание. В связи с этим заметим, что на рубеже 50–60-х гг. XVIII в. как в публицистике, так и в законотворчестве актуализировалась проблема законодательного закреплением карьерных преимуществ дворян, получивших хорошее образование, то есть вознаграждения *добродетельных* по сравнению с *ленивыми*. См.: Киселев М.А., Лысцова А.С. Проблема дворянского образования в публицистике и в правительственной политике Российской империи на рубеже 50-х и 60-х годов XVIII века // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX вв. (в печати).

кову, суждения об основании законов на *естественном праве* едва ли означали возвращение к *естественному равенству*. Тут он был вполне близок к отмеченным мыслям М.М. Щербатова²²⁶.

В феврале 1762 г. президент Академии наук К.Г. Разумовский дал разрешение на публикацию сатир А.Д. Кантемира, которые затем были напечатаны тиражом 1200 экз.²²⁷ В качестве предисловия к ним было помещено описание кантемировской биографии. Его автор так характеризовал политические взгляды Кантемира: «Политика, по его мнению, состоять должна наипаче в том, чтоб способствовать благополучию народному, и имя Государя долженствует в себе заключать знаменование Отца народа. Пользе как Государей, так и народной, всегда надлежит клониться к одному намерению; и когда Государи доставляют себе покой и безопасность кровию подданных, то они нарушают *законы натуры и правления* (выделено нами. – М.К.), почитая оную за средство к удовлетворению их честолюбия. На сих правилах Князь Кантемир утверждал свою политику». И здесь автор восклицал: «Благополучны бы были народы, естли бы сии правила наблюдаемы были во всех Государских советах!»²²⁸

Важно подчеркнуть: автор этой биографии дал характеристику Кантемира и как христианина. По его словам, «он был строгой наблюдатель Христианского закона, и для сего читал наилучшия книги, касающиеся до веры и благочестия, признавая, что Философия приводит человека к добродетели только словами, а Христианской закон самым делом путь к ней показывает»²²⁹. Получалось, что в *обществе* взаимоотношения людей должны были регулироваться на предписаниях, восходящих к *естественному праву*, которое, как указывал М.М. Щербатов, должно было при этом ограничиваться соответствующим образом. В то же время *Христианский закон* постепенно вытеснялся из сферы правовой нормативности в сферу морали и личного спасения.

Принимая во внимание все вышесказанное, становится вполне понятным и появление отсылки к *естественному праву* в «Обстоятельном Манифесте» о восшествии Екатерины II от 6 июля 1762 г. В нем утверждалось, что Петр III «возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога установлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала, для собственного его угождения». Прежде всего, это вырази-

²²⁶ Ср.: Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. VI. С. 186–187.

²²⁷ Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Вып. 3 / Отв. ред. П.Н. Берков. М.; Л., 1958. С. 199.

²²⁸ Житие Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 10.

²²⁹ Житие Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 9.

лось в том, что «не имел ... в сердце своем следов Веры Православной Греческой ... коснулся перво всего древнее Православие в народе искоренять своим самовластием». Однако затем заявлялось, что «по таковому к Богу неусердию и презрению закона Его», то есть к православию, Петр III «презрел ... и законы естественные и гражданские», так как не захотел публично объявить сына Павла наследником, «а вознамерился или вовсе право ему преданное от Тетки своей испровергнуть, или Отечество в чужия руки отдать, забыв правило естественное, что никто большого права другому дать не может, как то, которое сам получил»²³⁰. Поскольку Божественные законы – это, прежде всего, предписания, связанные с церковью, а светские властные отношения регулируются законами естественными и гражданскими, постольку последние выступали уже как самостоятельный источник нормативности, который более не нуждался в подкреплении отсылкой на соответствующее утверждение из Божественного откровения, как это было в «Правде воли монаршей». И если по «Правде воли монаршей» правитель, будучи подотчетен только Богу как судие, имел Божественную санкцию на распоряжение государством по своей воле, даже злой, то теперь он лишился его по *правилу естественному*.

Проблема оправдания сопротивления власти была, конечно же, весьма сложной. В «Обстоятельном Манифесте» было написано, что «ни единого в народе уже не оставалось, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его, и кто бы не готов был на пролитие крови его». Но также и указывалось, что «заповедь Божия, которая в сердцах НАШИХ верноподанных обитает к почитанию Власти предержащей, до сего предприятия не допускала, а вместо того все уповали, что Божия рука сама коснется и низвергнет утеснение и отягощение народное, его собственным падением». Автор вроде бы и пытался рассуждать в духе «Несть власти не от Бога», предоставляя последнему действовать во время смены власти, однако, как известно, «Божия рука» так и не решила коснуться Петра III, так что перед автором (авторами) «Обстоятельного Манифеста» встала проблема выбора наиболее допустимого описания выступления Екатерины против своего мужа и государя. В документе заявлялось, что Екатерина была вынуждена действовать, отдавая себя «или на жертву за любезное Отечество, которое от НАС то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайняго кровопролития». Соответственно, «вооружая силою руки Господней, не успели МЫ только согласие Свое объявить присланным к НАМ от народа избранным вернопод-

²³⁰ Указы ... императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской. Состоявшиеся с ... 28 июня, 1762 по 1763 год. М., 1763. С. 14–15.

данным, тотчас увидели желание всеобщее к верноподданству, которое НАМ все чины Духовные, Военные и Гражданские всеохотнейшею присягою утвердили». Итак, «рука Господня» хотя и появилась, но сама она не действовала, а предоставляла некую *силу* Екатерине, а появившиеся «от народа избранные верноподданные» были движимы, согласно этому описанию, отнюдь не Божественной волей, а возмущением недостойным поведением и политикой Петра III ²³¹.

Заметим, что здесь до известной степени повторялась логика манифеста о восшествии на престол Елизаветы Петровны, изданном 28 ноября 1741 г. В нем, после объяснения справедливости династических притязаний Елизаветы на престол, акт смены правителя описывался так: «Видя такие во время того младенца ... происходящая к крайнему Нашего Государства разорению и крайняя же разными образы подданным Нашим утеснения и чаемые как внутренние Империи Нашей, так и внешние неурядки и беспокойства, и впредь худыя следствия, и будучи уже и сами Мы ... в крайнем опасении, для пресечения всего того, помощью ... Бога, и по всеподданнейшему к Нам всех наших верноподданных ... прошению, Родительский Наш Престол Восприять соизволили»²³². Подобное описание вполне вписывалось в логику петровского механицизма, когда необходимо было лишь заменить определенный элемент в аппарате управления, чтобы он снова начал функционировать должным образом во имя *общего блага*. И такой механицизм отнюдь не затрагивал вопроса о Божественных основаниях власти. Сам факт прошения *верноподданных* в елизаветинском манифесте отнюдь не противоречил возможному политико-богословскому обоснованию ее восшествия. Известная еще в Московском царстве формула «глас народа – глас Божий» подразумевала, что это именно Бог действует через людей при избрании правителя²³³. Та же «Правда воли монаршей»

²³¹ «Когда все Отечество к мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, он паче и паче старался умножать оскорбление развращением всего того, что ... ПЕТР ВЕЛИКИЙ ... в России установил... а именно: Законы в государстве все пренебрег, судебныя места и дела презрел и вовсе об них слышать не хотел, доходы государственные расточать начал бесполезными, но вредными государству издержками, из войны кровопролитной начинал другую безвременную и государству Российскому крайне бесполезную». См.: Указы ... императрицы, Екатерины Алексеевны. С. 16–18.

²³² ПСЗ. Т. 11. № 8476. С. 543.

²³³ См.: Bugrov K. Religious Legitimation of Monarchy in 18th century Russia // European Journal of Science and Theology. 2016. Vol. 12. № 4. Такое действие Бога через людей помимо их воли было следующим образом представлено в соборном определении об избрании Бориса Годунова на царство в 1598 г.: «Мнози бо и не хотяще приидоша, в не же звании быша от Бога: не вы бо действующее сия, но творяй в вас Дух святыи» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 39).

схожим образом изображала избрание правителя как результат действия Божественной воли через народ.

В отличие от этого, в предложенной «Обстоятельным Манифестом» логике Бог как источник власти превращался из Господа-вседержителя, который Своим чудесным вмешательством был способен творить политику, в деистического Творца, установившего *естественные законы*, которые теперь вместо Него должны были регулировать человеческие взаимоотношения, и, соответственно, люди с помощью *разума* могли оценивать соответствие действий власти таким *законам*. И – немаловажно подчеркнуть – описание было помещено в официальном документе, который должен был объяснить важнейшее и экстраординарное государственное событие – насильственную смену одного монарха другим.

Таким образом, к 1762 г. для части правящей элиты Российской империи *естественное право* перешло из области ученых теорий, которые рассматривались как возможный и допустимый элемент европейского образования, в сферу действенных политических языков и концепций, используемых при обосновании и направлении своей деятельности. Отсылки к *естественному праву* переставали выглядеть как внешние украшения, призванные наравне с носимыми париками доказывать *политичность* России. Теперь к нему обращались вершители судьбы империи при создании нового законодательства, а мыслители дум были готовы им как напоминать о необходимости *естественного права*, так и предлагать его правильные прочтения.

§ 4. Естественное право, власть и ее границы

Дому Твоему подобает святыня,
Господи, в долготу дней (Пс 92.6)

В 1726 г. на русском языке был впервые напечатан трактат, который в полной мере содержал рассуждения в духе нововременного *естественного права*, – «О должности человека и гражданина по закону естественному» С. Пуфендорфа. Свои рассуждения о *естественном праве* ученый начинал так: «Каковое закона естественного состояние, какая нужда, и какими оный уставами в сем человеческом жителстве содержится; явственно познаем, аще естество и природу человеческую прилежнее рассмотрим». Такое *рассмотрение* привело автора к следующему умозаключению: «Человек есть

животное, хранить себя зело тщливое, чрез себесамого бедное, без помощи подобных себе хранить себе не могущее, и к взаимным пользам зело способное. И то же самое есть и злобное, своевольное и удобнораздражительное, и ко озлоблению другого склонное и сильное». Отсюда, «да бы он мог себе сохранить, потребно есть оному быти содружну, то есть, да бы до подобных себе присовокуплялся, и с оными да бы тако поступал, что бы и они правильной не возымели причины, для чего бы его озлобляти: но паче да бы его хранили, и полезная его умножали»²³⁴.

Подчеркнем, что при описании *природы человека* Пуфендорф фактически проигнорировал возможность обращения к библейским текстам с их отсылками к созданию человека по образу и подобию Божию: человек описывался как некое *животное*, хоть и обладающее разумом. Именно из описания *природы человека* Пуфендорф выводил свое понятие *естественных законов*: «Содружества законы, которые начинают како кто себя управлять должен: да бы полезный член содружества человеческого был». Главным – *основательным* – *естественным законом* определялось следующее: «Да бы всяк человек, елико может имел и хранил содружество». По Пуфендорфу, «все что до сохранения онаго содружества всеконечно есть потребное, тое законом естественным установлено, а что оное возмущает и прерывает, тое возбранено тем же законом. Прочия же заповеди суть токмо аки подпомога сим общим законом, которыя сам разум естественный человеком природный покажет»²³⁵.

Когда же С. Пуфендорф счел необходимым вернуться к фигуре Бога, отмечая, коль скоро именно Он «своим промыслом вся управляет, и яко от Него роду человеческому положено, дабы таковыя ума объявления, аки законы от самого Его силою природнаго ума объявленные сохраняли», то настойчиво утверждал: «Содружеское житие БОГ человеком повелел, явно есть отсюду, что ни в коем паче животном чувство Богопознания и страха Божия обретается, котораго животная беззаконная не имеют. От чего родится самое природное чувство в умах человеческих не весьма поврежденных, имже познают, что егда против закона естественнаго погрешают, раздражают того, который имеет власть над умы человеческими». *Юриспрудент* также сообщал своим читателям, что распространенное убеждение, что «таковый закон по естеству ведом есть», отнюдь не следует понимать так, что «аки бы в умах человеков раждаемых обреталися действительная разделенная предложения, что творить, и чего беречися»²³⁶.

²³⁴ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 57, 65–66.

²³⁵ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 66–67.

²³⁶ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 70–71.

Естественные законы отнюдь не были врожденными идеями, считал ученый, они появлялись по той причине, что отчасти «оное светом разума постигнути человек может: частию же что общия и нужнейшия главы закона естественнаго, тако ясны и явственны суть, что абие на оныя согласовати человек может». Оттого Пуфендорф дал толкование и тому, что «в священном писании на сердцах человеческих написан быти закон той глаголется», то есть новозаветного «вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их» (Евр. 8:10). Пуфендорф утверждал, что мнение о зафиксированности *естественных законов* «на сердцах человеческих» происходит от того, что «егда из младенчества по обыкновению жития гражданского, ум в оных чувствованиях обучается: И воспомануть не возможно того времени, когда тое первее изучили. И неинако о оном познании рассуждаем, яко, аки бы оное с нами и родилося, что и оговорке своей общей рассуждать приключается»²³⁷. Парадоксальным образом, несмотря на упоминания роли Божественного в сотворении *естества* и выводимых из него *естественных законов*, Пуфендорф фактически уходил от аргументации с помощью слов Божественного откровения. Более того, последние истолковывались с помощью логики *естества*. В итоге получалось, что если убрать фигуру Бога в том или ином варианте (представив его деистическим Творцом, который по сотворении мира и его законов перестал вмешиваться, или даже встав на позицию *атеизма*), то *естество* как отправная точка рассуждений осталось бы, равно как и выводимые из него положения, следование которым обещало пользу, а игнорирование, соответственно, вред.

Показательно, что, рассуждая об основах *должности* человека «до инных человеков», С. Пуфендорф фиксировал, что она «от благочестия и страха Божия происходит, тако что содружен не был бы человек, аще бы не был обучен Богознания: и яко самое рассуждение в Богознании далее поступати не может, кроме того что надлежит и помоществует к получению тихомирнаго и содружнаго сего жития». И затем он отмечал: «Богопознание ко спасению души приводит, и от собственного Божия откровения происходит. Должности же человека до себе самага от Богопознания и *содружества* (выделено нами. – М.К.) совокупно происходят: И для того не все по своей единого воли человек, что до его самага надлежит определять, может, частию яко есть почитатель угодный БОГА, частию же да бы полезный и потребный член содружества человеческого мог быти»²³⁸.

²³⁷ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 71–72.

²³⁸ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 74.

Переходя к рассуждению о должности человека к Богу, С. Пуфендорф говорил, что самое первое долженствование – это без каких-либо сомнений признавать сам факт существования Бога. По этому вопросу он замечал, что этот факт «тое мудрецы от подчинения вин, которые до первоначальной вины относятся, от движения и от разсуждения величины сея вселенныя, и сим подобных доводов, зело явственно показали». Допуская, что кто-нибудь «восхощет тому мнению сопротивитися», Пуфендорф предлагал такому человеку доказать, «что лучшая может быть польза человеком от Атеистства, нежели егда веруют и признавают яко ЕСТЬ БОГ». Полагая, что этого доказать невозможно, Пуфендорф провозглашал: «Того ради всех оных, на правое мнение о бытии Божии востающих, злочестие весьма отриновено, презрено, и тяжчайшими наказании усмиряемо должно быти»²³⁹. Только опираясь он не на отсылки на Божественное откровение или проявления Божественных чудес²⁴⁰: существование Бога выводилось из рассуждений неких *мудрецов* о вселенной, а необходимость признания такого факта утверждалась мнением о его общественной полезности.

В рассуждениях С. Пуфендорфа при конструировании концепции *естественного права* явно присутствовала определенная двойственность. Роль Бога не отрицалась и даже подчеркивалась, однако логика рассуждений была такова, что начальной точкой рассуждений – как о человеке, так и о Боге – в итоге оказывались не слова Божественного откровения, а *естество / природа*. Именно ее проявления должны были указывать на существование Бога; именно *природа* человека обуславливала возникновение общества, для которого была полезной идея существования Бога. *Природа / естество* и выводимое из него *естественное право* становилось источником для нормативного идеала взаимоотношений между людьми.

В нововременном *естественном праве* Бог признавался творцом *естества*. Или, что будет даже точнее, утверждалось, что *естество* сотворено Богом, что означало: соответствующее логике *естества* оказывалось

²³⁹ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. С. 76–77.

²⁴⁰ Для сравнения можно привести следующие рассуждения Феофана Прокоповича, которые он использовал для доказательства неправоты *атеистов*: «Пророчества, или проречения о будущих вещах случайных были, и суть, и имели начало свое от самого всеведущаго Бога, и от Него сказуемы были человеком, благодатию Его просвещенным. Сие показуется чудесным событием премногих пророчеств, о вещах бывших таковых, которые после многих веков собылись тако, якоже пророчества предсказали, из которых знатнейшее есть у Исаии место о Кире, первом Персидском Царе, в главе 44, стих 28, да в главе 45, стих 1. <...> Паче же всех же пророчеств несравненно удивительнейшее есть предсказание самого Христа Господа о разорении Иерусалима и о церкви оной Соломоновой» (Феофан Прокопович. Рассуждение о безбожии. М., 1784. С. 36–37, 39).

соответствующим Божественному замыслу. И наоборот: что не соответствовало такой логике, то и не может претендовать на статус Божественного. Одним из важнейших политических эффектов такого, прямо скажем, радикального переворота в утверждении источника нормативности было постепенное растворение мистической персонифицированной абсолютной власти Бога в посюсторонних законах *естества*. Не стоит забывать, что последние оказывались результатом операций, производимых *разумом*, который должен был вывести соответствующие нормы, регулировавшие поведение человека и функционирование общества, отталкиваясь от постижения *естества*. Власть, данная Богом под мистическую ответственность перед Ним, превращалась во власть, данную *разумом* под ответственность перед его носителями – людьми. Это падение Божественного как источника власти, впрочем, могло предполагать и проявления *светского политического богословия*, когда место Бога замещалось другим источником, дарующим такую же абсолютную власть, – Государством, Народом, Расой, Классом или Разумом²⁴¹. Но это уже был смертный абсолют.

Такая угроза для Божественного и для власти, которая определила Божественное как свое (об)основание, со стороны рассуждений в логике нововременного *естественного права* вполне ощущалась уже российскими авторами XVIII в., затрагивавшими проблемы основания власти, ее границ и ответственности.

Неслучайно такое ощущение опасности, привнесенной концепцией *естественного права*, можно обнаружить уже у первого российского теоретика светского *естественного права* – В.Н. Татищева. Сам он не ставил перед собой цели стать автором трактата по *естественному праву*: в своих ученых

²⁴¹ К. Шмитт писал о политико-правовой мысли Нового времени, что «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия», в том числе и «по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем... “Всевластие” современного законодателя, о котором говорится в любом учебнике по государственному праву, заимствовано из теологии не только в языковом отношении. Также и в деталях аргументации всплывают теологические реминисценции» (Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 57, 60). Как и в богословии, постулирование светского абсолюта предполагало наличие у него воли (всегда благой), которой он и даровал власть правящим. Соответственно, появлялись и процедуры определения истинной направленности такой воли, будь то строгие процедуры организаций, до некоторой степени напоминающих Церковь, или же «пророческие» заявления вождей, что именно они и понимают правильно волю абсолюта, а не потерявшие «благодать» истинного духа абсолюта власть имущие. Как не без иронии замечал П. Бурдьё, «сегодня народом пользуются так же, как в былые времена пользовались Богом для сведения счетов между духовными лицами» (Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 171).

занятиях Татищев больше тяготел к истории и географии. Однако, приступив к главе «О древнем правительстве руском и других в пример», он извещал читателя, что в ее начале речь пойдет отнюдь не о *правительстве руском*. Как *историк* он признал, что, хотя «о власти и порядках правительств историку не потребно более писать, как токмо о приключениях предприятой области, и причины, для которых что пременилось: а что касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных, оное собственно принадлежит до Философии в частях морали или нравоучения закона естественного и политики, которое от разных Философов достаточно на разных языках описано». Тем не менее, именно на этой проблеме он и решил остановиться в указанной главе. Оценив, что «Христиан Волф лучше прочих, то есть внято предал», Татищев затем указал, что на русском языке из печатных книг по данной проблеме есть только одно сочинение – изданный в 1726 г. перевод С. Пуфендорфа. В связи с этим он заявлял: «Противно тому письменных, но непотребных, со излишком, яко Махиавеллева о Князе, Гобезиева Левиатан, Лок правление гражданское, Боккалинова и тому подобные более вредительные, нежели полезные находятся, из чего у неразумных странная с мудростию и пользою государства несогласная разсуждения произносятся». Из них, по Татищеву, «некоторые с великим их собственным и государственным вредом непристойное дерзнули»²⁴², почему он и решил сверх «исторической должности» кратко написать правильные, по его разумению, заметки о «начале сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных».

Итак, В.Н. Татищев довольно четко указал на *вредительные* последствия чтения некоторых переводных текстов, включая и таких авторов, писавших о *естественном праве*, как Т. Гоббс и Дж. Локк. Для историка – и политика – самым ярким примером проявления таких опасных связей между чтением текстов и политическими событиями было междоусобица 1730 г., когда ВТС попытался ликвидировать самодержавную монархию в России. Среди вождей ВТС был как раз самый выдающийся организатор переводов первой четверти XVIII в. Д.М. Голицын. Именно по его заказу, помимо прочего, в 1720-е гг. А.Ф. Хрущовым был выполнен частичный перевод «Двух трактатов о правлении» Дж. Локка²⁴³. При этом, как известно, сам Татищев, активный участник событий 1730 г., общался с Голицыным и имел возможность ознакомиться

²⁴² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. С. 527.

²⁴³ См.: Круглов В.М. Русский рукописный перевод 1720-х годов второго трактата о правлении Джона Локка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 5.

с голицынской библиотекой, а Хрущов в 1734 г. отправился с Татищевым на Урал в качестве заместителя (*товарища*) последнего.

В известных *кондициях*, составленных ВТС и предъявленных Анне Иоанновне, содержался набор условий, завершавшийся довольно жесткой договорной формулировкой, которую должна была принять будущая монархиня: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской»²⁴⁴. А.С. Лаппо-Данилевский, анализируя пометы на переводе трактата С. Пуфендорфа «О законах естества и народов», принадлежавшего Д.М. Голицыну, указывал, что «поля седьмой книги, которая трактует о происхождении и об устройстве гражданских обществ и государств, об основаниях государственной власти, о правах и обязанностях государя, о различных формах правления и о различных способах приобретения государственной власти, например, усеяны крестами». При этом автора помет не заинтересовал параграф, «который содержит рассуждения о соглашении, в какое каждый гражданин вступает с другим», то есть о договоре, учреждающем общество. Его заинтересовал второй договор, который, по Пуфендорфу, заключают граждане, создавая правительство (государство), и «который состоит в том, что, по избрании одного или нескольких лиц, наделенных властью, они, с своей стороны, обязуются заботиться об общем благе, а остальные в то же время обещают им оставаться их верноподданными»²⁴⁵. Пожалуй, можно обоснованно предположить, что форма *кондиций*, включая норму об отрешении от престола в случае их несоблюдения, была составлена под влиянием договорных концепций европейской *юриспруденции* раннего Нового времени.

Действия ВТС в 1730 г., которые ассоциировались с голицынским – *вредительным* – прочтением переводных трактатов, вызвали протест у В.Н. Татищева, почему он и решил поместить в свою «Историю» пример правильных рассуждений, которые начинались следующим заявлением: «Не токмо правила мудрости гражданской, но самое естество нас учит, что человек единственный совершенную себе пользу, удовольствие и спокойность приобрести недостаточен, ниже приобретенное сохранить способен». Как результат, «первое в роде человеческом учинилось, когда муж и жена свободные для общей их пользы согласятся в сочетание или в совокупление

²⁴⁴ Протокол заседаний Верховного тайного совета, содержащий решение об избрании на российский престол царевны Анны Иоанновны и утвержденный верховниками текст предъявляемых ей «кондиций». 19 января 1730 г. // Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 120.

²⁴⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России. С. 33.

такое, котораго главный урок умножить род свой». При этом такое *супружество* было создано «на основании договора самоизвольнаго и благоразсуднаго». Раз так, то «онаго разрешить никто не моежт, разве с единой страны договор будет нарушен, тогда другая страна к сохранению договора имеет право принудить, или остается сам не обязан, о чем в праве естественном изъяснено, и сие правило на все прочие договоры простирается».

Одним из таких договоров было в итоге создано и государство, когда люди «совокупились ... и все обще о пользе и защите всего сообщества обязались». Говоря о *форме правления* в государствах, Татищев указывал, что «Монархия, Аристократия и Демократия почитаются за порядочныя к сохранению общей пользы». Напротив того, «которые же правительства или подданныя оставя общую пользу, более о своей собственной прилежать стали, таковыя у Грек особныя звания возымели, и суще Полития переменяется в Демократию или Охлократию, Аристократия в Олигархию, Монархия в Тиранию»²⁴⁶.

Значит, государство создавалось людьми во имя *общего блага* на основании добровольного договора, что, соответственно, предполагало и необходимость соблюдения такого договора каждой стороной, «о чем в праве естественном изъяснено». Только В.Н. Татищев совсем ничего не написал, например, о том, что делать, если правительство превратилось из *порядочного* в *непорядочное*, и правитель вместо *общей пользы* стремится только к удовлетворению своих прихотей. Правда, в другом месте этой главы, где историк рассматривал разницу между *хищником* и *господином*, а также между *рабом* и *холопом* соответственно, он сделал несколько весьма примечательных утверждений: «Как преодолетель или хищник от господина разнится тем, что первый каким либо насилием своего неприятеля, или нагло безсильнаго преодолев себе покорит; противу тому сущий господин правом благоденяния, яко отец над чады, или добровольным договором в служение или в холопство примет, так между рабом и холопом есть разница». После этого он резюмировал, что такие люди, вступившие в *холопство* на основании *добровольного договора*, «не имеют власти своему господину воспротивиться или отрешиться, доколе господин свою должность ненарушимо хранит; противно тому раб или невольник имеет право всегда неволи своей свободиться, естли токмо свободу улучит, как Гуго Гроций в его законе войны и мира, Пуфендорф в праве естественном и народном, Волф в Политике изъяснили»²⁴⁷.

²⁴⁶ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. С. 527–528, 531, 533.

²⁴⁷ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. С. 530–531.

Если распространить такую татищевскую логику *добровольного договора* на государство, которую историк почерпнул из естественноправовых трактатов, то получалось, что при нарушении его властью подданные освобождались от своего обязательства подчинения. И, более того, в случае узурпации власти кем-либо подданные в принципе оказывались не обязанными слушать узурпаторов.

Именно в такой логике В.Н. Татищев затем и описал в этой же главе события 1730 г.: «Верховный совет, ... не объявляя никому о кончине» Петра II, «а потом что четыре персоны Императрицу Анну избрали, и сочиня запись ... весьма не с приличными включении, лишае я всея власти, о себе более, нежели помощникам правления в Аристократии принадлежит, приобщили, и с тем тайно к ней послали, и оболгав ей, яко бы всенародно такой записи желают, подписать оболстили. Но как скоро прочее шляхетство о том обстоятельно уведали, и разсудили, что то к великому государственному вреду учинено», то подали *предложение* в ВТС. Так как последний его «презрел», то дворяне «силою все то опровергнули»²⁴⁸. Получалось, что ВТС совершил подлог общего волеизъявления и, что не менее важно, вел себя не как должно *порядочному* правительству, то есть *аристократии*, а нарушая *общее благо*, то есть как в *олигархии*. Коли так, то подданные освобождались от договора подчинения и, соответственно, получали право применить силу против ВТС.

И в самом деле, использование логики *договора* со стороны ВТС при избрании Анны Иоанновны сопровождалось очевидными нарушениями. ВТС, будучи органом, созданным распоряжением монарха в качестве помощника, только мог принимать решения именем монарха без какого-либо права претендовать на его власть. В ситуации междоусобия ВТС такая власть могла быть делегирована от *народа*, однако этого не произошло. Процедура такого делегирования привела бы к постановке вопроса о переизбрании членов ВТС, что явно не входило в их планы. ВТС пошел на очевидный подлог, объявив Анне Иоанновне, что как ее избрание, так и составление *кондиций* было результатом действия не одного ВТС, а и «духовного и всякого чина свецких людей»²⁴⁹. Как результат, ВТС не смогли предоставить убедительного обоснования своим действиям и в логике *естественного права*.

Таким образом, для В.Н. Татищева данные действия ВТС были явным примером неправильного понимания естественноправовой логики возникновения

²⁴⁸ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. С. 546–547.

²⁴⁹ Письмо Верховного тайного совета Анне Иоанновне с извещением об избрании ее на престол. 19 января 1730 г. // Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. С. 121.

и функционирования государства. Однако, дав соответствующее историческое описание, а также проговорившись о праве сопротивления в разделе о *холопах* и *рабах* по *естественному праву*, историк все же предпочел не останавливаться специально на теме о границах власти и связанной с ней проблемой сопротивления плохому правителю. То, что для него представлялось как *разумное* и при должном применении ведущее к *общему благу*, другим могло показаться *вредительным* и подрывающим основы власти. Скорее всего, Татищев вполне понимал, что его рассуждения могут вызывать сомнения. Например, татищевский «Разговора двух приятелей о пользе науки и училищах» (1730-е) так и не был издан в XVIII в. Сам Татищев создал несколько редакций данного сочинения. В одном из наиболее переработанных историком фрагментов речь шла о *законе естественном*, и логика переработки заключалась в насыщении естественноправовых рассуждений отсылками к Священному писанию²⁵⁰. Тем не менее, это не помогло. Несмотря на предпринимавшиеся попытки публикации этого сочинения, она так и не состоялась²⁵¹. Это было не в последнюю очередь связано с тем, что, по словам Г.Ф. Миллера, «в Разговоре усмотрены некоторые места, которые от некоторых худо истолкованы быть могут»²⁵².

К событиям 1730 г. В.Н. Татищев обратился также в специальном сочинении «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным», созданном в период между 1746–1750 гг. (его публикация состоялась только в 1859 г.)²⁵³. Говоря в нем об избрании Анны Иоанновны на престол членами ВТС, историк замечал: «По закону естественному избрание должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, другим чрез поверенных, как такой порядок во многих государствах учрежден, а не четверем или 5-ти человеком, как то ныне весьма непорядочно учинено». Однако, несмотря на такую *непорядочность*, Татищев не высказал претензий по поводу кандидатуры Анны Иоанновны, и причина этого была отнюдь не в покорности Божественному провидению, приведшему курляндскую вдову на российский престол. Он прямо заявлял:

²⁵⁰ См.: Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 60–65.

²⁵¹ В одном из изданий Н.И. Новикова 1773 г. оно было прорекламировано в числе «печатающихся книг». См.: Валк С.Н. О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 8–15.

²⁵² Цит. по: Каменский А.Б. Неизвестные татищевские документы в «портфелях Г.Ф. Миллера» ЦГАДА // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 200.

²⁵³ См. о датировке: Польской С.В. «Рассуждение о правлении государственным» В.Н. Татищева и дворянское политическое движение 1730 года // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. С. 691–692, 695.

«Сие избрание оставляется в молчании для того, что весь народ персоною ея величества доволен и никто не спорит». Соответственно, основной критический посыл Татищева был направлен не против новой императрицы, а против ограничения ее власти кондициями, что означало изменение формы правления в России с единовластия на аристократию. Историк писал, что ВТС «самовольно власть себе похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и других станов», в связи с чем дворянство должно выступить против такого своевольтва и «право свое засчитать по крайней возможности, не давая тому закоснеть, а паче опасаться, чтоб они, если видя нас в оплошности, на большей беспорядок не дерзнули»²⁵⁴.

После этого В.Н. Татищев обратился к вопросу о необходимости в России *единовластия*. Рассуждая о преимуществах и недостатках *монархии*, Василий Никитич приводил и следующее возможное возражение против *единовластия*: «Единому человеку великую власть над всем народом дать небезопасно, ибо как бы мудр, справедлив, кроток и прилежен ни был, безпогрешен и во всем достаточен быть не может; коль же паче когда страstem своим даст волю, то нужно наглым неправым насилиям и гублениям неповинных производить». Выступая против такого довода, он писал: «Хотя человек, конечно, всякой не безпогрешен, однако ж государи имеют советников, избирая из людей благоразсудных, искусных и прилежных; и как он, яко господин в своем доме, желает оной наилучшим порядком править, так он не имеет причины к разорению онаго ум свой употреблять, но паче желает для своих детей в добром порядке содержать и приумножить». Конечно, Татищев допускал, что на троне может случайно оказаться *несмысленный* человек, который «ни сам пользы не разумеет, ни совета мудрых не при[ни]мает и вред производит». Однако такого правителя «можно принять за Божеское наказание», а не менять из-за этого «чрезвычайного приключения порядок прежний», что было бы «неблагоразсудно». При этом историк дополнительно воспроизвел следующую аналогию, которая должна была утвердить читателей в неразумности изменения формы правления из-за недостатков какого-то из правителей: «И кто может утверждать, если видит коего шляхтича, безумно дом свой разоряющего, для того всему шляхетству волю в правлении отняв, на холопех оное положить»²⁵⁵.

Изложенные выше мысли В.Н. Татищева могли провоцировать весьма неудобные рассуждения. Получалось, что народ высказал согласие на воцарение Анны Иоанновны, пусть оно и было результатом не упорядоченной

²⁵⁴ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 146.

²⁵⁵ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 149.

процедуры, а красноречивого молчания. А если бы *народ* начал спорить? Принимая высказанное Татищевым утверждение, что «избрание должно быть согласием всех подданных», можно с определенной уверенностью дать следующий ответ: тогда бы можно было поставить под сомнение право Анны Иоанновны на российский престол, ведь не Бог даровал ей его, а *народ*. Последний, хотя и был связан обязательствами *договора* о создании государства, все же являлся его полноправной стороной. В такой логике по-иному выглядела проблема *злого правителя*. Он уже не был *Божеским наказанием*. Его во имя сохранения монархической формы правления (*единовластия*) лишь *можно было* принять за таковое. Это вполне вписывалось в логику столь уважаемого Татищевым Христиана Томазия. Последний прямо заявлял, что Бог, конечно, «повелел людям создать гражданские общества, потому что мир и спокойствие человечества не могут быть сохранены без них», и в этом смысле, по мысли ученого, можно утверждать, что нет власти не от Бога, так как происхождение верховной власти связано с Ним как с автором *естественного права*. Однако при этом он отрицал, что *конкретный* правитель поставлен непосредственно Богом²⁵⁶. Раз так, то и нельзя утверждать, что *злой правитель*, равно как и *добрый*, возведены на престол непосредственно Богом в наказание или в милость.

В этой логике появлялась перспектива потери конкретным правителем персональной Божественной санкции, а аналогия со «шляхтичем, безумно дом свой разоряющим», подсказывала возможный вариант для действий. Еще 6 апреля 1722 г. Петр I издал указ о дворянах-*дураках*, то есть о сумасшедших, которые, «имение получа, безпутно расточают, а подданных бьют и мучат, и смертные убийства чинят, и недвижимое в пустоту приводят». Император в их отношении повелевал «деревень наследственных и никаких за ними не справливать, а велеть ведать такие деревни по приказной записке, и их негодных с тех деревень кормить, и снабдевать ближним их родственникам, а буде родственников не будет, то ближним же их свойственникам»²⁵⁷. Получалось, что, не подрывая власти *шляхетства* как такового, отдельного *шляхтича-дурака* можно было лишить права управления имением. Данная аналогия, распространенная на *монархию*, подводила к возможности смещения *монарха-дурака* и замене его другим правителем, заботящимся о своих *подданных*, не затрагивая основ *единовластия*. Впрочем, суждения такого рода сам Татищев не считал возможным

²⁵⁶ Thomasius Chr. Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations / Ed. by Thomas Ahnert. Indianapolis, 2011. P. 495–498.

²⁵⁷ ПСЗ. Т. 6. № 3949. С. 643.

высказывать напрямую. Более того, неизвестно, был ли он готов проговорить их даже хотя бы в своей голове. Тем не менее, сама логика изложения подводила к ним, и где-то уже проступали очертания идейного обоснования дворцового переворота 1762 г., в котором проявит себя действенность нового естественноправового дискурса.

В 1751 г., спустя примерно год после смерти В.Н. Татищева, в Петербурге вышел перевод политического романа И. Баркляя «Аргенида». Его переводчик – профессор элоквенции Академии наук В.К. Тредиаковский – какое-то время состоял в ученой переписке с Татищевым, где проявлял и интерес к вопросам о должном управлении государства. Политические размышления и подвели Тредиаковского к мысли о переводе «Аргениды», который он снабдил соответствующим предисловием. В нем он указал на причины, которые подвигли Баркляя к созданию этого сочинения: «К предприятию сему подали ему причину многии писатели, бывши прежде его, которые предлагали о правилах царствования, и о прочих политических искусствах, сами по большей части не бывши употреблены ни при каких делах»²⁵⁸. Такие *правила царствования* представил «Фр. Готоманн в книге названной Франкогаллия 1573 года» и «Ст. Юн. Брут в Виндициях на тиранов 1577 года», то есть кальвинисты-монархомахи XVI в., а также «священные союзники из Сорбоны и Иезуиты», то есть представители католического богословия, которые допускали возможность смещения правителя, если он стал тираном. Заметим, что «монархомахов, или цареборцев», одним из которых оказывался папа римский, «себе и клир свой от властей державных изымающий, но и мечтающий данную себе власть даровати и отымати скипетры царския», упоминал Феофан Прокопович в своем «Слове о власти и чести царской». Он утверждал, что *монархомахи* хотя и «богословствуют от писания», но «за грубость мозга бусловцами являются, не разумеючи писания, ни силы Божия»²⁵⁹.

Указав на критикуемых авторов, В.К. Тредиаковский замечал, что в описываемое им время «не довольно было сея единыя продерзости», то есть публикации таких трудов: «Сообщились тогда с неюж школьные рассуждения и споры, коими злосовесныи сумозброды охрипнувши с крику определяли, что королевская власть долженствует иметь пределы, пребывая токмо в тех своих границах, и прочее многое и неистовое (выделено нами. – М.К.)». В первоначальном варианте, который так и не был издан, вместо слов, выделенных нами курсивом, было помещено следующее: «Что подданным

²⁵⁸ [Тредиаковский В.К.] Предуведомление от трудившагося в переводе // Барклай И. Аргенида. Повесть героическая. Т. I. СПб., 1751. С. IIII–V.

²⁵⁹ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 78.

дано от природы право над своими государями, что они справедливо убивать могут тиранов, и что позволено быть им недовольным государевыми пороками»²⁶⁰. Показательно, что отмеченное утверждение – о *праве от природы* – было написано Тредиаковским на основе текста из предисловия к латинскому изданию сочинения И. Баркляя. Однако в этом латинском тексте не было написано про то, что подданные имеют право над своими правителями именно *от природы*²⁶¹. Последнее оказалось толкованием самого Тредиаковского, который, следует отметить, сам был автором сочинений о *естественном праве*. Как результат, с одной стороны, он смог произвести отнесение суждения об ограничении власти правителей именно логике *естественного права*. С другой стороны, он не решился его опубликовать. По мнению Л.Б. Модзалевского, «призыв к свержению тирана и право народа производить подобное свержение прозвучали так громко и значительно, что Тредиаковский сам испугался возможных последствий подобного цитирования», из-за чего переработал соответствующее место «Предуведомления»²⁶². В итоге, хоть и критикуемые, но опасные суждения были вычеркнуты, и при этом вставлено упоминание про «Помазанников Божиих»²⁶³.

Сомнения о допустимости некоторых естественноправовых рассуждений посещали не только В.Н. Татищева и В.К. Тредиаковского. В 1757 г. указом Сената С.С. Волчкову было указано «перевести книгу Гугона Гроция о мирном и военном праве в двух томах». Первый том был переведен к 1761 г., после чего он обратился с просьбой о рассмотрении в Сенате и Синоде результатов его труда, «не явится ли чего вере и самодержавству противного ево перевода книги, а имянно: истинной христианин спокойство, да лехкой путь добродетели». Второй том был переведен в 1764 г. Несмотря на это, трактат Гроция

²⁶⁰ [Тредиаковский В.К.] Предуведомление от трудившагося в переводе. С. V; СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 77. Л. 4 об. Другим вычеркнутым утверждением, содержащим мысли в духе татищевских суждений о «безумном шляхтиче», была следующая цитата из сочинения критикуемого автора: «Неспособный государь ради злых своих нравов, ради худого правления, ради недостатков разума, может быть низложен, но так, чтоб сперва его увещавать, потом уже наказав, лишить престола, дабы подданных избавить от ига недолжного ему послушания». Вместо нее в печатное издание было помещено упоминание про некую *максиму*, которая «толикого нечестия, что и вспомнать об ней ужасно».

²⁶¹ «... de limitata Principum potestate, de subjectorum in dominos reservato, ut loquuntur, jure, de tyrannnicidii justitia». См.: Discursus de autore. Scripti, & judicium de nominibus Argenidaeis // Ioannis Barclaii Argenis. Secunda editio. 1630. P. 14.

²⁶² Модзалевский Л.Б. М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб., 2011. С. 30.

²⁶³ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 77. Л. 4 об.–5; [Тредиаковский В.К.] Предуведомление от трудившагося в переводе. С. VI.

в переводе Волчкова так и не был издан, что было связано с медлительностью Синода в оценке идейного содержания книги²⁶⁴.

До некоторой степени в схожей логике с В.К. Тредиаковским поступил профессор юриспруденции Московского университета Ф.Г. Дильтей, когда 26 апреля 1757 г. произнес на латыни «Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих в высочайший день коронации ея императорского величества государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийския». Рассуждая об обязанностях подданных к *верховному владетелю*, Дильтей утверждал, что «подданные, всякую опасность за Государя претерпеть, и собственное свое добро за безопасность его презреть, да и жизнь, ежели того нужда потребует, за сохранение Государя нещадить должны». Он указывал на возможное возражение такому определению обязанностей подданных: «Толь строгое обязательство на поданных наложено быть не может; ибо по природному естественного права закону всяк себе есть любезнейшей, следовательно о собственном больше, нежели о иного сохранении стараться надлежит».

Дильтей, заметив, что «предложенной из права естественного закон немалого разсуждения требует», брался доказывать, что его формулировка об обязанностях подданных «в самом естетстве свое имеет основание». Только вот когда он дошел до проблемы, может ли при таком подчинении подданный задаваться вопросом («испытывать любопытнейше») о качествах правителя («доброй или худой есть Государь»), профессор ответил отрицательно, так как «сим самым выше своего Государя вознесся бы подданный его разсматривая поступки, не наше то дело есть о Государе, который вышшаго себя кроме Бога не имеет, разсуждать, нам в разсуждение нашего послушания никакого не должно делать различия между Сарданапалами и Александрами, между Нумами Помпилиями и Тарквиниями гордыми, Титами и Неронами, что и божественным повелением утвержденное на множайших местах читаем; ибо святое писание Государю как Богу повиноваться велит: *Противляися власти*, говорит оно, *Богу противится*. И на ином месте: *Повинуйтесь владыкам и самым строптивым*. Доброго убо гражданина звание есть, чтоб повелевающего Государя немедленно слушать, всегда имея в мысли, а мне повеленое исполнять»²⁶⁵. Итак, ссылка на Священное писание

²⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 3 «Канцелярия Академии наук». Оп. 1. Д. 263. Л. 52; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. Т. 25–26. М., 1965. С. 574.

²⁶⁵ Дильтей Ф.Г. Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих в высочайший день коронации ея императорского величества государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийския. М., 1757. С. 12, 13. См. латинский оригинал : Dilthey Ph.H. Panegyricus de Juribus et Praerogativis ex Coronatione Solemni Eminentibus ad Pie

позволяла избежать публичного и едва ли уместного «в высочайший день коронации» рассуждения о том, что надлежало делать с плохим правителем по *естественному праву*.

Такой интеллектуальный маневр в пространстве произнесения торжественных речей означал, что о некоторых выводах можно умолчать. Однако это не означало, что таких выводов можно было всегда избежать. В конце концов, *естественное право* позиционировалось как строгая наука со своими основаниями и со своей логикой. Как результат, то, о чем не желали говорить в торжественных речах, можно было обнаружить в обыкновенном учебнике.

В 1770 г. в типографии Московского университета было напечатано «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции» – сочинение Д. Неттельбладта, учившегося в университете Галле у Хр. Вольфа и развивавшего идеи последнего о *естественном праве*. Именно по Неттельбладту профессор Московского университета Ф.Г. Дильтей с 1766 г. стал «читать систему всеобщаго права», хотя до этого преподавал по С. Пуффендорфу и даже в 1765 г. рекомендовал университету «напечатать Puffendorffii, de officiis civis et hominis»²⁶⁶. В связи с этим в предисловии к неттельбладтовскому изданию переводчик прямо заявил, что книга издавалась по тем причинам, что она написана «СЛАВНЫМ ЮРИСПРУДЕНТОМ», публично преподается в Императорском Московском университете и что «в прошлых годах требовано было от *учрежденной Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения*, не находится ли каких юридических книг, изданных на Российском языке»²⁶⁷.

В этом учебнике, помимо прочего, присутствовал раздел «О способе, по которому верховный повелитель бывает таким, и быть перестает, и о качествах онаго», и студент университета, да и любой российский читатель мог в нем прочесть: «Пока верховный повелитель удовлетворяет своей должности, народ ни чрез низвержение с престола, ни чрез утаение по своей воле не может сделать того, что бы верховный повелитель перестал быть повелителем». Когда же, согласно Неттельбладту, правитель «*преступает пределы*» только «в одном или другом *государственном праве*», то народ хотя и может отказать ему в повиновении, однако не имеет права сместить с престола. Однако когда «*верховный*

Recolenda illa Coronationis Solemnia qua Invictissima atq. Potentissima Domina Elisabetha Petrowna Omnium Russorum Imperatrix et Autocratrix Imposito Imperiali Diademate Orientis Instar Solis Amplissimo et Vastissimo huic Imperio Refulsit. М., 1757.

²⁶⁶ [Капустин М.Н.] Дильтей, Филипп Генрих. С. 305, 302.

²⁶⁷ К читателю // Неттельбладт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаправленное к употреблению основания положительной юриспруденции. М., 1770. С. [1]–[2].

повелитель явно покушается на то, что клонится в предразсуждение всей республики (то есть государства. – М.К.)», у народа такое право появляется. В связи с этим Неттельбладт давал определение понятия тиран: «Тираном, или мучителем (tyrannus) именуется такой верховный правитель, который всю республику утеснить старается». Соответственно, «ежели верховный правитель будет мучитель, и о всем правлении не будет стараться, то в таком случае низвержение с престола или утаение дозволяется»²⁶⁸.

Вспомним еще рассуждения Г. Гроция о праве народа сместить правителя, если он, «проникнутый чисто враждебным духом, замышляет гибель всего народа»²⁶⁹, и будет понятно, что в утверждении Д. Неттельбладта не было ничего революционного. Он всего лишь следовал логике нововременного *естественного права*.

В связи с этим обратимся к другому сочинению В.К. Тредиаковского, которое увидело свет в 1763 г. В нем он решил прямо заявить про «некоторых славных Писателей», для которых «достоверность о Существовании Божиим» не была основой для рассуждения о *естественном праве*. В качестве примеров таких «славных Писателей» Тредиаковский привел Хр. Томазия и Хр. Вольфа. Первый, по Тредиаковскому, утверждал: «Обязательность вообще к действию есть, Склонность самовластная Человеческия Воли, Страхом и Надеждою возбужденныя». Тредиаковский пояснял: «То есть, Вредом и Пользою, как и у Гоббесия, а не как у Пуффендорфия, у которого она, с стороны обязующаго Бога, есть благоволение Его, а с стороны обязуемаго Человека, есть благоговейное Повиновение Богу, за имеющуюся того власть над Человеком».

Из Хр. Вольфа Тредиаковский привел цитату, которая не нуждалась в комментарии: «Понеже Сущность, или Истинна, или Возможность Вещей есть Вечна, и не Зависяща от Бога; то Основание или ближайшее Начало Естественнаго Закона, есть самое Естество. Следовательно была бы, по его, еслиб Естество могло пребывать без Бога, Естественная Обязательность и Закон некий, хотяб и не-было Бога»²⁷⁰. Тредиаковский самым замечательным образом зафиксировал тот переворот в источнике нормативности, который с собой

²⁶⁸ Неттелбладт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции. С. 314–315.

²⁶⁹ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 171–172.

²⁷⁰ Тредиаковский В.К. Предуведомление от трудившагося в переводе // Роллен Ш. Римская история от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончание республики. Т. V. СПб., 1763. С. VI–VII.

принесло нововременное *естественное право*²⁷¹, успев перед этим ужаснуться в предисловии к «Аргениде» тем последствиям, которое он несет власти. Подобные опасения отнюдь не привели Тредиаковского к возвращению к Божественному откровению как главному источнику политических суждений. Вместо этого он предложил свою систему *естественного права*, которая, стоит полагать, не несла таких страшных последствий.

Такие сомнения и опасения были симптомами сдвигов в понимании (об)основания власти и ее границ, ведущим к секуляризации политических представлений. В этом отношении логика, или, даже лучше сказать, логики *естественного права* вполне соответствовали раннему Новому времени как переходному времени, ибо, с одной стороны, утверждали существование Бога, а, с другой стороны, постепенно подрывали Его земное могущество, а вместе с ним – и земных владык, выбравших в качестве одной из опор Алтарь.

* * *

Итак, сдвиги в политических языках вели к изменениям возможных границ для политических действий, делая неактуальными старые дискурсивные логики и открывая новые возможности. Это не означало, что под влиянием таких изменений политический и социальный режимы должны были моментально обрушиться. Изменения можно было использовать и для легитимации правящего режима. В конце концов, как, например, отмечает Н.Ш. Коллман, тот же «Петр Великий сохранил притязания на божественную легитимацию, но внедрил и гораздо более комплексное обоснование абсолютной власти путем заимствования западных образцов»²⁷². Однако это не отменяло их критического, ведущего к реформам, и даже подрывного, подготавливавшего радикальную смену режима, потенциала.

²⁷¹ Как еще замечал Г. Гроций, рассуждая о *праве*: «Сказанное нами в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить – чего, однакоже, нельзя сделать, не совершая тяжчайшего преступления, – что Бога нет или что Он не печется о делах человеческих» (Гроций Г. О праве войны и мира. С. 46–47).

²⁷² Коллман Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 524.

Глава 4.

Ход маятника: *добродетель и роскошь* в российской политической мысли

§ 1. От Монтескье – к Фенелону: форма правления, деспотизм и *добродетель*

Влияние трактата Монтескье «О духе законов» на отечественную политическую мысль было многогранным, что отражало чрезвычайно сложную концептуальную структуру самого этого произведения. Монтескье – как, впрочем, и многие другие авторы XVIII столетия – не предлагал какой-либо цельной доктрины: его трактат сочетал черты исторического исследования, социологического анализа, правового очерка, объединенных, скорее, по тематике, адекватно выраженной заглавием сочинения «О духе законов». Осмысление идей Монтескье в России было противоречивым. Ведь не существует одного «истинного» Монтескье – напротив, российские авторы имели дело с *разными* Монтескье, реагируя на те фрагменты «О духе законов», которые казались им – по тем или иным причинам – наиболее интересными, переосмысляя и адаптируя их.

Как правило, в фокусе внимания историков оказывается воздействие идей Монтескье на становление российского конституционализма¹ и, соответственно, влияние Монтескье рассматривается в контексте его положений о пределах власти и о «фундаментальных законах»². Однако присутствие Монтескье в российской культуре далеко не исчерпывался вопросом о «фундаментальных законах», «посредствующих властях» и статусе дворянства.

Мы постараемся охарактеризовать «дискурс Монтескье» (или, по аналогии с «моментом Макиавелли» британского историка Дж. Покока – «момент Монтескье») как альтернативную историю адаптации его идей в России. Ведь проблема не сводится к одним только институциональным преобразованиям, нацеленным на превращение России в «умеренную монархию». Мы расцени-

¹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Whittaker C. Russian Monarchy. Eighteenth-Century Russian Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003; Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

² Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27–42.

ваем тексты Монтескье не как набор императивов, но как своеобразный язык, позволяющий описывать социальные реалии определенным образом. Оттого резонен вопрос о том, каким образом этот язык был адаптирован на российской почве. Предпринимая подобный анализ, мы совершим своеобразное путешествие: от Монтескье к Фенелону – и обратно к Монтескье.

Главным маркером, позволяющим с уверенностью говорить о влиянии Монтескье, стало присутствие тех новаций, которые Монтескье предложил в отношении классификации форм правления, модифицировав освященную временем «тройную» классификацию.

«Тройная» классификация, восходящая к философии Аристотеля, различает формы правления по числу лиц, осуществляющих власть: существуют монархия (власть одного), аристократия (власть немногих) и демократия (власть всех). Действенным оставалось и положение о смешанных формах правления, сочетающих различные элементы упомянутых выше трех³. Каждая форма правления в такой классификации отвечала своим задачам и особенностям своего контекста.

О трех формах правления, различающихся по числу лиц, осуществляющих власть, говорит, например, С. Пуфендорф в 7-й главе трактата «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*» (1673)⁴: «Верховная власть, находящаяся либо у одного человека, либо у избранного совета, либо у ассамблеи людей, производит различные формы правления. <...> В первом случае высшая власть находится у одного человека, и такая форма зовется монархией. Во втором, когда та же власть находится у избранного числа людей, зовется аристократией. В третьем, когда власть у совета или ассамблеи свободных землевладельцев и граждан, именуется демократией. В первом случае тот, кто наделен верховной властью, именуется монархом; во втором – nobлями; и в третьем – народом»⁵.

Монтескье в трактате «О духе законов» трансформировал аристотелевскую классификацию и связал каждую форму правления с определенными социальными и политическими принципами. Отмечая, что формы правления обладают собственными «природой» и «принципами», французский

³ Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 66–80.

⁴ Этот трактат Пуфендорфа был известен российским читателям в переводе И. Кречетовского (1724).

⁵ Pufendorf S. *The Whole Duty of Man According to the Law of Nature*. Indianapolis, 2003. Chapter VII.

мыслитель заявлял: «Три рода правлений: общенародное, самодержавное и самовластное. Для познания их естества, довольно того понятия, которое и весьма мало ученые люди имеют. Я предлагаю три описания или лучше сказать три действия. Первое Общенародное есть то: когда в котором народ весь или только некоторая его часть верховную власть имеет; Самодержавное есть то: когда одна особа управляет; но по установленным неподвижным законам; а Самовластное имеет то различие, что одна особа без закона и правил властвует над всем по своей воле и прихотям»⁶.

Итак, вместо классификации по числу лиц, отправляющих верховную власть, была предложена сложная конфигурация социального анализа: демократия и аристократия, считавшиеся в аристотелевской парадигме разными формами правления, у Монтескье объединены под именем «республики» (хотя и Монтескье в дальнейшем проводил различия между двумя видами республики – демократией и аристократией), а форма правления, при которой власть находится у одного человека, оказалась трансформирована в две разные формы – монархию и деспотию, различающиеся отношением к законам.

Основанием для этой модифицированной классификации – назовем ее «четверной», поскольку Монтескье выделял все-таки четыре формы правления: демократию, аристократию, монархию и деспотизм – стал анализ «природы» и «принципа» («естества» и «начала», в лексике XVIII в.) правления: «Между естеством правления и его началом есть та разность, что естество его есть самое то, которое его делает таким; а начало его есть то, что приводит его в действие. Одно из них есть то, которое составляет собственное его сооружение; а другое есть слабости человеческия, приводящие его в движение»⁷.

Принципом республиканских форм объявляется добродетель (*vertu*; правда, для аристократии она нужна в несколько меньшей степени, чем для демократии), монархии – честь (*honneur*), деспотии – страх (*crainte*). На этой базе Монтескье разворачивает впечатляющий социальный анализ форм правления, включая его знаменитые заключения о том, что демократиям необходимо имущественное равенство, а в монархии обязательно должно существовать дворянское сословие.

Еще большую сложность классификация Монтескье приобретала из-за оттенка географического детерминизма. Умеренный климат порождает умеренные правления; климатические экстремумы провоцируют крайности –

⁶ О разуме законов. Сочинение господина Монтескюя. Т. I. СПб., 1801. С. 13.

⁷ Там же, с. 32.

следовательно, деспотизм возникает в жарком климате Юга и Востока. Наконец, словно бы для того, чтобы совсем уж уточнить свою и без того довольно сложную классификацию, Монтескье в 6-й части XI книги «О конституции Англии» обращается к концепции «смешанной конституции», переходя от анализа «чистых» форм правления (республика / монархия / деспотизм)⁸ к описанию «разделения властей» на примере Англии (законодательная / исполнительная / судебная власть).

Новаторским в «четверной» классификации Монтескье было прежде всего привлечение понятия «деспотизм» в качестве полноправной категории социально-политического анализа. Концепт «деспотизм» со времен античности для риторической дефиниции Европы «от противного»⁹ – определение различий между «свободными народами» и «рабами», выявление ситуации противостояния между христианством и исламом, и – в итоге – описания азиатских держав на языке «ориентализации» в колониальную эру¹⁰. В трудах Монтескье деспотизм предстал в политологической роли, одновременно сохранив все концептуальные связи с риторикой, описывавшей восточные государства как области рабства и произвола. Социологический подход Монтескье приводил, по замечанию итальянского исследователя Франко Вентури, к выводу о том, что «деспотическим может быть не только правительство, но и общество»¹¹.

Сопряжение географического и социологического режимов анализа приводили Монтескье к противоречивому определению политического статуса России. Социологически (и в соответствии с ренессансной интеллектуальной традицией в рамках которой, например, Ж. Боден числил Московию среди азиатских «сеньориальных монархий»¹²) Россия оказывалась деспотией. Но географически она относилась к северным государствам; коль скоро так, деспотизму должен был противостоять холодный климат. Периодически Монтескье однозначно помещает Российское государство в ряду деспотий –

⁸ Первые книги трактата Монтескье вовсе не упоминают «смешанной конституции», на что обращает внимание М. Вайл: «Монтескье пишет об “умеренных” правлениях, однако под ними подразумеваются не подвергшиеся разложению формы монархии и республики. В одном месте он, кажется, говорит, что смешанная конституция невозможна, или что он по крайней мере не знает о существовании государств с таковыми конституциями. <...> Но когда Монтескье в книге XI переходит к обсуждению Англии, он принимает совершенно другой подход» (Vile M.J.C. *Constitutionalism and the Separation of Powers*. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. P. 91).

⁹ Dainotto R.A *South with a View: Europe and Its Other* // *Nepantla: Views from South*. Vol. 1, Iss. 2 (2000). P. 375.

¹⁰ Said E. *Orientalism*. L.: Penguin, 1975.

¹¹ Venturi F. *Oriental Despotism* // *Journal of the History of Ideas*, 1963, 24(1). P. 134.

¹² Bodin J. *Les Six Livres de la Republique de I. Bodin Angevin*. Lyon, 1773. P. 190–191.

например, в главе «Об уважении монархов к своим подданным» или в главе «О соответствии законов деспотического правления их принципу», хотя здесь Монтескье колеблется, указывая на то, что деспотизм в России может быть изжит: «Посмотрите только, с каким старанием Российское правление ищет низвергнуть с себя иго самовластия, которое ему тягостнее, нежели самому народу»¹³. Впрочем, в главе III книги XIV «О климате Азии» Монтескье фиксирует противоречие между деспотизмом и северным климатом в России и заодно – в Дании, которая, впрочем, не относится к Азии.

Когда же «четверная» классификация была адаптирована на российской почве? Первым примером такой адаптации можно считать сочинение М.М. Щербатова «Разные рассуждения о правлении» (1759), созданное, как считает С.Г. Калинина, после того, как Щербатов перевел фрагмент трактата Монтескье «О духе законов»¹⁴. В трактате «Lettres Russiennes» (1760) Ф.Г. Штрубе де Пирмонт подвергал классификацию Монтескье критическому анализу, хотя и не рассматривал ее в целом.

Классификацию Монтескье использовал также Я. П. Козельский в трактате «Философические предложения» (1768). Козельский старательно воспроизвел основные соображения Монтескье о формах правления и соответствующих им принципах: «Писатели¹⁵ полагают четыре формы правления: 1. Демократическую, в которой весь народ, будучи в полном собрании, устанавливает новые и уничтожает бесполезные законы, решает уголовные и другие важные дела. 2. Аристократическую, в которой сенат управляет всеми вышеписанными делами. 3. Монархическую, в которой один государь управляет народом на основании законов. 4. Деспотическую, в которой один же государь управляет всеми делами по одной своей воле». Это описание представляет собой довольно точную цитату из трактата «О духе законов».

Еще позднее классификацию Монтескье использовали Н.И. Панин в «Рассуждении о непременных государственных законах» (начало 1780-х гг.) и М.М. Щербатов в целом ряде своих текстов¹⁶.

Нужно, впрочем, отметить: «четверная» классификация Монтескье так и не стала доминирующей в среде российских элит. Так, Ф. Штрубе де Пирмонт,

¹³ О разуме законов... С. 102.

¹⁴ Калинина С.Г. Комментарии // Щербатов М.М. Избранные сочинения. М., 2010. С. 579.

¹⁵ Козельский особо выделял следующих «писателей»: Руссо, Монтескье, Гельвеция и Шефтсбери (которого, правда, не знал по имени и называл «некоторым анонимом»). См.: Козельский Я.П. Философические предложения // Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. Philosophia Rationalis. М., 2010. С. 244.

¹⁶ См.: Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015; Щербатов М.М. Избранные сочинения. М., 2010.

посвятивший трактат «Lettres Russiennes» (1760) опровержению ряда положений Монтескье, в своем учебном курсе «Краткое руководство к Российским правам» (1755) отверг «четверную» классификацию. Вместо нее он предложил своеобразную переработку Монтескье: «В сих обществах вместо Бога либо единственная какая особа власть имеет править подданными, либо сию власть имеют многие люди из самих членов общества. В первом случае общества именуются монархиями, в которых самодержцы иногда одним токмо Законам Божиим, а иногда и публичным некоторым правам следовать обязаны. В последнем называются оныя республиками и разделяются на аристократию, где выше показанная власть некоторому числу знатнейших людей поручена, и на демократию, где весь народ о делах к своему содержанию и благополучию касающихся сам рассуждает и повелевает»¹⁷. В «Lettres Russiennes» Штрубе специально не анализирует классификацию Монтескье – в фокусе его внимания остается почти исключительно проблема различия между монархией и деспотией, и он практически не предпринимает попыток анализировать республиканские формы правления, демократию и аристократию. Тем не менее, классификация, предложенная Штрубе в «Кратком руководстве», вполне согласуется с его мнением о том, что деспотию Монтескье выделяет ошибочно.

Если Штрубе пытался модифицировать классификацию Монтескье и, очевидно, был с ней знаком уже в 1755 г., то другие авторы фактически ее игнорировали: в любом случае, исключенным оказывался деспотизм. Например, В.К. Тредиаковский в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752) говорит о четырех «Формах Правления, коими управляютя Общества, как то о Демократическом, Аристократическом, Олигархическом, Монархическом»¹⁸. В.Т. Золотницкий в «Сокращении естественного права» (1764) полностью игнорирует классификацию Монтескье и характеризует формы правления в соответствии с идеями Пуфендорфа, отмечая, что возможны простые и сложные, «правильные» и «неправильные» формы: «1) Когда владеющий в гражданстве в одной только персоне заключается, то сие владение называется Монархией (Единовластием). 2) Когда владение гражданства состоит в правлении онаго из некотораго числа выбранных мужей, то называется оно Аристократиею (Многоправлением). 3) Когда право владения относится к целому собранию всех граждан, то называется оно Демократиею (Народоправлением)»¹⁹.

¹⁷ См. настоящее издание.

¹⁸ Тредиаковский В.К. Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели // Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского. Т. II. СПб., 1752. С. 273.

¹⁹ Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества Владимиром Золотницким. СПб., 1764. С. 102–103.

Равным образом и профессор Московского университета Х.А. Чеботарев, анализируя в своем «Географическом и методическом описании Российской империи» (1776) различные формы правления, выделяет лишь три формы правления: «Внешняя или наружная власть, по различию правителей, есть или монархическая, или аристократическая, или демократическая». Примерами монархии – «такого рода правления... в котором все дела, внутренние и внешние производятся именем одной особы, то есть главного в нем правителя» – у Чеботарева выступают Испания, Франция и Россия. Аристократиями Чеботарев называет Венецию и Геную, где «главная власть зависит от целой какой нибудь знатной коллегии». Примеров демократической формы правления Чеботарев не приводит вовсе, отмечая лишь, что демократией можно считать «такое государство, в правлении которого участие приемлет весь, составляющий его народ, которой имеет право сам собою избирать к тому способных и доверенных людей». Наконец, он особо оговаривает существование смешанных форм правления – такие, как Англия, которую можно назвать и монархией, и аристократией²⁰.

Классическая «тройная» классификация оставалась востребованной до самого конца имперского периода российской истории, пережив период интереса к классификации Монтескье. Ее, например, охотно использовал один из классиков российского монархизма рубежа XIX–XX вв., Л.А. Тихомиров, который в труде «Монархическая государственность» (1905) отдавал должное Монтескье как глубокому теоретику, но решительно отказывался от его попыток модифицировать классификацию форм правления, настаивая на сохранении классической «триады» из монархии, аристократии и демократии: «Эти три основные начала всегда существовали и давно общеизвестны; анализ политических писателей со времен Аристотеля доселе не открывает ничего нового, кроме их. Попытки изменения Аристотелевой классификации каждый раз оказываются произвольными, подсказанными какой-либо практической тенденцией. Так Монтескье неудачно пытался выделить деспотию в особую форму государства из очевидного желания реабилитировать современную ему французскую монархию»²¹.

Как видим, классификация Монтескье в итоге не стала – несмотря на популярность трактата «О духе законов» – доминирующей в российской общественной мысли. Тем не менее, дискуссии о деспотизме в качестве особой формы правления оказали на отечественных мыслителей XVIII столетия

²⁰ Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776. С. 25–26.

²¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 60.

заметное влияние, прежде всего – из-за массы противоречий и концептуальных сложностей, связанных с использованием дефиниции «деспотизм» в трудах Монтескье. Рассуждение о деспотизме и связанное с этим выделение «принципов» различных форм правления оказались в эпицентре шквала критики сразу после выхода трактата «О духе законов». Но именно отечественный случай – особенный: ведь речь идет о рефлексии над концептом «деспотизма» со стороны подданных державы, которая традиционно расценивалась как деспотия!

Оттого-то применение «четверной» классификации на российской почве представляло собой глубокую проблему, вынуждая остро ставить вопрос о социально-культурной идентичности страны и о легитимности монархической формы правления. Споры о формах правления для российских интеллектуалов были связаны с тем, как следует определить форму правления, существующую в России.

Какое же место должна занимать Россия на мысленной карте форм правления по Монтескье?

Первым и, возможно, самым ярким примером ответа на этот вопрос стал трактат российского юриста Ф.Г. Штрубе де Пирмонта «Lettres Russiennes» (1760), русский перевод которого опубликован в настоящем издании. Сам Штрубе отмечал, что для него мотивом вступить в полемику стала как раз классификация форм правления, предложенная Монтескье: «Невесьма основательное мнение Господина М. о ДЕСПОТСТВЕ или САМОВЛАСТИИ столь обширно и так тщетно, а, яснее сказать можно, и обманчиво, что читателя принудит думать, будто в самовластных МОНАРХИЯХ таких основательных или ЗЕМСКИХ ЗАКОНОВ нет, которые бы неопределенную силу САМОВЛАСТИТЕЛЯ в границы приводили, да только де произвольные узаконения, и те по нещастию в руках у таких злых владетелей, которых непорядочные поступки, никакого общения с формою правительства их не имея, основательнаго землям и народам их установления дать не могут»²².

В этой связи «весьма нужно в других местах того поискать: 1. что есть прямое ДЕСПОТСТВО или истинное САМОВЛАСТИЕ? 2. Само ль оно собою порочное правительство, или по одному действию злаго употребления, кое от него произойти может, недостаточным правлением назваться долженствует?»²³.

²² Lettres Russiennes. 1760. P. 10–11.

²³ «Il est donc important de chercher ailleurs, 1. ce que c'est que le Despotisme proprement dit; 2. si c'est un Gouvernement vicieux par lui-meme, ou par un simple effet des abus, qu'il peut occasionner» (Lettres Russiennes. 1760. P. 14).

Штрубе безошибочно определил проблему использования концепта деспотизма как аналитического инструмента при одновременном сохранении пейоративных коннотаций понятия. Монтескье же, по его мнению, произвольно подбирает примеры из истории азиатских монархий, фокусируя внимание на злых государях и игнорируя хороших. Поэтому Штрубе настаивает на том, что Монтескье смешивает под именем «деспотизма» четыре разных «вида правительства или, скорее, манеры управлять» (*manières de gouverner*): «По приведении сих правил намерение Господина М. о ДЕСПОТИЧЕСКОМ или Господственном правительстве легко усмотреть, что он четыре правительства или четыре весьма различных способа к правлению в одно место смешал: ПОДЛИННОЕ ДЕСПОТСТВО, МОНАРХИЮ САМОВЛАСТНУЮ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ и варварское, то есть непорядочное ПРАВИТЕЛЬСТВО»²⁴.

Далее Штрубе постарался отделить «истинный деспотизм» от «абсолютной монархии». Деспотизм, согласно Штрубе, подобен одновременно и абсолютной монархии, и тирании. Конечно, власть деспота (как и абсолютного монарха) «никакими политическими или гражданскими законами не определена и им отнюдь не подвержена», и «ДЕСПОТ и самовластной монарх кроме того правила и предела воли своей не имеют, что ЗАКОН БОЖИЙ и свет собственного разума им предписывает». Но в деспотии (как и в тирании) «людей не по граждански содержат, а для того они правами и преимуществы жития гражданского не пользуются»²⁵. А потому «ДЕСПОТ владеет такими рабами, о которых он сколько попечения иметь должен, сколько их состояние, а его собственной интерес требует. Вопреки же сему МОНАРХ таким свободных людей под власть свою имеет, что о благополучии их прежде и больше всего стараться должен»²⁶. Уже из этого противопоставления ясно, чем характеризуется абсолютная монархия по Штрубе: власть, не имеющая ограничения со стороны «гражданских» законов, плюс гражданская свобода подданных-граждан.

²⁴ «Le veritable Despotisme, la Monarchie absolu, le Gouvernemet tyrannique, & celui que j'appellerai barbare ou irregular» (Lettres Russiennes. 1760. P. 91).

²⁵ «Le même Gouvernement convient avec le Gouvernement tyrannique, en ce que dans tous les deux les sujets ne font pas traités en citoyens, & ne jouissent pas des droits & des avantages, que leur assure l'Etat civil» (Lettres Russiennes. 1760. P. 94).

²⁶ «Malgré l'égalité du pouvoir, dont joui's l'ent le Despote & le Chef d'un Etat civil, il'esi consiant que le pouvoir de l'un découle d'une source, qui n'a rien de commun avec celle d'où vient le pouvoir de l'autre. Le premier, sans faire attention au bien général, se fait justement obeir en tout ce, qui l'intéress personnellement; les serfs, qui lui appartiennent, n'ayant rien à eux, lui doivent tout. Le Chef d'un Etat civil se fait justement respecter en tout ce qui a rapport au bien public: sans quoi il ne pourroit remplir les devoirs attachés à sa dignité, ni conserver à ses sujets ce qu'ils ont, once qui leur est dû» (Lettres Russiennes. 1760. P. 93–94).

Здесь-то Штрубе и проводит ключевое различие: монарх управляет гражданами ради общего блага, а деспот велит повиноваться ради личного интереса и заботится о своих рабах лишь в той мере, в какой это совпадает с его интересом. То есть монархия населена гражданами, обладающими свободой (которую Штрубе, подобно Монтескье, понимает как личную безопасность и неприкосновенность собственности), а деспотия – рабами, которые принадлежат деспоту.

Сущностное различие здесь – между свободой и рабством: из четырех «манер правления», которые, по мнению Штрубе, были объединены Монтескье под именем «деспотизма», отношения раба и господина предполагает между правителем и подданными только «истинный деспотизм». Остальные три «манеры» – абсолютная монархия, тирания и «варварское» правление – суть «гражданские». Тирания – это злоупотребление: тиран, притесняющий свободных граждан, творит зло, тогда как деспот, принуждающий рабов к своим личным выгодам, не совершает по отношению к ним притеснения (по причинам, которые описаны в первых главах «Lettres Russiennes»). А вот деспотизм по Штрубе – это закономерная форма правления, присущая обществам, где доминируют отношения рабства. По-видимому, именно для того, чтобы подвести под этот тезис доказательную базу, Штрубе и начал свой трактат с пространного анализа отношений между рабом и господином.

Если главной характеристикой деспотизма считать не беспредельную власть государя, а отношения между рабом и господином, то можно указать и на такое правление, которое соединяет в себе не знающую ограничений власть и свободу граждан. Это и есть абсолютная монархия, как ее описывает Штрубе. Следовательно, различие между деспотом и монархом социально обусловлено (обладая близкой по природе неограниченной властью, они реализуют ее в разных социумах) и не сводится к различию между плохим и хорошим государем.

Отсюда Штрубе переходит к детальной критике признаков, которые присущи деспотизму у Монтескье. Например, Штрубе решительно против того, чтобы признать деспотов уступающими в искусстве управления монархам умеренных государств. Штрубе также не видит противоречий между деспотизмом и коммерцией, ссылаясь на заметки П. Рикота об Османской империи («The Present State of the Ottoman Empire», 1668). Довод Монтескье о большом количестве рабов в деспотиях Штрубе парирует – надо сказать, весьма удачно! – ссылкой на Римскую республику с ее развитым рабовладением. *Честь*, которую Монтескье зарезервировал для монархий в качестве основного принципа, знают и уважают, по мнению Штрубе, и в «деспотических землях».

Особенно критически Штрубе настроен по отношению к признанию *страха* основным принципом деспотии. На взгляд Штрубе, страх – обязательный элемент правления... везде, при любых формах правления: «Истинное правило всякого правительства в том более всего состоит, дабы государству приличное и к его определению служащее движение давши, того рачительно наблюдать, дабы законы или указы монарши всею возможною силою без всякого послабления исполняемы были. Но блиское и основательнейшее знание естества человеческого всех нас беспрекословно в том уверяет, что все люди от страху беды, а особливо наказания все дела свои лутче и скорее исправляют. Для сей то притчины законодавцам невозможно было в одном государстве живущих людей к исправному наблюдению законов иными способы привести кроме неизбежного страха и положения разных штрафов за удаление от сих законов. Как же о том и сомневаются, чтоб страх неминуемого наказания не был общим правилом всех правительств и не учился бы равно нужным как в умеренности приведенным, так и тем областям, на которые Господин М. склонить ево хотел?»²⁷. Этот довод Штрубе подкрепляет ссылкой на статью Дж. Аддисона с пространным названием «Ответ на прославленный памфлет, озаглавленный “Аргумент, доказывающий, что страсти народа Англии являются лучшим средством безопасности правления; скромно предложенное к рассмотрению защитникам жестокости и приложенное к текущему положению дел”»²⁸; в этой статье Аддисон детально разбирает вопрос о том, каким образом государю следует употреблять милосердие.

Итак, Штрубе отказался от того, чтобы считать деспотизм формой правления. Вместе с этим подверглось пересмотру и важное замечание Монтескье

²⁷ Le véritable principe de tous les Gouvernemens est ainsi sans doute ce qui contribue plus efficacement que toute autre chose à donner à l'Etat le mouvement convenable à sa destination, & par conséquent à y faire observer les loix, ou les ordres du Souverain, avec le plus de vigueur & le moins de relachement. Or une connoissance intime de la nature humaine nous convainc que rien n'agit avec plus de force sur la plupart des hommes que la crainte de se rendre malheureux. C'est pour cette raison que les Legislateurs ont cru ne pouvoir attacher un plus grand intérêt à l'observation des loix; je veux dire, faire usage d'un motif plus puissant pour engager les hommes réunis en société à y conformer leurs actions, que la crainte d'empirer leur état, à proportion qu'ils s'écartent des loix; & que pour rendre cette crainte plus certaine & son effet plus sûr, ils les sont accompagnés de peines ou de menaces d'un malheur inévitable pour tous ceux qui ofent y contrevenir. Peut-on douter après, cela que la crainte des peines ne soit le principe commun de tous les Gouvernemens, & qu'elle ne soit aussi utile & nécessaire dans les Etats modérés, que dans ceux auxquels Mr. de M. l'a voulu borner? Lettres Russiennes. 1760. P. 161–162.

²⁸ XXXI. Answer to a Celebrated Pamphlet, entitled, An argument to prove the affections of the people of England to be the best security of the Government; humbly offered to the consideration of the patrons of severity and applied to the present juncture of affairs / The Freeholder, of Political Essays. By the Right Honorable Joseph Addison, Esq. Glasgow, 1752. P. 156.

о том, что в монархии одно лицо управляет на основании законов, а в деспотии – по своей прихоти. Поскольку Штрубе настаивает на том, что возможна монархия, не связанная позитивным законом, но ограниченная законом Божиим и общим благом, замечание Монтескье утратило смысл. Различие в данном случае заключается не в законном либо произвольном правлении, и не в том, что одна форма правления опирается на *честь*, а другое – на *страх*, но в личных качествах плохого или доброго государя.

Это особенно видно, если сравнить критические замечания Штрубе с замечаниями датского мыслителя Людвиг Хольберга, который подверг Монтескье критике²⁹ в своих «*Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix*» (1753). Здесь Хольберг отказывался считать деспотизм социологически обусловленной формой правления, полагая, что единственным верным определением деспотизма будет «произвольная власть», которая, впрочем, может быть как доброй, так и злой – в зависимости от личности властителя. Хольберг отмечал: «В Римской империи форма правления была одной и той же при Траяне и при Нероне, одной и той же при Антонине и при Коммодe, одной и той же при Веспасиане и Тите и при Домициане; римляне были столь счастливы под властью первых из них, столь же несчастны под властью последних: это достаточно показывает, что благо и несчастье поданных вытекает не из формы правления, но из хороших или плохих качеств тех, кто ими управляет»³⁰. Ведь Штрубе, словно бы развивая рассуждения Хольберга, обращался к римской истории, чтобы проиллюстрировать различие между «гражданской монархией» и деспотией: «Рим под владением ИМПЕРАТОРОВ своих АВГУСТА и ТИВЕРИЯ был государством гражданским, при ТИВЕРИИ да при НЕРОНЕ учинился государством ДЕСПОТИЧЕСКИМ или простою вотчиною короны»³¹.

²⁹ Эта критика была частью более широких дебатов о труде Монтескье среди датских авторов. См. об этом: Tamm D. The Danish Debate about Montesquieu: Holberg, Kofod Ancher, Sneedorff, Schytte and Stampe // *Northern Antiquities and National Identity: Perceptions of Denmark and the North in the Eighteenth Century*. Viborg, 2008. P. 163–180. См. также: Olesen B.K. *Entangled Positions: from Comparative and Transnational History to Histories of Possible Meaning* // *Zeitenblicke*, 12 (2013). № 1.

³⁰ Далее Хольберг также отмечает: «Он (Монтескье. – К.Б.) определяет любой деспотизм или абсолютную монархию как государство, где не может быть ни чести, ни добродетели. Нет государства более деспотичного, нежели Московия: но нет деспота столь усердно подающего законы государству и вливающего честь и добродетель в своих подданных, чем Петр Алексеевич. Древние Сиракузы никогда не были более счастливыми, чем при беззаконном правлении Гелона и таковом же Гиерона. Я считаю возможным не ссылаться на иные примеры, что повторяет история, это заведет меня слишком далеко» (*Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix* par M. le baron de Holberg. Copenhagen, 1753. P. b3–b4).

³¹ *Lettres Russiennes*. 1760. P. 101.

Штрубе, по сути, предпринял ревизию классификации форм правления по Монтескье. Отмечая, что деспотизм в природе правления ряда стран действительно существует, он полагал, что к России он не имеет отношения: а классификация Монтескье в этом отношении несовершенна и нуждается в корректировке. Ведь деспотия и «гражданская монархия» в социальном смысле различны: для деспотии характерны отношения между рабами и господином, а для «гражданской монархии» – между свободными людьми. Но смыслообразующим для монархии становится различие между личными качествами правителя (плохой / хороший правитель, Нерон или Тит), а не между социальными системами или «принципами» форм правления.

Сходная аргументация спустя десять лет были развернута в «Антидоте» (1770), приписываемом Екатерине II³². «Антидот», написанный с целью полемики с французским автором, Жаном аббатом Шапп д'Отрошем, позволившим в своем «*Voyage en Sibirie*» (1768) враждебные выпады по отношению к российской монархии, уступал трактату Штрубе по степени проработанности аргументов, однако опирался на ряд идей, высказанных именно в «*Lettres Russiennes*». Если автором «Антидота» действительно была императрица, то о преемственности можно говорить с большой уверенностью, поскольку факт знакомства Екатерины с трактатом Штрубе достоверен³³.

Упрекнув Шапп д'Отроша в том, что тот называет русских правителей «деспотами», чье правление «было смягчено особыми обычаями», автор «Антидота» допускает примечательную тавтологию, дважды на двух страницах повторяя один и тот же вопрос: «Во-первых, что разумеется под ненавистным названием деспота, которое вы безпрестанно употребляете? <...> Во-вторых, что разумеете вы под словами деспот, деспотический?» Причем вопросы эти, скорее, риторические, ведь по мнению автора «Антидота», Шапп использует обозначение «деспот» в значении «тирана». Только русских царей называть тиранами нельзя, так как все они принадлежали к законной династии. В доказательство идет ссылка на екатерининский «Наказ», но и тут определения российской форме правления не дается, лишь подчеркивается, что форма эта – «единственная, которая могла бы существовать в России вследствие обширности этой Империи»³⁴. И на вопрос, что же такое деспотия, следует не ответ, а уточнение проблемы: «Такое ли

³² Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д'Отроша о России // Оснадацатый век. Кн. 4. М., 1869.

³³ Польской С.В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 246–247.

³⁴ Антидот... С. 289.

правительство, при котором мгновенная воля одного лица решает все, и эта неписаная воля осуществляется немедленно? Или такое, при котором писанная воля Государя именуется законом?»

Установив это своеобразное различие и по-прежнему не давая названия отечественной форме правления, автор «Антидота» заключает, что форма эта соответствует второму определению: «Мало есть государств, в которых закон уважался бы настолько, как у нас. Никакой судья, крупный или малый, не может постановить решения, не сославшись на закон, сообразно с которым он действует. <...> никакое повеление не должно быть исполнено, если оно не согласно с законом»³⁵. К тому же «нет в Европе народа, который бы более любил своего государя, был бы искреннее к нему привязан»³⁶.

Автор «Антидота», как и Штрубе за десятилетие до него, отмечает, что дворянство в России всегда оставалось свободным. Больше того, свободным было и крестьянство: «Царь Федор Иванович считал нужным прикрепить земледельцев к земле, ибо так как Россия тогда была менее населена, чем теперь, то те, которым не хотелось работать, уходили в места необитаемые, где жили, как хотели, от чего происходили по дорогам грабежи и разбои. Чтобы устранить это зло, земледельцев прикрепили к земле и подчинили ее владельцу. <...> Но не думайте, читатель, потому что народ прикреплен к земле, чтобы он по этому самому находился в крайности. Крестьяне государственные, дворцовые и монастырские платят определенную, умеренную повинность, и когда она внесена, они вполне властны над всем, что могут они приобрести. Большинство дворянских имений находится в тех же условиях. Вообще полагаю, что можно сказать, не впадая в ошибку, что положение простонародья в России не только не хуже, чем во многих иных странах, но что в большинстве случаев оно даже лучше»³⁷. И впрямь, «в России есть весьма богатые помещицы крестьяне», а хорошее обращение с «прислугою» зависит от личной нравственности хозяев. Автор «Антидота» пространно описывает древнюю Россию, настаивая на том, что страна всегда управлялась по законам – своеобразная «древняя конституция» а la Russe.

И тут автор «Антидота» переходит в контрнаступление на Шапп д'Отроша, находя, что на самом деле деспотией является Франция, а не Россия! В целом же, характер власти – это вопрос манеры ее отправления со стороны властителей: «Во избежание того, чтобы они сделались ненавистными через злоупотребление порученною им властью, их тщательно подучают пользо-

³⁵ Антидот... С. 290.

³⁶ Там же, с. 301.

³⁷ Там же, с. 328.

ваться ею искусно и с известною осторожностью; поэтому-то, когда начальники преподают свои приказания, мы часто видим, что они надевают маску кротости и говорят языком учтивости, чтобы уверить подданных что их приказания суть лишь приглашения и что честь, послушание, долг, усердие суть слова однозначущия. Итак, не слишком хвастайтесь, но лучше будем молить Бога, чтобы Он всегда даровал нам государей справедливых и уважающих собственную славу, и тогда мы будем достаточно счастливы»³⁸. В «Антидоте», как и у Штрубе или у Хольберга, красной нитью проходит различие между плохим и хорошим государями, между Титом и Нероном.

Штрубе, Хольберг и Екатерина II совпали в критическом отношении к понятию «деспотия». Историческая конкретика противостоит социологизму и дробит его на множество примеров хорошего и плохого правления. Деспотия, таким образом, не социологическая характеристика, но эффект влияния хорошего или плохого правления. Не то, чтобы Монтескье целиком исключал подобный взгляд – в книге VIII трактата он отмечал, что «реки стремятся слиться с морем; монархии стремятся раствориться в деспотизме»³⁹ – но все же различие представляется существенным.

Сходная, хотя и зеркально отраженная логика предполагала использование понятия «деспотизм» в качестве инструмента критики, в том числе и положения дел в Российской империи. Ярким примером такого обращения может служить «Рассуждение о неперменных государственных законах» (начало 1780-х гг.), составленное крупным сановником, воспитателем великого князя Павла Петровича Н.И. Паниным при участии своего секретаря Д.И. Фонвизина.

Это сочинение, сурово осуждающее екатерининское царствование, содержит ссылку на «четверную» классификацию Монтескье. Панин старается локализовать Россию на воображаемой карте форм правления: «Государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства»⁴⁰.

³⁸ Антидот... С. 243.

³⁹ В переводе XVIII в. эта фраза звучит так: «Реки впадая в моря смешиваются; а самодержавия погибают впадая в самовластные правления» (О разуме законов... С. 209).

⁴⁰ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о неперменных государственных законах // Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 258–259.

Определение Панина, казалось бы, точно следует характеристикам Монтескье. Но при этом Панин не делает однозначного вывода о том, что Россию следует считать деспотией! Ведь в деспотии судья одновременно выступает законом; в России же, по словам Панина, всегда существовали особые «трибуналы» (не вполне ясно, что здесь подразумевается), которые обеспечивали отправление правосудия. Говоря об аристократии, Панин, по-видимому, пеняет на отсутствие в России высших властных коллегиальных органов. Монархией Россию нельзя назвать по причине отсутствия «фундаментальных законов» (в число которых входит прежде всего порядок наследования трона). Наконец, знаменитое выражение Панина об отсутствии в России демократии нуждается в особом комментарии: под народом, «носящим безгласно бремя жестокого рабства», подразумеваются крепостные крестьяне. Здесь, очевидно, содержится отсылка к мнению Монтескье о том, что в республике (а демократия – одна из ее форм!) рабства быть не должно.

Формулировка об «истребившейся форме правления» указывает на основательное знание Паниным трактата Монтескье. Почему Панин не назвал Россию деспотией напрямую? В адресованном Павлу Петровичу сопроводительном письме к «Рассуждению о неперменных государственных законах» брат Н.И. Панина, генерал П.И. Панин, характеризовал деспотизм в России как «распространяющийся из всех уже Божеских и естественных законов»⁴¹. Такое определение вполне соответствует взгляду, в котором деспотизм предстает не данностью, но перспективой; его не преодолевают, а избегают. И у Панина понятие «деспотизм» выступает не инструментом анализа, а отрицательно-оценочным определением – пейоративным ярлыком, используемым для резко критической характеристики ухудшающегося положения дел. И при этом никогда – для, например, исторического анализа.

Как же можно спастись от ужаса «распространяющегося» деспотизма? «Рассуждение о неперменных государственных законах» содержит своеобразную программу, в которую входит установление «фундаментальных законов». Завершается оно апелляцией к персональным качествам монарха: «Кто не любит в государе мудрого человека? А любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим»⁴².

⁴¹ Шумигорский Е.С. Приложение // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 2.

⁴² Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о неперменных государственных законах // Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 260.

Еще один известный критик императорской власти, князь М.М. Щербатов, тоже использовал концептуальный инструментарий Монтескье. Как мы уже отметили выше, Щербатов был среди первых российских авторов, обратившихся к классификации форм правления по Монтескье. Мы начнем с анализа «Замечаний» Щербатова на екатерининский «Наказ», поскольку этот текст представляется довольно редким для России XVIII в. примером полемики (в данном случае, правда, заочной) между двумя авторами, предлагающими разные интерпретации идей Монтескье. Здесь в большинстве случаев Щербатов солидаризируется с Монтескье, дополняя ссылки на главы трактата «О духе законов» собственными примерами. В «Замечаниях» Щербатов охотно использует «четверную» классификацию, поскольку это позволяет ему обнаружить в екатерининском тексте отступления от текста Монтескье и показать, что Екатерина искажает оригинальную мысль французского автора, говоря о деспотии под видом монархии – разумеется, по мнению Щербатова (мы не утверждаем, что Щербатов говорит об «истинном» Монтескье, а Екатерина – о «ложном» или «превратно истолкованном»).

Полемизируя с императрицей, Щербатов вместе с тем вступает в полемику и с самим Монтескье. В частности, он атаковал его идею о том, что обширное государство требует деспотической формы правления, поскольку просторная территория нуждается в быстром решении дел и стремительной защите границ. Щербатов критически оценивает способность деспота принимать быстрые и качественные решения и – в классическом республиканском духе – ссылается на пример древнего Рима, стремительно расширявшего свои владения при республике и начавшего утрачивать территории, когда «с падением власти сенатской, то есть тогда, когда власть императоров неограничена стала и вместо мудрых советов советам льстецов стали последовать, сия сильная империя слабыми народами разрушена стала»⁴³.

Щербатов интерпретировал «самодержавную» форму правления, о которой говорилось в екатерининском «Наказе», как деспотию. Это дало Щербатову повод несколько раз указать на то, что «Наказ» и трактат Монтескье расходятся: Екатерина не без лукавого умысла подменяет понятия и называет «самодержавием» (монархией) ту форму правления, которую Монтескье именует «деспотизмом». Считать же Россию монархией невозможно, потому что в ней нет фундаментального закона.

Так, в примечании на статью 21 «Наказа» Щербатов рассуждает о том, что Генеральный регламент Петра I, который мог бы функционировать как

⁴³ Щербатов М.М. Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины // Щербатов М.М. Избранные сочинения. М., 2010. С. 56.

фундаментальный закон, на практике не работает, поскольку сенат не реализует свое право представления и не становится противовесом власти государя: «Отчего же сие происходит? Оттого ли, что государи в ошибки не впадают? Сие невозможно, ибо, быв люди, есть подвержены к слабостям человеческим. Или оттого, что сенаторы или не видят пороков или, и видя их, не смеют противуречить? В сем обоим состоит вина государская, зачем в первое правительство государева определять непросвещенных или нетвердых людей. В самом же деле мне кажется, что государи, оставляя пребывать сей закон, не желают видеть исполнение по нем и вследствие сего таких и людей в сенат сажают, бояся, чтобы твердые своими представлениями не нарушили их власть, что они бунтом почитают, хотя бы в самом деле сие было сохранения пользы государства и умножения славы монарха, а неисполнение сего обоим сим неизбежной вред приключает»⁴⁴.

По этой же причине не может быть в России и никакого «хранилища законов», поскольку вместо законов государство управляется изменчивой и капризной волей государя. Щербатов с вариациями повторяет эту мысль в замечаниях на пункты 18, 19, 21, 23, 26, 27.

Россия предстает в «Замечаниях» Щербатова как деспотия, в которой государь наделен неограниченной властью, исполнительная и законодательная власть соединены в одном лице, а фундаментальных законов не существует, как не существует «посредствующих властей» и хранилища законов. Щербатов, однако, на этом не останавливается: он говорит о том, что деспотизм оказался результатом целенаправленных действий государей – например, сознательным назначением конформистов в Сенат или отказом составить «основательные законы».

Критические стрелы по адресу монархии, которая движется по пути к деспотизму, своеобразно свидетельствовали, что базисно российская монархия является «умеренной». В этом смысле критически настроенные авторы – такие, как Панин или Щербатов – отличались от Штрубе лишь тем, что признавали Россию движущейся к деспотизму, а не удаляющейся от него. Но и они считали основной идентичностью России «истинную», «умеренную», «гражданскую» монархию, принадлежащую к европейской культуре и потому не порождающую деспотизм имманентно. Ключом к решению проблемы по-прежнему оставались личные качества монарха, который мог управлять хорошо или плохо, ускоряя дегенерацию или, напротив, сдерживая ее. Н.И. Панин в «Рассуждении о непременных государственных законах»

⁴⁴ Щербатов М.М. Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины. С. 60.

отмечал: «Желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властью. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю?»⁴⁵ Итак, хороший монарх – это *добродетельный* монарх.

Примеры, приведенные нами в данной главе, позволяют сделать вывод: несмотря на то, что в ряде случаев российские авторы (как критически настроенные, так и лояльные по отношению к царствующим особам) использовали классификацию форм правления по Монтескье, они все-таки отказывались относить Россию к числу стран, в которых деспотия была исторически сложившейся формой правления. Это касалось не только Штрубе, полемизировавшего с Монтескье по поводу правомочности выделения деспотизма в качестве отдельной формы правления, но и Панина или Щербатова, охотно использовавших концепцию деспотизма в критических целях. Указанные авторы хотя и использовали глоссарий Монтескье, не были готовы принять его социологический взгляд на различия форм правления. Вместо этого они проводили грань между монархией и деспотией как царствованиями хорошего и плохого государей – в зависимости от того, наделен ли государь достаточной *добродетелью*. Отсюда следует, что само понятие *добродетели* – как мы кратко отмечали выше, в главе 1 – было важной частью политической культуры России XVIII в. Больше того: для обсуждения политических проблем это понятие было в числе основных инструментов.

Что же такое *добродетель*, согласно Монтескье? Монтескье различает «политическую» (республиканскую) добродетель и мораль. Первая предстает у него в духе философии Макиавелли: республиканская добродетель – это не моральное или религиозное качество, но исключительно политическая добродетель, «любовь к отечеству; то есть любовь к равенству», каковая «составляет пружину приводящую в движение правление в общенародной державе так, как честь составляет пружину самодержавного правления»⁴⁶. Политическая *добродетель* в большей степени присуща республикам. Подобный подход навлек на Монтескье критику – и уже упоминавшийся нами Хольберг решительно критиковал утверждение Монтескье о том, что *добродетель* является принципом республик, а *честь* – принципом монархий.

Российская интеллектуальная традиция XVIII в. опиралась на религиозное или, лучше сказать, цицероновское понимание морали как объективного стан-

⁴⁵ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 256.

⁴⁶ О разуме законов... С. III.

дарта поведения, который остается неизменным в меняющемся мире. Вкратце этот господствующий взгляд можно охарактеризовать как утверждение о том, что в мире существуют этические ценности, управляющие поведением вне зависимости от обстоятельств, и тот, кто следует им, живет добродетельной жизнью. Как отмечает О.В. Хархордин, российская традиция составления инструкций о добродетельной христианской жизни (главным образом, компилятивных – таких сборников, как «Измарагд» и многие другие) может быть прослежена до Средневековья, однако «массовое авторское производство дискурса о добродетелях в России появляется только с развитием жанра проповедей для высших чинов московского двора в середине XVII века»⁴⁷.

Скажем, в упомянутом уже сочинении «Ифика Иерополитика» (1712), отмечалось: «Увещевает добродетель презирати временная, да вечная взыщем, она же, повреши вечная, еже бы удобь временная взыскати. Та долг христианский предлагает, еже на небеси полагати сокровище: а сия на земли, добродетель к целомудрию, злоба же к сладостем путь предсказует. Добродетель повелевает во всех делах, и словесех истину хранити. Злоба же глаголет: егда корысти есть снискание, ни единой тогда лжи отрицайся. Та повелевает: да живеши твоими доволен: сия же, да и чуждая граблением, или хищением внесеши в дом твой. Добродетель жити сказует, да благо твориши, злоба же всему злу учит, да живеши оттуду. Добродетель, да лучший будеши и премудрейший, да с молчанием в госпode надежду имамы, сказует. Злоба же: да токмо болший, и силнейший, аще и безумен будеши, да много-речив, величав, и в богатствах положиши надежду твою: дает совет. Таковыя, и сим подобныя суть добродетели и злобы советы»⁴⁸.

«Ифика Иерополитика» была создана в начале XVIII в. Но и в конце века тема оставалась актуальной. Видный проповедников екатерининской эры, епископ Ириней (Клементьевский), так характеризовал христианскую добродетель: «Но христианин при всем том непоколебим остается в своей добродетели. Он правилам света противопоставляет правила веры»⁴⁹. В другой проповеди Ириней утверждал: «С умножением разврата умножились вместе и пороки, возрасли страсти, злоба укоренилась. Для того нужны стали быть законы, издаваемые от мудрых и попечительных правителей, чтобы поставить

⁴⁷ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 296.

⁴⁸ Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и присподоблении изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев, 1712. С. 5.

⁴⁹ Продолжение поучительных слов, говоренных при Высочайшем дворе Ея Императорского Величества благочестивейшей государыни императрицы Екатерины II и в других местах, синодальным членом преосвященным Иринеем епископом Тверским и Кашинским. СПб., 1794. С. 28.

человеческие страсти в умеренности, и привести оные в порядок, дабы чрез то отвратить как явные, так и сокровенные случаи, могущия вредить другим. Сии законы, поелику имеют отношение к воле Бога, и к началам добродетели, бывают священнейшими обязательствами, коих нарушить нельзя, чтоб купно не нарушить силы совести»⁵⁰. Ириной заключал: «Тот есть добрый гражданин, кто истинный христианин, и тот прямо полезен в обществе, кто истинно благочестив в вере»⁵¹. А в сочинении «Сеятель благочестия к пользе живота нынешнего и грядущего, или Высокая христианская нравственность, соединенная с душеспасительными размышлениями» (1798) священника И.М. Кандорского отмечалось: «В человеческих законах иногда много излишнего предано, а иногда много не достаёт нужного: с превратностию времени они всегда переменялись и переменяются; от сего-то происходит, что одно общество другого более или менее блаженствует: но Закон Откровенный по всецелости своей всегда и всем руководствует равно к истине и блаженству»⁵².

Подобного взгляда, впрочем, придерживались не только духовные авторы. В.К. Тредиаковский в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752) воспел *добродетели* настоящий гимн: «Что есть сия вселюбезная и великоименитая Добродетель? Она есть Навык воли наша, по силе коего, разумною кто возбужденный Любвию, должности преднаписанные в Законе исполняет. О! вещь, о! действие, о! плод, о! польза. Что в жизни нашей моет потребнее быть сего и дражайше?» Добродетель важнее и мудрости, и благоразумия, поскольку она всегда остается постоянной: «Добродетель отнюдь никому и ни себе вредительна быть не может: тем бы самым лишилась природного своего Существа, ежелиб в злое уклонилась. Но острый Разум есть как обоудный меч, и держащего повредить, и нападающему живот может исторгнуть»⁵³.

Итак, истинная христианская добродетель манифестируется, во-первых, неизменной, во-вторых, принципиально важной для общего блага, общественной пользы (поскольку именно христианин, твердо придерживающийся добродетели, является «добрым гражданином»). Подобное представление о добродетельной жизни, конечно, конфликтовало с классификацией Монтескье, который разделял (в духе Макиавелли) добродетель политическую и моральную.

⁵⁰ Продолжение поучительных слов... С. 35.

⁵¹ Там же, с. 38.

⁵² Сеятель благочестия к пользе живота нынешнего и грядущего, или Высокая христианская нравственность, соединенная с душеспасительными. Трудов П.Д.И.М., 1798. С. 145.

⁵³ Тредиаковский В.К. Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели // Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василия Тредиаковского. Т. II. СПб., 1752. С. 287–288.

Примером тому служит трактат Я.П. Козельского «Философические предложения». Козельский хотя и называет Монтескье в числе своих любимых мыслителей, но по существу дезавуирует его идеи относительно «принципов» различных форм правления: «Господин Монтескиу пишет, что в самовластных правлениях трудно или и не можно быть добродетельным людям; мне думается, что о сем деле лучше только думать в своей мысли, а не говорить для знания всем, а публично лучше советовать, что в каком бы то ни было правлении можно быть народу добродетельным, ежели только он станет стараться о том и отвращаться от повадок к порокам с тем обнадеживанием, что чрез такое великодушное терпение со временем выведутся из общества повадки к порокам. Оказание от господина Монтескиу сего и нескольких других предосудительных человеческой пользе знаний недостойно великого его духа и доказывает, что он когда не выше, то по крайней мере равно почитал в сравнении разум с добродетелью»⁵⁴.

Согласно Козельскому, добродетель – это «способность или склонность в человеке к наблюдению правости»⁵⁵, причем Козельский противопоставлял добродетели разум, полагая, что философы несправедливо отдают предпочтение последнему. Понимая добродетель как «правость»⁵⁶ Козельский придавал ей черты *универсального* качества, укорененного в религиозном характере: «Некоторые люди думают, будто бы добродетель есть мнимая, а не существенная вещь, потому что в одном народе или времени почитается за порок то, что в другом – за добродетель; из чего видно, что они смешивают качества, зависящие в своем существе от обычаев и потому подверженные переменам, с прямою добродетелью, которая в своем существе не зависит от обычаев и не подвержена переменам, потому что она есть постоянное хранение справедливости»⁵⁷. Переходя от морали к политике, Козельский подчеркивает, что способность людей придерживаться добродетели социально обусловлена, зависит от законов и обычаев и, таким образом, задачей правителя является наставление подданных на путь добродетели с помощью законов – «а когда число добродетельных людей превзойдет число порочных, то тогда уж порокам весьма трудно будет усилиться, и порочные люди принуждены будут поневоле стараться быть добродетельными; а ежели б они

⁵⁴ Козельский Я.П. Философические предложения... С. 249.

⁵⁵ Там же, с. 194.

⁵⁶ Ср. «правоту» как важнейшую добродетель мудрого монарха у Н.И. Панина (Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о неперменных государственных законах // Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 252).

⁵⁷ Козельский Я.П. Философические предложения... С. 232.

того не захотели, то в таком случае можно будет поступать с ними так, как иудеи с прокаженными»⁵⁸.

Таким образом, добродетель в «Философических предложениях» Козельского – это хорошо известная в России XVIII в. (от Тредиаковского до Ириня) морально-этическая категория, связанная с соблюдением «должностей» в отношении других людей и с жизнью в соответствии с неизменными этическими нормами. Моралистский взгляд Козельского на универсальную социальную функцию добродетели резко отличается от социологизма Монтескье, разделившего «политическую» и моральную добродетель⁵⁹. Именно такой взгляд может считаться характерным для российской политической мысли XVIII в.

И, как писал А.П. Сумароков в 1740-х гг.:⁶⁰

Прибытка, счастья и славы
Основан в истине предел,
Блаженства твердыя державы,
Благих побед, великих дел, –
Не сила, ум един содетель,
Хранящий в сердце добродетель.

Призывы к добродетельной жизни наполняли страницы журналов, в оригинальных и переводных сочинениях. Так, в стихотворении «Наставление богатому сыну от бедной матери», напечатанном в «Санкт-Петербургском журнале» И.П. Пнина (автором, по-видимому, был сам Пнин) в 1798 г., говорилось:

Знай, чрез один порок в презрение придешь,
Чрез добродетель же сердца всех привлечешь;
И хоть несчастную во оной жизнь проводишь,
Везде любовь других с жалением находишь;

⁵⁸ Козельский Я.П. Философические предложения... С. 249.

⁵⁹ Как отмечено выше, социологизм Монтескье не находил отклика у российских авторов XVIII в. И если Козельский утверждал, что добродетель – универсальная категория, не зависящая от формы правления (и, значит, можно быть добродетельным человеком при монархической форме правления), то М. М. Щербатов, напротив, доказывал в «Замечаниях», что республиканская форма правления опирается не только на добродетель, но и на честь и славу: «И в самом деле, кажется, что в републиках слава должна более граждан побуждать, ибо вся честь и слава, упавшая на общество республиканское, каждой особо себя участником оные считает» (Щербатов М.М. Замечания... С. 58).

⁶⁰ Сумароков А.П. Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // А.П.Сумароков. Избранные произведения. Л., 1957. С. 57.

Спокойства чувствуя неоцененный дар,
Разрушить коего не может злой удар.
От жизни роскошной и праздной удаляйся,
И строгостью трудов порокам противляйся.

Аналогичный взгляд на добродетель исповедовал и М.М. Щербатов. Демонстрацией морального универсализма стало заключение знаменитого памфлета Щербатова «О повреждении нравов в России», в котором он намечает пути к выходу из «повреждения нравов». По его мысли, следует «просить Бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было». Остановить коррупцию сможет «Государь искренно привязанный к закону Божию, строгий наблюдатель правосудия, начавши с себя умеренного в пышности царского престола, показующаго пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующаго собой пример своим домашним согласием с своею супругою, и гонящаго любострастие, щедре без расточительности для своих подданных и искавшаго награждать добродетели, качества и заслуги без всякаго пристрастия, умеющаго разделить труды; что принадлежит каким учрежденным правительствам и что Государю на себя взять, и наконец могущаго иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательныя права Государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять»⁶¹.

Такой монарх – перечень его положительных качеств в определенном смысле соответствует перечню тех «поврежденных» в России добродетелей, с которого Щербатов начинает свой текст – сумеет остановить погружение страны в трясину коррупции и утвердит в государстве добродетель. «Повреждение нравов» описано в социальных категориях, а противодействие ему Щербатов усматривает в личном примере добродетельного монарха. Эта идея продолжает фенелоновскую, неостоеческую или антимакиавеллистскую (возможны различные дефиниции) традицию – и в любом случае ее следует считать отвечающей российской практике XVIII в. с характерным морально-политическим языком.

В сходном ключе вопрос о добродетели рассматривался и в морально-политических романах Ф. Эмина. В «Приключениях Фемистокла» (1763), выступавших своеобразной адаптацией фенелоновских «Приключений Телемака», Эмин (устами самого Фемистокла, беседующего с сыном Неоклом) рассуждает о добродетели: «Ты меня спрашиваешь, что разумеется чрез постоянность, и где ее сыскать. Разве не знаешь, что человек всего у самого

⁶¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 94–95.

себя искать должен? <...> Ты в Афинах рожден и просвещения тебе не недостает, разум также имеешь, но надобно его постоянным рассуждением укрепить, что сделать можно чрез преодоление самого себя: ибо над собою господином быть не может, тому страстям своим невольников быть довлеет. Необходимо взять добродетель за прямую цель, к которой все наши желания стремиться должны, никогда не дать сбиться мыслям нашим с истинного пути, опровергать все противные предметы, кои нас с точности дороги совратить могут, богов призывать на помощь, чтоб нас вдохновениями своими к справедливости подвигали»⁶².

Аналогичные рассуждения присутствуют и в романе «Письма Эрнеста и Доравры» (1766). Этот роман – имитация таких романов, как «Юлия или Новая Элоиза» Руссо и «Клариссы» С. Ричардсона – содержит, помимо любовной фабулы, обширные высказывания Эмина по различным общественным вопросам, включая власть и воспитание, в III и IV томах фактически превращающих повествование в череду авторских эссе по актуальным общественным вопросам⁶³. В 6-м письме Ипполит (добродетельный друг главного героя) упрекает Эрнеста (главного героя, который из-за несчастной любви бежит от света и становится затворником) в попытках оправдать свое безнравственное отшельничество хитрыми софизмами: «Добродетель презирают одни только люди безбожные, которые бога не знают, и думают, что в природе все по случаю, произведено, и что по оному же случаю как добро, так и зло делается. Таких людей заблуждения по большей части происходят от испорченной совести. Они, чтоб не чувствовать жестокого оной угрызения, выдумывают такие мысли, которая бы могли им сделать облечение в мучении от злой их совести производящем, потому что одно только в таком случае бывает облегчение, то есть перестать вовсе зло делать и быть добродетельным; они, чтоб не чувствовать внутренних угрызений, начинают неверить существу предвечному, которое злобных наказывает, и утверждают,

⁶² Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. Сочинение Федора Эмина. М., 1781. С. 31.

⁶³ «Можно сказать, что сентиментальный роман, который в сущности исчерпывается в конце II части разлукой двух молодых влюбленных и браком Доравры, в III и IV частях превращается в трактат просветительно-классицистического характера. Переведенная в социально-политический план, оппозиция "добродетель / порочность" уже не оспаривается силой любви, а связывается с глубоким гражданским чувством, с убеждением в необходимости социального спора. <...> Помимо очевидных параллелизмов в романе Эмина проявляется возрастающий интерес к собственной стране, ее положению, самобытности ее культуры и возможным путям ее развития» (Феррации М. «Письма Эрнеста и Доравры Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение? // XVIII век. Т. 21. СПб., 1999. С. 169.

что все делается по случаю»⁶⁴. Показательно, что рассуждения о важности добродетельной жизни, отсылающие к единой и неизменной добродетели, здесь перетекают в обличение атеистов.

Будучи неизменной, добродетель противоположена пороку. Господство порока над человеком означает одновременно капитуляцию перед изменчивой Фортуной. На этом различии построено, в частности, упомянутое выше «Рассуждение о непременных государственных законах» Н.И. Панина. Государь, согласно Панину, должен обладать особым знанием о пределах и характере собственной власти. Таким знанием обладает «просвещенный» монарх, которого от падения (т.е. стремления к деспотизму и порабощения порокам) удерживают добродетели – «правота» (справедливость) и «кротость» (смирение). Говоря об этих добродетелях, Панин следует тем же путем, что и описанные выше авторы: «Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям»⁶⁵.

А поскольку «главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением», только личный пример государя обладает спасительной силой: «Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие»⁶⁶.

Так все же законы правят или добродетельный государь? «Рассуждение» Панина остается в этом отношении амбивалентным. Править должны законы, «кои выше себя ничего не терпят»; однако в стране, исторически не бывшей деспотией, фундаментальный закон монарх должен даровать, а не восстановить. Институциональное оформление власти становится второстепенным по отношению к личным качествам государя⁶⁷, и – хотя желание «самовластия»

⁶⁴ Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина. Ч. IV. СПб., 1766. С. 38.

⁶⁵ Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах // Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 255.

⁶⁶ Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах... С. 259.

⁶⁷ Bugrov K.D. Les institutions d'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita Panin (1760–1780) // Cahiers du monde Russe. № 53/4. 2012. P. 507–522.

явный порок – «самовластнейшим» будет тот монарх, который более любим подданными.

Добродетель в российской политической мысли XVIII в. – это цicerоновская добродетель *вообще*, «честная жизнь», вытекающая из универсальных моральных норм. Она связана с христианской добродетелью, но, будучи ее проекцией в изменчивый мир секулярных отношений, имеет ярко выраженную активную направленность и связана с общественной пользой – не случайно у Эмина Ипполит упрекает Эрнеста в том, что тот избегает общества; закономерно, что Сумароков называл *добродетель* «душой общего блаженства»⁶⁸. Прожить добродетельную жизнь можно лишь в обществе – необязательно при дворе, можно и в собственном имении, но *добродетель* в любом случае требует труда и общения с другими людьми. Разделение, которое Монтескье – следом за Макиавелли – проводил между моральной и политической добродетелью, не было востребовано российскими авторами; соответственно, российская интеллектуальная элита (даже та ее часть, которая заимствовала «четверную» классификацию Монтескье) использовала концепцию добродетели, отличную от той, которая появляется в трактате «О духе законов».

Центральным вопросом, вытекавшим из обсуждения *добродетели*, была проблема воздаяния. Характер *добродетели* оставался неизменным, поскольку она была укоренена в религии и предполагала абсолютное воздаяние – или, по выражению Сумарокова: «Памятуй, что есть Бог на свете, и что данная нам Богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб и она чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит: и ежели есть Бог так будет и возмездие: а Бог конечно существует»⁶⁹.

Монарху надлежит карать порочных и награждать добродетельных, о чем Сумароков не преминул напомнить Екатерине II в речи на день ее коронации: «Плакал Тит, когда беззаконникам подписывал казни; плакал но подписывал; ибо без того, был бы он участником соделанного ими беззакония. Буди Государыня, буди всегда матерью любезному своему народу, награждай добродетель, исправляй пороки наши и рази беззакония! буди чадолюбивая Матерь и страшный судия. Злодеи ни малейшаго помилования не достойны. Политика определяет им казни, дабы отвратити других от подобного злодейства, а истинна отмщения требует, хотя бы сим отомщением и не отвратилися другия

⁶⁸ Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова. Т. VI. М., 1781. С. 245.

⁶⁹ Там же, с. 249–250.

злодеи от беззакония, ради сего единого, что бы добродетель над беззаконием торжествовала»⁷⁰.

В статье «Четыре ответа», помещенной в «Трудолюбивой пчеле», Сумароков развертывал своеобразную программу противодействия порокам в общем виде: «Я бы неусыпно старался о благополучии моего отечества, о возбуждении добродетели и достоинства, о награждении заслуг, о утолении пороков и о истреблении беззакония, о приращении наук, о умалении цены необходимых жизни человеческой вещей, о наблюдении правосудия, о наказании за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшении лжи, лести, лицемерия и пьянства, о изгонении суеверия, о уменьшении ненадобного обществу великолепия, о уменьшении картежной игры, чтоб она не отнимала у людей полезного времени, о воспитании, о учреждении и порядке училищ, о содержании исправного войска, о презрении буянства, петиметерства и искорении тунеядства»⁷¹.

При всем том человек – всего лишь человек: он слаб и подвержен порокам, а в обществе зачастую могут преобладать злые люди, поэтому искусство добродетели принимало характер искусства прожить не только добродетельную, но и *безопасную* жизнь. Как формулировал Н. И. Новиков в статье «О добродетели», помещенной в журнале «Утренний свет» (1780): «Самое лучшее расположение к добродетели есть вообще прямое добросердечие, благородство и честность во всех наших действиях; но сие праводушие должно сходствовать с слабостию человеческою: если всегда ходить наклоня голову, то, спотыкнувшись, можно опасно ушибиться»⁷². У Эмина в 3-й книге «Писем Эрнеста и Доравры» Ипполит отмечает: «Когда уже природа наша на то испорченным светом осуждена, чтоб в ней разные случаи разные производили действия, то надобно нам о том по большей части стараться, чтоб сколько возможности нашей будет, основывать наши желания и старания на добродетели и на пользе общественной»⁷³.

Ипполит заключает: «Оставь, прошу, такая пустынноческие мысли; трудись ради пользы общественной. Что тебе нужды до несправедливых людей? Ты знаешь, что добродетель всегда сыщет свое место. За оную когда нибудь вечная справедливость нам обещает награду»⁷⁴. В практических действиях

⁷⁰ Сумароков А.П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова. Т. II. М., 1787. С. 230–231.

⁷¹ Трудолюбивая пчела. СПб., 1780. С. 368.

⁷² Новиков Н.И. Избранные сочинения М.; Л., 1951. С. 397.

⁷³ Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина. Ч. III. СПб., 1766. С. 161–162.

⁷⁴ Там же, с. 171.

надлежало следовать доводам разума, контролировать страсти и принимать хорошие советы.

Российские авторы решительно настаивали на том, что жить добродетельной жизнью в монархии следует даже и при плохом правителе. Добродетель возможна при любой форме правления, а не только при республике; она имеет не политический, а моральный характер, однако без нее нельзя быть хорошим правителем или гражданином / подданным. Проблема власти, таким образом – это проблема практического осуществления добродетели, которая и отличает хорошего государя от плохого. Стремление к деспотизму в таком случае становится пороком, проявлением власти страстей над человеком.

Но что служит источником добродетели или порока? Разумеется, речь не шла о случайном распределении пороков или добродетелей. Напротив, лейтмотивом морально-политической литературы были пространные указания о том, как следует достигать добродетельной жизни в обществе; не только о том, как сделаться добродетельным (сходную тематику интенсивно разрабатывали и в рамках политического богословия XVIII в.), но и как сделать добродетельными других людей. Если можно культивировать *добродетель* с помощью наставлений в данном несовершенном обществе с помощью определенных мер, значит, добродетель и порок обладают определенными социальными условиями.

§ 2. Российский Салент: коммерция, коррупция и роскошь

Как уже говорилось выше, именно такая задача и отводилась доброму государю, Титу российской публицистики XVIII столетия. Чтобы разобраться в том, каким образом добрый государь должен был наставлять общество на путь *добродетели*, нам нужно обратиться к интеллектуальному наследию Франсуа Фенелона, епископа Камбрэзского и воспитателя наследника французского трона Людовика, герцога Бургундского. Речь идет, конечно же, о романе «Приключения Телемака» («Les Aventures de Télémaque», 1699), который был едва ли не популярнейшей книгой русского XVIII в.

«Телемак», – как считает современный исследователь И. Гонт, – «захватывал воображение читателей по всей Европе, и для многих он оказался куда более величественной картиной, чем критика рынков со стороны классического республиканства. Республиканцы выступали против роскоши потому, что она подрывала военную доблесть. Фенелон выступал как против роскоши,

так и против войны»⁷⁵. И действительно, монархия, описанная Фенелоном в «Приключениях Телемака» (прежде всего – картина Салента, павшего было в бездну коррупции, но возрожденного мудростью Ментора), предполагала превосходство аграрного над торговым, мира – над войной.

Фенелон подкрепляет идеи, высказанные устами Ментора, с помощью историко-мифологических примеров. Одним из таких примеров стало описание Крита, наслаждающегося счастьем благодаря законам Миноса. Здесь «всяк работает, и никто не ищет себе богатства, всяк вменяет себе во мзду житие свое покойное и законное, когда получает мирно и изобильно все, к житию своему по нужде потребное. Драгие уборы, одежды богатые, обеды лакомые, дома позлащенные заповеданы». Роскоши на Крите нет, здесь карают «три зла, которыя в протчих народах без наказания оставляются, то есть неблагодарствие, лукавство и сребролюбие». Узнав о процветании Крита, Телемак спрашивает Ментора – своего наставника, в конце романа оказавшийся воплощенной богиней мудрости Минервой – в чем же состоит царская власть?

Ментор дает развернутый ответ-поучение: «Все может над народом, а над ним – законы. Имеет власть самодержавную делати добро, а связанные руки – на зло. Народ вручил ему закон, яко драгое сокровище, чтоб был своим подданным отец. Хотят, чтоб един человек своею премудростию и воздержанием всем людям служил во благополучие, а не весь бы народ в бедности своей и недостойной службе служил гордости и сластолюбию единого человека. Царь не имеет лишняя власти. Ничего, кроме потребного, или во облегчение трудных его дел, или ради народного почтения, хранителю закона достойного. Царь должен быть всех водержнее, сластолюбия неприятель, не раскошлив и не горд. Не должен багатитися и веселитися, но бысть премудр, благочестив и славен паче всех человек. Вне царства своего повинен защищати отечество и учреждати войски, а в своем царстве – судити народ, дабы был благ, премудр и благополучен. Не ради его самого поставили его бози царем, но чтоб был слуга всему народу и употребил свое время, свое попечение и свою любовь во благое народу. И толь достоин царства, колко может народу служить»⁷⁶.

Когда критяне изгнали своего царя Идоменея, убившего – по трагической случайности – собственного сына, они столкнулись с необходимостью избрать нового царя. Кандидатам, в том числе и оказавшемуся тогда на Крите

⁷⁵ Hont I. *Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, 2010. P. 26.

⁷⁶ Фенелон Ф. *Похождение Телемака*. Русский рукописный перевод 1724 года. Т. I. СПб., 2011. С. 69.

Телемаку, был предложен ряд состязаний: вначале на силу и ловкость, затем – на толкование вопросов из книги Миноса, первого царя Крита, известного великой мудростью и добродетелью. Кандидатам было предложено три вопроса: «Кто более свободен?», «Кто наиболее несчастлив?» и «Кого из двух следует предпочесть – царя, несокрушимого на войне, или царя, который, безо всякого военного опыта, способен премудро управлять гражданским правлением в мирное время?» Мудрые ответы, которые Телемак дал на эти вопросы, являются по сути небольшим «трактатом в трактате», раскрывающим детали образцовой монархии согласно взглядам Фенелона: предпочтителен, конечно, миролюбивый монарх, контролирующий себя и обладающий мудростью и добродетелью. Мудрость Телемака поразила добродетельных критян настолько, что они немедленно предложили ему занять вакантный трон (в другом месте Фенелон отмечает, что Минос сам заповедал, чтобы его потомки правили лишь при условии повиновения установленным Миносом законам, поскольку любил свой народ больше, чем свою семью).

Ярчайшей иллюстрацией идеальной монархии в «Приключениях Телемака» стало государство Салент, история о котором занимает IX – XII книги. Особенно важна XII книга, в которой описаны многочисленные преобразования, которые царь Салента, изгнанный с Крита Идоменией, произвел по совету Ментора, чтобы сделать Салент процветающим, а его жителей – добродетельными.

В Саленте Ментор организовал процветающую торговлю, обеспечив купцам безопасность и с помощью законов исключив банкротства. В то же время он принял самые суровые меры против распространения роскоши. Так, Ментор посоветовал Идомениею ввести особую одежду для каждого «чина» людей, питаться простой пищей, изгнать всех ремесленников («художников»), производящих предметы роскоши (исключая «резчиков и живописцов», поскольку они должны будут употребить свои искусства для сохранения в памяти народа «великих людей и их дела»), отказаться от «слабостной и прелестной» музыки, от украшения домов, ввести «простую и приятную» архитектуру. «То называется богатится, когда презираем богатство, когда презираем богатство, которым все государство во убожество приводится, и кроме самой естественной нужды ничего не употреблять». Изгнанные горожане-ремесленники отправились в деревню, где занялись сельским хозяйством; Ментор советует Идомениею обложить нерадивых и оставляющих свою землю селян так же, как карают на войне солдата, оставившего место в строю⁷⁷ –

⁷⁷ «Такая ж честь делати землю, от отец наследственную. во время благополучного мира, как защищать мужественно во время войны». (Фенелон Ф. Похождение Телемака... С. 172).

и, напротив, милостиво относиться и ободрять самых трудолюбивых. Наконец, Ментор предлагает установить «меру земли, колко может всякой дом имети», для каждого из семи чинов, на которые поделено население Салента. Важнейший инструмент преобразований – личный пример со стороны государя: «Сами законы, хотя обновляются, но будут бесполезны, ежели царь не утвердит их собою вскоре». Соответственно, «начальники» должны все время «назирать все дома и житие подлого народа», прогоняя и карая пороки.

Описание Салента завершается знаменитым определением «царь не может быть царь един, но царь ради народа», многократно повторенным российскими авторами XVIII в., и демонстрацией того, что деспотическая царская власть ведет государство к разорению и гибели, а самого злого государя – к гибели: «Сия власть, зверская и чрез меру сильная, не может долго стояти, не имеет корени в сердцах подданных. Все государство утрудил и озлобил, принуждает всех с воздыханием желати премены от первого ударения, и дол сей падает, и топчут его ногами. Ненависть, зависть, страх, гнев, неверность и, единым словом, все страсти к сей ненавидимой власти присовокупляются. Царь, которой в своем благополучии не имеет ни единого человека, кто бы дерзнул говорить ему истинну, не найдет в своей погибели ни единого человека, кто бы его оправдал и от неприятелей оборонил»⁷⁸.

В XXII–XXIII книгах Телемак и Ментор возвращаются в Салент и наблюдают социальные эффекты преобразований. Телемак с удивлением замечает: «Чего ради такого богатства нет, как было прежде сего повсюду? <...> Одевание простое, дома не велики и без украшения, художества исчезают, город стал пустыня». Ментор отвечает воспитаннику вопросом: «Что лутче, богатой ли град золотом и серебром с землею непаханною и неплодоносною, или земля паханная с городом посредним и простонравными жителями?» Большой город уничтожают добродетель и разоряет страну, превращая государство в подобие «дикого уроад, которой имеет главу превеликую, а тело его все изсохло и, не имеюще пищи, не имеет с своею главою ни малого размера». Между тем, «истинная сила, истинное богатство в государстве, чтоб было многое число народа и изобилие пищи»⁷⁹. Избавившись от роскоши, салентяне стали более многочисленными, привыкли храбро защищать отечество.

Фенелон выделяет две главные угрозы государству: «неправедную» власть государя и роскошь. Злой государь попирает законы и этим готовит падение самому себе, поскольку превращается в плохо информированного деспота, которому никто не решается сказать правду и который как бы

⁷⁸ Фенелон Ф. Похождение Телемака... С. 174.

⁷⁹ Там же, с. 296.

ослеплен (аналогичное описание, включая метафору зрения, использовал и Монтескье, описывая различие между монархией и деспотией)⁸⁰.

Примером несправедливой власти выступал Идомей в бытность царем Крита, однако по счастливой встрече с Телемаком и Ментором он исцелился и «чюдотворением очи его отворилися». Другая угроза, более серьезная – это роскошь, несущая с собой угрозу коррупции. Роскошь вредит всем, «от царя до последнего человека», заставляет всех жить не по средствам: «Весь народ себя разоряет, все чины различия не имеют».

По Фенелону лучший монарх – тот, кто отвечает критериям; критерии предпочтительны по сравнению с происхождением, монарх обязан реализовать самоконтроль и быть «слугой» общего блага. Не подданные созданы для произвола государя, но государь обязан заботиться о благе подданных, об общем благе. Роскошь – источник коррупции.

Сходные взгляды на проблему хорошего правления были выражены и в морально-политическом романе французского автора Ж. Мармонтеля «Велизарий», поставившем своеобразный рекорд по интенсивности изданий среди переводов в XVIII в. и занимающем особое место в истории переводной литературы, поскольку в его переводе принимала участие лично императрица Екатерина II. Мармонтель также использовал классический сюжет, правда, не из мифологии, а из поздней римской (или ранней византийской) истории, связанный с судьбой знаменитого полководца Велизария.

У Мармонтеля гонимый судьбой, ослепший Велизарий дает императору Юстиниану и его приближенному, молодому Тиберию, советы об управлении империей. Проблема роскоши занимает в советах Велизария одно из ключевых мест (ей посвящена глава XIII, которую в екатерининском издании романа переводил А.И. Бибиков).

Автор романа комбинирует фенелоновскую убежденность в определяющей силе личного примера и нежелание следовать драконовским мерам, принятым в Саленте по совету Ментора. Подобно Фенелону, Мармонтель полагает, что «все пороки, а по крайней мере бываемые у двора, имеют общий корень» – корыстолюбие; соответственно, и «роскошь есть родитель всем тем мучительствам, от коих вселенная стонет»⁸¹. Значит, добродетель восторжествует тогда, когда удастся пресечь роскошь. Только, по мнению собеседников Велизария – Юстиниана и Тиберия, – роскошь искоренить невозможно,

⁸⁰ Ср. ту же метафору у Панина в «Рассуждении о непременных государственных законах» и у Радищева в «Путешествии из Петербург в Москву».

⁸¹ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге. М., 1785. С. 190.

поскольку в государстве она защищена правом «вольности и собственности». В отличие от Ментора, Велизарий с готовностью соглашается с тем, что «никакой закон не препятствует гражданину обогащаться честным образом, да и никакой закон не возбраняет располагать свое богатство, и употреблять по своему благоизобретению». Речи о жестких ограничениях не идет, хотя Велизарий категорически отказывается найти в роскоши хоть какую-то крупицу блага, считая ее необходимым злом.

И Велизарий советует Юстиниану опереться на силу мнения и победить роскошь не запретом (это было бы чудовищной тиранией), а личным примером, могущество которого Велизарий превозносит: «О ежели бы Государь ведал, какую поверхность имеет он над душами, и колико может без принуждения и насилия обращать ими! Сия есть такая сила, которой ничто противостоять не может; но сия есть и смая та, которую он не знает»⁸². Презрение монарха к роскоши и пышности откроет дорогу к награждению достойных людей. Велизарий, конечно, не советует окончательно уничтожить роскошь, отмечая лишь, что – поскольку богатство в большей степени влечет «людей малодушных» – личный пример монарха позволит привлечь ко двору самых активных граждан, «души, от природы силою и превосходством духа одаренные, и к восприятию благородных желаний и великих добродетелей способные». Красной нитью через повествование Мармонтеля проходит противопоставление роскоши и военной храбрости⁸³.

Как мы уже отмечали ранее, Фенелон и Мармонтель были в числе наиболее популярных авторов российского XVIII в. Трактат Фенелона привел к появлению нескольких российских вариаций на ту же тему, важнейшими из которых стали романы Ф. Эмина и М.М. Хераскова. Если Эмин в «Письмах Эрнеста

⁸² Велизер... С. 206.

⁸³ Отметим, что и Ж.-Ж. Руссо, чья статья «Политическая экономия» (опубликованная в составе «Энциклопедии» в 1755 г.) вышла в русском переводе отдельным изданием дважды (в 1777 и 1787 гг.), также – возможно, следуя идеям Фенелона – был настроен против роскоши, которую считал вредной для государства, тогда как истинная сила государства заключается в «среднем достатке». Однако Руссо признает тягу богатых людей к роскоши неистребимой (что напоминает о доводах, которые приводит Велизарий в роман Мармонтеля), и поэтому советует применять вместо законов против роскоши дифференцированное налогообложение, более тяжелое для богатых граждан, при котором произойдет одно из двух: «Либо богатые откажутся от своих избыточных трат и будут совершать траты лишь полезные, которые вновь обратятся в пользу Государства, и тогда распределение налогов сделает то, к чему приводят лучшие законы против роскоши – расходы Государства неизбежно уменьшатся вместе с расходами частных лиц, и казна, таким образом, не потеряет от того, что получит меньше, так как расходование денег уменьшится еще значительно; либо, если богатые нисколько не уменьшат свою расточительность, то казна получит из суммы налогов те средства, которые она искала, чтобы удовлетворить подлинные нужды Государства» (Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1999).

и Доравры» следовал примеру Руссо и Ричардсона, то в «Приключениях Фемистокла» (1763) он ориентировался на неоклассический стиль Фенелона.

Три морально-политических романа издал во 2-й половине XVIII в. и М.М. Херасков. Первым из них был «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768); отличающийся от «Приключений Телемака» (как, впрочем, и от романов Эмина) отсутствием приключенческой фабулы, больше похожий на «Велизария» Мармонтеля, «Нума» стал ярким примером российского морально-политического романа. Два других – громадные по объему «Кадм и Гармония» (1787) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) – более точно отвечали фенелоновским лекалам, требуя, кроме прочего, от читателя виртуозного владения античным материалом, поскольку действие простиралось от одного конца греческой ойкумены до другого⁸⁴.

«Нума», например, полон описаний того, как личный пример монарха трансформирует общество. Говоря о восшествии Нумы на трон, Херасков приводит классические антиреспубликанские аргументы: «Сей народ, любезный богам, при самом своем рождении истребляется; пятидневные его Начальники, Сенаторы Римские, стараясь утвердить и возвысить общее благополучие, непрестанно его разрушают; они друг друга ненавидят и боятся, а зависть их им самим и народу во вред обращается; разные Начальства, не приобучая сердец к твердости, только разные пороки в них посевают, и колеблющееся море общества, не приходя ни на час во успокоение, день ото дня сильнейшии ветрами обуреваются; словом, Рим от разных начальств и не имея ни единого в точности начальства погибает; тело сие, не имеющее главы, не знает, какому члену повиноваться, но вдруг всеми развлекаемое, в безсилie приходит»⁸⁵.

Появление добродетельного государя меняет положение к лучшему. Роман примечателен тем, что Нума – по крайней мере, в первых главах – предстает колеблющимся героем, опасющимся тягот правления: «Я должен с моего Престола взирать недремлющим оком на волнующееся непрестанно общество, и при сладком его успокоении один трудиться и не засыпать. Безпокойство каждого гражданина должен почитать своим безпокойством; болезни их своими болезнями, и до самых недостатков принимать общие на себя;

⁸⁴ М.Окенфусс, выдвигая в известной монографии «The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia» спорный тезис об отсутствии в российской культуре (и в том числе – в дворянской культуре) интереса к греко-римской классике, вовсе не упоминает Хераскова; между тем, романы Хераскова представляются, возможно, наиболее крупными текстами античной тематики российского XVIII в.

⁸⁵ Нума Помпилий, или Процветающий Рим // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Т. XII. М., 1803. С. 16–17.

бремена всего народа на рамена мои возложены»⁸⁶. Особенно его удручают придворные и вельможи, которых Нума считает порочными и алчными: «Когда посредники между мною и народом толико гнусным правилам следуют то как я один общее благоденствие устроить могу?»

Нимфа Эгерия ободряет Нуму, разъясняя, что беспокойство римлян объясняется социальными причинами: грубостью нравов, гражданскими распрями, интригами и кознями властолюбивых вельмож. Нума отмечает, что «царский венец тогда служит украшением, когда подданные его добродетелями украшаются, и Престолы только те спокойны и тверды, где народ, огражденный безопасностью, в сладкой тишине и благоденствии покоится». Благо, что придворные не все – порочные люди, и государь, непреклонно следуя добродетели, сможет превозмочь дурные нравы, карая и воздавая: «Старайся быть строгим Государем для злых людей, которым власть и законы служат обузданием их мятежного духа; а добрым будь отец: они тебя утешением своим имеют; они тебе подпорой, честью и славою служат»⁸⁷. Эгерия советует «учредить законы, на естестве основанные», не забывая напомнить: тщетно давать народу законы, если вначале не привлечь подданных «к любви своего отечества, к любви своего ближнего, и к любви богов, главнейшей добродетели человеческой».

Подобно Фенелону, Херасков подчеркивает важность личного примера монарха во всех государственных делах, необходимость искусно выбирать советников и приближенных, принципиальное значение воспитания детей. Подобно Фенелону, Херасков страстно обличает захватнические войны и делает акцент на благотельности земледелия, позволяющего вытеснить грубость и воинственность (обличения войны в «Нуме» оказались столь пространны, что Хераскову приходится даже сделать особое примечание, поясняющее: военная храбрость все-таки остается добродетелью, если она связана с обороной отечества).

Как мы уже упоминали выше, критические тексты Панина и Щербатова заканчиваются ссылками на необходимость личного вмешательства со стороны добродетельного монарха. Это показывает чрезвычайную близость этих текстов к фенелоновской традиции с характерным акцентом на силу личного примера государя.

Личные качества и личный пример монарха выступают важнейшим инструментом преобразования социума и сопротивления дегенерации монархии в сторону деспотии. Подобная манера представляет собой разрыв с социоло-

⁸⁶ Нума Помпилий, или Процветающий Рим... С. 30.

⁸⁷ Там же, с. 39.

гической риторикой Монтескье: деспотизм в таком изложении приобретает черты моральной дегенерации, вызванной нехваткой самоконтроля со стороны властителя, но не особенностями социальной или экономической структуры: Личный пример, лейтмотив политического морализма, оказался чрезвычайно востребован в российской интеллектуальной среде, выступая основным инструментом и ресурсом позитивной социальной трансформации⁸⁸.

Деспотизм в России даже наиболее критически настроенным авторам представлялся не столько историко-социальной константой, сколько потенциальной угрозой, процессом дегенерации, возникающей из-за распространения пороков. Пороки, в свою очередь, развиваются в обществе именно из-за коррупции, порождаемой роскошью и страстями; добродетель – это способность контролировать страсти и противодействовать роскоши. Именно роскошь (а не закон) при таком подходе оказывается в центре внимания, поскольку проблема исполнителей важнее проблемы законов. И вне зависимости от того, считали ли российские авторы Россию движущейся в сторону деспотии, проблема плохого и хорошего государей решалась с помощью фенелоновского глоссария, включавшего противопоставление *добродетели* и роскоши. Это означает, что при обсуждении вопроса о деспотии, российские авторы перемещались из «дискурса Монтескье» в «дискурс Фенелона», рассуждая о добродетельном государе, способном личным примером остановить процессы коррупции и разложения. Добродетель и самоконтроль против роскоши и порока – обсуждение монархии сводилось в конечном счете к анализу этого противопоставления.

Страсть – коммерция – *роскошь* – коррупция – деспотизм. Эта цепочка причин возникновения плохого правления в фенелоновской монархии, оказалась востребована и в российской политической мысли.

Например, аргументы в духе Фенелона приводил Щербатов, обрисовывая пути дегенерации российской формы правления в известном памфлете «О повреждении нравов в России» (конец 1780-х гг.). Доводы, которые здесь приводит Щербатов, демонстрируют сильное влияние Фенелона⁸⁹. «Повреж-

⁸⁸ Текст Панина предназначался для единственного читателя – наследника императорского трона Павла Петровича. Возможно, этим и объясняется его подчеркнутое внимание к моральным качествам государя. Однако мы обнаруживаем сходную концепцию добродетели у Козельского, чей трактат был рассчитан на широкую аудиторию, и у Щербатова, писавшего «в стол». Это означает, что указанная морализаторская риторика, возводящая личный пример монарха в абсолюте, воспроизводилась в разных коммуникативных сферах.

⁸⁹ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 173–174.

дением нравов» Щербатов считает гибель добродетели под давлением коррупции и коммерции: в начале памфлета он перечисляет различные формы морального «повреждения», которые затрагивают различные виды универсальной добродетели: веру, правосудие, отношения родителей с детьми и супругов, дружбу, верность монарху и, наконец, любовь к отечеству⁹⁰. Все эти добродетели оказываются извращены ростом роскоши и «сластолюбия».

Конечно, рассуждения Щербатова о коррупции в Российской империи приводят на память классическое сочинение Монтескье на сходную тему – «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). Но Щербатов вовсе не следует тем аргументам, с помощью которых описывает коррупцию Римской республики французский мыслитель. Как полагает Щербатов, причиной морального разложения в России XVIII столетия стал не *приток денег*, но *рост коммерции*. Между тем, Монтескье был сторонником распространения коммерции, поскольку коммерческий обмен был для него тесно связан с понятием о цивилизованности.

По выражению Дж. Покока, политическая философия XVIII в., и в том числе – философия Монтескье, превращала *добродетели* (virtues) в изысканные *манеры* (manners)⁹¹. Монтескье, – чьи взгляды на роль коммерции И. Гонт называет «нео-кольбертистскими», – считал коммерцию мощным социальным инструментом, удерживающих монархические формы правления от сползания к деспотизму; коммерция очищает нравы и цивилизует людей, а впечатляющая мобильность коммерции, бегущей с помощью векселей за границу от принуждения со стороны государей, служит гарантом от произвола⁹². Развитие коммерческого обмена и производства становится путем к очищению нравов и, в конечном счете, к переходу от военизированного варварства к цивилизованному сосуществованию торговцев и производителей (хотя и не исключал связи между торговлей и войной⁹³), решительно различая военное величие в духе древнего Рима и торговое доминирование в стиле древних Афин или современной ему Великобритании.

Описание упадка римлян в «Рассуждениях» Монтескье заключалось именно в том, что рост республики и последовавший приток денег вступили в проти-

⁹⁰ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Щербатов М. М. Избранные труды. М., 2010. С. 2.

⁹¹ Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. P. 72–74.

⁹² Подробнее об этом см.: Shklar J. Montesquieu; Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law, № 31, 2006. P. 1–6.

⁹³ Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law, № 31, 2006. P. 2.

воречие с республиканским принципом – добродетелью (и, напротив, не повредили бы расширяющейся коммерческой монархии, основанной на принципе чести): «С величеством владения возрасли и стяжания частных. Но как довольствие состоит во нравах, а не в богатстве, то оное, преступая непрестанно должные пределы, произвело у Римлян роскошь и разточение, которая превышала меру. которых нравы с начала развращены были чрез богатство, те извели потом то же самое от своей бедности. Имея не по мере простаго состояния сокровища трудно было наблюдать должность хорошего гражданина»⁹⁴. Между тем – как писал Монтескье уже в трактате «О духе законов» – «чем меньше роскоши в республике, тем она совершеннее»⁹⁵.

А вот Щербатов проигнорировал соображения Монтескье о различиях между республикой, для которой роскошь опасна, и монархией, для которой она желательна. Об этом говорит ссылка на римскую историю в самом начале описания «повреждения нравов» в России – Щербатов вспоминает римских тираноборцев Брута и Кассия, последних защитников республики, вызывавших подозрение у тирана Цезаря именно своим презрением к роскоши. У Щербатова источником «повреждения нравов» оказался приток товаров, появление которых пробудило дремавшее до того «сластолюбие», главный человеческий порок. Сластолюбивый человек, согласно Щербатову, не может быть «твердым», поскольку его всегда страшит перспектива лишиться предмета своего вожделения. Такое отсутствие способности управлять своими страстями имеет социальное происхождение – его стимулирует появление новых и новых товаров, которые возбуждают сластолюбие; однако с другой стороны Щербатов здесь ведет речь о «твердости» как об универсальной моральной ценности и о сластолюбии как об универсальном пороке. Деспотия – следствие коррупции, порождаемой роскошью, и в данном случае мы не можем согласиться с мнением С.В. Польского о том, что у Щербатова «падение нравов в обществе есть следствие перехода от монархии к самовластью»⁹⁶. Появление плохого государя – не случайность; его царствование имеет свою социальную обусловленность в росте коррупции, провоцируемой притоком роскошных товаров.

Был ли анализ Щербатова исключением для российского XVIII в. – «брюзжанием недовольного старика», по выражению А.И. Герцена? Так,

⁹⁴ Размышления о причинах величества римского народа и его упадка. СПб., 1769. С. 114.

⁹⁵ О разуме законов... С. 194.

⁹⁶ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 173.

в предисловии к трактату М. фон Мозера «Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freiheit» (1759, издан в переводе в 1766 г.) Я.П. Козельский атаковал на роскошь и ее скверные последствия, противопоставляя ее трудолюбию и общественной пользе: «В том спорить не лзя, что почтенным особам надобно, для украшения и славы обществу, употреблять великолепие, но умеренное и сходствующее с каждого достоинством, а не излишнее <...> Ежелиб за такую праздность, неумеренную роскошь и другия излишества и пороки наказываны были виноватые денежным штрафом, то бы чрез то доходы в областях могли довольно увеличиться праведным и законным образом; но жаль, что противное тому делается на свете, и во многих областях собираются подати с людей за земледелие, художества и другия полезные дела»⁹⁷.

Критика роскоши и расточительства, ведущих к деспотизму и опустошению, была трендом российской политической мысли задолго до Щербатова. Например, А.П. Сумароков оставил критические замечания о роскоши в статье «О домостроительстве» (1759): помещик, алчущий чрезмерного обогащения – «доморазоритель», «изверг природы», «невежа и во Естественной истории и во всех науках» и, наконец, «тварь безграмотная». По мнению Сумарокова, важнейшим из занятий следует считать земледелие, поскольку «не только суконные дворянские заводы; но и сами Лионския шелковыя ткани <...> Франции меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповать должна, имея пространныя поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян»⁹⁸. Конечно, каждая социальная группа заслуживает определенной роскоши в соответствии с ее местом в социальной иерархии: «Должно жити мещанину пышнее поселянина, дворянину мещанина, Государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможа; ибо от вельможи больше разсудка требуется, а не прожорливости»⁹⁹. Итак, Сумароков проводит грань между «умеренным» и «излишним» изобилием.

Можно сказать, что своеобразные дебаты о роскоши развернулись среди российской интеллектуальной и политической элиты в середине 1770-х гг., когда генерал-прокурор А.А. Вяземский, обеспокоенный ухудшением поло-

⁹⁷ Государь и министр книга, сочиненная господином Мозером. СПб., 1766. С. 5–6.

⁹⁸ О домостроительстве // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарова. Ч. X. М., 1782. С. 180–181.

⁹⁹ О домостроительстве // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарова. Ч. X. М., 1782. С. 179.

жением российской коммерции на фоне военных тягот, в 1774 г. представил Екатерине II подробный доклад о состоянии внешней торговли империи¹⁰⁰. Обсуждение доклада Вяземского проходило в комиссии о коммерции (действовавшей с 1763 г.), и в фокусе внимания участников обсуждения оказалась проблема роскоши.

Именно тогда Щербатов (поддерживая мнение Вяземского, находившего, что торговля роскошными товарами нуждается в ограничении, и полемизируя с позицией главного директора таможен Э. Миниха, настаивавшего, что роскошь не представляет собой угрозы¹⁰¹) подверг роскошь анализу в особом «Мнении», поданном в комиссию о коммерции в 1774 г.: «Я под именем роскоши разумею излишнее употребление не токмо вещей служащих к приобретению некоторого спокойствия и самага тщеславия; но также и тех, которые естественно к сохранению жизни человеческие нужны, получает же она свое начало от неравности имуществ; ибо надлежит, чтобы богатые издерживали для приобретения бедным пропитания»¹⁰².

Нужно ли в таком случае бороться с роскошью? Щербатов полагает, что для богатых государств («какова есть Россия»)¹⁰³ роскошь необходима в качестве мотиватора дворянской службы, купеческой активности и вообще производства; «как нужда есть родительница всех изобретений, то, можно

¹⁰⁰ Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 130–135.

¹⁰¹ Миних, не обозначая своего отношения к роскоши, язвительно замечал по поводу ограничительных предложений Вяземского, что «похвалил бы его ревность, если б у него предметом было исправление нравов, но как она клонится только к предохранению Короны от претерпеваемых ею убытков на денежных своих переводах; то опасаясь, чтоб употребление такового средства не причинило ей вреда гораздо чувствительнейшаго в отношении ея доходов». Сам Миних полагал, что запрет роскоши не даст эффекта, поскольку «в государстве, где склонность к расточению всякаго почти звания людьми овладела», богатые всегда найдут способ добыть предметы роскоши. Он видел решение в увеличении производства внутри России (Примечания тайного действительного советника графа Миниха на некоторые пункты, находящиеся в разсуждении господина генерала прокурора о поправлении баланса российской торговли (перевод с французского) // Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 20–21).

¹⁰² Мнение члена Комиссии о коммерции князя Щербатова по тому же предмету // Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 38.

¹⁰³ Здесь Щербатов следует анализу Монтескье: «Вообще сказать, чем беднее государство, тем оно больше чрез свою относительную роскошь раззоряется; и следовательно, тем больше надобны в нем относительные законы на роскошь. Чем государство богаче, тем больше относительная роскошь его обогащает; а по тому весьма надлежит остерегаться вводить в оное относительные законы на роскошь» (О разуме законов... С. 170). Россия – «богатое» государство по Щербатову и, значит, нуждается в роскоши. В этой же главе Монтескье ссылается на шведский пример законов против роскоши, вводимых с целью выправления торгового баланса – пример, о котором говорит и Щербатов. То же мнение Щербатов приводит и в «Замечаниях»: «Искоренение слаготлюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают».

сказать, роскошь есть питательница оных»¹⁰⁴. С другой стороны, Щербатов немедленно заявляет, что этим заявлением он вовсе не оправдывает производимого роскошью «повреждения нравов», после чего приводит пространное описание распространения роскоши по стране, чрезвычайно похожее на те описания, которые содержатся в памфлете «О повреждении нравов в России». В заключение Щербатов советовал «учредить и исправить все те узаконения, которые противны вольности торговли», а также «постараться пресечь излишнюю роскошь, не такую, которая способствует трудолюбию и обращению денег внутри Государства, но ту, которая в долг чужестранным Государство вводит»¹⁰⁵.

Так что не случайно в 1775 г. на русском языке была опубликована статья Д. Юма «Of Refinement in the Arts» (1742), в которой британский мыслитель решительно защищал роскошь и коммерцию от критики, стараясь при этом выработать более эффективную и приемлемую позицию, чем аргументы Б. Мандевиля («частные пороки, публичные добродетели»). По мнению Юма, роскошь не только совместима с добродетелью, но и способна ее увеличивать; следовательно, коммерческие нации, усердно развивающие «новую» добродетель, связанную с «утонченностью» (refinement) нравов, смогут превзойти своей добродетелью древних¹⁰⁶. Кстати, Юм отказался считать роскошь причиной упадка Римской республики, возложив вместо этого вину на «скверно организованное правление (an ill modelled government) и безграничную жажду завоеваний». В конечном счете, по мнению Юма, «если мы рассмотрим вопрос в надлежащем свете, мы обнаружим, что прогресс в искусствах скорее благоприятен для свободы и имеет естественную

¹⁰⁴ Опять-таки, подобная аргументация следует идеям Монтескье: «Как по установлению самодержавных правлений богатства в них не равно разделены, то весьма надлежит в них быть роскоши. Если богатые не будут там много проживать; то бедные помрут с голоду. По чему и надлежит, что бы богатые проживали там по мере неравенства имений; и что бы, как я уже и выше сказал, роскошь умножалась по мере того самого неравенства. <...> Таким образом ради сохранения в неподвижности самодержавного правления надлежит роскоши идти возростая так, что бы земледелец становился художником, купец дворянином, чиновник знатным человеком, первейший откупщик достигал бы княжеского достоинства, а без того все погибнет» (О разуме законов... С. 167). Аналогичное мнение высказал в трактате «Анти-Макиавелли» (1740) Фридрих II: «Ибо что для одного великаго Королевства наилучше способствует, то сие в малом Государстве со вредом бы употреблено быть могло. Равно и щедроты, проистекающия от изобилия и распространяющия свое богатство по всем другим государства членам, приводят великое государство в цветущее состояние» (Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственнаго правления, сочинен ныне славно владеющим королем Прусским Фридериком II. СПб., 1779. С. 128–129).

¹⁰⁵ Мнение члена Коммисии о коммерции князя Щербатова по тому же предмету. С. 41.

¹⁰⁶ Susato R. Hume's Nuanced Defense of Luxury // Hume Studies Volume 32, № 1, (2006). P. 174–177.

тенденцию сохранять, если не создавать, свободное правительство»; в то время, как «грубые нации» с аграрной экономикой населены лишь ленивыми, неумелыми рабами и надменными, деспотичными господами, те страны, где «роскошь вскармливает коммерцию и производство», наслаждаются свободой и процветанием¹⁰⁷.

В этом же духе, но с поправкой на коммуникативный контекст (памфлет вместо доклада) Щербатов говорит о роскоши и коррупции в памфлете «О повреждении нравов в России» (1785). Когда воцарится добродетельный монарх, «каждый сократится в свое состояние, и торговля уменьшением ввозу сластолюбие побуждающих чужестранных товаров, а отвозов российских произведений процветет. Искусства и ремесла умножатся, дабы внутри России сделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей»¹⁰⁸.

Пока в комиссии о коммерции шли дебаты о роскоши, а русский перевод статьи Юма на ту же тему готовился увидеть свет, Екатерина II издает манифест «О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь» (1775), стоящий особняком в российском законодательстве XVIII, ориентированном на регулирование потребления роскоши¹⁰⁹. Дав предписания относительно того, каким статусам соответствуют те или иные экипажи и ливреи, императрица завершала манифест пространным увещанием: «При окончании милостивого и попечительного сего нашего постановления, устроенного на первый случай для пользы дворянства, имеем к сему прибавить монаршее наше милосердное увещание, дабы всяк и каждый, сколь возможно, старался удалить от себя все излишние и ненужный, всякого рода дворянство разоряющая, роскоши; ибо вообще краса и украшения дворянина не суть и никогда быть не могут наружные украшения, как-то богатые одежды, или несходственные с достатком экипажи или великолепный убранства домов, или содержание излишнего и многого числа праздных служителей в доме, на век от пашен отлученных, где бы они полезнее для господина, для себя и для общества быть могли».

Манифест противопоставлял роскошь и добродетель, одновременно связывая добродетель с активной жизнью ради общего блага: «Безвременные таковые пышности не влекут за собою кроме разорения дворянских домов и отводят дворянина, а наипаче в молодости, от настоящей благородного

¹⁰⁷ Hume D. Of Refinement in the Arts // Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Indianapolis, 1987. P. 276–278.

¹⁰⁸ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 477.

¹⁰⁹ См.: Галай Ю.Г. Российское законодательство XVIII–XIX веков о роскоши // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 66–70.

звания его обязанности и следовательно от того справедливого блистания, которое неминуемо приобретается оказанными отечеству полезными заслугами, без которых весь век едва ли не остается свету в безызвестности, обществу без пользы, фамилиям благородным не к приращению и не к умножению почести, буде самолично иных мотовство не погружаешь в различные неистовства совсем противные чести и следовательно породе их. <...> В конечном счете, предки дворян, отважно служа, жили «в умеренности, довольствуясь своим достатком» и «не стараясь друг перед другом щеголять, как только добродетелью и у которых честь и честность благородству подпорою были даже до того, что стыд почитался несноснейшим наказанием, а нарушение какого ни на есть долга, обязательства и данного слова поноснейшим стыдом»¹¹⁰. Впрочем, Щербатов, критикуя екатерининский «Наказ», назвал эти законы «ненужными»: «Хотя я весьма отдален быть защитником роскоши и сластолюбия, но не могу однако без удивления видеть в некоторых государствах обнародованные законы против роскоши, тогда, когда примерами почти тщатся ее побуждать и строгое наблюдение, как кому ездить и что кому носить тогда, когда главнейшие законы без правосудия остаются»¹¹¹.

В проекте манифеста, подготовленном братом Н.И. Панина, генералом П.И. Паниным, для Павла Петровича был с точностью воспроизведен лейтмотив дебатов 1770-х гг.: «Все то, что от Царствования незабвенной никогда памяти покойного прародителя нашего государя Петра Великого, вовлечено зловредного в Отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностью от захвативших доверенности Государей своих во злоупотребительное самовластие, и что оные зловредности окоренились в государстве Нашем до той степени, что большую часть сынов Российских совратили с коренного Россиянов праводушия, прежде утвержденного на страхе Божеских, естественных и гражданских законов, а развращением общего благонравия снизвергли всю святость законов частью в неисполнительное ослабление, а частью и в совершенное поправление, предпочитая законам при всяких случаях собственную каждого корысть и домогательство до возвышения в чины не деятельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угождениями страстям и требованиям захвативших силу в свое злоупотребление»¹¹².

¹¹⁰ ПСЗ. Т. 20. 1775, апреля 3. Манифест. О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь. № 14 290. С. 101–102.

¹¹¹ Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины // Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 93.

¹¹² Шумигорский Е.С. Приложение // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 29.

Тема непропорционально больших расходов, роскоши и коррупции была затронута в первых же пунктах входившего в «Прибавление» проекта манифеста, который Панин предлагал Павлу Петровичу опубликовать сразу же по восшествии на престол. В пункте 4 этого проекта говорилось: «Да сохраняется во всех случаях по самому чистосердечию и праводушию подданническая верность к Государю и к Отечеству, с неприкосновенностью ни под какими видами для собственных корыстей и гнусного тщеславия к расхищению государства и ко введению примерами и развращениями зловердных соблазнов, противных истинам, добродетели, праводушию, благодравию и мере собственным прожиткам противу годовых доходов каждого, ибо пред Нашими глазами расточивший собственное имение и ввергшийся в разорительные долги, лишает сам себя полной государственной доверенности и подвергается в большое сомнение на корыстные искушения». Панин включил в текст суровый призыв раскаться и прекратить «погрешать или развращать», обращенный к нарушителям «благодравия»¹¹³.

«Вкоренившимся в Россию зловердностям» есть, по мнению Панина, две причины: «выступление почти всеобщее прожитками беспредельными из всей меры благословенных каждому доходов» и «происшедшая из того алчность к беспредельным обогащениям на роскошные жизни и ко извлечениям себя из наживших роскошью пагубных долгов, первовстречающимися всякими способами по представляющимся соблазнам в расхищениях государственной казны, в мздоимствах с народа и со всех без исключения, до кого только кому доходить ухищрениями удастся». Поэтому всем подданным следует «возвратиться прожитками своими в меру только годовых своих доходов», ведь доверенностью монарха «к государственным употреблением» будут пользоваться лишь те, кто «по умеренным прожиткам есть добрые хозяева в своих домах, добрые мужья к женам, добрые отцы к детям и добрые господа к своим слугам»¹¹⁴. Логика этого текста П.И. Панина соответствует логике памфлета М.М. Щербатова, однако своим источником она имеет, скорее всего, традицию обличения роскоши в духе Фенелона.

Дебаты о роскоши воспроизводились и в морально-политических романах XVIII в. Например, Эмин в «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766) сурово критиковал пороки и роскошь больших городов. Во 2-м письме 3-й книги Эрнест дает советы Ипполиту, восхваляющему жизнь в деревне и бичующему разврат больших городов: «Простых мужичков всеми мерами оберегать

¹¹³ Шумигорский Е.С. Приложение // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 25.

¹¹⁴ Там же, с. 29.

надобно, чтоб корыстолюбия страсть в их не вкоренилась сердца. В противном случае они позабудут о своей должности; к земледелию утратят охоту, и будут единственно о том помышлять, чтоб без трудности и самым легчайшим образом набогатиться. Мне случалось быть в такой земле, в которой все жители имели охоту к великолепному строению. Тогда все мужички бросились к домостроительству; иные пошли в каменщики, другие в плотники, прочие в кузнецы и в слесари, так что земли пахать почти было некому; ибо узнав земледельцы, что в одно лето отесывая камень, могут столько выработать денег, сколько в два года от хлебопашества получить не могут, все пошли к строению домов, и в оной земли великой был недостаток в хлебе»¹¹⁵. Беспокойный характер людей, их (говоря языком Щербатова) «сластолюбие» открывает дорогу излишества – в 3-й книге «Писем» Ипполит рассуждает об этом так: «Кто хочет жить спокойно, тот должен быть доволен тем, что достать может, и что нужно для его содержания; но беспокойства рождаются по большей части от того, что человеки, не будучи своим состоянием довольны, ищут излишнего, и в то время впадают в такие подлости, что часто жертвуют своим покровителям всем своим имениям, а часто и свою честию, чтоб ненасытные свои удовольствовать желания»¹¹⁶.

Эмин затрагивал вопрос о роскоши и в романе «Приключения Фемистокла» (1763), российском эквиваленте фенелоновского «Телемака». В этом романе Эмин представил несколько областей, иллюстрирующих тот или иной тезис: в их числе и добродетельная, земледельческая Эолия, жители которой «упражнялись больше всего в земледелии, и у них никогда дороговизны не бывало».

В частности, когда Неокл заявил отцу, что совсем не видит в Эолии богатых людей из высших социальных слоев, на что получил ответ: «Многие чиновные люди суть беднейшие, нежели те мужички, которых ты видел в нашем проезде чрез Эоланския села сошником управлять: ибо простой крестьянин никогда никакого недостатку не претерпевает, потому, что кусок хлеба всегда у него готов и чего только он ни захочет, то все и имеет; потому, что он ничего такого не похочет, чего у него нет»¹¹⁷. Трудолюбивые, умеренные в потребностях поселяне противопоставлены как диким скифам (беднейшему народу мира, сплошь разбойникам и грабителям), так и афинянам, из-за склонности к роскоши залегающим в долги. В отличие от этих крайностей, «трудолюбивый земледелец никогда таким опасностям не подвержен, он сходствует с разумным Философом небольшим довольствующимся». Эмин приходит к выводу

¹¹⁵ Эмин Ф. Письма Эрнеста и Доравры. Ч. 3. С. 36–37.

¹¹⁶ Там же, с. 161–162.

¹¹⁷ Эмин. Приключения Фемистокла... С. 82.

о том, что крестьянин полезнее, чем «физические и химические профессора», и что «науки человека весьма украшают, но похищают у него добродетель и свойство природы, которое в том состоит, чтоб всякаго ближняго почитать так как самого себя» (впрочем, министра Эмин ценит больше, чем «тысячу крестьян»).

На протяжении всего романа Фемистокл превозносит умеренность, хотя программы в духе фенелоновского Салента Эмин не предлагает; рекомендации по поводу коммерции, которые в изобилии дает Фемистокл персидскому царю Ксерксу, касаются главным образом преобладания вывоза продуктов «рукоделий» над ввозом.

В свою очередь, М.М. Херасков в романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) фактически воспроизвел фенелоновский Салент, описывая идеальное Мавританское царство, где под скипетром добродетельного царя Линаксара, доброго друга Кадма и Гармонии, свергнувшего когда-то чуть не погубившего эту страну собственного брата-тирана Хадема, процветает добродетель. Мавританцы не чуждаются иноземцев, напротив, они очень гостеприимны и радушны, открыты международной торговле – «Линаксар пресек вход в его державу единому только обольщению роскоши, могущему посеять разточителность, и нравы творить женоподобными... знал он, что сии блистательные ничтожности народ его к жадной купле приманить удобны, и Государство в постыдное истощение вовлечь могут; он приобретал на излишнее пшено и жито врачевательные злаки, в его земле не родящиеся»¹¹⁸; роскошные предметы в Мавритании есть только в храмах богов¹¹⁹.

Мир, воцарившийся в Мавритании – следствие «мужества, неустранимости и добрых свойств Царя и подданных... ибо сей народ с самого юношества ко трудам и бдению приучался»¹²⁰. Правда, у Мавритании уже и нет врагов, кроме хищных зверей, в схватках с которыми и закаляются юные мавритяне. Как и в случае с Нумой, Херасков использует солярную метафору. Линаксар – «светило» для подданных; он, «прогоняя тьму невежества, просвещал народ

¹¹⁸ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч.II. М., 1794. С.227.

¹¹⁹ Если в «Полидоре» Херасков в ряде случаев сурово обличает роскошь, то в «Нуме Помпилии» он фактически проигнорировал эту тему – лишь на последних страницах романа, говоря об искусстве Нумы вознаграждать добродетели и достоинства, отмечается: «Роскоши отгнаны были от его Престола; злато, придающее гордости человекам, попрал он своею умеренностию, и всякое излишество вредным для Монарха ему казалось» (Херасков М.М. Нума Помпилий, или Процветающий Рим... С. 154). В «Нуме» Херасков считает главной проблемой не роскошь и «стололюбие», а суеверие и склонность римлян к войне; таким образом, оставаясь частично в пространстве фенелоновского монархизма, роман Хераскова одновременно приближается к концепции окультуривания и прогресса и к религиозному дискурсу политического богословия.

¹²⁰ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии... С.237.

свой, остерегая его токмо от ложных блесков суетумудрия, пагубу человеческим рассудкам причиняющего; но к истинному любомудрию преклонял его, к любомудрию вельможе и пахарю равно потребному»¹²¹.

По этим причинам моральные качества мавритян выглядят совершенными: «Весь народ, казалось, составлял едино семейство, едину мысль – едино сердце. Дружелюбие их доставляло им истинное сокровище, никогда не раз-точаемое; оно научало их друг для друга бытии в жизни полезными». Благодаря добродетельной жизни мавритян в их стране исчезли нищета и бедность: «Помощь ближним священной обязанности у них почиталась; они не могли видеть Мавритянина пищи молящего; почитали собственную обиду иметь между собою неимущих и скудных членов общества»¹²². Мавритяне напрямую связывали свое изобилие со своими добродетелями, считая последнее причиной первого, больше того – «они чают, что праведное небо все сии дары похитит от них или уменьшит, ежели друг другу помощь их оскудеет»¹²³.

Наконец, был и еще один роман, который можно отнести к числу морально-политических; речь о принадлежащем Щербатову «Путешествии в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» (1783–1784), шедевре отечественной утопии¹²⁴, написанном, увы, «в стол» (как и большинство щербатовских сочинений). Офирия – под именем которой скрывается утопическая Россия – победила роскошь.

Великий офирский царь Перега (то есть Петр Великий), найдя государство «непросвещенным и погруженным в варварство», провел реформы, то есть «учредил порядочное правление, учредил познание наук и военного искусства». Перега перенес столицу из древнего города Квамo (Москва) в расположенный на морском берегу коммерческий порт Перегаб (Петербург), который был возведен на болоте «противу естества вещей». Новая столица, населенная алчными придворным, превратилась в гнездо порока и начала разорять государство. Восшествие на престол другого мудрого государя, Сабакoлы, положило конец коррупции; новый монарх смог с помощью постепенных реформ перенести столицу на старое место. Реформы ограничили рост городов – без ущерба для экономики, поскольку «не побудит торговлю многое число названных мещанами и впадших в роскошь людей, но побудит ее сельская жизнь, воздержанность и трудолюбие, которые конечно несравнительно

¹²¹ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии... С. 241–242.

¹²² Там же, с. 245.

¹²³ Там же, с. 243.

¹²⁴ Бугров Д.В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М.М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 275–291.

менее, невзирая на все учреждения, в городах находятся, нежели в деревнях»¹²⁵. Во всех случаях Щербатов подчеркивает простоту быта офицеров (даже вельмож и начальников)¹²⁶. Правительство регулирует достаток каждого чина (а всего их четырнадцать), снабжая всех служащих жалованием; «все сии жалования для житья – не для сластолюбия – умеренные положены», и хотя законами роскошь не запрещена, но «лучшее житье в сравнении своего чина за бесчестье и за развратность нравов считается». Перегаб покрыт развалинами роскошных дворцов, в которые – чтобы хоть как-то поддерживать в городе жизнь – поместили полезные фабрики. Щербатов устами одного из офицеров так суммировал вопрос о роскоши: «Я думаю, что во время вашего путешествия вы могли приметить, что хотя богатства и роскоши в народе нет, но нет и бедности <...> Вы, думаю, согласитесь со мною, что не великолепные здания и не тщетная пышность благосостояние народное составляют, но умеренность и довольствие в естественно нужных вещах»¹²⁷.

Роскошь – против добродетели, город – против сельского хозяйства, так что дебаты о добродетели и роскоши вовсе не ограничивались вопросом о добродетелях государя. Анализ социальной механики добродетели воспроизводился и в отношении управления отдельными поместьями; фокус внимания перемещался от государя империи к господину имения, и речь шла о сотнях маленьких Салентов. Мы не имеем возможности подробно рассмотреть этот вопрос здесь, однако дебаты по поводу социального статуса дворянства, развернувшиеся с середины XVIII в. в придворно-столичной сфере и продолжившиеся в публичной сфере – в екатерининской Уложенной комиссии, на страницах журналов и на подмостках театров – были в огромной степени связаны с противостоянием добродетели и роскоши. Выражением подобного пафоса стала речь видного дворянского публициста конца XVIII в. Ф.О. Туманского (1757–1810), члена-корреспондента Академии наук и издателя журналов «Зеркало света» (на страницах которого он, в частности, одобрително отозвался о переводе «Приключений Телемака» в переводе

¹²⁵ Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина // Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 204.

¹²⁶ Например, господин С... так описывает производимый в Перегабе фаянс: «Смотрел я самую фаянсовую фабрику, о которой, колико знание мое постигает, скажу, что вещество очень хорошо, но в обработке, ни в образе сосудов ни в живописи, или резьбе, я не видал совершенства. Правда, что приметя мое неудовольствие, смотритель сей фабрики мне сказал, что они имеют узаконение, чтобы не весьма стараться о резьбе и живописи, но токмо о доброте вещества, ибо сие истощение искусства знатных художеств может учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянс не на то делается, чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойствия и удовольствия жизни человеческой сосуды» (Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина... С. 260).

¹²⁷ Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина... С. 289.

И.С. Захарова) и «Российский магазин». Туманский критиковал роскошь как главное препятствие для развития сельского хозяйства; В частности, он считал вредным денежный оброк, поскольку крестьяне, обязанные оброком, будут озабочены только тем, где бы найти денег. Это, разумеется, подтолкнет их искать заработка в городах; «от сего родится любовь ко праздности и роскоши, пренебрежение сельския жизни и следственно гибель общая». Не менее губительно для земледелия и «пристрастие к заведению пространных зданий» – таких, как «увеселительные дома», «пространные сады» в «неудобных местах» (громадные теплицы «снимают навоз без нужды и прибытка») и «заводы не у места». Равным образом разорительно и «обезлюдение деревни»; здесь Туманский имел в виду чрезмерное умножение «дворовых служб», которые «служат излишеству, роскоши, самолюбию» и отвлекают рабочие руки от пашни¹²⁸. Концептуальное противопоставление роскоши и умеренности, города и деревни воспроизводилось и в пространстве обсуждения социального облика дворянства.

Итак, в самых разных жанрах – от предисловия к переводу до речи в собрании, от административных записок до гневных памфлетов (написанных, правда, «в стол») – российская образованная элита дебатировала проблему социальной роли коммерции и роскоши. Атаки на роскошь и коммерцию достаточно далеко отстояли от проповеди христианской аскезы и презрения к стяжанию; для авторов, работавших в секулярном пространстве, роскошь была частью социальных процессов, и задачей анализа был не призыв к персональному совершенствованию, но поиск путей для реформы общества в целом.

Государь должен противостоять усилению роскоши и давлению порока, разнуздывающего страсти. Монарх-судья – такой, как Линаксар в Мавритании Хераскова или, быть может, Сабакола в Офирии Щербатова – является источником правосудия, воздающим за добродетель и карающим за пороки, наставляет подданных личным примером и противодействует распространению роскоши, в том числе – ограничивая коммерцию. Описывая губительные последствия роскоши, российские авторы были готовы воспользоваться фенелоновским языком. Но путь к российскому Саленту вовсе не был простым, поскольку моралистская критика (важнейшим проявлением которой являлся фенелоновский монархизм) была лишь одной из риторических манер, доступных российской политической и интеллектуальной элите для описания монархии.

¹²⁸ Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства // Продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. XIX. СПб., 1794. С. 315–320.

§ 3. От Фенелона – к Монтескье: новая экономика, роскошь и прогресс

И. Гонт суммирует дебаты о роскоши, развернувшиеся в Европе в 1-й половине XVIII в. следующим образом: «Для ее критиков роскошь была продуктом крайнего неравенства, принесением деревни в жертву городам, причиной депопуляции, врагом отваги, чести и любви к стране. Для ее защитников роскошь была средством для роста населения, повышения стандартов жизни, циркуляции денег, хороших манер, прогресса наук и искусств, и не в последнюю очередь – могущества народов и счастья граждан»¹²⁹. В российском контексте «защитная» манера обсуждать роскошь, о которой говорит Гонт, дополнялась закреплённым в придворной панегирической культуре превознесением монарха-демиурга, своей мудростью и героизмом как бы творящего Россию заново.

Култ Петра Великого, начавший формироваться еще в начале XVIII в., был окончательно закреплён в панегирической литературе при Елизавете Петровне, в 1740-е гг., став фундаментом для дальнейшего развития панегирика. Крупнейшие придворные ораторы – иерархи православной церкви, а также поэты – авторы од, производили похвалы по адресу Петра и его преемников, создателей армии, флота, городов, торговли, искусств и наук в России.

Важной частью панегирического канона было прославление Петра как творца своеобразной новой экономики России. Так, в проповеди 1743 г. архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) называл в числе свершений Петра создание армии, флота и организацию новой экономики: «Кого имеем Первого Начинателя различных механик, фабрик и архитектур, и прочих заводов государству нашему весьма полезных: ПЕТРА ВЕЛИКАГО»¹³⁰. Равным образом и епископ Псковский и Нарвский Стефан (Калиновский) называл в проповеди 1744 г. среди главных деяний Петра «заводы железные, медные, серебряные», «фабрики шелковые, суконные, полотняные, бумажные» и «другая прежде в России небывалая преизрядная художества»¹³¹. Наконец,

¹²⁹ Hont I. The early Enlightenment debate on commerce and luxury // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge, 2008. P. 380.

¹³⁰ Слово в день чудесного на Родительский Всероссийский Престол Ея Императорского Величества возшествия Елисаветы Первой <...>. В присутствии Ея ж Императорского Величества проповеданное Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским. М., 1743. С. 24.

¹³¹ Слово в день Торественного Возшествия на родительский Императорский Престол Благочестивейшая Великая Государыня Императрицы Елисаветы Петровны <...> в Придворной Церкви проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Стефаном Епископом Псковским и Нарвским, 1743 года Ноября 25 дня. М., 1744. С. 5.

в 1750 г. епископ Суздальский Порфирий (Крайский) также упоминал созданные Петром армию, флот и *новую экономику*, но в более энергичных выражениях: «Скажи нам, о России! ведала ли ты заподлинно до времен ПЕТРА ВЕЛИКАГО что то есть фабрики, что мануфактуры, каковый оттуда прибыток, каковая польза государственная, но не вся ли сии высоким разумом ПЕТРА ВЕЛИКАГО заведенная в тебе распространяются»¹³².

М.В. Ломоносов в знаменитой оде Елизавете Петровне 1747 г. также превозносил деяния Петра, теперь сведя их до двух основных достижений: армия / флот и новая экономика, основанная на научных познаниях, создание которой Петр завершить не успел и которую теперь предстоит воссоздать его дочери. Ломоносов описывает громадные пространства и географическое разнообразие елизаветинской России, подчеркивая, как науки и искусства извлекут из них ресурсы и приведут к процветанию производства и торговли¹³³. Духовные и светские панегиристы, конечно, не занимались политической экономией специально, но значимость экономических преобразований постоянно прославлялась в панегирической придворной литературе. Культ преобразований, культ «новой России» был характерен для этого коммуникативного контекста, а производство и коммерция входили в число наиболее важных плодов этих преобразований. Сходная манера речи была примерно в то же время выработана и в среде придворных администраторов, которые, рассуждая о торговле и производстве, помещали экономику в число наиболее важных преобразований Петра и его преемников, четко маркируя различие между «старой» и «новой» Россией.

Например, В.Н. Татищев в «Представлении о купечестве и ремеслах» (1748) четко определяет: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделию и доброго состояния купечества». «Рукоделия» Татищев сравнивает с желудком, а купечество – с сердцем, гонящим ко всем членам тела кровь с питательными соками: «Где рукоделия и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр. богаты и довольны <...> Следственно, все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят»¹³⁴.

¹³² Слово в высокотожественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорского Величества Благочестивейшая Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Проповеданное Преосвященным Порфирием Епископом Суздальским и Юрьевским, 1749 года, Ноября 25 дня. Печатано в Московской Типографии, 1750 года, Января в 3 день. С. 10–11.

¹³³ Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 115–121.

¹³⁴ Татищев В.Н. Представление о купечестве и ремеслах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 392.

Татищев включил в «Представление» исторический очерк по истории российской политики в отношении купечества, начав его со времен князя Олега; история эта, впрочем, заключается в перечнях мер, которые тот или иной правитель предпринимал для увеличения торговли и «рукоделий». Дважды – после Алексея Михайловича и после Петра Великого – Татищев упоминает о том, что достижения в области торговли и «рукоделий» были уничтожены «от злостных и ненасытных лакомством правителей». Таким образом, у Татищева торговля и производство выступают результатом преобразовательной деятельности государя и становятся важнейшей частью общего блага.

Близким по смыслу было мнение секретаря Сената Ф.И. Сукина, который в 1760 г. представил в Сенат «Разсуждение о коммерции». Отметив в начале, что благотворная роль коммерции общеизвестна и кратко сославшись на примеры Англии, Нидерландов, Венеции и других торговых держав, Сукин детально описывал характер и историю российской коммерции, особый акцент сделав на роли Петра как фактического ее творца: «Когда ж всещедрый господь восхотел просветить Россию своею благодатию, учинить ее сильнейшею богатством и славою монархию, послал для исполнения того государя императора Петра Великого, отца отечеству, снабдя его превосходящею человечество премудростию, великодушием и трудолюбием. Вступил премудрой монарх в сие божественное дело и вдруг в одно время и почти в одни часы, производя с сильнейшим по тогдашнему времени неприятелем жестокую войну, переменял грубые в народе нравы, изторгнул невежество и разврата в церкви, собрал, снабдил и обучил новое воинство, создал новой флот, построил и укрепил великия города, зделал гавани и пристани, учредил суды и гражданство, насадил науки и художества. Но кто изчислит дела Петра Великого, которых плоды, всякой видя, чюдится, и которым вселенная во веки с ужасом удивляться будет! <...> Возможно ль, чтоб укрылось от прозорливости Петра Великого, что комерция есть надежнейшее средство к обогащению государства!»¹³⁵

Наконец, в 1783 г. коллежский секретарь И. Смирнов, входивший в число составителей собрания законов Российской империи под заглавием «Описание внутренняго Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями»¹³⁶ (так, впрочем, и оставшегося в рукописи), отмечал в кратком введении к 7-му тому «О государственном изобилии»: «От количества вещей

¹³⁵ Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 232.

¹³⁶ См. об этом проекте: Лаппо-Данилевский А. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1897.

служащего не только к нужному употреблению, но и к удовольствию народному происходит и изобилие государственное, которое не иное что есть, как достаток в государстве вещей нужных полезных и приятных служащих к употреблению государственных жителей. К достижению ж оного достатка почитаются три источника, могущие быть начальным основанием в государстве, а имянно: первое государь премудрый, второе количество народа, третье пространство земли». Смирнов имел в виду, что мудрый государь сможет поощрить «размножение» своих подданных, а затем использовать по максимуму богатства земли, определяя подданных «по способности каждого в пользу к наукам или искусствам, к рукоделиям или же к ремеслам всякого роду, дабы чрез то могли они воспользоваться добротою земель, какое бы их в том употребление ни было и какая бы произведения они не приносили <...> А чем больше в государстве жителей, тем больше они своими успехами могут приносить пользы и государству и частным людям»¹³⁷.

Закрепленный в придворных коммуникативных контекстах – панегирике и докладе – культ монарха, «насадившего» в России коммерцию и производство, стал важной частью политической традиции российского XVIII в. Панегирический взгляд на монарха как на творца *новой экономики* с опорой на коммерцию и производство совпадал с развивавшимся в Европе дискурсом о необходимости роскоши в отношении смягчения нравов, международного мира и роста могущества держав (труды Мелона, Монтескье, Юма и многих других авторов). Учитывая это, стоит удивиться тому, что в России на протяжении XVIII в. так и не появилось своих трактатов об экономике, сопоставимых по охвату и целям с трактатами, например, Муратори или Зонненфельса.

Монтескье оказался востребован в этом контексте. Так, обосновывая благотворное влияние коммерции в «Историческом описании российской торговли» (1781), ссылался на Монтескье и М. Д. Чулков: «Правда и верность суть такие добродетели, без которых никакое общество состоять не может, Коммерция ж без них по мнению искусных в ней людей как тело без души почитается, как и Монтескиэ разсуждая о торговле говорит, Коммерция истребляет пагубные предубеждения и почти за всеобщее правило принять можно, что везде, где есть благонравие, там есть и торговля, и везде где есть торговля там и благонравие»¹³⁸. Заодно Чулков говорил о традиционных

¹³⁷ НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 15, № 22. Описание... правления. [Кн. 6.] Глава VII. О государственном изобилии. Соч. Ивана Смирнова. Л. 1.

¹³⁸ Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I, кн. I. СПб., 1781. С. 33.

пороках купцов – о том, что «между купцами и продавцами везде и часто случается, что обманами и лукавством один другого тщится упредить, а иной напротив того оным же возразить и отомстить старается <...> И хотя истребление таких коварств зависит всегда от определенных к тому начальников, но все оные в Коммерции помешательства и затруднения едва ли могут быть исправлены, и совершенно пресечены без обращения купеческого к Истинне, и без необходимо нужного для них просвящения, которого желать настоят великая надобность»¹³⁹.

Именно экономическая сила государства, развитие торговли и производства обеспечивают – согласно Чулкову – могущество и процветание держав: «Умножением Манифактур и заводов всегда обогащаются государства и в лучшем и сильнейшем состоянии находятся не те области, которые материальными товарами и растущими в них избыточествуют, но предпочитают от них паче те, где Манифактуры и полезные Художества умножены и процветают»¹⁴⁰. В качестве примеров Чулков приводит Италию и Нидерланды, эффективно перерабатывающие испанские шелк и шерсть соответственно. Купцы должны точно знать, что продавать «простыми материалами», а что – переработанными, возводя в своей стране «заводы и фабрики». Если «капитальные купцы» смогут умножить «заводы и фабрики», то «капиталы всех богатых людей возымеют в народы наибольшей курс, в Коммерции нашей с Иностранными народами воспоследует приращение к наисильнейшему споспешествованию не только купеческой и казенной, но и всенародной прибыли»¹⁴¹.

Свои аргументы Чулков постарался усилить рядом выписок из иностранных источников. Например, он приводит цитату из журнала «Le Spectateur ou le Socrate moderne» (1716)¹⁴²: «Купцы наиполезнейшие члены в обществе, они между областями содержат союзы, разделяют во весь свет дары Натуры, находят работу бедным, достаток богатым, великим славу и великолепию». Сделал Чулков и ссылку на статью шведского негоцианта и политика Т. Пломгрена «Tankar om handeln i gemen» (1740): «Коммерция наполняет Государство прилежными и полезными жителями, оживляет Науки, искусства

¹³⁹ Историческое описание российской коммерции... С. 35.

¹⁴⁰ Там же, с. 44–45.

¹⁴¹ Там же, с. 47.

¹⁴² Это издание было французским переводом английского журнала «The Spectator», издававшегося Р. Стилом и Дж. Аддисоном, выходившим под заглавием: «Le Spectateur, ou le Socrate moderne, Où l'on voit un Portrait naïf des Mœurs de ce Siècle. Traduit de l'anglois». Чулков ссылается на 56-е «рассуждение», восхваляющее мощь английской торговли (Le Spectateur, ou le Socrate moderne, Ou l'on voit un Portrait naïf des Mœurs de ce Siècle. Traduit de l'anglois. Paris, 1716. P. 369).

и ремесла, распространяет кораблеплавание, дальные земли приводит в полезное знакомство и союз, открывает дражайшие сокровища Натуры и делает Государство в самом себе сильным, а у соседей знатным».

Несколько анонимных переводных статей, опубликованных в журнале «Собрание лучших сочинений» (1762), издававшееся профессором Московского университета И.-Г. Рейхелем, также были посвящены восхвалению коммерческой мощи. Это, прежде всего, статья «Политическое разсуждение о коммерции»¹⁴³, которая доказывает, что именно коммерция создает богатство, которое является источником могущества государства и благополучия его граждан. Торговый обмен необходим, потому что ресурсы рассеяны по миру; «купец есть дух государства, потому что торг движение свое от него имеет; а прочие посредством торгу необходимы для жизни своей потребности получают»¹⁴⁴. Впрочем, число купцов должно быть «соразмерно величине и качеству торгу». Коммерция сравнивается с пищей, необходимой человеческому телу. Равным образом и в «Изображении манифактур-коллегии» (без указания источника) отмечалось: «Сила и богатство производят государству благополучие; одна происходит от множества народа, а другое от умножения государственных доходов»¹⁴⁵; далее содержатся разнообразные наставления о том, как надо управлять торговлей и производством.

В 1783 г. в «Прибавлениях к Московским ведомостям» вышла (несколькими частями) пространная статья, озаглавленная «О торговле вообще». Текст ее был, по-видимому, скомпилирован Н. И. Новиковым. В статье подробно анализировались социальные эффекты коммерции, к числу которых относилась и роскошь, получившая в статье такое определение: «Излишнее употребление ненужных (так! – К.Б.) вещей, служащих к удобности и к удовлетворению владычествующему вкусу». Из этого определения вытекало, что «если удовлетворяет роскошь удобности и владычествующему вкусу, то некоторый степень ее необходимо нужен в обществе, отступившем от простых потребностей натуры и во вкусе которого царствует некоторая суетность; а изгнание ее из такого общества ниспровергло бы прилежность художника, которого упражнение роскошью оживляется».

¹⁴³ Политическое разсуждение о коммерции // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. М., 1762. С. 233–278.

¹⁴⁴ Там же, с. 235.

¹⁴⁵ Изображение манифактур-коллегии // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. М., 1762. С. 128.

Автор статьи в целом относится к роскоши положительно, отмечая: «Роскошь тогда только вредна государству, когда предметы ее суть иностранные товары, потому что государство тогда оскудевает от выхода денег, обращение сих денег перестает, мануфактуры и фабрики приходят в упадок, большая часть ветвей торговли останавливается либо и совсем прекращается и, наконец, иссякают источники пропитания граждан. Для частного человека роскошь бывает злой тогда, когда расходы его превосходят его силы, когда он расточает свое имение; но сие не роскошь уже, а мотовство и расточение; да и самый упадок одной фамилии не важен для государства, ибо от оногo получают пропитание десять других граждан, приготавливающих роскошные товары. Не роскошь, но чрезмерное расточение бывает причиною упадка частного человека; худое его домоводство разоряет его до основания, а государство может ли учредить домостроительство каждого своего гражданина? но может ли случай сей произойти при тысяче других обстоятельств, в которых и не владевает роскошь? Наконец, остается еще сему несчастному один вспомогательный способ, то есть работа; а где роскошь основывается на торговле, там работа не бесчестна»¹⁴⁶. И далее, говоря о позитивных эффектах коммерции, автор (или компилятор?) статьи приводил соответствующие ссылки на Монтескье и на «Анти-Макиавелли» Фридриха II. Торговля приносит с собой «уточненные нравы» и открывает путь к добродетелям; следовательно, «пока роскошь не преступит надлежащих пределов, пока не погрузит она нацию совсем в леность и бездейственность, дотолe бывает она в другом рассуждении выгодна государству, а в рассуждении утончения нравов служит самую действительнейшею пружиною, проводящею людей из суровости в высшее образование»¹⁴⁷.

Панегирик торговле и производству присутствовал в сочинении профессора Московского университета Я.А. Шнейдера «Разсуждения на Монтескиеву книгу О разуме законов; или уроки всеобщей Юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. № 1» (1782). Шнейдер читал в Московском университете лекции о труде Монтескье, а его собственная книга, в общем-то, довольно прямолинейна – это очерк под названием «Разсуждение I. О истории законодательства», напоминающий о высоком значении юриспруденции и науки об управлении государством. Труд Шнейдера посвящен преимущественно описанию исторического развития коммерции и производства, а также связанного с ними прогресса

¹⁴⁶ Новиков Н.И. О торговле вообще // Н.И. Новиков. Избранные произведения. М.; Л., 1951. С. 553.

¹⁴⁷ Там же, с. 556.

Просвещения (который он связывает с коммерческими странами, Великобританией и республикой Соединенных Провинций). Развитие коммерции исключает возможность войн в Европе и ведет к миру¹⁴⁸, а также к совершенствованию законодательства¹⁴⁹.

Шнейдер связывает развитие искусства управления с желанием континентальных держав подражать Британии и Соединенным Провинциям. Их богатство и мощь привели к тому, что и в других государствах пришли к выводу: «наука законодательства одна только могла дать такую государствам силу, о какой ограниченные умы едва помыслить могут». Эта наука, давая советы монархам, способна привести к «умножению народа» и стимулировать «земледелие и труды». «Ныне, – заключает Шнейдер свой текст, – уже не лезя надеяться умножить силу свою чрез опровержение других престолов; должно ожидать сего от мудрости правления». Эту-то истину, по мнению Шнейдера, и доказал «славной Монтескый».

Тексты Чулкова и – в большей степени – Шнейдера демонстрирует внимание к Монтескье как исследователю политического влияния коммерции и экономического обмена между странами. Подобно последнему, Шнейдер подчеркивает цивилизующую роль торговли, упраздняющую опустошительные войны европейских держав. Мудрому правителю, конечно же, следует сфокусировать внимание на развитии коммерции и «трудоу», избегая кровопролитных войн. Здесь важно вновь упомянуть Штрубе – в 16-м и 17-м письмах «Lettres Russiennes» он, анализируя социальную структуру Российской империи, подчеркивает существование многочисленного купечества и ремесленников. А в 18-м письме Штрубе подробно разбирает доводы Монтескье о торговле, отмечая упреки в том, что российские купцы подвергаются утеснениям. Штрубе особо подчеркнул, что в России не запрещен вывоз капитала через векселя – важное примечание, поскольку идеи Монтескье о «бегстве» торговли от деспотизма основывались на европейской практике денежных переводов. Равным образом и в «Антидоте» упоминалось: «Собственно так называемая Россия, как яйцо, полна народом. Губернии Московская и Нижегородская, так же как и многия другия области, уже страдают недостатком земель по количеству своих жителей»¹⁵⁰.

Коммерческое процветание, изобилие России было, таким образом, важнейшим аргументом против упреков в деспотизме и, следовательно,

¹⁴⁸ Разсуждения на Монтескьеву книгу о разуме законов; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. No 1. М., 1782. С. 25.

¹⁴⁹ Там же, с. 28–29.

¹⁵⁰ Антидот... С. 260.

фундаментальной основой для европейской идентичности России. Такие взгляды можно, пожалуй, вслед за М. Раевым именовать «камералистскими»¹⁵¹ или, в духе И. Гонта – «неокольтеристскими», хотя во избежание путаницы лучше будет сказать – коммерческими. Ведь, как мы подчеркнули выше, на российской почве дискурс о благах коммерции был востребован еще и в силу своей связи с культом царя-демиурга, преобразующего свою страну и создающего, в числе прочих творений, производство и коммерцию. Представления о благотворной роли коммерции и о ее исключительном значении для «общего блага» и «пользы» государства были тщательно разработаны в придворной коммуникативной сфере, а риторика, связывающая процветание страны с ростом торговли, наук и искусств, оставалась в числе наиболее влиятельных манер говорить о политике в России XVIII в.

Важнейшей манифестацией созидательной деятельности монарха-преобразователя, на описании и восхвалении деяний которого были сосредоточены усилия придворных авторов, была именно способность создавать новую экономику. И это проходит в источниках «красной нитью»: будь то восторженные отзывы церковных иерархов о Петре, творившем «рукоделия» и «фабрики», или соображения придворных администраторов (таких, как Татищев или Сукин) о необходимости поощрения торговли со стороны государя.

Коммерция в подобной системе взглядов выступала важнейшим маркером европейской идентичности России, однако она не была данностью; ее предстояло развивать и выстраивать заново, и в этом смысле декларативная «вольность» торговли не противоречила тому, что основным ее двигателем признавалась воля монарха и усилия его администрации. Интенсивная торговля (прежде всего – внешняя, нацеленная на экспорт и дающая активный торговый баланс), поддерживаемая мощным производством – такова была картина новой экономики, которую предстояло создать монарху. Конкретные меры по развитию торговли и производства разнились от автора к автору, а в целом обсуждение этих вопросов было объединено констатацией того, что коммерческое изобилие еще *предстоит создать*, преодолевая многочисленные затруднения. Можно говорить о настоящем культе изобилия, закрепленном как в придворной, так и в публичной коммуникативных сферах.

Превозносимая панегиристами и администраторами коммерция становилась цивилизующим фактором российской истории и выступала антитезой

¹⁵¹ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Vol. 80. № 5 (Dec., 1975). P. 1225.

«невежеству», свойственному отечественному прошлому и подлежащему безжалостному вытеснению. Коммерция оказывалась ближе к панегирикам, к политическому богословию – постольку, поскольку и политическое богословие, и коммерция говорили о созидании, а не о наследовании. Монарх-демиург творил победы за рубежом и процветание внутри границ: эта вторая функция включала в себя и развитие торговли и производства. Развитие коммерции, рука об руку с которой шла роскошь, оказывалось при таком подходе едва ли не основной задачей мудрого, просвещенного государя. Торговля для России была тем, что предстояло ввести, и тем, что было маркером европейской идентичности, а также маркером преобразований: Россия «новая» отличалась от России «старой» именно наличием новой экономики – искусств, наук, производства и коммерции.

Добродетель в рамках коммерческой парадигмы преображалась в искусство, приносящее общественную пользу. Так, П.И. Рычков в «Переписке между двумя приятелями о коммерции» (1755) называет торговлю основой «общего блага» и уверяет, ссылаясь на аббата Бельгарда («L'education parfait», 1713), что предприимчивость купцов тоже является формой доблести: «Как бы им такие славные дела без величественного духа сделать, и в предприятиях своих иметь щастливой успех, ежелиб они чрезвычайной отваги в страхах и удивительного постоянства в крайних трудностях и бедах не оказали». Ведь та же Венеция смогла успешно противостоять туркам, а Голландия – испанцам; эта последняя «своими завоеваниями в разных местах показала довольные опыты, что дворянину купцом быть не стыдно, потому что купцу не трудно храбростию и великими делами уравниаться дворянину»¹⁵². В самом деле: фенелоновскую *добродетель*, присущую человеку, следовало защищать от вызовов порока и поддерживать в неизменности, тогда как коммерческим *искусством* предстояло овладевать. Здесь мало было личного примера со стороны монарха: развитие коммерции и производства предполагало овладение особыми знаниями и умениями и, как результат, достижение той самой «утонченности» (refinement), о которой писал Юм.

Переходя к анализу торговли и производства, российские авторы 2-й половины XVIII в. следовали по маршруту от Фенелона – к Монтескье.

¹⁵² Рычков П.И. Переписка между двумя приятелями о коммерции // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль. С. 120–121.

Роскошь подвергалась суровой критике, когда речь заходила о коррупции и моральном разложении. А Салент на российской почве оставался проблемой, поскольку развитие торговли и производства – новая экономика изобилия, маркер принадлежности России к европейскому пространству, которую превозносили панегиристы и администраторы империи – считалось важнейшей задачей государя. Своего рода концептуальная ловушка (универсалистское понимание добродетели с одной стороны, приверженность европейской идентичности страны, выраженной через науку, искусства и коммерцию – с другой стороны) вела к тому, что российская политическая мысль совершала своего рода маятниковое движение: от Фенелона – к Монтескье и обратно.

Как мы уже видели, российские авторы XVIII в. отрицали характеристику России как имманентно деспотической страны. Идеи Монтескье относительно различий между монархией и деспотией были восприняты на российской почве амбивалентно – ярчайший пример комплексного заимствования, на основании которого сформировались два взгляда, два языка, две манеры речи о монархии.

Первый подход предполагал опасность дегенерации монархии до состояния деспотизма. Стартовой точкой такого взгляда было признание универсального характера добродетели и отказ от классификации «принципов» разных форм правления, о котором писал Монтескье. Исповедуя универсальную, цицероновскую добродетель, российские авторы осмыслили различие между монархией и деспотией как различие между хорошим и плохим правителями (сам текст Монтескье оставлял немало возможностей для такой интерпретации). В отличие от политического богословия, считавшего хороших и плохих государей результатами действий Провидения, секулярная политическая мысль искала социальных предпосылок и условий. Коррупция – утрата добродетели, когда игра страстей под влиянием роскоши открывает дорогу «повреждению нравов» – вела к утрате добродетели и появлению деспотизма. Любые формальные учреждения, законы и институты оставались бессильными, если их поражала коррупция.

Ключ к обузданию зла находился у добродетельного государя, который способен силой личного примера повернуть подданных на путь истины; тем не менее, подобный поворот вовсе не выглядит метафизическим – признание социального характера коррупции означает, что и у противоядия имеется социальное измерение: добродетельный государь был способен противопоставить коррупции политические меры (законы об ограничении роскоши, борьба с крупными городами, сворачивание роскоши двора), правосудие

и силу личного примера. Подобный взгляд предполагал движение от «дискурса Монтескье» к «дискурсу Фенелона», формируя своеобразный моралистский монархизм.

Критический взгляд на коммерцию и роскошь как на источник коррупции вступал в противоречие с альтернативным фенелоновскому монархизму политическим языком¹⁵³, который центральное место отводил новой экономике, созидаемой усилиями монарха и его администраторов по развитию наук, искусств, производства и торговли. Производство собственных предметов роскоши предстало в категориях этого языка сильной стороной, а не источником коррупции; создание своеобразной новой экономики выступало маркером европейской идентичности России и одновременно отделяло Россию «старую» от России «новой». Такое понимание коммерции и производства вплотную подводило российских авторов к концепции прогресса в историческом развитии. Важно, что ключевым актором этого прогресса опять-таки выступал государь, способный преобразовать общество и преодолеть наследие отсталости. Коммерция в данном случае выступала не только как способ наполнить казну, но и как инструмент социального развития, продвигающим специфический набор добродетелей и закрепляющий европейскую идентичность России, а также позволяя решительно отделаться от упреков в деспотизме.

Монарху следует искать общего блага, насаждая искусства, науки и торговлю. Как отмечает Д.В. Тимофеев, уже в начале XIX в. конституция тоже будет пониматься как инструмент, который необходимо ввести ради устойчивого экономического роста¹⁵⁴. И, следуя приведенному выше выражению Дж. Покока, можно сказать, что в данном случае *приобретаемые* манеры заменяют собой *неизменную* добродетель. Отсюда открывается перспектива, ведущая к представлениям об историческом прогрессе, особенно в комбинации с рассмотренными в главах 2 и 3 концепциями *естественного права*.

Два этих подхода, которые мы постарались охарактеризовать выше, напоминают до известной степени два «образа мысли», о которых говорит в своей книге, посвященной «игре идей» в российском театре эпохи Просве-

¹⁵³ См. о становлении философии «коммерческой социальности» – стимулированной работами Г. Гроция и С. Пуфендорфа и представленной, например, трактатами братьев де ла Куров, такими, как «*Interest van Holland*» (1662) – в Европе Нового времени: Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М., 2014. С. 93–114.

¹⁵⁴ Тимофеев Д.В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 24.

щения, американская исследовательница Элис Виртшафтер: нестоическая склонность к поддержанию трансцендентного божественного порядка через личные добродетели vs. модернизирующего прогрессизма. Оба «образа мысли» конфликтовали между собой, и первый был характерен для «общества», а второй – для «правительства»¹⁵⁵.

Но подчеркнем, что – в отличие от Виртшафтер – мы говорим о двух концептуальных манерах, которые могли сосуществовать в творчестве одних и тех же авторов. Виртшафтер говорит о «русской образованной элите» вообще, об «обществе» и «государстве» вообще; однако столкновения между морализмом и прогрессизмом, *добродетелью* и коммерцией, между Фенелоном и Монтескье вовсе нельзя рассматривать как коллизии между правительством и обществом. Больше того: дебаты о добродетели и коммерции, предполагавшие маятниковый маршрут между Фенелоном и Монтескье, были лишь одной из манер обсуждать политику при помощи концептуального инструментария *добродетели*. Иная перспектива – которая не рассматривается нами в этой книге – есть, например, в «Нуме Помпилии» Хераскова (как, впрочем, и в других его романах), где *добродетель* связана с нравственным просвещением и с изживанием суеверия. Противопоставление *добродетель* / роскошь присутствует в романе Хераскова, но предстает второстепенным по отношению к антитезе *добродетель* / суеверие. Последняя открывает путь к дебатам о фанатизме, об истинной религии, о характере культа и о других вопросах, в изобилии представленных в массиве религиозной литературы, который мы кратко рассматривали в главе 1.

К тому же сам по себе морализм, на значимость которого обращает внимание Виртшафтер, вовсе не означал удаления от политики; несправедливо называть этот морализм «внутренним»¹⁵⁶. Напротив, как мы постарались показать, вопрос о *добродетели* вовсе не сводился к персональному совершенствованию; поскольку *добродетель* обладала социальной причинностью, постольку этот вопрос напрямую затрагивал политические основы политики.

Античная добродетель или англо-голландская коммерческая мощь? Российские авторы оказывались перед сложным выбором: принадлежавший Монтескье концепт деспотизма был действенным орудием критики существующей российской монархии, но в объяснении социальных причин угрожающего России вырождения в деспотию им приходилось опираться на аргументы Фенелона. В этом случае коррупция, вытекавшая из присущего человеку «сластолюбия» и ведшая к деспотизму, поддавалась врачеванию

¹⁵⁵ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater... P. 174–175.

¹⁵⁶ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater... P. 178.

на путях неизменной, вечной *добродетели*; в противном случае социологизм Монтескье обрекал бы российских авторов признать страну деспотией по своей природе. Получается, что лишь приблизившись к Саленту, российские авторы начинали возвращаться к Монтескье: отказ от динамичного развития коммерции и производства означал бы отказ от культа петровских преобразований, от признания того, что между «новой» и «старой» Россией не существует разницы.

Укорененный в придворной культуре панегирика взгляд на Россию как на пространство постоянных динамических изменений, привносимых волей монарха-реформатора, творящего среди прочего и новую экономику, вступал в союз с идеями Монтескье о коммерции и производстве как основной добродетели современной Европы. И если в Офирии Щербатова (написанной, что называется, «в стол») Фенелон окончательно возобладал над Монтескье – в монархии последнего рост роскоши должен был бы привести не к упадку, как в Офирии, а к расцвету державы – то в публичной сфере подобная атака на коммерцию была невозможна, поскольку необратимо привела бы не только к полемике с авторами вроде Монтескье или Мелона (это было бы не страшно), но и к прямой конфронтации с культом монарха-демиурга.

Два обрисованных выше политических языка, как ни парадоксально, взаимодействовали: в ряде случаев один и тот же автор был способен говорить и в той, и в другой манере. Но это означает также, что дебаты вокруг идей Монтескье, развернувшиеся в явной или скрытой форме в 60-е – 80-е гг. XVIII в. в России, протекали преимущественно не в области правового дискурса. Куда более значимыми были вопросы о *добродетели*, о коррупции, о роскоши, о коммерции – и, в конечном счете, о персональных качествах людей, граждан государства, судей и министров, купцов и воинов. Это, в свою очередь, означает, что вместо изучения формальных структур российского конституционализма (распадающегося на ряд «проектов», предполагающих внедрение в правовой практике с целью ограничения «деспотической» власти) имеет смысл изучать определенные манеры речи, коммуникативные практики, задававшие границы деятельности исторических акторов.

Послесловие

В течение столетия, следовавшего за смертью Петра I, три из семи российских монархов умерли насильственной смертью, и это лишь эпизоды жестокой придворной борьбы, в ряде случаев приведшей к кровавым казням. Сопоставимое по масштабу насилие в среде элит – включая и расправы над монархами – охватывало Россию в годы Смутного времени (мы не касаемся сейчас не менее кровавых событий 1917 г. – это тема отдельного обстоятельного разговора).

Однако, если в Смуту 1612 г. страну сотрясала гражданская война, осложненная внешним вмешательством, то с 1725 по 1801 г. имперская мощь только возрастала, и государство демонстрировало свою способность как к устрашению внешних противников, так и к подавлению низового недовольства внутри страны. Важную роль в этом сыграла трансформация политической культуры, происходившая под мощнейшим влиянием европейских идей и практик.

Еще в 1836 г. А.С. Пушкин заметил, что «правительство все еще единственный европеец в России»¹. Действительно, вестернизация как общее направление культурного развития была инициирована в значительной степени тем социальным агентом, который мы называем государством – организацией правящей элиты², централизованной и сплоченной вокруг фигуры монарха. Последняя в силу специфики становления государства в России играла особую роль в политической структуре³.

¹ В оригинале: «le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie». См.: Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. X. Письма 1831–1837. М., 1962. С. 363, 362.

² По определению Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, «организации состоят из определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации является чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов» (Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 60). Тот факт, что государство – это отнюдь не только монарх, а определенная совокупность людей во главе с монархом, иногда игнорируют, так что, на наш взгляд, такое напоминание не будет лишним.

³ Ср.: Kiselev M.A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50. Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 1. № 1. P. 9.

Что же означало *быть европейцем*? Или, что даже точнее, *стать* русским *европейцем*? Стоит задаться подобным вопросом – и государство в качестве единого агента рассыпается, поскольку единого ответа фактически не было и быть не могло. Есть лишь вероятный набор ответов. Конечно, в поисках последних – а именно, что конкретно следует заимствовать с Запада – работала определенная прагматика, связанная с ориентацией на результат, в отношении желательности которого среди властных группировок существовал консенсус. Только свести процесс трансфера исключительно к прагматическим заимствованиям невозможно, ведь любая культура – не механистический набор элементов, а сложная целостность.

Резонно говорить о проявлении эффекта комплексного заимствования: усвоении не только прагматически выбранных элементов, но и связанных с ними понятий и идей – включая и такие, которые вовсе не планировались в числе результатов трансфера. А вместе с новыми средствами воздействия на подданных и укрепления властного режима в рамках культурного трансфера на российскую почву прибывали идейные элементы, которые создавали интеллектуальные возможности для того, чтобы критически оценивать сам этот режим и, в конечном счете, предложить альтернативу. Вначале рукописные, а затем и печатные, переводные *забытые бестселлеры* транслировали на российскую почву гораздо больше, чем, предполагали вестернизаторы.

«Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева – грандиозный результат такого комплексного заимствования, явивший на отечественной почве *добродетельного гражданина*, вдохновлявшегося идеей неотъемлемых *естественных прав*. При этом и *добродетель*, и *естественное право* не были (как мы постарались показать в настоящей книге) чем-то неожиданным для отечественной политической мысли конца XVIII в. Оригинальность Радищева заключалась не в том, что он глубже других авторов адаптировал западные идеи, а в том, что он смог обнаружить новые возможности для применения на российской почве уже функционировавших глоссариев. Комбинация разных манер речи и коммуникативных целей стала опорой для радикальных выводов; *естественное право* превратилось в грозный аргумент против рабства, а *добродетель* – в решительный вызов моральным авторитетам правителя и церкви, приблизившись к республиканской добродетели в духе Н. Макиавелли или Ж.-Ж. Руссо.

Примечательно, что «Путешествие» было создано представителем узкого круга придворно-столичной элиты, хорошо образованным дворянином – да еще и чиновником высокого ранга, бюрократом! – который пробовал

свои творческие силы в качестве публициста в растущей российской публичной сфере.

Картина российского общества, просвещаемого усилиями власти до того момента, когда общество наконец перестает нуждаться в опеке со стороны власти, станет одной из констант историографии XVIII в.⁴ Остается вопрос, кем же таки считать А.Н. Радищева – представителем власти (как руководителя таможи) или рядовым членом общества (как публициста)? По своей «итоговой» судьбе он, кажется, принадлежит второму, но по своему положению явно относится к первой. Этот пример показывает, что изучение политической культуры не сводится к выяснению социальных позиций акторов и к замерам степени социальной зрелости общества. История политической культуры, таким образом, оказывается пространством взаимодействия акторов, а не государства и общества или классов и сословий.

Концептуальные глоссарии, анализу которых посвящена настоящая книга, вовсе не остались замурованными где-то в фундаменте сегодняшней России. Напротив, они продолжали функционировать, вступая в комбинации с новыми манерами речи и подвергаясь новым трансформациям.

Так, адаптированная на российской почве в XVIII в. тема *естественного права* будет звучать и в дальнейшем, и вовсе не сведется к штудиям профессоров-юристов. Глоссарий *естественного права*, имманентно присущего человеческому существу, функционировал и в более радикальных контекстах, связанных с развитием идеологий, предполагавших поиск «истинной природы» человека в национальной или классовой принадлежности.

В свою очередь, *добродетель*, проигравшая, казалось бы, борьбу роскоши и коммерции в XIX столетии, со временем возродилась в нынешних этических дебатах российских интеллигентов.

Само упомянутое слово устарело, но дискуссия о том, как вести достойную гражданина жизнь продолжала – и сейчас продолжает! – развиваться.

Не подрывает ли прогресс производства и коммерции основы общества? Этим вопросом были озабочены не только консервативные круги, но и революционные группировки. Какой институт способен генерировать гражданские качества: церковный приход, крестьянская община, а может быть – рабочий коллектив? После 1917 г. большевистская партия обратится к обоим концептуальным глоссариям: стараясь раскрыть классовое «естество» человека мерами пролетарской диктатуры, она в то же время создавала

⁴ Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // Slavic Review. Vol. 51, № 1 (Spring, 1992). P. 94.

впечатляющий нарратив о невиданных гражданских добродетелях, процветающих в республике Советов.

Все течет и изменяется, но – раз появившись – не исчезает бесследно. А изучение политической культуры, строго говоря, вовсе не требует уплывать дань телеологичности – с помощью вежливого упоминания о том месте, которое тот или иной автор занимал в процессе развития этой культуры на пути к ее завершающей точке, будь то гражданское общество, конституционализм, демократия или что-либо еще. Сочинения Ф.Г. Штрубе де Пирмонта и В.К. Тредиаковского, Ф.А. Эмина и М.М. Щербатова вовсе не выступают чем-то вроде флажков на эстафетной линии, обозначающих пройденные стадии движения. И для ответа на вопросы, которые ставит сегодняшний день, включая и пушкинский вопрос об идентичности русского европейца, рассуждения этих авторов не менее значимы, чем любая современная философия или публицистика.

ИСТОЧНИКИ

**«Предисловие» к переводу
«Тестамент политической или духовная светская
кардинала дюка де Ришелио, первого министра
французского при короле Люи Третьем на десять»
(1725)**

Прежде описания книги мнится мне предъявить хотя краткую историю о дюке де Ришелье, дабы о нем, нечто зная, возможно было рассуждать о его министерстве, и читаячи его тестамент, возможно было знать, какой ум то писал, а потом предложим также невеликое описание его завету, дабы прежде чтения всей книги, можно было знать, ради чего такой завет написан, и какое завещание и прожекты в себе содержит.

Арман Иоанн дю Плесси-Ришелио родился в Париже 5 сентября 1585. Третьей сын Франсоа дю Плесси, господина Ришельевского, и ковалера орден-нов королевских, воспитан был в научении и, понеже ум его был изрядной, в краткое время многому научился и в молодых летах имел почтение немалое. Склонность его всегда была к великим делам, и дватцати двух лет нарекли его епископом в Люсон. Папа Павел Пятой благословил, и посвящену в Риме чрез кардинала де Живри 17 апреля 1607 году.

Потом, возвратясь во Францию, пристал своим честным добронравием и ласкою ко двору, и помощью маркисы де Гершевилье, первой дамы королевы Марии де Медичис, матери королевской; велено ему быть при оной королеве, великим священником крестовым. Потом пожалован в секретари Государственные последнего дня ноября 1616 году.

Тогда маршал Даниер умер, и во дворе великая премена учинилась, ради того епископ Люсонской отъехал в Авиньон 1618 году и, живучи там, писал книги духовныя в защищение веры и в ползу церковную, о которых после упомянем.

Потом король призвал его ко двору и послал в Ангулем, куда королева отъехала, а дюк д'Еспермон его проводил и склонил королеву к примирению и заключили мир 1620 году. За оные услуги стал королю зело приятен и получил от папы Григория Пятого на десять кардиналскую шляпу 9 сентября 1622.

Потом за прилежные услуги учинил его король своим первым министром и главным советником 1624 году и великим мастером и глава и сюр-интандант, генерал навигации и купечества французского.

В другой год после того его трудами сохранили остров Ре. А 1628 году взял Рошель город, который бунтовал, и укрепил его славною плотиною; потом пошел король сам на помощь дюку Мантуанскому, своему союзнику, и кардинал с ним высвободил город Казал от осады 1629 году. Оттуда возвратясь, принудил протестантов с королем мириться, и заключили мир в Алей 27 июня того ж году, и смирил весьма неприятелей, от которых с 70 лет не имела Франция покоя.

Шесть месяцев потом объявили онаго министра в генерал лейтенанты, и взял Пиньероль, и Казал опять избавил из рук Марки Спинолы.

Тогда королевская мать и другия сильныя персоны непрестанно на кардинала королю клеветали и принуждали, чтоб его от себя отбил; король им обещал, и все чаяли ему погибнуть, когда король возвратится в Париж, потому что был тогда в Лионе болен. И кардинал сам хотел уединиться и выбрал себе место Гавр де Грас. Тогда наипаче все его отчаяли, и дом его стал пуст.

А король пошел тогда в Версалью, чтоб с кардиналом не проститься, но кардинал того не убоялся и вместо того, что ехать во уединение, поехал прямо в Версалью, и, зная ум королевской, изпровергнул все клеветы своими сильными резонами. Тогда кардинал наипаче стал в милости и гонителей своих гнал жестоко.

Шведскую корону с полскою помирил оной кардинал в генваре месяце 1631 году.

Землю его Ришелио назвал король княжением и его пожаловал в губернаторы Британския в августе месяце того ж году.

Потом помогал брать многия места, то есть Нанси, Аррас, Перпиньян и Седан. Начал претить князю Лорренскому, чтоб свое обещание хранил. Отришского дому великия дела и силу испроверг, Каталанию и Португалию и научил против ишпанцов бунтовать и одним словом сказать, что он Францию так прославил, что король Люи Третьей на десять всегда неприятелей своих побеждал, покоих месте оной премудрой министр дела его управлял.

Париж украсил многим строением изрядным и сорбонскую коллегию построил, которую ныне видим. Потом от великих трудов впал в болезнь и умре в Париже в своем доме в четверток 4 декабря 1642 году (так о нем пишет Морери в своем Историческом дикционаре). И погребен в церкви собирной коллегии.

В малых строках видим, какой был ум онаго кардинала: Государствами чужими тряс, в своем Государстве все дела един управлял, сильных себе покорил и королевской фамилии не оставил, а во всех историях, которыя писаны о его житии от разных авторов, только похваляются таланты и дела

его министерские, а не кардиналские; некоторые пишут, что он был человек без совести и веры и великой женолюбец.

Господин Клерк дает ему честь толко между политиками, которые думают свои дела или своего Государя делать, каким бы способом ни было. И пишет о нем, что его ум был быстрой и острой, пронзательной и в делах Государственных пространной, разсуждение его глубокое и твердое во всех делах, на словах речист и велеречив, великодушен и в бедих не боязнен, и такими крепкими и неперменными поступками всякое дело было ему в выгоду. Великия бури превращал в тишину и плодами своих трудов веселился покойно. Язык и поезию французскую любил, и все науки при нем разпространилися, и его повелением многия книги духовные и церковныя и светския в королевской типографии напечати. Ученым людям давал великия денги и французскую академию устави.

Абат Ришард, в паралелле сего кардинала и кардинала Мазарена о нем пишет, что он папу – Павла Пятого – обманул, когда приехал в Рим ради посвящения в епископы. И, получа оной сан, просил у папы прощения, что он показал ему неистиненой бабтистерум, свидетелствованное писмо, когда кто крещен, кто крестил, и кто были восприемники, и прибавил себе много лишних годов. Тогда папа, не терпя, молвил, что молодой епископ зело умен, толко будет великой безделник. Возвратяся из Рима, посетил свою епархию и поучал при дворе и в лутчих церквех Парижских, колико с побожностью, толико с политикую, маня всем, кто был в милости у королевской матери.

Оной Ришарт дивиться, что еще никто не приметил, что Решелиёво тело положено на том месте, где прежде сего было общее место коллегии Ключневской, а Мазареново где было прежде сего такое ж нечистое место публичное всему Парижу. Или предведение Божие, пишет оной ритор, которое всем владеет и действует, восхотело оных людей по смерти их смирить, которые всем светом играли, или восхотело оныя мерския места ими прославить.

Дюк де Монморанси от его ненависти потерял живот свой, только что кардинал де Решельо смертно его ненавидел, и все тому так верили, что на другой день после казни оного дюка, нашли в доме кардиналском следующие четыре вирши:

Только зло помним,
Неблагодарением свет полным,
Обиды вырезаем на стали,
А благодеяние пишем на ваде.

(Господин Крос в истории оного дюка).

Еще иной историк Михаил Валсор в истории Люи Третьяго на десять невеликую ж честь кардиналу приписует. Епископ Люсонской, пишет оной автор, имеет веру добрую, которая при многих дворах обретается. Оной епископ предал королеву мать королевскую и вмешал ея в великия дела, и за такое недостойное и богомерское предание получил достоинство кардинальское.

Властей употреблял к делам, которые к ним нимало не приличны. Кардинал де ла Валете был генерал над армиею, архиепископ Бурдовской управлял за вице-адмирала, епископ Нанской послан в Провонцию морским интендантом, епископ Мандинский был провиантмейстер, епископ Оксерской был интендант в армии, которую командовал марешал французской, протестант, 1638 году. А над всеми был капуцин, дела военные управлял и посылал ордера в армии и повелевал идти в поход и осаживать города. Кто видал такую дичь и такие необыкновенныя дела?

Французскую церковь хотел отлучить от римской и поставить своего патриарха, но многия чают, что он тем хотел устроить римской двор и подлинного намерения к разделению церквей не имел.

Королю предложил итти в Русилион, не толко чтоб погубить господина Сенк-Марса, но чтоб отвести короля в дальние места, поставить его между двух армий, где ближния сродники и услужники кардинальские команду имели, и себя публиковать Государственным режаном или управителем, ежели король от дального и трудного пути умрет. О таком намерении весь свет ведал, только один король не знал.

Трудно описать и изчислить все интриги одного кардинала. Сенк-Марс от него умер. Лутчаго своего друга господина де Ту побил также и княжение его Седанское отдал господину Булиону. Дюка д'Орлеана отослал от двора. Господина де Ту погубил таким образом: Люи Третьей на десять склонился, чтоб кардинала убить тайно, тогда господин де Ту объявил явно, что таким измеником быть не хочет и кровопролития не делает, а кардинал озлобился на него за то, что он по приказу королевскому писал в Рим и в Ишпанию, чтоб сделать мир без ведома кардинальского, и оныя писма подписал, но злопаметной кардинал сего греха ему не отпустил.

Король о смерти своего министра не очень печалился, но токмо сказал некоторым своим придворным, что великой политик умер. И сам король недолго потом жил: оной министр скончался 4 декабря 1642, а король 14 мая 1643 году.

По смерти кардинальской произошло смешное слово. Господин Троа-Вилье, королевского двора дворянин, был по приказу одного кардинала в сылку сослан, но король по смерти кардиналовой тот час велел его

возвратить. Некоторые лицемеры сказывают тогда королю, ето министр его скончался, как святой, король или тому поверил, или хотел смеяться и сказал то оному Троа-Вилу и спросил ево, в небе ли душа кардиналова. Оной дворянин ответствовал королю своим гасконским языком: истинно, Государь, дьявол его разбил на дороге.

Так нам портрет кардинальской описуют. Посему можно видить, что вся похвала оному великому политику, а наипаче его добродетелем христианским не в пользу. И многия оным историям спорили, но многия болши утверждают, а особливо на аббата Ришарта, многия воставали, но он на все споры ответствовал.

Хотя так его описуют, но надобно сказать о нем правду, что Франция сему министру много долженствует. Государство успокоил, королевское величество возставил, королевскую фамилию примирил, великих господ гордых смирил, академии основал, ереси искоренил, флот зделал и купечество разпространил. Может ли иной человек, пияница, игрец и которой любит з дамами забавляцца, великим быть политиком, и толикия страшныя дела делать и великия, и при короле в Государстве повелевать самовластно? Разум сего министра так всему свету известен, что многия дела Франции по его прожектом и предложению делаются и донныне.

Всей Европе надобна сего министра благодарить за то, ежели б не его великой разум помог, всю бы Европу един дом завладел. Един францус так пишет: кто думал, что когда вся Европа отришского дому боялася, советники королевския все его наемники были, а един сорбонской ученик всю оную силу изпроверг, что стала вниз головою, но то правда, великой кардинал Ришелио¹ так зделал, един от сильных умов на свете (Мнение о камете, лист 800, 1683 году).

Всяк может разсудить здраво, кто французскую историю знает, что на тогдашнее время, когда Франция была близь падения, надобен был кардинал де Ришелио. Все Государство тогда было не в строении. Извне война, от Ишпани и Вены страх, внутри междоусобие, в фамилии королевской несогласие, в дворе королевском непорядки, между великими ссоры и партии, а король Люи Третьей на десять, был человек слабой, несмелой, никакой великой тягости понести не мог, а особливо Государственного правления. Не всегда возможно и не всяк может из таких разных зол зделать одно добро. И еще надобна такова министра похвалить, что неспокойное время во время великаго нестроения понес Государству на пользу, и в таких случаях, невозможно некоторым людям от погибели своей избавиться. Потому ето часто

¹ В рукописи: Решилио.

случается, что ради живота и здоровья всего человека некоторые члены отсекают и оттирают по нужде необходимой.

Но как и тень следует всякому человеку, так злословие великим людям, а особливо Государственным правителем, понеже по желанию всякого человека делать невозможно, или Государственные регулы и интересы не допустят, или нечаянно нерадением, а слабость человеческая злобствует и не благодарит и злословит. Но на такие люцкия слабости смотреть и принимать немощ за зло всякому министру не надлежит, но свою должность исполнять великодушно и притом смотреть как возможно, чтобы быть добрым министром, то есть добрым христианином, и добрым политиком.

Добрым христианином ради того, что министр имеет немалую часть монаршеской власти над всеми прочими людьми и, ежели не будет доброй христианин, не будет иметь доброй совести и не будет делать добрых дел, но силою оной власти будет делать зло и свои собственные интересы будет хранить болше, нежели Государственные или всенародные: во вред Государству бедных будет обидить, правых обвинять, злых людей защищать, добрых теснить и гнать, в чины производить не по заслугам и достоинству, но по своей милости и похлебству, Государя своего обманывать и доносить о делах неправду. От того не только что некоторые дома весьма разоряются, но все Государство немалую тягость терпит. Такой министр без христианства не может назваться добрым министром, но злым человеком и разорителем.

Добрым политиком: ради того, что министерская политика состоит в том, чтоб Государство содержать во благополучии, от неправдой войны охранять, славу своего Государства и Государя распространять и в народе богатство и всякое довольство умножать. Ради того политика истинная есть художество управлять Государством, новое уставить, уставленное содержать во благополучии и не дать ему разориться, а разоренное возставить. Которой министр оное художество знает, тот политик.

Еще всякой человек есть политик, которой со всеми людьми обходится разумно, честно и правдиво, себя от всякого зла охраняет, к другим никакова зла не делает. Такая политика не только надобна министру, но и всякому человеку потребна, потому что к люцкому обхождению естественно полезна и христианству во всем так согласна, что человеку от Бога не заповедано быть политиком, но паче повелено, и Христос своих апостолов учил оной политике тако: се аз посылаю вас яко, овцы посреде волков. Будите убо мудры, яко змии, и цели, яко голубие (Мат. 10.16), то есть, от злых людей себя охранять, а само зла никому не делать.

Оное описание политики и политика предлагаю здесь ради того, что оныя слова в нашем языке чужия, и в разговорах всякия люди оныя слова – политика, политик – много употребляют, но употребляют их не в прямом их натуральном² разуме. Политикою называют злодейство и бездельничество, а политиками называют злых людей и бездельников, противно натуре и резону неведением, понеже многия не знают в чом состоит истинная политика, и ето есть двойная политика, одна министерская, а другая всяких людей, как выше сего показано, а доброму министру обе надобны.

Здесь надобно толко одно слово молвить о книгах кардиналских, которые он написал в свою жизнь, особливо когда был епископом, понеже его министерия до духовных дел не допускала. Первая книга, Защищение католической веры, против писма шарантонских священников протестантских. Вторая, Легкой и возможной способ, как обращаться к церкви расколников и еретиков. Третья, Совершенство христианское.

О книгах его разсуждается, что в них высокого учения и глубокого разсуждения не имеется, но посреднее, и потому признают, что кардинал де Ришелио болше был искусной политик, нежели богослов.

Четвертая его книга Тестамент политической, которую книгу назвал оным именем ради того, дабы по смерти его оной завет к правлению и содержанию Государственному был потребен, и в таком мнении всю книгу писал к королю Луи Третьему на десять.

Разделил его на две части: в первой части описует все нестроение Государственное, каково было до его министерства, и предлагает способы ко исправлению годныя; во второй предлагает устав, коим содержать Государство в силе.

Но понеже никто не может принудить королей ни к какому делу, ради того предлагает ему все дела, которыя по его совету делались. Первую часть начинает историю о всех делах оного короля достойно памятных и с начала пишет о худом состоянии, в котором нашол Францию, когда призван в министры, и как трудно было оное исправлять, а наипаче противности и интриги придворныя, потом о главных делах, вне и внутри Государства, на море и на земли продолжает историю до 1638 году.

Зело дивно, что в заглавии оной истории упоминает мир учиненной, толко не написал, в котором году, которого миру во всю жизнь кардинала де Ришелио никогда не бывало, не толко генерального, ни партикулярного. Может быть что было его намерение войны пресечь и миром королевскую историю окончать.

² В рукописи: натулярном.

Предложив королю оную историю, начинает писать о самом деле. Государство разделил на три чина, то есть, церковь, дворянство и юстиция с протчими члены. И всех оных чинов описует исправлять непорядки и при том предлагает средство, как то исправить. Церковных непорядков находит пять.

1. Великой непорядок в постановлении духовных людей и житие самовольное и саблазны в монастырех мужеских и женских. И предлагает каролю, чтоб в епископы ставить людей добродетельных и выбирать лутче из дворянств, а нежели из ученых людей, понеже славолубивы и ревнительны, жить любя по своему достоинству светло и умеют со всякими людьми обходиться.

2. Прощение в вышних судах, которые начались от великаго надеяния духовных людей на королевскую власть, когда было гонение от антипапов, которая жили в Авинихоне, и предлагает то пресечь весма, кроме тех дел, которые суду королевскому и королевским указом весма будут противны и церковному суду приличны.

3. Дела, которая судятся в земском суде, и разделяет их на двое. Одни, которая судятся во всех Государствах, другая только во Франции, и советует короне, чтоб зделать канцелярии особливия в шести или в седми местах, а протчим всем заказать духовных людей судить, разве винной от духовного суда будет к ним прислан.

4. О руге, и укоряет парламент, что ругу в своем ведении имеет, и определяет вместо руги одно место, чтоб не збирать со всех епархий.

5. Каноны в трех сентенциях, которыми надлежит духовных людей обвинять, и хочет, чтоб на то были от папы грамоты. Волности некоторых монастырей велит оставить так, как ныне имеет, а соборных церквей весма отставить и прихожанам в приходския священники выбирать не запрещает, но выбранных велит свидетельствовать в синоде. Старые монастыри советует содержать в порядке, а вновь не строить.

Папе покорятся советует и честь его хранить, а ежели будет силно какую делать обиду, тогда уступать не велит, и советует примеров искать в ысториях древних и новых, не подозрительных.

Потом пишет о учении и хочет, чтоб не всякого человека учить и не всех людей ради того, что учение не будет в почтении, и Государству может от того следовать великое зло, и советует, чтоб зделать два или три класа в городах не епаршеских. Но всего паче предлагает, чтоб не одни академисты учили и не одни езуиты. Также предлагает о исправлении церковников, и как их определять к местам, ежели во академиях некоторые степени превзошли, и какую силу имеют в таких делах папешские грамоты.

О дворянстве пишет непространно и предлагает, чтоб его содержать в его должности и чтоб жило по своему достоинству, и за вины лутче советует наказывать лишением чести, нежели живота, и на поединках битися жестоко заказывает.

О третьем чине пространнее пишет и признает, что от продажных и наследственных чинов великое нестроение в Государстве происходит, и предлагает на то способ, чтоб чинам уставить цену невеликую, чтоб возможно было из королевской казны заплатить наследникам, и потом может король определить чины по своему изволению, и потом предлагает, чтоб во все места определить в судьи добрых людей, особливо в юстиц каммеру, и чтоб отуду временем посылать во все провинции и примать челобитные на всяких людей, и там следовать и решить.

О казначеях и денежных сборщиках разсуждает, что они как зло в Государстве надобное³ и предлагает, чтоб их убавить как возможно, дабы от оных пиявиц облегчить Государство.

О подлом народе разсуждает, что ежели будет в великой воле, невозможно будет им владеть, и королей, которыя с народа податей не берут и которые очень много берут, не похваляет, но велит иметь размер, чтоб было народу не в тягость.

Потом пишет о всем Государстве, чтоб его члены в своих местах были: первая – церковь, второе – дворянство, третье – суд и весь народ, – и разсуждает, каких иметь губернатарей, потом осуждает, что губернаторства имеютя вечныя, и при живых губернаторах определяют им наследников, и кажет, чтоб то весма отставить.

После чинов Государственных предлагает королю, как ему надобно себя содержать, и в первых похваляет его побожность и советует ему в советных делах следовать мнению своих советников и добрых богословов неподозрительных. Потом советует хранить свое здравие и прилежать к великим делам Государственным, а малым приказывать иным, и причитает королям в немалую добродетель, что велят себе служить. Злословить своих подданных весьма возбраняет и разсуждает, что шпажные раны велми возможнее изцелить, а ран королевского языка не изцелить, ради того советует королю своему величеству говорить приличное. И не толко не велит говорить много, но и клеветников и ласкателей не слушать, потому что ушми и сердцем владеют не чрез добродетели, но хитростию и лукавством, и клеветников называет язвою смертоносною, от чего королевския сердца наполняются ядом, но

³ В рукописи: надомное.

советует королю говорить и слушать в ползу всему Государству и во всех оных своих советах описует нрав и страсти королевския так живо и смело, что сие место можно назвать лутчим от всей его книги.

Во дворе королевском также великое нестроение и непорядки видит и предлагает многия способы, чтоб содержать двор по достоинству королевскому.

Наконец пишет о советниках и показывает что лутчим королям советники надобны добрыя, понеже трудно одному человеку иметь все добродетели, в правлении Государственном потребныя, притом предлагает, что советнику надобен ум доброй и крепкой, разсуждение твердое, в науках глубину невелику, но чтоб знал истории и состояние всех Государств, а особливо своего. Советнику надобна правда и совесть небоязненная, великодушие, чтоб ничего не боялся, прилежание не ради того, чтоб всегда работал, но по своей должности о Государстве иметь попечение умом, мыслию и любовию. Прилагает и число советников, и чтоб один от них имел первенство, и выбирать королю советует с таким разсмотрением, чтоб за то была ему похвала от Бога и от человек. При том советует королю, чтоб на советников надеялся, и они б про то знали, чтоб повелел им говорить себе о всяком деле без опасения, чтоб их награждал, чтоб их содержал в своей милости и защищении так явно, чтоб они надеялись и не боялись ни лукавства, ни сил своих неприятелей. И тем первую часть заключает.

Вторую часть начинает христианским и побожным обычаем, и в первой устав полагает сие слово: царство Божие правления Государственного начало, и без сего основания король не возможет править, ни Государство постоять благополучно. Ради того наипаче всего надобно иметь монарху житие доброе, чтоб образ его был закон словесной, и своим образом болше будет действовать, нежели жестокими законы.

Второй устав – разсуждение, и тому надобно следовать и им охраняться от страстей, неправд и заблуждения, чтоб иметь добродетель мужественную и разум светлой дабы интересы Государственные болше хранились, нежели партикулярныя.

Третей устав – предусмотрение, чтоб король спал как лев, не закрыв глаз, и Государство свое от всякого зла охранял.

Четвертой устав – наказание и награждение, две вещи к Государственному правлению потребныя, и разсуждает, что без наказания быть не возможно, а наипаче в делах Государственных.

Пятой – иметь посланников при всех дворах чужестранных. Таких посланников называет семянем, которое в свое время будет с плодом, сверх того всегда можно знать, что на свете делается.

Шестой – великая выгода Государству будет, когда будут люди к делам определяться, кто к чему склонен, понеже недоумением или недознанием определенных в главные чины или к главным делам может случится Государству великое зло.

Седмой – клеветников, ласкателей и ябедников выгнать из королевского двора ради того, что от их лукавства везде родится несогласие, смятение, вражда, от чего может Государство разориться.

Вышеписанные уставы все важные, но Государству выгоды не будет, ежели не будут содержаны силою. Ради того предлагает, чтоб король был силен и, по мнению его, чтоб быть сильну и силу свою утвердить, надобно к тому четыре вещи: добрая слава, крепкой рубеж, армия сухопутная и морская, денги и сердце подданных.

1. Добрая слава ради того, о ком имеют доброе мнение, тот своим именем больше зделает, нежели другой своими делами.

2. А что б королю в таком кредите себя содержать, надобно иметь рубеж крепкий и всегда содержать добрую армию, одету, научену и всем удоволствовану. Также надобно некое число караблей, которые будут Государство охранять и купечеству помогать.

3. Денги называет Государственною жилою и крепкою подпорою королевскою, и, по его мнению, то есть пункт Архимедов, которой и всем светом ворочает, и показывает королю, какия его доходы, и как их напредки умножить, и предлагает на то способ так изрядной и дивной, что король зделал великую прибыль, а народ облегчил от великих поборов и податей, от которых до того времени немало вздыхал.

4. Потому признает, что король будет сугубо силен, то есть великою казною и любовью своих подданных, которые будут любить и благодарить ради своей пользы и отдадут ему свое сердце, которое драгоценнее и честнее злата и серебра, о котором сокровищи можно сказать правду, что без любви народной не будет полезно, и кто обоих вкупе не имеет, будет с богатством скуден.

После всего рассуждает о должности королевской, как должен иметь попечение о Государстве и в каких делах будут ответствовать пред Богом, и просит короля, чтоб о том непрестанно изволил помнить, и сам то ж делать обещается, и тем книгу свою окончил.

О завете кардинала де Ришелио никто не сомневается, что от него был, потому что никто так разсудить не может, ежели кто весма состоянии Французского Государства не знает, и можно сказать что сей завет трудов его достоин.

Только невозможно подлинно знать, в которое время писал, но по видимому можно признать, что писал не во одно время, но как дела или его болезни допускали, потому что историю свою окончал 1638 годом. А потом в ином месте упоминает, что тогда было королю, как начал королевствовать, 25 лет, то есть 1636 год, а до смерти кардинальской по окончанию истории за 4 года и по другому времени за 6 лет, понеже кардинал скончался 1642 году, как выше сего показано.

Штиль кардинала де Ришелье короток, не светел, и речи не ясны, и есть целыя речи без окончания, ради того на нашем языке не везде можно было изъяснить свободно. И хотя завет его шестью уже печатан, но все с таким же неисправлением, ради того, что начали его печатать после смерти кардинальской с лишком 40 лет спустя, то есть с 1688 году, а без автора исправить невозможно. А для чего столько лет оной завет хранили и на свет не показали, тому надобно дивиться.

Наконец, желаю, дабы мои труды, хотя невеликия, были благоприятны и угодны, а наипаче желаю, дабы Государственные правители кардинальским советом следовали сколько возможно и прилично по состоянию Государства, потому что кардинал был фаворит и первой Государственной министр, а управляя великим Государством и многолюдным болше 25 лет и совет свой предлагает не просто, но сам практикою искусился многожды, и своим великодушием и крепостию одолел многое множество противностей и интриг, от которых иному человеку можно было весьма пропасть.

НИОР БАН 31.3.18. Л. 2-10.

Комментарий

«Политическое завещание» было написано кардиналом Ришелье между 1637 и 1642 гг. Предположительно, он собирался оставить его в качестве наставления королю Людовику XIII. Впервые это сочинение было опубликовано в 1688 г. в Амстердаме.

И.С. Шаркова полагает, что заказчиком первого русского перевода, завершенного в 1725 г., выступил князь Д.М. Голицын, чей «интерес к Ришелье несомненен»¹. Публикаторы современного перевода «Политического завещания» Л.Л. Головин и Л.А. Сифурова также считают, что он изначально был выполнен «по заказу князя

¹ Шаркова И.С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.-Л., 1964. С. 373.

Д.М. Голицына или даже самого императора Петра I, напоминая, что в ходе своего путешествия по Франции царь побывал у гробницы кардинала в Сорбонне и «выражал своё восхищение “великим государственным мужем” в беседе с его внучатым племянником»².

Известно несколько списков перевода «Политического завещания» Ришелье 1725 г. Современные публикаторы говорят о трех списках «Завещания», которые «хранятся в Рукописном отделе РГБ (№ 432), в Рукописном отделе РНБ (Q II, 95) и в Архиве ЛОИИ (НИА СПБНИ РАН. – К.Б.) (ф. 36 – Воронцовых, оп. 1, дд. 796, 797)». По данным И.С. Шарковой списков было четыре: к этим трем экземплярам следует добавить список Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, о котором упоминал А.И. Соболевский. Местонахождение этого списка И.С. Шарковой неизвестно³.

М.В. Николаева указала еще на один экземпляр, «представляющий особый интерес как самый ранний из всех известных и наиболее тщательный по выполнению». Он был пожертвован в библиотеку Академии наук еще «в 1854 г. купцом С.П. Алексеевым в числе других рукописей, составлявших рукописное собрание графа Ф.А. Толстого»⁴. Именно по этому списку и публикуется предисловие в настоящей книге. Однако и этим число копий данного перевода не исчерпывается. Так, в НИОР РГБ хранится не один, а два списка: один – в фонде «Музейного собрания», а другой – в собрании Н.П. Румянцева⁵; еще два (как минимум!) имеются в РГАДА – в фонде 196 «Собрание Мазурина» и в фонде 1274 «Панины–Блудовы». Последний зафиксирован в описи рукописных книг из собрания Паниных и, вполне возможно, принадлежал воспитателю наследника престола Павла Петровича Н.И. Панину⁶.

Итак, мы насчитали не менее восьми дошедших до наших дней списков «Политического завещания»; впрочем, вполне вероятно, что в фондах библиотек и архивов есть и еще экземпляры. Это полностью подтверждает мнения исследователей, что рукописный перевод Ришелье 1725 г. имел достаточно широкое хождение в России, по крайней мере в среде элиты; рукопись встречается в фондах, формирование ко-

² Ришелье А. Ж. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М., 2008. С. 364.

³ Шаркова И.С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье. С. 371.

⁴ Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska*. Gdańsk. 1973, nr. 3. S. 8.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 178.1 «Музейное собрание». № 752; Ф. 256 «Н.П. Румянцев». № 432.

⁶ РГАДА. Ф.1274 «Панины – Блудовы». Оп. 1, ч.2 «Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX в. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных». № 3072. «Тестамент политической кардинала дюка де-Решелии королю, с предисловием автора. В 2-х частях. Пер. с фр. СПб., 1725. Написана церковно-славянским шрифтом».

торых было связано с такими влиятельными персонажами российской политики, как Голицыны, Воронцовы, Панины и Румянцевы. Н.И. Панин, в частности, в 1762 г. критиковал влиятельного фаворита Петра III Д.В. Волкова за то, что последний присвоил себе «существительную роль» *первого министра*. Последнее понятие обретало смысл только в контексте «внешнего», французского опыта, с которым Панин мог быть знаком именно через текст Ришелье, где как раз и проводилась мысль о том, что королю необходимо передоверить дела государства *первому министру*⁷.

На определенную популярность этого политического трактата в России на протяжении всего XVIII в. указывает и тот факт, что в 1766–1767 гг. его перевод, отличный от перевода 1725 г., был напечатан под заглавием «Политическое завещание кардинала дюка де Ришелье французскому королю» в типографии при Московском университете, а затем переиздан в 1788 г.

Впрочем, предисловие к переводу 1725 г. само по себе может считаться важным памятником отечественной политической мысли, зафиксировавшим процесс адаптации в России западноевропейских концепций. Особенно интересен фрагмент, начинающийся словами «но как и тень следует всякому человеку» и завершающийся словами «а доброму министру обе надобны».

М.В. Николаева подробно анализирует содержание этого фрагмента, и в ее трактовке рассуждения автора предисловия были продиктованы соображениями *государственной пользы*: он «исходил из идей и принципов, выработанных русской общественной мыслью петровского времени»⁸. Однако содержание этого своеобразного вступления к переводу «Политического завещания» выходит далеко за рамки критики российской административной системы. В своих рассуждениях автор сделал акцент на различии между видами добродетели, необходимой министру – как христианину, как политическому деятелю и как обычному человеку. Подобная постановка вопроса свидетельствует о глубоком знакомстве автора предисловия с европейской политической традицией и, в том числе, с трудами антимаккиавеллистской традиции (в первую очередь испанских авторов, таких, как Б. Грасиан-и-Моралес, Д. Сааведра Фахардо и др., включая и П. де Рибаденейру⁹), известными в петровской России. Данное предисловие, установить авторство которого пока не представляется возможным, заслуживает всестороннего изучения.

⁷ Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 91.

⁸ Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье. С. 15–16.

⁹ См. публикацию русского предисловия к рукописному переводу его трактата 1595 г. «Tratado de la religión y virtudes» в настоящей книге.

**Предисловие к переводам
«Авертиментов, аведиментов учтивых
и концептов политических...»
Ф. Гвиччардини, Дж.Ф. Лоттини и Ф. Сансовино
(1730)**

Светлейшие, сиятельнейшие, высокопревосходительнейшие,
высокоблагородные, превосходительные
и протчие почтеннейшаго титула
и достоинства поверенные российские правители.

Доводили мудрецы древние, яко от Божия промысла и от чина большой части на земли животных по потоплениях водных и по иных противных случаях на свете прежде бывших правительство рода человеческого было под единою токмо властью, которая повелевала многонародству неискусному и к службе рожденному. По таким их доводам, когда сия власть имела тщание к благодеянию и пользе общей, тогда называлась принцем, королем и отцем преблажайшим, когда же наследничество от забав нарушенное более не прилежало к доброму публичному, но паче к своему собственному интересу, тогда уже имя пременилось и называлось тиранном. Для того люди благоразумные такое государствование весма за противно имели, между которыми искуснейшие и сильнейшее побуждающиеся и смиряюще тиранна воспримали на себя администрацию и правительство, но когда и они такожде нарушением продолжающиеся любили лучше свою собственную выгоду, нежели других ползу, тогда яко неудобостерпимые были извергнуты от общества народного весма недовольного, потом вместо единого принца, тиранна бывшаго, вступали под именем оптиматы (аристократия) и, между собою обще согласившиеся, в государстве постановили речь посполитую, которая когда продолжением времени и другими случаи едва не повседневно раждающимися происходила в пользу самовольным и презирателям уставов и магистратов, тогда искуснейшие паки восприимали статус, напоследок же, когда и сии зле поступали, тогда многонародство как бы их преодолеть прибегало к способу единой токмо власти, сие преходящее из рук до рук все правление собраней гражданских. Произведено, наконец, в три формы или полиции, сиречь в форму принца, оптиматов и речи посполитой, которые формы названы правыми. Насопротив,

еже есть тиранн, насилствование немногих и многонародство своевольное, называлось формами злыми и неправыми. В сицевом цыркуле помянутых форм люди преизящные и ума высокога осматривающе все правления народов и провинций, прежде бывших и ныне под небом сущих, в преступлениях и в их непорядках всегда искали поправление таких непристойностей регулами, реформациями и уставы, способными ползовать немощи, какие коеждо правительство носит и имеет с собою временем по своей натуре. Благоискусные убо особы аще и трудились постановить принципатство и речь посполитую в лучшей способ, как им быть мнилось, обаче не могли получить, кто бы тех правительств достигнул до тысящи лет своей жизни. Еже по видимому происходило двух ради причин. Первая: яко числом многих лет портится, студенеет и нарушает все чином самой природы постановленное. Другая: яко никогда невозможно было видеть, ниже предусмотреть вещь всякую подробно, ибо случай текущие в правлении статусов суть количеством так велики и качеством так различны и бывают в толь многом времен пременении, что исправить зело неудобно. О сицевых причинах и способах ко правлению света разсуждающему всякому самому собою от чтения мнится подлинно, как предупомануто и ясно показано, что законы, уставы и заветы так древних, как нынешних в делах политических аще суть безчисленны и неспособны быть подчиненны регулам определенным и твердым, обаче приносят немалое благодаяние и ползу к действиям тех, которые, имеюще благоискусное ведение многих уставов, так геноралных, яко партикулярных вступают в правительство изволяющим убо по такому пути тракт иметь полезной, яко требуется особам статским. Ныне я, усмотря некие разсуждения политические на италианском языке, во-первых, по именем увещаней Гвичардиновых, второе под именем присмотрителей Лоттиновых, третье под именем разумений политических Сансовиновых, в три книги особы разделенных, и, прочитав, возприял охоту по моей возможности преложить на наш диалект российской, испкупя время между делами Государственной коллегии иностранных дел, которой, повинуюся в протчих касающихся преводах и в других службах по моей присяжной должности, яко и по прирожденному рабскому подданству всеусердно, елико возможно, служить прилагаю прилежание и впредь до смерти обязуюся.

Сей же слабый труд, видится, вначесом был тщательным не без ползы. Того ради особливо в Государственных делах правительствующим благоискуснейшим преславнаго Россйскаго империя радетелям со всею моею униженностью подношу и со благоговением прошу: соблаговолите по природному снисходительству принять милостиво и содержать меня в Боголюбивом защищении. Что же явится или неизправно или чему противно, в том да возимею прощения, паче

же в благоискусное разсуждение предается, аще которые предложения явятся несходственны, те по размотрении выключены да будут, ибо я всенижайший в сих моих слабых трудах наставления, ниже от кого за мое сиротство возмогл удостоится. И тако с глубочайшим рабством подвергаюся к стопам вашим.

Ваш премилосерднейших Государей моих патронов и протекторов все-нижайший и весма подчиненный П. Софонов.

ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 2-3 об.

Комментарий

Настоящее предисловие публикуется по незавершенной беловой рукописи перевода, входящей в состав сборника XVIII в.¹ Перевод был сделан с издания, напечатанного в 1588 г. в Венеции, в котором под одной обложкой были помещены сочинения трех ренессансных авторов – Ф. Гвичардини, Дж.Ф. Лоттини и Ф. Сансовино. Текст – в соответствии со своим ренессансным оригиналом – довольно громоздко озаглавлен: «Предложения или разсуждения в материи дел статских под титулом: Авертиментов, аведиментов учтивых и концептов политических, сиречь увещание при смотрительстве учтивых и разумней политических, прежде на италианском языке от Гвичардина, Лоттина и Сансовина сочиненных, последи воедино купно собранных, распространенных и поправленных в прибыток и ползу тщательных, (и в Венеции 1588 году напечатано), еже наипаче началствующим, так над государствы и речи посполитыми, яко и каждым правительствующим пристойно, ныне же на российской диалект преведено от Христа Спасителя в 1730 году»².

На тот факт, что это был беловик, указывает аккуратность переписывания двумя почерками и отсутствие каких-либо помарок и правок. Предисловие подписано самим переводчиком. Перевод последнего из трех произведений, находящихся в составе этого перевода, так и не дописан до конца и обрывается на пункте 176, при этом проставлен только сам номер пункта, а его текст отсутствует³.

¹ См. его описание: Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893. С. 361–362.

² ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 1. См. издание, с которого был выполнен перевод: Propositioni, overo considerationi in materia di cose di Stato, sotto titolo di avvertimenti, avvedimenti civili et concetti politici di M. Francesco Guicciardini, M. Gio. Francesco Lottini, M. Francesco Sansovini. Di nuovo posti insieme, ampliati, et corretti, a commodo, et beneficio de gli Studiosi. Nelle quali si contengono, leggi, regole, precetti, & sentenze molto utili a coloro che maneggiano, così i Principati & le Repubbliche, come ogni altra sorte di governo. Vinegia, 1588.

³ ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 226.

На незавершенность указывает и «Табель предложенной здесь содержащихся по алфавиту», которая была помещена между предисловием и собственно политическими трактатами. В табели должны были быть указаны «листы и предложения авторов Гвичиардина, Лоттина и Сансовина». С помощью такого оформления, сделанного по примеру печатного оригинала 1588 г., «удобно всяк может изобрести положенные материи под генеральными капитулы, например амбиция сиречь чистоплюбие, и другое подобное, еже потребуетсЯ, сице уповаетсЯ читателям быть вразумительно». Однако эта «Табель» доведена только до литеры «М»⁴. При этом после страницы с литерой «М» находится ряд чистых листов, которые, очевидно, предназначались для ее завершения.

Имя переводчика указано под текстом предисловия – Петр Михайлович Софонов (Сафонов). О его биографии к настоящему времени известно не так много. Он был выпускником Славяно-греко-латинской академии в Москве⁵. В документах 1707 г. Софонов уже фигурировал как переводчик Посольского приказа⁶. В 1708 г. он был переводчиком посольства П.А. Толстого в Стамбуле. Уже в 1720-е гг. он упоминается как переводчик Коллегии иностранных дел, где, помимо прочего, привлекался для перевода с итальянского⁷. Кроме того, в 1722 г. смоленский архиепископ Филофей утверждал, что Софонов «в Греческом языке весьма искусен» и что «он жития добраго»⁸. Также известно, что в 1729 г. он оказался в Царицыне из-за дел, связанных с русско-турецким разграничением в Ширване (возможно, он знал турецкий язык). Указом Коллегии иностранных дел от 30 ноября 1729 г. он получил разрешение вернуться из Царицына⁹. Последнее упоминание о Софонове, известное нам: Н.Д. Ханенко, стародубский полковой судья, зафиксировал в своем дневнике, что в Петербурге 27 июня 1732 г. его посетил «переводчик иностранной коллегии Петр Михайлович Софонов»¹⁰. Известно, что помимо «Предложения или разсуждения в материи дел статских...» он был создателем довольно популярного рукописного перевода «Вертоградец света», который также был выполнен с итальянского¹¹.

⁴ ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 5, 14.

⁵ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 111.

⁶ Полное собрание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. Кн. X. М., 1896. С. 448.

⁷ Воловников В.Г. По дорогам Востока и Времени (Введение) // Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 13, 31.

⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповедания Российской империи. Т. II. 1722. СПб., 1872. С. 113.

⁹ СИРИО. Т. 101. Протоколы и указы Верховного тайного совета. 1729 и 1730. Т. VIII (Июль – Декабрь 1729 г. и Январь – Март 1730 г.). СПб., 1898. С. 459.

¹⁰ Дневник генерального хорунжаго Николая Ханенка 1727–1753 г. Киев, 1884. С. 57.

¹¹ См.: Космолинская Г.А. К истории русско-итальянских книжных контактов XVIII в.: «Вертоградец света» // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге. Ч. 1. М., 2014. С. 98–102. В этой статье

Год, в который был создан беловой список перевода «Предложения или рассуждения в материи дел статских...», указан на титульном листе – 1730. Это позволяет объяснить, почему работа над созданием белового экземпляра, будучи почти завершена, так и не была доведена до конца.

В начале 1730 г. переводимые Софоновым политические тексты, в которых в том числе указывалось, что советы из них полезны «так в самодержавствии, как в речи посполитой»¹², сопровождаемые предисловием, где рассуждалось о смене форм правления, были очень и очень уместны. А беловой экземпляр, адресованный «патронам и протекторам» Софопова, вполне мог предназначаться и кому-то из членов Верховного тайного совета. Однако после поражения ВТС («росийских правителей» Софопова?) и восстановления Анной Иоанновной *самодержавия* этот перевод мог показаться даже несколько опасным и неактуальным, в связи с чем работа над его беловым экземпляром так и не была завершена.

Тем не менее, на этом история рукописи не закончилась. На ее втором листе находится владельческая запись: «Сия книга Павла Белецкого». А по следующим восьми листам идет уже библиотечная запись: «От книг // преосвященного // Феодосия // Янковскаго, // по смерти // отдана // в невскую // библиотеку», то есть в библиотеку Александро-Невской лавры¹³. Немного о владельцах. Павел Белецкий принадлежал к числу давних доверенных лиц А.П. Волынского. Белецкий «был прислан когда-то из Прилуцкого полка в Москву ко двору в певчие, по “разбору не определен”» и в 1716 г. попал к Волынскому, у которого «был певчим, парикмахером, дядькой у сына» и к концу 1730-х гг. занимал должность дворецкого¹⁴.

Феодосий Янковский с 1745 г. до своей кончины в 1750 г. был архиепископом Санкт-Петербургским. Среди прочих, он общался с В.К. Тредиаковским¹⁵, который в 1751 г. издал перевод с латыни политического романа И. Баркляя «Аргенида», так что уже круг владельцев и возможных читателей данной рукописи, созданной в эпоху немаловажных политических событий, свидетельствует, что она какое-то время бытовала в частных библиотеках людей, причастных как государственной власти, так и размышлениям о ней.

Основная часть предисловия – с начальных слов до слов «яко требуется особам статским» – фактически представляет из себя дословный перевод первых трех

Г.А. Космолинская раскрывает сокращение «П. Петр Сафонов» как «П[етр] Петр[ов] Сафонов». Это неверно: отчество у Софопова было Михайлович. Соответственно, данное сокращение раскрывается следующим образом: «П[ереводчик] Петр Сафонов».

¹² ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Л. [II], 1–8.

¹⁴ Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008. С. 202.

¹⁵ Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 366.

страниц части предисловия издания 1588 г., написанного Ф. Сансовино¹⁶. Однако Софонов счел рассуждения Сансовино вполне актуальными и приемлемыми для современного ему российского читателя, в связи с чем присвоил себе слова автора второй половины XVI в.

По наблюдениям И.В. Курукина и А.Б. Плотникова, «свидетельства о политических взглядах и предпочтениях российского дворянства» в 1730 г., которые находятся в руках у исследователей, немногочисленны¹⁷. И публикуемое предисловие, как и сами переводные трактаты, помимо прочего, предоставляют интерес для реконструкции политических представлений и понятий, которые были доступны для представителей элиты в России к 1730 г.

Такие источники важны тем, что позволяют избежать упрощенного подхода к событиям 1730 г. Вот, скажем, С.В. Черников пишет, что, «обращаясь к событиям 19 января – 25 февраля 1730 г., исследователи часто задаются вопросом: по каким причинам шляхетство, в течение месяца столь активно обсуждавшее новую форму правления, в конце концов поддержало восстановление абсолютной монархии?» По мнению историка, «этот подход основан на ложном представлении о способности участников сделать осознанный выбор между различными типами общественного устройства. Очевидно [sic!], что уровень “политической грамотности” большей части правящего слоя был далек от этого. В действительности, представители элиты выбирали не политическое будущее и форму правления для страны, они выбирали другое – место во власти для себя, своих родственников (клана) и своего окружения»¹⁸.

Как представляется, подобные рассуждения основаны на ложном противопоставлении представлений о социальных интересах представлениям о политическом устройстве. Выбор того или иного политического устройства, равно как и вменение определенному политическому устройству определенных свойств, напрямую взаимосвязаны с отстаиванием социальных интересов, и 1730 г. не был исключением¹⁹.

¹⁶ См.: Sansouino F. [Introduzione] // Propositioni, overo considerationi in materia di cose di Stato... F. [1–2]. В издании 1588 г. перед каждым из трех трактатов была помещена краткая биографическая справка. Софонов также перевел и их. Однако после биографических сведений о Гвичардини он в самом конце добавил от себя: «Того ради во общую пользу перевесть и на свет разсуждено за благо» (ОР РНБ. Ф. 573 «Собрание Санкт-петербургской Духовной академии». СПбДА417. Л. 4 об.). См. оригинал: Propositioni, overo considerationi in materia di cose di Stato... F. 1–2.

¹⁷ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 93. См. также: Польской С.В. Черновая записка о «высоком государственном правлении» и ее место среди дворянских проектов 1730 года // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 2/2 (93).

¹⁸ Черников. С.В. «На убылые места... выбрать обществом». К вопросу о причинах «шляхетского движения» начала 1730 г. // Cahiers du Monde Russe. 2014. Vol. 55. № 1–2. Р. 94.

¹⁹ См.: Киселев М.А. Междоусобица 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России / Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture / Ed. G. Szvák. Budapest, 2015.

Необходимо учитывать, что социальные интересы не воспроизводились автоматически в застывших формах на основании семейных связей или имущественного положения, а требовали также определенной концептуализации²⁰, в том числе и в вопросе их соотношения с политическим устройством²¹.

На наш взгляд, не стоит преуменьшать значение изменений, которые произошли в политических представлениях правящей элиты, несмотря на всю возможную неоднородность восприятия. В частности, С.И. Николаев полагает, что «судьба переводной литературы Петровской эпохи сложилась неудачно, и тому было несколько причин. Попытка Петра и его сподвижников за одно-два десятилетия спешной работы усвоить всю сумму европейской учености ... не могла сразу дать ожидаемых результатов. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства (а грамотность по стране в целом даже снизилась)»²². И.В. Курукин, рассуждая в схожем духе о политической культуре российского дворянства накануне и во время событий междоусарствия 1730 г., утверждает: «Едва ли шляхетство могло за одно-два десятилетия усвоить всю сумму европейской учености, тем более что многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства и нарождавшейся интеллигенции»²³.

Конечно, восприятие относительно новых политических понятий и представлений было неоднородным и, соответственно, были возможны разные политические суждения и оценки. Например, на следствии в 1735 г. Е.М. Столетов, бывший когда-то секретарем В.И. Монса²⁴, вспомнил, как его сестра Марфа следующим образом прокомментировала воцарение Анны Иоанновны: «Исполнил Господь Бог Свою

²⁰ См.: Киселев М.А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междоусарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013.

²¹ См.: Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153); Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145).

²² Николаев С.И. Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1995. С. 91; Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 28. См. также: Николаев С.И. Ранний Тредиаковский (первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Русская литература. 1987. № 2. С. 97).

²³ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 194. См. также: Курукин И.В. Попытка ограничения самодержавия и уровни политического сознания «шляхетства» в 1730 г. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин. М., 2008; Курукин И.В. Опасная картинка Епифродита Ивановича: политическая «оттепель» в зимней Москве 1730 года // Родина. 2009. № 2.

²⁴ См.: Егор Столетов. 1716–1736. Рассказ из истории Тайной канцелярии // Русская старина. 1873. Т. VIII.

евангелскую притчу: прежде над малым княжением тебя владетельницею поставил, а, усмотря твое достоинство, учинил самодержицею и над свею Росиею». В ответ на это Столетов, оценивая ее суждение, ответил: «Ах, ты, друг мой сестрица, сударка ты моя, какой ты мне преумной пример сказала»²⁵. И такое наивное богословие было возможно как подход к осмыслению политических событий.

В то же время, как отмечает И.В. Курукин, «ни один из проектов как самого Верховного тайного совета, так и “шляхетства” не указывал на Земские соборы XVI–XVII вв., или попытки ограничения самодержавия в эпоху Смуты. Находившееся в т. н. “проекте общества” предложение созыва “сейма”, как и употребление формулы “форма правления”, свидетельствует скорее об обращении к опыту соседней Польши и других стран, чем к отечественной традиции. Даже у ученого В.Н. Татищева в его концепции развития политической системы России главным стержнем явилась борьба монархии с аристократией»²⁶. Однако именно ученость, которую этот артиллерийский офицер и управляющий горных заводов приобрел в результате самообразования, и привела к тому, что Татищев использовал при оценке политических реалий такие понятия, как *монархия*, *аристократия*, *форма правления*, а не понятия из политического языка Московского государства. Собственно, такие политические понятия еще в России второй половины XVII в. были новациями, которые постепенно адаптировались как интеллектуальными, так и правящими элитами²⁷.

К событиям 1730 г. понятия такого рода занимали господствующее положение в политическом лексиконе правящей элиты. Пусть глубина восприятия дворянской средой политических новаций была не столь уж одинакова. Тем не менее, утвердившийся политический лексикон задавал схемы и границы для осмысления властных отношений. При этом он был в полной мере усвоен людьми, которые могли с той или иной степенью успешности претендовать на роль идеологов и играть направляющую роль. И такие тексты, как предисловие и перевод П.М. Софонова, выполняли формирующую и поддерживающую функцию по отношению к этим новым понятиям, артикулировавшим соответствующие *формы правления*.

²⁵ РГИА. Ф. 468 «Кабинет Е. И. В.». Оп. 45. Д. 608. Л. 3.

²⁶ Курукин И.В. Попытка ограничения самодержавия и уровни политического сознания «шляхетства» в 1730 г. С. 63.

²⁷ Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия. С. 34–52.

**Предисловие к переводу «Антониевы Далевы
Полиатра (правителя) Гарлемейского о оракулах
(прорицаниях и ответах Богов) древних язычников.
Диссертации (разглагольствия) две»
(1738)**

Высокопревосходительнейшему господину
тайному советнику Василию Никитичу
его высокопревосходительству Татищеву
Милостивейшему моему патрону
**ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛНЕЙШИЙ
ГОСПОДИН**

Хотя многие и из старолетных Россиян сей пословицы на словах часто употребляют: не люби потаковщика, люби встречника; но на деле более онаго Теренциева держатся присловия: *veritas odium parit*¹, то есть: правда глаза колет²; ибо часто случается, если кто от искусных в книгах пред незнающими силы и писания начнет о древностях истории, наипаче же церковной праведно говорить, оный тот час не токмо имя еретика и законопреступника, но и безбожника неправедно себе наживает. Правда, что при блаженной и вечnodостойной памяти всемилостивейшем государе ПЕТРЕ ПЕРВОМ и великом императоре и самодержце всероссийском, желателю искоренения суеверства, в регламент духовном объявлено имянно, что много во историях в темные времена напутано. Но о коль жестоко есть слово сие тем, которые на историях, да не реку историшках, прологовых и минейных, более от запада сюда попавших, как бы на недвижимом камени, а суще на песку утверждаются, и, сами затыкая уши своя, правду сказывающих не слушают, и хотящим слушать возбраняют, не желая очистить ветхий квас, застарелое и глубоко во оных вкоренившееся суеверие.

Что же про восточных сказать! Хотя всяк человек ложь, то кроме обычаев, от всех историков и географов и *космографов*³ согласно описанных, исполняется часто оное апостолское слово о критянех приводимое, о чем не токмо

¹ В Андрей. Акт 1. Сцена 1. Стих 40. (Примеч. автора).

² Или как по-русски сказать: говоря правду, потерять дружбу. (Примеч. автора).

³ Приписано слева на поле.

Менандр, но и начальник философов Платон, не обвиняя, поведает: греки всегда отроки суть. Не препятствует нам сие, что мы имянуемся веры греческого исповедания, понеже мы тако исповедуем Христа и веруем, как и греки, но не те, которых мы в великий пост соборно повсегодно проклинаем. Что же надлежит к историям, то их оных многие такие обретаются, которым временем и простой, не толко ученый, нелегко поверить может, наипаче того ради, что оных творцы да еще якобы и достоверные сами с собою несогласны. Я же уповаю, что счастием Ея Императорского Величества Всемилоостивейшей Государыни Императрицы АННЫ ИОАННОВНЫ самодержицы всероссийской, матери отечества и исполнительницы и докончателницы намерениев ПЕТРА ВЕЛИКАГО суеверие отчасу убывающее более и более искоренено будет. Сия книга сколь от добрых любима, столь от худых ненавидима, о древных отповедех богов языческих, ныне от меня переведенная, сама свою похвалу в себе заключающая, никаких посторонних похвал ни от меня, ни от иных не требует, токмо требует протекции вашего высокопревосходительства, яко ненавистника суевериев и исторической правды сыскателя и защитника. И о сих двух добродетелех я всегда усумневаюсь, более ли вашему высокопревосходительству суеверие ненавидимо, или правда историческая защищаема? Которую с покорностию прошу, доброхотно принявши, как меня, так и оную от зоилевых и гомеромастиговых зубов защитить.

Вашего высокопревосходительства
милостивейшаго моего патрона
нижайший слуга и подножие
Кириак Кондратович

СПФ АРАН. Разряд I. Оп. 60. Д. 1. Л. 2–4 об.

Комментарий

Данное предисловие, адресованное В.Н. Татищеву и подписанное переводчиком, публикуется по белой рукописи, которая, согласно ее титульному листу, была создана в 1738 г. в Екатеринбурге⁴. Сам перевод был выполнен с книги, «печатной в Амстердаме на латинском языке 1700»⁵.

Переводчиком и, соответственно, автором предисловия был Кириак Андреевич Кондратович – сын сотника Ахтырского полка (Слободская Украина), получивший образование в Киево-Могилянской академии, где он «обучался ... латинскому и польскому языкам» и, «начавши от грамматики, окончил ... на латинском языке поэзию, риторику и философические части, логику, метафизику и богословие»⁶.

В конце 1732 г. Кондратович был взят ко двору Анны Иоанновны в качестве гуслиста. Первоначально его карьера, судя по деньгам, которыми он был одарен от имени императрицы, протекала неплохо⁷. В 1733 г. Кондратович был направлен на какое-то время из Дворцовой канцелярии в распоряжение архиепископа Феофана Прокоповича⁸. Однако уже в 1734 г. он оказался на Урале.

В своих прошениях с декабря 1740 г. он так описывал обстоятельства своего появления на Урале: «При письме из дворцовой канцелярии ... отослан я ... был к бывшему Новгородскому архиерею Феофану для определения к делу под ведением

⁴ «Переведены от Кириака Кондратовича 1738 году в Екатеринбурге». СПбФ АРАН. Разряд I. Оп. 60. Д. 1. Л. 1. Также сохранилась рукописная копия этого перевода. На обороте обложки этой рукописи сделана следующая помета: «Прислана из канцелярии Академии Наук при ордере г[оспо]д[и]ну Ассессору Тауберту 1751 году Ноября 28» (НИОР БАН. 17.15.21).

⁵ СПбФ АРАН. Разряд I. Оп. 60. Д. 1. Л. 1. См. оригинальное печатное издание: Antonii van Dale, Poliatři Harlemenensis. De Oraculis Veterum Ethnorum Dissertationes Duae. Amstelodami, [1700].

⁶ Тихонравов Н. Кириак Кондратович, переводчик прошлого столетия // Библиографические записки. 1858. № 8. Стб. 227. См. также о Кондратовиче: Пекарский П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и бельетрист XVIII столетия // Современник. 1858. Т. 69. № 6; Николаев С.И. Кириак Кондратович – переводчик польской поэзии // XVIII век. Сб. 21; Николаев С.И. Кондратович Кириак Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999; Никишин О.В. Кириак Андреевич Кондратович // Русская речь. 2003. № 1; Киселев М.А. Кондратович Кириак Андреевич // Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2016. С. 164; Киселев М.А. Между службой государству и частным покровительством: литературная и переводческая деятельность К.А. Кондратовича на Урале (1734–1742) // ЧИНЫ и МУЗЫ (писатели на государственной службе): Тезисы докладов международной конференции / Сост. С.Н. Гуськов, Н.В. Калинина. СПб., 2016.

⁷ Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны: Документальная хроника, 1730–1740. Вып. 1 / Сост. Л.М. Старикова. М., 1995. С. 355, 358, 362.

⁸ МИИАН. Т. 5 (1742–1742). СПб., 1889. С. 407, 840. В 1743 г. Кондратович утверждал, что «в бытность мою при бывшем архиепископе Феофане новгородском, перевел я Хронологию Шредеру, Идею сокращения богословского, Рейманнову, и немалую часть Гугона Гроция, О вере христианской» (МИИАН. Т. 5. С. 539). Однако в 1768 г. в письме члену Синода архимандриту Платону Левшину, он иным образом описал историю своего участия в переводе

ево. ... Когда же отправлялся в Сибирь ... Татищев, коему по данной от Ея ж Императорского величества инструкции велено завести школы в Екатеринбурге, тогда по согласию ево с вышеписанным Новгородским архиереем откомандирован я к нему, и прибывши из Санкт-Петербурга в Москву ... отрепортован переводчиком»⁹. Действительно, в инструкции, утвержденной императрицей 23 марта 1734 г., В.Н. Татищеву предписывалось на Урале «устроить ... хорошую школу, и брать в оную тамо Дворянских, подьяческих и неслужащих церковников детей, и оных прилежанием тому (делам, связанным с управлением заводами. – *М.К.*) обучать»¹⁰. Только вот если Кондратович был отправлен на Урал в связи с необходимостью «устроить ... хорошую школу», то почему он был сперва назначен не учителем, а переводчиком? Ответ на этот вопрос довольно прост: Кондратович мистифицировал обстоятельства своего отправления на Урал. Татищев в поденной записке 23 марта 1734 г. зафиксировал, что Анна Иоанновна повелела ему взять с собою на Урал «бывшего при дворе гуслиста Кондратовича и надзирать над ним накрепко, чтоб излишнего не врал и где не надобно, его не отпускать, а Г[оспо]да министры приказали определить его в подьячие, и оной того ж дня прислан в вечеру, которого с протчими ... отпустил в Москву наперед»¹¹. При этом следует отметить, что Анна Иоанновна была до некоторой степени злопамятна, так что, когда до нее дошли какие-то слухи, что Кондратович, который был «по указу нашему послан ... с Васильем Татищевым в Сибирь», «шатается в Москве», она повелела графу С.А. Салтыкову: «Осведомиться подлинно, в правду ли он в Москве, и зачем живет, и потом отпиши к Василию Татищеву, зачем он его оставил, и нас о том уведоми»¹².

трактата Гроция «О вере христианской»: «Митрополит Новгородский Димитрий Сеченов, любезный мой бывший соученик во богословии и потом милостивейший патрон, самолично приглася меня, просил поправить переведенную московским священником и ему приписанную книжку Гугона Гроция О вере христианской, и за оное мое исправление перевода после трапезы, которой он меня всегда удостоивал, келейными своими деньгами достойно наградил» (ОР РНБ. Ф. 550 «Основное собрание рукописных книг». F XVIII 8. Л. 3 об.).

⁹ ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 907. С. 3. См. также: МИИАН. Т. 5. С. 47 (прошение 1742 г.); Тихонравов Н. Кириак Кондратович, переводчик прошлого столетия. Стб. 228 (прошение 1766 г.).

¹⁰ ПСЗ. Т. 9. № 6559. С. 294. См. также: Сафронова А.М. Проект В.Н.Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 6. Екатеринбург, 2006.

¹¹ ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 512. Л. 556. На это упоминание Кондратовича в татищевской поденной записке обратил внимание Н.К. Чупин еще в 1867 г., однако оно осталось незамеченным в историографии. См.: Извлечение из протоколов заседаний Академии // Записки Императорской Академии наук. Т. XII. Кн. I. СПб., 1867. С. 78. Примечание.

¹² Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732–1742 гг. М., 1878. С. 134. К 13 августа 1734 г. Кондратович уже был в Казани, откуда продолжил свой путь на Урал (ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 512. Л. 495).

Итак, Кондратович был послан императрицей на Урал с В.Н. Татищевым фактически в ссылку. При этом кабинет-министры граф А.И. Остерман и князь А.М. Черкасский распорядились определить его в подьячие. Лишь потому, что это все было оформлено в виде устных распоряжений, документальных подтверждений (кроме поденной записки Татищева) не осталось. Укажем еще и на такой факт: 30 марта 1742 г. состоялся указ Елизаветы Петровны, согласно которому следовало «Кириака Андреева сына Кондратовича, которой на гусях играл, и сослан в 1738-м или в 1739-м годах в Екатеринбург или в иное какое отдаленное место, из тех мест свободить и велеть привезть к Ея Императорскому Величеству»¹³. В столице помнили, что Кондратович был сослан в Екатеринбург, но даже не могли точно указать год, когда это произошло. В итоге хитрый гуслист смог успешно мистифицировать обстоятельства своей отправки на Урал, придав забвению факт ссылки.

К распоряжению Кабинета министров о назначении Кондратовича подьячим В.Н. Татищев отнесся со свойственным ему подходом, допускавшим искаженное истолкование и даже нарушение распоряжений вышестоящих властей, если они по мысли Татищева противоречили *общему благу и государственному интересу*¹⁴. Василий Никитич явно не стремился оглашать настоящие обстоятельства отправки Кондратовича. Как результат, уже 8 апреля 1734 г. он писал из Москвы И.Д. Шумахеру, заведовавшему библиотекой Академии наук: «Дан мне известной вам Кондратович для перевода латинских книг, токмо я не знаю, какие книги ему переводить. А имею токмо Кромерову и Стрыковского, и оные ныне велю ему начать. Ежели же вы какие лучше или нужные имеет, то прошу, чтобы изволили прислать, а я в прилежности буду над ним надзирать. И такие книги можно будет впредь с пользою напечатать»¹⁵.

Это татищевское намерение было оформлено 1 июня 1734 г., когда решением В.Н. Татищева и А.Ф. Хруцова, который отправлялся с ним в качестве своего рода заместителя, было предписано выдать Кондратовичу годовое жалование в размере 96 руб. как «латинских книг переводчику»¹⁶. Таким образом, он был назначен на должность, совсем необязательную на горных заводах, в отличие от профессионального переводчика с немецкого, в котором была определенная нужда¹⁷. Скорее всего, Татищев решил, что Кондратович в силу своего образования и навыков сможет

¹³ Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Док. хроника, 1741–1750. Вып. 2. Ч. 1 / Сост. Л.М. Старикова. М., 2003. С. 207.

¹⁴ См. примеры: Киселев М.А. Проект Горного и заводского устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (106); Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9.

¹⁵ Татищев В.Н. Записки. Письма. С. 155. С И.Д. Шумахером В.Н. Татищев вел относительно оживленную переписку еще с 1730 г.

¹⁶ ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 447. Л. 6. Д. 907. С. 6.

¹⁷ В.Н. Татищев 9 октября 1734 г. писал из Екатеринбурга в Кабинет министров: «Понеже о всяких полезных искусствах и ремеслах на русском языке книг не находится, надежда слабая,

принести больше пользы и способствовать распространению наукам и знаниям в России своими переводами, нежели прозябая на какой-нибудь канцелярской должности.

Определенную роль в таком назначении мог сыграть и общий знакомый В.Н. Татищева и Кондратовича – Феофан Прокопович. Отметим, что Татищев, будучи в Екатеринбурге, 9 октября 1734 г. писал ему: «Я суда прибыл 1 октября и усмотрел, что здесь роскольников населилось довольно... И хотя здесь школы устроены и довольно учеников, да закону Божию обучать некому, а роскольники своею прилежностью могут плевели свои невидимо в незнающих расплодить». В связи с этим Татищев просил «прислать суда ученых священника и диакона», попутно замечая, что «Кондратович весьма б сего хотел, токмо для помешенной ево головы не годится. И я ему о законе розговаривать накрепко запретил, а заставил его Кромера переводить»¹⁸.

Прибыв в Екатеринбург в 1734 г., Кондратович развернул довольно активную переводческую деятельность, выполняя соответствующие предписания В.Н. Татищева. Беловые рукописи сделанных переводов отсылались Татищеву. Он, в свою очередь, отправлял их в Академию наук¹⁹. При этом к концу 1735 г. такая деятельность для Кондратовича была осложнена тем, что он был назначен на новую должность учителя Екатеринбургской латинской школы, первые ученики в которой появились 6 и 7 ноября 1735 г.²⁰

Именно по такой схеме возникла рукопись перевода, которая содержит публикуемое предисловие. В.Н. Татищев, будучи в Самаре, 30 декабря 1737 г. отправил распоряжение, которым предписывалось Кондратовичу перевести «посланную латинскую Далева аракуля»²¹. И 1 ноября 1738 г. Кондратович сообщил в Канцелярию Главного правления сибирских и казанских заводов в Екатеринбурге о завершении работы над переводом, предоставив как черновую, так и беловую рукопись. При этом он просил последнюю «к ... Татищеву поспешнее отослать купно и с осьмью рисованными фигурами»²². Эти иллюстрации «рисовали и тушевали» ученики

на немецком же языке, а особлива о касающихся к ползе заводов книг новых в немалую Г[осу]д[а]рствам ползу всегда довольно издается, а переводит всегда великой труд... за полезное весма мню, чтоб здесь языка немецкого неколико управительских и других детей обучать». В связи с этим он просил, «чтоб от Академии наук прислан был способной учитель» (ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 436. Л. 88–88 об.).

¹⁸ Татищев В.Н. Записки. Письма. С. 163–164.

¹⁹ См. подробнее о переводческой деятельности К.А. Кондратовича на Урале: Сафронова А.М. Переводы источников для «Истории Российской» В.Н. Татищевым учителем Екатеринбургской латинской школы К.А. Кондратовичем (1734–1738 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Сборник материалов Региональной научно-практической конференции. (Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г.). Ч. I. Екатеринбург, 2000; Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012. С. 350–383.

²⁰ ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 625. Л. 103, 116. Д. 762. С. 194.

²¹ Цит. по: Сафронова А.М. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга. С. 370.

²² ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 762. С. 309.

Екатеринбургской знаменовальной школы Семен Звонарев и Иван Юдин²³ в сентябре 1738 г.²⁴ Они представляли собой воспроизведение гравюр из оригинального печатного издания. 4 ноября беловая рукопись, а также печатная книга, с которой делался перевод, была отослана Татищеву. Черновая рукопись была переплетена и оставлена в Екатеринбурге в библиотеке Канцелярии Главного заводов правления²⁵.

К концу 1739 г. переводческая деятельность Кондратовича остановилась. В немалой степени это было связано с тем, что В.Н. Татищеву как основному заказчику из-за карьерных неурядиц было уже не до организации переводов. После закрытия Екатеринбургской латинской школы Кондратович в 1742 г. покинул Урал и вернулся назад в Санкт-Петербург. В 1743 г. он был принят на работу переводчиком в Академии наук, где продолжил свою деятельность²⁶.

Всего к началу 1743 г. в академической библиотеке числились следующие переводы Кондратовича, сделанные в Екатеринбурге и присланные Татищевым: «Кромерова польская история, Кирхова Хронология татарская, Гелмолдова История, Арнолдова до окончания Гелмолдовой истории, Компут астрномический, Плиниева география, Далевы оракулы, Грамматика, собранная от разных авторов, славяно-русская с синтаксиею и прозодиєю»²⁷. Итак, беловой экземпляр перевода «Далевых оракулов» оказался в библиотеке Академии наук и так и не был опубликован.

В.Н. Татищев был заинтересован в этом переводе для работы над «Историей Российской». В ней он писал: «Имя идолопоклонение разное в себе заключает. У разных народов в числе богов, званиях, изображениях и им служениях великое разнство было, одни бо того божишка, другие другаго боле почитали, о чем разные писатели немалые книги сочинили, мерзости, лжи и обманы их служителей обличали (выделено нами. – М.К.). Но нам о тех, яко же о их славных в мире оракулях, или провесчателех, великих каписцах и прославленных чудесами болванах воспоминать нет нужды, понеже Гаутрухиа езуита с примечаниями и изъяснении о идолах и богослужениях, також Антониа Делиа и Фонтенеля о оракулях на руской язык переведены»²⁸.

²³ См.: Сафронова А.М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 303.

²⁴ СПФ АРАН. Разряд I. Оп. 60. Д. 1. Л. 30, 101, 127, 154, 190, 252, 261, 396.

²⁵ ГАСО. Ф. 24 «Уральское горное управление». Оп. 1. Д. 762. С. 313, 310. См. также: Гузнер И.А. Библиотеки учебных заведений Сибири в первой половине XVII века // Книга в Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1980. С. 74; Сафронова А.М. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга. С. 370–372.

²⁶ МИИАН. Т. 5. С. 861.

²⁷ МИИАН. Т. 5. С. 542. В прошении в 1745 г. в Синод Кондратович утверждал, что «Далевы» находились у Татищева (Пекарский П. Кондратович. С. 473).

²⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. Л., 1962. С. 98. См. также: Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. I. С. 10. Из упомянутых трех переводов к настоящему времени известен только перевод А. ван Даля.

Принимая во внимание татищевское замечание про обличение «мерзости, лжи и обманов служителей», будет логично сделать вывод, что выбор на сочинение «Делиа» пал отнюдь не потому, что он содержал только сведения по истории религии. Его автор – Антоний ван Даль – был менонитским проповедником и врачом из Голландии, получившим известность благодаря своему сочинению «De oraculis ethnicorum dissertationes duae» («Два рассуждения о языческих оракулах»), первое издание которого было напечатано в Амстердаме в 1683 г. Идеи из этого трактата были фактически воспроизведены Б. Фонтенелем в «L'Histoire des oracles» («История оракулов») 1686 г. Оба этих автора доказывали, что древние оракулы были всего лишь мошенниками и шарлатанами, за которыми не стояло никаких сверхъестественных сил²⁹. Кондратович так кратко передал суть переведенной им книги – это было сочинение «о древних жрецах, обманывавших народ»³⁰. Скорее всего, именно поэтому В.Н. Татищев решил организовать перевод данного трактата.

На созвучие взглядов В.Н. Татищева подходу А. ван Даля указывает еще одно место из «Истории Российской». В ней Татищев замечал, что «сие довольно всем известно, что сии оракулы, или богов чрез весчунов и пустосвятов ответы и пророчества, сусчие суть суеверными и немысленным обман, как Далий о греческих и египетских оракулах описал, а негде и христианские в пример приводит (выделено нами. – М.К.)». Упомянув несколько подобных случаев из истории (про Кира Великого и Гостомысла), Василий Никитич затем перешел к современным ему реалиям, замечая, что «вымыслов от суеверных пустосвятов, льстецов и лицемеров слышать нередко случалось, каковых мог бы я много з довольным доказательством привести». Однако он решил привести только один пример, который «никому в обиду быть не может». Татищев писал, что при дворе вдовы царя Ивана Алексеевича Прасковьи Федоровны жил «Тимофей Архипович, сумазбродной подъячей, котораго за святого и пророка суеверцы почитали», однако чьи реальные предсказания не сбылись. В связи с этим историк не без иронии замечал: «Какой был великой у безумных пророк Андреюшко, но сего не узнал, что его пытать будут и зжечь за великую ересь и сквернодейство определят»³¹.

²⁹ См. о А. ван Дале и его идеях: Ossa-Richardson A. The Devil's Tabernacle: The Pagan Oracles in Early Modern Thought. Princeton and Oxford, 2013. P. 8, 188–201.

³⁰ Цит. по: Пекарский П. Кондратович. С. 473.

³¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. С. 116–117. См. также: Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. I. С. 46–47. Татищев приводил примеры и других, более масштабных обманов, в том числе и со стороны некоторых представителей христианского духовенства. Так, по его мнению, «злоковарные некоторые церковнослужители для утверждения их богопротивной власти и приобретения богатств вымыслили, чтоб народ был неученой и ни о коей истине разсуждать могущий, но слепо бы и раболепно их расказам и повелениям верили. Наиболее же всех архиепископы римские в том себя показали и большей труд к приведению и к содержанию народов в темноте и суеверии прилагали» (Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 80).

Такие татищевские обличения *суеверия* имели немаловажное политическое значение. В «Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах» он прямо утверждал, что «из суеверия вред в политическом правлении происходит». Рассуждая о *распрях* из-за религиозных вопросов, Василий Никитич писал, что они «ни от кого более, как от попов для их корыстей, а к тому от суеверных ханжей или бессмысленных набожников происходят». В то же время, по Татищеву, между «людьми умными» такие распри «произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто касается и ему равно Лютер ли, Кальвин ли, папист, анабаптист, магометанин или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгуется. Ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав и по тому с ним обхождение имеет, понеже Бог, яко судия правый, на нем чужаго зловерия не взыщет». Все это он подкреплял соответствующими историческими примерами. Так, он вопрошал: «Где столько бунтов и государству раззорений как в Турках, иде же народ никакого просвящения ума не имеет и в темноте суеверия утоплен, да всегда оные от коварных плутов под видом защищения веры начинаются и в сердцах суеверных разсеянное возгарается». Приводились им факты и из российской истории. Например, указывая на самозванцев начала XVII в., он писал, что им «всем люди суеверные невежды веря, государство раззоряли». Соответственно, Татищев утверждал о необходимости распространения *наук* и борьбы с *суевериями* как одного из элементов стабильного политического порядка. Для обоснования этого он приводил наблюдение, что «турецкой народ пред всеми в науках оскудевает, но в бунтах преизобилует. В Европе же, где науки процветают, тамо бунты неизвестны». Он полагал, что «разность вер великой в государстве беды не наносит», а «главное в государстве правительство добрыми законами и наблюдении» не должно давать религиозным *распрям* «возгаться»³².

В таких умозаключениях можно с полным основанием увидеть идею надконфессионального государства, для которого религиозная политика уже заключалась не в утверждении истинной веры, а, скорее, в поддержании отсутствия религиозных конфликтов. Божественное отделялось от политического: правитель был не ответствен за спасение душ на том свете, он теперь был только ответствен за благополучие подданных на этом свете³³. Как представляется, это напрямую вытекало из взаимоотношений Божественного действия с *естественным правом*, сторонником которого являлся Татищев. Посюсторонним миром правили законы, вытекавшие из свойств *естества*. Конечно, можно было объявить последнее результатом

³² Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 87–89, 84, 87.

³³ Отметим, что это отнюдь не означало, что сам В.Н. Татищев был атеистом. См.: Андрусенко Д.В. Из истории изучения взглядов В.Н. Татищева на религию и церковь // Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1986; Сафронова А.М. Книги о религии и церкви в библиотеке В.Н. Татищева в Екатеринбурге (1734–1737) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011.

Божественного творения. Однако этот вывод в *естественном праве* и связанным с ним *естественным богословием* делался не на основе Божественного слова, а на основании прочтения того же *естества*, которое и оказывалось ключевой точкой для поиска нормативности. В итоге постепенно в этом мире фактически не оставалось места для Божественного вмешательства в виде *чуда*, которое теперь следовало объяснять происками шарлатанов и непросвещенностью *суеверов*. Неизвестно, насколько Татищев задумывался над вопросом, что такое отделение, помимо прочего, вело к изъятию Божественной воли как одного из источников обоснования монархии³⁴, сторонником которой он был.

Заметим, что сам В.Н. Татищев как администратор в силу своих возможностей пытался действовать в соответствии с такими представлениями. Так, его предложение послужило толчком для Синода в 1721 г. разрешить, хоть и с оговорками, браки между православными и инославными христианами³⁵. В то же время он был готов проводить довольно жесткую политику в отношении старообрядцев, которых считал *суеверами*³⁶.

Принимая во внимание как цитированное выше татищевское письмо к Феофану Прокоповичу про старообрядцев, так и собственно предисловие к переводу А. ван Даля, можно утверждать, что Кондратович до некоторой степени разделял схожие представления, которые можно рассматривать как проявления процессов секуляризации, протекавших в России XVIII в. под влиянием идей европейских авторов Нового времени.

³⁴ Можно вспомнить слова А.Н. Радищева (1749–1802): «Власть царска веру охраняет, власть царску вера утверждает» (Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 4).

³⁵ См.: Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева.

³⁶ См. о непростых взаимоотношениях В.Н. Татищева и старообрядцев на Урале: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 67–108; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 193–199.

**«Предисловие к читателю»
к переводу трактата Цицерона
«О должностях»
(1757)**

Любезный читатель.

Есть обыкновенно в людях, что когда кто читает какую историю и нашед тут человека знатного своими качествами и делами, желает знать его внешнею фигуру, оттудава происходит наше любопытство смотреть его потрет и старатца спознать по медалям, статуам и протчим подобным вещам его времени и в память его сочиненным, сходствует ли он ему, и есть ли столь мы любопытны знать внешность его, сколь наипаче должны старатся спознать расположение его сердца и мысли, дабы по великим обрасцам и наше на обретающиися в них добродетели склонить могли.

И, конечно, Цицерон достоин сего любопытства, с которой стороны на него не взирать. Так ли, как штатской человек, он вечную и никем несравненную славу получил, быть назван без проискав его и не лстя народу, но за действительные его качества и услуги отцом отечества, так ли, как гражданин и честной человек, то дружба его с Катоном, честнейшим человеком того века, непремирная его ненависть противу тех, которые хотели завладеть республикою, его изгнание и самая смерть то свидетельствует, и сей труд, которой он писал для наставления сыну своему, в коем видно расположение его сердца, довольно показывает пожелание его к своему сыну, как он сам много любил добродетель.

Что ж касается до меня, я к переводу сему был побужден удивлением моим к толь чистейшей добродетели. Тогда все разсуждении мои и о трудности сего перевода (каторой я принужден был за незнанием латинского языка уже с переводу переводить) и о недостатке моем возмочь и сходствовать с оригиналом меня от того отвратить не могли, и о коль ежели есть справедливо мнение некоего из древних философов, что еже либо добродетель чувственным глазам могла видима быть, то бы мы ничего боле как ее не любили, и так довольно мне, что я точной разум, везде добродетельные наставлении, представляющей отечеству моему в его языке, мок предложить, хотя и без всякаго украшения, и, может быть, что представление ее может служить к поправлении нравов.

Такой мой был предмет, таперь же остается тебе рассмотреть, имел ли я желаемой успех, коль хотя какие пороки и есть, уповаю, что ради моего хорошего намерения пороки, в которые я впал, отпустишь мне.

ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм119. Л. 1–1 об.

Комментарий

Как и большинство текстов князя М.М. Щербатова, «Предисловие к читателю» при жизни князя не было опубликовано, так что оно печатается по рукописи-автографу. Как отмечал сам Щербатов, он не знал латыни, в связи с чем осуществил перевод с «с переводу французского», выполненного «господином Де Боа, членом французской академии». На титульном листе Щербатов указал место и дату завершения своей работы: «Санкт-Петербурх, 1757 году»¹.

Первый известный датированный перевод М.М. Щербатова – «Главности Нравоучения иль Опыт на человека, сочиненный на аглинском господином Попом, на французской переведенной господином Деренелем» – относится к 1753 г.² Но обширную переводческую и писательскую деятельность он развернул ближе к рубежу 1750–1760-х гг. Так, вслед за переводом Цицерона следуют «Век Людовика XIV» Ф. Вольтера (1758), «Наставление для совести короля» Ф. Фенелона (1758)³ и ряд других мелких переводов. Также с 1758 г. он работает над переводом трех томов «Истории универсальной от сотворения света далее до ныне, переведенной с английского языка на французский собранием ученых мужей»⁴, а также «Разсуждения о причинах установлять иль отменять законы» Фридриха II (1762)⁵.

¹ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм117. Л. 2.

² Шаховской Дм. Русский депутат XVIII века. (Новые материалы для биографии кн. М.М. Щербатова) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 264.

³ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм228. Помимо прочего, в этом сборнике щербатовских текстов рубежа 1750–1760-х гг. присутствует перевод небольшого фрагмента из «Духа законов» Ш. Монтескье 1759 г., а точнее – XIII глава XXV книги «Нижайшее представление инквизиторам Гишпани и Португалии» (Эрм228. С. 59–64). К настоящему времени данный текст является самым ранним из известных переводов знаменитого трактата Монтескье на русский язык.

⁴ См.: Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М.М. Щербатова. По поводу издания его сочинений // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. CCCXXX. Август. С. 343–345; Рустам-Заде З. П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. СПб., 2000. С. 14–17.

⁵ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм46. Этот текст, как и большинство щербатовских переводов, не был опубликован. Сам Щербатов оставил следующий несколько скептический комментарий в конце этого перевода о содержании этого произведения: «Сия книга исполненная разума, однако более титулом своим обещает, нежели действительно в ней есть, ибо мог бы творец распростереть свои разсуждени не на темность законов или на другия их пороки, но на начало, от чего сие происходит» (Эрм46. С. 57). Тем не менее, данное сочинение оказа-

К этому времени можно отнести и его перевод трактата Ш.Л. Монтескье «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*», получивший заглавие «Разсуждении о притчинах величества римлян и падении их». Это была черновая рабочая рукопись, в которой непосредственно текст перевода занимал только одну половину листа. Другая половина, предназначенная для комментариев, исправлений и вставок, была оставлена чистой⁶. Однако перевод Цицерона был уже белой рукописью, подготовленной к публикации и, соответственно, оформленной соответствующим образом, включая наличие предисловия.

Во второй половине 1750-х – начале 1760-х гг. Щербатов пишет ряд оригинальных сочинений. Некоторые из его относительно небольших переводов и собственных работ были опубликованы на страницах журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая»⁷ (так с 1758 г. назывались «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащая»).

Подчеркнем: начальной вехой такой активизации литературной деятельности Щербатова стал именно перевод трактата Цицерона «*De Officiis*», предисловие к которому опубликовано выше. И здесь резонно указать на некоторую недооценку влияния античного наследия на общественно-политическую мысль России XVIII в. Из немногих исключений назовем работу Г.В. Вернадского 1917 г., в которой историк, рассуждая о месте «стоической философии» в России второй половины XVIII в., говорил и о переводах Цицерона на русский язык, включая и щербатовскую рукопись⁸. Впрочем, значимость Цицерона вряд ли может быть сведена к трансляции идей стоицизма.

Воздействие Цицерона на российскую культуру было связано в первую очередь с трактатом «О должностях»: популярный сам по себе, он был к тому же одним из главных источников литературы в жанре морально-политического наставления со времен Ренессанса. Степень проникновения идей Цицерона в отечественную социальную мысль, следовательно, предполагает анализ понятия *добродетели* в российской политической культуре. «Какие из российских страт и народностей

лось интересным не только Щербатову. В 1769 г. оно было напечатано в переводе бывшего студента Штрубе А.Я. Поленова. См.: [Фридрих II] Разсуждение о причинах установления и уничтожения законов. СПб., 1769.

⁶ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм304.

⁷ См.: Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М.М. Щербатова. С. 345–346; Рустам-Заде З.П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М.М. Щербатова) // Ученые записки ЛГУ. 1968. № 339. Сер. филологических наук. Вып. 72. Русская литература; Рустам-Заде З.П. Жизнь и творчество М.М. Щербатова. С. 16.

⁸ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 102. Прим. 3. О щербатовском переводе Цицерона также упоминали С.Л. Пештич и З.П. Рустам-Заде. См.: Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965. С. 101; Рустам-Заде З.П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству». С. 200. Прим. 4; Рустам-Заде З.П. Жизнь и творчество М.М. Щербатова. С. 14–15.

читали Цицерона, когда они это делали, и что это значило?» – таким вопросом задавался в начале своего исследования о традициях латинского гуманизма в России М. Окенфусс. Сам он, в конечном счете, дает на этот вопрос отрицательный ответ, считая, что влияние Цицерона, как и других античных классиков, в России XVIII в. было незначительной величиной. Вряд ли, однако, есть смысл фокусироваться на поиске цитат из Цицерона или прямых ссылок на него. Роль духовного наследия Цицерона, автора наиболее влиятельного морально-политического трактата в истории Европы («De Officiis») прослеживается и в антимакиавеллистских трактатах и романах, где макиавеллиевскому аморализму противостоял сплав библейской и цicerоновской морали. Так что указанное влияние осуществлялось не только через тексты самого Цицерона, но и через обширнейшую традицию, основанную на комментировании и переработке его идей⁹.

Наиболее ранний известный русский перевод цicerоновского трактата «О должностях» относится к 1746 г. Это рукопись, озаглавленная «Римского консула Марка Тулия Цицерона три книги. О должности человеческой. С примечаниями и житием оного Цицерона». Этот перевод был осуществлен с немецкого языка деятельнейшим академическим переводчиком XVIII века С.С. Волчковым¹⁰. Таким образом, перевод Щербатова был вторым. Хотя, в итоге, в 1761 г. был опубликован перевод третьего переводчика – Б.А. Волкова¹¹.

Значимость Цицерона вполне осознавалась российскими публикаторами. Б.А. Волков в предисловии к трактату «О должностях» (публикация 1761 г.), посвящая перевод одному из наиболее могущественных сановников Российской империи, гетману К.Г. Разумовскому, писал, что книга Цицерона приносит «двоякую пользу», ибо она учит «не только чистому Латинскому слогу, но и Нравоучению». И далее, в более пространным обращении к читателю, Волков детально рассматривал принадлежащую Цицерону концепцию *добродетели*.

Центральным понятием выступает *честность*, а «через честное разумеет Цицерон то, что не противно разсуждению и добродетели». Волков высоко оценивает философию Цицерона и в целом философию стоиков: человек «рожден для добродетели», и единственная настоящая польза заключается в том, чтобы поступать добродетельно, на основании правил и примеров, почерпнутых в том числе из биографий великих мужей прошлого. Вывод Волкова таков: «Из всех языческих книг не можно

⁹ Вопрос о чтении Цицерона в России XVIII в. методологически подобен вопросу о чтении Маркса в России XX в., где подразумевается не только поиск прямых ссылок на труды Маркса, но использование марксистского интеллектуального инструментария (транслированного через огромную традицию «вторичных» марксистских текстов) вообще.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 905 «Новое собрание рукописной книги». F291. Л. 1.

¹¹ Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях. С содержанием каждой главы, и с примечаниями на достопамятные речи, переведены Академии Наук Переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1761.

ни от одной толь великой получить, как от Цицеронова сочинения о должностях человеческих»¹².

Так что и Волков, и Щербатов сходным образом трактуют текст Цицерона как важнейшее наставление в *добродетели*, манифестируемое с помощью обращения к выдающимся историческим образцам добродетельной жизни (к числу таких и Волков, и Щербатов относили жизнь самого Цицерона). Исследователю российской интеллектуальной истории больше знаком Цицерон-оратор, принадлежащий традиции отечественных латинистов, каковым он предстает, например, в анонимном предисловии к трактату «De Natura Deorum» (публикация 1779 г.¹³). Именно в этом ключе Цицерон рассматривается, например, в содержательном очерке А.И. Любжина¹⁴. Предисловие, написанное Волковым, красноречиво свидетельствует – не менее важным для отечественных интеллектуалов оставался и Цицерон-моралист.

Показательно, что исследователи рукописного наследства М.М. Щербатова прежде всего обращают внимание на его переводы авторов XVIII в. – Ф. Фенелона¹⁵, Ш. Монтескье¹⁶, Ч. Беккариа¹⁷, П. Гольбаха¹⁷ – и восприятие тогдашним обществом их идей. Влияние же античной темы как на Щербатова, так и в целом на российскую общественно-политическую мысль явно нуждается в дальнейших исследованиях.

¹² Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях... С. 10.

¹³ М. Туллия Цицерона О естестве богов три книги. СПб., 1779.

¹⁴ Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007. С. 73–80.

¹⁵ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 161–168.

¹⁶ Васильева Е.Н. Монтескье и Россия. Дисс. ... канд. филолог. наук. СПб., 2011. С. 102–103, 153–164.

¹⁷ Gherbezza E. «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Неизданный перевод М.М. Щербатова // Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter. № 33. November 2005.

¹⁸ Ям К.Е. Поль Гольбах в русских переводах конца XVIII – начала XIX вв. (К 250-летию со дня рождения) // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1975. № 2. С. 103–104.

**«Предисловие» к переводу
«Наставлении для совести короля,
сочиненные для научения
Людовика Французского, герцога Бургонского,
господином Франциском Салиниак
Деламот Фенелон, архиепископом
герцогом Камбрейским, его учителем»
(1758)**

Любезный читатель.

Я не буду простирается похвалять сию книгу, которую тебе на росьсийском языке предлагаю, ибо довольно видеть титул оной и имя ея творца (которое уже довольно у нас знаемо, чрез книгу Телемака, которая столь с общей похвалою, как у нас, так и в целом свете принета), чтоб достоинство ее почюствовать и истинну сказать, была ль величайшая когда притчина, какую имел сей господин Франциск Салиньяк Деламот Фенелон, архиепископ герцог Камбрейский, творец сея книги, ибо, быв учитель внука величайшего государя Франции, старался достойные его состоянию ему мысли вложить, дабы еже ль будет царствовать, мок щасливыми врученные ему народы учинить, и что в Телемаке по притчине случаев сей басни принужден был в разные места расположить, те все наставлении он в сей малой книге в единое место вместил, дабы по краткости своей и не быв затушены никакими другими притчинами в свежейшей памяти у августейшаго его воспитника остались. Но смерть не допустила Францию видеть плоды, всеянные в младое сердце сего принца мудрыми наставлении толь достойнаго государям учителя. Однако, можно сказать, чтоб щасливы смертные были, если б все государи по сим правилам поступали, и щаслива та страна, которая производит таких людей, кои могут толь мудрые наставлении наследникам престола давать.

Притчины же, которые меня побудили к сему переводу, есть: 1. Изображении чистейшей добродетели. 2. И хотя оная особливо для государей писана, однако доволные обретаются наставлении и для людей партикулярных, сколь им должно убегать от раскоша и сластолюбия, ненавидить лжу и клевету, любить свое отечество и государя.

Я сими добродетелми побужден и, желая в чем-нибудь быть полезен отечеству своему, потшался хотя весьма несовершенную копию ему в его языке представить, дабы, когда мы ползуемся бездушными произведениями климата Франции, могли бы также иметь ползу разуместь в отеческом своем языке и творении сих великих людей, о которых можно сказать, что Бох, милуя род человеческой, на землю посылает, чтоб Его иль изустными наставлениями иль чрез писании Свои к действительному пути щастия направить.

Что ж касается до некоторых наставлений, так как о новом сочинении чинов и прочее, которые по несходству наших прав и обычаев может быть чужды покажутся, я не уповаю в оном иметь причину себя и творца сей книги оправдывать, ибо он писал сходственно с обычаями той земли, где он жил, а я толь драгоценно почитаю, все, что он писал, что за преступление бы себе почел что-нибудь прибавить иль отметить, и так имею токмо тем заключить, что я старался без перемен и прибавлений труд господина Ламота Фенелона тебе предложить и желаю, чтобы чтение тебе оной не на одно утешение сократилось, но и действительному поправлению твоих нравов.

ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм117. Л 2–2 об.

Комментарий

«Предисловие» публикуется по рукописи-автографу князя М.М. Щербатова. Согласно титульному листу, работа над ней была завершена в 1758 г.¹ Сочинение Ф. Фенелона, которое перевел Щербатов и к которому написал публикуемое «Предисловие», было изначально предназначено для наследника французского престола Людовика, герцога Бургундского. Оригинальное название – «Examen de conscience sur les devoirs de la royauté». Его первое издание, вышедшее во Франции в 1734 г., было запрещено к продаже и практически не дошло до широкой публики. В 1747 г. под заглавием «Directions pour la conscience d'un roi» оно было издано в Лондоне, после чего получило довольно широкое распространение. Так, в 1747 и 1748 г. вышло семь изданий этого трактата².

Щербатовский перевод получил некоторое распространение. К настоящему времени известно две рукописных копии XVIII в. этого перевода. Одна из них находится в архиве семьи Воронцовых. Здесь, по сравнению с щербатовским

¹ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм117. Л. 1.

² См.: Chérel A. Fenelon au XVIIIe siècle en France (1715–1820). Geneva, 1970. P. 334–335; Shovlin J. The Political Economy of Virtue: Luxury, Patriotism, and the Origins of the French Revolution. Cornell University Press, 2006. P. 26–30.

оригиналом, нет эпитафия из Ф. Фенелона: «Et nunc reges, intelligite erudimini qui iudicatis terram» («Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли!», Псал. 2, ст. 10)³. В другой копии также отсутствует данный эпитаф⁴. Скорее всего, и у этой копии, и у копии Воронцовых был общий источник.

В 1773 г. это сочинение Фенелона под заглавием «Наставления для совести Государя» было издано в Петербурге, и перевод принадлежал не М.М. Щербатову⁵. Настоящее предисловие было впервые опубликовано С.В. Польским в 2002 г.⁶

³ ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». Эрм117. Л. 1.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36 «Воронцовы». Оп. 1. Д. 81. ОР РНБ. Ф. 487 «Михайловский Н.М.». Оп. 2. Мих201.

⁵ Фенелон Ф. Наставления для совести Государя, к научению Людовика Французского Герцога Бургонского, сочиненные Господином Франциском Солиниаком де ла Мотом Фенелоном, Архиепископом, Герцогом Камбрийским, его учителем. СПб., 1773.

⁶ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова). С. 174–176. Упомянем и предисловие к рукописному переводу «Путешествие Телемака» А.Ф. Хрущева, что опубликовано В.М. Кругловым. См.: Фенелон Ф. Похождение Телемака: Русский рукописный перевод 1724 г. / Лингвистическое издание, словоуказатель, комментарии подг. В.М. Круглов. Т. I. [Текст рукописи]. СПб., 2011.

**Предисловие
к переводу П. де Рибаденейры
«Tratado de la religión y virtudes»
[XVIII в.]**

¹...повреждая омерзелыми...² и земли примерами и поступками своими Государство, к чему и справедливость повелевает, и имение вымогает. Каждой, особливо правитель, имеет и должен быть скоро и склонен к познанию благодеяния, человеколюбия и милосердия, нежели ко учинении и воздаянию отмщения.

Награждения и платежи имеют содержать такое место у тех, которые одним правительствуют, чтоб не первенствовало и не испакостило представительство и прошения производителей, внесенные о незаслуженных, перетянутых золотом в[???]шне безстыдного лакомства.

Сквернить такое жалованье без заслуг приемлющего. Осквернено и в производителях приводит...³

.....не должно таких дел, которые следуют и принадлежат к награждению заслужоным.

Между правдивым правителем, лицемерником и тираном какие суть разности, несогласия и разделения находятся, способно усмотрется может: когда тот как всех добродетелей собственностями украшенной смотритель радбы Государство себе вверенное и народ и обогатил и яко наивышшими украсил волностями и преимуществ достоинствами, не налагая никогда никаких тягостей для своей собственной толко потребности и пожитку, к чему оной второй все свое обращает намерение и становится повсядневное старание, как бы в ынении и славе облажить подданных. Сей первый так принуждает, чтоб каждой видеть и разсудить мог, что то делает по нужде потребной Государству. Тот же второй по прихотям толко и по собств....⁴

Кто желает, дабы зборы и доходы обращались в пребывалость полезную, тот да не совокупляет с прогневанием Бога, ибо инако совокупленный чрез

¹ Первые пять строк абзаца повреждены и не читаются.

² Текст поврежден.

³ Текст поврежден.

⁴ Текст поврежден.

жалобы по неправостям делаются пожаром, обращающим в пепел все и иные собрания, яко пишет святой Григорий.

Монарху и правителю каждому надлежит, дабы в провинциях, им поверенных в ведомство от монарха вечного, неправости никакие места не имели и отягощения бедной чин трудолюбивой, которой повсядневно трудом рук своих управляет поле и прирожденными богатствы воздерживает и питает все Государство, будучи тем силою оною первенствующей. Также и чин купеческой, всем провинциям света и потребной, и полезной.

А понеже некоторой монарх и правитель не может окончать сам чрез себя дела в провинциях своих...⁵, того [р]ади д[ол]жен Губернато[ров и и]ных правителей постановить, которые бы страхом Божеским, постоянством добродетелей, мудрости и совершенства разума и свидетельством были украшены, не на собственные свои доходы, но на справедливость око мнения своего обращая, ни в чем не подозрительны, поставляли определении без смотра чести всякого последующей на чин и особы.

Но недовольно того, что таких изберет и поставит Губернаторов и протчих правителей, ежели не будет иметь прилежного смотра и чинить награждения добрым и честным, а злым и нечестным низвержения, имея данную себе от Бога верховность, ибо острота такого смотра великим есть и сильным светилником каждому Государству.

Частью главную справедливости есть, дабы каждой во всяком чине и достоинстве додерживал обещание и слово, которое тем имеет быть твердо и совершенно, чем более приближается к целости чистого мнения, ...⁶ разумения и достоверности у всех, ибо слово властительское почитается завсегда велико, а наипаче что дело до держания слова принадлежит, конечно к добродетели стремление свое приемлющей от правды, которая особливо в правителях так должна пребывать, чтоб в безпамятство при ней не впало милосердие, без которого и самая справедливость есть мучительством, ведущим часто к падению целые провинции. Противным же способом в пространство происходят и в широту границ, чрез добродетель врожденную в каждом правителе милостивом.

Мерность и воздержание есть яко вышняя красота каждому чину, а излишества непотребные и росходы ненадобные, банкеты, убранства, мерою пристойности несоглашенные, в провинции и города некоторые приводят бедность и убожество.

⁵ Поврежденный текст.

⁶ Поврежденный текст.

В каждом Государстве трудные и разные случаются дела, из которых общее добро взыскание свое приемлет. Или же бывает то и противным...⁷ ради надлежит правителю прилежное старание возиметь в получении таких советников, которые бы страхом Божеским, добродетелию, остротою, мудростию, предусмотрением будучи отовсюду украшены, умели содержать намерение склонное к добру отечества свободным словом и согласным постоянством, попадая в примету целости Государства, а не так, как говорится, чтоб толко для приватности своей попасть до вкусу, понеже попасть ко вкусу угодностию есть то собственность лицемеров и нечистого сердца людей, которых должен знать правитель каждой, ежели не хочет пропасть, отставя спасительные средства, и умереть в сладко приправленном вреде.

Сладостен весьма вред, слова и советы лукаваго советника, которые тонко в чашке лукавства обыкл подавать с покорностию.

Распознать и уметь надлежит учинить разделение между лукавцом и честным советником, чему сама толко научает мудрость и совершенное разсуждение, о котором повсядневно должен каждой молится всесилному Богу...⁸ [над]лежит правительствовать вверенными себе таланты.

Постоянное сердце, делность твердая, разсуждение быстрое и нешатающейся легкомыслностию дух издает и раждает смотрение и почтение всякое. Столь совершенно каждому, что его весьма бояться должен и сильнейший в силах неприятель.

С полученной победы, никто да не возносится делом проклятой гордости, но в покорном сердце причитать то все дателю победы, которой и провинции притом из рук в руки по воли своей дает тем, которые его горячо прошениями своими ублажают и трудов и старания добродетельных прилагать не презирают и чести его все обращают.

От несодержания договоров и истребления присяг вскоре обыкли наступать указом Божеским справедливые наказания и неисповедимые бедства.

Муд[рость] [совер]шенная, с высокостию разсуждения соединенная, открывает всякия скрытыя трудности и в далеких делах доходит знания, особливо же когда такая мудрость вкоренится в советники по уставу Божескому в силе слов Псалма 118 положенных.

Регула мудрости делает то, чтоб вдруг все старые обыкновения не истреблять, хотя есть некоторые и поношения достойны, понеже натура не снесет ниже ласково примет отмены нечаянно наступающие.

⁷ Поврежденный текст.

⁸ Поврежденный текст.

Есть много регул и примеров мудрости, которых держатся должно. Но понеже премножество възимелось написать все, и елико бы кто усиловал совершенно изчислить, более бы их по изчислении примножил. А мало бы ползы принес, ежели б прирожденного усердия недоставало, а особливо того, которое Сотворитель наш милосердо сообщать и довольно уделять обыкл тем, которые о сем горячие свои молитвы приносят, понеже всякая мудрость есть даром и благоволением от рук Его происходящая предвечных.

Делность и мужество всякое есть непобедимую крепостию слабости человечества нашего. Но лукавню учит Махиабель нечистый.

Разумение Махиабеля суть так негодно, что из него разсудительной никаким способом за честное возиметь не может.

Причина, что Махиабель на ниской степени ставит веру христианскую есть та, что как он сам, так и произведенные в его Академии нездоровым, но поврежденным смертельно смотрят зраком.

Воспитание в неге с молодых лет и в своеволстве отъемлет в каждом мужество, делность и смелость, делая пугливой дух и пугливое сердце.

Лицемерники и злые правители суть исполнителями справедливости Божеской, яко глаголет Святой Иов 30.34. Грехи то делают, что безбожной господствовать будет. А Озия дополняет 8.11: Дам тебе – глаголет – монарха гневу моего, то есть такого короля, которой тебя отяготит, изубожит и несносными обложит бедствами. Называет Господь персов балвохвалцов Своими освященными и своими Слугами, хотя их употребить к разорению Вавилона. А Исая глаголет: Ассур есть прут гневу и наказания Моего, которыми во исполнение приведу жестокость Мою.

Делность и мужество в монархах основательное, им же в честь, славу, и почтение с послушанием, собираясь от всех, на чин и на лица их восходит.

Часто Господь всемогущий и балвохвалцом давал чудесные победы для моления воинства христианского, в том же обозе бывшего.

Военному чину высочайшее надлежит почтение, ежели тот чин в добродетелях и чести и делности по надлежащему пребывает, но тако состоять не может без врожденного страху Господня, и без надлежащей карности.

Суть иные к той же материи принадлежащие околичности, в главах нижеписанных, которые здесь в собрание не написаны. Сие оканчиваю словами псаломника, Псалом 2: Приклоните ухо души вашей, о короли и все, которые пребываете на земли, в сердце ваше, властителя судом научитесь: все оное обучение состоит в том. Дабы со страхом Божиим служили, Господу благодарствуя за данную себе власть и высочество всякое. Осторожно поступайте в правительстве и должности вам поверенной, дабы

прогневанный Господь неправостию не истребил вас от земли и не повелел выключить имена ваши из книг живота, в которых суть написаны есть праведные. Нелегкомысленно поступайте с Господом, понеже так есть милосердным в добродетели, как жестоким в справедливости: в кратком времени отъемлет жизнь, и страшно поступает со владеющими землею. То ж и Соломон подтверждает, глаголя Премудрость глава 6. Слушайте монархи, и правители слушайте, и вы, судии народов: ежели услаждаетесь в престолах и скиптрах и в людях ваших, услаждайтесь ж и в мудрости, дабы ваша тверда быть могла верховность завсегда. Любите светлость мудрости все, которые владеете странами, и окончиваете судейства повелением вашим. Сия мудрость такая имеется, которой к тому требует Дух Святый, свыше послушания в вере христианской, и в церкви ее заключенной, а не иной уменности свыше услаждения в добродетелях совершенных. О сем тот, которой сию книгу по полски написал, от автора приемля гишпанского пером полским, а я перевел на российской язык, к чтению читателю благолюбивому, российским пером.

ОР РНБ. Ф. 775 «Титов А.А. Собрание». Тит4991. Л. 1–6 об.

Комментарий

Сохранность рукописи перевода неполная. Согласно оригинальной постраничной пагинации, отсутствуют начальные две страницы, то есть самый первый – титульный – лист, на котором должно было быть указано название переведенного произведения. У первых сохранившихся четырех листов рукописи повреждены верхние части, из-за чего некоторые фрагменты текста невозможно воспроизвести. Перевод обрывается словами «Римляне в то время, когда их Государство процветало, имели в городах своих на жалованье»⁹, т.е. последняя часть рукописи также не сохранилась. Точная дата создания рукописи также неизвестна. На основании скорописи можно только с уверенностью утверждать, что она была создана в XVIII в.

Переведенное сочинение, по-видимому – это произведение «*Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan*», автором которого был испанский историк и богослов, иезуит Педро де Рибаденейра¹⁰. Тратат

⁹ ОР РНБ. Ф. 775 «Титов А.А. Собрание». Тит4991. Л. 213 об.

¹⁰ Truman R. Spanish Treatises on Government, Society and Religion in the Time of Philip II. The 'De Regimine Principum' and Associated Traditions. Boston; Leiden; Köln, 1999. P. 277–314; Howad K. The Reception of Machiavelli in Early Modern Spain. Woolbridge, 2014. P. 83–95.

Рибаденейры, впервые изданный в Мадриде в 1595 г., был одним из важнейших трудов испанской традиции антимакиавеллизма. Выявленный нами русский перевод прерывается, по-видимому, в середине 43-й главы 2-й книги трактата, носившей название «О добродетелях»: в оригинале фраза говорит о том, что римляне содержали на жаловании учителей: «Los Romanos, mientras que floreció su Republica, tenían Maestros salariados, que enseña sen a los mozos estos y otros semejantes exercicios, y aquella arte que llaman Gymnástica, tan alabada de Platón»¹¹.

О существовании других переводов трактата Рибаденейры на русский язык нам неизвестно. Несмотря на то, что многие испанские антимакиавеллисты – Б. Грасиан-и-Моралес, А. Гевара, Д. Сааведра Фахардо – издавались в России на протяжении XVIII в.¹², «Tratado de la religión y virtudes» на русском языке не выходил.

Впрочем, антимакиавеллистские тексты циркулировали и в рукописях. Так, известны переводы трактатов Ф. Сериоля «El Concejo, y consejeros del príncipe» (1559) и Д. Сааведры Фахардо «Idea de un Príncipe Político Christiano representada en cien empresas» (1640), хранившиеся в библиотеке князя Д.М. Голицына¹³.

Наличие перевода трактата Рибаденейры позволяет подтвердить вывод о том, что антимакиавеллистская католическая традиция в России XVIII в. была достаточно влиятельной и привлекала внимание переводчиков. Антимакиавеллизм в России еще ждет своего внимательного и глубокого изучения.

¹¹ Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan. Madrid, 1758. P. 528.

¹² См. подробно в главе 1 настоящей книги.

¹³ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына. С. 242–243.

**Краткое руководство к Российским правам
[1755]
[Избранные фрагменты]**

[КНИГА ПЕРВАЯ]

ПЕРВАЯ И ОБЩАЯ ЧАСТЬ

**О правах и о законах вообще, также о юриспруденции
и о главнейших правилах при толковании
и употреблении прав и законов наблюдаемых**

Глава первая

О правах и законах вообще

§ 1

Слово право вообще значит сходство всякого морального или свободного действия со всеобщим человеческим сохранением и благополучием. И в том разуме есть то ж, что сходство онаго действия с законами.

Оно приемлется также иногда за содержание и силу законов, а иногда токмо за законную волность, или власть в предприятии или в оставлении какого дела по законам.

§ 2

Чрез слово закон разумеются в собственном знаменовании те правила, которыя людям, в обществе живущим, чрез главу того общества даются или надлежащим образом объявляются, чтоб по ним располагать и вершить все их дела так, чтоб оныя со всеобщим сохранением и благополучием согласны были.

Того ради, когда законы нечто повелевают или запрещают, соединены с некоторою силою, которая тех, кому они даны, надлежащими к тому способами обязует по оным исполнять.

§ 3

Из сего явствует, что все собственно так названные законы принадлежат до каково-нибудь общества, в котором есть глава и члены.

§ 4

Чрез главу разумеется тот, кто имеет законную власть над прочими к обществу принадлежащими и, следовательно, имеет не токмо право править ими по своей воле, но и потребную при том силу принуждать непокоряющихся к должному их послушанию.

§ 5

Под членами содержатся все для своего сохранения и благополучия в обществе пребывающие, которые по законной подданности повинны быть послушными главе общества.

§ 6

Общества, в которых законы даются, бывают двоякия, ибо как люди находятся в таком натуральном состоянии, что без взаимной помощи ни содержать себя, а меньше того благополучными быть могут, то из сего происходит между ими необходимой некоторой союз, которой называется натуральным обществом, из котораго ни один человек исключен быть не может.

Но понеже в сем обществе все люди между собою равны, то нет в нем ни какой другой главы, кроме самого Бога, которой по безконечной своей премудрости и всемогуществу мощен и властен управлять людей наисовершеннейшим образом.

А чтоб людям можно было тем крепче содержать натуральной их союз, и тем сильне себя оборонять противу нарушителей всеобщего покоя, то добровольно учредили они между собою такие общества, которые гражданскими называются.

В сих обществах вместо Бога либо единственная какая особа власть имеет править подданными, либо сию власть имеют многие люди из самих членов общества. В первом случае общества именуются монархиями, в которых самодержцы иногда одним токмо Законам Божиим, а иногда и публичным некоторым правам следовать обязаны. В последнем называются оныя республиками и разделяются на аристократию, где выше показанная власть некоторому числу знатнейших людей поручена, и на демократию, где весь народ о делах к своему содержанию и благополучию касающихся сам рассуждает и повелевает.

§ 7

Что касается до обрасца или способа, как законы членам общества объявляются, то больше не требуется, как токмо чтоб оные были вразумительны тем, которые их исполнять должны. Однако ж сие подлинно, что нет на то лутчаго средства, кроме письма и печати.

§ 8

Дела, до которых законы касаются, зависят от нашей свободной воли, и для того нам причтены быть могут по справедливости, чего ради ни одного человека не можно судить по законам в таких делах, которые от внешних причин или от независящих от своей воли происходят, куда причисляются не токмо некоторые душевные и телесныя слабости, какия суть малолетство, безумство, пьянство, но и крайняя нужда или основательной страх, несправедливое принуждение и неповинное неведение или заблуждение, о чем в нравоучении точнее объявляется.

§ 9

Причина законов, которая состоит во всеобщем содержании и благополучии общества, есть при том истинным основанием и источником, откуда все законы производить должно.

По тому определения, которые касаются до собственной пользы некоторых людей в обществе живущих, обыкновенно называют привилегиями или жалованными грамотами.

§ 10

Но самые полезнейшие законы были бы отнюдь не сильны и недействительны, ежели б оные соединены не были с некоторою силою, которая именуется обязательством и бывает двоякая.

Ежели сие обстоятельство происходит от довольнаго познания добра, которое законы повелевают, или зла, кое оные запрещают, что называется оно внутренним и является чрез совесть, от которой рождается в нас внутренняя радость и удовольствие, когда мы бываем удовлетворены, что мы исполнили то, что законы повелевают, в противном же случае внутреннюю печаль и беспокойство, чего для и сама совесть доброю или злою называется.

Понеже такое обязательство в безбожном многократно теряет свою силу, то за необходимую нужду признано, чтоб законы внешнем побуждающим средством произвесть в действо, и для того, когда они что повелевают или запрещают, присоединены бывают строгия угрожения и наказания, а от сего происходи внешнее обязательство.

Хотя же и кажется, будто награждения имеют такую ж силу и действие, как и наказания, однако надлежит примечать, что: 1) такая награждения в рассуждении многих людей силы довольной не имеют; 2) в рассуждении способов, которыми награждения производятся, не возможно оныя столь умножать и разпространять, как наказания.

Не меньше того глава общества волен, смотря по обстоятельствам, соединить награждения с наказаниями, дабы законам тем больше силы придать.

Глава вторая О различии прав и законов

§ 1

Хотя все права и законы имеют по себе самым одинаковое состояние, однако, несмотря на то, различаются они отчасти законодавцем, отчасти делами, до которых оные касаются, а отчасти и образом, как оные объявляемы бывают.

§ 2

Выше уже показано, что все общества управляются двоякими главами, а хотя натуральному обществу Бог дал Сам нужные законы, однако к тому употребил самую человеческую натуру, то есть данную всякому человеку силу и способность, каким образом познать то, что собственной каждого пользе и всеобщему сохранению и благополучию рода человеческого прилично. Способность же оная состоит не в одном в получаемом чрез искусство и разум познания, но наипаче и во природной склонности к добру и в отвращении зла, чего ради и содержание тех законов натуральным правом называется.

Сие ж право именуется и всенародным либо потому, что оно есть общее всем людям, либо для того, что целые народы в обхождении между собою в решении происходящих ссор принимают его за правило, не имея никакова другого, по которому дела их могли быть располагаемы.

В гражданских обществах одному токмо иудейскому народу Бог дал сам писменные законы, из которых христианские государи приняли те, кои состоянию их земель и народов были приличными.

А понеже как Спаситель наши и Исус Христос, так и святые апостолы и святые отцы между правилами, к вечному блаженству принадлежащими, научили и таким, которые при том временному благополучию приличны, то оные еще причисляются к законам Божеским, которые в правоверных государствах исполнять должно.

Все прочия права и законы, которые в гражданских обществах находятся и чрез главы оных даются, человеческими или гражданскими называются.

§ 3

Для показания различия прав и законов, которое происходит от дел, до коих оные касаются, надлежит смотреть на разные роды сих дел.

Все же те дела можно включить в два рода. К первому принадлежат такие, которые касаются непосредственно до пользы всего государства, или главы оного, и сии дела называются государственными. К второму надлежат дела, которые касаются непосредственно до собственной пользы каждого члена

обществ и именуются земскими или народными. На сем основании утверждается различие между правами, которыя можно равномерно называть государственными и земскими или народными.

Оба рода дел обыкновенно еще ж разделяются на духовныя и светския. И хотя сие различие само в себе не без основания, однак ж должно употреблять при том великую осторожность и не думать, что оныя единственно главою общества управляемы быть не могут или двоякие и одного от другаго не зависящия правительства в государстве к тому требуются, из чего довольно явствует, в чем состоит и какие пределы имеет разделение прав на духовныя или церковныя и светския, которыя по тому, как у жидов, греков и римлян, так и всем государстве весьма разумно соединены были.

§ 4

Осталось еще упомянуть о разделении прав и законов, которое происходит от обрасца их объявления.

Выше уже показано, что лучшей образ сего объявления состоит в письме или печати. Того ради хотя законы в древнейшия времена у тех народов, которые письма не знали, токмо словесно даваны, однако ж ныне во всех добропорядочных государствах на письме и в книгах сообщаются.

Надлежит токмо примечать, что и в самых судных местах некоторыя обыкновения за действительные законы почитаются для того, что оныя не токмо государственной пользе приличны, но притом и самими главами общества чрез то издревле известным образом произведены и продолжаемы были, позволяются, и в рассуждении того законами неписанными называются.

Глава третья О правах и законах сея Империи

§ 1

Из вышепоказанных общих понятий о правах и законах следует, что никакое общество без оных обойтись не может, а хотя оныя со всем согласны быть имеют в том, что принадлежит к необходимым их свойствам, однако ж при том явно, что состояние и нравы разных в свете земель и народов требуют различных некоторым образом средств к поспешствованию их сохранения и благополучия, чего ради и каждое государство имеет особливые свои права и законы, из коих те, которыя в знатнейших монархиях и республиках в древния времена находились и ныне находятся, довольно известно.

§ 2

Того ради нет ни малейшей притчины сомневаться, что сие государство во все времена, когда процветало, а наипаче при державе первых из Российскаго народа избранных великих князей, при которых Россия пришла в большую власть и силу, не снабдено было полезными законами. Но из сих законов остались токмо те, которые в заключенные великими князьями Олегом и Игорем с греческими царями в 912 и 945 годах мирные договоры внесены и сохранены Российскими летописцами.

§ 3

Напротив того, данная великим князем Ярославом в 1017 или 1020 году новгородцам судная грамота, также и сочиненные в 1550 году при державе царя и великаго князя Иоанна Васильевича судебник и церковной устав, от числа глав названной стоглав, в целости еще находятся.

§ 4

Но понеже при последующих государях многие из прежних законов отчасти не употребительными зделались и отчасти пришли вовсе в забвение, и вместо оных состоялись разные великих государей указы и боярские приговоры, то блаженные и вечнодостоиня памяти государь царь и великий князь Алексей Михайлович повелел оные с старинными судебниками справить и собрать в сочиненное в 1649 году соборное уложение, которое и поныне должно почитать за основание всех до сего бывших в употреблении Российских прав, потому что именно указано¹ всякаго чина судьям дела делать и вершить по уложению и по тем указам, которые в пополнение, а не в противность уложению приемлются, а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в уложении нимало не упомянуто.

§ 5

Что касается до нынешних прав сея Империи, то известно, что при последующих достойнейших государях, а особливо при державах блаженные и вечнодостоиня памяти государя императора Петра Великаго, блаженные и вечнодостоиня памяти государыни императрицы Екатерины Алексеевны, блаженные и вечнодостоиня памяти государя императора Петра Втораго, блаженные и вечнодостоиня памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, а наипаче при державе всепресветлейшия ныне благополучно и достославно владеющия Ея Величества императрицы Елисаветы Петровны, наша всемилостивейшия государыни, немалое число указов, уставов и инструкций о государственных и земских делах состоялось, из которых

¹ См. указ о вершении дел июня 15 дня 1714 году, также о судах и челобитчиках мая 4 дня 1720 году. (Примеч. автора).

прежняя не напечатаны и новоуказными статьями именуются, а с 1714 года по имянному указу² напечатаны и в народ изданы.

§ 6

При том должно упомянуть, что высокоумудрый монарх Петр Великий для поспешествования и облехчения в знании прав сея Империи указал³ в канцеляриях земских дел изо всех повытей и столов канцеляристом везде обыскав Его Величества государя указы из записных книг, из дел, вершенных прошлых лет до 1720 году, и те все указы, которые учинены в пополнение уложению или в противность, буде о чем нимало в уложении не упомянуто, и прочие, помеченные именными, указы и полатными вершении и примерныя дела и что кому учинено не в образец, в которых по свидетельству самим судьям подписать с подлинною очискою, по указу особо одно улаженные, а согласные ему указы все порознь с главными реэстрами и нумеры, чтоб можно усмотреть сходство и несходство, и затем всем канцеляристом подписать, что уже иных нигде никаких указов не осталось. И сие полезное сочинение под титулом своднаго уложения приведено в совершенство и сообщено всем государственным коллегиям.

§ 7

В прочем надлежит еще примечать, что не токмо блаженные и вечнодостойная памяти государь царь и великий князь Алексей Михайлович указал⁴, которые статьи написаны в правилах святых отец и в гражданских законах греческих царей и пристоцны к государственным и земским делам, те бы статьи выписать, но и разныя церковныя дела по тем же правилам и законам поныне вершатся. Того ради оныя по имянному великого государя указу переведены с греческаго языка и напечатаны в так называемой кормчей книге, которая издана в народ в Москве в 1653 году⁵.

Глава четвертая

О юриспруденции и о способах, как основательно оной научиться

§ 1

Хотя все права и законы должны быть такого состояния, чтоб те, кому оные даются, могли довольно их разуметь и употреблять, однако ж не меньше того известно, что многие законы столь кратки, темны и сумнительны, что

² См. указы о печатании и о продаже в народ указов марта 16 дня 1714, августа 13 дня 1714, ноября 12 дня 1723 и марта 11 дня 1724 годов. (Примеч. автора).

³ См. имянной указ февраля 22 дня 1720 году. (Примеч. автора).

⁴ См. предислов. улож. (Примеч. автора).

⁵ В оригинале: 1753.

требуют основательного изъяснения, от чего явна бывает польза юриспруденции, то есть той науки, которая учит нас как права и законы точно разумыть и употреблять в делах, до которых оные касаются.

§ 2

А хотя прилежное чтение и исследование самых прав и законов, которым мы намерены научиться, к знанию их необходимо нужно, однако и то без сумненно, что не токмо некоторые другия науки, но наипаче и те правила, которые при толковании и употреблении оных наблюдать должно юриспруденции отменную помощь и пользу приносят.

§ 3

Что касается до тех наук, которые юриспруденции помогают, то оныя состоят наипаче либо в тех частях философии, по которым познаем мы силы человеческого разума и воли, то есть в логике и в нравоучении, которое заключает в себе натуральное право и политику, либо в той части истории, по которой нам известно бывает не токмо состояние и нравы тех земель и народов, которым права и законы даются, но и самое сих начало и причины с разными их переменами, либо в совершенном знании языков, на которых оные написаны.

А как здесь места нет пространнее предлагать о таких материях, которые собственно принадлежат к другим наукам, то довольно будет точнее упомянуть о вышепоказанных правилах, поколику оныя к основательному познанию прав сея Империи полезными быть могут.

Глава пятая

О главнейших правилах, при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых

§ 1

Между общими правилами, которые при толковании и употреблении прав и законов наблюдать должно, достойны следующие наибольшего примечания.

§ 2

Понеже каждым законом должно показать и определить то, что членам общества для своего сохранения и благополучия делать или оставлять, что следует из сего, что в законе, которой сего имени достоин, не может содержаться ничего противного натуральной справедливости. Однако надобно примечать, что иногда для общей пользы общее зло должно отвращать меньшим, а сие того ради по законам дозволено быть может, потому и тех

законов, которые нечто строгое или неприятное в себе содержат, не должно почитать за противные натуральному праву, когда сия строгость необходимо нужна, и когда от намерения и действия закона отделена быть не может, напр., когда после прошедших указных лет не позволяется судом искать своего имения.

§ 3

Понеже то, что по натуральному праву каждому дозволяется, в некоторых случаях столь далеко простирается, что оное с учреждением гражданских обществ состоять не может, напр., что каждой волен самому себе расправу чинить, то законы, которые то в надлежащие пределы заключают, не токмо справедливы, но и необходимо нужны. Однако как скоро приключатся такие обстоятельства, при которых члены общества ожидаемой от оного пользы получить не могут, то употребление натуральной их вольности дозволяется, напр., оборонять себя против разбойника или убить ночного вора.

§ 4

Понеже состояние и действие всякого дела зависит от обстоятельств, а сии очень переменны бывают, то при толковании и употреблении всех законов надлежит особливо принять в рассуждение обстоятельства, которые к изданию их причиною были, ибо сила их от того во все зависит, когда, напр., в военные времена запрещается с неприятельскими землями и подданными иметь сообщение, то явно, что такой закон по вступлению мира силу свою теряет.

§ 5

Чтоб закон силу и действие свое иметь мог, то должно разуметь, что оной надлежащим образом объявлен, а на том утверждается и правило, что никто неведением законов отговариваться не может. Однако надлежит смотреть на случающиеся при таком неведении чрезвычайныя обстоятельства: того ради с природы глухова или безумнова человека ни по каким гражданским законам судить не можно.

§ 6

Из сего же основания следует, что законы до тех пор силы не имеют, пока они надлежащим образом не объявлены. Того ради и те дела, которые по издании новых законов еще не вершены, не по новым, но по старым решить должно, разве в тех делах, о которых законы ничево еще не определили, а сие при том именно дозволяется или повелевается. Так, напр., Правительствующий Сенат приказал⁶ данным до вексельного уставу векселям довольствие чинить.

⁶ См. указ декабря 8 дня 1737 году (Примеч. автора).

§ 7

Понеже воля законодавца есть якобы существо закона, то видно, что при законах не слов держатся, но наипаче настоящей их смысл и намерение в рассуждение принимать и слова, которая повидимому с ними не сходятся, по тому толковать должно. Того ради тот, кто в противном намерения законов поступает или слова онаго так толкует, что оныя тому противны, почитается за преступника законов, как тот, кто законы явно презирует и преступает, чего для и особливими указами⁷ определено, какую предосторожность надобно употреблять при таком толковании.

§ 8

Когда в каком законе нечто выпущено, что от оного не отделено, или без того по оному исполнять не можно, то надлежит выпущенное разумными заключениями дополнять и силу закона распространять к тому, что с ним имеет сходство или соединение. Напр., ежели какой закон повелевает нечто, не назначая потребных средств, по которым оное в действие произвести можно.

§ 9

Когда два закона будут между собою так противны, что одним дозволяется или повелевается тож, что другим запрещается или то, что в другом законе известным образом постановляется, иным образом определяется, то должно наипаче смотреть на время, в которое оба закона даны, ибо в таком случае последним законом первой отменяется и лишается всей своей силы⁸.

§ 10

Все законы имеют свою силу и действие до тех пор, пока законодавец оные переменит или вовсе отставит. Сия перемена или отмена бывает либо имянным повелением, либо изданием таких новых законов, которые с прежними состоять не могут, или произведением их в действо чрез долгое время, так что довольная будет причина думать, что то учинено не без ведома и воли главы общества.

§ 11

В прочем как сила и действие всех в обществе находящихся прав и законов при всех тех делах показываются, к чему они приличны, то в случае таких дел, о которых особливые законы не состоялись, можно употреблять вместо законы о подобных делах данные. При том довольное токмо предусмотрение

⁷ См. указ о хранении прав гражданских апреля 17 дня 1722 году, так же генеральной регламент в гл. 4. (Примеч. автора).

⁸ См. указ о указах, выходящих в вечное определение марта 11 дня 1724 году. (Примеч. автора).

требуется, дабы явно было, что те законы с делами, о которых именно не упоминают, всемерно сходны и не основаны на различных причинах и обстоятельствах. По тому в сей Империи позволяется военные или морские уставы применять к таким земским делам, которым оные точно приличествуют.

§ 12

Равномерно для недостатка законов в некоторых государствах берутся на помощь чужия права и законы. Но понеже оные по большей части с состоянием и собственными правами государств не сходствует, того ради без важных причин, а при том без имянного повеления государева употребление таких законов дозволенным быть не долженствует, что и учинено в сем государстве в рассуждении гражданских законов греческих царей.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

О правах, касающихся до персон

Глава первая

О персонах и о различии их вообще

§ 1

Чрез персону разумеется каждой человек в обществе гражданском, которой правам и законам того общества подвержен.

§ 2

Все в обществе находящиеся персоны, которыхы общия права и должности имеют, приватными называются.

Напротив того, такая, которая от главы общества употребляется к правлению государственных дел, поколику они те дела отправляют и затем надлежащая к тому должности имеют, именуются публичными.

Но понеже о сих персонах в народных правах ничего не определяется, то надлежит здесь током объявить о тех приватных персонах, для которых упомянутыя права состоялись.

§ 3

При сих персонах должно смотреть не токмо на некоторыя персональные их свойства, но при том и на те партикулярныя союзы, откуда особливая между ими права и должности рождаются.

§ 4

Вышеозначенныя персональные свойства происходят как из различия пола, лет и состояния душевного и телесного, так и из рождения, отечества или жительства и чести, ибо гражданския права в некоторых случаях различают

персон мужеского полу от персон женского полу, малолетних от пришедших в совершенной возраст, безумных или дураков от разумных⁹, законно-рожденных от незаконнорожденных, также и¹⁰ природных или домашних от чужестранных, и честных людей¹¹ от нечестных или¹² шелмованных.

Но понеже такие определения, которые в рассуждении тех различий учинены должно почитать токмо за изъятия от общих прав, то наиспособнейше можно сообщить их при тех делах, в которых оныя особливо наблюдаемы бывают.

§ 5

К вышепомянутым партикулярным союзам принадлежат не токмо те, которые к временному благополучию человеческому полезны, как, напр., супружество и фамилия, также и волность и рабство, но и духовныя собрания, которых в христианских государствах для лучшего отправления службы Божией состоялись.

А о тех союзах, так же и о различных в оных обретающихся персонах надлежит здесь точнее объявить.

Глава пятая

О волных и неволных людях¹³

§ 1

Разность, которая является между людьми как в натуральном их состоянии, так и в имении, которое себе получили, была причиною, что убогие для своего содержания начали прибегать к сильным людям, и оным же к вспоможению и услуге самих себя подвергнули, откуда восприял свое начало чин господ и рабов или волных и неволных людей.

Сверх того и войны подали случай к особливому роду рабства, потому что победители по воинским правам принудили побежденных и животом дарованных быть в неволе под их властью.

Из сего довольно явствует, что рабство само по себе не противно ни натуральной справедливости, ниже христианству, ибо хотя люди как по своей натуре, то есть по естественному человеческому состоянию, так и по духовному своему соединению со Христом между собою равны, однако ж сие равенство никакого согласия не имеет с наружными их обстоятельствами

⁹ После «разумных» зачеркнуто: и честных людей от нечестных или шелмованных.

¹⁰ Вставка на поле справа.

¹¹ Надписано сверху.

¹² Надписано сверху.

¹³ Глава публикуется частично.

и не уничтожает такого подчинения, которое невольным людям нужно и полезно.

Того ради Российския права заключали рабство приличные токмо государственной пользе пределы и затем немалой похвалы достойны.

§ 2

Под волными людьми по упомянутым правам содержатся дворяне или те, которые в службе Ея Императорскаго величества обретаются или те из граждан, которые от другого подлога гражданства привилегиями и преимуществы суть отменены¹⁴, такожде и духовнаго чина особы¹⁵, да иноземцы разных наций, восприявших веру греческаго исповедания¹⁶.

Но понеже тех персон и преимущества и должности являются или в государственной службе или в общих народных делах, то не нужно будет об оных здесь пространнее объявить.

§ 3

Что касается до невольных людей, то к оным причисляются не токмо холопыя и крестьяня и другие задворные и деловые люди, также и те однодворцы и прочие прежних служб служилые люди, которые написаны в подушной оклад, но и посадские тяглые люди.

КНИГА ВТОРАЯ О ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

О должностях, касающихся до Императорскаго величества

Глава первая

О присяжной должности¹⁷

§ 1

Понеже живущие с начала в натуральном обществе люди для опасности, которую худое употребление безпредельной вольности в оном причиняла, принуждены были оное оставить и вступить в гражданския общества, то нимало не сумнительно, что они природную свою волность поручили таким

¹⁴ См. указ ноября 16 дня 1737 году и инструкцию посланным для учинения вновь ревизии в 18 пункте. (Примеч. автора).

¹⁵ См. регл. главного магистрата, данной генваря 16 дня 1721 году. (Примеч. автора).

¹⁶ См. улож. в гл. 19 ст. 3. и ниже сего 6. (Примеч. автора).

¹⁷ Глава публикуется частично.

только персонам, и следовательно им самим себя покорились, о которых совершенно уверены были, что чем больше их подданство и послушание, тем спокойнее и благополучнее будет и утвержденное на том правительство.

Из сего видеть можно, что первые и древнейшие владетели получили такую власть над своими подданными, которая не только единственной особе поручена была, но и не имела никаких других пределов, как которые натуральная справедливость и подлинное ее намерение ей положили, потому что каждой подданной мог ожидать от того полезнейших ему самому следствий, а такая власть названа для того монархией, то есть единоначалием или самодержавием.

И так долговременность монаршеского владения в государстве должно по справедливости почитать за великую Божескую милость и за особое преимущество и Божеский промысл, тем наипаче прославлять должно, что самодержавная власть, которую Российские государи имели с начала Российского государства до благополучных времен, как Ее величество ныне достославно владеющая императрица и самодержица Елисавет Первая, наша всемилостивейшая государыня, на престол вступила, почти чрез тысячу лет¹⁸ непременно осталась, и тем же власть и слава Российской Империи отчасу больше умножилась.

§ 2

А хотя как подлинно состоянию монархии, так и содержанию покоя и благополучия подданных пристойно, что потребные от народа своим государям должности всегда в равной и совершенной силе пребывают, и для того при наследствах не надобно никакого нового обещания, однако ж государи во многих благоучрежденных государствах полезно признали, что б для большого уверения о верности и послушании своих подданных требовать от них клятвенного обещания. И так сие за первую должность подданных к своим главам и за основание всех государевых служб почитать должно.

Глава вторая

О титулах императорского величества¹⁹

§ 1

Государи изъявляют свету высочайшую свою власть и достоинство титулом, которым оныя изобразить могут наипристойнейше, и которой они для того себе прилагают или от других принимают.

¹⁸ Первому Российскому Князю Рюрику поручено владение вольным избранием новгородцов в 862 году. (Примеч. автора).

¹⁹ Глава публикуется частично.

И понеже они сим титулом получают себе особливое преимущество и право в рассуждении употребительнаго между великими государями церемониала, то надлежит также к знатнейшим должностям и почтению, какое подданные своим главам должны, что дают им надлежащие титулы.

§ 2

И понеже Российские государи имеющуюся над своими подданными власть и достоинство всегда изъявляли принятием того титула, какой почитался за знатнейшей и высочайшей, то неможно нимало дивится, что они титул свой в долговременности, в какой Российское государство процветало, несколько раз переменили.

Ибо нимало нисумнительно, что титул великий князь во времена первых Российских государей значило высочайшее достоинство между великими государями. Сие слово, которое из употребляемого от древних славенских народов слова кунигас *составлено*²⁰ и свойственно значило *государь*²¹, в самом деле не разнится от находящагося во всех прочих северных языках слова кониг или куниг, то есть король, и так имело оное прежде тоже знаменование, какое имеет еще ныне в помянутых языках²².

Тож *учинилось*²³ и с царским титулом, которой великий князь Иван Васильевич для того принять за благо рассудил, что славенские народы *римских и*²⁴ греческих императоров, и на подобие их и древнейших самодержцов царями называли, по чем и княжеский титул, кой при том не токмо царскому чаду, но и некоторым чужестранным знатым фамилиям приложен, прежнее свое преимущество мало по малу потеряло²⁵. Напротив же того, слово царь, которое произошло из латинского слова цезарь или кесарь и, следовательно, имело с оным одинакое знаменование, и ныне еще в немецком языке значит императорское достоинство.

²⁰ Надписано над зачеркнутым: сделано.

²¹ Исправлено с: господа.

²² Для того и в старых северных историях Российские государи всегда королями называются. (Примеч. автора).

²³ Надписано над зачеркнутым: делается.

²⁴ Надписано сверху.

²⁵ Какое различие производит часть перемененное употребление слов в титулах, то сверх вышеобъявленных можно видеть из славенского слова воевода и немецкаго герцог, которое с оным имеет одинакое знаменование, ибо оба значат вождя воинов. Как слово воевода, которое прежде у славенских народов не токмо военачальникам, но и государям, которые собственными землями владели, прилагалось, ныне в России значит нижних судей в провинциях и городах, напротив того, в Немецкой земле слово герцог, которое прежде значило токмо военачальника императоров и других Европейских государей, придается в титул владетелям великих земель. (Примеч. автора).

И как знаменование сего слова иностранным народам известно, то блаженные и вечнодостойная памяти государь император Петр Великий, возведе силу и славу Российской Империи на высочайший степень, благоволил в 1721 году титул императора Всероссийского по всеподданнейшему прошению всего народа российского принять, которой достохвалным его величества антецессором от славнейшаго императора Римскаго Максимилиана и других государей от нескольких сот лет уже приложен и ныне ²⁶не дается никаким *христианским*²⁷ государям, кроме Римскаго и Российскаго монархов.

Глава третья О челобитчиках²⁸

§ 1

Сила и действие *верховой*²⁹ власти в гражданском обществе состоит в том, что как в человеческом теле движение и содержание всех членов во первых зависит от головы, так и правление *всех*³⁰ гражданских дел³¹ утверждается на государе якобы главе онаго, чего ради такие дела не токмо учрежденными от государей правами и законами в надлежащей порядок приводятся и в оном содержатся, но и в *тех*³² случаях, когда подданным правам противная обида и утеснение чинятся, каждой имеет прибежище к своему государю, и от его помощи и защищения просить может.

§ 2

Но понеже важность и множество дел, которыми обременены государи, стараясь о всеобщем благополучии и отвращая всякой государству нележащей вред и опасность, препятствует им те дела одним токмо исправлять, то они запотребно рассудили ко отправлению государственных дел определить не токмо знатных и искусных министров и служителей, но и учредить разные коллегии и судные места, где такие дела по государственным правам отправляются.

²⁶ Зачеркнуто: в Европе.

²⁷ Вставка на поле справа.

²⁸ Глава публикуется частично.

²⁹ Исправлено с: вышней.

³⁰ Вставка на поле справа.

³¹ Зачеркнуто: и исполнение всего того, что касается к общему благополучию в государстве.

³² Написано сверху.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Об отправлении государственных дел в разных коллегиях,
канцеляриях, канторах и протчих судебных местах Российской империи
и о принадлежащих туда генеральных должностях,
также и о прокурорском чине

Глава первая

О множестве и разности государственных дел,
и об отправлении оных в разных коллегиях
и протчих судебных местах сея Империи

§ I

Чем больше пространство земель и число подданных, которые надлежат гражданским обществам, тем многочисленнее и происходящая при правлении их дела и, следовательно, тем тяжелее соединенные с правительством труды. Чего ради градоначальники и государи побуждены быть стали употреблять в свою помощь услуги других людей к тому способных.

И понеже вышеозначенные дела столь много между собою различны, что почти каждой из них требует к исправлению онаго некоего особливаго искусства, то и потребно было при определении государственных учителей смотреть не токмо на множество отправляемых ими дел, но притом и на различие оных.

§ II

А дабы те же служители государственных дела с лучшим порядком и прилежанием и без страсти и коварства исправлять могли, то учреждены разные собрания, которые называются в сем государстве коллегии, канцелярии, канторы, консистории и приказы, в коих президенты, вице-президенты, советники, ассесоры и протчие принадлежащие к тому члены и приказные служители, которые в определенных к тому местах сидение свое имеют.

§ III

Для утверждения же помянутых учреждений и для предписания им надлежащих пределов сочинен не токмо Генерал-Регламент, но и разные особливые уставы, наказы, инструкции и указы, в которых ясно изображены приличные тому должности.

И того ради, что б с способнейшем порядке предложить о тех должностях, то пристойно будет начинать о тех, которые касаются до обретающихся во всех государственных коллегиях и прочих судебных местах вышних и нижних служителей.

СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 154. Л. 2–28, 78–80. Д. 153. Л. 2–3 об., 6 об.–8 об., 12–12 об., 33–35 об.

Комментарий

Работа над данным сочинением, публикуемым здесь частично, была завершена к 1755 г.³³, после чего 23 мая две книги «Краткого руководства к Российским правам» были помещены «в канцелярской архив для сохранения»³⁴. Хотя по распоряжению от 1 марта 1751 г. от Штрубе требовалось подавать в Канцелярию Академии наук «того его сочинения переведенныя на российской язык тетради со всеми уже приполнениями так исправныя, чтоб хотя в печать с того издавать можно было, которыя б ему назад к себе конечно б уже не отбирать»³⁵, отнюдь не весь текст этих двух книг был оформлен должным образом.

Работа над этой рукописью должна была проходить в несколько этапов. Штрубе передавал переводчику В.И. Лебедеву свой текст для перевода. Он его переводил и отправлял Штрубе. Последний вносил в этот перевод соответствующие правки. После этого получался текст, который должен был быть переписан набело для итогового варианта книги, то есть текст проходил процедуру двойного переписывания.

Как можно судить по внешнему виду рукописи, так была подготовлена первая книга. Впрочем, в ее текст были внесены некоторые незначительные правки. Определенное исключение в первой книге составляет 5 пункт 8 параграфа гл. 10 «О разделении имения»: он был полностью переделан, при этом новый текст был написан на полях беловика³⁶.

Что же до второй книги, то она уступала по степени своей готовности первой. Судя по ее оформлению, можно сделать вывод, что при ее изготовлении спешили, из-за чего при создании ряда глав было пропущено финальное беловое переписывание после правок перевода. Можно утверждать, что процедуру двойного переписывания из второй книги прошла только четвертая часть «О правах, касающихся до суда»³⁷.

В итоговом виде «Краткое руководство» получило следующую структуру³⁸:

[Кн. I]

Первая и общая часть

О правах и о законах вообще, также о юриспруденции и о главнейших правилах при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых.

Гл. 1. О правах и законах вообще.

Гл. 2. О различии прав и законов.

³³ См. подробнее о создании этого сочинения в § 2 гл. 3 настоящей книги.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 268 об.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 263–263 об.

³⁶ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 154. Л. 453–453 об.

³⁷ СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 154. Д. 153. Л. 361–553 об.

³⁸ Составлено по: СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 154, 153.

Гл. 3. О правах и законах сея Империи.

Гл. 4. О юриспруденции и о способах как основательно оной научиться.

Гл. 5. О главнейших правилах при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых.

Вторая часть.

О правах, касающихся до персон.

Гл. 1. О персонах и о различии их вообще.

Гл. 2. О христианских собраниях и особах духовного чина.

Гл. 3. О супружестве и о бракосочетающихся персонах.

Гл. 4. О фамилии.

Гл. 5. О вольных и невольных людях.

Часть третья.

О правах, касающихся до имения.

Гл. 1. О имении и о праве владения вообще.

Гл. 2. О различии имения.

Гл. 3. О персонах, которым позволено владеть собственным имением.

Гл. 4. О способах к приобретанию имения, а особливо о снискании имения собственным старанием.

Гл. 5. О ремеслах и о торговых промыслах.

Гл. 6. О способах, по друг от другаго получает имение, а особливо о договорах и крепостных делах³⁹.

Гл. 7. О векселях.

Гл. 8. О приданом.

Гл. 9. О духовных.

Гл. 10. О разделении имения.

Кн. II. О публичном праве.

Первая часть.

О должностях, касающихся до ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Гл. 1. О присяжной должности.

Гл. 2. О титулах Императорского величества.

Гл. 3. О челобитчиках.

Гл. 4. О великих делах, таже и о бесчинствах и бранях в государеве дворе.

³⁹ Первоначальное название главы звучало так: «О способах, по которым имение отдается во владение другим, а особливо о договорах и крепостных делах» (СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 154. Л. 343).

Часть вторая.

**Об отправлении государственных дел в разных коллегиях,
канцеляриях, канторах и протчих судных местах Российской империи
и о принадлежащих туда генеральных должностях,
также и о прокурорском чине.**

Гл. 1. О множестве и разности государственных дел, и об отправлении оных в разных коллегиях и протчих судных местах сея Империи.

Гл. 2. О генеральных должностях.

Гл. 3. О прокурорах.

Часть третья.

О военных делах.

Гл. 1. О военном уставе и прочих разных армейских дел определениях.

Гл. 2. О званиях и должностях полковых чинов от солдата даже до полковника.

Гл. 3. О артиллерийских афицерах и о инженерах.

Гл. 4. О чинах генерал-штабу.

Гл. 5. Об отправлении разных к военной службе потребных действ.

Гл. 6. О экзерцициях и о приуготовлении к маршу.

Гл. 7. О воинских артикулах.

Четвертая часть.

О правах, касающихся до суда.

Гл. 1. О судах вообще.

Гл. 2. О разных судах в Российской империи.

Гл. 3. О делах в судах судимых, а особливо о обидах и преступлениях.

Гл. 4. О таможенном суде, также и о скором суде и о решении дел по прошениям шипоров.

Гл. 5. О форме суда.

Гл. 6. О решении розыскных дел.

Гл. 7. О поступках и о неправдах в судных местах.

Гл. 8 О подозрительных⁴⁰ судьях и о апелляциях.

Гл. 9. О полюбовных примирениях и о третейском суде.

⁴⁰ В оригинале: О подозритель судьях. Это явная описка. Непосредственно в тексте этой главы написано о «подозрительных судьях» (СПФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 153. Л. 543 об., 544).

**Российския (или Руские) письма.
На французском изданы 1760,
а со онаго на российской язык
переведены 1761 года**

Уведомление издателево

О начале и рождении сей любопытным читателям представленной мною книжки сам я почти ничего не знаю, а ежели б о том подлинно ведал, то б и от людей, конечно, не утаил.

Сочинитель сих писем сам в них о том объявил, какого он года человек, где жил и по какой притчине их на свет выдал. А я к его известию только сие прибавлю, коим образом особливой друг и благодетель мой эте письма по благости и в дружбе своей с таким уверением ко мне прислал, что они (по ево мнению) еще при жизни славнаго МОНТЕСКИЕ (которой ими отакован) писаны, а для удовольствия любящих науки немногие ремарки или примечании в сию книжку потом уже внесены.

Я ее для того с особливым удовольствием напечатал, что от чтения сих писем двоякая польза будет: 1. любопытным, а 2^е. ученым людям.

Ни в каких РЕЛЯЦИЯХ или описаниях РОССИИ так подлиннаго и совершеннаго известия о состоянии ЗАКОНОВ и ПРАВИТЕЛЬСТВА сей великой Империи не сыщется, как в этех письмах. А понеже АВТОР кроме самой сущей истинны никакой неправды не пишет, то о мудрости и праводушии ево ни малейшаго сумнительства имети не должно.

Ежели сию книжку почestь за простую критику на книгу славнаго МОНТЕСКИЕ, называемую РАЗУМ ЗАКОНОВ, то, казалось мне, что под сим видом мудрой АВТОР всех тех людей несравненно превзошел, которые до нынешняго времени отваживались с сим страшным писателем равняться: он их помрачил светлою ясностию показания своего в неисправности паралогизмом и перемен писания их. Мне видится, что этот славной человек больше старался о доказательстве доброты в намерение принятого дела своего, то есть ПРАВОСУДИЯ, УМЕРЕННОСТИ и МИЛОСЕРДИЯ истинных САМОДЕРЖЦОВ, нежели о том рачение прилагал, какими бы ему хитростями помянутое дело свое как наилучче защищать.

По сему уже видно, что оба эте учением великие мужи и о пользе народной одно благое намерение принявшие писатели в самом деле единоравнаго блага

обществу желают. По одному только сего вида или намерения их делу мнение сих мудрых людей в том единственно разнствует, что один из них ТИТУЛ МОНАРХА таким владетелям придает, которых державство или власть он же в тесныя пределы или в узкия границы приведши, действу добродетели сих принцов пространства и широты дать не желает, а другой писатель вопреки и в праведное супротивление перьвому сие высочайшее и верховнейшее ТИТЛО, которое всем истинным и ЗАКОННЫМ САМОДЕРЖЦАМ без прекословно принадлежит, усердно им принося, те же самая ДОБРОДЕТЕЛИ на несравненно пространнейшей, а роду человеческому приличнейшей ТЕАТР достойной славы производит.

РОССИЙСКИЕ ПИСЬМА

Письмо первое

Государь мой!

Ваши резоны меня уверили. Присланную ко мне от вас книгу, разумную систему ПРАВА и ПОЛИТИКИ, за которую все ученые люди славному Г. МОНТЕСКИЕ благодарить должны, я, по приказу и желанию вашему со всяким рачением прочитавши, теперь стараюсь всею возможностью те несовершенныя известия с записками разбирать, которыя сеи, славою преимуществующей писатель, от неверных или от незнающих людей присланными к нему репортами и уведомлениями будучи обманут, в книге своей пишет о ЗАКОНАХ и ПРАВИТЕЛЬСТВЕ такой славнейшей ИМПЕРИИ, о которой мы доне, кроме одного ВЕЛИЧИЯ и страшной силы ЕЯ, почти ничего не знали.

Опасаясь вытти из границ предписанных мне от вас, Государя моего, пунктов, не намерился было я никаких ремарков или примечаний на них писать. Но потом, разсудя, что почти все эте артикулы или пункты происходят от той мысли, которую Господин М. о ДЕСПОТСТВЕ или о САМОВЛАСТИИ вообще голову себе наполнил, то ж задумал я, что к лутчему и яснейшему разсмотрению надобно мне эту мысль и все ево мнение особливым трудом и нарочным прилежанием разобрать, а к сему разбору следующей способ усмотрен, которой, как надеюсь, и вам, Государь мой, не противен будет.

Господин А.¹ сие правительство такими словами описывает: «Единой САМОВЛАСТИТЕЛЬ без ПРАВИЛА и ЗАКОНА все по собственной воле и по совершенству за собою влечет». К лутчему онаго изъяснению равняет сие самовластие с худым обычаем люизианских дикарей, «которые для собрания

¹ Смотри кн. 2. главу 1 и 2. Кн. 3 главу 9. Книги 8 главу 10. (Примеч. автора).

зрелых плодов с дерева сперва все яблони под корень срубят, а потом уже яблоки обирать с нею станут»². Через эти правила свои старается доказать, что «непорядочное ДЕСПОТСТВО или САМОВЛАСТИЕ роду человеческому несказанные беды приносит».

Мне того и требовать нельзя, чтобы в этой отменным остроумием наполненной книге все описании по правилам науки точно размерены были, да только то объявлю, что невесьма основательное мнение Господина М. о ДЕСПОТСТВЕ или САМОВЛАСТИИ столь обширно и так тщетно, а, яснее сказать можно, и обманчиво, что читателя принудит думать, будто в самовластных МОНАРХИЯХ таких основательных или ЗЕМСКИХ ЗАКОНОВ нет, которая бы неопределенную силу САМОВЛАСТИТЕЛЯ в границы приводили, да только де произвольная узаконения, и те по несчастии в руках у таких злых владетелей, которых непорядочные поступки, никакого общения с формою правительства их не имея, основательного землям и народам их установления дать не могут. Но сего одним только МИНИСТРАМ или чудищам, а, яснее сказать, бесщеловечным уродам приличного мнения ево ни на одну прямую или истинную форму гражданского правительства привести и со оной сравнить невозможно.

Для сего важнаго обстоятельства весьма нужно в других местах того поискать: 1. что есть прямое ДЕСПОТСТВО или истинное САМОВЛАСТИЕ? 2. Само ль оно собою порочное правительство, или по одному действию злаго употребления, кое от него произойти может, недостаточным правлением назваться долженствует?

Хотя слабое перо мое против славнаго писателя Господина М. устоять и не может, однако не отчаиваюсь противится медоточной реторике ево. Сие уповаю в действо произвесть одним твердым понятием такого дела, о котором у нас с ним весьма разные мнения. С меня и того довольно будет, ежели, чрез сие принятое мною намерение и дело исполня, удостоюсь вашего благоволения для апробации.

С протчем пребываю ваш Государя моего &c³.

² В согласие и сходство с сим подобием славной у агличан философ Лок описывает тиранство варварских владетелей такими словами: «Тиран свою власть не в пользу и благо подданных ему, да к одной только партикулярной или собственной своей корысти употребляет. Тот (де) на свете подлинный тиран, кто народы свои не законами и правилами, но единым самовольством управляя, имение их без всякой пощады на удовольствие скупости, честолюбия или для иной страсти своей грабит и расточает». Читай ЛОКОВА описания гражданского правительства главу 17. (Примеч. автора).

³ &c – лат. et cetera (и так далее).

Письмо второе

Государь мой!

На подлинное определение прямого смысла и разумения важному слову очень худо таким именем назвать, котораго кроме нас никто не понимает, на точное подобие слов или литер в цифирных азбуках, которых кроме пишущаго из тысячи человек смотрящих на письмо ево людей ни один человек не знает.

А дабы и нам в то же грубое неведение не впасть, то о прямом смысле и разумении слова ДЕСПОТСТВО спросимся мы с такими авторы⁴. Науками знатной ГУБЕР или ГИБЕР, описывая гражданское право (Книги 2. Секц. 7. Глава 3. § параграф или раздел 3), так сие слово толкует: «ДЕСПОТСТВО (самовладение) есть такая совершенная и самодержавная власть, по которой всем государством владеющей МОНАРХ подданных своих так власно, как хозяин домашних, а господин рабов своих управляет, а притом, не только над именем, но и над телами их полновластной властелин и государь будучи, все дела их, прежде всего, к своей пользе и к собственно монаршей службе склоняет». ⁵БОДИН сие владение следующими словами описывает:

⁴ Это слово греческое, значит ГОСУДАРСТВО или ГОСПОДСТВОВАНИЕ, а, простее сказать, владение. Потом перешло в разныя диалекты или наречия славенскаго языка, которым стали называть Господь (владыка или владетель), ГОСПОДИН, ГОСПОДАРЬ и ГОСУДАРЬ. (Примеч. автора).

⁵ Смотри описанную от него Республику. Книги 2. Гл. I. Славной у Англичан ЛОК, о сем владении особенное мнение взявши, в книге своей, названной ОПИСАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА (Глава 14. § 4) такими словами говорит: «ДЕСПОТИЧЕСКОЕ или ГОСПОДСТВЕННОЕ владение есть полная мочь и власть, данная князю или владетелю над людьми, у которых он жизни всегда и по своей воли отнять может. В одном (де) только случае народу самовластителя или самодержца праведно у себя иметь должно, а именно тогда как соседи или неприятели военною силою на них нападши, весь сей город в рабы себе покорить захотят. По такому случаю одни только на праведной и законной войне в полон взятые люди господственной власти совершенно и без всякаго прекословия подвергаются. А понеже сия власть ни от какого договора не происходит, то и ни единого соглашения произвестя не может, да только есть одно состояние продолжаемой войны. Как же скоро у победителя с находящимся в руках его пленником договор последует, та неволя и самовластие оканчивается. Самые ЛОКОВЫ слова явно кажут, что сей искусной АВТОР от прямого смысла, разума и от того знаменования ве[сма] удалился, которое Господин М. громкому слову ДЕСПОТСТВО в самом первоначалии его [нрзб]: «Хотя б какое состояние действительной войны победителя с пленником чрез несколько времени и подлинно продолжалось, как то в Риме было, где большую половину пленников только на то берегли, чтоб их триумфом в городе вести или на позорищах (спектакли) в бои употреблять. Это состояние никогда прямого общества или такого правления не учинит, которое все политики по слову и мнению Аристотелеву ДЕСПОТИЧЕСКИМ или самовластным правительством именовали. Как можно тем людям вместе ужиться, которым бы [нрзб] право со властью дано было, чтоб они друг друга убивать могли, когда сими похотят или только случай к тому найдут? Кто сию власть господину, тот же ее и рабу дает». От Господина А. учиненное различие праведной и неправедной войны в такая действительныя войны совсем не годится. Где одни только воюющие стороны, кои имеют право оную решить, сами себя осудить не могут.

«В Господственной или самовластной МОНАРХИИ владеющей Государь учинен властелином имения и людей по праву оружия и доброй войны, управляя подданных ему так власно, как хозяин или ОТЕЦ дому рабов своих».

По сему явствует, что власть, а с нею и правительство ДЕСПОТЫ (самовластитель) ничем от власти ГОСПОДИНА над рабами или над челядинцами его не разнится. От сего видно, что едиными рабами да другими крестьяны владеющей ПРИНЦ (каково б велико число сих подлых людей ни было) не мог бы иначе назваться и в самом деле кроме сего быть, как токмо великим господином, какия бы ТИТЛЫ сам он себе ни принял, так же бы от льстецов да от боящихся его ласкателей ни получал.

Для сих важных обстоятельств необходимо надлежит нравоучительное качество службы утвердить, дабы по оному о подлинном качестве истинного ДЕСПОТСТВА или прямого самовластия разсуждать. Хотя мне на то согласится и можно, что лутчия и почтеннейшие юрисконсульты о сем пункте ПРАВА учили, однако необходимая нужда в том ружье, с которым самому мне и очень скоро к бою итти, убеждает меня к такому объявлению.

Ежели б служение само собою правилам всего праведнаго и самой справедливости противно было, то бы оно и тому способу противилось, которой, его вводя, узаконяет, или по тем обязательствам, коими сие служение подлинно установлено.

Хотя б (например) то подлинное служение, до котораго нам дело, произвольное, или одно действие законами определенного обязательства было, а такое подданство, которое как на явном, так и на тайном согласии раба, ниже на власти законной не основано, сего имени недостойно будучи, по одному только злему употреблению оным именем названо, однако устав и узаконение сей службы известному между нами званию ПРАВ и справедливости отнюдь и ни в чем не противится. ХОТЯЩЕМУ ОБИДЫ НЕ БЫВАЕТ.

От служения происходящие и ево рукою налагаемые обязательства тою же точностию определять можно.

По первому обязательству: раб вручает господину своему власть и волю над внешними, то есть над видимыми и наружными делы своими, ежели оныя к собственному самого холопа содержанию необходимо ненадобны, дабы господин от сих раба своего дел всякую к интересам своим пользу получать

На что мне здесь говорить о том несвойственном смысле и фигурами закрытом разуме, которым люди господственную [власть] или ДЕСПОТСТВО называют, а вс[якое] злое употребление самовластного или не[раз]деленного правительства сим именем [нрзб] в этом приятии. Англинские АВТОРЫ обыкли Франции, Гишпани и Данцкому королевству ДЕСПОТСТВО или ДЕСПОТИЗМ приписывать, говоря о том способе, которым эте королевства от злых принцов управляемы быть могут, несмотря ни на какое препятство от законов. (Примеч. автора).

мог. Прямое служение никогда из сих границ не выходит. Буде же господин сей предел преступит, то он рабу своему ту свободу по прежнему возвратит, с которою раб в службу его за тем и с таким намерением шел, чтобы господин ево поил, кормил, одевал, обувал и за службы холопа своего жаловал.

Второе обязательство холопа: чтоб лишится настоящего или впредь наживного имениа своего. Сие одолжение, будучи следствие перьваго обязательства, те же предоставлении в себе заключает. Ежели ты рабу своему того не пожалуешь, чем ему себя одного или с женою да с детьми содержать, то должен ему будешь право и волю на то дать, дабы холоп твой все к сему содержанию своему потребное сам промышлял как может, а промысливши так и куда б употреблял, как и куды сам похочет.

Последняя всякаго раба должность: предание собственной жизни во власть, а головы в руки господину своему. Хотя сие обязательство на вид страшнее, только в самом деле и в подлинном основании своем гораздо легче и сноснее двух первых обязательств. Я на сие согласуюсь, и ниhto спорить в том не станет, что такой человек совершенным безумцом зделается и первейшей всем уставам ЗАКОН нарушит, что и з доброй воли такую необузданную людям власть над собою даст, чтоб ево не только били и ругали, но и самой бы смерти предать могли, когда только им угодно явится. А кто сие бещеловечие без праведной и законной притчины действительно над ним исполнит, тот явной и на небо об отмщении вопиющей грех учинит. Признаемся же, что сия должность зависит от того самим Богом и всеми уставы господину даннаго ПРАВА, чтобы в то время силу с неволею, а жестокость с наказанием употреблять, когда раб, по злости и умышленно должность свою забывши, так от нее удалится, что ни кротостию, ни увещанием сего злодея исправить невозможно.

В том весь праведной смысл и прямое разумение, которое лутчия юриспруденты и разумнейшия МОРАЛИСТЫ⁶ (нравоучители) сему делу придали. А от того уже само собою следует, что здравой разум и естественная справедливость дозволяет господину раба своего в таких важных случаях без всякой пощады наказывать, ежели холоп чрез великия проступки и тяжкие вины свои неприятелем господину и врагом обществу своему учинится.

Мне кажется, что на показание законной важности и нужды служения того довольно будет, ежели одну силу сего чина и служения показать. Служебное состояние, напротив, единой из наших совершенных или строгих должностей не грешит. Оно же к тому человеколюбию не противится, дабы людям то не-большое имение оставить, из котораго они все беды и горести на свете терпят.

⁶ Смотри кн. 2. главу 1 и 2. Кн. 3 главу 9. Книги 8 главу 10. (Примеч. автора).

Буде рабской чин людей, великой части выгод, забав и веселостей на свете лишая, в подлость приводит, то в награждение сего не допускает им погибнуть или гораздо беднее того жить, сохраняя им все то, что самая ПРИРОДА всякому рабу уделила.

Мы это по истории знаем, что рабство или служение от начала света во всех временах и от всех народов позволено, а от разумнейших законодателей подтверждено и установлено. Сим уже явно и ясно доказывается, что служение само собою, без того употребления сего чину на зло, которое во все то на свете лутчаго и совершеннейшаго ни есть, так же точно, как и в служебное состояние вошло со светом здравого разума и со знакомейшими нам правилами всякаго ПРАВА и справедливости, весьма сходны.

Хотя многие люди на жестокость некоторых гражданских законов о рабском чине в том жалуются, что оными законами господская власть не с довольною точностию в границы приведена, а тем господам и штрафа не положено, которые отважатся оныя законы преступить или нарушить, однако сию жестокость оправдать весьма нетрудно, ежели только разсудить.

1. В тех землях и временах, где иногда эте законы уставлены, нельзя было мудрым законодателям того думать и мысленными очами здравого разума задолго предвидеть, что господа и помещики такое добро на зло употребят, которое по натуре и пользе своей долженствует им мимо нужнаго и добраго быть.
2. Ежели б господскую власть законами и штрафами в границы приводить, то б она сими способы конечно и действительно умалилась.
3. По сравнении господской строгости со злостью рабов, которая по многим до народной пользы касающимся следствиям явно оказалось, добрых господ и праведных помещиков от злых и лукавых рабов весьма иначе охранять надлежало.
4. Те же самые законы родителям над детьми в таком только добром, важном и мудром намерении толь великую власть дали, чтоб родители, детей своих исправляя, отчасу в лутчее состояние приводили.

Эте разсуждению могут меня весьма далеко завести, и для того стану довольствоваться тем примечанием, что разумнейшие люди от начала века бещеловечие господ с рабам их не хвалили, а в Риме до самой кончины добродетели процветавшие ЗАКОНЫ с тех пор господскую власть в теснейшия границы привели, как одолевающее беззаконие основание ЗАКОНОВ повредило.

Я есмь Ваш Государя моего &c.

Письмо третье

Государь мой.

Мне видится, что в объявленном мною к оправданию служебности, то есть рабскаго чина, ни малейшаго сумнения нет. Но понеже господин М. против сего чина и состояния восстал, то не могу оставить без ответа учиненной от него отаки следующими словами: «ХОЛОПСТВО (де) уставлено столь жестоким правом, которое одного человека другому таким вечным поддаником творит, что сей владелец или помещик есть самовластной господин над животом и над всем имением раба, то есть холопа своего».

На сие предложение имею два примечания. 1. Господин А. из объявления своего выпустил такие рабские дела, которых принуждение подлинное холопство производит, а власть господская над животом и над всем имением холопа его одно только действо тех границ, которыя помещик делам раба своего определить может. 2. По слову самовластия, кажется мне, что реченой господин намеряется то доказать, будто господская власть не имеет других правил, кроме одного самовольства, но я неосновательство с безумием сего мнения довольно уже объявил.

Оттуды, к нравоучительным качествам служня чина переходя, в том утверждается, «будто рабский чин по существу и состоянию своему для такой притчины худ, что ни господину, ни рабу не полезен». В доказательство сему ссылается на те действия, которыя холопым нравам такими словами приписывает: «Раб (де) ничего по добродетели зделать не может, а с холопами в близкое обхождение вступающей господин или дворянской сын, худыя нравы и злыя обычаи у них перенявши, всякия нравоучительныя добродетели нечувствительно теряет».

Неосновательство сего довода из первых слов автора видно. Кто сему не верит, что человеку полезнее того нет, чрез что он себя добродетельным учинить может? Не полезно ль нам пищу и одежду себе промыслять, а на житье дома строить? Чем господину А. это слово свое оправдать, будто раб ничего по добродетели зделать не может? Что помешает холопу землю пахать или стадо господина своего с такою же верностию пасти, как свободному человеку государство управлять или о пользе всего общества старатся? РАЗВЕ ЕЗОП да ЭПИКТЕТ меньше ТИТА и АНТОНИНА ревности со усердием имел?

Что же господин А. старается показать, будто в обхождении с холопами у господ и у дворянских детей добрыя нравы портятся, и то самая практика слова его опровергает. Кто сего не ведает, что служение, то есть холопство, у лутчих и добродетельнейших народов в обычаях и во употреблении было?

Всем светом господствовавшей Рим тогда несравненно больше славных мужей в недрах своих воспитал, когда премногия тысячи холопей у себя имел, нежели в те поры, как рабов своих отпустил.

Кто, те земли видевши, безпристрастно рассмотрел, где холопство и поныне действительно пребывает, тот должен признаться, что там добродетелей больше, а грехов меньше, нежели в таких землях, откуда рабской чин законами выгнан. Для сей притчины многие наукою и усердием славные люди весьма того не хвалят, что лутчие и благонравнейшие народы холопей у себя отпустили.

Учением знатной БУЗБЕК так о сем деле пишет⁷: «Я (де) не знаю, должны ли мы тем людям благодарить, которые нам запретили холопей не иметь. В содержании рабов такая польза, которая гораздо больше от холопей чаемых бед, ежели б только мы такую правдою и тою кротостию и с рабами своими поступали, каковой римские законы от нас требуют. Не надобно было всех таких людей вешать и казнить, которые, кроме одной жизни да другой свободы почти ничего не имеючи, очень часто и много поневоле грешат. Свободной, но притом бедной чин редко человека к добродетельным делам приводит для того, что таких духом и умом крепким, а душею столь терпеливых людей мало, которые бы так честное, но притом так бедное житие и толь бешастное состояние свое надлежащим великодушием снести могли».

Господин М. еще пишет: «Рабской (де) чин в ДЕСПОТИЧЕСКОМ, то есть в самовластном государстве, сносно, а в МОНАРХИИ да в РЕСПУБЛИКЕ затем холопи не надобны, что от их службы и работы граждане, безмерное богатство наживая, в такая роскоши впадают, которых иметь им недолжно». Но эте слова до нравоучения его не касаются и тому весьма противны, что сей же господин об одном деле на других местах совсем иное сказал⁸.

Впротчем остаюсь &c.

Письмо четвертое

Государь мой!

К сильнейшей атаке служня или служебнаго чина храброй наш А., от действ к важным винам или ко главнейшим притчинам сего звания переходя, так пишет: «Никто и никогда бы (де) сему не поверил, что рабство от единой жалости произошло»⁹.

⁷ Описание посольства и путешествия в Турецкую и Амазианскую землю, переведено Г. ГОДОНОМ. Письмо 3. Страница 251. (Примеч. автора).

⁸ Книги 14 гла. 15. (Примеч. автора).

⁹ Книги 15 глава 2. (Примеч. автора).

Конечно, ни один человек к вероятно о сем притчин не имел, а Господин М. тем более погрешил, что такое мнение мудрым комментаторам Римских прав весьма напрасно приписал. В показанном от него месте римских институтов (устав) просто и такими словами написано: рабское имя от такого у древних Римскаго войска полководцов взялось, что эте генералы на войне взятых пленников своих не убивали. А для чего и каких ради притчин они сие делали, о том ни единого слова там не упоминается. Это и по истории всем известное дело, что одно несытое желание добычи римских полководцов принуждало пленникам своим живот спасать, а в ложное свидетельство от господина А. приведенные юрискунсульты другую тому притчину весьма несправедно объявляют. Славной у римлян ПОМПОНИЙ самую о сем деле правду такими словами, не обинуясь, объявил: «Римские ИМПЕРАТОРЫ и войска их полководцы для того пленников своих не убивали, чтобы их продавать».

Теперь приступаем к тем винам служения или рабскаго чина, о которых Господин М. объявляет, будто он эте числом четыре притчины в Римских законах нашол, а потом, все их не за умныя почитая, так пишет: «Военное (де) право того требовало, чтобы пленников, от меча убийства спасши, рабами учинить».

Не знаю, почему господин М., это утверждая, напрасно думает, будто бы мудростию и мужеством славнейшие в древности мужи не знали сего во всех военных ЗАКОНАХ перьваго ПРАВИЛА: с НЕПРЯТЕЛЕМ все вольно делать. Хотя должность человеколюбия с собственным интересом нашим военных людей к сохранению пленника своего от смерти и к другим умеренным поступкам с неприятельми нас и обязует, только еще подлинное право не в том состоит. Когда военной ЗАКОН позволяет все с неприятелем делать, то он позволение дает неприятеля своего не только убить, но и, пленником учинивши, в рабы себе взять, ежели победитель изволит такую милость к побежденному явить. Военнаго и мирнаго права славной издатель Гроциус третей своей Книги в Главе 3 под § 5м так пишет: «Военное над пленниками право для такой притчины народным ПРАВОМ установлено, дабы от владения невольниками произходящая многие пользы могла воюющих людей от того удержать, дабы они пленников своих смерти не предавали, которых бедная жизнь всегда в руках и на всякой час в воле победителя по совершенно строгому праву военных законов. Сие (де) узаконение в таком намерении учинено, дабы военные люди от убийства пленников своим добрым произволением воздержались. А по народному праву на сие добродетельное и человеколюбное воздержание никакого невольнаго договора и принуждательнаго устава нет, но в единую токмо пользу тех людей сие предложено, кто на войне пленников

получит, однако все сие на полную волю победителям отдано, захотят ли они над пленники своими эжалитися или никакой с ними по военным притчинам милости зделать не пожелают». Такое мнение у людей от начала света было¹⁰.

По объявленному мною выше сего довольно уже явствует, как неосновательно от Г.А. предложенное правило и новое нравоучение его, которым он объявляет: «Это (де) совсем неправда, будто шпагою служащим можно и позволено на войне взятых пленников своих, кроме самой нужды, убивать». Но хотя б сие (также, как это слово его) ложно было, то единое право в принуждении пленника к здаче таков ж непоколебимо было, кроме такого мнения, что един только страх смерти всякаго полоненика к сему склонить может.

Мне сего и доказывать не для чего, что такой человек всякой союз бывшей у него со мною дружбы сам разрывает, кто на меня несправедливо нападет или подлежащаго мне без всякой притчины не даст. Да о том только спрошу, что мне с таким неприятелем делать, которой, всякими способы убить меня искавал или ограбить хотевши, но после того сам в мои руки попавшись, злодейскаго умысла и намерения своего в действо произвести невозможно? Отпустить ли мне ево безо всякой вперед осторожности и поверить ли таким вражеским обещаниям, к исполнению которых ни одного на воле живущаго человека привести невозможно? Сие совсем не то дело, что Г. А. такими словами советовать отважился: «Военное (де) право повелевает нам пленников своих так крепко держать, чтобы нам никакого вреда впредь зделать не могли». Поэтому их на цепи да в кандалах иметь или, в тюрьму посадя, вечно караулить? Да такое жестокое содержание не в тысячу ли мер тяжелее и несноснее кабальнаго холопства будет? Бедности своей конца невидящему колоднику можно ли себя щастливее и свободнее раба почесть? Я думаю, что он гораздо скорее в волю и на милость победителя отдастся, нежели в покаянной (вечная темница) згнить похочет. А когда всякой военной пленник всотеро лутче рабом быть, нежели в тюрьме до смерти своей сидеть пожелает, то победитель согрешит ли против народнаго права, ежели у желающаго свободы пленника с шеи цепь, а с ног кандалы и железа снявши, потом ево в службу к себе возмет?

До сего то важнаго случая и обстоятельства Господин А., не дошедши нимало, того не чувствовал, что сажанием в тюрьмы и остроги гораздо хуже тех людей зделает, которые холопство установили. Напротиву же сему, запрещением того, чтобы победители пленников во услуге к себе не брали,

¹⁰ В СЕНЕКИНОЙ ТРАГЕДИИ ЦАРЬ ПИРР говорит: «Закон того не определяет, чтобы пленника животу пожаловать, а в том не препятствует, дабы ево казнить». Напротив того, ЦАРЬ АГАМЕМНОН ПИРРУ отвечал: «Чего закон не запрещает, того стыд в нарушении слова и обещания своего делать не велит». (Примеч. автора).

несравненно большее желание в полоненых к свободной услуге победителям своим, а у победителей ревностнейшее усердие к принятию сих людей в добровольную службу к себе причинит.

В том я охотно признаваюсь, что все добронравнейшия народы, умышленное пролитие крови общим благоразумием отвергши, праведно запретили злым салдатам после настоящей баталии ни единого человека напрасно не убивать. Подлинная сему притчина та: ежели ты побежденного неприятеля на бою смерти не предашь, то он справедливо подумает, что ты ево от смерти избавить хотел (это вменяется в договор), а буде ево не пощадишь, то тава-рищи ево помыслят, что ты те должности забыл, которые сродная людям о бедном человеке жалость, а особливо к побежденному милосердие и великодушность всякому победителю хранить повелевает.

Мне основательно кажется, что Господин М., смешавши способ нынешней войны у разумных и благонравных народов, думает их равнять с правилами древних людей, которые жестокостию, бещеловечием да третьею злобою почти все ослепли. Не принужден ли будет нынешняго времени генерал, ежели ему с варвары и жестокими народы воевать случится, в обратную месть (репресалии) за бещеловечие их горше неприятельскаго с ними поступить? Которых пленников у турков да у варваров ныне с ними в Италии воюющие христиане берут, лутче ли того они их содержат, как за две тысячи лет пред сим со взятыми у франков да у галлов полонениками победители их поступали?

Одни только правила строгова закона непоколебими, а правила милости и человеколюбия по времени и обстоятельствам успехов человеческих во нравах и науках безпрестанно переменяются.

Ваш покорной слуга &c.

Письмо пятое

Государь мой!

Дозвольте мне приступить ко второй притчине служения или рабскаго чина, которую Господин М., будто бы в Римских правах нашедши, такими словами нам сообщает: «Римския (де) законы тем должникам, кои от сущей бедности долгов своих заплатить не могут, основательно позволяют самим себя продать, а заимодавцам их полную над ними волю дают заимовзятелей своих в тюрьмы сажать и так с ними поступать, как сами кредиторы пожелают»¹¹.

¹¹ О сем славнейшие из юрискунсультов ПАВЕЛ, УЛЬПИАН да ЕРМОГЕНИАН в книгах своих пространнее пишут. (*Примеч. автора*).

Славной у римлян петилиянской ЗАКОН всем свободным людям запретил самим себя отнюдь не продавать, а которой вольной человек для обману купца сам себя в рабы продаст, того Греческой ЦАРЬ ЛЕВ или ЛЕОН Премудрый в силу сего ЗАКОНА лозами, батожем или плетьюми наказать хотя и определил, только за сей один подлог (кроме других важнейших вин) в кабальное холопство отдавать не указал. Хотя этот ЗАКОН платить не могущим должникам и определял до тех пор в волю заимодавцов своих отдаваться, пока их в долгах своих удовольствуют, только потому ж самому делу видно, что сие обязательство толь совершенного рабства или служняго чина отнюдь не производило, какова Г. А. мнением своим требовал. Лутче бы он эту самого себя продажу народному или гражданскому таких людей праву приписал, которые бы оному ни в чем не противились и никакого в том помешательства не делали.

Господин М. сию продажу потому за негодную ставит, что «великая продажа цену в себе имеет, а этой де продаже потому действительной быть нельзя, что понеже холоп добровольно себя продает, то все его имение господину достаться долженствует затем, что господин ничего не дает, а холоп ничево не берет».

Неосновательство сей притчины на такая случаи клонится, когда сам себя продающей договоренныя деньги своими руками возьмет или третьему, то есть постороннему человеку принять велит. По объявлению Римскаго ПАПЫ святаго КЛИМЕНТА многие християне таким способом сами продавались на пропитание себя или на исполнение других милостинных дел.

Сверх объявленнаго мною резону Господин А. приводит еще две притчины, но и те к сему делу также неприличны. «Как (де) человеку самому себя убить затем невозможно, что он себя у отечества отнимает, так власно и продаваться непозволено».

Здесь еще не место силу той притчины разсматривать, которую СОКРАТ против САМОУБИЙСТВА показал, да только сие объявлю, что, говоря о праве и власти к продаже самого себя, разумеется то естественное состояние, по которому всяк в себе волен, или уже гражданской закон, терпящей то, чтобы гражданину сим способом обязательств своих отречься, что с Государственною пользою во всех таких случаях весьма сходно, где общество чрез сей припадок не только никакой знатной потери не чувствует, да еще действительную пользу имеет, в этом то случае сила и важность тово договора заключается, которой нам надобен.

Другая притчина та, что свободе по мнению и слову Господина А. цены нет. Я это знаю, что многия в науках славныя люди о сем деле равное с ним

мнение имели¹². Только одно слово цена весьма иная и чистейшая о том мысли подает в таком общем разумении.

Ежели кто из договаривающихся за одну вещь по ея видимой или чаемой от нее пользы согласится другую такой же цены вещь один другому отдать, то на всякие вещи полагают¹³ обыкновенную или настоящую (текущая) цену против цены таким же или подобным ей вещам. И в том меньшая сего справедливость, что цена этой вещи всегда зависит от воли и от разсуждения договаривающихся, а им вольно весьма отменное пред другими людьми о сем деле и обо всей вещи мнение иметь. Ежели тебе скажут, этой вещи цена положена, то должен ты разуметь, что есть другая такая вещь, которую действительно в руках свих имеющих или еще получить желающей человек за равную той вещи ценою и добротою почитает. Буде же скажут, этой вещи цены нет, то надлежит тебе думать, что есть такая вещь, которую владетель или желатель столь важною и полезною себе почитает, что лутче приятнее и дороже ея нигде найти не надеется.

По сем изъяснении смело могу спросить, не почитаешь ли и ты ту свободу, то есть власть и волю человеческую в себе и в делах своих, за такую вещь, которую сам оную имеющей или пользы от нее чающей мог бы с другим чем равнять? Оба эте люди равно обезумнеют, из которых один свободу свою за тысячу рублей продаст, а другой для чаемой себе от свободы и власти пользы за сию цену купит.

По сему видна та правда, которую римския юриспруденты сказали: СВОБОДА БЕЗЦЕННАЯ ВЕЩЬ. Они сим словом то разумели, что человек один собою и по собственной воле свободе своей цену полагать может и властен, а третейским или гражданским судьям до сей оценки дела нет. Но по слову ЮРИСПРУДЕНТА ПАВЛА (ДИГ. Кн. 5. ЗАК. 8. § 2) все сие одному человеку в волю дано, дабы он цену свободе своей так возвышал до такой меры и степени, [как] сам пожелает.

Ваш Г. моего усердной слуга &c.

Письмо шестое

Государь мой.

Мне осталось изследовать то, чем Господин М. охуждает Римские ЗАКОНЫ в том, что они лишают свободы от рабскаго чина рожденных детей и еще таких людей, которые за вины свои лишения свободы достойны, а порицание

¹² ПУФЕНДОРФ. Естественного и народного права кн. 5 гл. 1 § 5. (Примеч. автора).

¹³ В рукописи: полагают.

свое следующими словами выражает: «Когда (де) ОТЦОВ да МАТЕРЕЙ по силе законов рабами учинить невозможно, то о закабалении детей и думать нечего». Я уже прежния ево о сем деле слова так опроверг, что на них ничего ему утвердить нельзя. Буде родители холопи, то и о свободе детей их основательная притчина к сумнению есть, ежели собственного их на то произволения доказано не будет. Это уже выше сего с довольным основательством доказано, что рабы детей своих чрез иныя способы поить, кормить, одевать и обувать не могут, как током единым иждивением Господ своих. Господа по совершенному и строгому праву от содержания рабов своих пищею и одеждою с женами и детьми их никакими способы свободиться не в состоянии будучи, вольны их в вечном у себя подданстве иметь, а бедныя рабья чина младенцы ничем сего благодеяния Господам своим воздать немогши, принуждены им до совершенства возрасту и ума своего служить. В доказательство негодности такого приобретения того не довольно, чтобы в нем одной жестокости смотреть. Я на сие охотно соглашусь, что в том человеке ни души, ни совести нет, кто умирающего младенца в таком умысле или формально с тем договором на воспитание к себе возьмет, чтобы его, вспоя да вскормивши, в вечное себе холопство закабалить, а особливо ежели такое милосердие в сохранении жизни погибающему младенцу без дальняго себе убытка сделать может. Кой же час до законности какого-либо дела дойдет, в те поры одних правил истинны смотреть должно, а дела человеколюбия или несовершеннаго права ПРАВОУЧЕНИЮ предать должно, что в сих последних делах такие обстоятельства замыкаются, в которых судьям смотреть нечего. По сему востим мы эте припадки в число таких случаев, в которых человек сими печальными разсуждении довольствоваться и голову свою под иго их приклонить должен: **КРАЙНЕ СТРОГОЕ ПРАВО, КРАЙНЯЯ НЕПРАВДА И ОБИДА.**

Несправедливость тех ЗАКОНОВ, которые рабей или холопской чин в наказание обратили, Господин А. такими словами доказывает: «Смерть (де) ПРЕСТУПНИКА, то есть погрешившаго человека, потому законна или позволенная, что казнящей виноватаго человека ЗАКОН в его пользу сделан. Человекоубийца или душегубец (например) осуждающим себя законам действительно пользовался, и этот закон на всякой час жизнь ему сохранял, для того осужденному на сей ЗАКОН жаловаться и против сего спорить невозможно. А с рабским (де) чином весьма иное дело. ХОЛОПСТВО уставившей ЗАКОН никогда не мог рабу полезен быть, да от начала установления своего всегда и во всех случаях рабам противен был и во веки противится им станет. Но сие главному или основательному правилу всех обществ противно».

Сие разсуждение потому меня весьма удивило, что от Господина А. собранныя в него мысли между собою отнюдь не согласны. Подлинно, что наказание в те поры праведно и дозволено, когда сию казнь определившей ЗАКОН в пользу всех товарищей виноватаго учинен, а под тем видом и разсуждением осужденной сим ЗАКОНОМ со всеми согражданы и участниками вины своей обще пользовался. Но сие правило все наказания и всякаго звания казни в себе заключает. Умныя люди о том только сомневались, праведна ль смертная казнь. Всякому наказанию должно служить на исправление погрешившаго, а когда виноватаго смертию казнят, в те поры никакому исправлению быть уже невозможно. По сем разсуждению взято прибежище к другому особливому правилу. Которой человек тяжкия вины, как, например, человекоубийство и подобныя ему беззакония учинит, того надобно почитать за неприятеля всему народу и по сим видам своим за достойнаго смерти признавать, поэтому главныя казни праведны не только как казни, но и так власно, как самые человекоубивцы. И тот закон сему же подобен. Которой гражданина свободы его лишает, это, надобно думать, или за самое уже ело почитать, что сия кара или казнь таким людям положена, которыя чрез эте беззакония свои сами себя достойными учинили, чтоб их от общения жития гражданского вовсе отсечь. Для той притчины Римские законы сию казнь, политическою смертию назвавши, в число главных казней положили.

Сия кара также праведна была как ссылкой и гораздо приличнее народному благу. Чрез этот способ всякой народ тех людей уберегал, которые, живы оставшись, еще больше прежняго отчизне своей служили. Сие рабству подобное состояние у всех добрыя законы имевшим народов в обычае и весьма в долговременном употреблении было, а те земли с народами донныне у себя имеют, которые рабство или холопской чин у себя отрешили.

Для сих притчин я не понимаю, на каком основании Господин А. мог сие утверждать, будто за важныя вины свои холопом учиненной человек весьма отменен от того, кто за смертоубийство свое пытан, а закон, лишающей его свободы, не в его пользу не под тем видом и не в равенстве с тем законом зделан, которой душегубца на смертную казнь осуждает: «Холопей закон никогда (де) рабам полезен быть не мог». Не ведаю, о тех ли он законах говорит, которые и гражданскими за злодейство свободу его отнимают, до которых нам все дело, или к тем законам возвращается, которые вольное служение утверждают?

Буде о первых, то как ему это утвердить, чтобы граждан за нарушение Государственного спокойства в каторжную работу и на рудокопныя

заводы осуждающие законы тем же самым гражданам чрез все то время не полезны были, пока они в числе добрых членов Государства действительно находились?

Буде о других законах пишет, то я выше сего довольно показал, что Господином А. против рабского или служня чина объявленное недостойно назваться строгим экзаменом или следствием, да сей чин в самом себе Господам и слугам равно полезен. А хотя б на то и согласится, что другова рода рабство народу не только не надобно, но и вредно, то можно ли от того заключить, будто и такой служен чин равной сему вред наносит, которой в самом деле и основании своем одно только наказание?

Господин А. далее говорит: «Ежели кто скажет, что сей закон ему для того полезен быть мог, что Господин сему человеку пищу и одежду дать в состоянии был, то (де) всех сего содержания себе промыслить не могущих людей рабами учинить должно».

Помянутой Господин А. в предыдущем пишет о гражданине, а, следовательно, о таком свободном человеке, которой по законам в рабы осужден. Сие оказалось по сравнению его между таким рабом и между казненным смертию душегубцом. На место сего раба вводит такого слугу, которому для той же притчины эте ЗАКОНЫ нимало уже неприличны. Эте ево ложныи мнении так явны, что я опровержением оных и утруждать вас не смея, с одним токмо почтением остаюсь.

К вашим, Государь мой, услугам, готовейший &c.

Письмо седьмое

Государь мой.

Нельзя мне тех Господина А. общих разсуждений (генеральные рефлексии) без разсмотрения оставить, в которых он о служнем чине следующими словами пишет: «Рабское (де) житье и состояние гражданскому праву и естественному закону противно».

Я здесь того разсматривать не стану, можно ли это сказать, будто такое дело гражданскому праву противно, которое самими гражданскими законами позволено, кроме такого случая, ежели под именем и словом гражданских законов общия правила со всею их силою разумеются. По течению сего письма скоро окажется, в том ли прямое мнение Господина А. состояло.

В нечаянное от всех читателей писем ево и странное сему делу доказательство следующее объявил: «Какой бы (де) гражданской закон мог раба или служня чина человека от побега удержать, а холоп не в обществе,

и потому никакия гражданския законы до него не касаются? Раб (де) одним только домовым нравом, то есть законам Господина своего, удержан быть может».

По самому началу сих слов его видно, что хотя б и подлинно так было, то б от сего только то последовало, чтоб служен или рабской чин, от гражданских законов свободясь, не имел бы другога правила, кроме единой воли Господина своего, которая в гражданском обществе должна следовать с Государственными законами. Сим ясным доводом весь неосновательной разсудок господина А. совершенно испровергается. Полно подлинная ль эта правда, будто гражданские законы холопству в побеге препятства зделать и от того удержать ево не могут?

Основание и права общества гражданского с крайним рачением рассмотревшие в науках и в самой по них практик славные люди обще в том согласуются, что хотя раб и не в числе граждан, однако ж он в Государстве.¹⁴ Как ему тут не быть, когда владеющей рабом Господин или дети его внутри Государства? Что ж может гражданским законам в том препятствовать, дабы они холопа определении своими от побега не удержали? Недолжно ль силе и власти их на всех тех людей разпространятся, которых дела поспособствуют или способствовать могут, к пользе и к сохранению в желаемой целости всего народа, хотя б эте люди никакого согласия и общества с Государством не имели, по примеру таких чужестранцов, которое в тамошнем Государстве оставшись, домами поселится не похотят, так же беззаконии и злодействы своими от целости Государственного корпуса отсекающие себя граждане или самые неприятели, кои в той земле найтися могут.

Как было умному А. тех способов не знать, которыми Гражданские законы побег холопей и рабов удержать могут? Разве законам на сие дело у самых рабья чина людей помочи и способов просить? Недовольно ль того будет, чтобы тех людей жестоко наказать, кто беглых людей и крестьян наших, подговоря и к себе уведши, скроет, а по требованию твоему выдавать их нестанет? Не могут ли те же законы владеющих Государей уполномочить к предписанию руками судей своего должного беглым наказания, а подговорщикам и держателям их справедливаго штрафа, как то в сей ИМПЕРИИ от глубокой древности установлено и до ныне происходит?

Что же думать о тех, до побега рабов касающихся ЗАКОНАХ, которые у многих древних и новаго времени народов донныне непоколебимо хранятся? Разве сказать, будто они безсильны или Гражданскому праву,

¹⁴ Смотри Губера кн. 2 секц. 1 гла. 5 № 1. (Примеч. автора).

замыкающемуся в общем интересе всего народа и Государства, противны? Не в точное ли с сими законами согласие рабов от побега по такой притчине удерживать должно, что рабы уходом своим приводят в пустоту жилища и деревни помещиков своих, а чрез то ж самое и всему Государству умаление наносят?

Разумной Господин А. целые четыре главы книги своей на опровержение служня или рабского чина положивши, вздумал показать нам «прямое начало холопью закону, а сим именем разуметь праведное и с естественным разумом согласное начало сему в некоторых землях весьма лехкому праву (Кн. 15. Глава 6)». Немало я тому дивился, увидя, наконец, собственное Господина М. в том признание, что в некоторых землях не только сносное, но потому весьма легкое рабство или служен чин нашел, что сие холопство, от праведной и законной вины произходя, само собою праведно и законно быть долженствует. Намерение ево (по всем видам) клонится к показанию того, что всех сильнейшему БОГУ и духом Его премудрости одаренному МОНАРХУ все уничтожить и паки возродить, то есть вновь сделать, можно.

«Служению (де) или служию, то есть рабскому чину, для того на самом состоянии дел утверждённу быть должно, что всякому рабу вольно такого помещика себе выбрать, как ему нравен и полезен явится. На сем то правиле договор у господина с рабом основан».

Сему то подлинному рабству и справедливому служню чину высокоумной Господин А., сам его не знаючи, напрасно противился, прилепясь к таким злым действиям или худым употребленим сего звания, которым рабы подвержены быть могут. Только эти худыя дела рабов и холопей с самым состоянием житья и чина их ничево общаго не имеют.

Но при том объявляет, что сему рабству в одних только деспотических или самовладельных Государствах быть можно, «для того (де), что политическое во оных служение гражданскую свободу некоторыми способы уничтожает».

В иных он местах, мнение о сем деле переменявши, пишет, что Римляне с холопи своими до произшедшей в форме правительства их перемены весьма снисходительно поступали, а Республика Афинская своих рабов того человеколюбнее содержала. Как же по словам его тому статся, чтобы лехкому и с разумом естественным весьма сходному рабству только в одних таких землях и Государствах быть, у которых ни правил, ни законов нет? Разве он это у Мароканцов нашёл? Это по многим нашёл? Это по многим историям известно, что люди в свободных правительствах и в других землях сами себя продавали, когда законы тому не противились. Как же в этому

статся, чтоб сие дело в одних землях праведно, а у других народов несправедно было?¹⁵

Могли ль бы рабы того надеяться, что с ними по добровольной самих себя продаже в бантам лутче, нежели в Батавии поступлено будет? Господин М. пишет о начале холопству или рабскому чину в разных землях, а особливо в полуденных краях, где (по ево объявлению) «через мерной жар в такое ослабление людей приводит, что они по одному только страху наказания трудную должность свою исправляют».

Но самая практика, то есть действительное искусство, все эти слова ево опровергает. По одному только безпристрастному рассмотрению рода человеческого во всех землях много таких людей нашлось, которые натуральных талантов или естественных даров так лишены, что способнее к тому кажутся, дабы, под оборонную и покровительство других людей живучи, такими трудами и службами необходимое себе воздержание получать, которые больше силы и терпения, нежели остроты разума и прилежности требуют. Сих людей по слову АРИСТОТЕЛЕВУ самя натура к тому определила, чтоб им рабами быть, а другим приказала ораторами да стихотворцами родится. Таких людей и во Франции столько же найдется, как в Королевстве Ахемском.

А над тем и останавливаться не думаю, что Г. А. говорит, будто «в некоторых землях природное рабство есть, хотя такое служение или холопство некоторым землям прилично быть может, только другим краям за тем бесполезно, что в сих землях свободными людьми все сделать можно»¹⁶.

1. Защитнику служня чина можно, сей мяч назад отбивши, оборотно сказать, и свобода в некоторых землях затем головою ненадобна, что тамошние жители все свои дела руками рабов своих исправить могут. Сим рассмотрением только то доказывается, что свобода и неволя подлаго народа сами в себе целому обществу безпристрастныя вещи, да все зависит от нравов и от законов, которое вольность или свободу с неволею в том Государстве, которое сими обычаями и законами действительно управляется, иногда полезно, а в других случаях опасно учинить могут.

2е. Хотя б на то и согласится, чтоб людям можно было в таком же равенстве жить, в каком состоянии первозданные праотцы наши и некоторые

¹⁵ Книги 10 в главе 3 пишет, что завоевателю можно иметь право оружием своим покоренной народ в рабство или в служение привести, ежели оно к сохранению завоеванных мест надобно. Владетели (де) у неприятелей своих земли для того берут, чтобы оружием покоренные места вечно за собою удержать, а не ради того, чтоб завоеванной народ рабами учинить. Буде же сие для сохранения завоеванных земель делается, то надобно о том старание приложить, чтоб сей народ по прежнему свободен был. (Примеч. автора).

¹⁶ Книга 10. Глава 8. (Примеч. автора).

народы в Африке жили, чтоб сего житья и состояния в такие Гражданские общества по прежнему ввести отнюдь невозможно было, в которых различие чинов вышедши в НУЖНОЕ ЗЛО обратилось. Признаемся же, что в наших обществах ГОСПОДА и рабы необходимо надобны, да в том способе служная нужда, как сие служение законами, обычаями или взаимных у господ с рабами договором порядочно уставить. Это с партикулярною, то есть с особливою, всякого человека и с публичною, си речь со всенародною пользою, равное сходство и согласие имеет, на урочные ль годы холопи для содержания самим себя пищею да одеждою (это наемные люди или лакеи) или на помещиково содержание теми же необходимостми (те то кабальные холопи или прямые рабы) в вечное услужение к господину своему пойдет.

3. Посему должно без сумнения верить, что законодавцу в таком его правлению порученном Государстве других перемен предпринимать не для чего будет, кроме единого старания о издании регламентов способнейших на учинение того служня или рабского чина, которой в землях своего владения найдет, отчасу более сходнейшим как с партикулярною господ и рабов, так и с генеральною или общею всего народа и Государства своего пользою. Однако между тем надобно согласиться, ежели Глава или Монарх такому Государству, где прямое служение¹⁷, то есть кабальное холопство отрешено, запотребно разсудит дозволить подданным своим рабов иметь, а нищим и бродяг к тому принудить, чтоб в службу к помещикам шли, то владетель чрез сие никому обиды не учинит, а обществу немалая от того польза произойдет. Буде же самодержец прикажет служение или рабство в такой земле, где служен чин издревле в обычае, то большой половине рабов не только нималой пользы не зделает, но господам и помещикам их такой вред чрез сие приносит, что они слуг и холопей своих потеряют, а общество ленивцами, тунеядцами, ворами, и разбойниками наполнится.

До окончания сего письма позвольте мне, Государь мой, сообщить небольшое число от Господина М. о границах и содержании подлинного рабства или прямого служня чина собранных правил, которые мне безмерно понравились, а состоят в следующем.

«Здравой разум определяет господской власти не простирается далее тех дел, которых служба его требует, и чтобы он к рабам своим выше меры жесток не был».

«Раба на пользу и услугу, а не на роскошь и для забав своих иметь».

«Служителям добрыя нравы весьма надобны».

¹⁷ В рукописи: сложение.

«Первые Римляне жили заботами и ели с рабами своими вместе, к людям и крестьянам весьма справедливы, кротки и милостивы, а рабы, напротив того, к Господам своим так почтительны, услужны, верны и столь добронравны, что на них кроме единого благонравия никакия ЗАКОНЫ ненадобны были. Но как Римляне по завоеванию многих народов в великую силу пришли, от того времени с рабами своими обще есть и работать перестали, а рабы, от военной добычи разбогатевши, во нравах своих так испортились, что их нарочными законы воздерживать надлежало».

«В умеренность приведенное Государство рабов терпеть может, а другим землям множество холопей не в тягость».

Все сие весьма изрядно и тем большего принятия в разумок достойно, что Господин А. Римских холопей, которых состояние сперва толь жестоко и мучительно ему казалось, наконец всем рабам и служня чина людям в пример представляя, с похвалою то приемлет, чтоб рабам добронравие иметь с таким показанием, что добрыя нравы работ от благонравия Господ их зависят, когда же Господин злонравен, то и рабы у него непотребныя будут, а рабской или служен чин во всяком Государстве, народе и владении допущен быть может.

Ко услугам Вашим готовейший &c.

Письмо восьмое

Государь мой.

Доныне мною объявленного о законности рабства или служня чина по моему мнению довольно будет на доказательство того, что деспотство, ежели оно значит правительство из рабов состоящего Государства вместо настоящих и подлинных граждан, само собою; нималой противности правилам естественного и гражданского закона не имеет. Когда праведно и всякому Господину дозволено в доме или в деревнях у него живущим рабами властвовать (командовать), то и сие равною справедливостью позволит должно, что бы по всей его владения земле живущим подданныя также ему повиновались. Они то множеством людей своих составляют то Государство, которое называется ДЕСПОТИЧЕСКИМ или господственным, на различие от гражданского владения.

Остроумнейшие политики об этой со здравым разумом так сходной правде никогда не сомневались. Крайне того опасаясь, чтобы вас, Государя моего, не замучить ссылкой или указанием на разныя книги, одно только то объявлю, что славный БОДИН второй своей Книги о республике в главе второй¹⁸ напи-

¹⁸ Смотри еще Гроция книг. 3 гл. 8 § 7. (Примеч. автора).

сал: «ГОСПОДСТВЕННАЯ (де) МОНАРХИЯ, без всякого прекословия, первая на свете была. КСЕНОФОН в Книге своей, называемой киропедия, нетолько изрядным, но и всякой хвалы достойным делом сие почитает, что ЦАРИ у Мидян да у ПЕРСОВ всем владели. ГОСПОДСТВЕННУЮ (де) МОНАРХИЮ отнюдь не должно насильственным владением называть. Это с правдою весьма сходное и всякой истинне приличное дело, чтобы самовластному принцу, неприятелей своих доброю и справедливою войною победа, а затем уже над животом людей и над всем их имением по военному праву Государем учинившись, подданными своими как сущими и законными рабами так точно, как отцу детьми, а господину челядинцами и всем их служням имением обладать».

По приведении сих правил намерение Господина М. о ДЕСПОТИЧЕСКОМ или Господственном правительстве легко усмотреть, что он четыре правительства или четыре весьма различных способа к правлению в одно место смешал: ПОДЛИННОЕ ДЕСПОТСТВО, МОНАРХИЮ САМОВЛАСТНУЮ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ и варварское, то есть непорядочное ПРАВИТЕЛЬСТВО.

В доказательство сему мог бы я на одного его описание ДЕСПОТСТВА сослаться, по к приведению сего дела наилутчей свет, то есть в яснейшее разумение, должно мне от Господина А. на разобрание сего мятежа и непорядка предложенную теорию с примечаниями особливим прилежанием рассмотреть, поелику оныя ево ремарки или примечания к моему намерению приличествовать будет.

Но до вступления в этот смотр или разбор надобно здесь общее разсуждение о СХОДСТВЕ и согласии ДЕСПОТИЧЕСКОГО правительства с гражданским вообще и с различными способами пред сими объявленнаго правления.

Сей род или сорт правительства подобен гражданскому. 1^е По силе и власти начальствующих Государственным правлением, которая власть с покорностию и повиновением подчиненных сему правительству людей равно совершенна. 2. Жизнь со всем имением сих подданных зависим от повеления и законов помянутых начальников Государственного правительства.

ДЕСПОТСТВО особливим способом самовластной МОНАРХИИ в том употребляется, что власть САМОДЕРЖЦА или самовластного монарха никакими политическими или гражданскими законами не определена и им отнюдь не подвержена. ДЕСПОТ и самовластной монарх кроме того правила и предела воли своей не имеют, что ЗАКОН БОЖИЙ и свет собственного разума им предписывает.

То же правительство сходствует с насильственным правлением потому, что в обеих сих владениях живущих людей не по граждански содержат, а для того они правами и преимуществы жития гражданского не пользуются.

Под сим видом имеет оно многое сходство с варварским правлением в тех землях, где за недостатком чистоты и светлости разума непорядочная и жестокая, то есть насилственная политика господствует.

Теперь уже легко будет показать, в чем ДЕСПОТИЗМ или ГОСПОДСТВЕННАЯ власть от других родов правительства разнствует.

Несмотря на равенство власти деспота и гражданского правительства МОНАРХА, это подлинная правда, что власть одного из них выходит от такого источника, которой с началом произходящим друга монарха власть никакого общения и равенства не имеет. ДЕСПОТА, невзирая на общую пользу, велит себе во всем том повиноваться, что до него собственно и до персональных его интересов касается. Принадлежащая ему рабы ничево своего не имеют, да все их стяжание в ГОСУДАРСКОЙ воле и власти. Гражданской МОНАРХИИ Государю покоренные народы во всем том праведно повинуются, что к общей пользе касаться может, а без того бы сей МОНАРХ не мог исполнить должностей, соединенных с его высоким достоинством, ни сохранить подданным своим того, что у них есть или что им должно. В касающемся до совершенной его пользы по той мере самовластен, сколь сия польза с ГОСУДАРСТВЕННЫМ интересом нераздельна¹⁹.

Сему подобно покорение рабов, собранных в Государство ДЕСПОТИЧЕСКОЕ, и повиновение Граждан, составляющих державу Гражданскую. Какова бы степень всего повиновения не была, только прямой или подлинной гражданин всегда свободен не только по своему обязательству о повиновении правителю или начальнику своему, но еще такой ради вины, что он сие обязательство в том едином намерении взял, дабы самому человеку со всем именем своим в совершенной безопасности и в полной свободе жить.

САМОВЛАСТНАЯ МОНАРХИЯ, несмотря на великое сходство и согласие свое с ДЕСПОТСТВОМ, в том только пункте от него различествует, что САМОДЕРЖЦУ

¹⁹ Великой в нашем времени МОНАРХ написал: «САМОДЕРЖЕЦ народу своему не САМОВЛАСТИТЕЛЬ. да только перьвой и верховнейшей у них судья» (АНТИМАХИАВЕЛЯ Глава I, страница 3). Святое писание называет ЦАРЕЙ БОГАМИ на земли и помазанниками Господними. Сие славнейшее ТИТЛО тем только высоким особам определено, которые к тому от БОГА званны, дабы многих людей благополучными учинить, а отнюдь не сходствует с титулом ДЕСПОТЫ, которой к сему высокому достоинству никакого особенного звания неимеет. Добрым самодержцем данное ТИТЛО ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА гораздо лучше монарша или Государскаго имени почтены. ТАЦИТ пишет: первые из Римских Императоров не терпели того, что бы люди их Государями звали. Цесарь КЛАВДИЙ парфянскому царю МЕГЕРДАТУ сказал: не забывай того, что ты идешь командовать свободными людьми а не рабами, и себя только начальником или правителем, а не государем их почитай (ЛЕТОПИС. Книга 12). Молодшей Плиний (в панегирике своем) в показание различия между начальником или правителем и между государем всему народу сказал: «Ты возведен на место и достоинство князя, да избавишь нас от господина». (Примеч. автора).

МОНАРХОМ и ДЕСПОТСТВОМ одного народа быть невозможно²⁰. ДЕСПОТ владеет такими рабами, о которых он сколько попечения иметь должен, сколько их состояние, а его собственной интерес требует. Вопреки же сему МОНАРХ таким свободных людей под власть свою имеет, что о благополучии их прежде и больше всего стараться должен²¹.

Ежели ДЕСПОТ по благодати сердца углубится в безмерное рачение о благополучии народа своего, а МОНАРХ, забыв собственное состояние с должностями его, пренебрежет щастие подданных ему, то оба не будут тем, что ни быть должны. Первой учинится ОТЦОМ и БЛАГОДЕТЕЛЕМ рабов своих, а другой будет утешитель и враг подчиненных ему.

Не по одним только на вид часто обманчивым делам о прямой форме Государственного правления, также о состоянии власти и прав начальников рассуждать надлежит. Дела безпрестанно прменяются, а существенное установление Государства с праведными преимуществами МОНАРХА его не может ничем поколебаться, кроме такой перемены, которая правила и основанию онаго совсем опровергает. Рим под владением ИМПЕРАТОРОВ своих АВГУСТА и ТИВЕРИЯ был государством гражданским, при ТИВЕРИИ да при НЕРОНЕ учинился государством ДЕСПОТИЧЕСКИМ или простою вотчиною короны.

Что пользы человеку в знании того, как правительство идет в Париже, в Лондоне, в Константинополе и в Венеции, ежели того не ведает, такову ли тамошнему правительству быть должно. ИСТОРИКУ да описателю при одних делах остаются позволено, а право и польза общества – главная должность ЮРИСПРУДЕНТА да ПОЛИТИКА.

По таком учреждении естественных пределов или границ между ДЕСПОТСТВОМ и самовластным правлением те границы увидеть легко, которая оное от ТИРАНСТВА или насильственного владения да от непорядочного правления отделяет.

Оба эти правительства такое гражданское владение представляют, которое прямым ДЕСПОТСТВОМ исключается. Потому видно, что подданных своих, как рабов содержащей, а, яснее сказать, к одной только своей пользе неволяющей, а о их благополучии нерадящей ДЕСПОТ не делает еще им прямой

²⁰ Гроциус об этом различии третьей своей книги главы 8 под 2м и 5м § (параграф) пространнее пишет. (Примеч. автора).

²¹ «ЦАРИ и верховные правители тогда самовластны, когда Государство по мудрости своего рассуждения и по настоящему состоянию дел правят, несмотря на некоторые вечныя правила и непоколебимыя установления. По сему слово САМОВЛАСТИЯ отнюдь ничего свободным людям противного или несносного в себе не заключает, но должность свою по совести исправлять желающие МОНАРХИИ чрез то самое к великой осторожности и к несравненному бодрствованию пред всеми людьми приобязаны, которых урок или такой определенной труд отведен, что от сего ЗАКОНА удалится не могут». Пуфендорф, книги 7 главы 6 § 7 и 8. (Примеч. автора).

обида. Напротив того, ежели варварской самовладелец или ТИРАН то же делает, то оба они главнейшую должность свою забывают.

Я того и подумать не могу, чтоб некоторые люди учиненные мною разделы правительства за негодные и безумные почли. Сама притчина или очевидное искусство свидетельствует, что благополучие Государств всегда в пропорции с тем знанием, какое кто место в Государстве имеет и какими праведными способы должности сего чина по достоинству исполнить может.

Прямое различие между ДЕСПОТСТВОМ и между истинным МОНАРХОМ подлинно знающему принцу: можно ль на единое мгновение ока выбор сих ТИТЛ, а, следственно, о соединенных с ними правах и обязательствах усумнеться? Толи подание монархом праведного мнения о высочайшей власти их, а чрез то поспешествовать благополучие повинующихся им народов, чтобы сим Божиим помазанныкам внушать, будто ДЕСПОТСТВО и самовластие есть одно правительство, а посему всякой монарх, имеющей право собою владеть и все по своей высочайшей воле употреблять по примеру многих, до нашего времени бывших и ныне за лутчих и величайших Государей праведно почитаемых принцов, может и должен подданных своих как рабов или сущих невольников крайнюю жестокостию содержать, каким бы кто гнусным именем всех сих держав монаршей покоренных людей ни называл? Живое и праведнейшее описание употребления на зло тех припадков и обстоятельств, которым такое правительство подвержено, может ли самодержцов, действительно имеющих или только чающих иметь сие право, в состоянии ль к тому привести, что б могущественнейшие МОНАРХИ, сего права отрекшись, высокой власти своей праведныя границы и твердыя пределы положили? Не скорее ли сего они тому поверят, будто довольно и того, чтобы только употребления на зло правительственной власти убегать, а более и требовать от них нечего?

Пребываю и проч.

Письмо девятое

Государь мой!

Все от Господина М. о ДЕСПОТСТВЕ объявленное состоит в разделе разных родов или сортов правительства да еще в малом числе ремарков с примечанием и правилами, разсеянными в книге его.

Я начну исследованием сего раздела, а потом уже соберу те пункты, которые до ДЕСПОТИЧЕСКАГО правительства особливо касаются.

«На свете, – (говорит он), – три рода правительства – республиканское, МОНАРХИЧЕСКОЕ и ДЕСПОТСТВЕННОЕ. На познание подлинного состояния ево

довольно (де) простым людям того ведения, что правление заключает в себе три действия. В Республиканском правительстве весь народ или часть оного имеет полную власть, в МОНАРХИЧЕСКОМ владении единый МОНАРХ по уставам и вечным законам правительствует, а в ДЕСПОТСТВЕННОМ правительстве один самовладелец без правил и ЗАКОНОВ все по собственной воле и по одному своенравству делает» (Кн. 2. Гла. 1).

Я намерен Господина А. в том порицать, что он скудоумное понятие незнающих и простых людей выше основательного ведения таких мудрых политиков о разных родах правительства предпочел, из которых одному больше полумиллиона света здравого разума и наук с искусством лишенных простолюдинов в толь важных делах поверить можно, которая на всякой час переменяется. Я ж, еще и легкой к зданию раздел многих форм гражданского правительства древних веков другим людям уступивши, только сие объявлю. Ежели Господин А. к лутшему различению сих форм хотел смотреть числа ПЕРСОН, имеющих участие в самодержавной власти, и приведению к возможной умеренности сего самовластия, чтоб ему члены раздела своего, по крайней мере, удвоить надлежало. Правление многих особ столько ж сего прибавления допускает, сколько правительство единого владельца терпит. Между Венецианским и Женевским правлением такое ж различие, как между Аглинским и Дацким.

Это самая подлинность, что ни единой форме прямого правительства без правил обойтись, а без основательных и постоянных законов пробавится невозможно. Ими то порядок, яко душа, во всяком Государстве содержан быть может. Все по собственной воле и по единому своенравству правящему монарху подданное Государство употребилось бы такому караблю, которой, без кормщика и без людей на ветер пущен будучи, о перьвой камень разбится может.

К приведению в умеренность самодержавной власти не одне законы надобны, а и в том необходимой нужды нет, чтоб законы в областях САМОДЕРЖЦА вечныя и постоянныя были, да такие узаконения, или вместо оных договоры, или уже вместо договоров такая обычаи иметь, которые бы самодержавную власть в подлинныя с правилами и с намерениями их сходны были. Сие то прямые и фундаментальные законы в умеренность или в границы приведенной области. Хотя Рим под владением перьвых царей, а за ними под властью консулов своих долго постоянных законов у себя не имели, однако правление сего города чрез все то время умеренное было.

Теперь объявлю примечании Господина А на такое правительство, которое он ДЕСПОТИЧЕСКИМ называет: «Как под добрым правлением (полиция)

живущие народы, гораздо щастливее тех людей, которые без начальника и без правил по лесам бродят, так и под фундаментальными законами государства своего живущие **МОНАРХИ** несравненно благополучнее **ДЕСПОТИЧЕСКИХ**, ничево такого не имеющих владетелей, что бы собственные их и подданного народа сердца, управляя, в порядок привести могло (Кн. 5. Гла. 19)».

«Определение визиря в таких областях есть основательной или **ЗЕМСКОЙ ЗАКОН**. Сей визирь сам **ДЕСПОТ**, и всякой офицер визирь».

«В которых землях фундаментальных законов нет, там и хранения законам нет».

«В деспотических землях нет **ЗАКОНОВ**, да судья сам **ЗАКОН** и всему правилу».

«Надобно (де) какой-нибудь священной книге вместо такого закона быть, как у арапов Алконар, Зароастровы книги у персиян, у индейцов Ведам, а классические книги у китайцов. По сему видно, что священныя книги у многих народов вместо гражданских законов на отправление суда и расправы берутся».

«Там народу судьей по законам, а велможам по воле монаршей судить должно».

«В деспотических государствах милосердия немного знают. Строгость гораздо приличнее такому правительству, где страх основание всему правлению».

«В деспотических правительствах награждающему владетелю толко людям своим денги раздавать. Такому правительству сроднее, чтоб монарх войску своему не денги, да земли и деревни жаловал. В монархиях одна честь царствует, там владеющей государь людей своих к щастию ведущими честями и чинами награждает».

«В деспотических областях самое состояние правительства требует крайняго повиновения, а объявленная воля владетеля так точно, как в человека выстреленная пуля действие свое неизбежно иметь должна. Кого персидской царь на смерть осудит, тому человеку перед ним оправдатся и милости у царя своего просить невозможно. У них это мнение от начала монархии было и донныне ведется. Как о истреблении иудеов от персидскаго царя Артаксеркса подписанного повеления отменить стало нелзя, то дано им было позволение к оправданию себя».

«Насупротив воли монаршей кроме единой веры представить нечего, и то временем. В монархиях да в областях умереннаго правительства никто не пойдет представлять законов веры. Придворному это смешно покажется. Ему по всякой час станут говорить о законах чести».

«Хотя в монаршем да в деспотическом правительствах маниры или способы повиновения весма разные, однако власть в обеих одна: куда толко монарх обратится, ту сторону весов к земле приклонят. Вся между ними разность та, что в монархии повелитель наполнен мудрости и разума, а в министры несравненно искуснее по делам, нежели в деспотственном владении. В наших монархиях все благополучие во мнении²² народа о кротости и о благонравии правительства. Неискусной министр всегда тебе хочет про то сказывать, что ты раб, а ему сие скрывать надлежало, хотя б это и подлинно было».

На эте пункты обещанной вам от меня коментарь скоро поспеет.

Покорный ваш слуга.

Письмо десятое

Государь мой!

Это мое к вам письмо начну я тем паралелльем или сравнением, что господин М. учинил между монархом, живущим по фундаментальными или земскими законы государства своего, и между таким деспотственным владельцем, у которого по собственному мнению ничего того нет, чем бы его и подданным ему людей сердце в правильной порядок приведено быть могло.

Я понимаю, что тако монарх не имеет никакой притчины к жалобе на свою долю, когда он таким законам подвержен, но и поданием праведных границ власти его не вредят высокога достоинства монарша и не препятствуют ему содействовать в приращении благополучия покоренных державе его народов. Я здесь того разсматривать не буду, всех ли в умеренность приведенных правительств и областей основателные или земския законы таковы, толко б сие знать желал, на чем утвердясь господин А. думает, будто эте ж самые законы необходимо надобны к приведению в правильной порядок сердец самодержцев или, как я разумею, показав сим монархам должность их, принудит к исполнению оных. Разве он то мыслит, будто монарху из сих законов ведение добра и зла почерпнуть можно, а сие знание не содержит ли в себе способнейших притчин на обяжание монарха к тому, чтоб от сих законов не удалялся? Всем человеком сие ведение даровавшая природа могла ли бы тех высоких особ сего дара лишить, которым наибольшая в нем вина?

Вся сила сих законов клонится к удержанию злых принцов от того, дабы они власти своей на зло не употребляли. По сему видно, что земские или основателные законы в умеренность приведеннаго правления или государства нетолко недовольны монарха толь благополучным и совершенным учинить,

²² В рукописи: во мне.

какого бы он благополучия с совершенством желал или достигнуть мог, да едва имеют ли силу к произведению того блага, которое от единого умаления зла на свете происходит. Благополучие государства своего умножить или подданной ему народ от наступающего страха избавить желающей государь в умягчающих власть его законах почти те же препятства, что и тот самовластной монарх в земских законах найдет, как бы ему, которой о том стараться начнет, государство свое раззорить, а подданных опровергнуть.

Это по историям известно, что спартанской законодавец ЛИКУРГ к лутчему принятию законов своих, в которых скрытую мудрость самое весьма чудесное действо оправдало, отвергающих оныя принужден был силою оружия утешить, то есть несколько времени самовластно поступать. Затем, что которые из лакедонских начальников в мирное время не очень сильны были, те уже во время войны получали команду над армиею безмерную власть и неопределенную над другими силу брали. Римляне, в лутчем благоденствии своем находясь, к сочинению 12тскрижалнаго закона определенным децемвирам принуждены были не толко на целой год такое полное самовластие дать, чтоб нигде, никто и ни в чем на суды и расправу их спору и челобитья не подавал, но еще должны были уставить диктаторов, что есть самовластных начальников на все то время, когда и как долго республика их великому страху подвержена будет. От сего то мудраго и преславнаго вымысла римляне всю долговременную силу и страшную великость свою получили.

К тому ж бы поверил о таком монархе, которой всем усердием желает благополучие подданных ему отчасу более поспешествовать и всякой день новыя способы к тому имеет, но от таких земских законов всесчастное себе припятствие с помешательством видит, кои, от злова обычая и употребления по одному толко несправедно застарелому своенравству изданы будучи, сему благожелательному и мудрому государю вечно руки вяжут. Может ли он себя щастливее того монарха почесть, которому к произведению в действо возможнаго и уже им в намерение прямого блага кроме единой доброй воли ничего более не надобно?

Соперники мои на сей вопрос кроме одной худой воли и злонравия самовластных принцов вопреки мне поставить не возмогут. В мудрование углубившейся Господин мой М. так еще витийствует, кому пять чувств сего безпрестанно сказывают, что он более и выше всех, а другие люди перед ним ништо, и тот (де) человек, натурално обленясь, а затем в незнание и в роскоши впадши, все дела оставит.

Я на скудоумные слова его отвечать и к ево беззаконию своего греха прилагать отнюдь не хочу, да толко на то соглашусь, что по примеру

Шилдерика всех в умеренность приведенных областей и державств начальники естественное трудолюбие с природною мудростию и с праведным ненавидением пагубных раскошей на свет с собою вынесли. Но когда уже дело до действительной и вечно пребывающей правды дошло, то бы реченной Господин дозволил мне на самую практику сослаться, а это вседневное искусство никакого уже спору и прекословия не терпит. Священная история подает нам праведное мнение о ДАВИДЕ, о СЛОМОНЕ, о КИРЕ, об АРТАК-СЕРКСЕ, об АВГУСТЕ и о ТИТЕ, а светская история представляет в примере владетелям ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Эта основательная мысль сходнее ли мысли о тех принцах, которых Господин А. описывает, или праведному мнению моему о совершенном монархе подобнее?

На свете таких областей и земель немало, в которых народы до самого владеющего ими глуп и пороками наполнен. Почему же форма правительства в этих недостатках виновата? И в Европе такие полновластнейшие самодержцы есть, каковых в Азии не сыщется. От чего ж и откуда это берется, что сии самодержцы светом разума и добродетелей своих подобных себе владетелей превосходят? Разве только различие воспитания и нравов на западе одни добродетели, а в восточных земли единые пороки родит. Кто сравнивает ум и нравы древних персов до египтян, про которых история великие чудеса нам сказывает, со нравами нынешних персиян и кофтов, тот с моим мнением немедленно согласится.

Монарша неспособность (без всякого спору) требует определения такого министра, которой бы высоким Государя своего именем текущие дела правил. Но ежели в историю Турецкой империи заглянуть для уверения себя о том, что не для сей притчины великой везирь определен, а постановление сего чина у турков, которое Господин М. почитает за основательной или земской закон в тех правительствах и владениях, где (по его мнению) никаких законов не знают, нисколько с ним сходства и согласия не имеет.

Вместо опровержения на такой вздор, которой, сам себя опровергая, в праведное ничто обращается, окончаю письмо мое небольшими ремарками, то есть примечаниями, на тот способ или метод, которому господин А., во всех своих политических наблюдениях (те ж примечания) следуя, настоящую правду для них теряет.

Сей выше мудрующей господин деспотственное и самовластное правительство пороками тех владетелей беспрестанно обвиняет, которые данную себе власть на зло употребляют, а славному Аристотелю то к вине приписывает, «что он разделение многих родов монархий по такому припадочному или случайному делу учинил, каковы добродетели и пороки принцев».

Приводя примеры добрых и злых владетелей, где их найти мог, без всякой правды к злым монархам прилепляется. Разве он в Перси да в Турецкой земле одних толко разслабленных монархов нашол? Или непомнит Абаса, Измаила, Солимана, Амурата и подобных им славою владетелей?

Этот писатель обык правила свои на таких делах утверждать, которые очень редко с сущюю правдою сходятся или уже от подобны ему скрибентов ложью наполнены. Ежели б он во времена древних французских королей Клотаря и Шилперика жил, то б конечно сказал, будто тогдашней обер-камергер (архикубикуларий) вместо основательнаго закона МОНАРХИИ по такой же причине, как великой визирь в деспотическом правительстве определен²³.

От партикулярного или особливаго всегда к универсальному, то есть ко всеобщему переходит, а от некоторых времен или обстоятельств к другим также неподлинным временам и обстоятельствам перепрыгивает. Что ему в нынешнем правительстве королевства Французскаго полезно и нравно показалось, то от всех в умеренность приведенных монархей требует, а которые пороки у турков да у персиян нашол, тем думает и во всех самодержавных государствах быть.

Ему этот способ (метод) две ползы вдруг приносил. Первое, повод к обману и удивлению читателей особливою новостью вымыслов, а 2^е, приданием этой инвенции такого вида, которому бы такие люди поверили, которых одна внешность (видимая наружность), удивляя, прелщает. В протчем пребываю.

Письмо 11^е

Государь мой!

Сим приступаю к примечаниям Господина М. о суде и росправе в самовластных государствах.

Он думает, будто в этих областях хранение законов, то есть судебным местам и коллегиям быть невозможно, а при том пишет: «Эте (де) между-

²³ Во французских писателях знатной господин Рикот следующее о сем деле весьма разумное примечание учинил. Крайне (де) тот человек трудное дело на себя возмет, кто подлинныя правила политическаго правительства изъяснить похочет. Славнейшие в древних веках писатели все монархи с царствами весьма разумно уподобили на море пущенному кораблю. Ежели (де) то рачительно приметить, что эте пловучие крепости [так в рукописи] подвержены жестокиим бурям и премного различным ветрам, чего ради карабли, бесчислено различными ветрами заточаемы и гонимы будучи, чрез неистотно разныя дороги к намеренному порту и желанному пристанищу приходят, то ясно увидим, что сие подлинной образ и само истинное подобие (прямая эмблема) политическаго правительства, для сей (де) притчины надобны такие твердые и постоянныя правила, которыя бы к самоуправлению земель и народов так свойственны, сильны и им приличны были, чтоб ни от чего поколебаться не могли, кроме нечаянных и толь страшных бурь, которые все основание опровергают. Читай Рикотова издания историю о настоящем состоянии Турецкой империи книги I гл. 1. (Примеч. автора).

средственныя и другим местам подчиненныя власти монаршу правительству так свойственны, что кой час они уничтожатся, то скоро и установление правительства раззорится» (книги 2 глава 4).

Потом разсуждает, что «в деспотических государствах суд и росправу владетелю самому чинить можно, а в монархических (де) государь сего сделать нельзя, тогда (де) все судебные обряды пресекутся, а страх людей так одолеет, что ни надежды, ни чести, ни любви, ни безопасности, ни самой монархи уже не будет» (книги 6 глава 5).

Мне кажется, что Господин А. чрез сие самодержцам позволение, а монархам запрещение суд и росправу самим чинить прежнее свое о них мнение вдруг переменял. Как умным людям по справедливости того бояться, будто монарх в самоличном отправлении суда и росправы меньше тех людей ревности и усердия окажет, которые (по ево же слову и мнению) ни правила, ни закона, кроме собственной и то по большой части развращенной воли не имея, одному своенравству последуют? Какая к тому надежда, чтоб злое намерение имеющей принц к произведению оного в действо худшие способы избрал?²⁴ Разве ему высокою своею особою на то в суде присудствовать, чтобы таких людей, к смерти приговоря, погубить, кого сам пожелает? Когда французской король Людовик Третьей на десять принял намерение дука Девалет или Валетскаго герцога собственною особою судить, то разумнее ли короля Карла Девятаго поступил, которой с войсками против гугенотов сам в поход отправился? «Людвиг Первый на десять (по объявлению французскаго историка Филипа Комина) в 1470^м году, намерившись Бургонскаго герцога перед собою судить, тем остроумнее обеих помянутых монархов сделал, что изо всех трех чинов государства своего таких отборных господ в город Турс на собрание к себе позвал, которыя бы против королевской воли ни в чем не спорили, чего во все время королевской державы ни прежде, ни после сего случая небывало».

Кто смеет Французскую монархию при владении Людовика Кроткаго в те времена не страшным деспотическим правлением назвать, когда всяк с челобитьем своим перед короля допуссался и в своих от людей терпимых обидах его величеству персонально жаловаться мог? Сей кроткий и правосудный монарх чрез отправленное в 828^м году собственноручное письмо всем верноподданным своим объявил, что его величество на каждой неделе по одиножды в верховном совете или во дворце своем для суда и росправы заседать намерен.

²⁴ Господин А. забыл в книге своей о вечных армиях, о командовании ими, о писмах за отворчетою печатью, о добродетельном наложении податей и о подобном тому писать. (Примеч. автора).

Не самой ли это на избавление бедных, обидимых от силы и нападков обидящих, лутчей путь, чтобы к высочайшему лицу самодержца и государя своего прибергут! Не главная ль это всякого владетеля должность и не лутче ли всех преимуществ, чтобы народу своему суд и росправу высокою своею особою чинить?²⁵

Для сей то притчины самодержцы, увидя, что их величеству суд и росправу по всякой день самим чинить отнюдь невозможно, судебные места и судей определили, которые в основании их с верховным правительством монархи ничего общего не имеет. Таких судебных мест в королевствах Гишпанском, Дацком и во Французском да в Аглицком равное доволство. Во Франции да в Англии судьи от престола для того меньше зависят; дабы чрез сей способ тех беспокойств убавить, которые монарху от непосредственных судов его произойти могут.

Для сей притчины в тех областях, где законодательная власть от самодержавной власти некоторым образом отделена, монархи предоставили себе достойное и высочайшее титло источника всякой чести и правосудия. Во Франции много таких дел, которые король прямо себе и верховному совету своему представлять повелевает.

Теперь то начну разсматривать, что много о себе мыслящей вития Господин А. ложно объявляет, будто в деспотических областях головою никаких законов нет: «Не знаю (де), что законодавцу там устанавливать, а определенных от него властям судить, когда все земли и деревни монарху принадлежат, то о владении ими почти никаких гражданских законов нет. По самовластному преемству наследственного престола никакого закона в наследстве онаго нет. Исклучательная комерция в некоторых землях все законы о купечестве и торгах уничтожает. Тамошние браки с рабскими дочерми главная тому притчина, что о приданом и о других ползах жен гражданских законов очень мало. От безмернаго множества холопей то происходит, что таких людей почти нет, кто бы, свою волю имея, в делах пред судом ответствовать долженствовал. Большая часть нравоучительных дел, а имянно воля отца, мужа и господина, учреждаясь, правятся ими, а не от судей. В какой великой важности честь между нами, так (де) уже тамошней народ чести почти ничего чести не знает».

На явное доказательство тому, что в ложно объявленных от Господина А. землях подлинно такие правила и законы есть, которым судьи и над ними

²⁵ Издатель описания, именуемого начала Франции (Том 3. Гл. 9 под § 3) так говорит. В общем правиле узаконено, ежели государь не даст надворнаго суда васаллу своему, то васалл должен ему повиноватся. По сему узаконению некто ис королевских подданных в 1223м году объявил, коим образом он монарша владения за то отрицается, что три недели по челобитной в обиде своей на губернатора суда и решения получит не может. (Примеч. автора).

установленные власти последовать должны, можно было мне к опровержению сей явной неправды многое сказать, но понеже он в иных местах сам на то соглашается, то я одни толко те резоны здесь пересмотрю которыми он в этой лжи своей отпирается.

Почти во всех тех землях, кои хитрой А. под именем деспотических с другими смешал, у живущих подданных есть собственное имение. Славной Рикот в первой книге своей (Глава 12) о состоянии Турецкой монархии, объясняя доходы великаго султана из разных беглербегств (губерни) империи его, имянно пишет, что болшая часть сих губерней разделены на санджакства. Одни из них отданы тимариотам, обязанным итти на войну с командеры своими, когда прикажут, а другие переходят в роды по наследству, которое дети берут по линейному правилу во всех деревнях и наследствах своих. Он же объявляет, что в реестрах гукенметами записанные суть самовластные господа и помещики всему имению своему. В Алепской губернии всякой партикулярной человек имению своему господин. АЛКОРАН, имянно объявляя о духовных и завещательных писмах, такое ж непосредственное наследство определяет, какое у нас в Европе по некоторым землям установлено²⁶.

Я это ведаю, в каких землях (по мнению Господина А.) исключительная комерция все законы о торгах и купечество уничтожает. Он это правду сказал, что в некоторых, то есть в немногих землях, толко неосновательное рассуждение свое от немногих на все области весьма ложно распространяют. В болшой части сих земель толь свободная комерция, какова в наилучшую умеренность приведенных землях находится может, а в тех краях, где самодержец некоторую часть комерции себе предоставил, как, например, в России отправляется, в Китайском государстве, сие купечество к такой же умеренности приведено, как во Франции соляной торг. Сим образом оная комерция другая ветви комерции не исключает и никакими способами не теснит и все те законы сносит, кои самодержец в областях своих к поспешествованию промысла и торгов учинить за благо рассудит.

Господин М. еще объявляет, будто в тех землях живущие люди на рабьих и холопских дочерях женятся, а для того (де) о приданом и о других ползах жен законов у них мало. Кто б сему поверил, будто такие земли на свете есть, где свободные, выше подлаго народа люди, рабских дочерей лутче, нежели волнаго чина девиц толко для того в жены себе избирают, чтобы оныя законы уничтожить. По крайней мере ни один историк и описатель об этом не говорил, а в Алкоране, которой у всех восточных народов вместо закона содержится,

²⁶ В королевстве Шведском да в Лифляндии по тамошним законам сыну всякаго имения против дочери вдвое дают. (*Примеч. автора*).

многия весма справедливыя правила мужа и жени о разводе , о приданом и о других к тому принадлежащих делах есть.

Господин А. пишет о безмерном множестве рабов и холопей в деспотственных государствах, а того не говорит и знатно не приметил, как великому и с холопами размерному числу господ и помещиков там быть должно, которые, сими рабами владея, должны иметь особливые права. Хотя в древнем Риме меньше холопей было, нежели ныне в Константинополе, однако великое число их ползы законов отнюдь не умаляло.

На объявленное от тово ж Господина А., будто в тех землях, о которых мы говорим, будто большая часть нравоучительных дел в воле отцов, мужей да господ, и от них, а не от судей управляются, можно следующий ответ дать. Хотя б сие и подлинно так было, то еще много таких сего числа и качества дел останется, которые законами управлять надобно. Законы восточных народов по сим делам на такие неизвестные нам подробности простираются, а судьи по оным делам никому помочи своей не отрицают. Славной Бузбек в третьей своей книге на странице 292 пишет: «В восточных краях такой обычай, ежели жена, по приходе в суд башмак с ноги снявши, оборотит, то судья без всякой формы и без дальняго произведения дела сию челобитчицу с мужем ея разведет».

Господин А. весма это напрасно думал, будто в деспотических землях гораздо меньше чести знают нежели в других краях. Сию честь возбуждающее усердие и добродетель со всяким человеком родится и везде себя оказывает. По лицу всяя земли живущие различные народы такое о чести бесчисленного различия мнение имеют, что почти оного и сообразить нельзя. В путешественных и в других историях такая странная розницы о сем деле рассеены, которым и поверить трудно. Посему и недивно, что турки всю славу свою в том полагают, чтобы белую челму носить, много милостины давать, на убежище странным и путешествующим ханы, то есть дома строить, а по указу великаго салтана не толко всякия страхи, но и самую смерть терпеть готовы, о чем славной Рикот в книге своей пространнее пишет. Вопреки тому европейцы сие мнение о истинной чести на весма лутчия способы и дела полагают.

Итак, очень трудно угадать, о какой чести Господин А говорит и на которое государство мнение свое склоняет. О Франции ли он это думает, где честь в толь великой важности, или углубленную мысль свою в таком суетном мечтании на Россию обращает, будто там столь мало чести знают, что ни единым словом и выразить ее не могут.

Теперь уже я доразумеваюсь, что он эту честь свою к тому клонит, дабы люди человеку верили, что он честен и смел к обороне славы своей, также

к отмщению учиненнаго себе безчестия или так называемой обиды в словах или делах такими способы, какие к сему действу за приличнейшия разсудятся. Об этом во всех Европейских краях и областях законы многое с особливом пространством определили. Но понеже того не знаю, до какого пункта и степени эти бещести с обидами (по ево мнению) человеческую честь вне Европы вредят, буде их там не в такой же силе признавают, как люди в древней Греции и в старом Риме почитали, то я останусь при одном уверении вас, что в тех землях власно то ж и точно такое ж мнение, которое западные соседы наши о сем имеют. В наших законах сим обидам такое же место, сколько оного в немецких да во французских узаконениях иметь они могут²⁷. А то уже совсем ложно, будто российской язык так недостаточен, что чести никаким словом выразить не может²⁸.

В писмах и книгах Господина А. упомянутой сей Перри крайним развращением Российских в книгу его внесенных слов явно показал, что он сего изряднаго языка совершенно не знал.

Я есмь усердной ваш слуга &c.

Письмо 12

Государь мой!

Вы ис примечаней моих пред сим усмотреть изволили, что Господин М. не допускает законов и правил в таких государствах, «где судья сам закон», то есть всякие законы и уставы собственно высокою особою издавать может и властен. На сие, несмотря, можно им такое уравнилное награждение дать, которого никому жаль не будет.

«Надобно и пристойно (де) такую священную книгу иметь, которая бы вместо закона служила, как у арапов Алкоран. Священная (де) книга заменяет гражданской закон и определяет судебное правило».

Ему надлежало сказать, что такая книга знатное преимущество берет перед гражданским законом великою силою веры и велмож и у народа. Ежели подлинно сказать, то духовная книга светских законов почти ничем

²⁷ До ран и побои касающиеся древнейшие Российской империи законы почти во всем подобны законам древних франков, бургонцов, галлов, немцов, и других германских народов, а новаго времени в законе, которой называется Уложение, о разных словом и делом обидах есть особливая и весма пространная глава. Обиды словами называются бещестьем, а побои да раны, то есть уязвление на теле, имянованы увечье.

²⁸ Российское слово честь то самое значит, что по латыни гонор, а у французов гонер, што по французски амбицион, то по руски честолюбие или любление чести называется. (Примеч. автора).

не заменяет. В ней две натуры. Она и гражданская и духовная книга, а правила ея всю силу политических и фундаментальных законов имеют. Всякой самовластной монарх, узами веры воздерживаясь, из одного послушания ей должен по духовной книге в делах своих поступать, дабы за явное себя оказание неверным самому всей власти не лишиться. Сей способ турков, персиян и индейцов и китайцов приводит к обладанию теми правилами и законами, которые все заменяют, и их на все довольно.

К лутчему подтверждению объявленнаго мною то еще прибавлю, что славной Рикот в своем описании Турецкой империи (Книга 2. Гл. 1, стран. 242) о юриспруденции сего народа следующими словами пишет: «Понеже гражданские у турков законы часть веры их составляют, то оба эте важные дела вместе смешены и в единой корпус внесены. Турки этому верят, что гражданской им закон от пророка их Магомета вручен и также власно, как самой закон веры от Бога дан, и для того оному неизбежно повиноваться должны. Это вымысел тех людей, кои тамошнее правительство основали так власно, как у римлян Нуммы Помпилия, у греков Солона и других народов бывших законодателей к обузданию народа совестию и страхом наказания».

Замысловатой наш Господин А. по возстановлении законов в самовластных государствах боится того, дабы владельцы сего установления в постоянное употребление, то есть в вечное исполнение и всегдашнее действо не ввели: «Народ (де) должно судить по законам, а велмож по воле монаршей».

Ежели б он так сказал, что сие очень редко случается, дабы самодержец в разсуждении народа принужден был поставить себя выше всех законов государства своего, да то гораздо чаще сего бывает, что монарх обязан на себя находить в разсуждении таких персон возвышаться, которые властью и честолюбием своим важное и праведное монарху подозрение на себя подадут, то б Господин А., в точное согласие с Тацитом (Летопись. Кни. 14. Гл. 45) сказавши, ничево новаго не написал. Я это правило по основанию его допускаю, но при том думаю, что оное не на одне те области клонится, которым А. сие правило вместо границ намерился, и не толко в приведенных к умеренности правительствах, но в самых республиках с людьми сего рода так поступают. И к безопасному впредь содержанию государства то ж с ними делать должно. Афинцы своим острацизмом (приговор по болшинству голов), сиракузцы петализмом (такое ж определение), а римляне явным без суда и допросов изгнанием или уже самим преданием смерти в силе и власти страшных им людей сие правило действительно исполняли.

К сему соединенное примечание ево кажется быть одно толко следствие сего дела, но Господин А. над меру далеко во оном идет. В этом примечании

он рассуждает, будто строгость самовластному правительству для того приличнее милосердия, «что велмож (по ево слову и мнению) надлежит содержать примерами строгости, а страх (де) основание и правило деспотическому правлению».

Я здесь того рассматривать не стану, милосердие ли с кротостью (вообще говоря) государственному благу полезнее, а добродетелям и свойствам самодержца приличнее, нежели строгость. История да политика от древнейших времен, общим согласием определивши во всех родах правительства то за наилучшей путь и способ установили, дабы строгость с милосердием во всяких делах по крайней возможности мешать, а самовластной принц важную к тому притчину имеет, дабы всегда и при всех таких случаях милосердо поступать, где и когда сие без нарушения должности своей к государству и к самому себе учинить может, сколько той же к сему притчины имеет владетель в умеренность приведенной державы. Но понеже Господин А. отваживается страх за партикулярное правило и основание положить, то должен я, над сим пунктом останавлиясь, то мнение прилежно рассмотреть, которое сей скрибент о правилах и основании каждого правительства, в голову себе забравши, так об них пишет:

«Как в республиках добродетель, так (де) в монархиях честь надобна, а в деспотическом правлении страх нужен, там (де) добродетель не надобна, а честь страшна будет.²⁹ Тут (де) в искренности да еще в справедливом нраве дальней на то нужды нет, чтоб монарше или деспотическое правительство содержалось. Сила (де) законов в одном, а самодержцова рука в другом государстве все управит и удержит...³⁰ В этих правительствах государство стоит и вечно пребывает, не завися от любви ко отечеству, от желания истинной славы, от строгова отвержения или отречения самого себя от забытия или оставления дражайших интересов своих и от всех тех героических добродетелей, о которых мы толко слышать или в древних историях читать могли».

Все это Господина М. учение о правилах гражданского правительства кажется мне весьма удаленным от того, чему на здравом разуме основанная политика с мудрою во все времена практикою о сем деле учит. Кто сего не увидит или не рассудит, что истинное благополучие государства зависит от точнаго наблюдения правил, определяющих то, кому в общую пользу государства что делать или от чего удержатся, те то правила устанавливают содержанию всякаго государства и каждой области столь нужные гражданские и политические законы, хотя б оные правила порядочно написаны и печатным тиснением опубликованы, что гораздо лутче и прочнее, или б толко от прави-

²⁹ Так в рукописи.

³⁰ Так в рукописи.

тельствующих словесным приказом определены были. Истинное правило всякаго правительства в том более всего состоит, дабы государству приличное и к его определению служащее движение давши, того рачительно наблюдать, дабы законы или указы монарши всею возможною силою без всякаго послабления исполняемы были.

Но блиское и основательнейшее знание естества человеческого всех нас беспрекословно в том уверяет, что все люди от страху беды, а особливо наказания все дела свои лутче и скорее исправляют. Для сей то притчины законодавцам невозможно было в одном государстве живущих людей к исправному наблюдению законов иными способы привести кроме неизбежнаго страха и положения разных штрафов за удаление от сих законов.

Как же о том и сумневался, чтоб страх неминуемаго наказания не был общим правилом всех правительств и не учился бы равно нужным как в умеренности приведенным, так и тем областям, на которые Господин М. склонить ево хотел? Славной аглинской автор Аддисон в книге своей, названной³¹ (речь 31), так о сем деле пишет: «Ежели пожелаешь тот страх совсем и совершенно исключить, которой законами всех земель и народов господствует, то сим несправедливым мнением всю и всякаго правления форму совсем опровергнешь, а кто такие ложные мысли или прямые мечты в голову себе заберет, тот против здраваго и всему роду человекучу сроднаго света естественнаго разума удалится».

Хотя б сей общей способ подлинно надежнейшей, однако еще такие способы в помощь себе приемлет, которые люди к тому концу и намерению толь силно приводят, что без них отнюдь невозможно желаемаго правлению совершенства дать. Главная и естественная сего правила сила заключается в недопущении зла, а доброй в человеке воли со усердием произвести не может. Однако в этом едином благе (страх) истинное благополучие и верховнейшая полза всякаго государства замыкается.

Потом уже всякому государству крайне сие полезно, дабы к страху все такие способы по крайней возможности присоединить, которая людей ко благому и полезному привести могут, то есть, во первых, к вере, потом к чести, за нею к добродетели, а там ко всем в сохранении государства способствующим изрядствам прибеже, свое взявши, поступать в том, смотря по обстоятельствам, а особливо по нраву и состоянию того народа, которым править. Посему Господин А. весьма напрасно хотел добродетель, из деспотственнаго правительства выгнавши, в республики ввестъ.

³¹ Пропуск в рукописи.

Недовольно сказать того, будто в монархических и деспотственных правительствах государство будет стоять без всех тех добродетелей, от которых теперь одно имя осталось. Хотя Господину А. в том поверить, будто эти добродетели, из Франции да ис королевства Гишпанского бежав, а потом в Венецию да в Женеву пришедши, домами там поселились, или в помянутых дву монархиях бесплоднее, а в обеих республиках сильнее и действительнее.

Скажем лутче правду. Все области и государства для того без добродетели простоять могут, что люди без дальняго благополучия пробавится в состоянии. Напротиву же сего и в том признаемся, что никакому государству и ни единой державе без добродетели пребыть невозможно, что болше в государстве добродетелей, толь щасливее оно будет. Некоторые свободныя земли и области от того знатную перемену во всей форме правительства претерпели, а другие совсем погибли, что места добродетели заступившие пороки главною виною сих перемен и всего падения учинились. Сего зла в таких монархиях еще болше и чаще бывало, где бесчеловечие с непорядками владетелей с пагубным честолюбием и со злостями подданных ужасные действия произвели.

Отдавши добродетели то место, которое ей в монарших и во всех других областях иметь надлежит, осталось мне то рассмотреть, по какому праву Господин А. честь из самовластных государств выгнал, и правда ли это, будто она там страшна быть может?

Пушай кто-нибудь мне это скажет, каким страхам честь означенные государства подвергнуть может или действительно подвергает? Всяк из нас это видеть и чувствовать может, что граждан чести потому бояться не для чего, что она также точно, как добродетель от часу лутчими их творит. О благополучии подданных своих пекущагося монарха сия честь также потревожить не может, разве толко бесчеловечным да неправедным владетелям ее опасатся. Их тут³² Господин А. о том просит, чтобы «бодрость у людей ломали, а честолюбие совсем искореняли». Я вопреки сему и от сего самага пункта сильнейшую к тому притчину беру, дабы честь во всех государствах искренно любить и усердно почитать. Невеликая ль это всему государству полза, что в нем злыя владетели всем заблуждениям своим сильное супротивление, а добрыя монархи великую помощь к тому находят, дабы себя от часу достойнейшими любви и почтения подданных своих учинить?

Хотя я отнюдь того не думаю, чтобы Господин М. проповедником беззакония и разсевателем пороков учинился похотел, толко по словам его в этом случае

³² В рукописи: ту.

и во многих других местах, которые мне молчанию предать должно, принужден я и не хотя тому верить, что люди весьма худым писцом праведно его зовут. Махиагель бы горше его плел героям (ученикам) своим внушить не мог.

Я охотно ему позволяю людей таковыми представлять, каковы они есть, а тех добродетелей им не давать, которых не имеют, только б от того пожаловал удержался, чтоб людей с живой натуры (нагих) не малевать, лукавства и насилий их в штатские правила не одевать, а самих бы тому не учил, как им по регулам от часу горшими плутами сделаться.

На примечании Господина А. о тех воздаяниях, которых самовластной монарх подданным своим учинить может, представляю только следующее великолепное описание Господина Бузбека (книг. 1, стр. 142) двору турецкаго салтана Солимана. «Двор (де) сего принца совершенно изряден, знатнейшими велможами и первыми людьми Отаманской империи наполнен, конною и пехотною армиею, спагами, капичи башами, улузакам и великим множеством янычар окружен. Только во всем этом почти бесчисленном множестве придворных никто людей, кроме сего способа не знает, как токмо по добродетелям и по единым истинной славы достойным делам....³³ Монарх все чести и чины раздает, а к сему воздаянию по заслугам ни богатых, ни благородных, ни сильных не избирает, да только одних благодетельных, разумных и таких заслуженных людей усматривает, кого на отменную степень светской чести и высоких достоинств возвести намерен. Добродетель при здешнем дворе единое и лучшее украшение. Там всякому человеку заранее о том думать должно, что ему впервых от собственной добродетели, а потом уже от монарха и от двора его основания всему благородству и щастию уповать должно».

Ваш послушный слуга &c.

Письмо 13^e

Я начну рассматривать примечание Господина М. о степени повиновения в деспотических государствах, где (по его словам) «воля монарша то ж самое действие, что в человека выстреленная пуля произвести должна. Там (де) ни средства, ни умеренности нет, а прозбы и представления к лутшему не слушают». Сей оратор на том утверждает, ежели персидской шах или царь на смерть кого осудит, тот человек не только перед царем слова молвить или милости у него просить не смеет, но и сам (де) шах повеления своего отменить не может, а в доказательство на сие приводит Шардинову (Кн. 3. Гл. 10) да Есфирину историю.

³³ Так в рукописи.

Кто б сего не признал, что в не имеющем основательных законов государстве послушанию несравненно болшему быть должно, нежели в такой области, где самовластие силою законов в границы приведено? Но понеже в сих законах имянно означено, до каких границ самовластию простираться и что монарху своею высокою особою определять, то по всем другим правительству врученным делам власть монарха в умеренность приведенной державы равно со властью самодержца. И так обратное сей власти повиновение долженствует исправно соответствовать этой степени, или уже других границ не имеет, кроме тех пределов, которые сей власти государственные законы определяют. По сему легко разуметь, чтобы подданные монарха своего не узнали (в какой бы державе сие ни было), ежели б высочайшая воля с повелением его в долженствующих ей повиноваться того ж³⁴ власно действия не учинила, которое в человека выстреленная пуля неизбежно производить и неминуемо произвесть должна³⁵.

И то подлинно, что сие природное или естественное действие самовластительства может на время отставлено или вовсе отложено быть, когда толко монарх изволяет, несмотря на мнимое между собою сопротивление у двух воль человеческих и не взирая на взаимное сражение между двумя – одна против другой – выстреленными пулями. Еще такое различие осталось: что от всякого нравоучительнаго вязания или от уз свободная воля сама себя остановить и на всякое мгновение ока удержатся может. По сему ясному доводу все сие в полной воле самодержавнаго монарха, дабы представлении подданных своих о состоянии и следствиях повеленей и указов его величества терпеливно слушать и оных исполнение отлагать, ежели монарх, силу и правду сих представлений подлинно усмотревши, за благо принять изволит. От сего происходит право всех самодержцов словесныя приказы и письменные повеления свои не толко всечасно отменять, но и самыя законы к молчанию приводить, ежели справедливость сего потребует³⁶.

³⁴ Зачеркнуто: должно.

³⁵ «Кому общее ево состояние правительства хотя мало известно, тот скоро в том признается, что во всяком правительстве совершено полному и нимало неопределенному, то есть никакими границами неутесненному самовластию в руке у тех правителей быть должно, кои по государственному установлению (конституции) или по единой воле самодержца законы и всякую правду пишут, хотя б сие правление в руках министерских или коллежских властей было». Смотри Адиссон. Книги [пропуск в рукописи]. Речь 16. (Примеч. автора).

³⁶ «Весма (де) это мнение безумно», – (тот же Адиссон пишет), – «будто имеющим власть законы издавать невольно или невозможно, некоторые из сих законов на время отставить или вовсе отменить, когда народная полза сего востребует. Без этой бы (де) праведной власти всякое правительство недостаточным учинял, ни силы, не способов к содержанию себя не имело». (Примеч. автора).

Кто ж бы это подумал, будто власть царей персидских преж сего была меньше или ныне безсилнее власти всех других самодержцов в отмене указов и повеления их? Шардиново свидетельство (по моему мнению) никакого разсуждения недостойно, ежели чрез объявленной от него закон или обычай не разуметь обыкновенную твердость с непоколебляющимся постоянством персидских царей в крепком содержании законов своих или великую трудность в склонении сих монархов к отмене таких указов, кои друг другу противны, а особливо к отрешению таких законов, которых к общему сохранению всего государства учинены.

По Есфириной истории видно, что именем царей персидских писанного и их монаршей руки перстнем запечатанного указа или сею печатью утвержденной грамоты хотя никто уже отменить не в состоянии был (Кн. Есфр. Гла. 8. Стих 8), однако того отнюдь не явствует, чтобы сам царь сего сделать не мог. Кто бы ему помешать или прекословить в том дерзнул, ежели б монарх учинить сие похотел? По сему гораздо лутче верить и справедливее то думать, что у древних не толко преславны законы, но при них весма мудрое, умеренное и благоразумное правительство имевших персиян владевшие цари высокому достоинству своему не за приличное, а народной ползе за вредное дело почитали, дабы в верховном совете их заготовленной царскою рукою подписанной и его печатью укрепленной указ отменить, каков от царя Артаксеркса первому его министру Аману на погубление иудеев сочинять дозволено и приказано было. А сей монарх, опасаясь подания злаго примера удалением от такого всякой хвалы достойного обычая и употребления, дал верховному совету своему на волю такая способы сыскать, которыми бы исполнение сего несправедливого указа на время остановить, а вовсе бы сего повеления отнюдь не отрешать (той же Есфирской истории Гл. 9. Стих 6, 15 и 16).

Сверх того, по Есфирину поведению и по многим примерам Геродотовой истории (Кн. 3. Гла. 118. Кн. 7. Гл. 194) довольно явствует, что персидския монархи, принесенныя им прозбы и молении за прогневивших высокое лицо их великодушно приемля и умилосердившись, многия повеления свои удерживали, а иныя совсем отрешали.

Сему представляю два примера. Как персидской царь Дарий велможу своего Интаферна со всем домом и с целым родом его казнить приказал, то и Интафернова жена, всякой день ко дворцу приходя, плакала и выла. Царь, не могши более вопля и рыдания сей жены слышать, приказал ей одного человека изо всей фамилии их именем объявить, кому бы для горестной ей прозбы живот спасти. Сей же монарх указал знатнаго судью за пагубное лакомство его ко взяткам повесить, но, после того важную ево к ползе

государственной пред несколькими леты оказанную услугу вспомя, в самой час экзекуции велел судью от смерти свободить.

Господин А., всем людям сродную жалость с милосердием у самодержцов отнявши, про монархов своих (по-видимому) для того уберег, дабы самодержцам надежнейшее правило подать, а монархам одну стень оставить. «На супротивление (де) сильной воли принцов можно временем нечто вопреки поставить, а имянно веру. В монарших (де) государствах или в монархиях никто не подет законов веры принцу внушать. Там де сие придворной человек за смех себе вменит, да вместо веры беспрестанно представлять ему станут правила чести»³⁷.

Недовольно того, дабы закон веры такому принцу внушать, которой оную почитает? Разве турки с персиянами, да индейцы с китайцами потому очень жалки, что самодержцам своим не имеют представить кроме Алкорана или другой такого состояния духовной книги, которая запрещает добродетель утеснять, а неповинных губить не велит? Или люди в таких государствах щастливее будут, где самодержцы одним законам чести повиноватся станут, которыми сам Господин М. те законы разумеет, которые придворным известны и знакомы быть могут.

Теперь разсмотрю последнее примечание Господина А., которым он равняет власть самодержца со властью монарха или главы к умеренности приведенному государству. По сему основанию оба владения в самой существенности их за одно государство почитает, хотя способ или образ повиновения в монархии весма не тот, которой в самодержавном государстве, а мнение о сем деле такими словами объявляет: «Куда бы (де) монарх ни обратился, туды одну сторону весов за собою к земле приклонит. Все (де) различие в том, что в монархиях владетель светом разума наполнен, а министры несравненно искуснее в делах».

Сим описанием монарха своего Господин А. ясно кажет, что хотя власть у принца основательными, то есть земскими законами в границы и приведена, однако сей монарх все по своенравию и по собственной воле делать может, толко бы собственную остроту разума, а при том искусных министров имел. Как же монарху все по своенравию и по единой воле своей делать без нарушения законов, которые точно сему противятся! Разве сие такую хитростью в действо производить, чтоб народ от сего не потревожился или бы, тово ига

³⁷ Конечно, затем, что придворного человека дело у монарха своего проповедником быть, а, напротив того, ласкари, то есть раздаватели милостыни да другие монарши духовники сами бы себя в посмеяние привели, ежели бы правила чести принцу своему предлагать отважились. (Примеч. автора).

почувствовав, не увидел, которое монарх по остроумию своему на подданных давно наложил?

Что ж от сего произойдет? Разве монарху все то несправедливо будет делать, что деспот или самовладелец, не прибегая к хитростям и насилству, в действо произвести может?

Монарх по сему делу несравненно и тем виноватее деспота будет, что власти своей границ не полагает. Ежели в монархиях все благополучие в народном мнении о кротости правительства, то к чему годятся те преимущества, которые Господин А. монаршу или монархическому правлению перед самодержавным правительством с такими нарядами и толь великолепно дает? Довольно ли к сохранению народной свободы того, чтоб министры, всякими хитростями от народа прямое состояние его скрывая, те цепи не прежде всех ему показали, которые народу от их рук наложены? Ежели б это праведно было, так бы Господин М. отечеству своему тем худшую услугу показал, что оному такую тайну открыл, которую ему знать не надлежало.

Ваш добροжелательной слуга &c.

Письмо 14^e

Государь мой!

Уверившись о несовершенстве мыслей Господина М. о деспотическом владении, нечего уже будет дивится и неверности описания его тем знаменитейшим монархиям, которые от него в число деспотичных государств положены.

За такая сей Господин не только Турецкую и Моголскую область, а при них Японию и Китайское³⁸ государство признает да на ту же еще линию древнюю империю Римскую³⁹, Россию, Гишпанию, Португалию⁴⁰, Данию⁴¹, Швецию под владением Карла Второго на десять⁴² поставил.

³⁸ Книги 8 в главе 21 так о сем пишет: «Наши миссионеры (на проповедь и распространение веры Христовой посланные монахи духовного чина люди) сказывают нам про обширное царство китайское, под видом так преславного правительства, которое в свои правила страх чести и добродетель мешают, поэтому раздел мой весьма суетен, чрез которой различие трех правительствам положил. В Китае живущие купцы наши вопреки миссионерским скасам на беспрестанные разбои тамошних мандаринов великия жалобы приносят. По письмам патра (монах или отец) Пареннина о процессе, учиненном по приказу китайского цесаря над детьми и принцами феофитской крови, видим мы план непрерывного тиранства и обид естеству человеческому.... [так в рукописи] Особливые и, может быть, единыя обстоятельства на свете в состоянии то сделать, что китайское правительство не таково будет лакомо и развращенно, какову ему быть надлежало. Может статься, что от физической силы в воздухе чрез тамошние погоды производимыя действия, нравоучительные вины преодолевши, нечаянные чудеса произведут.... [так в рукописи] Сие то родило те регламенты, про которые люди так много говорили. Некоторые

По сему весьма легко показать, что те азиатские⁴³ области и государства, которые А. за десподственные почитает, так же сего титула не заслужили, как показанные мною европейские области, да одним только нравам и склонностям

китайцы то хотели сделать, чтоб у них закон с деспотством вместе царствовали, но что с самодержавием ни соединено, то все бесилно.... [*так в рукописи*] Посему китайское владение такое диспотическое или господственное государство, у которого страх основание и правило всему». На сем месте Господин М., для збережения правил своих о разных правительствах купецкие письма выше известей искусных Римского престола посланников у китайского народа почитая, думает, будто смертные убийствы с таким же безчеловечием, какое было и еще поныне есть в тех европейских монархиях, кои нимало не эквивочны (двоеличны или так сумнительны, что ни самовластие, ни республика) и с такими разбои да грабежами, которые и в самых республиках нередко бывают, самодержавное государство значат. Ноконец теми своими пустыми примечаниями все в замешательство привел, которыми объявляет, будто физическая перемена воздуха толь великие чудеса в одном Китайском государстве произвела, а затем и всему описанию его верить нельзя. На собственное опровержение оного сам он против своего мнения о сей империи (Кн. 18 в главах 17 и 18) так про нее пишет: «Китайская (де) империя основана по естественному мнению от правления одного дому или фамилии, а сие та самая мысль, которую политики монархическому правительству придают и тем сию империю от диспотического правления отделяют. Китайское государство, права завоевания своего отнюдь не теряя, нравы, закон и веру за единого почитает. Сего вдруг всего переменить невозможно. А понеже сему необходимо быть должно, чтобы победителю или побежденному переменуется, то сию перемену в Китае всегда победителю делать надлежало». К праведнейшему мнению о китайском правлении весьма (де) изрядно исправныя и разумныя извести славного Вольтера с сим описанием сравнить: «Ум (де) человеческой не может лучше сего правительства выдумать, где всякие дела чрез великия коллегии, канцелярии, канторы, приказы и судебные места, которые по мудрости узаконителя друг другу подчинены. Члены во все сии места по многим свидетельствам х весьма строгим экзаменам приемлется. Шесть главных коллегий или надворных судов, все государство управляя, важные дела к решению в верховный совет подают. Ведомству и команде сих четырех коллегий в одном столичном городе Пекине сорок четыре всякаго звания судебных места подчинено. Всякой мандарин или воевода в своей провинции свой трибунал или суд собственной канцеляриию имеет. Невозможно (де) императору в такой обширной империи самопроизвольной власти иметь». Смотри француз. книгу [*пропуск в рукописи*], глава 63. (Примеч. автора).

³⁹ Книги 6 в главе 15. А. пишет: «Древняя империя Римская под владением цесарей своих учинилась диспотическим и военным государством; а 2 кн. в гл. 18 так говорит: под державою добрых императоров сия империя брала настоящие свои правила, и богатство чести все другая чести заменяло». (Примеч. автора).

⁴⁰ Господин А. 2 книги своей в главе 7 спрашивает: «Куды б девалась Гишпания да Партугалия, потерявши законы свои, бес помощи клира (церковной чин), которой один гибнущую власть государства своего удержал». (Примеч. автора).

⁴¹ По словам 17 книги гл. 6 легко разсудить, что другое в севере законов своих лишившееся королевство в мыслях господина А. властно таково ж должно быть, как Дацкое. (Примеч. автора).

⁴² Пятой книги в главе 14 пишет: «В тамошних (деспотических) землях люди таковы, что исправлению их одно толко имя надобно. В Бандерах жившей король швецкой Карл Второй надесять, в Стокгольмском сенате некоторое супротивление услышав, без всякаго замедления к ним отписал, а в письме его между прочтих такие слова были: я для команды над вами сапог свой к вам пришлю. (Примеч. автора).

⁴³ Славной Вольтер в книге своей «Опыт на генеральную историю» по согласию с издателем книги военной «Состояние отаманской империи» графом Марсильи думает, что турецкое государство болше республика, нежели десподственное владение. (Примеч. автора).

живущих там народов⁴⁴ от наших монархий разнятся. Но понеже эти разсуждения могут меня от намерения своего удалять, к которому время уже мне опять приближается, то с меня довольно будет единого объявления, что та великая империя, для которой я за перо принялся, от древнейших веков истинная монархия была, а то несовершенство нравов жителей ея, которому и других европейских областей народы равно подвержены, ни в наши дни случившиеся там щасливыя перемены основательному установлению сей империи ни малейшаго ущерба и колебания отнюдь не причинили.

Слову диспотизм от Господина М. данное пространство принуждает меня к познанию того, что правительство Российской империи ни в прямом принятии сего слова и звания, ниже в том смысле и знаменовании, которым сей Господин непорядочное государство означает, отнюдь не деспотственное, но есть самодержавная и такая гражданская монархия, что покоренные сему государству народы управляются от единого теми законы и правилами, что самодержец к общему благу народа своего за способно и приличнейше разсудить изволит, а таких законов и договоров отнюдь там нет, кои бы высокую волю власть и силу монаршу по делам правления его в границы или пределы привести могли: такова была древняя империя Римская⁴⁵ а в нынешняя Европе, три королевства: то есть Гишпанское, Неополитанское и Дацкое точно с сим сходствует.

Я к вам доказательство на сие предложение мое тем скорее прислать уповаю, что мне оное получить весьма легко.

В протчем остаюсь покорным вам слугою &c.

⁴⁴ Издатель писем, касающихся до королевства Дацкаго, весьма исправное мнение о форме правления сего государства подал. Только я приметил, как силено он в том обманулся, что такие развращенные правительства деспотизмом назвал которых уже вся Европа более не знает. (*Примеч. автора*).

⁴⁵ Люди могут поверить, будто греческие императоры принятием имени царя или самодержца, а в иных временах (в первом и втором на десять веке) звания деспота или государя, которого римской цесарь Август не принял, и наследники престола его принять не хотели, новую форму восточной империи дали. Только никто и никогда того не видал, чтоб эти цари, которых власть и сила от часу ближе к западу, то есть к умалению приходила, хотя малой ущерб правительству сделать могла или бы оное действительно учиняла. Для сей то притчины греческой цесарь Алексей по прозванию Ангел оставленное от титула своего именование деспота отдал вельможам первого по царе ранга или класса, то есть сыновьям да зятятам своим. А после разорения всей империи достался сей титул тем христианским князьям, которые преж сего Греческой империи подданы были, а имянно волоским, сербским и другим принцам, о чем славной П. Ардуин (другие называют Гардуин) в книге своей [*пропуск в рукописи*] 497 пространнее пишет. (*Примеч. автора*).

Письмо пятое на десять

Я начну тем доводом, что правление Российской империи не прямое деспотическое правительство. К лутшему изъяснению всего дела покажу, что сей великой монархии покоренные народы подлинною гражданскою свободою наслаждаются, и не должны уже их по прежнему такими ж эсклавы или рабами болше звать, как называют подданных всем тем в Европе державам и областям, которыми самодержавныя монархи или обсолютныя принцы владеют.

Правда, что свобода есть такое слово, которое премногия люди весма часто на такое зло употребляют, что под кровлею сего имени не толко множество случайных дел смешивают, но и такую необузданную волю кроют, которая сию умеренную свободу опровергает.

Всяк из нас без труда понят, что в члены гражданского общества желающему человеку для сего новаго чина и состояния должно во многом природной свободы и воли своей отречись. Сия свобода не в бесподданстве или во увольнении ото всех обязательств и тех должностей, каковыя б оныя трудны ни были, которыя всякой гражданин с другими во обще нести повинен: ни в выезде и выходе из государства ни когда б толко люди пожелали, ни в волном выборе и позволении, как у древних римлян было, а ныне у поляков в обычае⁴⁶, ни в дозволенном у древних критян восстании (мятеж) против начальников своих, ни в свободе такого притеснения, как у агличан, ни в кростости или в уменьшении штрафов⁴⁷ с наказаниями⁴⁸, которые более от единого правосуднаго произволения и от нравственной мудрости законоположника, нежели от нрава и⁴⁹ от склонности подданных правлению его народов зависит, ниже во установлении фундаментальных законов⁵⁰ от шляхетства⁵¹

⁴⁶ Господин А ввел это слово 8 своей книги в главу 9^ю. Сие восстание подобно известному у поляков слову рокос, в котором целая привилегия сего народа состоит. (*Примеч. автора*).

⁴⁷ В рукописи: трафов.

⁴⁸ Господин А. напрасно думает, будто штрафы да наказания к существу и состоянию правительства прицеплены. (*Примеч. автора*).

⁴⁹ Первой у афинян законодавец Дракон такие жестокие законы и наказания в городе своем положил, что разумнейшей его узаконитель Солон принужден был эти штрафы с наказаниями, убавя, в умеренность привести. (*Примеч. автора*).

⁵⁰ Книги 12 глава 1. (*Примеч. автора*).

⁵¹ Часто помянутой А. (второй книги в главе 1) пишет, будто шляхетство в корпус и общение монархии с таким мнением и правилом вступает: «Нет монарха, нет шляхетства, не надобны дворяне, нет нужды в монархе». Это развращенное и совсем ложное мечтание свое конечно сей писец в ремарках славнаго Бакон обрел: «В которой монархии шляхетства нет, та империя самое тиранство так власно, как у турков». Толок по всем обстоятельствам без малейшаго сумнения верить должно, что мудрой, а в писателех славной Бакон сие мнение о едином королевстве Аглинском и о привилегиях тамошняго шляхетства праведно имел, которые привилегии с конституциею или установлением государства Великобританскаго не разделены. Не бывало

и от судьей⁵², которое узаконение каково изрядно ни есть, однако одно толко случайное или припадочное. Под владением и предводительством доброго начальника живущему гражданину можно безо всего пред сим объявленного совершенно свободным быть; а иногда еще то случается, что все эти границы или ограды развращенных нравов владетеля от употребления воли и власти его на зло отнюдь удержать не могут.

Сия свобода состоит в следующем. 1-е. Сила и власть к беспрепятственному деланию того, что с пользою и законами государства сходно, а к тому отнюдь не обязану быть, что сему благу и законам явно противится⁵³. 2-е. Иметь оборону и защищение от правительства во всех несправедливых на себя нападках и обидах своих. 3-е. Быть судиму по тем законам и правилам, кои с общею пользою, также с правилами естественного и гражданского закона сходными признаны. 4-е. Именiem своим беспрепятственно владеть, ежели сие владение не исключает государевых и государственных вотчин⁵⁴.

Итак, политическое esclavage или служение точно в противных тому делах состоит, что от меня пред сим означено. Весма того беречся надлежит, дабы сего служения или рабства не ставить в одном употреблении назло самодержавной власти или в несовершенстве правительства. Гражданская свобода – такое право, которое выше всякаго насилия и обид. Хотя гражданина обидеть и утеснять могут, однако он, на сие не смотря, по-прежнему свободным гражданином останется.

А подданные сеи империи всем тем наслаждаются и действительно владеют, что с сего свободою сходство имеет и до нее касаться может.

Кто без явнаго нарушения правды может сие сказать, будто здешнее правительство с ведома и доброй воли не дает того делать, чего интерес с законами государственными требует, или б единого человека (кто он

на свете подлинных монархий без того чина, которой мы шляхетством или дворянами называем. Как мы теперь оное шляхетство в тех и в таких областях видим, где королев нет? (Примеч. автора).

⁵² Книги 11 глава 6. Судьи, без сумнения, после царей уставлены, а, следственно, монархии гораздо прежде царей были. (Примеч. автора).

⁵³ Сам господин А. (кн. 11 в главе 3) так о сем пишет: «Прямая свобода не в делании того, что человек хочет. В таком (де) гражданском государстве или обществе, где законы есть, свобода не может состоять токмо в возможности к деланию того, что человек должен хотеть, а не принуждену быть к деланию того, чего человек желать не должен. Человеку должно, о том помышляя, думать, что есть безподданство и что такое свобода. Свобода есть право и делание того, что законы позволяют. А ежели гражданин то мог делать, что оныя запрещают, то бы он по тому свободы более не имел, чтоб другие люди такую власть к сему получили». (Примеч. автора).

⁵⁴ Смотри Пугендорф книги 8 гл. § 3. (Примеч. автора).

ни будь) к таким делам принуждало, которые явно тому противятся, или бы всякому гражданину должное покровительство и правосудие отрицало?

По всем обстоятельствам многие европейцы того не знали, что Россия издревле почти те же законы имела, которые в других северных краях известны были, а самодержцы сей империи усерднейшее о том рачение прилагали, дабы оныя законы на высочайшую степень совершенства привести. Сие дело уверено многими и в разные времена изданными книгами государственных законов⁵⁵.

О владении недвижимым имением как о лутчем и дражайшем знаке гражданской свободы должен я описание мое несколько разпространить.

Какое владение недвижимым имением европейские монархи в своих землях устави́ли, такое же точно и Россия у себя имеет. Когда владетельныя принцы за недостатком денег государству своему служащих подданных другим чем награждать и содержать не в состоянии были, в тех веках на вечное воздаяние за верность службы их жаловали им земли и деревни. В том едином намерении самодержцы всей великой империи, границы державы своей от часу далее распространивши, болшую часть сих земель подданному их шляхетству в вечное владение для того жаловали, что российское дворянство в военные времена принуждено было государю и отечеству своему на собственном иждивении служить.

Эти к селению определенные земли, именуемые поместья, переходили от отцов к детям мужеска пола, то есть к сыновьям, а жалованные на сие владение от монархов грамоты (точно подобныя европейским инвеститурам) надлежало по смерти каждого владельца возобновлять. Хотя множество сих земель превзошло выше числа действительно поселенных деревень, называемых вотчина или отчина (то есть отеческое наследие), переходящее

⁵⁵ Сих книг считается до пяти. 1^а издана в царствование великаго князя Ярослава 1017 года, 2^а Судебник при державе царя Иоанна Васильевича 1559 г., 3^а Уложение при государе царе Алексее Михайловиче 1649, 4^а указы государя императора Петра Великаго, а 5^а книга указам императора Петра Втораго и великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны. Три напоследи объявленных монархов напечатанныя указные книги в таком действительном употреблении, что во всех судебных местах по оным исполнение происходит. Кроме сих книг есть здесь великое множество печатных и писменных указов и других до государственнаго правления касающихся регламентов, которые еще не собраны и в порядочные книги не приведены. Ныне благополучно владеющая великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица Всероссийская, неусыпно матернее попечение о благополучии верно-подданных своих имея, в 1753^м году повелела сочинить новую своей державы указам книгу к лутчему согласию и совершенству в прежних указах и сию комиссию изволила поручить своему генералу-фельдцеймейстеру сиятельнейшему графу Петру Ивановичу Шувалову. А его сиятельство над сим вечной славы достойным с таким патриотическим усердием трудится, что уповают сию всей империи полезную книгу скоро в печати видеть. *(Примеч. автора)*.

к сыновьям и дочерям, которым продать, заложить и в поступку, как хотят, отдать можно. Сие недвижимое имение в России, от глубочайшей древности начавшись, доньше пребывает.

Обоего звания недвижимые имении указом 1731 года обращены в жалованные вотчины на вечное пресечение споров и тяжб за неосновательной раздел сего имения на два рода и звания, которые в самом деле одно и то же имение значат.

Объявленные мною доводы на уверение того, что Россия отнюдь не деспотственное государство явно кажут силу состояния и мудрость правительства сего великой и поистинне славной империи и не допускают онаго с такими варварскими и несовершенными государствами мешать, на которые господин А. смысл и разумение сего слова неосновательно привел.

Ко услугам вашим готов &c.

Письмо шестое на десять

Государь мой!

Во окончание предпринятого мною труда осталось мне те пункты прилежнее рассмотреть, где господин М. о России имянно упоминает, а я об них только слегка объявил.

Равной ему господин А. и подобному себе корреспонденту (книги 5 гл. 15) так пишет: «Посмотри пожалуй, с каким рачением московское правительство старается свободить себя от того деспотства, которое ему гораздо тягостнее, нежели всему народу. Сие правление отрешило великие корпусы войска⁵⁶, умалило штрафы за вины⁵⁷, коллегии и судебные места уставлены⁵⁸, россияне, узнавши законы, стали народ свой учить, только есть (де) такая

⁵⁶ Стрелцы не составляли того великаго корпуса числа войска и регулярных салдат, кои на их места определены. Удивительное дело, как господин А. мог это подумать, будто в монархах премудрейший Петр Великий мятежных стрелцов для умаления высокой своей монаршей власти отрешил, чему и статся невозможно. (*Примеч. автора*).

⁵⁷ Штрафы с наказаниями виноватым в Российской империи издревле гораздо легче были мучительных пыток (тортур) многих европейских государств, а до сего времени за тем умалены, что определявшие их законы доньше действительно пребывают, а за такие беззаконии, которых люди в прежние веки головою не знали, или таких грехов очень мало и редко видано, за те при владении последних самодержцов и наказаны умножены. Хотя ныне государствующая государыня императрица при вступлении своем на престол Богу обещалась и по главнейшим законным винам крови человеческой не проливать, что по примерному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоверию доньше непоколебимо хранится, однако эти законы оною не отрешены. (*Примеч. автора*).

⁵⁸ В здешнем государстве всегда бывали суды и приказы. Знатнейшей из них назывался Боярской суд, а потом переименован Разрядна палата, или Верховной совет. Особливого

партикулярная или особливая притчины кои опять их в то ж нещастие привести могут, которого они убежать желают». Тот же А. два десятой своей книги в главе 2 о том же деле следующими словами яснее говорит: «Россия (де) желает от деспотства своего отступить, но не может».

Я того более повторять не стану, что Россия никогда деспотственным государством не бывала, да от глубокой древности истинными монархами управлялась. Разве то вопреки сему сказать, что нрав и склонность у народа в том же несовершенстве были, которое у множества других народов видано, кои то преимущество перед россиянами получили, что из всего состояния по особливому щастию скорее россиян свободились.

По сему весьма подлинно, что в Российской империи другой перемены не зделалось, кроме той, которая касается до совершенства народов ея, а оно соединено с совершенством всех частей правительства.

От того взялось установление Сената, перемена судебных мест, заведение школ, учреждение многих корпусов регулярного войска, строение флота, ободрение комерции, наук и художеств, а, наконец, подание множества законов о всех сих новых основаниях.

Чрез все сие истинной отечеству своему отец и толь нещетному благу в Империи своей премудрый основатель Петр Великий отнюдь иногда не мыслил о причислении форме найденного им правительства наималейшаго ущербу или нарушения. На то ж самое правление помогло его величеству те ум человеческой превызшающие чудеса в действо произвести, которым целой свет донныне надивится не может, а сего такая власть отнюдь произвести не в состоянии, которая в границы или в умеренность приведена.

Тех выше всяких мер мудрующего Господина А. запутанных слов, будто российской правительво желает от деспотичества своего отступить, но не может, и будто особливые притчины могут там такое правительво произвести, какое в его толь одном мозгу вертится, я совсем не поминаю и разуместь не могу. И самой дельфийскаго Аполлона оракул темнее сего приорцать не мог.

Седмой на десять книги в главе шестой пишет: «Другое северное государство потеряло законы, толко (де) на тамошней воздух можно твердо положится, что оно их не вовсе лишилось». Сильное действо жестокой

примечания достойное дело, что старинныя определения знатнейших в Российской империи трибуналов или судебных мест начинались такою же формою, какова преже сего во Франции бывала, а именно: мы с нашими велможамы за благо разсудили приказать следующее. В российских судах так же писывали: государь приказал, а бояре приговорили. Все эти суды и приказы стояли до 1714 года, в котором Петр Великий под разными именами другие судебные места узаконил. (Примеч. автора).

стужи когда-нибудь, а всеконечно королевству Дацкому древнюю форму правительства его возвратит⁵⁹. Что же касается до России, то в ней не только ни в одной из тех действительнейших притчин головою нет, которым хитрующей А. деспотство причитает, а именно жаркаго воздуха, веры, сносящей насилие, недостатка законов, судов и шляхетства, уныния и боязливости народов, жестокости, роскоши, также неспособности принцов и министерства их, ничего того не бывало, да вопреки сему все то есть, о чем он думает, будто оно сему правительству противится, а имянно: северной воздух⁶⁰, вера христианская, законы, судьи, шляхетство, мужество народов, веселие, кротость, храбрость и мудрость монарха, а при том искусство с верностию министров их. Все сие в Российской империи есть и действительно процветает.

Отсюда перейду к тому пункту, которым господин А. утверждает, будто «весь народ в России пахотные мужики, холопы и нижняго чина церковные служители, а имянно дьячки, понамари и подобныя им подлые люди. Да еще дворяне, потому, что сими рабами владеют». От того заключают, будто «на третьей государственной чин ни единого человека не осталось, кому художниками да купцами быть».

Я уже безспорными доводы доказал существенность различия в Российской империи и во всех других землях, где служебныя люди есть, между свободными людьми и рабами, а теперь довольно будет того показания, что шляхетство в России по состоянию своему власно таково ж, каково во всех краях Европы, где оно есть. Оно себя полученными от монархов своих преимуществы и особливими правами от рабов да от людей третьяго чина, то есть от купцов и художников определяет, о неправом к содержанию рабов, которое здесь все такие свободные люди равно имеют, кои, и не дворяне будучи, так богаты, что дворянской чин промыслить себе могут. Российской шляхетство никогда прав своих лишено не бывало. А города и местечки сей

⁵⁹ По всему видно, что господин М. того древняго состояния северных царств головою не знал, о которых славной Вахтер в книге своей называемой [пропуск в рукописи] глава 46 пространно писал. (*Примеч. автора*).

⁶⁰ 26 книги в главе 5 господин А. сам на то согласуется, что вера христианская от прямого деспотства весьма отдалена, а между притчинами сему то объявляет, что правилами сей веры многоженство запрещено. Этой притчины многие политики до сего времени не знали, а нетвердые христиане напрасно о ней сомневались. Затем уже пишет: «Несмотря на величие империи и на суровость воздуха, вера не допустила деспотству в Ефиопии утвердиться, но в середину Африки европейские нравы и законы принесла», – то есть (по моему мнению) новыя чудеса показала. Разве сия святая и преславная вера по скудоумному хитрующаго А. мнению, меньше силы в севере, нежели в полуденных краях имеет, хотя она там меньше препятств, а болше помочи себе видит, сему то уже статся невозможно. (*Примеч. автора*).

империи преисполнены художниками, купцами и таких разных родов и званий людьми, кои ни в дворянство, ни в церковной чин не вмещены.

Я есмь &с.

Письмо седмое надесять

Государь мой!

Вам уже известно, что отцами всему в Европе знакомому шляхетству учинившиеся древних веков северные народы таких особ благородными называли, которые знатностию фамилий, чинами, заслугами и пространством земель своих других людей превосходили⁶¹.

Славной в историях Тацит пишет: «Германцы или немецких земель народы выбирали царей своих из шляхетства, герцогов или полковых воевод в командующие над войском генералы между почтеннейших завоеванных добродетели господ избирали».

Потом уже люди, от сего первого начального имени удалившись, всех таких свободного рода людей без разбору и различия благородными звать стали, которые из других народов в военной⁶² и в придворной у монархов службе находились. От того слова во французской язык вошедшие именовании нобль, жантильом, шевалие (по-латыни воин или всадник, то есть конной седок), барон⁶³ и вассал⁶⁴, а в тевтоническом языке эделман⁶⁵,

⁶¹ Римляне сие титло одним толко знатнейшие государственные чины имевшим персонам давали. (Примеч. автора).

⁶² Геродот (4 своей книги в главе 47) между описанием нравов разных народов следующее упоминает. Скифы, персияне и другие варварские народы тех людей подлыми называли, кто сам какое-нибудь ремесло за собою имел и детей своих тому же художеству учил. А тех подлинно благородными почитали, кто, никакому рукоделию и ремеслу не учась, на одну войну себя определит. (Примеч. автора).

⁶³ Слова ваяр, вар (муж), а российские подданные называют господина своего боярин или просто барин, что великое сходство с сими словами имеет. (Примеч. автора). В рукописи в начале этого примечания ошибочно написана фраза, которая относилась к следующему примечанию: «Это слово взялось от целтического».

⁶⁴ Это имя взялось от целтического слова гвас или вас (раб). (Примеч. автора).

⁶⁵ Немецкое слово эделман взялось от древнейшего целтического слова атта, ноета (отец), а от него уже пошли сложные слова аталих, аделих, эделих и эделсих, у римлян принято патриции, у галлов гентилом, у латинов гентилис, у французов жантилиом. По немецким история того не видно, чтоб германские народы к именованию благородного человека такие слова брали, которые бы точно и власно то же значили, что оное в латинском как в первоначальном языке знаменует, да того гораздо вероятнее, что они верховных велмож и знатнейших особ своих хуниг, куниг и кунгар называли, а сие имя значило государя или господина, а самодержцам давалось по превосходству высокого чина и достоинства их. В древней истории полнощных народов явствует, что люди сим именем не толко монархов, но детей, внучат, зятей и всех мужеска полу высокого рода их принцов, да еще знатнейшие чины и великие вотчины имеющих

риттер⁶⁶, ман⁶⁷ и кнехт⁶⁸; наконец, учинились однозначными именами. В одной толко Англии между словами ноблес⁶⁹ и жантильес действительное различие ставили.

Посему довольно явствует, что в крайнем смысле и в последнем знаменовании своем взятой титул благородие носящим его особам толко то единое право с преимуществом давал, что они свободой рождения своего знатностию чинов и честей своих, также жалованными им самодержцов их вотчинами и увольнением всяких с собственного лица их податей от народа отменны были.

Учиненное от меня изъяснение о начале и различном или отделенном состоянии шляхетства северных и полуножных народов послужит к поданию вам праведнейшаго мнения о российском шляхетстве. В летописях сей славной Империи видим мы великих князей. Сие высокое титул приносилось всероссийским самодержцам первейших время. Князьями звали вельмож и знатнейших особ. Дворянами называли придворных и свободою рода, также услугами монарху, чинами, знатными достоинствы и доволными деревнями от монархов, награжденных, а притом от государственных податей уволенных людей.

Посему ни малого в том сумнения не осталось, что российские князья и дворяне от начала монархий донныне все те же права и привилегии имеют, которые самое шляхетство и благородие с собою приносят. А они чрез сей способ с шляхетством всех европейских государств и областей сравнивались.

Теперь начну описывать тех людей, которые третьей чин Российской империи составляют. Они разделены там на разные классы. В городех живущие⁷⁰

особ звали. Сие слово есть и в словенском языке, а он великое сходство и близость с другими северными языки имеет. От словян произошедшие прусаки начальников своих звали кунгас, или куннас, россияне сложили из сего слова свое звание князь. От одного с ними народа произшедшие литовцы, ливонцы или лифляндцы да третье курляндцы господ и начальников своих зовут кунгс, толко еще это имя у сих последних дале господина, помещика или выше имени хозяина своего не простирается. (Примеч. автора).

⁶⁶ Сие слово значит ковалера. (Примеч. автора).

⁶⁷ Муж, человек, а иногда значит служителя. (Примеч. автора).

⁶⁸ Это слово подлинно уже раба или холопа выражает. (Примеч. автора).

⁶⁹ Вместо ноблесс древние народы звали жантильес, но потом агличане переменяли оно в слово джентри. Славной в писателях Амелот де ла Гуссе в книге своей объявляет эпиграф или подпись на гробе знатнейшаго у французов Бертранда де Твесклина такими словами: здесь положен благородной муж. Потом сей автор пишет: «У французов (де) тогдашнего времени титул благородие таким знатнейшим велможам, как герцоги (дуки) Бретанские, а по них уже графам Фландрским, Шампанским и Бриенским давалось, и для того их благородными мужами, а светлейших принцес, жен и дочерей их благородными женами звали». Смотри Амелот, книгу [пропуск в рукописи], том 1 под артикул: о Бертранде Гвесклине, стра. 554. (Примеч. автора).

⁷⁰ После слова «живущие» в рукописи поставлена литера к в круглых скобках, т.е. сделано обозначение для примечания. Однако само примечание, которое есть в оригинальном печатном издании, в рукописи отсутствует. См.: [Strube de Piermont F. G.] Lettres Russiennes. [SPb.], 1760. P. 229.

посадские люди с немецкими биргерами, а с вашими французскими буржуази потому равны, что в их корпусе знатные и богатейшие купцы.

Подлинное сих людей число можно в тех росписях видеть, которые из всех городов в императорскую резиденцию о подчиненных подателям купцах присылаются. Мне заподлинно сказано, что их в 1745 году 279 574 человек было, а мудрующей Господин А. во мнимом щислении своем безмерно обманулсЯ.

Еще здесь единое слово упомяну о учиненном от господина М. объявлении, будто одна российская фамилия по кончине Петра Второго дерзнула с непризнанными от всего народа кондициями такую принцесу на всероссийский престол возвести, которую (де) наследственной порядок ко оному престолу нимало не призывал. Это его введение точно походит на такие гороскопы, которая по единому мечтанию чинены, он же еще пишет: «Московское (де) шляхетство от одного из монархов своих в esclavство или рабское служение приведено, толко (де) там всегда действия такой нетерпеливости будут, которых полуденной воздух не дает»⁷¹. Вечная истина сие засвидетельствовать долженствует, что ни единой человек такого утеснения никогда не видал, а таких суетных мыслей не имел, какую мечту Господин М. в голову себе забрал.

Я подумать не могу, дабы умные люди то рабством назвать или бы за холопство ту великую милость лутчаго и премудрейшаго из монархов своих почесть могли, что истинной отечества их отец Петр Великий, крайнее нерадение родителей о воспитании детей своих справедливейшею жалостию видя, за благо и полезно разсудил дворянам государства своего повелеть, дабы они первым правилам наук, его премудрою десницею в Россию приведенных, научившись, в определенные лета Правительствующему Сенату явились, а сие бы высокое и почтеннейшее в России правительство, науки и состояние молодых людей освидетельствовав, по усмотрению своему в чины определить приказал. Достойно ль сие принуждение такого ж власно порицания, как строгость мудраго и правдолюбиваго родителя, старающагося о том, дабы нравы и сердца детей своих от часу к лутчему исправлять? Кто и когда бы мог это подумать, будто гражданам на то привилегии даны, чтобы сами они и дети их жизнь свою в темном неведении и в срамной лениости провождали? Думал ли Ликург сограждан своих тем себе поработить или в рабы привести, когда их строгостию мудрых законов своих к тому принуждал, чтобы они храбрее всего света учинались?

В протчем остаюсь &c.

⁷¹ Ежели б Господин М. так написал, что в северных землях знание и соседство в умеренность приведенных земель могут людям подать желание и последование им, а в полуденных краях отдаление с незнанием тех же земель не дают человеку и думать о том, то бы он по моему разсуждению гораздо лутче всего тово зделал, что 8 его книги в главе 5 о сем деле сказано. (Примеч. автора).

Письмо восьмое надешать

Государь мой.

Где господин М. о российской коммерции говорит, в том месте я новое толко пустое предложение его о мнимом притеснении свободы российских купцов усмотрел.

«Всегда россияне, эсклавы будучи, сами без позволения выехать, ни имения своего вывести не могут» (книга 22 глава 2).

Я начну рассмотрением того, доказывают ли законы тех государств, что подлинно гражданской свободы нет, которые подданным не дозволяют без ымянного соизволения владеющего монарха из государства выезжать?

Гроциус и Пуфендорф о сем деле с великим рачением писали. Гроций (второй своей книги гл. 5 под § 24^м) изрядным велеречием о России следующее пишет: «Мы (де) такая земли и народы подлинно знаем, которые подданным своим запретили без позволения из государства не выезжать. Но при сем и того не отрицаем, чтоб не можно было в гражданское общество с тем договором и на таких кондициях вступать, и что установленной о том обычай не мог иметь силы настоящего договора, предписанного такою естественною справедливостью, которой и самые римляне в разрешении особливых или партикулярных обществ рачительно последовали, а имянно, дабы никому из государства не выезжать, ежели интерес общества того требует, чтобы людям в отечестве остались».

Пуфендорф тем же правилам следуя (8 своей кн. г. 11 под § 2^м) так пишет: «Ежели (де) человек сам собою бес подданства природной земли и державы отрекшись....⁷² доброволно в гражданской чин вступит, то еще от земских законов та свобода зависит, которую он к выезду в другие места иметь может. Есть такие государства, из которых без ымянного позволения самодержца никому выехать нельзя. В других областях сего дозволения бес того получить не можно, ежели выпуску желающей определенной суммы денег или части имения своего не оставит. В славной у древних греков Аргосской републике под смертною казнью запрещено было никому ис тамошней области не выезжать. Буде ж нарочных о том законов нет, то по обычаям или по состоянию общих подданного народа обязательств о той свободе разсуждать надлежит, которую всякой человек в этом деле имеет».

Разсуждении сих дву великих мужей кажутся мне толь сходственными со здравым разумом и с первыми правилами мудрой политики, что весма тому

⁷² Так в рукописи.

дивится надлежит, как Господин М. мог найти в действительнейших обязательствах свободного человека, добровольно вступающего в гражданской чин, жестокия действия деспотственного владения, не остановя глаз своих над теми резоны или притчинами, которые могут запрещению об оставлении оного, когда человек сам пожелает благу такой державы полезным или вредным учинить.

Ежели б Господин А. разсудил великое пространство Российской империи с плодородием земель ея, то б не охудая законов государственных, запрещающих гражданам выход и выезд из отечества, почел бы их премудрыми и полезнейшими такому государству, которому крайними силами о том старатся надлежит, дабы число людей его отнюдь не умаялось.

Не сами ли мы видим, что во всех европейских областях и державах данная гражданам свобода о выезде из оных иногда более, а иногда меньше законами в границы приведена, смотря по сходству с ынтересом и по действительной настоящего времени нужде государства. По моему мнению ни одной такой державы не сыщется, где бы некоторого класса людям не запрещалось без позволения правительства из той земли не выезжать, а эте люди равные участники той же свободы государственной, которою все их братья и сограждане пользуются. Кто может сие сказать, будто полские сенаторы, прусские дворяне, французские епископы⁷³ и прелаты, а матрозы аглинские по одной толко невозможности к выезду из государства без дозволения монарха и правительства не таковы ж свободны, как другие подданные тех же держав?

В мысли и мнением высокая мудрствующаго Господина А. шпагою служащей, судья и министр горшим эсклавом или на последнюю меру достойнейшим сего неволничья имени человеком учинится, а свободнейшим у него в мозгу тот будет, от кого отечество меньше ползы получает и менее о нем печалится.

Теперь разсмотрю примечание господина М. о выпуске из России гражданского имения, о котором сей господин думал, будто и оное к вывозу из Российской империи запрещено. Я должен по сему пункту на такие дела сослаться, которые всякому знать можно. Всякаго звания земныя плоды и премногих сортов тавары из России вывозящие всех европейских земель купцы не все ль сие сами знают, что здешнее правительство не токмо вывозу сих вещей не противится, но еще выпуск оных, крайним рачением облегчая, поспешествует?

О денгах никогда и ни единого закона во всей Российской империи о том не бывало, чтобы денег из России чрез вексель не переводить ни в какие

⁷³ «Хотя б епископы галликанской (французской) церкви и от папы позваны были, однако без позволения и пашпорту королевского ис пределов монархи своей выехать не могут». Смотри Тильетовы мемории о свободе галликанской церкви. (Примеч. автора).

иностранные государства, да толко бы наличною монетою более и выше определенной государственным законам суммы за российские границы никто вывозить не дерзал, как то во всех купечество отправляющихся землях обыкновенно и законами уставлено. Разве Господин А. думает, будто в европейских краях одолжавшей россиян не принужден будет законами Российской империи к пересылке на оплату сих долгов денег через вексель ко всем кредиторам или заимодавцов своих? Без всякаго сумнительства государственные законы и правители сего россиянина к тому принудят, чтоб он, движимое или недвижимое имение продав и потребное число денег собравши, пересылкою оных на вексель всех кредиторов своих до единого удовольствовав, хотя б они край света жили.

Сюда же внесу и тот пункт, которым Господин М. высылку жидов из России (22 книги своей в главе 2) сими грубыми словами описывает: «Российская (де) царица повелела в 1745м году публиковать указ и изгнании жидов изо всех земель державы своя за то, что они ссылочных в Сибирь людей и в российской службе находящихся чужеземцов денги в чужие краи переслали».

Жидов в Российскую империю никогда не пускали. Один толко из них Либман, 1721 года в небольшой свите немецкаго принца сюда приехав, несколько лет в Москве и в Петербурхе живши, 1741 года сам поехал, а отнюдь и ничем не выгнан.

Это уже совсем ложное дело, будто помянутой жид Либман денги тех людей в чужие краи переводил, о которых А. упоминает. И без него в Петербурхе таких купцов много, которыя денги на вексель перевесть могут, и тем торгуют.

То, вопреки сему, самая правда, что хотя нарочно изданными и часто повторенными законы под владением прежних монархов частое о том запрещение было чтоб в Россию отнюдь не пускать, однако некоторые из них в Малую Россию и в пограничные к Полше города тайно вкрались. Но правительство Российской империи, о сем уведав, прежние о недопускании жидов в Россию указы нарочно изданными в 1742 году законами подтвердило.

По сему сами можете видеть, как ложно мнение господина А. обо всей комерции и о вексельном учреждении в Российском государстве. Не для чего вам доказывает содержанием премногих о сем деле опубликованных законов, что российское правительство крайнее о том старание прилагает, дабы комерцию свою, теми же способы защищая, подкреплять, которыми оную те области и земли ободряли, где ныне купечество в наилутчем своем цвете.

Пребываю вашим покорным слугою &c.

Письмо девятое надесять

Государь мой.

За сими строками идущим пунктом Господин М. отважился атаковать такой закон, которым почти вся во нравах российского народа перед нашими глазами толь щасливо учиненная перемена в действо произведена, а сей нападок свои такими словами объявляет.

«Тот (де) закон, которым Петр Первый народ свой принуждан бороды себе брить и стричь, так же долгое платье водящим в город до колена обрезать, весма насилственной был. К отвращению (де) беззакония можно сыскать способы, то есть штрафы с наказаниями а на перемену маниров есть примеры. Петр Первый в подании европейскому народу европейских нравов и обычаев такие облегчения нашел, какия (де) самому монарху неизвестны были....⁷⁴ По сим (де) притчинам и перемене нрава и обычая сей государь в законах и нужды не имел. Довольно б (де) и того было, чтоб россиянам иные нравы и другая маниры внушить»⁷⁵.

Тот человек всегда от правды удаляется, которой отрывными и общими примечаниями склонность, нравы и действительное состояние по вселенной живущих народов определить думает. Между учеными искусной человек⁷⁶ пишет, что «к разпространению наук и художеств 20 или 25 градусов широты надобно». Другой⁷⁷ ложными правилами Господин М. силно обманутой человек вздумал математикою доказывать: «Будто в России можно было видеть новыя перемены, когда (де) там деспотству противные установления введены, как, например, Сенат основан». Ежели бы первой из них знал, что науки, особливо же стихотворцы, в Российской империи процветать начинают⁷⁸, а когда б другой видел, что высокога почтения достойный Правительствующий Сенат, о котораго бытии сей автор сомневается, более сорока лет в России основан и донныне с достойною у всей Европы честию и славою непоколебимо содержится, то бы оба они в малоумном дерзновении неосновательных разсудков своих крайне устыдились.

⁷⁴ Так в рукописи.

⁷⁵ Книги 19, глава 14. (Примеч. автора).

⁷⁶ Французской аббат де Бос в разсуждениях своих (рефлексии) о стихотворстве и живописи часть 2, секц. 17, стр. 159. (Примеч. автора).

⁷⁷ Безымянной издатель книги, названной «Опыт политики и нравоучения», по щету том I, гл. 7, § 7. (Примеч. автора).

⁷⁸ Стихотворною наукою в особливую славу пришедшей Господин Ломоносов родился близ города Архангелскаго, а, следовательно, гораздо далее тех границ, которые, видно, что сей автор не знал успехов Скалдуровых по той же стихотворной науке в северных землях, а особливо в Исландии. (Примеч. автора).

Я, не обинуясь, сказать должен, что от воздушной силы взятая догадка господина А. ругательны, безделны и ни к чему годны мне показались. Что ж об них другое и думать, когда этот писатель с одной стороны утверждает, «будто азиатские и другие полуденных земель народы ленивы, боязливы, робки и от природы к тому устроены, чтобы и под деспотическим владением быть. В историях (де) тамошних земель ни малейшаго знака свободной души не видно». На точную ево милости преку или на самую противность в достой вероятия историях читаем, что татары, турки, арапы и ефиопляне весьма храбры, в трудах нескучливы, упрямы и к мятежам сродны. Турецкой салтан Мустафа Второй праведно престола лишен, а брат ево Ахмет должен был корону по законам племяннику своему Магмеду уступить. Алдирская, Тунисская да Треполская републики под прежним небом и на том же самом месте стоит, где в древние времена гордая римлянам соперница Картагенская република процветала, а по бессмертной истории те славные мужи донине еще людям памятны, которые, в Азии да в Африке живши, вечной славы достойные дела учинили⁷⁹.

Сей ремарк учинен мною на показание вам того, как силно Господин фон М. по тому виноват, что в разсуждении своем о состоянии российского народа и во исправлении нравов ево дерзнул бедным умишком своим превзойти беспримерную остроту к описанию невозможного разума и мудрости такого монарха, которой в середине Российской империи родился и нравы с состоянием народов своих лучше всего света знал. Штоб мудрующей вития Господин М. в те поры заговорил, когда бы сам и обеими своими глазами это увидел, что, не взирая на свою силу и строгость законов Петра Великого, за которыми способы кротости и милосердия последовали, большая часть тех керженских и премногих сортов расколничьих бород⁸⁰, которая премудрый монарх истребить желал, от окаменелых отцов к задеревенелым детям перешедши, в третьем чине Российской империи, то есть в купцах, поныне пребывает?

И так объявленное от Господина А. правило, чтоб за вины и беззакония штрафы с наказаниями и на исправление нравов примеры дать, многим изъятиям подвержено. Во-первых, история всех народов, а потом практика или ежедневное искусство самымы дела сие утверждает, что к производству

⁷⁹ Удивления достойное дело, как по другим обстоятельствам остропамятной М. мог запоминать Арбака, Отана или Отанеса, Датама и Анибала, не упоминая многих азиатских царей, а имянно Нина, Вила (Белус), Бахуса, Сезостра и других в древнем времени славнейших монархов. Прибавим добродетельнаго Норадина, котораго Байл или Бель в лексиконе своем великим владетелем прославил. (Примеч. автора).

⁸⁰ За упрямство в ношении бород со всякаго бородача по 50 рублей годового штрафа положено. (Примеч. автора).

желаемого плода многова времени требующия примеры не довольны и не всегда могут злые обычаи истребить, но премудрыя и воздержнейшия законодавцы принуждены были на истребление злых нравов силу и жестокость употребить.

Между древнейшими законами египтян, иудеев и многих греческих народов до учреждения добрых нравов касавшиеся узаконения таковы же многочисленны и строги, как другие законы были, без сумнения по той причине, что пороки истребить желающему должно учинить начало запирианием и пресечением тех источников или родников, ис которых пороки выходят, а от сего уже верховное благо и лутчая полза всякой области и державы зависит.

Всем благонравным народам поныне известные до умаления безмерно великих и убыточных росходов касающиеся законы, хотя до одних толко нравов и манеров касаются, а на грехи и пороки ничего не преодолеют, однако злонравным людям такая же наказании, как другие законы нечестивым и беззаконникам за вины их штрафы положили.

Как же того грешнее, что может несправеднее сего быть, как буйственному человеку принять наглешую дерзость и такому беззаконному помрачению бессмертия достойнейшие славы памяти толь великаго монарха, которому в мудрости и добродетелях подобнаго на свете государя не бывало, которое безслаvie безумной А. непристойным своим порицанием в Бозе почитающему императору Петру Великому нанес. А сей несравненный монарх той же вечной славы по самой истинне достоин, которую Сезостр, Моисей, Минос, Харонд, Залевк, Солон и Ликург за мудрость и правосудие их тою же справедливостию на бесконечныя веки от всего света удостоились.

К сему еще добавлю примечание Господина М. о мнимом его равенстве между штрафами в России за кражу и человекоубийство, а сию обсервацию свою такими словами выразил: «В Московитском (де) государстве для того людей беспрестанно режут и давят, что вора и сметроубийцам одно наказание положено», – а в доказательство сему приводит знатнаго писателя ПЕРРИ книги 6 главу 16.

Никто о сем сомневаться не может, что сей автор говорил о таких разбойниках и грабителях по болшим дорогам, которые во всех краях света жесточайшими казними караются. А ежели б сие про одних воров и мошенников сказал, то бы явную ложь написал. По уставу и законам Всероссийской империи за одну кражу тогда человека смерти казнят, как он сие воровство трижды учинит, а за воровство людей так не колесуют, как за воровство и за грабеж на болших дорогах.

И то еще неправда, будто людей в России всегда режут и до смерти бьют. Злодеи в то время отнюдь сего не делают, когда себе сопротивления не видят или не имеют особливо притчины бояться того, чтоб ограбленные ими люди в суде на них не донесли. В таком случае по целому свету находящиеся разбойники, одному правилу следуя, лутче и скорее людей губят, нежели достальною каплею милосердия на подлинную муку⁸¹ и жесточайшую смерть самим себя предать.

Покорный ваш &c.

Письмо двадцатое

Государь мой!

Наконец прихожу к тому пункту, которой вы у меня требовали, а Господин М. об оном рассказывает, будто сей артикул из перриевых реляций взят, и вводит его такими грубиянскими речми.

«Российской (де) царь вновь вновь изданным указом своим запретил челобитные себе подавать, ежели оныя прежде того двум от монарха определенным афицерам не подаваны, а буде они по двум челобитным просителей откажут, тогда бы (де) уже третью челобитную самому царю подавать⁸², токмо с положением смертной казни тому, кто виноват будет».

На обличение явной лжи сего несправеднаго репорта и еще того лгания, которое А. от себя прибавил, должен я вам верной перевод тех двух указов о челобитных сообщить, ис которых один 1714, а другой под конец 1718 года после уже того опубликован, как Г. Перрий из России отлучился, и оба манифеста в указную государя императора Петра Великаго книгу внесены.

«Повелеваем всем, в городах живущим или чем-нибудь обиженным, бить челом вице-губернаторам, а буде челобитчики в других местах живут, то челобитные подавать судьям. Кто челобитную писал, тому писцу точно объявлять имя и чин челобитчика....⁸³ Ежели судьи неправо судить или челобитчиков волочить станут и дел их на определенной срок в полгода не решат, то позволяется челобитчику бить челом там, где судьи подчинены, а будет и в тех местах дело несправедно станут судить или в полгода не решат, то просителю волно бить челом в Сенат, а буде Сенат дела его не решит, тогда уже бить челом государю. Буде же, сей указ преступя, дерзнет бить челом Его царскому величеству или Сенату, не бив челом наперед в городех

⁸¹ В рукописи: му.

⁸² Книги 12 гл. 26. (Примеч. автора).

⁸³ Так в рукописи.

губернаторам и в надлежащих местах, то челобитчику и писцу, кто челобитную ево писал, яко преступникам указа, учинено будет жестокое наказание» (то есть оба будут кнутом).

Другой указ тем большей чести и рачительнейшаго наблюдения достоин, что собственно высочайшею императора Петра Великого рукою писан. А сие по мудрому слогу и высоким словам всяк легко увидеть может. «Понеже челобитчики непрестанно Его императорскому величеству докучают о своих обидах везде во всяких местах, не дают покою, и хотя с их стороны легко разсудить мощно, что всякому своя обида горка есть и несносна, но притом каждому разсудит же недрожит, что какое их множество, а кому быют челом, одна персона есть, и та коликими воинскими и протчими несносными трудами объята, что всем известно есть, и хотя б и таких трудов не было, возможно ль одному человеку за так многими усмотреть? Воистинну, не точию человеку, ниже ангелу, понеже оные местом описаны суть, ибо где присудствует, инде его нет. Однако ж Его величество, несмотря на такие свои несносные труды в сей тяжкой войне, в которой не толко что войну вести, но все вновь людей в оной обучать, правы и уставы воинские делать принужден был, и сие с помощью Божиею в такой доброй порядок привел, что, какое ныне перед прежним войско стало и какой плод принесло, всем есть известно. Ныне, управля оное, милосердую, Его величество о народе и о земском справедливом правлении не изволил пренебречь, но трудится и сие в такой же доброй порядок привести, как и воинское дело, чего ради учинены коллегии, то есть собрание многие персон (вместо приказов), в которых президенты, или председатели, не такую мочь имеют, как старые судьи делали, что хотели, в коллегиях же президент не может без соизволения товарищ своих ничего учинить, так же и прочие обязательства великия есть, что отнимают старые поползновения делать, как о том вскоре регламенты (или уставы) будут опубликованы и всех коллегей должности для ведения сего полезного дела народу. Ныне же паки объявляется Его величества следующей указ, как челобитчиком с нынешняго 1719 году поступать надлежит.

1. Чтобы никакова чину люди о делех принадлежащих до росправы на то учрежденного правительства отнюдь самому Его императорскому величеству прошения своего не подавали, а кто свыше указу дерзнет неосмотрительно учинить, то за объявленным сим указом те имеют наказаны быть, из знатных людей лишенных чина или имения, а другие из нижняго чина и подлые наказанием жестоким.

2. Для полного удовольства челобитчиком всем суда правого по прошениям тем и правосудному их решению будут везде по губерниям, по провинциям

и по городам учреждены суды и судьи (которым регламент вскоре опубликован будет), а над ними всеми вышней надворный суд в знатных губерниях учрежден будет, куды от нижних судов, ежели неправдой вершат или волочить за срок будут, переносит против регламенту.

3. Если же надворной суд дела те станет продолжать и неправо их решить, тогда на то неправо решение их с ясными доводы и достоверными свидетельствами и обидам с улики того неправаго их вершения бить челом в юстиц-коллегии, которая особливо толко для росправы учинена.

4. Будет же вышней тот коллегии юстиции суд, какою своею впредь несправую тем челобитчиком правосуднаго решения после того не учинит, тогда о том имянно со изъяснением прямых, важных и правых, а не притворных притчин, подавать челобитные секретарю сенатскому, которой, выслушав челобитную, представит Их императорскому величеству, которые челобитные будет подписывать Императорское величество сам, дабы оное дело всех колегей президенты и их товарищи, учиня крестное целование, вершили правдою и все подписали.

5. В случае же, которой может свыше чаяния припасть, что оные ж недовольствованные челобитчики от своей неразумной продерзливости и онаго Сената правосудием недовольствуютца, потом им уже болше никуда своего челобиться не иметь, понеже тот вышней Сенат от Его императорскаго величества высокоповеренным есть, и в особах честных и знатных состоит, которым не токмо челобитчиковы дела, но и правление государства поверено суть, и кто дерзнет о том его ж величеству бить челом, и тот смертному осуждению будет повинен».

По сравнении слов первого указу а болше оного господин Перри ни о каких указах знать не мог, с экстрактом Господина М. тотчас можно видеть, сколько сей писец от правды удалился.

Хотя другой указ смертную казнь преступникам и определяет, толко не ради того, что они несправедно императору били челом, но за дерзновение чрез несправедное челобитье свое повреждение чести так высокаго места, где Его императорское величество, собственно монаршею своею особою присудствуя, по точным словам указа попечение о государственном правлении с Сенатом разделять изволит.

Я должен еще вам объявить, коим образом вся Россия о милосердии самодержцов своих так уверена, что почти до единого человека о силе и важности сих запретительных указов все подданные известны.

Хотя от опубликования оных премногие просители временем и не весьма справедливые челобитные свои к самому подножию престола низполагали,

однако ни единой человек в точную силу сих высоких указов определенного наказания не понес.

Это уже последней вам на сие довод, что Петр Великий отнюдь никогда не желал слез обиженных людей своих презреть и в 1722м году, публикованным указом прежние повеления свои подтвердивши, по непрерывным прозбам и беспокойствам от челобитчиков определя нарочного генерала рекетмейстера при Сенате, с крайнею точностию все предписал, что ему в исходатайствовании исправнаго правосудия челобитчикам по должности своей делать.

Правительство принуждено было, все сии узаконения подновляя, первую оных строгость неоднократно уменьшая, а особливо под милосердным владением ныне благополучно державствующей августейшей монархини, которая с честною кровию славнейшаго героя и великаго родителя чуднейшие доброты духа и сердца своего соединяя, ото всех подданных своих не яко самодержца, но за самага с небеси от Бога на сохранение целой Империи дарованного ангела достойно и праведно почитается. Из сего можно усмотреть, что умеренность с милосердием монархов наших ту законную строгость всегда превосходила, которая действительному исполнению добродетелей их величества выше меры тесные пределы нанести могла.

Теперь уже я к концу намерения моего достиг. А понеже все мое желание клонилось к удовольствованию вас, Государя моего, исправным показанием правды, а вы уже изволте сами разсматривать, какую я мерою и степенью в состоянии был сие усердие исполнить.

В протчем остаюсь покорны ваш слуга и протчая &c.

ОР РНБ. Ф. 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 1–167.

Комментарий

Публикуемый текст, согласно оригинальному названию, представляет собой перевод изданных на французском языке в 1760 г. «Российских писем». В этом же названии указывается и год перевода – 1761. Рукопись выполнена «скорописью двух почерков»⁸⁴. Почерк № 1 относится ко всему тексту на лл. 1–62, а также примерно к трети на л. 62 об. Соответственно, почерком № 2 переписана оставшаяся часть на л. 62 об., а также на л. 63–167. Помимо прочего, обладатель почерка № 1, в отличие от обладателя почерка № 2, довольно активно использовал прописные буквы для

⁸⁴ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894. С. 106.

акцентирования внимания на именах (ЛОК, АГАМЕМНОН, ПИРР), а также некоторых понятиях (ТИТЛО, ПРАВО, ПОЛИТИКА).

В рукописи есть оригинальная постраничная пагинация. Она начинается с «Уведомления издателява» (с. 1) и насчитывает всего 329 страниц. Номера страниц выполнены теми же почерками, что и основной текст (почерком № 1 – по л. 62 об. включительно, то есть с номера 1 до 121 включительно, а почерком № 2 – по л. 167, то есть с номера 122 до 329 включительно). Отметим, что л. 64 об. – пустой. Скорее всего, это связано с тем, что после того, как текст для переписывания был разделен между двумя переписчиками, они в ходе работы допустили просчет. На последней странице находится следующая запись, сделанная довольно аккуратным почерком: «1800го года. Аще кто не упивается вином, тот бывает крепок умом. Тимофей Заверняев». Возможно, Т. Заверняев был одним из владельцев рукописи. При этом следует учесть, что зафиксированный афоризм о пользе трезвого образа жизни встречался в составе ученических прописей⁸⁵. Вполне вероятно, что это была проба пера юного родственника владельца рукописи. Данная рукопись в 1891 г. поступила в собрание Императорской Публичной библиотеки в Петербурге от В.И. Саитова, известного библиографа и историка литературы. Ее краткое описание было помещено в соответствующий том «Отчета Императорской Публичной библиотеки»⁸⁶.

Оригинальный французский текст, который послужил основой для данного перевода, – это «Lettres Russiennes» («Российские письма»), небольшая книжка карманного формата (в 8°, нумерованных 270 страниц, из которых 2 – пустая, а также одна нумерованная страница с указанием опечаток). На титульном листе отсутствовало как имя автора, так и место издания, а был только указан год – MDCCLX (1760). Такая анонимность была связана с пропагандистским характером данной публикации: в ней подвергались критике идеи из «Духа законов» Ш.Л. Монтескье о *рабстве* и *деспотизме*, а также доказывалось, что в России не *деспотическая форма правления*.

Несмотря на анонимность, имя автора этого сочинения было уже известно в XVIII в. Так, согласно запискам С.А. Порошина, Н.И. Панин 7 января 1765 г. во время обсуждения «Lettres Russiennes» с великим князем Павлом Петровичем упомянул имя их автора – «господина Штрубе»⁸⁷, то есть Ф.Г. Штрубе де Пирмонта. Последний также называл их в числе своих произведений⁸⁸. Место издания было установлено

⁸⁵ Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. М., 1985. С. 301.

⁸⁶ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1891 год. С. 106.

⁸⁷ Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу российского. СПб., 1844. С. 245.

⁸⁸ Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 8 / Под ред. В.Н. Смольянинова. СПб., 1889. С. 195.

П.П. Пекарским. Он указал, что «по шрифту и мелким украшениям, легко заметить, что книга вышла из петербургской академической типографии»⁸⁹.

Хотя о существовании публикуемого перевода «Lettres Russiennes» было известно еще с 1894 г., к настоящему времени из исследователей к нему обращался лишь С.В. Польской. При этом данный перевод как таковой историком не изучался, а использовался в основном для характеристики идей Штрубе, изложенных в печатном издании 1760 г.⁹⁰

Кстати, рукописный перевод в ряде случаев отличается от печатного оригинала за счет правок и дополнений. Например, Штрубе привел следующую цитату из «Духа законов»: «le Despotisme est monstrueux, qu'il cause à la nature humaine des maux effroyables, & qu'on n'en peut parler sans frémir»⁹¹ («деспотизм – это чудовищное [правление], которое причиняет человеческой природе ужасное зло и о котором нельзя не говорить без содрогания»). В переводе она была сокращена и стала звучать так: «Непорядочное ДЕСПОТСТВО или САМОВЛАСТИЕ роду человеческому несказанные беды приносит»⁹².

Изменения выражались не только в сокращениях текста. В ряде случаев в перевод были добавлены фразы и предложения, которые отсутствовали в печатном издании и которые имели явно не просто стилистический характер. Так, в рукописи в текст «Писма пятого на десять» было помещено предложение, отсутствовавшее в печатном издании: «Какое владение недвижимым имением европейские монархи в своих землях устави́ли, такое же точно и Россия у себя имеет»⁹³. Схожим образом в «Писме шестом на десять» после указания на то, что в России присутствуют «северной воздух, вера христианская, законы, судьи, шляхетство, мужество народов, веселие, кротость, храбрость и мудрость монарха, а при том искусство с верностью министров их», то есть все то, что препятствует установлению *деспотизма* по Монтескье, было добавлено следующее предложение, которое

⁸⁹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 687.

⁹⁰ См.: Польской С.В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 245–246; Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 310–312; Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. С. 125–127.

⁹¹ [Strube de Piermont F.G.] Lettres Russiennes. [SPb.], 1760. P. 12. Это была не точная цитата из «Духа законов». Она была сконструирована Штрубе из двух разных высказываний Монтескье о деспотизме: «le despotisme cause à la nature humaine des maux effroyables» и «on ne peut parler sans frémir de ces gouvernements monstrueux» (Montesquieu Ch.-L. De l'Esprit des Loix. Liv. II, ch. IV; liv. III, ch. IX).

⁹² ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 7.

⁹³ ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 124. [Strube de Piermont F.G.] Lettres Russiennes. P. 207.

отсутствовало в печатном издании: «Все сие в Российской империи есть и действительно процветает»⁹⁴.

Как результат, в ходе сокращений и дополнений смысл высказываний мог существенно корректироваться и меняться. Так, Штрубе привел цитату из XIV главы XXII книги «Духа законов»⁹⁵ (той самой, где заявлялось, что «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма – и не может»), которая в современном переводе звучит так: «Народ там (в Московии. – К.Б., М.К.) состоит из одних рабов – рабов, прикрепленных к земле, и рабов, которые называются духовенством и дворянством на том основании, что они – господа первых. Таким образом, в Московии нет третьего сословия, которое должно состоять из ремесленников и купцов»⁹⁶. В переводе «Российских писем» это высказывание стало звучать так: «господин А. утверждает, будто “весь народ в России пахотные мужики, холопы и нижняго чина церковные служители, а имянно дьячки, понамари и подобныя им подлые люди. Да еще дворяне, потому, что сими рабами владеют”. От того заключают, будто “на третей государственной чин ни единого человека не осталось, кому художниками да купцами быть”»⁹⁷. Итак, переводчик не решился или не захотел называть дворян рабами, а также почему-то исключил из числа владельцев *пахотных мужиков* и *холопей* церковь⁹⁸.

Ярчайшим примером того, насколько глубоко переводчик мог изменять оригинальный текст Штрубе, служит следующий фрагмент «Письма девятнадцатого». Приведем его полностью: «Сей ремарк учинен мною на показание вам того, как силно Господин фон М. по тому виноват, что в разсуждении своем о состоянии российского народа и во исправлении нравов ево дерзнул бедным умишком своим превзойти беспримерную остроту к описанию невозможного разума и мудрости такого монарха, которой в середине Российской империи родился и нравы с состоянием народов своих лутче всего света знал. Штоб мудрующей вития Господин М. в те поры заговорил, когда бы сам и обеими своими глазами это увидел, что, не взирая на свою силу и строгость законов Петра Великого, за которыми способы кротости и милосердия последовали, большая часть тех керженских и премногих сортов расколничьих бород, которая премудрый монарх истребить желал, от окаменелых отцов к задеревенелым детям перешедши, в третьем чине Российской империи, то есть в купцах, поныне пребывает?»

⁹⁴ [Strube de Piermont F.G.] Lettres Russiennes. P. 218. ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 132.

⁹⁵ [Strube de Piermont F.G.] Lettres Russiennes. P. 218–219.

⁹⁶ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 346.

⁹⁷ ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 132 об.

⁹⁸ Отметим, что в первый полный опубликованный перевод «Духа законов» Монтескье, вышедший в 4 частях в 1809–1814 гг., XIV глава XXII книги не была включена. Под ее порядковым номером уже шла XV глава оригинального текста Монтескье (Монтескье Ш. О существе законов / Пер. Дмитрий Языков. Ч. 3. М., 1810. С. 296). См. также: Плавинская Н.Ю. Как перевели Монтескье в России? // Европейское просвещение и цивилизация России.

Оригинальный фрагмент звучал так: «Je n'ai fait cette remarque que pour vous montrer combien Mr. de M. a eu tort de se croire sur le caractère des peuples de cet Empire et sur les moyens d'en perfectionner les moeurs, des lumières supérieures à celles d'un Prince né chez eux et doué d'une rare sagacité. Que auroit-il dit s'il avoit pu se convaincre par ses propres yeux que nonobstant la rigueur des loix de PIERRE le GRAND, qui ont fait place dans la suite à des voyes plus douces, une bonne partie des barbes, qu'il a voulu anéantir, a passé de père en fils, subsiste encore en dépit de tous ces arrangemens parmi les personnes du Tiers Etat?»⁹⁹

Переводчик не только вставил в текст прямые оскорбления по адресу «бедного умишком» Монтескье¹⁰⁰. В данном фрагменте «народы» Российской империи в переводе стали одним «российским народом», а Петр Великий получил лестную характеристику своего «невозможного разума и мудрости», вовсе отсутствовавшую в оригинальном тексте. Переводчик еще и существенно дополнил фрагмент, назвав бороды «керженскими», а бородатых отцов и детей – «окаменелыми» и «одеревенелыми». Если для Монтескье (и, очевидно, для Штрубе) борода была символом старой России, уступавшей место России новой, европеизированной, то переводчик воспроизвел то же различие в отношении староверов. Стоит, наконец, обратить внимание на то, что французскую частицу *de* переводчик превратил в немецкое *Von*: «Господин фон М.»

Кроме того, при сравнении рукописи перевода с печатным оригиналом видно, что в «Письмо восьмое» был помещен довольно большой фрагмент рассуждений объемом полтора листа (начиная со слов «Прямое различие между ДЕСПОТСТВОМ и между истинным МОНАРХОМ» и кончая фразой «чтобы только употребления на зло правительственной власти убегать, а более и требовать от них нечего»)¹⁰¹.

Укажем также на следующий примечательный факт. С «Письма первого» по «Письмо седьмое» включительно переводчик при переводе понятия *le Despotisme* (и производных от него слов) использовал русифицированное понятие *деспотство*,

⁹⁹ В нашем переводе так: «Я делаю эту ремарку, чтобы показать, как г-н М. заблуждается в рассуждении [croire] о характере народов этой империи и средствах к усовершенствованию их нравов и их совершенного просвещения государем, родившимся среди них и обладающим редкой проницательностью. Что бы он сказал, если бы увидел своими глазами, что, несмотря на строгость законов Петра Великого, которые позднее были смягчены, большая часть бород [une bonne partie des barbes], которые он хотел уничтожить, переходят от отца к сыну, существуя все еще, несмотря на все установления, среди третьего чина?» ([Strube de Piermont F.G.] *Lettres Russiennes*. P. 251–252).

¹⁰⁰ Там, где Штрубе сухо писал о Монтескье как о «господине А.», то есть авторе, или «господине М.», переводчик не скупился на пейоративные дополнения в таком духе: «мудрствующий господин М.» или «замысловатый наш господин А.». Это в лишний раз подчеркивает различие между печатным трактатом и рукописным переводом.

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 58–59. [Strube de Piermont F.G.] *Lettres Russiennes*. P. 105.

при этом регулярно добавляя поясняющий русский синоним *самовластие* (*самовла-
дение*). Однако начиная с «Письма восьмого» такое пояснение исчезает. Более того,
понятие *самовластие* начинает использоваться отдельно от понятия *деспотство*
для обозначения иного политического феномена, отличного от *деспотства*.

Итак, в связи с вышеизложенным возникает две проблемы: объяснения отмечен-
ных правок и вставок и выявленного внутреннего терминологического конфликта.

Начнем с последней. Прежде всего, такое противоречие может указывать на то,
что человек, переводивший оригинальное сочинение Штрубе с французского
на русский, не читал его полностью перед началом процесса перевода. В противном
случае он уже имел бы целостное представление о идеях Штрубе и, соответственно,
не допустил бы такого противоречия. Если предположить, что переводчик в процессе
своей работы к «Письму восьмому» понял, что неверно применил понятие
самовластие, после чего исправился, возникает еще один вопрос: почему он не внес
соответствующие исправления в перевод на стадии черновика? Принимая во внима-
ние, что *самовластие* всегда использовалось в качестве поясняющего к понятию
деспотство, это было бы довольно легко сделать без какого-либо значимого ущерба
для проделанной работы.

Здесь выдвинем следующую догадку: перевод мог осуществляться несколькими
людьми. На это может указывать еще одна терминологическая несостыковка. Так,
с «Писма пятого на десяты» при переводе понятий *esclave/esclavage* и *servitude* вдруг
начинает использоваться слова *эсклав/эсклаваж*, которые лишь в некоторых случаях
сопровождаются поясняющими русскими синонимами – *раб/рабское служение*:
«эсклавство или рабское служение (в оригинале *servitude*. – К.Б., М.К.)»¹⁰². Однако
до этого письма переводчик использовал русское слово *раб* и производные от него,
привлекая в качестве синонима понятие *служний чин*: «подлинное рабств и справед-
ливый служний чин (в оригинале *le véritable esclavage*. – К.Б., М.К.)»¹⁰³. В итоге можно
с полным основанием предположить, что публикуемый рукописный перевод сочинения
Штрубе не относился к тому случаю, когда человек сперва читал трактат и проникался
его идеями, и лишь после этого принимал решение сделать перевод. Наличие данных
терминологических несостыковок указывает на то, что перевод был выполнен
несколькими людьми, которые, скорее всего, выполняли чей-то заказ.

Только зачем для перевода такого относительно небольшого сочинения было
необходимо привлекать несколько человек? В качестве наиболее логичного объяснения
будет аргумент о желании заказчика получить как можно быстрее текст перевода. Тогда
и возникает вопрос о том, когда была создана сама рукопись, содержащая перевод.

¹⁰² ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 140. [Strube de Pier-
mont F.G.] Lettres Russiennes. P. 231.

¹⁰³ ОР РНБ. Ф 550 «Основное собрание рукописной книги». Q.II.101. Л. 43. [Strube de Pier-
mont F.G.] Lettres Russiennes. P. 77.

Определенную информацию по этому вопросу могут дать филигранные. Бумага, на которой выполнена рукопись, имеет следующие водяные знаки: «герб Сиверса (баронский)», «ГКС», то есть граф Карл Сиверс, и год – «1762». Таким образом, бумага была изготовлена на Красносельской бумажной фабрике под Петербургом, ее белая дата – 1762 г. Как отмечает А.В. Сиренов, указанная на русской бумаге белая дата иногда «опережает» реальное время ее изготовления. «Так, известны случаи, когда белая дата указывает на более позднее время, чем дата написанного на такой бумаге документа. По-видимому, на фабриках бумаги могли изготавливать “впрок”, маркируя ее следующим, еще не наступившим годом»¹⁰⁴. Здесь следует учесть также и следующие факты. Барон К.Е. Сиверс получил графский титул в феврале 1760 г. Согласно С.А. Клепикову, в 1761 г. фиксировалась бумага, на которой литеры «ГКС» шли в сопровождении еще баронского герба. А уже в 1762 г. появляется бумага, на которой литеры «ГКС» сочетались с графским гербом¹⁰⁵. Так что вполне возможно предположить, что сама рукопись была создана ближе к концу 1761 г., почему она и была выполнена на бумаге производства ближайшей к Петербургу бумажной фабрики, маркированной следующим, еще не наступившим годом. На определенную спешность подготовки и перевода, и рукописи указывает то, что перевод был разделен между двумя переводчиками, а переписывание текста – между двумя писцами.

Однако зачем была нужна спешка? При ответе на этот вопрос следует учесть как пропагандистский характер публикации Штрубе, где, помимо прочего, восхвалялись Елизавета Петровна и граф П.И. Шувалов, так и отмеченные редакционные правки и дополнения, которые только усиливали этот характер трактата. Конечно, иногда российские переводчики могли позволить себе некоторые стилистические и даже смысловые дополнения¹⁰⁶. В то же время выявленная вставка на полтора листа текста все же была слишком существенной для того, чтобы быть результатом небольшой вольности переводчика. И логично предположить, что данный перевод готовился с той же пропагандистской целью для публикации уже в России, при этом, также

¹⁰⁴ Сиренов А.В. Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги. С. 39.

¹⁰⁵ Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. С. 20.

¹⁰⁶ В переводе трактата аббата Ж.Б. Бельгарда «L'Education parfaite», выполненном С.С. Волчковым и напечатанном в 1747 г., российский читатель мог прочитать: «Заслуги всякому человеку свойственны, а шляхетству кроме самодержавного государя никакого надо собою владения желать не надлежит; для того что под скипетром самовластного монарха, наибольшее им щастие (выделено нами. – К.Б., М.К.)» (Бельгард Ж.Б. Совершенное воспитание детей, содержащее в себе; молодым знатного рода, и шляхетного достоинства людям, благопристойные манеры, и приличные поведении. СПб., 1747. С. 66; Bellegarde J.B. L'Education Parfaite. Amsterdam, 1710. P. 103). Выделенная фраза отсутствовала в оригинале. Скорее всего, она была вставлена Волчковым и была связана с его представлениями о связи между положением дворянства и формой правления.

вполне возможно, для этого был привлечен и сам Штрубе. Только после смерти Елизаветы Петровны его публикация потеряла актуальность. Впрочем, причуды реальных человеческих деяний могут опрокинуть любые логические построения историков, включая и эти. Соответственно, сохраняется необходимость продолжения поиска новых источников, которые бы смогли пролить свет на происхождение этого перевода.

Так или иначе, в результате отмеченных изменений, внесенных в перевод по сравнению с французским оригиналом, данный текст фактически превратился в отдельную редакцию «Российских писем». Соответственно, для реконструкции концепции, которую изложил Штрубе в книжке 1760 г., данный перевод возможно использовать только с учетом печатного издания. С одной стороны, это создает некоторые сложности для изучения представлений самого Штрубе. Однако, с другой стороны, такой источник предоставляет в распоряжение историков важные материалы для изучения процесса адаптации европейских политических и социальных понятий и представлений в России к середине XVIII в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиография

Предисловие

1. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938.
2. Pocock J.G.A. England's Cato: The virtues and fortunes of Algernon Sidney // The Historical Journal. № 37. 4 (1994).
3. Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. Vol. 24. № 1 (Jan., 1985).
4. Заводовская М.А. Политическая деятельность и общественные взгляды Алджернона Сиднея. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.
5. Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989.
6. Малинов А.В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003.

Глава I

1. Bireley R. The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapel Hill, 1989.
2. Bleznick D. W. Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of the History of Ideas. Vol. 19. № 4 (Oct., 1958).
3. Bushkovith P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert: URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraegemoskau/bushkovitch_ideology.
4. Carpenter K. The Economic Bestsellers before 1850. Bulletin № 11, May 1975, of the Kress Library of Business and Economics, Boston, Harvard Business School.
5. Creasy W. The Imitation of Christ by Thomas a Kempis. A new reading of the 1441 Latin manuscript. Macon, 1989.
6. Di Salvo A. Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cerantes 9. № 2. 1989.
7. Gherbezza E. «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Неизданный перевод М.М. Щербатова // Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter. № 33. November 2005.

8. Hochstrasser T.J. *Physiocracy and the Politics of Laissez-Faire / Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought*. Cambridge, 2008.
9. Howard K. *The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment*. LATCH 5 (2012).
10. Korvela P.-E. *The Machiavellian Reformation. An Essay in Political Theory*. Jyväskylä, 2006. P. 136.
11. Maravall J.A. *La teoría española del Estado en el siglo XVII*. Madrid, 1944.
12. Marker G. *Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800*. Princeton, 1985.
13. Muller-Sievers H. *A Scientist and Poet // A New History of German Literature*. London; Cambridge, 2004.
14. Okenfuss M. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. L., 1995.
15. Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth-Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Analysis // American Historical Review*. 1975. Vol. 80. № 5.
16. Rager J. *The Political Philosophy of St. Robert Bellarmine*. Spokane: Apostolate of Our Lady of Siluva, 1995.
17. Riley P. *Rousseau, Fenelon and the Quarrel of between the Ancients and Moderns / The Cambridge Companion to Rousseau*. Cambridge, 2001.
18. Riley P. *Shklar on Rousseau on Fenelon // Liberalism without Illusions. Essays on Liberal Theory and the Political Vision of Judith N. Shklar*. Chicago, 1996.
19. Schippan M. *Ökonomische Debatten in Russland im 18. Jahrhundert. Personen – Institutionen – Themenfelder*. In: *Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens. Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts*. Hrsg. von Marcus Popplow (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt. Bd. 30). Münster, 2010.
20. Shklar J. *Men and Citizens: A Study of Rousseau's Social Theory*. Cambridge, 1985.
21. Small A. *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago, 1909.
22. Wagner R.E. *The Cameralists: Fertile Sources for a New Science of Public Finance // Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics*. N.Y.; Dordrecht; Heidelberg; L., 2012.
23. Wakefield A. *The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice*. Chicago, 2009.
24. Wirtschafter E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb, 2003.
25. Баренбаум И.Е. *Французская переводная книга в России в XVIII веке*. М., 2006.
26. Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979.

27. Биржакова Е.Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII в. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=663>.
28. Буланин Д.М. Поучение Агапита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
29. Бухаркин П.Е. Русская литература XVIII века: хронологические границы и проблема периодизации // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2. СПб., 2008.
30. Гончарова О.М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004.
31. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
32. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х гг. М.;Л., 1936.
33. Долгопольский М.Б. Место романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» в политической жизни России второй половины XVIII столетия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2013. № 4 (176).
34. Зайцева А.А. Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978.
35. Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3(40).
36. Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского государственного университета. 2014. № 9.
37. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1994–1995.
38. Кауркин Р.В. Формирование читательской среды в России второй половины XVIII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 6. 2009.
39. Кочеткова Н.Д. «Essay on Man» А. Попа в русских переводах // Antropologische Konzepte in der Russischen Kultur und Literatur (18–19. Jh.): Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.). Halle (Saale), 2008.
40. Кочеткова Н.Д. Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976.
41. Кульматова Т.В. Экземпляр книги «Велизер» Ж.-Ф. Мармонтеля из академического собрания БАН // Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): сб. науч. тр. по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010.

42. Левин Ю.Д. Английская литература в России XVIII века // Вопросы литературы. 1996. №1.
43. Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007.
44. Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.
45. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
46. Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska. Gdańsk. 1973.
47. Омельченко О.А. Голландский литератор Э. Люзак и «Наказ» императрицы Екатерины II. (Новые сведения об источниках текста «Наказа») // Russia and Low Countries in 18 Century. Groningen, 1998.
48. Онкен А. Система физиократов // Физиократы. Избранные экономические произведения. М., 2008.
49. Плавинская Н.Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998.
50. Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.
51. Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002.
52. Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.
53. Сиповский В.В. Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. СПб., 1901.
54. Смекалина В.В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер // Новая и новейшая история. 2013. № 6.
55. Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII в. М., 2006.
56. Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе имп. Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
57. Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011.

Глава II

1. Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei? // Slavic Review. 1981. Vol. 40, №. 2.
2. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979.
3. Scattola M. Before and After Natural Law. Models of Natural Law in Ancient and Modern Times // Early Modern Natural Law Theories. Contexts and Strategies in the Early Enlightenment / ed. T. J. Hochstrasser and P. Schröder. Springer-Science+Business Media, B.Y., 2003.
4. Tuck R. The 'Modern' Theory of Natural Law // The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe / ed. A. Pagden. Cambridge, 1987.
5. Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6.
6. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.
7. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
8. Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М., 1999.
9. Белякова Е.В. Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4.
10. Белякова Е.В. К вопросу о первом издании Кормчей книги // Вестник церковной истории. 2006. № 1.
11. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 268.
12. Бобынэ Г.Е. Учение Н.Г. Милеску Спафария о четырех монархиях // Н.Г. Милеску Спафарий – ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.
13. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерк русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 253.
14. Вальденберг В.Е. Понятие о тиранне в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 1.
15. Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. I. Исследование. Ростов на Дону, 1916.
16. Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

17. Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. II. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871.
18. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. О рукописях библиотеки Д.М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.
19. Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.
20. Дианова Т.В. Филигрani XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.
21. Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895.
22. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.
23. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
24. Каменский А.Б. Россия в XVIII веке. М., 2006.
25. Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012.
26. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
27. Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. I. Варшава, 1913.
28. Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (Из истории международной книготорговли). Л., 1988.
29. Корзо М.А. Катехетические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах 2013. М., 2014.
30. Кром М.М. «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010.
31. Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005.
32. Круглов В.М. Предисловие // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 года. Т. I. Текст перевода / Лингвистическое издание памятника, словоуказатель, комментарии подготовил В.М. Круглов. СПб., 2011.
33. Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963.

34. Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12.
35. Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Пред. М.Ю. Сорокиной; подг. текста М.Ю. Сорокиной при уч. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln, 2005.
36. Лентин Э. Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I // XVIII век. Сб. 21. Памяти Наума Павловича Беркова (1896–1969) / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1999.
37. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
38. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723. М., 1951.
39. Мыльников А.С. Русские переводчики в Праге. 1716–1721 гг. // XVIII век. Вып. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века / Под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л., 1974.
40. Ничик В.М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII в. Киев, 1978.
41. Павленко Н.И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1973.
42. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
43. Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
44. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013.
45. Просина А.Б. Апология абсолютизма в учении Феофана Прокоповича о государстве и праве // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1969. № 2.
46. Просина А.Б. Теоретическое обоснование Ф. Прокоповичем реформ Петра I // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1969. № 6.
47. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000.
48. Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105).
49. Реформы как историческое понятие и как феномен раннего Нового времени (из дискуссии) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013.

50. Рункевич С. Архиепископ Феофан (Прокопович) в его переписке с Петром Великим. По документам Государственного Архива // Странник. Духовный журнал. 1906. Январь.
51. Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1: «Аарон» – «Детем благословение» / Подг. текста, ст. и комм. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln [etc.], 1996.
52. Сазонова Л.И. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. № 3.
53. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009.
54. Синицына Н.В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965.
55. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18 / Отв. ред: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1993.
56. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. СПб., 2006
57. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974.
58. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004.
59. Урсул Д.Т. Николай Милеску Спафарий. Кишнев, 1985.
60. Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 512.
61. Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. М., 1989. С. 37.
62. Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988.
63. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006.
64. Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011.

Глава III

1. Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des Nobles Russes au Cours de la Seconde Moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2.

2. Bugrov K. Religious Legitimation of Monarchy in 18th century Russia // European Journal of Science and Theology. 2016. Vol. 12. № 4.
3. Butler W.E.F.G. Strube de Piermont and the Origins of Russian Legal History // Russia in the Age of the Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga. L., 1990.
4. Rosso C. Introduction // Strube de Piermont F.H. Lettres Russiennes suivies des Notes de Catherine II. Pisa, 1978.
5. Rosso C. Mythe de l'Égalité et Rayonnement des Lumières. Pise, 1980.
6. Volmer A. Presse und Frankophonie im 18. Jahrhundert: Studien zur französischsprachigen Presse in Thüringen, Kursachsen und Rußland. Leipzig, 2000.
7. Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005.
8. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.
9. Андрияйнен С.В. «Изобретение всеобщего добра»: идеологические основания деятельности графа П.И. Шувалова (1710–1762) // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. СПб., 2006.
10. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
11. Астраханский В.С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1980. Л., 1981.
12. Берелович В. Алексей Яковлевич Поленов в Страсбурге (1762–1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII–XX вв.). История науки и международные связи / Отв. ред. В. Берелович. М., 2002.
13. Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004.
14. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005.
15. Валк С.Н. О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1979.
16. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. I. СПб., 1880.
17. Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. (Новая данная, относящаяся к истории этой Академии за указанное время). Киев, 1903.
18. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005.
19. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.

20. Жучков В.А. Метафизика Вольфа и ее место в истории философии Нового времени // Христиан Вольф и философия в России / Ред.-сост. В.А. Жучков. СПб., 2001.
21. Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов. К истории быта и нравов XVIII в. // Исторические записки. [Т.] 23. М., 1947.
22. Каменский А.Б. Неизвестные татищевские документы в «портфелях Г.Ф. Миллера» ЦГАДА // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984.
23. [Капустин М.Н.] Дильтей, Филипп Генрих // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. I. М., 1855.
24. Киселев М.А. Как колонизируют историю. Рецензия: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013 // Историческая экспертиза. 2014. № 1.
25. Клепиков С.А. Филигранные бумаги русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.
26. Коллман Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.
27. Копанев Н.А. Книги императрицы Елизаветы Петровны // Книга в России XVI – середины XIX в. Л., 1990.
28. Коротков С.Н. Gazette de Saint-Petersbourg: издатели и читатели французской газеты в России // Петербургские чтения: Тез. докл. науч. конф., посвящ. 291-летию Санкт-Петербурга 23–27 мая 1994 г. СПб., 1994.
29. Круглов В.М. Русский рукописный перевод 1720-х годов второго трактата о правлении Джона Локка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 5.
30. Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
31. Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015.
32. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976.
33. Мишенкова М.В., Щедрова И.В. Иоганн Альбрехт Корф // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. СПб., 2000.

34. Модзалевский Л. Б. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма 1760–1761 гг. (По материалам Архива Академии Наук СССР) // Вольтер. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1947.
35. Модзалевский Л.Б. М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб., 2011.
36. Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1.
37. Пекарский П.П. Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. Т. CXXIX.
38. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.
39. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. II. СПб., 1873.
40. Петрухинцев Н.Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731–1740 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. К 275-летию основания. СПб., 2007.
41. Плавинская Н.Ю. Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. М., 1993.
42. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51. № 2–3.
43. Польской С.В. «Разсуждение о правлении государственном» В.Н. Татищева и дворянское политическое движение 1730 года // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3.
44. Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959.
45. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912.
46. Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. [Т.] 38. М., 1951.
47. Серов Д.О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова / Отв. ред. Т.Е. Новицкая. М., 2012.
48. Смагина Г.И. Академик Г. Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. ред. А. Ю. Андреев. М., 2009.

49. Смагина Г.И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.
50. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. Т. 25–26. М., 1965.
51. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XXII. М., 1872.
52. Сорель А. Европа и Французская революция. Т. I. Политические нравы и традиции. СПб., 1892.
53. Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: Биобиблиографический словарь. М., 2013.
54. Фундаминский М.И. Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера // Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Л., 1980.
55. Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989.
56. Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Вып. 3 / Отв. ред П.Н. Берков. М.; Л., 1958.
57. Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. Т. XXVIII. СПб., 1880.
58. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

Глава IV

1. Bugrov K.D. Les institutions de l'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita Panin (1760–1780) // Cahiers du monde Russe. № 53/4. 2012.
2. Dainotto R.A South with a View: Europe and Its Other // Nepantla: Views from South. Vol. 1, Iss. 2 (2000).
3. Hont I. Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2010.
4. Hont I. The early Enlightenment debate on commerce and luxury // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge, 2008.
5. Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law. № 31. 2006.
6. Hume D. Of the Refinement in the Arts.
7. Olesen B.K. Entangled Positions: from Comparative and Transnational History to Histories of Possible Meaning // Zeitenblicke, 12 (2013), № 1.
8. Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Pinceton: Princeton University Press, 1975.
9. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Vol. 80. № 5 (Dec., 1975).

10. Said E. Orientalism. L., 1975.
11. Shklar J. Montesquieu. Oxford, 1987.
12. Susato R. Hume's Nuanced Defense of Luxury // Hume Studies. Volume 32. № 1, (2006).
13. Tamm D. The Danish Debate about Montesquieu: Holberg, Kofod Ancher, Sneedorff, Schytte and Stampe // Northern Antiquities and National Identity: Perceptions of Denmark and the North in the Eighteenth Century. Viborg, 2008.
14. Venturi F. Oriental Despotism // Journal of the History of Ideas. 1963. 24(1).
15. Vile M.J.C. Constitutionalism and the Separation of Powers. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.
16. Whittacker C. Russian Monarchy. Eighteenth-Century Russian Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003.
17. Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003.
18. Бугров Д.В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М.М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12.
19. Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015.
20. Галай Ю.Г. Российское законодательство XVIII – XIX веков о роскоши // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.
21. Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М., 2014.
22. Калинин С.Г. Комментарии // Щербатов М.М. Избранные сочинения. М., 2010.
23. Лаппо-Данилевский А. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1897.
24. Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
25. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.
26. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
27. Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6.
28. Польской С.В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010.
29. Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М. М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция

- и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 158–182.
30. Тимофеев Д.В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43
31. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982.
32. Феррации М. «Письма Эрнеста и Доравры Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение? // XVIII век. Т. 21. СПб., 1999.
33. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011.
34. Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907.

Послесловие

1. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
2. Kiselev M.A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50. Paths to State Building in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 1. № 1.
3. Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 51, № 1 (Spring, 1992).

Источники. Комментарии

1. Cherel A. Fenelon au XVIIIe siècle en France (1715–1820). Geneva, 1970.
2. Gherbezze E. «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Неизданный перевод М.М. Щербатова // Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter. № 33. November 2005.
3. Howard K. The Reception of Machiavelli in Early Modern Spain. Woolbridge, 2014.
4. Ossa-Richardson A. The Devil's Tabernacle: The Pagan Oracles in Early Modern Thought. Princeton; Oxford, 2013.
5. Shovlin J. The Political Economy of Virtue: Luxury, Patriotism, and the Origins of the French Revolution. Cornell University Press, 2006.
6. Truman R. Spanish Treatises on Government, Society and Religion in the Time of Philip II. The 'De Regimine Principum' and Associated Traditions. Boston; Leiden; Koln, 1999.
7. Андрусенко Д.В. Из истории изучения взглядов В.Н. Татищева на религию и церковь // Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1986.

8. Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145).
9. Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015.
10. Васильева Е.Н. Монтескье и Россия. Дисс. ... канд. филолог. наук. СПб., 2011.
11. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
12. Воловников В.Г. По дорогам Востока и Времени (Введение) // Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986.
13. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
14. Киселев М.А. Кондратович Кириак Андреевич // Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2016.
15. Киселев М.А. Между службой государству и частным покровительством: литературная и переводческая деятельность К.А. Кондратовича на Урале (1734–1742) // ЧИНЫ и МУЗЫ (писатели на государственной службе): Тезисы докладов международной конференции / Сост. С.Н. Гуськов, Н.В. Калинина. СПб., 2016.
16. Киселев М.А. Междущарствие 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России / Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture / Ed. G. Szvák. Budapest, 2015.
17. Киселев М.А. Проект Горного и заводского устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (106).
18. Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9.
19. Киселев М.А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междущарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013.
20. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013, т. 6 (153).
21. Клепиков С.А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.

22. Космолинская Г.А. К истории русско-итальянских книжных контактов XVIII в.: «Вертоградец света» // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге. Ч. 1. М., 2014.
23. Курукин И.В. Опасная картинка Епафродита Ивановича: политическая «оттепель» в зимней Москве 1730 года // Родина. 2009. № 2.
24. Курукин И.В. Попытка ограничения самодержавия и уровни политического сознания «шляхетства» в 1730 г. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин. М., 2008.
25. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.
26. Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.
27. Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Пред. М. Ю. Сорокиной; подг. текста М. Ю. Сорокиной при уч. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Köln, 2005.
28. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
29. Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007.
30. Никишин О.В. Кириак Андреевич Кондратович // Русская речь. 2003. № 1.
31. Николаев С.И. Кириак Кондратович – переводчик польской поэзии // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
32. Николаев С.И. Кондратович Кириак Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999.
33. Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.
34. Николаев С.И. Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1995.
35. Николаев С.И. Ранний Тредиаковский (первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Русская литература. 1987. № 2.
36. Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska. Gdańsk. 1973.
37. Пекарский П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и бельлетрист XVIII столетия // Современник. 1858. Т. 69. № 6.
38. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.

39. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
40. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965.
41. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987.
42. Плавинская Н.Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004.
43. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
44. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51. № 2–3.
45. Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012.
46. Польской С.В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010.
47. Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002.
48. Польской С.В. Черновая записка о «высоком государственном правлении» и ее место среди дворянских проектов 1730 года // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 2/2 (93).
49. Рустам-Заде З.П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. СПб., 2000.
50. Рустам-Заде З.П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М.М. Щербатова) // Ученые записки ЛГУ. 1968. № 339. Сер. филологических наук. Вып. 72. Русская литература.
51. Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012.
52. Сафронова А.М. Книги о религии и церкви в библиотеке В.Н. Татищева в Екатеринбурге (1734–1737) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011.
53. Сафронова А.М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87).

54. Сафронова А.М. Переводы источников для «Истории Российской» В.Н. Татищевым учителем Екатеринбургской латинской школы К.А. Кондратовичем (1734–1738 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Сборник материалов Региональной научно-практической конференции. (Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г.). Ч. I. Екатеринбург, 2000.
55. Сафронова А.М. Проект В.Н.Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 6. Екатеринбург, 2006.
56. Сиренов А.В. Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги. Учебное пособие к курсу «Русская палеография» // Рогулин Н.Г., Назаренко К.Б., Сиренов А.В. Специальные курсы по источниковедению истории России / Отв. ред. С.Г. Кашенко. М.; СПб., 2006.
57. Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008.
58. Тихонравов Н. Кириак Кондратович, переводчик прошлого столетия // Библиографические записки. 1858. № 8.Стб. 227.
59. Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.
60. Черников. С.В. «На убылые места... выбирать обществом». К вопросу о причинах «шляхетского движения» начала 1730 г. // Cahiers du Monde Russe. 2014. Vol. 55. № 1–2.
61. Чечулин Н.Д. Хронология и список сочинений кн. М.М. Щербатова. По поводу издания его сочинений // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. CCCXXX. Август.
62. Шаркова И.С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л., 1964.
63. Шаховской Дм. Русский депутат XVIII века. (Новые материалы для биографии кн. М.М. Щербатова) // Минувшие годы. 1908. № 11.
64. Ям К.Е. Поль Гольбах в русских переводах конца XVIII – начала XIX вв. (К 250-летию со дня рождения) // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1975. № 2.

Основные работы авторов монографии

1. Бугров К.Д., Киселев М.А. Есть ли место демократии из России? Рец. на: Магун А.В. Демократия, или Демон и гегемон / Артемий Магун. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 154 с.: ил. – [Азбука понятий; вып. 1] // Quaestio Rossica. 2016. № 4.
2. Бугров К.Д., Киселев М.А. Рец. на: A.K. Smith. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia. N.Y.: Oxford university press, 2014. ix, 278 p. // Российская история. 2016. № 1.
3. Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2.
4. Бугров К.Д., Киселев М.А., Соколов С.В. Нормативно-юридический подход к изучению дворянского сословия в России середины XVII – 1-й половины XIX в. Рец. на кн.: Соколова, Е.С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство) / Е.С. Соколова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. Академии, 2011. – 344 с. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114).
5. Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. [Вып.] 33. М., 2010.
6. Бугров К.Д. Бездна неравенства: «язык гражданственности» в России от XVIII века до XVIII съезда // Новое литературное обозрение. 2016. № 5.
7. Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015.
8. Bugrov K.D. The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2nd half of 18th century – 1st quarter of 19th century) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41 (3).
9. Bugrov K. Religious Legitimation of Monarchy in 18th century Russia // European Journal of Science and Theology. 2016. Vol. 12. № 4.
10. Бугров К.Д. «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3–2.

11. Бугров К.Д. Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа. Рец. на кн.: Малиа, М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. – М.: РОССПЭН, 2015. – 404 с. // *Quaestio Rossica*, 2015. № 4.
12. Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2015. № 4 (145).
13. Бугров К.Д. Коллективный актор или риторическая фигура? «Дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 7–1.
14. Bugrov K.D. Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th Century Russian Political Thought // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2015. № 37 (3).
15. Bugrov K.D. Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2015. № 36 (2).
16. Бугров К.Д. К проблеме рецепции европейской политической мысли в России XVIII в.: три предисловия к русским переводам Цицерона // *Казанская наука*. 2015. № 9.
17. Бугров К.Д. «Палладиум России»? Монархизм как дискурс российской модерности // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2013. № 4.
18. Бугров К.Д. «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2013. № 2 (114).
19. Бугров К.Д. «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1.
20. Бугров К.Д. Административный опыт шведской «Эры свобод» и проект Императорского совета Н.И. Панина (1762 г.): проблема рецепции // *Казанская наука*. 2013. № 10.
21. Бугров К.Д. Государственные институты и гражданские добродетели в политической мысли Н.И. Панина (60–80-е гг. XVIII в.) // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Vol. 53. № 4.
22. Бугров К.Д. «Политическое время» российского XVIII в.: темпоральный аспект политических преобразований в реформаторских проектах Н.И. Панина // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 4.
23. Бугров К.Д. Концепция Императорского совета в реформаторских проектах Н.И. Панина (60–80-е гг. XVIII в.): источники аргументации и политический

- контекст // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011.
24. Бугров К.Д. Коррупция и разложение Российской империи: античные модели критической мысли в российской политической культуре второй половины XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32).
25. Бугров К.Д. Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4.
26. Бугров К.Д. Европейская философия и российское «переворотство»: «двойной язык» представлений Н.И. Панина о монархии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4.
27. Бугров К.Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н.И. Панина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66).
28. Бугров К.Д. В поисках гражданского покоя: идея «вечного мира» в германской просветительской мысли (1791–1820) // *Imagines Mundi*. Серия «Интеллектуальная история». Вып. 3. Екатеринбург, 2008.
29. Бугров К.Д. В плену идеи: представления и ожидания российского правого движения начала XX в. // *Imagines Mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. №3. Интеллектуальная история. Выпуск 2. Екатеринбург, 2006.
30. Киселев М.А. И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // Вопросы истории. 2016. № 3.
31. Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9.
32. Киселев М.А. Карамзин и конституция // Новый мир. 2016. № 7.
33. Киселев М.А. Государственная деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3.
34. Kiselev M.A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50. Paths to State Building in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 1. № 1.
35. Киселев М.А. Создание Берг-Мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2015. Вып. 4 (31).
36. Киселев М.А. Междоусобица 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России / *Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture* / Ed. G. Szvak. Budapest, 2015.

37. Киселев М.А. «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: Записка П.И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред. и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015.
38. Киселев М.А. Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015.
39. Киселев М.А. «Отворить вход к благополучию дарованиям природным»? Сословная проблематика проектов образовательных реформ И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова на рубеже 50-х – 60-х годов XVIII в. // Россия XXI. 2015. № 6.
40. Киселев М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4.
41. Киселев М.А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4.
42. Киселев М.А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д.В. Волкова 1761–1763 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014.
43. Киселев М.А. Исследование по истории Азовской губернской канцелярии (1775–1784). Рец. на кн.: Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія (1775–1784): історія установи та її документації. – Київ, 2013. – 304 с. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133).
44. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153).
45. Киселев М.А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013.
46. Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40).
47. Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3.

48. Киселев М.А. Проект Горного и заводского устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (106).
49. Киселев М.А. *Правда и закон* во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012.
50. Киселев М.А. Н.А. Воскресенский: историк вне корпорации // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011.
51. Киселев М.А. Законодатель в ситуации выбора: Петр I, июль 1722 г., Астрахань // Уральский исторический вестник. 2010. № 4.
52. Киселев М.А. К вопросу об экстраординарном управлении уральской горнозаводской промышленностью в 20–30-е гг. XVIII в. (в порядке дискуссии) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. В 2-х ч. Ч. 1. Социально-политическая история. Екатеринбург, 2009.
53. Киселев М.А. Сословная риторика как аргумент: эпизод из истории создания Устава о винокурении 1765 г. // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23).
54. Киселев М.А., Криворучко А.С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2014. Вып. 3 (26).
55. Киселев М.А., Лазарев Я.А. Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах // Славяноведение. 2013. № 2.

Указатель имен

Август, император (63 до н.э. – 14 н.э.) 218, 366, 372, 389
Августин Аврелий (354–430) 14
Аддисон Дж. (1672–1719) 217, 261
Алексей Михайлович, царь (1629–1676) 62, 115, 259, 327, 328
Альтюссер Л. 129
Андреев А.Ю. 95, 126, 154
Андрей Курбский (1528–1583) 58–60, 117
Андриайнен С.В. 169, 182–183
Анисимов Е.В. 82, 100, 103, 113, 118
Анна Иоанновна, императрица (1693–1740) 87, 172, 294, 301
Антонин, император (86–161) 218, 349
Аристотель (384–322 до н.э.) 7, 17, 34, 62, 114–115, 140, 208–209, 213, 361, 372
Афанасий Кондоиди (ум. в 1737 г.) 72, 105
Баггер Х. 82, 103, 113–114
Барклай И. (1582–1621) 27, 39, 201–202, 294, 296
Баронио Ч. (Бароний) (1538–1607) 45, 97, 139
Барсов А. (1730–1791) 137
Безобразов Н.С. (род. 1703) 176
Бекенштейн И.С. (1684–1742) 129, 172
Белецкий П. (XVIII в.) 294
Беллармино Р. (1542–1621) 27, 29
Бельгард Ж. (1648–1734) 39–41, 266, 414
Бирон И.Э. (1690–1772) 147
Блэкстон У. (1723–1780) 17
Блюментрост Л.Л. (1692–1755) 126, 128–129, 172
Боден Ж. (1529–1596) 210, 345, 356
Болингброк Г. (1678–1751) 165, 185
Борис Годунов, царь (1552–1605) 188
Бособр, Л. (1730–1783) 28–29
Браун И.А. (1712–1768) 137
Бреверн К. (1704–1744) 148
Брюс Я.В. (1669–1735) 83, 88, 143
Буддей И.Ф. (1667–1729) 132, 143

- Бурламаки Ж. (1694–1748) 7, 16–17
 Бусбек О.Г. (1522–1592) 350, 377, 383
Бухаркин П.Е. 26
Бушкович П. 56, 272
 Бэкон Ф. (1561–1626) 47, 390
Вальденберг В.Е. 58–59, 67
 Ван Даль А. (1638–1708) 298, 304–305, 307
 Ваттель Э. де (1714–1767) 16, 17, 47
Вентури Ф. 210
Верховской П.В. 104–105, 124, 127–128
 Веселовский А.П. (1685–1783) 86, 92
 Виниус А.А. (1641–1717) 85–86, 142
Виртшафтер Э. 55, 269
 Волков Д.В. (1727–1785) 15, 166, 289
 Волчков С.С. (1707–1773) 16, 35–36, 202–203, 311, 414
 Волинский А.П. (1689–1740) 143, 294
 Вольтер (1694–1778) 14, 45, 47, 49, 53, 135, 309
 Вольф Хр. (1679–1754) 126–127, 131, 133, 143–145, 147, 204–205
 Воронцов А.Р. (1741–1805) 153, 180
 Воронцов И.И. (1719–1786) 178–179
 Воронцов Р.И. (1707–1783) 178, 180–184
 Воронцов С.Р. (1744–1832) 181
 Вяземский А.А. (1727–1793) 246–247
 Гавриил Бужинский, епископ (1680–1731) 94–96, 99–100, 106, 121–122, 140
 Галлер А. фон (1708–1777) 15, 38–39, 42, 54
 Гвиччардини Ф. (1483–1540) 290, 295
 Гевара А. (1481–1545) 37, 321
 Гейнекий И.Г. (1681–1741) 17, 132
 Гермогениан Клавдий Цезарий (IV в.) 353
 Глебов А.И. (1722–1790) 176, 180
 Гоббс Т. (1588–1679) 7, 16–17, 67, 79, 81–82, 90, 103, 141, 143, 145, 147, 194, 205
Голиков И.И. 86–88
 Голицын А.М. (1723–1807) 138
 Голицын Д.М. (1665–1737) 38, 86–89, 139–142, 194–195, 287, 321
 Головин А.И. (ум. 1766) 95
 Головин Ф.А. (1650–1706) 83
 Головкин Г.И. (1660–1734) 84, 96
Гонт И. 235, 244, 257, 265

- Гоппе И. (1656–1712) 132
Грабарь В.Э. 147, 152
Градова Б.А. 38, 86, 139–140, 321
Грасиан-и-Моралес Б. (1601–1658) 36–37, 289, 321
Гросс Хр.Ф. (1696–1742) 130, 143
Гроций Г. (1583–1645) 16, 28, 57, 79, 82, 86, 103, 114, 123–124, 133, 138, 140 – 143, 145, 173–175, 196, 202, 205–206, 268, 300–301, 351, 363, 366, 399
Гуковский Г.А. 6, 25
Гундлинг Н.И. (1671–1729) 132
Гурвич Г.Д. 76, 78, 81
Гурьев Д.А. (1751–1825) 18
Гюйссен Г. (1666–1739) 122–123
Деламар Н. (1639–1723) 143
Десницкий С.Е. (ок. 1740–1789) 17–18, 53
Дианова Т.В. 102
Дивов И.И. (1706–1773) 176, 180
Дильтей Ф.Г. (1723–1781) 134–136, 203–204
Дитятин И.И. 81
Дома Ж. (1626–1696) 57, 123–124
Екатерина I, императрица (1694–1727) 94, 121
Екатерина II, императрица (1729–1796) 15–16, 18, 30, 42–43, 51–52, 153, 186–188, 219, 221, 223–224, 226, 233–234, 239, 247, 249, 250, 255, 259–260, 289, 310
Елизавета Петровна, императрица (1709–1761) 24, 35, 42, 137, 150–151, 165, 170, 175–176, 184, 188, 257–258, 302, 414–415
Жокур Л. де (1704–1779) 15
Зайцева А.А. 23, 26
Заозерский А.И. 153, 180
Зицер Э. 110, 116
Золотницкий В.Т. (ок. 1741 – после 1796) 212
Зотов И.Н. (1687–1723) 88
Зотов К.Н. (1690–1742) 88–89
Иван IV, царь (1530–1584) 67, 117
Иоанн Златоуст (347–407) 15, 59–60
Иосиф Кречетовский (1873–1933) 17, 92, 94, 208
Иосиф, патриарх (ум. 1652) 61
Иринеи (Клементьевский), епископ (1753–1818) 226
Каменский А.Б. 82, 113, 198
Кандорский И.М. (ум. 1826) 227

- Кантемир А.Д. (1708–1744) 130, 133, 173, 186
Кантемир Д.К. (1673–1723) 98–99
Карамзин Н.М. (1766–1826) 18, 39
Караччиоли Л.-А. (1719–1803) 15, 40, 54
Кеммерих Д.Г. (1677–1745) 144
Клепиков С.А. 167, 414
Клосс Б.М. 38, 86, 139–140, 321
Козельский Я.П. (1729–1794) 18, 50, 211, 228–229, 243, 246
Коллман Н.Ш. 206
Кондратович К.А. (1703–1788) 298–307
Консетт Т. (1677–1730) 105
Константин Великий, император (272–337) 71
Копиевский И.Ф. (1651–1714) 96
Корецкий В.И. 38, 86, 139–140, 321
Корф И.А. (1697–1766) 147–148, 165
Крейкрафт Д. 105
Кром М.М. 82, 116
Ксенофонт (430 – не ранее 356 до н.э.) 43, 45, 364
Куракин Александр Б. (1752–1818) 166
Куракин Алексей Б. (1759–1829) 138
Куракин Б.И. (1676–1725) 84
Курбатов П.П. (1710–1786) 15
Курукин И.В. 195, 197, 295–297
Лалпо-Данилевский А.С. 61, 63, 67, 103, 105, 141–142, 195, 259
Лебедев В.И. (1716–1771) 159, 339
Лейбниц Г.В. (1646–1716) 82, 90–91, 120, 122, 124–125
Лейзер П. (1690–1728) 146
Лентин Э. 72, 105
Лепренс де Бомон Ж.-М. (1711–1780) 14
Липсий Ю. (1547–1606) 16, 139, 143
Локк Дж. (1632–1704) 6, 16, 140, 143, 194, 344–345
Ломоносов М.В. (1711–1765) 202, 258, 402
Лоттини Дж.Ф. (1512–1572) 290–293
Луппов С.П. 83, 97, 143–144
Ляпунов В.И. (XVIII в.) 176, 179–178
Магницкий Л.И. (1669–1739) 63–65, 118
Макаров А.В. (1674/1675–1745) 87, 111
Макиавелли Н. (1469–1527) 16, 22, 36–37, 194, 207, 225, 227, 233, 268, 272, 319, 383

- Малиновский С.Ф. (1762–1840) 7–9, 134
Марасинова Е.Н. 41, 55
 Марк Аврелий, император (121–180) 34–35
Маркер Г. 16, 20–22, 55
 Мармонтель Ж.-Ф. (1723–1799) 15–16, 239–241
 Миллер Г.Ф. (1705–1783) 153–156, 158, 165–167, 198
 Миних Э. (1707–1788) 247
Модзалеvский Л.Б. 135, 202
 Монтескье Ш.Л. (1689–1755) 10, 16–18, 19, 49, 53, 169, 181, 207–223, 225, 227–229, 233, 239, 243–245, 247–248, 257, 260, 263–264, 266–270.
 Мусин-Пушкин И.А. (1660–1730) 88
 Нарышкин С.В. (1731 – не позднее 1800) 165
 Неплюев И.И. (1693–1773) 117
 Нерон, император (37–68) 71, 203, 218–219, 221, 366
 Неттельбладт Д. (1719–1791) 204–205
Николаева М.В. 43, 288–289, 296
Николаев С.И. 139, 296, 300
Ничик В.М. 79
 Новиков Н.И. (1744–1818) 16, 27, 29, 33, 198, 234, 262–263
Окенфусс М. 20, 32–33, 241, 311
 Орбини М. (1563–1614) 98
 Остерман А.И. (1687–1747) 143, 171–172, 175, 302
 Остерман И.А. (1725–1811) 8
 Остерман Ф.А. (1723–1804) 8–9
 Отман Фр. (Готоманн) (1524–1590) 201
 Павел Петрович, великий князь (1754–1801) 187, 221–222, 243, 250, 288
Павленко Н.И. 86
 Панин Н.И. (1718–1783) 25, 138, 211, 221–222, 224–225, 228, 232, 239, 242–243, 250, 288–289, 409
 Панин П.И. (1721–1789) 138, 222, 250–251
Пекарский П.П. 86–87, 99, 122, 126–127, 146–149, 154, 157–158, 160, 166, 169, 176, 293, 300, 304, 305, 410
 Петр I, император (1672–1725) 5, 57, 66–68, 71–73, 76, 80, 82–129, 141–142, 154, 171, 188, 200, 206, 218, 223, 250, 254, 257–259, 265, 271, 288, 298–299, 327, 337, 372, 393–394, 398, 402–408, 411–412
 Петр II, император (1715–1730) 197, 327, 372
 Петр III, император (1728–1762) 167, 186–188, 289
Петрухинцев Н.Н. 130

- Плиний Гай Цецилий Секунд (Младший) (ок. 61–113) 304, 365
 Плотников А.Б. 195, 197, 295
 Плутарх (46–127) 20, 35, 46, 49
 Пнин И.П. (1773–1805) 229
 Покок Дж. 207, 244, 268
 Поленов А.Я. (1738–1816) 170, 310
 Польской С.В. 12, 18, 25, 169, 198, 207, 219, 243, 245, 295, 312, 315, 410
 Поповский Н. (ок. 1730–1760) 16, 137
 Порошин С.А. (1741–1769) 409
 Постников П.В. (1666–1703) 83–84, 93
 Просина А.Б. 78
 Пуфендорф С. (1632–1694) 16–17, 39, 49, 57, 79, 82, 92–97, 99, 103–104, 108, 112, 124, 127–130, 133, 138–140, 142–145, 173–175, 182–183, 189–192, 194–196, 204, 208, 212, 268, 355, 366, 391, 399
 Рабенер Г. (1714–1771) 15–16
 Радищев А.Н. (1749–1802) 18–19, 138, 239, 272–273, 307
 Раев М. 90, 265
 Разумовский К.Г. (1728–1803) 137, 149, 152, 159, 181, 186, 311
 Рейхель И. (1727–1728) 15–16, 29, 45, 262
 Рибаденейра П. де (1527–1611) 37–38, 289, 316, 320–321
 Рико П. (1629–1700) 45, 216, 373, 376–377, 379
 Ришелье, кардинал (1585–1642) 43, 44, 276–289
 Руссо Ж.-Ж. (1712–1778) 7, 14, 17, 19, 20, 41, 47, 52, 185, 211, 231, 240–241, 272
 Рычков П.И. (1712–1777) 266
 Сааведра Фахардо Д. (1584–1648) 36–38, 123, 143, 289, 321
 Сазонова Л.И. 62–63, 82
 Саитов В.И. 409
 Салтыков Б.М. (1723–1808) 135
 Салтыков С.А. (1672–1742) 301
 Сансовино Ф. (1521–1586) 290–293, 295
 Сенека Луций Анней (4 до н.э. – 65 н.э.) 20, 34
 Сериоль Ф. (1527–1592) 37–38, 321
 Серов Д.О. 171
 Сиверс К.Е. (1710–1774) 167, 414
 Сидней А. (1623–1683) 7, 9
 Симеон Полоцкий (1629–1680) 61–63, 71, 114
 Симон Кохановский (XVIII в.) 100, 138–140
 Сиповский В.В. 22, 26

- Сиренов А.В. 414
Скоропадский И.И. (1646–1722) 67
Смагина Г.И. 154
Смирнов И. (XVIII в.) 259–260
Смит Д. 29–30, 41, 54–55
Смолл А. 50–51
Созонович В.И. (ок. 1770–1835) 49
Сокологорский Я.И. (XVIII в.) 138
Софонов П.М. (XVIII в.) 290, 292–295, 297
Спафарий Н.Г. (1636–1708) 93, 115
Спекторский Е.В. 57–58, 125
Стратемман В. (1629–1684) 121–122
Стрешнев Т.Н. (1644–1719) 85
Сукин Ф.И. (1722 – не ранее 1775) 259, 265
Сумароков А.П. (1717–1777) 8, 18, 25, 119, 133
Татищев В.Н. (1686–1750) 49, 80, 116–117, 120, 136, 141, 144–145, 173–175, 193–202, 259–259, 265, 297–298, 300–307
Тацит Корнелий (ум. ок. 120) 35, 41, 45, 49, 365, 379, 396
Теплов Г.Н. (1717–1779) 149, 157, 159
Тиберий, император (42 до н.э. – 37 н.э.) 218, 366
Тимофеев Д.В. 12, 268
Тит Ливий (59 до н.э. – 17) 35, 45, 99
Тит, император (39–81) 203, 218, 221, 349
Толстой П.А. (1645–1729) 106, 293
Томазий Хр. (1655–1728) 16, 132, 136, 142–147, 200, 205
Тредиаковский В.К. (1703–1769) 39, 174, 201–203, 205–206, 212, 227, 229, 274, 294, 296
Ульпиан Домиций (170–228) 353
Федор Алексеевич, царь (1661–1682) 62, 100
Фенелон Ф. (1651–1715) 10, 14, 16, 18–20, 38, 41–42, 54, 124, 143, 207–208, 230, 235–243, 245, 251–253, 256–257, 266–270, 309, 312–315
Феодосий Янковский (1696–1750) 294
Феодосий Яновский (1673–1726) 102
Феофан Прокопович (1681–1736) 36–37, 68–73, 76, 78–79, 81, 103–106, 112, 120, 123–124, 127–128, 134, 138, 141, 192, 201, 300, 303, 307
Фик Г. (1678–1750) 126
Фома Аквинский (1225–1274) 69
Фонвизин Д.И. (1745–1792) 42, 221

- Фридрих II, король (1712–1786) 15, 46–47, 167–168, 248, 263, 309, 310
 Херасков М.М. (1733–1807) 19, 240–242, 253–254, 256, 269
 Хольберг Л. (1684–1754) 15, 19, 39, 45, 218, 221, 225
Хотеев П.И. 143
 Хрущов А.Ф. (1691–1740) 194–195, 302, 315
 Цицерон Марк Туллий (106 до н.э. – 43 до н.э.) 15, 17, 20, 34, 36–37, 39, 58, 100, 137, 225, 233, 267, 308–312
 Цицианов Д.П. (1722–1790) 179–180
 Чеботарев Х.А. (1746–1815) 213
 Черкасский А.М. (1680–1742) 302
Черная Л.А. 63–64, 79
 Чернышев И.Г. (1726–1797) 170
 Чернышев П.Г. (1712–1773) 147–149
 Чулков М.Д. (1743–1792) 53, 260–261, 264
 Шапп д'Отрош Ж. (1722–1769) 219–220
 Шафиров М.П. (1682 – не ранее 1742) 88–89
 Шафиров П.П. (1669–1739) 96, 105–108
 Шаховской М.И. (1707–1762) 178
 Шаховской Я.П. (1705–1777) 178, 180, 183–184
Шмитт К. 90, 193
 Шнейдер Я.И. (1746–1848) 18, 263–264
 Штрубе де Пирмонт Ф.Г. (1704–1776) 11, 18, 142, 146–171, 176–181, 211–225, 264, 274, 310, 339, 409–415
 Шувалов И.И. (1727–1797) 135, 170, 181–182
 Шувалов П.И. (1711–1762) 169, 175, 182–183, 392, 414
 Шумахер И.Д. (1690–1761) 126–128, 154, 157–159, 173, 302
 Щербатов М.М. (1733–1790) 18, 30, 49, 52, 184–186, 211, 223–224, 229–230, 242–252, 254–256, 270, 274, 309–312, 314–315
 Эйлер Л. (1707–1783) 148
 Эйхлер И. (XVIII в.) 143
 Эмин Ф. (1735–1770) 19, 49, 230–234, 240, 241, 251–253, 274
 Эмме Ф.И. (1699–1767) 176, 178
 Юм Д. (1711–1776) 17, 48, 52–53, 248–249, 260, 266
 Юний Брут (монархомах, XVI в.) 201
 Юшков И.И. (ум. 1786) 176
 Ягужинский П.И. (1683–1736) 130
 Яремский Ф. (род. ок. 1729) 137
 Ярослав Мудрый, великий князь (ок. 978–1054) 157, 327, 392

Список сокращений

ГАСО – Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург).

МИИАИ – Материалы для истории Императорской Академии наук.

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (С.-Петербург).

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (С.-Петербург).

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (С.-Петербург).

SUMMARY. BIBLIOGRAPHY

Summary

The completion of this book was supported by the grant of the Russian Federation for attracting leading scholars to Russian educational establishments of higher professional education, scientific institutions of the state academies of science, and state academic centres of the Russian Federation (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University). Contract №14.A12.31.0004 from 26.06.2013.

Introduction

18th-century intellectual transfer did not have a Midas touch: it did not instantaneously transform Russian public thought. The circulation of a particular book does not bring about change *per se*, and the mere mention of a particular author does not signify the transformation of public thought. The decisive role in intellectual transfer was played by the process of adaptation, that is, the creation of texts that functioned in a Russian political space.

Moreover, the process of transfer was not selective. When adapting concepts such as forms of government, natural law, and commerce, Russian authors had to borrow in a complex way. Thus, we prefer to talk about conceptual frameworks or glossaries rather than doctrines. The transformations of the political culture of 18th-century Russia were strongly linked with the gradual adaptation of a number of conceptual glossaries (languages, manners of speech, and discourses), which created opportunities for talking about politics in an innovative way. Such glossaries were tools that provided arguments in favour of certain points of view or allowed for the interpretation of certain subjects in particular ways.

Chapter 1.

The Realm of Forgotten Bestsellers: the Publication of Translations of Moral and Political Literature in 18th-century Russia (Konstantin Bugrov)

Since European influence was a major factor in the history of modern Russian political thought, one must note that the key role in this process was played by

the translations of European literature into Russian. We have been able to characterise the main tendencies of 18th-century intellectual transfer with the help of a specialised database entitled "Published translations of moral, ethical, social, and political literature in 18th-century Russia", which we prepared in 2014. This database allowed us to trace the volume and themes of translated literature in the 18th century. We should note that the picture from the database is incomplete, since our analysis does not include data on hand-written translations, those published in journals, and those published by the Church. Moreover, some Russians could read European literature in the original languages. Still, we believe that our account is representative and demonstrates the major trends in the process of intellectual interaction.

Our database enabled us to find out which authors were translated into Russian the most during the 18th century. Voltaire comes first, since he authored 55 translated works of different genres. In second place is St Augustine, with 25 publications; third place is occupied jointly by Fenelon and J.J. Rousseau, with 24 publications each. The list of the top five is concluded by M. Leprence de Baumont, with 20 published treatises on issues of education. Frederick II of Prussia was published 19 times, while the English poet and moralist E. Young was published 16 times.

The French writer L.A. Caraccioli was published 15 times, and the German satirist G. Rabener 12 times, just like the French philosopher J.F. Marmonteille. Cicero was published 11 times; the same applies for the Danish philosopher L. Holberg. The panegyrics and historical works of Professor J. Reichel of Moscow University were published in Russian 10 times. The moral and political works of Swiss thinker A. von Haller were published 9 times, while one of the leading authors of the French Encyclopedie, L. de Jockur, was represented by 8 publications (the same as St John Chrysostom).

Thus, the group of the most popular authors includes 16 persons (authors with 6–7 publications are relatively numerous). This list contains some curiosities. The popularity of Marmonteille increased when Catherine II herself organised a translation of his *Belisaire*, while Rabener technically had only 2 publications instead of 12: however, in 1764, all of the satirical pieces included in his anthology were published separately, thereby increasing the number of publications.

In general, the percentage of religious writings underwent a slight decline, although their absolute number continued to grow. The other thematic groups were growing faster, thus making the share of religious literature decrease.

The thematic structure of Russian printed literature changed drastically in the 1750s-60s; simultaneously, the number of books produced tripled. From now on,

the most important groups of translated literature were the moral-political and the historical ones. The second increase in the activity of publishers (which can be seen in the dynamics of translation publishing) took place at the end of 1780s, and can be considered a result of the Manifesto of 1783 on free typographies. This is why we prefer to talk about a single 'religious – moralist' group united by its thematic characteristics (namely, instructions about how to save one's soul by means of a virtuous life). However, most of these treatises explored issues of a person's duties, relationships with authority, and the ways to rule and be ruled. These texts were numerous and cannot be treated as a marginal group; instead, such instructions in virtue should be considered a central theme of Russian culture in the 18th century.

The overall group of translated books related to moral-political subjects consists of 487 titles and can be divided into several sub-groups: morals, politics, and education. It includes numerous translations of Roman authors like Cicero and a clearly visible group of translated Spanish anti-Machiavellian writings (like the works of D. Saavedra Fajardo, Baltasar-y-Gracian, and others); yet, probably the most important authors of the group were Fenelon, Marmontelle, and Haller. Political novels, 'mirrors of princes', instructions for courtiers, and epic poems make up the moralist literature on duties and virtues.

The group of historical works includes 345 titles (291 on history proper and 54 on geography, which typically included chapters on history). Historical analysis was just as important when talking about politics as moralist discussions of duties: the most widespread were translations of works on Greek and Roman history. The genre of historical writing was effectively adapted to Russian soil, providing innovative explanatory models for Russian history. Religious literature is represented by 193 titles that had political relevance, while philosophy (which is hard to distinguish from religion or morals) is represented by 93 titles.

Finally, there was a small but clearly visible amount of economic literature. Of the 23 economic works translated into Russian and published in the 18th century, only 5 are listed as 'economic bestsellers' by K. Carpenter in his famous list of 'economic bestsellers before 1850', which includes 40 of the most popular European economic treatises. These are translations of works by F. Melon, J. von Bielfeld, J. von Sonnenfels, D. Hume, and J. Necker.

Thus, European influence cannot be reduced to an abstract 'Enlightenment', since it was a complex conglomerate dominated by religious and moralist literature as represented by the works of Fenelon, Haller, Caraccioli, or Thomas a Kempis. These can rightfully be called 'forgotten bestsellers', to borrow a phrase from the recent study of Russian political history by P. Bushkovitch. In the sphere

of printed publications, Russian political culture gravitated to certain genres (or speech genres in M. Bakhtin's sense) of translated literature: moral instructions for a virtuous life and historical depictions. Often, political discussion was based not on the juridical argumentation deployed by distinct bodies of power, but on moralist recommendations regarding how to live a virtuous life and to act morally for the common good.

Chapter 2.

The First Steps of Natural Law in Russia and the Reforms of Peter I (*Mikhail Kiselev*)

Early modern natural law was formed by deducing a system from a basic principle. However, there was no tradition of natural law in Muscovite Russia in the 16th and 17th centuries. Andrey Kurbsky referred to God-given natural law, but, as an emigrant, his writings barely influenced the Russian tradition. However, from the middle of the 17th century, texts belonging to the classical, Byzantine, medieval, and early modern traditions began to circulate in Russia and be subjected to adaptation. Most importantly, this was connected with the activities of immigrants from the so-called 'West Russian lands' (i.e. Belarus and Ukraine): it was also linked with representatives of the Greek clergy, who became mediators between the culture of the Muscovite state and the aforementioned traditions. However, the analysis of the writings of Simeon Polotsky, Leonty Magnitsky, or the anonymous *Ifika leropolitika* shows that references to nature did not go beyond the limits of the idea of the divine origins of political authority.

However, Feofan Prokopovich (1681–1736), the most noteworthy theologian of the Petrine period, actively referred to 'natural law'. In *Pravda voli monarshei*, a theology based on Scripture was used in parallel with the logic of natural law, based on reason. Yet, theology dominated, helping to solve the problems of natural law. The reading of *Pravda* as a juridical treatise emerged in the second half of the 19th century thanks to legal historians who were influenced by the continental school of juridical studies. However, political texts like *Pravda* created the conditions for the subsequent adaptation of concepts and ideas related to natural law.

It has become commonplace to characterise the Petrine reforms as being based upon the ideas of natural law theorists like H. Grotius, T. Hobbes, S. Pufendorf, and G. Leibniz. Indeed, Peter was interested in European legislation and legal practices, but we do not know much about his interest in European theoretical works. It seems that the degree of natural law's influence upon Peter

is exaggerated. Peter himself frequently referred to Scripture and historical examples, but failed to mention natural law. Thus, the concepts and ideas of natural law in fact did not influence Peter's political thinking. Instead, he relied upon political-theological discourses that justified the duty of a ruler in terms of striving for the common good. Until the last year of his life, Peter did not try to disseminate the writings of natural law theorists in Russia. An exception was of course political-theological works like *Ifka ieropolitika* or Feofan's works, in which natural law came second to theological postulates.

Chapter 3.

From Academy to Politics: Natural Law in Russia from Peter I to Peter III (*Mikhail Kiselev*)

It cannot be said that natural law was introduced deliberately by the government as a leading ideological paradigm in the first half of the 18th century. Usually, natural law was part of the teaching of jurisprudence and philosophy: thus, education was the channel through which the ideas and concepts of natural law were integrated into Russian culture. It will come as no surprise that the foreign teachers of law and philosophy were the primary agents of innovation, although self-education by means of reading also played an important role.

By the middle of the 18th century, the most important figure among these agents of innovation was F. G. Strube de Piermont. He pioneered natural law in Russia while preparing *A Short Guide to Russian Laws*; in 1760, he anonymously published *Lettres Russiennes*, a fierce attack on Montesquieu's political philosophy. Strube's use of natural law allowed him to defend the absolute monarchy and serfdom. Thus, the logic of natural law alone did not lead to the recognition of the equality of humans and their natural rights: nor did it suggest the imposition of constitutional limitations upon monarchical power. However, the logic of natural law did lead to changes in the source of the norms to which political actors appealed: Nature rather than a transcendent God was taking centre stage.

Strube's academic career was not a great success. However, he did succeed as a private teacher and was able to establish connections with members of such influential clans as the Razumovsky, Vorontzov, and Kurakin families. The young nobles educated by Strube could take natural law from the academic halls to the chambers of power.

Natural law in Russia was part of jurisprudence, and as such was included into teaching courses. Meanwhile, the Petrine state apparatus, being driven by

political theology, was able to operate without doctrines of natural law. Count A.I. Osterman, who had in his library several treatises on natural law, probably referred to ideas of natural law, but his example is an exception to the general rule.

The situation changed in 1754, when the Elizabethan Commission on the New Code of Laws was assembled. Among its members was Strube, as a recognised expert on natural law: even though Strube was excluded rather quickly, the commission was dominated by his former pupils. Editing the chapter on the duties of parents, the commission, led by Strube's pupils R. I. Vorontzov and Ia.P. Shakhovskoy, insisted that one such duty was to teach children about 'natural rights'. By the end of the 1750s, natural law also began to be discussed in the public sphere, such as in Prince M. M. Shcherbatov's *A Discourse on the Usefulness of the Civil Laws* (1759) or A.P. Sumarokov's *A Dream: The Happy Society* (1759). Finally, the manifesto of 1762, published to justify Catherine's *coup d'état*, embraced the logic of natural law. Thus, by 1762 at least part of the Russian political elite was using natural law as an instrumental political concept to justify certain political actions.

An important political effect of the growth and development of the glossary of natural law was the dissolution of the mystical, personified, and absolute power of God in the laws of nature. Political power, formerly held to be given by God on condition of direct mystical responsibility to Him, was now transforming into political power given by reason on condition of human responsibility. In turn, this paved the way for the emergence of a secular political theology in which God was replaced by another absolute as a source of power: state, nation, race, class, or reason.

It is probable that the famous Conditions of 1730, designed by the Supreme Privy Council to limit the monarchical power of Anna Ioannovna, were written under the influence of European contractual theories, particularly the ideas of John Locke. V.N. Tatishchev, trying to refute the Conditions as a dangerous limitation on the monarch's authority, used the glossary of natural law: since the state was established through a contract involving all members of society aimed at common good, the concord should be observed by all subjects. However, even though Tatishchev was trying to support the absolute character of monarchical power, he had to make several important asides when writing about slaves and masters. A slave, Tatishchev wrote with a reference to Grotius, has the right to pursue freedom if he can, and is not obliged to follow the commands of the master.

The same arguments were elaborated by V.K. Trediakovsky in his translator's preface to J. Barclay's *Argenis* and by F.G. Diltey in his panegyric to Elizabeth from 1757. Extrapolated, these ideas might easily be used to circumscribe

monarchical power: even though such conclusions could be concealed by silence (neither Tatishchev nor Trediakovsky nor Diltey supported the idea of limiting the monarch's power), the possibility that one might arrive at them was always open as the glossary of natural law was integrated into Russian political culture. All the intellectual manoeuvres of authors like Trediakovsky symptomised a shift in the justification of power and its limits, which in turn led towards the secularisation of political thought. The glossary of natural law strengthened the idea of God as the cause of everything, while at the same time undermining God's earthly power and the power of princes who choose the altar as the foundation of their authority. Yet, secularisation was not meant to transform the political and social regime in a momentous way. The emerging conceptual glossary could be used not only to criticise and undermine the existing regime, but also to legitimise and justify it. Equally, taking the middle way, it could be used to put forward proposals for reform. Still, this glossary opened new opportunities for political thinking, political speech, and political action.

Chapter 4.

Pendulum Shift: Virtue and Luxury in Russian Political Thought (Konstantin Bugrov)

The influence of Montesquieu's *De l'Esprit des Loix* upon Russian political thought was multifaceted and rather controversial. We suppose that the problem of adapting Montesquieu's ideas was not limited to the issue of institutional reforms aimed at facilitating a 'tempered monarchy'.

The key marker of Montesquieu's influence was the adaptation of his classification of governmental forms, which itself modified Aristotle's 'triple' system by introducing despotism as a distinct form of rule. The very concept of despotism remained problematic for Russian authors; some just ignored it, while others deliberated upon the problem. It was especially important in the Russian context, since the concept led to questions about which form of government existed in Russia.

Was Russia a despotic country? Even though Montesquieu's classification was used by both critically inclined and loyal authors, they all refused to classify Russia as a despotic country. This is true not only in relation to F.G. Strube de Piermont, who openly polemicised against Montesquieu, but even with regards to N.I. Panin or M.M. Shcherbatov, who both used the concept of despotism to criticise the political regime. Russian authors were reluctant to adopt the sociological vision of differences between the forms of government so characteristic

of Montesquieu's work. Instead, Russian authors tended to distinguish monarchy from despotism in the same way as the rule of a good monarch is distinguished from the rule of a bad monarch. The major question is whether the monarch possessed enough virtue. Thus, the notion of virtue was placed at the centre of the debate.

The Russian intellectual tradition of the 18th century was dominated by a religious (or Ciceronian) understanding of morals as objective ethical values which govern behaviour regardless of circumstances. He who follows these values lives a virtuous life. A truly Christian virtue is therefore unchangeable and relevant for the common good of a society, since only a Christian following this virtue can be a 'good citizen'. Such a vision was of course in conflict with the ideas of Montesquieu, who, following Machiavelli, separated political and moral virtue. Russian authors insisted that virtue has a predominantly moral character and can be attained under any form of government; moreover, one cannot be a good citizen or a good ruler without virtue. The problem of power is the problem of the practical implementation of virtue; despotism in this case is the practical implementation of vice.

Moral-political literature provided advice on how to attain the virtuous life and cultivate virtue in society. Thus, both virtue and vice develop under certain social conditions. The main threat to virtue was seen in luxury: this unleashes passions, which in turn drive humans towards a brutal life. Such were the mechanics of corruption that produced despotism. It is luxury (not law) which is instrumental in defining despotism. To discuss the problem of despotism and bad rule, Russian authors moved away from the 'discourse of Montesquieu' to the 'discourse of Fenelon', and focused on ways to battle luxury and corruption and to generate virtue through a set of policies and the monarch's personal example. The sociological variety of Montesquieu's philosophy was replaced by the virtue/luxury dichotomy, which Fenelon so brilliantly discussed in the chapters on Salento in his *Les Aventures de Telemaque*.

Talking of the dangerous consequences of luxury, Russian authors like A.P. Sumarokov or the Panin brothers were eager to deploy Fenelonian language. Yet the way to Russian Salento was not easy, since the moralist critique of corruption was not the only way of speaking about monarchy.

An alternative way to talk about luxury was elaborated by 18th-century commercial thought, with Montesquieu (along with F. Melon, D. Hume, and others) as one of its main proponents. This line of thought was based upon the recognition of the usefulness of luxury, which helps to improve the habits, to increase amiability and exchange through commercial connections, and

generally to civilise people. In the Russian context, this glossary was supported by the well-established rhetoric of panegyrics to monarchs and the cult of Peter the Great, which had firmly taken root by the 1740s. The panegyrists praised Peter and his successors, who created a new army, fleet, cities, laws and – finally! – economy based upon the cultivation of the fine arts, sciences, commerce, and production. Luxury goods, commerce, and the fine arts were the symbols of Russia's European – that is, civilised – identity.

Deliberating upon commerce and the arts, Russian authors of the second half of the 18th century moved away from Fenelon and back to Montesquieu. Salento remained a problem, since the growth of commerce and the arts was a cornerstone for the narrative of Russia's westernisation. So, the two political glossaries which we have depicted interacted: indeed, on certain occasions, a single author was paradoxically able to use both. However, the debate about Montesquieu's ideas (primarily despotism) in Russia between the 1760s and 1780s was focused on problems of virtue, corruption, luxury, and commerce rather than law.

Conclusion

The conceptual glossaries we analyze in this book were not forgotten, and indeed remain relevant to today's Russia. Used continuously after their initial conception, they have been constantly combined with new discourses and manners of speech, thus transforming them in different contexts.

For instance, the theme of natural law, which was adapted in Russia in the 18th century, was an important part of public discourse in the 19th century. Discussions of natural law were not limited to academic studies by professors. The glossary of natural law was used in more radical contexts where ideologies seeking 'true human nature' in national or class identities had arisen. In turn, virtue, which seemingly lost the fight to commerce and luxury in the 19th century, was reborn in the ethical debates of the Russian intelligentsia. The word itself became obsolete, but discussion about what constituted a worthy civil life continued to develop. Does the progress of production and commerce disrupt the very foundations of society? Not only conservatives were concerned with this issue: so too were revolutionary groups. What institution can produce civic virtues: church parishes, peasant *obshchina*, or maybe workers' collectives? After 1917, the Bolshevik Party used both conceptual glossaries: while trying to reveal the class nature of human beings by means of the dictatorship

of proletariat, it simultaneously created an impressive narrative of the civic virtues flourishing in the republic of the Soviets.

Everything changes, but very few things disappear without a trace. Studies of political culture do not, strictly speaking, presuppose a teleological approach whereby each historical actor is politely allotted a place within a culture's path of progress towards an end point, be it civic society, constitutionalism, democracy, or something else. The works of Friedrich Strube de Piermont, Vasily Trediakovsky, Fyodor Emin, and Mikhail Shcherbatov are not milestones marking the stages of a journey towards a final destination. When answering the questions on today's agenda, the ideas and arguments of these authors are just as important as any modern work of philosophy or political science.

Appendix

The appendix includes the publications of Russian translations of European political texts as well as hand-written prefaces to these translations. These are:

- Russian translation of Strube de Piermont's *Lettres Russiennes* (1761);
- Selected fragments from Strube's *Short Guide for Russian Laws* (1755);
- Anonymous Russian translator's preface to *Political Testament* of cardinal Richelieu (1725);
- Anonymous Russian translator's preface to *Tratado de la religión y virtudes* of Spanish anti-Machiavellist Pedro de Ribadeneyra (exact date unknown);
- Preface to *De Oraculis veterum ethnicorum* of Antonius van Dale made by translator K.A. Kondratovich (1738);
- Preface to *Propositioni Overo Considerationi in Materia Di Cose Di Stato, Sotto Titolo Di Avvertimenti, Avvedimenti Civili, & Concetti Politici* of Francesco Guicciardinini, Giovanni Lottino and Francesco Sansovino translated by P.M. Sofonov (1730);
- Preface to *De Officiis* of Cicero made by translator, prince M.M. Shcherbatov (1758);
- Preface to *Examen de la conscience d'un roi* of Fenelon made by translator, prince M.M. Shcherbatov (1758).

Bibliography

Chapter 1

1. Bakhtin M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of speech]. Moscow.
2. Barenbaum I. E. (2006). *Francuzskaja perevodnaja kniga v Rossii v XVIII veke* [French translated books in Russia in 18th century]. Moscow.
3. Bireley R. (1989). *The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapel Hill.
4. Birzhakova E.E. Volchkov Sergey Savvich. In *Slovar russih pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of 18th century] URL: <http://nlib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=663>
5. Bleznick D.W. (1958). Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. In *Journal of the History of Ideas*, 19/4.
6. Buharkin P.E. (2008). *Russkaja literatura XVIII veka: hronologicheskie granitsy i problema periodizatsii* [Russian literature of 18th century: chronological boundaries and problem of periodization]. In *Literaturnaja kultura Rossii XVIII veka* [Literature culture of 18th century Russia]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
7. Bulanin D.M. (1989). *Pouchenie Agapita* [A homily of Agapethus]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of men of letters and literacy of Ancient Rus]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
8. Bushkovitch P. (2012). Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West. In *DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert*: URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology.
9. Carpenter K. (1975). The Economic Bestsellers before 1850. Bulletin № 11, May 1975, of the Kress Library of Business and Economics, Boston, Harvard Business School.
10. Creasy W. (1989). *The Imitation of Christ by Thomas a Kempis. A new reading of the 1441 Latin manuscript*. Macon.
11. Di Salvo A. (1989). Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote. In *Cerantes*, 9/2.

12. Dolgopolsky M.B. (2013). Mesto romana F. Fenelona "Priključenie Telemaha" v političeskoj življenji Rusije v drugi polovici XVIII stoletja [The place of F. Fenelon's novel "Adventures of Telemachus". In the political life of Russia of the 2nd half of 18th century]. In *Izvestija visših učebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serie: Social Sciences*, 4/176.
13. Gherbezze E. (2005). "O prestuplenijah i nakazaniyah" C. Beccaria. Neizdannyy perevod M.M. Shcherbatova ["Of crime and punishment" C. Beccaria. An unpublished translation of M.M. Shcherbatov. In Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter, 33.
14. Goncharova O.M. (2004). Vlast tradicii i "novaja Rossiya" v literaturnom soznanii vtoroi poloviny XVIII veka [The power of tradition and the "new Russia". In the literature consciousness of the 2nd half of 18th century]. Saint-Petersburg.
15. Gradova B.A., Kloss B.M., Koretsky V.I. (1979). K istorii arkhangel'skoi biblioteki D.M. Golitzyna [To the history of Arkhangel'skoe library of D.M. Golitzyn]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1978 god*. Moscow.
16. Gukovsky G.A. (1936). Očerki po istorii russkoi literatury XVIII veka. Dvorjanskaja fronda v literature 17590-h – 1760-h gg. [Essays in the history of Russian literature of 18th century. Gentry fronde. In the literature of 1750es – 1760es]. Moscow; Leningrad.
17. Hochstrasser T.J. (2008). Physiocracy and the Politics of Laissez-Faire. In *Cambridge History of Eighteenth Century Political Thought*. Cambridge.
18. Howard K. (2012). The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment. In *LATCH 5* (2012).
19. Ibneeva G.V. (2014). Obschestvennoe vospitanie v političeskoj praktike Ekateriny II: k istorii perevoda romana J. F. Marmontelja "Velizarij" [Public upbringing. In the political practice of Catherine II: the history of translation of J. F. Marmontelle's novel "Belisarius"]. In *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9.
20. Istorija russkoi perevodnoi hudozhestvennoi literatury. Drevnaja Rus. XVIII vek [History of Russian translated fiction. Ancient Rus. 18th century]. (1994–1995). Saint-Petersburg.
21. Kaurkin R.V. (2009). Formirovanie čitatelskoj sredy v Rossii vtoroi poloviny XVIII v. [Formation of community of readers in Russia in 2nd half of 18th century]. In *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Vol. 11. № 6.
22. Kochetkova N.D. (2008). "Essay on Man" A. Popa v russkikh perevodah ["Essay on Man" of A. Pope in Russian translations]. In *Antropologische Konzepte in der Russischen Kultur und Literatur (18–19. Jh.)*. Halle.
23. Kochetkova N.D. (1976). Nemeckie pisateli v zhurnale Novikova "Utrennij svet" [German writers in Novikov's journal 'Utrennij svet'].. In N. I. Novikov i

- obschestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni [N.I. Novikov and the publica and literature movement of his time]. Leningrad. P. 113–124.
24. Korvela P. (2006). The Machiavellian Reformation. An Essay in Political Theory. Jyväskylä.
 25. Kulmatova T.V. (2010). Ekzempljar knigi 'Velizer' J.-F. Marmontelja iz akademicheskogo sobranija BAN [The exemplar of J.-F. Marmontelle's 'Belizaire' from the academic collection of BAN]. In *Dejatel'nye knigi: Mikhail Nikolaevich Kufaev (1888–1948)* [Book researcher: Mikhail Nikolaevich Kufaev (1888–1948)]. Saint-Petersburg.
 26. Levin Yu.D. (1996). Angliiskaja literature v Rossii XVIII veka [English literature in 18th century Russia]. In *Voprosy literatury*, 1.
 27. Lyubzhin A.I. (2007). Rimskaja literature v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Roman literature in Russia in 18th – early 20th century]. Moscow.
 28. Marasinova E.N. (2007). Vlast i lichnost: ocherki russkoi istorii XVIII veka [Power and person: essays in 18th century Russian history]. Moscow.
 29. Maravall J.A. (1944). La teoria espanola del Estado en el siglo XVII. Madrid.
 30. Marker G. (1985). Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton.
 31. Martynov I.F. (1981). Knigoizdatel Nikolai Novikov [Publisher Nikolay Novikov]. Moscow.
 32. Muller-Sievers H. (2004). A Scientist and Poet. In *A New History of German Literature*. London; Cambridge.
 33. Nikolaeva M. (1973). Predislovie k petrovskomu perevodu 'Testamenta politicheskogo' kardinala Rishelje [Preface for the Petrine translation of 'Political Testament' of cardinal Richelieu]. In *Russkaja filologija* [Russian philology]. Gdansk.
 34. Okenfuss M. (1995). The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. London.
 35. Omelchenko O.A. (1998). Gollandskij literator E. Lyuzak i 'Nakaz' imperatricy Ekateriny II (Novye svedeniya ob istochnikah teksta 'Nakaza') [Dutch publicist E. Luzak and 'Instruction' of Catherine II (New information on the sources of the text of 'Instruction')]. In *Russia and Low Countries in 18 Century*. Groningen.
 36. Onken A. (2008). Sistema fiziokratov [The System of Physiocrats]. In *Fiziokraty. Izbrannyye ekonomicheskie proizvedeniya* [Physiocrats. Selected economic works]. Moscow.
 37. Plavinskaja N.Yu. (1998). Novye svedeniya o frantsuzskih istochnikah 'Nakaza' Ekateriny II [New information on French sources of Instruction of Catherine II]. In *Rossija i Francija. XVIII–XX veka. Vol. 2*. Moscow.
 38. Polskoy S.V. (2002). Filopatris i Fenelon (K voprosy ob istochnikah politicheskikh vzglyadov knjazja M.M. Shcherbatova) [Filopatris and Fenelon (The problem

- of sources of political ideas of prince M.M. Shcherbatov]. In *Evolutsija konservatizma: evropejskaja tradicija i russkii opyt* [Evolution of conservatism: European tradition and Russian experience]. Samara.
39. Polskoy S.V. (2013). Dvor i 'pridvornoe obschestvo' v poslepetrovskoi Rossii (1682–1750) [Court and the 'court community'. In post-Petrine Russia (1682–1750)]. In *Pravjaschie elity i dvorjanstvo Rossii vo vremja i posle petrovskih reform* [Ruling elites and nobility of Russia during and after the Petrine reforms]. Moscow.
40. Raeff M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth-Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Analysis. In *American Historical Review*, 80/5.
41. Rager J. (1995). *The Political Philosophy of St. Robert Bellarmine*. Spokane.
42. Rak V.D. (1998). *Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdanija vtoroi poloviny XVIII veka: inostrannye istochniki, sostav, tehnika kompiljacii* [Russian literature compilations of 2nd half of 18th century: foreign sources, contents and technics of compilation]. Saint-Petersburg.
43. Riley P. (1996). Shklar on Rousseau on Fenelon. In *Liberalism without Illusions. Essays on Liberal Theory and the Political Vision of Judith N. Shklar*. Chicago.
44. Riley P. (2001). Rousseau, Fenelon and the Quarrel of between the Ancients and Moderns. In *The Cambridge Companion to Rousseau*. Cambridge.
45. Schippan M. (2010). Ökonomische Debatten in Russland im 18. Jahrhundert. Personen – Institutionen – Themenfelder. In: *Landschaften agrarisch-ökonomischen Wissens. Strategien innovativer Ressourcennutzung in Zeitschriften und Sozietäten des 18. Jahrhunderts*. Munster.
46. Shklar J. (1985). *Men and Citizens: a Study of Rousseau's Social Theory*. Cambridge.
47. Sipovsky V.V. (1901). *Iz istorii russkoi literatury XVIII veka. Opyt statisticheskikh nablyudenij* [From the history of 18th century Russian literature. An experience in statistics]. Saint-Petersburg.
48. Small A. (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago.
49. Smekalina V.V. (2013). Schweizarskij poet i uchenyj Albreht fon Galler [Swiss poet and scientist Albrecht von Haller]. In *Novaja i novejschaja istorija*, 6.
50. Smith D. (2006). *Rabota nad dikim kamnem: masonskii orden i russkoe obschestvo v XVIII v.* [Working the rough stone: masonic order and Russian society in 18th century]. Moscow.
51. Taranovsky S.F. (1904) *Politicheckaja doktrina v nakaze imp. Ekateriny II* [Political doctrine in the Instruction of Catherine II]. In *Sbornik statei po istorii prava, posvjaschennyi M.F. Vladimirskomu-Budanovu* [A collection of papers in history of law in honor of M.F. Vladimirski-Budanov]. Kiev.

52. Wagner R.E. (2012). The Cameralists: Fertile Sources for a New Science of Public Finance. In *Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics*. New York.
53. Wakefield A. (2009). *The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice*. Chicago.
54. Wirtschafter E. (2003). *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb.
55. Yusim M.A. (2011). Makiavelli. Moral, politika, fortuna. Etika Makiavelli. Makiavelli v Rossii [Machiavelli. Morals, politics, fortune. Ethics of Machiavelli. Machiavelli in Russia]. Moscow.
56. Zaiceva A.A. (1978) Knigopechatanie v Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv. [Book printing. In Russia on the edge of 18th and 19th centuries]. In *Kniga v Rossii do serediny XIX veka* [Book in Russia until the mid – 19th century]. Leningrad: Nauka.
57. Zubkov K.I. (2013). Cameralizm kak model vzaimodeistvija gosudarstva i obschestva: novoe prochtenie [Cameralism as a model for interaction of state and society: a new approach]. In *Uralsky istorichesky vestnik*, 3/40.

Chapter 2

1. Alekseeva E.V., Redin D.A., Rey M.-P. (2016). "Europeizacija", "westernizacija" i mehanizmy adaptacii zapadnyh novovvedenii v Rossii imperskogo perioda ["Europeanization", 'westernization' and the mechanisms of adaptation of Western innovations in Imperial Russia]. In *Voprosy istorii*, 6.
2. Andreev A.Yu. (2005). Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Russian student in the German universities in 18th – 1st half of 19th centuries]. Moscow.
3. Anisimov E.V. (1989). *Vremja petrovskih reform* [The era of Petrine reforms]. Leningrad.
4. Bagger H. (1999). Reformy Petra Velikogo v Rossii [Reforms of Peter the Great in Russia]. In *Car Petr I korol Karl: dva pravitelja i ih narody* [Car Peter and king Charles: two rulers and their peoples]. Moscow.
5. Beljakova E.V. (2006). K voprosu o pervom izdanii Kormchei knigi [To the problem of first issue of Kormchaja kniga]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*, 1.
6. Beljakova E.V. (2011). Izdanie Kormchei knigi i problema smeny kulturnoi orientacii [Publication of Kormchaja kniga and the problem of change of cultural orientation]. In *Rossiiskaja istorija*, 4.
7. Berman G.J. (1998). Zapadnaja tradicija prava: epoha formirovanija [Western tradition of law: epoch of forming]. Moscow.

8. Bobyne G.E. (1989). Uchenie N. G. Milesku Spafarija o chetyrech monarhijah [N.G. Milesku Spafarij's idea of four monarchies]. In N.G. Milesku Spafarij – uchenyi, myslitel, gosudarstvennyi dejatel [N.G. Milesku Spafarij – scholar, thinker, statesman]. Kishinev.
9. Bykova T.A. (1958) Knigoizdatelskaja dejatel'nost' Ilji Kopievskogo i Jana Tesinga [Publishing activities of Ilja Kopievsky and Jan Tesing]. In Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillicej. 1689 – janvar 1725 g. Moscow; Leningrad.
10. Chernaya L.A. (1989) Ot idei 'sluzhenija gosudarju' k idee 'sluzhenija Otechestvu' v russkoi obschestvennoi mysli vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v. [From the idea of 'service for the prince' to the idea of 'service to the Fatherland' in Russian public thought of 2nd half of 17th – early 18th century]. In Obschestvennaja mysl: issledovanija i publikacii [Public thought: studies and publications]. Vol. 1. Moscow.
11. Chistjakova E.V., Bogdanov A.P. (1988). 'Da budet potomkam javleno...' Ocherki o russkikh istorikaj i ih trudah ['May it be revealed to the descendants...' Essays on Russian historians and their works]. Moscow.
12. Cracraft J. (1981) Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei?. In Slavic Review, 40/2.
13. Dianova T.V. (1998). Filigrani XVII-XVIII vv. «Gerb goroda Amsterdama». Moscow.
14. Ditjatin I.I. (1895). Statji po istorii russkogo prava [Articles on history of Russian law]. Saint-Petersburg.
15. Gerje V.I. (1871). Leibniz i ego vek [Leibniz and his age]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
16. Gistorija Sveiskoi voiny (Podennaja zapiska Petra Velikogo) [History of Swedish war (Daily notes of Peter the Great)]. (2004). Vol. 1–2. Moscow.
17. Golikov I.I. (1839). Dejanija Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelja Rossii, sobrannye iz dostovernih istochnikov i raspolozhennye po godam [Deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from the reliable sources and situated by years]. Vol. 9. Moscow.
18. Golikov I.I. (1839). Dejanija Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelja Rossii, sobrannye iz dostovernih istochnikov i raspolozhennye po godam [Deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from the reliable sources and situated by years]. Vol. 11. Moscow.
19. Gourwitch G.D. (1915) 'Pravda voli monarshei' Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki ['Pravda voli monarshei' of Feofan Prokopovich and its Western sources]. Yuryev.
20. Gradova B.A., Kloss B.M., Koretsky V.I. (1979). K istorii arkhangel'skoi biblioteki D.M. Golitzyna [To the history of Arkhangel'skoe library of D.M. Golitzyn]. In Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god. Moscow. P. 238–239.

21. Kamensky A.B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: reforms in 18th century Russia (an experience of a total analysis)]. Moscow.
22. Kamensky A.B. (2006). *Rosija v XVIII veke* [Russia in 18th century]. Moscow.
23. Kiselev M.A. (2012). *Pravda i zakon vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII veka: ot monarha-sudji k monarhu-zakonodatelju* [Justice and law in the 2nd half of 17th – 1st quarter of 18th centuries: from monarch-judge to monarch-lawgiver]. In “*Ponjatija o Rossii*”: k istoricheskoj semantike imperskogo perioda [“Concepts about Russia”: historical semantics of the Imperial period]. Vol. 1. Moscow.
24. Klibanov A.I. (1996). *Duhovnaja kultura srednevekovoi Rusi* [Spritual culture of Medieval Russia]. Moscow.
25. Kopanev N.A. (1988). *Francuzskaja kniga i russkaja kultura v seredine XVIII v. (Iz istorii mezhdunarodnoi knigotorgovli)*. Leningrad.
26. Korzo M.A. (2014) *Katehiticheskie sochinenija Feofana Prokopovicha* [Catechism works of Feofan Prokopovich]. In *Slavjansky almanac 2013*. Moscow.
27. Kozlovsky I.P. (1913). *Pervye pochty i pervye pochtmesitery v Mosckovskom gosudarstve* [First posts and postal officials in Moscow state]. Vol. 1. Warsaw.
28. Krom M.M. (2005). *K ponimaniju moskovskoj ‘politiki’ XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoi monarhii* [Towards the understanding of the Muscovite ‘politics’ of 16th century: discourse and practice of Russian Medieval monarchy]. In *Odissey*, 2005.
29. Krom M.M. (2010). *‘Delo gosudarevo i zemskoe’: ponjatie obschego blaga v politicheskome diskurse Rossii XVI v.* [‘The princely and common affair’: concept of common good in the political discourse o 16th century Russia]. In *Soslovija, instituty i gosudarstvennaja vlast v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremja)* [Estates, institutes and state power in Russia (Middle Ages and Early Modern Time)]. Moscow.
30. Kruglov V.M. (2011). *Predislovie* [Predace]. In Pufendorf S. *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu: russky perevod 1726 goda* [The whole duty of man and citizen according to the law of nature: Russian translation of 1726]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
31. Kudrjantzev I.M. (1963). *‘Izdatelskaja’ dejatelnost Posolskogo prikaza (k istorii russkoi rukopisnoi knigi vo vtoroi polovine XVII veka)* [‘Publishing’ activity of Posolsky prikaz (the history of Russian handwritten book of the 2nd half of 17th century)]. In *Kniga: Issledovanija i materialy*, 8. Moscow.
32. Lappo-Danilevsky A.S. (1914) *Ideja gosudarstva i glavneischie momenty ee razvitiya v Rossii so vremeni smuty i do epochy preobrazovanij* [Idea of state and key moments of its development in Russia from Time of Troubles until the age of reforms]. In *Golos minuvshago*. 12.

33. Lappo-Danilevsky A.S. (2005) *Istorija politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obschim hodom razvitiya ee kultury i politiki* [History of political ideas of 18th century Russia in connection with its general cultural and political development]. Köln.
34. Lentin E. (1991) *Avtorstvo 'Pravdy voli monarshei': Feofan Prokopovich, Afanasy Kondoidi, Petr I* [Authorship of 'Pravda voli monarshei': Feofan Prokopovich, Afanasy Kondoidi, Peter I]. In *XVIII vek*, 21. Saint-Petersburg.
35. Luppov S.P. (1973). *Kniga v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka* [Book in Russia in the 1st quarter of 18th century]. Leningrad.
36. Lystsov V.P. (1951). *Persidskii pohod Petra I 1722–1723* [Persian campaign of Peter I 1722–1723]. Moscow.
37. Mylnikov A.S. (1974). *Russkie perevodchiki v prage. 1716–1721 gg.* [Russian translators in Prague. 1716–1721]. In *XVIII vek. Vol. 9*. Leningrad.
38. Nichik V.M. (1978). *Iz istorii otechestvennoi filosofii konca XVII – nachala XVIII v.* [From the history of Russian philosophy of the edge of 17th – 18th centuries]. Kiev.
39. Pavlenko N.I. (1973). *Petr I (k izucheniju socialno-politicheskikh vzgljadov)* [Peter I (the study of social and political views)]. In *Rossija v period reform Petra I* [Russia in the era of reforms of Peter I]. Moscow.
40. Pekarsky P.P. (1862). *Nauka i literature v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
41. Peterson C. (1979). *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception*. Stockholm.
42. Pogosyan E.A. (2001). *Petr I – arhitektor rossijskoi istorii* [Peter I – architector of Russian history]. Saint-Petersburg.
43. Polskoy S.V. (2002) *Politicheskie idei Dzhona Lokka v Rossii pervoi poloviny XVIII veka* [Political ideas of John Locke in Russia of 1st half of 18th century]. In *Filosofskij vek*, 19. Saint-Petersburg.
44. Prokopenko Ya.I. (2013). *'Politicheskii inzhener' Genrih fon Fik i fenomen reform Petra I* ['Political engineer' Genrih von Fick and the phenomenon of reforms of Peter I]. In *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)* [Phenomenon of reforms in the Western and Eastern Europe in the early Modern era (16th – 18th century)]. Saint-Petersburg.
45. Prosina A.B. (1969). *Apologija absolutizma v uchenii Feofana Prokopovicha o gosudarstve i prave* [Apology of absolutism in Feofan Prokopovich's teaching on state and law]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. "Pravo"*, 2.
46. Prosina A.B. (1969). *Teoreticheskoe obosnovanie F. Prokopovichem reform Petra I* [Theoretical justification of reforms of Peter I by F. Prokopovich]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. "Pravo"*, 6.

47. Raeff M. (2000) Reguljarnoe gosudarstvo i ponjatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podhoda k probleme [Regular state and concept of modernism in Europe of 17th – 18th centuries: attempt of comparative approach to the problem]. In Amerikanskaja rusistika [American Russian Studies]. Samara.
48. Redin D.A. (2012). Sibirskaja landratura: mesto vyatskikh landratov v structure gubernskogo upravlenija perioda pervoi oblastnoi reform Petra Velikogo [Siberian landratura: the role of Vyatka landrats in the structure of governorate administration of the era of first regional reform of Peter the Great]. In Izvestija Uralskogo federal'nogo univiersiteta. Ser. 2. Humanities, 3/105.
49. Reformy kak istoricheskoe ponjatie i kak fenomen rannego Novogo vremeni (iz diskussii) [Reforms as historical concepts and as phenomenon of early Modern era (from the discussion)] (2013). In Fenomen reform na zapade i vostoche Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) [Phenomenon of reforms in the west and the east of Europe in the early Modern age (16th – 18th centuries)]. Saint-Petersburg.
50. Runkevich S. (1906). Arhiepiskop Feofan (Prokopovich) v ego perepiske s Petrom Velikim [Archbishop Feofan Prokopovich in correspondence with Peter the Great]. In Strannik. January of 1906.
51. Sazonova L.I. (1995). Vostochnoslavjanskije akademii XVI–XVIII vv. v kontekste evropeiskoi akademicheskoj tradicii [East European academies of 16th – 18th centuries in the context of European academic tradition]. In Slavyanovedenie, 3.
52. Sazonova L.I. (1996) «Vertograd mnogotsvetny» Simeona Polockogo: istorija sozdanija, poetika, janr [«Vertograd mnogotsvetny» of Simeon Polocky: history of creation, poetics, genre]. In Simeon Polocky. Vertograd mnogotsvetnyi. Vol. 1. Köln.
53. Scattola M. (2003). Before and After Natural Law. Models of Natural Law in Ancient and Modern Times. In Early Modern Natural Law Theories. Contexts and Strategies in the Early Enlightenment. Dordrecht.
54. Schmitt C. (2006). Levifan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa [Leviathan in the Thomas Hobbes' teaching on state]. Saint-Petersburg.
55. Serov D.O. (2009) Sudebnaja reforma Petra I [Judicial reform of Peter I]. Moscow.
56. Sinitzyna N.V. (1965). Poslanie konstantinopolskogo patriarha Fotija knjazju Mihailu Bolgarskomu v spiskah XVI v. [Message of Constantinople Patriarch Photios to prince Michael of Bulgaria in manuscripts of 16th century]. In Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vol. 21. Moscow; Leningrad.
57. Soloviev S.M. (1993). Sochinenija [Works]. Vol. 17–18. Moscow.
58. Spektorsky EV. (2006). Problema socialnoi fiziki v XVII stoletii [Problem of social physics]. Vol. 2. Saint-Petersburg.

59. Troitsky S.M. (1974). Russky absolutism i dvorjanstvo v XVIII veke (formirovanie bjurokratii) [Russian absolutism and nobility in 18th century (formation of absolutism)]. Moscow.
60. Tsaturova S.K. (2012). Formirovanie instituta gosudarstvennoi sluzhby vo Francii XIII–XV vekov [Formation of the institute of state service in 13th – 15th century France]. Moscow.
61. Tuck R. (1987). The 'Modern' Theory of Natural Law. In *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Cambridge.
62. Ursul D.T. (1985). Nikolai Milesku Spafarii. Kishinev.
63. Valdenberg V.E. (1929). Ponjatie o tirane v drevnerusskoi literature v sravnenii s zapadnoi [The idea of tyrant in ancient Russian literature in comparison with the Western literature]// *Izvestija AN SSSR po russkomu jazyku i sloesnosti*. Vol. 2. Ch. 1.
64. Valdenberg V.E. (2006). Drevnerusskie uchenija o predelah carskoi vlasti: Ocherk russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svjatogo do konca XVII veka [Ancient Russian ideas on the limitations of royal power. An essay on Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of 17th century]. Moscow.
65. Verhovskoi P.V. (1916). Uchrezhdenie Duhovnoi collegii i Duhovny reglament [The establishment of Spiritual Collegium and the Spiritual reglament]. Vol. 1. Rostov-na-Donu.
66. Voskresensky N.A. (1945). Zakonodatelnye akty Petra I [Legislative acts of Peter I]. Vol. 1. Moscow; Leningrad.
67. Vostokov A.H. (1842). Opisanie russkih i slovenskih rukopisei Rumyantzevskogo muzeuma [Description of Russian and Slovenic manuscripts of Rumyantzev museum]. Saint-Petersburg.
68. Vulpius R. (2010). Vesternizacija Rossii i formirovanie civilizatorskoi missii v XVIII veke [Westernization of Russia and the formation of civilizing mission in 18th century]. In *Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossijskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: Role of transfers in the history of Russian Empire (1700–1917)]. Moscow.
69. Wortman R. (2004). Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoi monarii [Scenarios of power. Myths and ceremonies of Russian monarchy]. Vol. 1. Moscow.
70. Yusim M.A. (2011). Makiavelli. Moral, politika, fortuna. Etika Makiavelli. Makiavelli v Rossii [Machiavelli. Morals, politics, fortune. Ethics of Machiavelli. Machiavelli in Russia]. Moscow.
71. Zitcer E. (2008). Carstvo Preobrazhenija: Svjaschennaja parodija i carskaja harizma pri dvore Petra Velikogo [Tsardom of Transfiguration: Holy parody and royal charisma at the court of Peter the Great]. Moscow.

Chapter 3

1. Althusser L. (2005). *Lenin i filosofija* [Lenin and philosophy]. Moscow.
2. Andreev A.I. (1962). *Trudy V. N. Tatishcheva po istorii Rossii* [V.N. Tatishchev's works about history of Russia]. In Tatishchev V.N. *Istorija Rossijskaja*. Vol 1. Moscow; Leningrad.
3. Andriajnen S.V. (2006). 'Izobretenie vseobshhego dobra': ideologicheskie osnovanija dejatel'nosti grafa P.I. Shuvalova (1710–1762) [The invention of common good: the ideological foundation of activity of count P.I. Shuvalov (1710–1762)]. In *Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii. XVI–XX veka* [Historical concepts and political ideas in Russia. 16th – 20 th centuries]. Saint-Petersburg.
4. Artemeva T.V. (1996). *Istorija metafiziki v Rossii XVIII veka* [History of metaphysics in Russia of XVIII century]. Saint-Petersburg.
5. Astrahanskij V.S. (1981) *Katalog ekaterinburgskoj biblioteki V. N. Tatishcheva 1737 g.* [Yekaterinburg catalog of V.N. Tatishchev's library in 1737]. In *Pamjatniki kultury. Novye otkrytija. Pismennost. Iskustvo. Arheologija: Ezhegodnik 1980*. Leningrad.
6. Berelowitch W. (2002). *Aleksej Jakovlevich Polenov v Strasburge (1762–1766): rozhdenie intellektuala* [Alexey Yakovlevich Polenov in Strasbourg (1762–1766): the birth of an intellectual]. In *Otnoshenija mezhdru Rossiej i Franciej v evropejskom kontekste (v XVII–XX vv.)*. *Istorija nauki i mezhdunarodnye svjazi* [Relations between Russia and France in European context (17th – 20th centuries). History of science and international relations]. Moscow.
7. Berelowitch W. (1993). *La France dans le 'Grand Tour' des Nobles Russes au Cours de la Seconde Moitié du XVIIIe siècle*. In *Cahiers du monde russe et soviétique*, 34/1–2.
8. Berelowitch W. (2004). *Obrazovatelnye strategii russkikh aristokratov. Vospitanie sirot Golitzynih (1782–1790)* [Educational strategies of Russian aristocrats. Education of Golitzyn orphans (1782–1790)]. In *Evropejskoe Prosveshhenie i civilizacija Rossii* [European Enlightenment and civilization of Russia]. Moscow.
9. Bourdieu P. (2005). *Sociology of social space*. Saint-Petersburg.
10. Bugrov K. (2016). *Religious Legitimation of Monarchy in 18th century Russia*. In *European Journal of Science and Theology*, 12/4.
11. Butler W.E. (1990). *F.G. Strube de Piermont and the Origins of Russian Legal History*. In *Russia in the Age of the Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga*. London.
12. Feofanov A.M. (2013). *Studenty Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII – pervoj chetverti XIX veka: Biobibliograficheskij slovar* [Students of the Moscow

- university of the second half of XVIII – the first quarter of the XIX century: Bibliographic dictionary]. Moscow.
13. Fundaminskij M.I. (1980). Biblioteka kabinet-sekretarja I. Eichlera [Library of Cabinet Secretary J. Eichler]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XVI–XIX vekah* [Book production in Russia in 16th – 19th centuries]. Leningrad.
 14. Gerje V.I. (1871). *Leibniz i ego vek* [Leibniz and his age]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
 15. Grabar V.E. (2005). *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [The history of international law in Russia, 1647–1917]. Moscow.
 16. Gradova B.A., Kloss B.M., Koretsky V.I. (1979). *K istorii arkhangel'skoi biblioteki D.M. Golitzyna* [To the history of Arkhangelskoe library of D.M. Golitzyn]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god*. Moscow.
 17. Hoteev P.I. (1989). *Kniga v Rossii v seredine XVIII veka. Chastnye knizhnye sobranija* [Book in Russia in the middle of the 18th century. Private book collections]. Leningrad.
 18. Kamenskij A.B. (1984). *Neizvestnye tatishhevskie dokumenty v 'portfeljah G.F. Millera' TsGADA* [Unknown Tatishchev's documents in 'G. F. Miller's portfolios' in TsGADA]. In *Issledovanija po istochnikovedeniju istorii SSSR dooktjabr'skogo perioda* [Studies in sources of history of USSR of pre-October period]. Moscow.
 19. Kapustin M.N. (1855). *Dilteĵ, Filipp Genriĵ* [Dilthey, Philipp Heinrich]. In *Biograficheskij slovar professorov i prepodavatelej Imperatorskago Moskovskago universiteta. Part I*. Moscow.
 20. Kiselev M.A. (2014). *Kak kolonizirujut istoriju. Recenzija: Etkind A. Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii. M., 2013* [How history is being colonized. Rew.: Etkind A. Internal colonization: Russia's imperial experience. M., 2013]. In *Istoricheskaja jekspertiza*, 1.
 21. Klepikov S.A. (1978). *Filigrani na bumage russkogo proizvodstva XVIII – nachala XX veka* [Watermark on the paper of the Russian production of the 18th – early 20th century]. Moscow.
 22. Kollman N.Sh. (2016). *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia]. Moscow.
 23. Kopanev N.A. (1990) *Knigi imperatricy Elizavety Petrovny* [Books of Empress Elizabeth]. In *Kniga v Rossii XVI – serediny XIX v.* [Book in Russia of 16th – mid-19th centuries]. Leningrad.
 24. Korotkov S.N. (1994). *Gazette de Saint-Petersbourg: izdateli i chitateli francuzskoj gazety v Rossii* [Gazette de Saint-Petersbourg: publishers and readers of French newspapers in Russia]. In *Peterburgskie chtenija*. Saint-Petersburg.
 25. Kruglov V.M. (2003). *Russkij rukopisnyj perevod 1720-h godov vtorogo traktata o pravlennii Dzhona Lokka* [Russian handwritten translation of the 1720s of Second

- Treatise of government by John Locke]. In *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka*, 62/5.
26. Kuljabko E.S. (1977). *Zamechatelnye pitomcy Akademicheskogo universiteta* [Prominent students of the Academic university]. Leningrad.
27. Lappo-Danilevsky A.S. (1914). *Ideja gosudarstva i glavneischie momenty ee razvitiya v Rossii so vremeni smuty i do epochy preobrazovanij* [Idea of state and key moments of its development in Russia from Time of Troubles until the age of reforms]. In *Golos minuvshago*, 12.
28. Lappo-Danilevsky A.S. (2005). *Istorija politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obschim hodom razvitiya ee kultury i politiki* [History of political ideas of 18th century Russia in connection with its general cultural and political development]. Köln.
29. Larina Ja. (2015). *Osmyslenie roli obrazovanija v gosudarstvennom stroitel'stve: proekty Genriha Fika pervoj chetverti XVIII veka* [Reflecting on the role of education in state-building: Henrich Fick's projects of first quarter of the 18th century]. In *'Reguljarnaja akademija uchrezhdena budet...': Obrazovatelnye proekty v Rossii v pervoj polovine XVIII veka* ['A regular academy to be established...': Educational projects in Russia in 1st half of 18th century]. Moscow.
30. Luppov S.P. (1976) *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremja (1725–1740)* [Book in Russia in post-Petrine age (1725–1740)]. Leningrad.
31. Mishenkova M.V., Shhedrova I.V. (2000). *Iogann Albreht Korf* [Johann Albrecht Korff]. In *Vo glave pervenstvujushhego uchenogo soslovija Rossii. Ocherki zhizni i dejatelnosti prezidentov Imperatorskoj Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk. 1725–1917 gg.* [At the head of leading scholarly body of Russia. Essays on the life of presidents of Saint-Petersburg Academy of Sciences]. Saint-Petersburg.
32. Modzalevskij L.B. (1947). *Sobesednik Voltera B. M. Saltykov i dva ego novyh pis'ma 1760–1761 gg.* (Po materialam Arhiva Akademii Nauk SSSR) [Voltaire's interlocutor B.M. Saltykov and his two new letters of 1760–1761 (According to the papers of the Archive of the Academy of sciences of the USSR)]. In *Volter. Stati i materialy* [Voltaire. Papers and materials]. Leningrad.
33. Modzalevskij L.B. (2011). *M.V. Lomonosov i ego literaturnye otnoshenija v Akademii nauk: Iz istorii russkoj literatury i prosveshhenija serediny XVIII v.* [M.V. Lomonosov and his literary relations in the Academy of sciences: From the history of Russian literature and education in the middle of the XVIII century]. Saint-Petersburg.
34. Nikolaev S.I. (1988). *Ob atributsii perevodnyh pamjatnikov petrovskoj jepohi* [About attribution of translated texts of Petrin epoch]. In *Russkaja literature*, 1.
35. Pekarskij P.P. (1860). *Baron Gjujsen, ucheno-literaturnyj agent russkago pravitelstva v nachale XVIII stoletija* [Baron Hüysen, literary agent of Russian government at the beginning of the XVIII century]. In *Otechestvennye zapiski*, 139.

36. Pekarskij P.P. (1870). *Istorija Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of sciences in St.-Petersburg.]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
37. Pekarskij P.P. (1873). *Istorija Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of sciences in St.-Petersburg.]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
38. Petruhintsev N.N. (2007). Stanovlenie Kadetskogo korpusa pri Anne Ioannovne 1731–1740 gg. [The formation of the Cadet Corps in the rein of Anna Ivanovna in 1731–1740]. In *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha*. Vol. 37. Saint-Petersburg.
39. Plavinskaja N.Ju. (1993). Perevody sochinenij Monteskie v Rossii v XVIII v. [Translations of works of Montesquieu in Russia in the XVIII century]. In *Kultura epohi Prosveshhenija* [Culture in the age of Enlightenment]. Moscow.
40. Polskoj S.V. (2010) 'Na raznye chiny razdeljaja svoj narod...': zakonodatel'noe zakreplenie soslovnogo statusa russkogo dvorjanstva v seredine XVIII veka ['Dividing Their People into Different Estates...': Legal fixation of the Russian nobility's estate status in the mid-18th century]. In *Cahiers du Monde Russe*, 51/2–3.
41. Polskoj S.V. (2006). 'Razsuzhdenie o pravlenii gosudarstvennom' V.N. Tatishcheva i dvorjanskoe politicheskoe dvizhenie 1730 goda [V.N. Tatishchev's 'Discourse on government' and political movement of nobility in 1730]. In *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 8/3.
42. Radvorskij M.I. (1959). *Antioh Kantemir i Peterburgskaja Akademiya nauk* [Antioch Kantemir and Petersburg Academy of sciences]. Moscow; Leningrad.
43. Rosso C. (1978). Introduction. In *Strube de Piermont F. H. Lettres Russiennes suivies des Notes de Catherine II*. Pisa.
44. Rosso C. (1980). *Mythe de l'Égalité et Rayonnement des Lumières*. Pisa.
45. Rozhdestvenskij S.V. (1912). Ocherki po istorii sistem narodnago prosveshhenija v Rossii v XVIII–XIX vekah [Essays on history of public education systems in Russia in 18th – 19th centuries]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
46. Rubinshtejn N.L. (1951). Ulozhennaja komissija 1754–1766 gg. i ee proekt novogo Ulozhenija 'O sostojanii poddannyh voobshhe' (K istorii socialnoj politiki 50-h – nachala 60-h godov XVIII v.) [Legislative commission of 1754–1766 and its project of a new Code 'On the state of subjects in general' (To the history of social policy in 50-ies and the beginning of 60-ies of the XVIII century)]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 38. Moscow.
47. Schmitt C. (2000). *Politicheskaja teologija* [Political theology]. Moscow.
48. Serov D.O. (2012). 'U sochinenija Ulozhen'ja rossijskogo s shveckim byt...': Ulozhennaja komissija 1720 goda i ee trudy ['To work on The Code of the Russian laws with The Code of Swedish laws ...': the Legislative commission of 1720 and its activities]. In *Instituty gosudarstva i prava v ih istoricheskom razvitii* [Institutes of state and law in their historical development]. Moscow.

49. Shamraj D.D. (1958). K istorii cenzurnogo rezhima Ekateriny II [On the history of the censorship regime of Catherine II]. In XVIII vek, 3. Moscow; Leningrad.
50. Shefer A. (1880). Imperatrica Elizaveta Petrovna v 1760–1761 gg. [Empress Elizabeth in 1760–1761]. In Russkaja starina, 28. Saint-Petersburg.
51. Shevyrev S.P. (1855). Istorija imperatorskago Moskovskago universiteta. 1755–1855. [History of the Imperial Moscow University. 1755–1855]. Moscow.
52. Smagina G.I. (2007). Sankt-Peterburgskaja Akademija nauk i prosveshhenie v Rossii XVIII veka: obrazovanie i rasprostranenie znaniy. Diss. ... dokt. ist. nauk [St. Petersburg Academy of sciences and education in Russia XVIII century: education and dissemination of knowledge. PhD. thesis]. Saint-Petersburg.
53. Smagina G.I. (2009). Akademik G. F. Miller i ego 'Proekt Reglamenta Akademicheskogo universiteta' (1748) [Academician G. F. Miller and his 'Project of Regulations for Academic university' (1748)]. In 'Byt russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju'. Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Centralnoj i Vostočnoj Evropy XVIII – nachala XX v. ['To be Russian in spirit and European in education'. Universities of Russian Empire in the educational space of Central and Eastern Europe of 18th – early 19th centuries]. Moscow.
54. Soloviev S.M. (1872). Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from the earliest times]. Vol. 22. Moscow.
55. Sorel A. (1892) Evropa i Francuzskaja revoljucija [Europe and the French revolution]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
56. Spektorsky E.V. (2006). Problema socialnoi fiziki v XVII stoletii [Problem of social physics in the 18th century]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
57. Valk S.N. (1979) O sostave izdanija [About structure of the book]. In Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedenija. Leningrad.
58. Vasilchikov A.A. (1880). Semejstvo Razumovskih [Razumovsky's family]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
59. Verhovskoi P.V. (1916). Uchrezhdenie Duhovnoi collegii i Duhovny reglament [The establishment of Spiritual Collegium and the Spiritual reglament]. Vol. 1. Rostov-on-Don.
60. Vishnevskij D. (1903). Kievskaja akademija v pervoj polovine XVIII stoletija [Kievan Academy in the 1st half of the 18th century]. Kiev.
61. Volmer A. (2000). Presse und Frankophonie im 18. Jahrhundert: Studien zur französischsprachigen Presse in Thüringen, Kursachsen und Rußland. Leipzig.
62. Zaozerskij A.I. (1947). Aleksandr Romanovich Vorontsov. K istorii byta i nraov XVIII v. [Alexander Romanovich Vorontsov. To the history of everyday life and customs of the XVIII century]. In Istoricheskie zapiski, 23. Moscow.

63. Zhuchkov V.A. (2001). *Metafizika Volfa i ee mesto v istorii filosofii Novogo vremeni* [Metaphysics of Wolff and its place in history of modern philosophy]. In *Hristian Volf i filosofija v Rossii* [Christian Wolff and philosophy in Russia]. Saint-Petersburg.

Chapter 4

1. Bugrov D. V. (2006). 'Nadezhda' v Antarktide: zagadki Ofirskoi utopii knjazja M.M. Shcherbatova ['Nadezhda' in the Antarctic: riddles of Ofirian utopia of prince M.M. Shcherbatov]. In *Izvestija Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2. Humanities, 47/12.
2. Bugrov K.D. (2012). Les institutions d'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita Panin (1760–1780). In *Cahiers du monde Russe*, 53/4.
3. Bugrov K.D. (2015). Monarhija i reform. Politicheskie vzglyady N.I. Panina [Monarchy and reforms. Political views of N.I. Panin]. Ekaterinburg.
4. Dainotto R. (2000). A South with a View: Europe and Its Other. In *Nepantla: Views from South*, 1/2.
5. Ferratti M. (1999). 'Pisma Ernesta i Doravry' F. Emina i 'Yulija, ili Novaja Eloiza' J.-J. Rousseau: podraznanie ili samostojatelnoe proizvedenie? ['Letters of Ernest and Doravra' of F. Emin and 'Julie, or the New Heloise' of J.-J. Rousseau: imitation or autonomous work?]. In *XVIII vek*, 21. Saint-Petersburg.
6. Galai Yu.G. (2012). Rossiiskoe zakonodatelstvo XVIII – XIX vekov o roskoshi [Russian legislation of 18th – 19th centuries on luxury]. In *Yuridicheskaja nauka i praktika*, 17.
7. Hont I. (2008). The early Enlightenment debate on commerce and luxury. In *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge.
8. Hont I. (2010). Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge; London.
9. Howse R. (2006). Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace. In *Brooklyn Journal of International Law*, 31.
10. Ivanova Yu.V., Sokolov P.V. (2014). Krome Makiavelli: problema metoda v politicheskikh naukah rannego Noogo vremeni [Beside Machiavelli: the problem of method in the political science of Early Modern age]. Moscow.
11. Kharkhordin O. (2011). Osnovnye ponjatija rossiiskoi politiki [Main concepts of Russian politics]. Moscow.
12. Lappo-Danilevsky A. (1897). *Sobranie i svod zakonov Rossiiskoi imperii, sostavlennye v carstvovanie imperatricy Ekateriny II* [Code of laws collected in the reign of Catherine II]. Saint-Petersburg.
13. Lodyzhensky K.N. (1886). *Istorija russkogo tamozhennogo tarifa* [History of Russian customs tariff]. Saint-Petersburg.

14. Medushevsky A.N. (2005). *Teorija konstitutsionnyh cikov* [Theory of constitutional cycles]. Moscow.
15. Olesen B.K. (2013). Entangled Positions: from Comparative and Transnational History to Histories of Possible Meaning. In *Zeitenblicke*, 12/1.
16. Omelchenko O.A. (1993). 'Zakonnaja monarhija' Ekateriny II. Prosveschennyi absolutism v Rossii ['Legal monarchy' of Catherine II. Enlightened absolutism in Russia]. Moscow.
17. Pocock J.G.A. (1975). *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Pinceton.
18. Polskoy S.V. (2002). Filopatris i Fenelon (K voprosu ob istokah politicheskikh vzgliadov knjazja M. M. Shcherbatova) [Philopatris and Fenelon (The problem of genesis of the political ideas of prince M. M. Shcherbatov)]. In *Evolucija konservatizma: evropeiskaja tradicija i russki opyt* [Evolution of conservatism: European tradition and Russian experience]. Samara.
19. Polskoy S.V. (2010). Mezhdru 'samoderzhaviev' i 'samovlastiem': 'monarshicheskoe pravlenie' v russkom politicheskom leksikone XVIII v. [Between 'autocracy' and 'despoty': 'monarchical rule' in Russian political lexicon of 18th century]. In *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost*, 11. Ekaterinburg.
20. Polskoy S.V. (2011). Dvorjansky konstitucionalizm v Rossii XVIII – nachala XIX vv. [Constitutionalism of nobility in 18th – early 19th century Russia]. In *Voprosy istorii*, 6.
21. Raef M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. In *The American Historical Review*, 80/5.
22. Said E. (1975). *Orientalism*. London.
23. Shklar J. (1987). *Montesquieu*. Oxford.
24. Shumigorsky E. S. (1907). *Imperator Pavel I. Zhizn i carstvovanie* [Emperor Pavel I. Life and reign]. Saint-Petersburg.
25. Susato R. (2006). Hume's Nuanced Defense of Luxury. In *Hume Studies*, 32/1.
26. Tamm D. (2008). The Danish Debate about Montesquieu: Holberg, Kofod Ancher, Sneedorff, Schytte and Stampe. In *Northern Antiquities and National Identity: Perceptions of Denmark and the North in the Eighteenth Century*. Viborg.
27. Timofeev D.V. (2011). 'Konstitutsija' v Rossii pervoi chetverti XIX veka: poisk orientirov politicheskogo razvitiia ['Constitution' in Russia in the 1st quarter of 19th century: search for the vectors of political development]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 216/1.
28. Troicky S.M. (1982). *Rossija v XVIII veke* [Russia in the 18th century]. Moscow.

29. Venturi F. (1963). Oriental Despotism. In *Journal of the History of Ideas*, 1963, 24/1.
30. Vile M.J.C. (1998). *Constitutionalism and the Separation of Powers*. Indianapolis.
31. Whittaker C. (2003). *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Russian Rulers and Writers in Political Dialogue*. DeKalb.
32. Whittaker C. (1992) *The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia* // In *Slavic Review*. Vol. 51. № 1 (Spring, 1992).
33. Wirtschafter E. (2003). *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (К.Д. Бугров, М.А. Киселев)	5
---	---

Глава 1. Царство забытых бестселлеров: издание переводной морально-политической литературы в России XVIII в. (К.Д. Бугров)

§ 1. Популярныe авторы и основные тренды	13
§ 2. Жанры и массивы переводной литературы	27

Глава 2. Первые шаги *естественного права* в России и реформы Петра I (М.А. Киселев)

§ 1. Богословие и <i>естественное право</i> в России во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.	57
§ 2. Петр I и <i>естественное право</i>	82
§ 3. Политическое богословие Петра I	109

Глава 3. Из *академии* в политику: *естественное право* в России от Петра I к Петру III (М.А. Киселев)

§ 1. <i>Естественное право</i> и образование (1700–1750-е гг.)	121
§ 2. Ф.Г. Штрубе де Пирмонт и <i>естественное право</i> в России середины XVIII в.	146
§ 3. <i>Естественное право</i> и политика в России в середине XVIII в.	171
§ 4. <i>Естественное право</i> , власть и ее границы	189

Глава 4. Ход маятника: *добродетель* и *роскошь* в российской политической мысли (К.Д. Бугров)

§ 1. От Монтескье – к Фенелону: форма правления, деспотизм и добродетель	207
§ 2. Российский Салент: коммерция, коррупция и <i>роскошь</i>	235
§ 3. От Фенелона – к Монтескье: новая экономика, <i>роскошь</i> и прогресс ..	257

Послесловие (К.Д. Бугров, М.А. Киселев)	271
---	-----

ИСТОЧНИКИ

Неизвестный автор. «Предисловие» к переводу «Тестамент политической или духовная светская кардинала дюка де Ришелио, первого министра французского при короле Люи Третьем на десять» (1725)	276
Комментарий (К.Д. Бугров)	287

<i>П.М. Софонов.</i> Предисловие к переводам «Авертиментов, аведиментов учтивых и концептов политических...»	
<i>Ф. Гвиччардини, Дж.Ф. Лоттини и Ф. Сансовино</i> (1730)	290
Комментарий (<i>М.А. Киселев</i>)	292
<i>К.А. Кондратович.</i> Предисловие к переводу «Антониевы Далевы Полиатра (правителя) Гарлемейского о оракулах (прорицаниях и ответах Богов) древних язычников. Диссертации (разглагольствия) две» (1738)	298
Комментарий (<i>М.А. Киселев</i>)	300
<i>М.М. Щербатов.</i> «Предисловие к читателю» к переводу трактата Цицерона «О должностях» (1757)	308
Комментарий (<i>К.Д. Бугров, М.А. Киселев</i>)	309
<i>М.М. Щербатов.</i> «Предисловие» к переводу «Наставлении для совести короля, сочиненные для научения Людовика Французского, герцога Бургонского, господином Франциском Салиниак Деламот Фенелон, архиепископом герцогом Камбрейским, его учителем» (1758)	313
Комментарий (<i>К.Д. Бугров, М.А. Киселев</i>)	314
<i>Неизвестный автор.</i> Предисловие к переводу П. де Рибаденейры «Tratado de la religión y virtudes» [XVIII в.]	316
Комментарий (<i>К.Д. Бугров</i>)	320
<i>Ф.Г. Штрубе де Пирмонт.</i> Краткое руководство к Российским правам [1755]. [Избранные фрагменты]	322
Комментарий (<i>М.А. Киселев</i>)	339
<i>Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.</i> Российския (или Русские) письма. На французском изданы 1760, а со онаго на российской язык переведены 1761 года	342
Комментарий (<i>К.Д. Бугров, М.А. Киселев</i>)	408

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиография	417
Основные работы авторов монографии	435
Указатель имен	440
Список сокращений	448
SUMMARY & BIBLIOGRAPHY	450

Научное издание

**Бугров Константин Дмитриевич
Киселев Михаил Александрович**

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ДОБРОДЕТЕЛЬ:

Интеграция европейского влияния
в российскую политическую культуру XVIII века

Редактор Е.С. Зашихин

Корректор Я.С. Тагильская

Макет А.И. Попов

Ответственная за выпуск Н.А. Юдина

*В оформлении обложки использован фрагмент картины Луизы Эрсан
«Louis XV rend visite a Pierre le Grand a l'hotel de Lesdiguieres. 10 mai 1717»
(1840 г.), хранящейся в Музее французской истории (Версаль)*

Подписано в печать 29.12.2016.

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PF Bulletin.

Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 300 экз.

Заказ № 460

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Университетское издательство
620017, Екатеринбург, ул. Вали Котика, 13, под. 1а

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7(343)389-94-76, 350-90-13

Факс: +7(343)358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

www.print.urfu.ru

Бугров Константин Дмитриевич

Кандидат исторических наук (2010), старший научный сотрудник лаборатории эдичионной археографии Уральского федерального университета. Доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Ученый секретарь журнала *Quaestio Rossica*.

Сфера научных интересов – отечественная общественно-политическая мысль XVIII–XX вв., российско-европейский интеллектуальный трансфер, конструктивистская архитектура XX в.

Киселев Михаил Александрович

Кандидат исторических наук (2010), старший научный сотрудник лаборатории эдичионной археографии Уральского федерального университета. Доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Сфера научных интересов – государственное управление России XVIII в., история российского дворянства, российская общественно-политическая мысль XVI–XIX вв., советская историческая наука.